

63.3(Ysbp)52

377

9(M)3 | 63.31 Уфр/52
8-77 | Фриде Луи
История
французской революции
1848г. и второй республики

99407

2,56

24/11

14/11

99407

м/д

р.д

ЛУИ ЭРИТЬЕ.

63.8 (4/10) 352

Э-77

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ 1848 Г. И ВТОРОЙ
РЕСПУБЛИКИ.

99407

Переводъ съ нѣмецкаго ГИНЗБУРГА

1907

ИЗДАНИЕ
НОВЫЙ

Сент. 1907

складъ
при книгоиздательствѣ
„НОВЫЙ МІРЬ“.

1950

(P)

19 7.

ИСТОРИЯ ФРАНКОВСКОГО
ПОРТОВЪ - ВАШИМЪ ПОСРЕДСТВОМЪ
ИЗДАВАННЫМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Двло», Фонтанка, 96.

1907.

О г л а в л е н і е.

Введеніе. Народъ и буржуазія при реставраціи и буржуазномъ королевствѣ. 1814—1848 г.

Глава I.—Буржуазія и феодальное королевство. 1814—1830 гг.

СТР.

Классовыя противорѣчія между буржуазіей и народомъ. Развитие крупной буржуазіи при имперіи. Ея корыстолюбіе при паденіи Наполеона. Мѣропріятія сената. Талейранъ и Людовикъ XVIII. Конституція 1814 г. Ханжество Людовика XVIII. Первый Парижскій миръ и Вѣнскій конгрессъ. Военная революція ста дней. Вступленіе союзниковъ въ Парижъ. Суровыя условія мира. Парижъ обогащается на счетъ обобранной страны. Мстительность роялистовъ. Политическіе процессы. Казнь маршала Нея. Бѣлый терроръ въ южной Франціи. Убіиство маршала Брюна. Казнь братьевъ Фоше. Вѣдственное положеніе народа изъ-за дороговизны 1817 г., хлѣбныя бунты и сословные суды. Парламентская борьба съ 1817 по 1820 г. Убіиство герцога Беррійскаго. Ультра-реакціонное законодательство. Конгрегация и миссіи. Неудавшійся военный заговоръ. М-те дю Кайля. «Рыцари свободы» и союз карбонарисвъ. Неудачныя попытки къ возстанію 1821 и 1822 г. Казнь четырехъ сержантовъ въ Ла-Рошелли. Выборы 1824 г. Смерть Людовика XVIII. Законъ противъ святотатства. Милліарды эмигрантовъ. Коронованіе Карла X. Злоупотребленія конгрегации. Распущеніе палаты депутатовъ. Новые выборы, побѣда конституціонной оппозиціи. Безпорядки въ Парижѣ. Частая смѣна министровъ. Призваніе кн. Польняка въ августѣ 1829 г. Тронная рѣчь 2-го марта 1830 г. Отвѣтныи адресъ палаты депутатовъ. Ордонансы 26-го іюля 1830 г.

1

Глава II.—Іюльская революція.

Классовыя противорѣчія и положеніе буржуазіи. Лаффитъ. Политическій индиферентизмъ народа. Биржевики и г-нъ Талейранъ. Вліяніе ордонансовъ. Нерѣшительность депутатовъ. Казимиръ Перье. Буржуазія подстрекаетъ народъ. Маршалъ Мармонъ. 27-го іюля: наборщики и печатники кладутъ начало революціи. Примѣръ законнаго сопротивленія. Безцѣльныя собранія

депутатовъ. Стычка между войсками и народомъ. Развертывается трехцѣтное знамя. Политехническая школа готовится къ бою. Организация возстанія въ ночь съ 27-го на 28-е іюля. 28-го іюля: Политехническая школа вооружается. Диктатура маршала Мармона. Араго и делегація отъ депутатовъ у Мармона. Депутація сообщаетъ о неудачномъ исходѣ ихъ посреднической попытки. Планъ дѣйствій маршала. Маршированіе войскъ черезъ бульвары по направленію къ Бастильской площади. Сраженія на улицѣ С.-Антуана. Войска оказались запертыми на улицѣ С.-Дени, ихъ освобождаютъ швейцарскіе наемники. Новыя собранія депутатовъ. Войска очищаютъ вполночь ратушу. Слѣпая самонадѣянность Карла X. 29-го іюля: Прокламація маршала Мармона. Мнимый генералъ Дюбуръ. Битвы на лѣвомъ берегу Соны. Взятіе Лувра и Тюльери. Отпаденіе двухъ линейныхъ полковъ. Разумная предусмотрительность Талейрана. Дюпенъ старшій воодушевляется. Парижъ подъ господствомъ мнимой власти. Панка въ домѣ Лаффита. Лафайетъ въ ратушѣ. Учрежденіе муниципальной комиссіи. Эксплуатація народной побѣды буржуазіей. Орлеанскія прокламаціи и агитація въ народѣ. Побѣдоносные орлеанисты организуютъ народное движеніе противъ республиканцевъ. Урокъ для народа

Глава III. Интриги изъ-за вакантнаго престола.

Карль X спохватывается очень поздно. Пэры фонъ-Аргу, графъ Семонвиль и баронъ Витроль въ качествѣ посредниковъ въ С.-Клу. Назначеніе герцога Мортмартскаго премьеръ-министромъ. Переговоры на счетъ избранія короля. Прокламація герцога Орлеанскаго. Поѣздка герцога Орлеанскаго въ ратушу. Герцогъ Орлеанскій—генералъ штатгалтеръ. Тьеръ и живописецъ Ари Шефферъ въ качествѣ посредниковъ въ Нейли. Отѣздъ королевской фамиліи изъ С.-Клубъ въ Рамбулье. Презрительное обращеніе герцога Орлеанскаго съ посломъ Карла X. Шествіе парижанъ въ Рамбулье. Карль X уѣзжаетъ и королевская чета садится на корабль въ Шербургѣ. Парижане привозятъ коронные брилліанты обратно въ Парижъ въ государственныхъ каретахъ. Избраніе герцога Орлеанскаго королемъ Франціи. Луи-Филиппъ присягаетъ въ вѣрности конституціи. Достопамятные факты изъ исторіи Орлеанской фамиліи и новаго французскаго короля.

Глава IV. Буржуазный король и его правительство.

Бѣдственное положеніе народа. Реорганизация національной гвардіи. Убіенство принца Кондэ. Ненасытная жадность буржуазнаго короля. Процессъ министровъ Карла X. Устраненіе Лафайета. Пронски легитимистовъ; опустошеніе церкви St. Germain l'Auxerrois и архіепископскаго дворца. Распушеніе палаты, отставка Лаффита. Казимиръ Перье объявляетъ революціи безпощадную войну. Судебная побѣда республиканской оппозиціи. «Порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ». Политика «золотой середины». Возстаніе въ Люиѣ 1831 г. Похороны ген. Ламарка,

сраженія на улицахъ Парижа въ 1832 г. Процессъ и распущеніе «Общества друзей народа». Заговоръ герцогини Беррійской. Общество «правъ человѣка». Законъ о союзахъ 25-го марта 1834 г. Второе возстаніе въ Лионѣ въ 1834 г. Возстаніе въ Парижѣ, бойня на улицѣ Транснонэзъ. Процессы о государственной измѣнѣ 1835 и 1836 г. Покушеніе Фески. Сентябрьскіе законы. Реакціонное министерство и его законодательная дѣятельность. Тайные союзы «Семейство» и «Времена года». Варбесъ и Бланки. Возстаніе 12-го мая 1839 г. Вѣдственное положеніе трудящихся классовъ. Экономическій бытъ Франціи въ эпоху буржуазной монархіи. Расивѣтъ промышленности и коммерческихъ предпріятій. Спекуляціонная горячка въ области желѣзнодорожнаго строительства. Смерть герцога Орлеанскаго, наслѣдника престола. Кризисъ и голодъ 1847 г. Подкупъ и продажность въ «правовомъ государствѣ». Хищенія въ военномъ и морскомъ министерствахъ. Процессъ Теста-Кюбьера. Убіеніе герцогини Шуазель-Прасленъ.

69

Глава V. Соціализмъ въ эпоху буржуазной монархіи.

Проекты преобразованія существующаго общественнаго порядка. Бабефъ и заговоръ равныхъ. Буонаротти и демократическіе карбонаріи. С.-Симонъ и с.-симонисты. Соціальная рабочая поэзія. Фурье и фурьеристы. Викторъ Консидеранъ. Кабе и путешествіе въ Икарію. Переселеніе икарійцевъ. Луи Бланъ и организація труда. Прудонъ и его ученіе. Соціальная теорія философа Пьера Леру. Ламеннэ и релігіозный коммунизмъ. Бюше и его христіанско-соціальное міровоззрѣніе. Бюше и идея рабочихъ ассоціацій. «Atelier», первая рабочая газета. Отраженіе соціалистическихъ теченій въ художественной литературѣ. Жоржъ Зандъ. Евгеній Сю. Беранже. Альфредъ де Мюссе. Моръ Пэнси. Феликсъ Піа. Компетентное мнѣніе объ утопическомъ соціализмѣ.

110

Вторая республика.

1848—1852 гг.

ГЛАВА I. Повременная пресса. Партіи. Парламентская оппозиція. Рѣшеніе оппозиціи соединиться съ народомъ. Законопроектъ Дювержье-де-Оранъ. Банкетная кампанія. Ламартинъ въ Маконѣ, Делеклюзъ и Ледрю-Ролленъ въ Лионѣ. Пародныя движенія въ Польшѣ, Италіи и Швейцаріи.

131

ГЛАВА II. Король открываетъ засѣданіе палаты. Вызовъ, брошенный оппозиціи. Методы борьбы оппозиціи. Дебаты по поводу адреса. Подкупъ, покрываемый правительствомъ. Токвиль предсказываетъ соціальную революцію. Отмѣна права собраній. Запрещеніе собранія въ 12-мъ парижскомъ округѣ. Вечеръ наканунѣ боя.

142

- предмѣстьи Пуассоньеръ. Генераль Ламорисьеръ. Château d'Eu. Какимъ образомъ возбуждаютъ ярость войска. Умѣренность и великодушнѣе инсургентовъ. Битва около ратуши. Взятіе Пантеона; избіеніе плѣнныхъ; ужасный вечеръ. 333
- ГЛАВА XIX. Упорное сопротивленіе народа начинается пугать реакціонеровъ. Прокламація Кавеньяка и декретъ національнаго собранія. Движеніе впередъ ген. Бреа. Его возытка заключить миръ. Его смерть. Народъ теряетъ въ концѣ концовъ лѣвый берегъ Сены. Бой на правомъ берегу. Двѣ баррикады, описанныя Викторомъ Гюго. Сраженія въ окрестностяхъ ратуши. На Бастильской площади. Clos St. Lazare. Ламеннэ возвышаетъ свой голосъ. Инсургенты, окруженные со всѣхъ сторонъ непріателемъ, идутъ на встрѣчу своей гибели. 340
- ГЛАВА XX. Обреченные на гибель повстанцы удваиваютъ свою энергію. Предъ предмѣстьемъ St. Antoine. Попытка капитуляціи. Кавеньякъ хочетъ кровопролитія. Взятіе предмѣстья Temple. На Бастильской площади опять загорается бой. Паденіе. Предмѣстье St. Antoine побѣждено. Послѣдняя битва. Бой прекращается, бойня продолжается. Разстрѣливаютъ повсюду. Ужасныя сцены въ подвалахъ Тюльери и ратуши. Неслыханно гнусныя поступки. Народъ будетъ о нихъ помнить. 348
- ГЛАВА XXI. Конецъ революціоннаго періода. Диктатура Кавеньяка. Видъ столицы послѣ боя. Ужасъ инсургентовъ. Похороны юнскихъ жертвъ. Успѣхи реакціи. Производительныя товарищества. Подарокъ въ 3 милліона. Прудонъ—страшилице. Его взгляды на социальныя реформы. Его предложеніе въ національномъ собраніи. Тьеръ торжествуетъ. Война, объявленная социализму. Антисоціалистическія брошюры. Всѣ болѣе или менѣе прогрессивныя элементы цѣпляются за социализмъ. 355
- ГЛАВА XXII. Слѣдственная комиссія. Угрозы по адресу Ледрю-Роллена, Луи Блана и Коссидьера. Докладъ слѣдственной комиссіи, сдѣланный Квентенъ Бошаромъ. Обвинительный актъ. Переговоры. Депутаты Луи Бланъ и Коссидьеръ въ качествѣ обвиняемыхъ. Чрезвычайный ростъ социалистическаго движенія. Монтаньяры хотятъ, повидимому, съ нимъ соединиться. Общая программа. С.-д. партія. Банкетъ. Конституція французской республики. Право на трудъ. Миѣніе К. Маркса о конституціи второй республики. Торжественное провозглашеніе конституціи. 369
- ГЛАВА XXIII. Европейская революція также терпитъ пораженіе, какъ и французская. Успѣхи итальянскаго возстанія. Съ согласія Карла Альберта его провозглашаютъ королемъ Верхней Италіи. Раденскій побѣдоносно прорывается впередъ и мѣшаетъ заключенію перемирія. Карлъ Альбертъ, разбитый при Кустоцѣ и Вольтѣ, бѣжитъ черезъ Миланъ въ Туринъ. Перемиріе и конецъ возстанія. Венеціанская республика ищетъ помощи у французовъ. Жалкая роль Кавеньяка. Национальное движеніе въ папской области. Убійство графа Палегрино Росси. Побѣда революціи въ Римѣ. Бѣгство папы въ Гаету. Смѣшная роль Кавеньяка. Начало большаго преступленія. 378
- ГЛАВА XXIV. Начинается президентская избирательная борьба. Кандидаты. Кавеньякъ противъ Бонапарта. Побѣда Бонапарта. Его присяга. Новое министерство. Начало враждебныхъ дѣйствій между

парламентскими дѣятелями и президентомъ. Требуютъ распущенія національнаго собранія. Движеніе въ пользу борьбы съ реакціей. 386

ГЛАВА XXV. Процессъ 15-го мая. Обвиняемые въ качествѣ обвинителей. Поведеніе Бланки. Жалкая роль Барбеса. Итальянскія дѣла. Въ Римѣ объявлена республика. Правительство готовится вмѣшаться. Вотированіе кредита для экспедиціи. Ген. Удино въ Civitá Vecchia. Нападеніе на Римъ. Мадзини и Гарибальди. Французская армія терпитъ пораженіе съ большими потерями. Возрастающее возмущеніе въ Парижѣ. Событія въ національномъ собраніи. Миссія дипломатическаго агента Лессенса 396

ГЛАВА XXVI. Приготовленія къ избирательной кампаніи. Антисоціалистическіе летучіе листки. С.-д.-скій избирательный комитетъ и его программа. Избирательная агитація въ казармѣ. Избирательныя волненія. Результатъ выборовъ. Конецъ учредительнаго національнаго собранія. Открытіе законодательнаго собранія. Итальянскія дѣла. Какъ прошла и кончилась миссія Лессенса. Второе нападеніе Удино на Римъ. Осада Венеціи австрійцами. Возбужденіе въ Парижѣ. С.-д-тія объясняетъ, что конституція нарушена. Ледрю-Ролленъ предлагаетъ отдать подъ судъ президента и его министровъ. Его угроза призвать къ оружію. Его предложеніе отклоняется. Парижскому повстанческому движенію не хватаетъ рѣшимости. Вечеръ 12-го іюня 406

ГЛАВА XXVII. Утромъ 13-го іюня. Воззваніе въ газетахъ. Враждебная демонстрація. Индифферентизмъ народа. Шангарные разгоняетъ манифестантовъ. Призывъ къ оружію. Ледрю-Ролленъ и часть «Горы» отправляются въ Conservatoire des Arts-et-Metiers. Артиллерія и національная гвардія. Возстаніе подавляется. Уничтоженіе с.-д. типографій. Неудачная попытка къ возстанію въ провинціи. Разнузданность реакціи. Запрещеніе газетъ. Осадное положеніе. Временный законъ о клубахъ. Законъ о печати 27-го іюля. Отсрочка засѣданій законодательнаго собранія. Путешествіе Бонапарта. Гибель римской республики. Смерть Лавирона. Капитуляція Венеціи. Хозяинчанье кардиналовъ въ Римѣ. Письмо Бонапарта къ Эдгару Нею. Мерзости въ Римѣ продолжаютъ. Законодательное собраніе вотируетъ добавочные кредиты для римской экспедиціи и вдвою пенсію для герцогини Орлеанской. 415

ГЛАВА XXVIII. Непарламентское министерство. Полицейскій префектъ Карлье. Процессъ 13-го іюня 1849 г. Налогъ на вино и законъ о преподаваніи. Карлье при исполненіи своихъ обязанностей. Дополнительные выборы 10-го марта и 28-го апрѣля 1850 г. Законы противъ с.-д-тии. Избирательный законъ 31-го мая 1850 г. Бонапартъ требуетъ денегъ. Безстыдство Елисейскихъ листовъ. Отсрочка засѣданій національнаго собранія съ 11-го августа на 11-ое ноября 1850 г. Постоянная комиссія. Интриги орлеанистовъ и легитимистовъ. Путешествія Бонапарта. Общество 10-го декабря. Смотръ войскамъ при С. Морѣ и Саторп. Смѣщеніе ген. Неймайера. Дѣло Иона. Возобновленіе засѣданій національнаго собранія. Непроизводительная парламентская работа въ ноябрѣ и декабрѣ. Партизанская борьба между національнымъ собраніемъ и правительствомъ. Кому должна повиноваться армія? Бонапартъ требуетъ смѣщенія Шангарные. Частичный министерскій кризисъ: возстановленіе кабинета 10-го января 1851 г. Отставка Шангарные и дѣленіе его власти. Национальное собраніе выражаетъ

ВВЕДЕНИЕ. Народъ и буржуазія при реставраціи и буржуазномъ королевствѣ. 1814—1848 г.

I.

Буржуазія и феодальное королевство. 1814—1830 г.

Революціи, хотя бы только политическаго характера, не дѣлаются въ одинъ день. Если начать считать революцію со дня перваго насильственнаго взрыва, то не будутъ понятны не только ея историческія основанія и идейное содержаніе, но и весь величественный ходъ ея. Возстаніе есть ничто иное, какъ электрической разрядъ долго сдерживаемаго, вызваннаго вошющими злоупотребленіями, народнаго гнѣва. Прорвавшееся наружу народное возмущеніе доходитъ до открытаго сопротивленія не рѣдко лишь послѣ сотни лѣтъ страданій и гнета. Кто хочетъ понять революцію, тотъ долженъ изслѣдовать ея причины; лишь имѣя предъ собою историческія событія въ цѣломъ и картину хозяйственной жизни, можно открыть естественный ходъ ея развитія.

Это тѣмъ болѣе необходимо при изученіи февральской революціи 1848 г., такъ какъ здѣсь въ первый разъ въ исторіи новаго времени сознательной цѣлью борющагося пролетаріата было политическое и социальное равенство имущихъ и немущихъ классовъ. Между тѣмъ, во всѣхъ прежнихъ возстаніяхъ широкая масса рабочихъ дѣйствовала подъ вліяніемъ смутныхъ, безсознательныхъ побужденій, которыя только затемняли ея собственную цѣль. Поэтому послѣ достигнутой побѣды она довѣрчиво и добровольно впрягалась въ триумфальную колесницу буржуазіи, ея естественнаго врага и временнаго союзника.

Въ революціонномъ движеніи Франціи необходимо различать два теченія, которыя сходились только въ томъ, что возставали противъ принципа абсолютистской и феодальной власти. Одно—шло въ пользу буржуазіи и ея принципа свободной конкуренціи съ 1789 по 1830 г. Другое—борьба пролетаріата, народа въ истинномъ смыслѣ этого слова, съ девизомъ равенства и братства,—до 1848 г. ограничивалось лишь однѣми попытками къ возстанію. Въ февральскіе дни оба класса сра-

жались рядомъ, но послѣ достигнутой побѣды самостоятельныя требованія пролетаріата настолько опять обострили естественныя классовыя противорѣчія, что классовая борьба стала неизбежною *).

Исторію февральской революціи можно прослѣдить съ 1791 года, когда побѣдоносная буржуазія въ лицѣ своего предателя, національнаго собранія, издала декретъ, запрещавшій всякаго рода рабочія ассоціаціи. Это было чувствительнымъ ударомъ для рабочаго класса, который къ этому времени началъ организовываться, понявъ, наконецъ, что причина его слабости кроется въ его разрозненности. Пеносредственно за этимъ декретомъ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ мѣропріятій, направленныхъ къ тому, чтобы на долгое время удержать народъ въ зависимости отъ буржуазіи. Въ маѣ 1795 г. спекулянты и хлѣбные ростовщики искусственно вызвали голодъ въ странѣ. Несчастный, доведенный до отчаянія, народъ поднялся, но возстаніе было подавлено силой. Для жестокой расправы съ бунтовщиками были учреждены военныя комиссіи, которыя дали возможность буржуазіи насытить свою жажду мести: были осуждены «послѣдніе монтаньяры» (члены партіи Горы), народныя вожди, еще участившіе послѣ прежнихъ кровавыхъ судовъ.

Съ этихъ поръ трудящаяся масса впадала въ состояніе латергии, отъ которой проснувшись лишь спустя 35 лѣтъ. Равнодушно смотрѣли онѣ на всѣ измѣненія въ государственной

*) Быть можетъ, не лишнимъ будетъ здѣсь напомнить о томъ, что выраженія «пролетаріатъ» и «пролетаріи» относятся исключительно къ классу наемныхъ рабочихъ; тогда какъ подъ «народомъ», въ противоположность буржуазіи, нужно понимать всю массу не капиталистическихъ и непривилегированныхъ классовъ. Такимъ образомъ, къ народу въ этомъ смыслѣ принадлежатъ, кромѣ наемныхъ рабочихъ, также мелкіе ремесленники, мелкіе промышленники и мелкіе крестьяне, а также масса лицъ безъ опредѣленныхъ профессій, которыхъ нельзя причислить ни къ одной изъ этихъ категорій, хотя они ведутъ почти такой же образъ жизни и переносятъ такія же страданія. «Буржуазія»—это классъ современныхъ вадѣющихъ капиталомъ предпринимателей въ промышленномъ, торговомъ и финансовомъ мирѣ. Исторически онъ является носителемъ либеральныхъ идей. Это выраженіе нерѣдко употребляется и въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ здѣсь приведено, именно для обозначенія небольшого слоя крупныхъ промышленниковъ и финансовой аристократіи. Въ этой книгѣ это будетъ встрѣчаться въ обоихъ указанныхъ смыслахъ, на что слѣдуетъ обратить особенное вниманіе, потому что политическіе интересы денежной аристократіи не всегда совпадаютъ съ интересами широкой массы буржуазіи. То же самое относится и къ словамъ «народъ», «пролетаріатъ», которыя во всей литературѣ, относящейся къ разсматриваемой эпохѣ, совершенно произвольно смѣшались другъ съ другомъ.

жизни, которая совершила правительство за этот промежуток времени. Идеаль свободы, за который въ революціонные 1789—1793 годы народъ проливалъ свою кровь, долженъ былъ ступенчатъ передъ обманчивымъ призракомъ славы. Французскій народъ, который во время революціи далъ Европѣ свободныя учрежденія, при имперіи сталъ бичемъ народовъ.

Однако буржуазія недолго наслаждалась своей самодержавной властью. На первый планъ, въ связи съ проведенной при имперіи централизаціей власти, выдвинулась парижская крупная буржуазія. Помимо сравнительно небольшого круга столичныхъ крупныхъ промышленниковъ и финансовой аристократіи, ей пришлось раздѣлить свою власть съ новой общественной силой, которая съ паденіемъ римскаго преторіанства исчезла изъ исторіи Западной Европы, но опять была выведена на всемірно-историческую сцену усиліями корениканскаго завоевателя, Наполеона Бонапарта. Эта новая общественная сила—милитаризмъ, ужасная социальная болѣзнь 19-го столѣтія. Непосредственнымъ результатомъ было то, что съ паденіемъ военнаго деспотизма Наполеона и возстановленіемъ легитимистскаго королевства Бурбонновъ, снова возгорѣлась давнишняя борьба генеральныхъ штатовъ и парламентовъ съ короной, только въ иной плоскости, по другимъ причинамъ и съ другою оцѣнкой достигнутыхъ успѣховъ. Власть буржуазіи коренилась въ условіяхъ существующаго общественнаго строя. Чтобы укрѣпить свое вліяніе въ странѣ, буржуазія старалась захватить въ свои руки власть въ парламентѣ. Когда же она добилась этого, то она стремилась сдѣлать парламентъ сувереннымъ (самодержавнымъ), не уничтожая однако короны, которая нужна была ей лишь, какъ простая декорация. Но для этого необходимо было подавить во всѣхъ его проявленіяхъ укоренившійся въ старой монархіи принципъ наследственной монархіи (власти Божьей милостью).

Парижская буржуазія, благодаря росту промышленности, начиная съ 1791 г., значительно измѣнилась по своему характеру. Изъ рабочихъ вышло безчисленное множество мелкихъ мастеровъ; изъ послѣднихъ выдвинулись фабриканты, изъ которыхъ нѣкоторымъ, какъ, на примѣръ, поселившемуся во Франціи швабу Оберкамифу, особенно повезло, и эти сдѣлались крупными мануфактуристами.

Но мѣръ того, какъ увеличивалось значеніе и вліяніе Парижа, естественно росло его торговое сословіе. Непрерывныя наполеоновскія войны требовали массу денегъ, увеличить подати и налоги было невозможно и приходилось прибѣгать къ чрезвычайнымъ сборамъ. Въ виду того, что военная контрибу-

ція съ побѣжденныхъ народовъ поступала въ казначейство только по окончаніи войны, то правительство могло покрывать свои дефициты только путемъ займовъ у банкировъ, крупныхъ торговцевъ и поставщиковъ арміи, словомъ—черезъ посредство крупныхъ капиталистовъ. Само собой разумѣется, что прямымъ слѣдствіемъ этой финансовой системы, при которой буржуазія могла диктовать свои условія правительству, было большое накопленіе крупныхъ капиталовъ и ростъ безумныхъ спекуляцій и разныхъ дутыхъ предиріятій. Жажда наживы, эта характерная черта капитализма, овладѣла всей буржуазіей и погоня за богатствомъ охватила все ея помыслы. Золотому тельцу она принесла въ жертву все идеальныя блага человечества, все нематеріальныя завоеванія революціи.

Но и тогда кое кѣмъ овладѣвало боязливое предчувствіе, что грандіозное зданіе, воздвигнутое ненасытнымъ, мятущимся отъ одного предиріятія къ другому, императоромъ, покоится на шаткомъ основаніи, что подобное господство, идущее въ разрѣзъ съ внутренней логикой событій, есть ничто иное, какъ случайный, скоропреходящій миражъ, лишенный прочности и постоянства. Наполеонъ самъ говаривалъ неоднократно, что онъ рабъ своей судьбы. Онъ полагалъ, что его власть покоится на вѣрѣ народовъ въ его несокрушимую мощь, въ его «престижъ». Такъ и случилось. Въ тотъ самый моментъ, когда колебалась вѣра въ его ненобѣдность, безнадежно рухнуло все воздвигнутое имъ величественное зданіе. Нигдѣ, даже среди преторіанцевъ своей арміи, не выработалъ онъ крѣпкой, истинной преданности къ себѣ, и первые, кто покинули его, были его генералы и маршалы. Рабочіе были безсильны и ничего не могли сдѣлать: для Наполеона они были простыми механическими орудіями, единственная цѣль которыхъ состояла въ томъ, чтобы увеличивать пресловутое національное богатство, т. е. богатство буржуазіи. А покровительствуемая и могущественная буржуазія, которая была въ силахъ сдѣлать все, выразила ему свою благодарность такъ, какъ и подобаешь буржуазіи. Когда онъ взывалъ къ ея патриотизму и, по примѣру 1792 г., хотѣлъ организовать героическое сопротивленіе противъ вторженія европейскихъ войскъ, буржуазія сохранила ледяное спокойствіе и почти безъ выстрѣла сдала союзникамъ Парижъ въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ былъ только на разстояніи двухъ переходовъ отъ столицы. Напрасно народъ изъ предмѣстій, который считалъ это оскорбленіемъ своей національной чести, громко призывалъ къ оружію. Напрасно за деснота, чья звѣзда такъ неожиданно закатилась, готовились бороться и умереть люди, покрытые лохмотьями, несмотря на то, что онъ

отъ всей души презиралъ и боялся ихъ, люди, которымъ въ сущности даже нечего было защищать. Въ совѣтъ финансовой аристократіи, рацѣеровъ, домовладѣльцевъ, крупныхъ торговцевъ и адвокатовъ было рѣшено иное. Какое дѣло вліятельной буржуазіи до униженія страны, если это сулило ей продолжительный миръ, открытіе запертыхъ гаваней, расширеніе торговли, расцвѣтъ промышленности. Для капиталистовъ достаточнымъ удовлетвореніемъ за временное униженіе была надежда на барыши при заключеніи государственныхъ займовъ. И вотъ банкиры, мануфактуристы, крупныя коммерсанты, землевладѣльцы и домовладѣльцы раскрыли свои объятія союзникамъ при вступленіи ихъ въ Парижъ 31-го марта 1814 года.

Ярко рисуется тогдашнее положеніе вещей поведеніе сената. Учрежденный конституціей VIII г. (1800 г.), послушный и рабобѣнный при Наполеонѣ, онъ напелъ этотъ моментъ подходящимъ для того, чтобы захватить въ свои руки власть. 1-го апрѣля онъ постановилъ назначить изъ своей среды временное правительство съ хитрымъ Талейраномъ во главѣ. На слѣдующій день онъ низложилъ Наполеона, а 6-го апрѣля отъ имени французскаго народа и якобы по его свободному выбору призвалъ во Францію Бурбоновъ. Одновременно онъ опубликовалъ составленную Талейраномъ конституцію, которой буржуазіи предоставлены были очень ограниченныя права; за сенаторами же не только сохранялись пожизненно ихъ должности и жалованье, но должны были переходить по наслѣдству. Тронъ только тогда долженъ былъ остаться за королемъ, если онъ предварительно присягнетъ въ вѣрности этой конституціи.

Будущій король Людовикъ XVIII, старшій изъ братьевъ казеннаго Людовика XVI, отказался признать выработанную сенатомъ конституцію и принять изъ его рукъ корону. Онъ считалъ себя королемъ по праву рожденія, а не въ силу постановленія сената. Только угроза солидарнаго съ Талейраномъ русскаго императора Александра, господствовавшаго тогда надъ Европой, не впустить его въ Парижъ могла сломить его упорство. Такимъ образомъ, 4-го іюня 1814 г. Талейрановскій проектъ конституціи былъ провозглашенъ въ торжественномъ засѣданіи палаты, какъ дарованная королемъ основа французскаго законодательства. Присутствующіе сенаторы, отнынѣ уже нѣры, и уполномоченные отъ палаты депутаты принесли присягу новой конституціи, несмотря на то, что большинство едва успѣло бѣгло прочесть ее.

Эта конституція, такъ называемая «хартія», заключала въ себѣ всѣ элементы для будущей 15-ти лѣтней борьбы между

монархіей и буржуазіей. Широкия массы народа равнодушно смотрѣли на эту борьбу, о нихъ эта конституція позаботилась такъ же мало, какъ и предыдущія; онѣ остались политически совершенно безправными. Королю было предоставлено право назначать пожизненныхъ и наследственныхъ пэровъ въ какомъ угодно количествѣ и по личному усмотрѣнію. Правомъ быть избраннымъ обладали лица, платившія минимумъ 1000 франковъ въ годъ прямыхъ налоговъ; избирательное право распространялось на лицъ, платившихъ не менѣе 300 франковъ. Особой статьей депутатамъ запрещалось вносить какія-либо поправки въ правительственные законопроекты, если на то не было предварительно соглашенія короля. Это означало не что иное, какъ возникновеніе абсолютной монархіи подъ конституціонными формами.

Вскорѣ обнаружилась еще особенная причина, вовлекшая буржуазію въ борьбу съ монархіей. Однимъ изъ первыхъ законовъ, который былъ предложенъ палатамъ, касался находившихся еще въ рукахъ государства имуществъ эмигрантовъ, стоимостью около 200 милліоновъ франковъ, конфискованныхъ согласно постановленію законодательнаго собранія 1791 г. При этомъ рѣчь шла, главнымъ образомъ, объ оставшихся непроданными крупныхъ имѣнійхъ королевскихъ принцевъ, особенно *принца Конда* и *Луи-Филиппа, герцога Орлеанскаго*. Возвращеніе этихъ «національныхъ имуществъ» ихъ первоначальнымъ владѣльцамъ не встрѣтило въ палатахъ никакого сопротивленія. Это очень обезпечило буржуазію, особенно мотивировка, приданная этому закону правительствомъ. Въ ней была подчеркнута обязанность націи и желаніе короля, *поскольку позволятъ обстоятельства*, исправить зло, несправедливо причиненное эмигрантамъ продажей ихъ имуществъ. Это заявленіе привело въ крайнее замѣшательство какъ лицъ, купившихъ національныя имуществва, такъ и ихъ дѣтей и вообще законныхъ наследниковъ. Многія буржуазныя семьи почувствовали, что ихъ долготѣнному владѣнію угрожаетъ опасность, и это сильно вооружило ихъ противъ новой монархіи.

Правительство дѣлало одну ошибку за другой. Его попытка возстановить первоначальное могущество католической церкви вызвала презрительныя насмѣшки со стороны свободомыслящаго поколѣнія, выросшаго при республикѣ и имперіи *).

*) Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы еще Наполеономъ, который уже въ 1801 г. заключилъ конкордаты съ папой. Но борьба по вопросу о главенствѣ церкви надъ государствомъ и противодѣйствіе папы стремленіямъ Наполеона сдѣлать церковь

Особымъ декретомъ на имя епископовъ Людовикъ XVIII приписать проявленныя въ послѣднее время «благодѣянія» (!) особой милости Божьей Матери и опять возстановить провозглашенное Людовикомъ XIII покровительство дѣвы Маріи надъ всею Франціей. Съ удивленіемъ однажды увидѣлъ Парижъ торжественную процессію, въ центрѣ которой находилась фигура реставрированной покровительницы, окруженная дворомъ и вышними сановниками, несшими зажженные свѣчи. Въ то время, какъ въ народѣ постепенно возрастало недовольство правленіемъ Людовика XVIII, образовалось нѣсколько тайныхъ заговоровъ съ нѣкоторыми генералами и вышними сановниками во главѣ. Цѣли ихъ хотя были различны, но они все сознавали необходимость измѣнить современную правительственную систему. Одни ограничивались тѣмъ, что хотѣли заставить Людовика XVIII согласиться на либеральную политику; другіе уже тогда имѣли въ виду возвести на престолъ герцога Луи-Филиппа Орлеанскаго; третьи, наконецъ, намѣревались призвать опять Наполеона, какъ регента или императора.

30-го мая 1814 г. былъ заключенъ между Франціей и «союзниками» мирный договоръ, согласно которому Франція была введена въ границы, существовавшія до 1-го января 1792 г. Въ остальномъ условія были довольно мягкія, такъ что послѣ подписанія договора Талейранъ вручилъ изъ государственнаго казначейства представителямъ державъ: Австріи—Меттерниху, Пруссіи—Гарденбергу, Англии—Кэстлри, Россіи—Иессельроде, каждому по миллиону франковъ, остальнымъ уполномоченнымъ по 500,000—600,000 франковъ. Въ сентябрѣ того же года собрался въ Вѣнѣ конгрессъ, состоявшій изъ представителей Франціи и 4 союзныхъ великихъ державъ, а также изъ уполномоченныхъ тѣхъ государствъ, которыя участвовали въ войнѣ противъ Наполеона: Швеціи, Испаніи, Португаліи и др. Конгрессъ долженъ былъ окончательно вырѣшить нѣкоторые спорные и невыясненные пункты, главнымъ образомъ, требованія Россіи и Пруссіи относительно расширенія ихъ территорій. Пруссія требовала для себя все Саксонское королевство, Россія—великое герцогство Варшавское; Австрія была противъ такого расширенія владѣній своихъ сосѣдей и она нашла себѣ поддержку въ Англии и Франціи. Эти разногласія настолько

орудіемъ своей политики помѣшали расцвѣту католицизма при имперіи. Разница между Наполеономъ и Людовикомъ заключалась въ томъ, что для Бурбоновъ церковь была спасеніемъ, для Наполеона же она была простымъ орудіемъ его правительственнаго механизма.

обострились, что грозили свести на нѣтъ все дѣло конгресса. Только благодаря ловкости Талейрана и Кэстльри удалось въ послѣдніе дни февраля 1815 г. путемъ взаимныхъ уступокъ возстановить трогательное согласіе. Пруссія удовлетворилась большей частью Саксоніи; Россія также отказалась отъ нѣкоторыхъ своихъ притязаній. Въ благодарность за оказанныя услуги Талейранъ получилъ милліонъ отъ саксонскаго короля.

Сосланный на островъ Эльбу Наполеонъ былъ хорошо осведомленъ обо всемъ, происходившемъ въ Парижѣ и Вѣнѣ, о возрастающемъ неудовольствіи противъ Людовика XVIII и о расколѣ между великими державами. Ослабленіе союза его смертельныхъ враговъ вселило въ него надежду найти союзниковъ, если ему удастся при помощи своихъ приверженцевъ въ войскѣ и въ народѣ захватить въ свои руки власть. 26-го февраля, еще раньше, чѣмъ до него дошло извѣстіе о состоявшемся въ Вѣнѣ соглашеніи, онъ отплылъ въ Порто-Феррайо на 4 маленькихъ судахъ съ оставшимися ему вѣрными генералами Камброномъ, Бертраномъ, Друо и отрядомъ въ 900 чел. 1-го марта онъ высадился на французскомъ берегу въ Каннахъ. Войска, вызванныя противъ него, перешли на его сторону, и уже вечеромъ 20-го мая онъ завладѣлъ Тюльерійскимъ дворцомъ, изъ котораго наканунѣ едва успѣлъ выѣхать Людовикъ XVIII. Возстановленіе имперіи совершилось путемъ военной революціи. Простые солдаты, унтеръ-офицеры и подпоручики помогли возвращенію Наполеона въ Парижъ. Пріемъ же, оказанный Наполеону столь обязанной ему французской буржуазіей, былъ настолько холодный, что онъ былъ вынужденъ искать опоры въ низшихъ слояхъ населенія. Онъ посѣщалъ предмѣстья, заходилъ въ мастерскія и добился того, что рабочее населеніе предмѣстій, которое большей частью страдало отъ безработицы, массами предлагало ему свои услуги. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ призвалъ къ себѣ Карно, который съ недовѣріемъ относился къ рабочимъ массамъ. Послѣдній реорганизовалъ національную гвардію, поставивъ подъ знамена всѣхъ гражданъ отъ 20 до 60 лѣтъ, способныхъ носить оружіе. Карно полагалъ, что онъ будетъ въ состояніи, считая и войска, преобразованныя самимъ Наполеономъ, черезъ нѣсколько времени выставить противъ враговъ Франціи армію въ 900,000 чел. Поэтому Наполеонъ отказался отъ помощи, предложенной ему воинственно настроенными рабочими предмѣстій. Но все-таки онъ сдѣлалъ имъ смотръ на Марсовомъ полѣ и обѣщался выдать имъ оружіе. На смотръ явилось отъ 30 до 40 тысячъ одѣтыхъ въ лохмотья пролетаріевъ, что живо напомнило Наполеону о временахъ великой революціи. По возвращеніи въ Тюльери, онъ сказалъ графу Моле: «Если бъ я зналъ, что мнѣ

придется такъ низко опуститься, я бы остался на островѣ Эльбѣ». Обѣщаннаго же оружія предметъ *не* получили.

Союзники выступили въ походъ гораздо скорѣе, чѣмъ это предполагалъ Наполеонъ и Карно. Наполеонъ могъ выставить только армію въ 120,000 челов. противъ быстро наступавшихъ союзныхъ силъ: пруссаковъ подъ начальствомъ Блюхера, англичанъ подъ начальствомъ Веллингтона и нидерландцевъ. 16-го іюня онъ разбилъ Блюхера при Липьи, но не могъ помѣшать соединенно пруссаковъ съ англичанами при Ватерлоо. 18-го іюня вечеромъ онъ тамъ былъ разбитъ на голову. Пораженіе было настолько полное, что привело къ беспорядочному бѣгству. Да и самъ Наполеонъ былъ вынужденъ искать спасенія за стѣнами Парижа.

Черезъ 3 дня въ Парижѣ распространился темный слухъ о пораженіи при Ватерлоо, который немедленно подтвердился появленіемъ въ столицѣ самого императора. Тотчасъ же собралась палата депутатовъ, парламентская представительница буржуазіи. Ея руководитель, извѣстный «герой стараго и новаго свѣта», Лафайетъ, который, благодаря плѣну у австрійцевъ, уцѣлѣлъ отъ бурь революціи и ножа гильотины, взошелъ на ораторскую трибуну и внесъ слѣдующее предложеніе: 1) палата объявляетъ, что независимость французскаго народа находится въ опасности, 2) палата объявляетъ себя постоянной и несмѣняемой. Всякая попытка распустить ее будетъ считаться серьезнымъ государственнымъ преступленіемъ. Всякій, покусившійся на это, объявляется измѣнникомъ отечества. Тѣмъ временемъ нужно созвать національную гвардію «для защиты свободы, собственности, общественного порядка и неприкосновенности народныхъ представителей». Это предложеніе было принято палатой почти безъ дебатовъ и возраженій.

На слѣдующій день палата сдѣлала еще одинъ шагъ. Она потребовала добровольнаго отреченія императора и дала ему 1 часъ на размышленіе. Передъ Елисейскимъ дворцомъ Бурбоновъ, гдѣ поселился Наполеонъ, съ ранняго утра толпились тысячи пролетаріевъ и требовали оружія. Онъ могъ бы еще броситься въ объятія народа, но у него не хватило рѣшимости на этотъ шагъ. Онъ подчинился требованіямъ буржуазіи и отрекся въ пользу своего сына, получившаго титулъ Наполеона II, императора французовъ. Назначенное палатами временное правительство съ пресловутымъ Фуше во главѣ, подъ названіемъ «исполнительной комиссіи», заняло его мѣсто и 24-го потребовало, чтобъ Наполеонъ удалился изъ Парижа. Онъ покинулъ не только Парижъ, но и Францію. 16-го іюля онъ сдался при Рошфорѣ на великодушіе англичанъ, которые,

по соглашенію съ другими державами, отвезли его на островъ св. Елены.

3-го іюля была подписана въ С.-Клу капитуляція, согласія которой Парижъ сдавался безъ всякихъ условій на волю союзниковъ. Парламентъ и парижская буржуазія приняли ее съ большою радостью, такъ какъ она спасала Парижъ отъ опасностей осады и бомбардировки. Но радикальные элементы предмѣстій были крайне возмущены тѣмъ, что Парижъ сдался безъ боя и сдѣлали попытку возстать противъ капитуляціи. Эта попытка была тотчасъ же съ большою силой подавлена національною гвардіей изъ среды буржуазіи.

Такимъ образомъ, 7-го іюля 1815 г. Блюхеръ во главѣ 50-ти тысячной арміи вторично вступилъ въ столицу безъ боя и безъ кровопролитія. При этомъ разыгрывались позорныя сцены. Тогда какъ болѣе радикальные элементы народа и старые солдаты разряжались проклятіями и криками негодованія на бульварахъ, гдѣ проходили англійскія и прусскія войска, элегантныя буржуазныя дамы, какъ бы въ знакъ своей радости, махали имъ изъ оконъ шарфами и платками. Богатые домовладѣльцы и коммерсанты приводили въ надлежащій видъ свои роскошныя палаты для пріема англійскихъ и прусскихъ офицеровъ; ювелиры и продавцы предметовъ роскоши уже предвкушали крупныя барыши и спѣшили выставить на показъ свои драгоценныя товары.

Людовикъ XVIII послѣ битвы при Ватерлоо, шедшій по слѣдамъ союзныхъ войскъ, безъ всякихъ колебаній вторично принялъ свою корону изъ рукъ неприятельскихъ полководцевъ. Онъ спохватился, что въ предыдущемъ году слишкомъ рѣзко обошелся съ буржуазіей, чѣмъ онъ сильно повредилъ себѣ и своей коронѣ. Поэтому, чтобы разсѣять опасенія на счетъ реакціи, онъ присягнулъ честно охранять конституцію и содѣйствовать ея дальнѣйшему развитію. Онъ назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ ненавистнаго ему Талейрана и министромъ полиціи Фуше, котораго боялся. Оба, особенно послѣдній, были совершенно по душѣ буржуазіи. Она требовала ихъ назначенія, какъ гарантіи, а также какъ бы въ награду за свою преданность. Наученный горькимъ опытомъ, Людовикъ XVIII былъ настолько уменъ, чтобы удовлетворить это требованіе. Къ тому же онъ могъ во всякое время отдѣлаться отъ этихъ неприятныхъ ему людей. Случилось это очень скоро. При заключеніи мира, 20-го ноября 1815 г., министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ уже не Талейранъ, а герцогъ Ринелье; Фуше былъ замѣщенъ Деказомъ и, какъ «убійца короля», осужденъ на изгнаніе. Онъ умеръ въ Триестѣ въ 1820 г.

Горько каялась Франція за похмѣлье «ста дней», какъ съ тѣхъ поръ стали называть Наполеоновское междуцарствіе. Общее число непріятельскихъ войскъ вмѣстѣ съ подослѣвшими резервами и новыми отрядами превышало миллионъ человекъ. Они наводнили Францію, до отдаленнѣйшихъ ея провинцій, содержались они за счетъ мѣстныхъ жителей. Франція должна была заплатить союзникамъ 700 миллионъ франковъ контрибуціи и почти такую же сумму старыхъ долговъ государствамъ и частнымъ лицамъ за границей. Она принуждена была принять въ свои сѣверныя и восточныя крѣпости на 5 лѣтъ чужеземныя гарнизоны, содержать ихъ все это время и, наконецъ, вернуть всѣ завоеванія, сдѣланныя послѣ 1790 г.

Въ то время, какъ истощались провинціи, разорилось безчисленное множество мелкихъ буржуа и превращалось въ нищихъ, для Парижа открылась золотая эра крупныхъ барышей. Здѣсь разыгрался послѣдній актъ драмы парижской канитуляціи. Къ побѣжденнымъ перешло все золото побѣдителей. «Купцы удесятерили свою ежедневную выручку, всѣ молодые офицеры завели дорогихъ метрессъ, абонировались на лучшія ложи въ театрахъ, устраивали роскошныя кутежи у Вери. Большая часть составленныхъ крупныхъ состояній парижскихъ купцовъ относится къ 1815 г. О мотовствѣ представителей союзныхъ войскъ можно себѣ составить нѣкоторое представленіе по слѣдующему примѣру: Блюхеръ, получившій отъ французскаго правительства 3 милліона, былъ вынужденъ еще заложить свои имѣнія и уѣхать изъ Франціи окончателно разоренный игорными домами Пале-Рояля». — «Нашествіе было тѣмъ болѣе выгодно парижскимъ торговцамъ, что имъ удалось сбыть свои залежавшіеся старомодные товары, выдавая ихъ иностраннымъ офицерамъ за новѣйшія прихоти парижской моды». Французы радовались, что хоть такимъ путемъ удалось отомстить казакамъ и «бараньимъ башкамъ», какъ называли во Франціи нѣмцевъ. По этимъ разсказамъ современниковъ можно судить о томъ, что тогда творилось въ Парижѣ.

Подобно тому, какъ столица обогащалась на счетъ ограбленной Франціи, небольшая кучка счастливыхъ капиталистовъ накопляла громадныя богатства цѣной разоренія мелкой буржуазіи. Содержаніе размѣщенныхъ на французской территоріи непріятельскихъ войскъ, безжалостно собираемыя реквизиціи, все повышающіяся повинности всякаго рода, принудительные займы, сотни миллионъ, которые приходилось выплачивать, чтобы очистить страну отъ непріятельскихъ войскъ,—всѣ эти тяготы большей частью ложились на бѣдоту. Правительство прибѣгло къ внутреннимъ займамъ; кромѣ того оно заключило 5% заемъ

по очень выгодному для заимодавцевъ курсу 78—80% въ лондонскомъ торговомъ домѣ Бэринга и въ амстердамскомъ—Гона. Но крупныя парижскіе капиталисты и изъ этихъ займовъ извлекли выгоду, такъ какъ иностранныя банкиры уступили имъ часть своей добычи. Однако $\frac{1}{3}$ часть, которую получили парижскіе капиталисты, совершенно не удовлетворила ихъ аппетитовъ. Ихъ вождь Казиміръ Перье въ одной изъ своихъ брошюръ нападаетъ на финансовую политику правительства, указывая, что она была бы болѣе «національной», если бы оно обращалось за деньгами исключительно къ французскимъ банкирамъ.

Вуржуазія еще не успѣла развернуть все свои силы, и все-таки внимательный взглядъ могъ замѣтить, что въ матеріальныхъ послѣдствіяхъ непріятельскаго нашествія проявился кроющійся въ ея нѣдрахъ принципъ разрушенія. Описанныя событія, разыгравшіяся въ короткій промежутокъ времени, характеризуютъ въ зародышѣ все социальное развитіе буржуазіи: банки и банкиры благодаря нуждѣ въ деньгахъ подчиняютъ себя промышленности и торговлю; свободная конкуренція убиваетъ мелкія и среднія производства какъ бы для того, чтобы богатства сконцентрировались въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, чтобы создать олигархію тѣснаго кружка банкировъ.

Пронсходившіе лѣтомъ 1815 г. подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ непріятельскаго нашествія выборы въ палату окончились полной побѣдой духовныхъ и ультра-роялистскихъ фанатиковъ, болышей частью вернувшихся изъ изгнанія эмигрантовъ, которые считали либерализмъ уничтоженнымъ во Франціи. Эта палата хотѣла ни больше, ни меньше, какъ вернуть французское общество въ положеніе до 1789 г. Все личныя вольности были уничтожены, прессѣ зажать ротъ. Пантеонъ былъ опять отданъ подъ покровительство св. Женевиѣвы, храмъ славы—св. Магдалины, на улицѣ д'Анжу была построена неповѣдальня, а 21-ое января, годовщина казни Людовика XVI, было объявлено днемъ національнаго траура. Это ультра-роялистское усердіе палаты такъ понравилось королю, что онъ ее называлъ «chambre introuvable» (безнодобной палатой).

Однако жажда мести роялистовъ не удовлетворилась одними реакціонными законами, они требовали крови. Во всѣхъ департаментахъ были учреждены комиссіи, присвоивъ имъ древне-французское названіе «Courts Prevotales» (верховныя суды), которыя должны были разбирать политическія дѣла; приговоры немедленно приводились въ исполненіе, такъ какъ апелляція была отмѣнена.

Еще въ министерство Талейрана-Фуше былъ составленъ проскрипціонный листъ, въ который заносились все тѣ, кто въ періодъ ста дней занималъ видное положеніе на гражданской или военной службѣ. Противъ однихъ выдвигали обвиненіе въ государственной измѣнѣ, другіе изгонялись изъ Франціи. Королевская семья принимала дѣятельное участіе въ составленіи этихъ списковъ, на это указываютъ разбираниія въ Парижѣ процессы, которые закончились еще раньше, чѣмъ начали функционировать такъ называемые верховные суды. Обычные суды, суды присяжныхъ, военные суды и въ одномъ случаѣ палата пэровъ соперничали другъ съ другомъ суровостью своихъ приговоровъ. Между тѣмъ при капитуляціи Парижа было объявлено, что никто изъ находившихся въ столицѣ лицъ не будетъ привлеченъ къ отвѣтственности ни за официальное положеніе, которое кто-либо занималъ во время ста дней, ни за свою дѣятельность, ни за политическія убѣжденія. Три случая были особенно характерны.

Графъ Лавалеттъ, бывшій раньше почтъ-директоромъ, послѣ бѣгства Людовика XVIII завладѣлъ почтовымъ вѣдомствомъ и послалъ курьера къ прибывшему уже въ Фонтенебло императору, чтобы извѣстить его о событіяхъ въ Парижѣ. Онъ былъ преданъ суду и прокуроръ настаивалъ на смертной казни, присяжные вынесли ему смертный приговоръ, но ему удалось наканунѣ казни убѣжать изъ тюрьмы, переодевшись въ платье своей жены. Генераль Лабедейеръ 7-го марта 1814 г. былъ посланъ изъ Гренобля взять въ плѣнъ Наполеона, но онъ вмѣстѣ со своимъ полкомъ перешелъ на его сторону. Его судили военнымъ судомъ и разстрѣляли.

Та же участь постигла маршала Нея, который вмѣстѣ со своей восточной арміей примкнулъ къ Наполеону 18-го марта 1814 г. въ Оксеръ. Онъ былъ преданъ военному суду, состоявшему изъ 7 генераловъ, изъ которыхъ 4—Журданъ, Массена, Ожеро и Мартье были его товарищами по оружію. Они сражались руку объ руку при Наполеонѣ и никогда не осудили бы его на смерть. Но его защитники очень не кетати подняли вопросъ о неподсудности его военному суду и требовали, чтобы его, какъ пэра Франціи, судила палата пэровъ. Последняя признала его виновнымъ 159 голосами изъ 161 и 139 голосами пртивъ 22 приговорила къ смерти. Его не рѣшились разстрѣлять на Гренельской площади, гдѣ обыкновенно приводились въ исполненіе военные приговоры, но повезли въ наемной каретѣ изъ Люксембургской тюрьмы черезъ Люксембургскій садъ на Авеню обсерваторіи. Тамъ теперь воздвигнутъ ему памятникъ. Его тамъ ожидалъ взводъ ветерановъ. Когда каре-

та остановилась, маршалъ быстро вынелъ, остановился въ 8 шагахъ отъ стѣны обсерваторіи и спросилъ офицера: «Это здѣсь, сударь?»—«Да, г. маршалъ.» Тогда Ней взялъ въ лѣвую руку шляпу, а правую положилъ на грудь и крикнулъ солдатамъ: «Товарищи! Стрѣляйте въ меня!» Офицеръ далъ сигналъ къ стрѣльбѣ и Ней палъ неподвижный, не издавъ ни звука.

Еще болѣе, чѣмъ въ Парижѣ, свирѣтствовалъ «бѣлый терроръ» въ южной Франціи, гдѣ интересы значительной части населенія были тѣсно перемешаны съ интересами Бурбоновъ. Велѣдствіе непрерывныхъ наполеоновскихъ войнъ южныя гавани были закрыты и мѣстная торговля отъ этого сильно пострадала. Естественно, что южане были враждебно настроены противъ наполеоновскаго режима. Въ Марселѣ при одномъ извѣстіи о пораженіи при Ватерлоо начался разгромъ и убійство извѣстныхъ богатыхъ приверженцевъ императора; въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ города народная ярость обратилась противъ колоніи мамелоковъ, которые послѣдовали за французскими войсками изъ Сиріи и Египта и въ теченіе 15 лѣтъ проживали въ Марселѣ. Эти несчастные были убиты съ ихъ женами и дѣтьми. Изъ Марсея «бѣлый терроръ» распространился въ Авиньонъ, Нимъ, Юзе. 17-го іюля едался въ Нимѣ небольшой гарнизонъ изъ 200 человекъ на милость дружинѣ «королевскихъ добровольцевъ». Едва они успѣли сложить оружіе, какъ они были тутъ же все до единого перебиты. Тогда роялистскіе фанатики, поддерживаемые частью католическаго населенія, бросились въ дома богатыхъ протестантовъ для грабежа и убійства. Въ Юзѣ субъ-префектъ выдалъ произвольно восемь арестованныхъ бонапартистовъ грюиламъ, которые еще раньше умертвили много жителей въ ихъ собственныхъ домахъ. Цѣлые мѣсяцы продолжались убійства, грабежи и разрушеніе домовъ и виноградниковъ въ департаментѣ Гардъ, королевскіе чиновники смотрѣли безучастно на эту бойню, а то и сами принимали въ ней участіе.

Въ числѣ огромной массы безымянныхъ жертвъ «бѣлаго террора» обратило на себя вниманіе одно убійство.

Маршалъ Брюнъ, одна изъ наиболѣе свѣтлыхъ личностей среди военныхъ знаменитостей при республикѣ и имперіи, которому Наполеонъ не далъ выдвинуться, потому что онъ хотѣлъ оказать вооруженное сопротивленіе во время 18 брюмера, наконецъ въ эпоху «ста дней» согласился, уступая настояніямъ Наполеона, стать во главѣ небольшой арміи для защиты Варской границы противъ вторженія пьемонтцевъ. Послѣ возвращенія Людовика XVIII онъ распустилъ свою армію, призналъ Людовика законнымъ королемъ и направился въ Парижъ, чтобы

держатъ отвѣтъ за свое поведеніе. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать крюкъ черезъ Дофинъ, гдѣ онъ былъ очень популяренъ, онъ направился напрямикъ вдоль береговъ Роны. Брюнъ считалъ себя тамъ въ безопасности, такъ какъ очень гуманно отправлялъ свои обязанности въ Провансѣ и не думалъ тамъ встрѣтить враговъ. Но въ одномъ роялистскомъ памфлетѣ его обвиняли въ томъ, что 2-го сентября 1791 г. онъ будто бы несъ по улицамъ Парижа на шкѣ голову принцессы Ламбаль. Когда 2-го августа въ Авиньонѣ стало извѣстно о прибытіи маршала, фанатическая масса взволновалась и, собравшись, потребовала его казни. Осадили гостиницу, въ которой онъ остановился, но такъ какъ двери охранялись отрядомъ національной гвардіи, то въ теченіе многихъ часовъ толпа не могла проникнуть внутрь. Наконецъ нѣкоторымъ удалось пробраться черезъ крыши сосѣднихъ домовъ въ его комнату и 2 пулями его уложили на мѣстѣ. Въ то время, какъ озвѣрѣвшая толпа тащила его трупъ въ Ронъ, королевскіе чиновники имѣли наглость, опираясь на показанія двухъ лжесвидѣтелей, составить протоколъ, что маршалъ покончилъ самоубійствомъ. Только спустя 6 лѣтъ удалось его вдовѣ настоять на судебномъ разслѣдованіи, чтобы спасти честь своего мужа. Последнее установило фактъ убійства, uznанный убійца былъ приговоренъ къ смертной казни, но благодаря своимъ ультра-роялистскимъ покровителямъ, которые его тщательно скрывали, онъ избѣжалъ карающей десницы правосудія. Судебныя издержки процесса были возложены на вдову Брюна.

Генераль Рамель, сосланный при директоріи и имперіи и потомъ назначенный Людовикомъ XVIII комендантомъ Тулузы, хотѣлъ разсѣять разбойничьи банды королевскихъ добровольцевъ. Онъ былъ раненъ въ бою, его домъ разграбленъ и онъ самъ былъ убитъ, когда онъ лежалъ въ постели, изнемогая отъ ранъ! Назначенное для виду судебное разслѣдованіе закончилось освобожденіемъ обвиняемыхъ «за недостаткомъ уликъ».

Яркой иллюстраціей для только что описанныхъ событій можетъ служить происходившій въ Бордо процессъ братьевъ Фоне, близнецовъ изъ Ла-Реоля. Они оба были противъ казни Людовика XVI, послѣ его смерти они отказались отъ своихъ должностей и съ трудомъ избѣгли гильотины. При консулатѣ они опять вступили на государственную службу, но, когда была провозглашена имперія, они вторично подали въ отставку. Въ 1814 г. они боролись съ роялистскимъ движеніемъ, главари котораго хотѣли оставить Бордо на произволь англичанамъ. Въмѣстѣ со своимъ другомъ, генераломъ Клозель, они организовали въ Жирондѣ сопротивленіе вражескому нашествію. Когда

21-го іюля 1815 г. Клозель подчинился новому режиму, то генераль Фоме, командовавший отрядомъ въ Ла-Реолѣ, велѣлъ поднять бѣлое знамя. Последнее было на слѣдующій день сорвано и сожжено проходившимъ черезъ городъ отрядомъ солдатъ, которые еще носили трехцвѣтные значки. Хотя послѣ ихъ ухода оно было опять водружено, но явившійся изъ Бордо отрядъ королевскихъ добровольцевъ завладѣлъ городомъ и арестовалъ братьевъ Фоме. Они были преданы военному суду въ Бордо, предъ которымъ они и предстали, послѣ того, какъ цѣлыми недѣлями томились въ сырой камерѣ, безъ свѣта и кроватей, при дурномъ питаніи. Никакой адвокатъ не рѣшился взять на себя ихъ защиту и несмотря на то, что ихъ невиновность была очевидна, они по гнуснѣйшимъ побужденіямъ были осуждены и 27-го сентября 1815 г. подъ конвоемъ сильнаго отряда ихъ повели на казнь. Рука объ руку они прошли весь городъ; на пути ихъ слѣдованія къ смерти съ балконовъ и оконъ выглядывали любопытныя роялистки и роялисты. Эта трогательная сцена представляла пріятное зрѣлище для буржуазіи Бордо. И одураченный народъ отравлялъ имъ ихъ послѣднія минуты враждебными криками: «да здравствуетъ король!» Подъ огнемъ взвода солдатъ они пали вмѣстѣ, какъ и явились на свѣтъ, и память о нихъ долго жила среди французскаго народа, какъ рѣдкій примѣръ трогательной братской любви.

Но ультра-роялисты не удовлетворились казнью отдѣльныхъ лицъ, убійствомъ, грабежомъ и другими проявленіями «бѣлаго террора». Требовали отставки всѣхъ должностныхъ лицъ подозрительныхъ политическихъ воззрѣній до почтальоновъ и полевыхъ сторожей включительно, привлеченія къ судебной отвѣтственности всѣхъ приверженцевъ Наполеона и изгнанія «царевубійцъ» и революціонеровъ, противъ которыхъ ничего нельзя предпринять судебнымъ путемъ. Доносы, судебныя преслѣдованія, удаленіе съ должностей, изгнаніе и полицейская высылка— все это достигло до невѣроятныхъ размѣровъ. Вычислено, что за періодъ въ 10 мѣсяцевъ за политическія воззрѣнія были заключены въ тюрьму 70,000 человекъ, а 100,000 чиновниковъ смѣщены съ должностей. Въ кабинетѣ короля «бѣлый терроръ» нашелъ своего представителя въ лицѣ министра полиціи Деказа, который циркулярными предписаніями отдавалъ на произволъ низшихъ полицейскихъ чиновъ всѣхъ «враговъ государства», то есть, всѣхъ тѣхъ, которые не проявили себя горячими приверженцами существующаго порядка вещей.

Въ этотъ періодъ дикой, разнузданной реакціи буржуазія, представленная въ палатѣ сорока либеральными депутатами, была политически совершенно безсильна. Какъ общественный

классъ, она, напротивъ, къ этому времени сдѣлала довольно большіе успѣхи.

Торговля и промышленность очень быстро развивались со времени наденія Наполеона. 700,000 солдатъ были вынуждены посвятить себя земледѣлію и промышленности. Появились новыя фабрики, заброшенныя отрасли промышленности опять открыли производство, банки и банкиры старались помѣгить свои капиталы въ торговля и промышленныя предпріятія, были введены новыя, болѣе усовершенствованныя машины, важныя научныя открытія нашли себѣ практическое примѣненіе, образовались страховыя общества и крупныя акціонерныя предпріятія, пока промышленный и торговый кризисъ 1825 г. не положилъ предѣла черезчуръ смѣлымъ замысламъ предпріимчивой буржуазіи.

Для народныхъ массъ уже 1817 г. былъ критическимъ годомъ. Велѣдствіе плохого урожая предыдущаго года и преніятей, которыя ставили мѣстному населенію во многихъ мѣстахъ непріятельскія войска, жизненные продукты сильно вздорожали, что вызвало голодъ въ бѣднѣйшихъ слояхъ населенія. Въ Парижѣ было ассигновано около 24 мил. фр. въ качествѣ приплаты столичнымъ некарямъ, велѣдствіе чего въ Парижѣ цѣны не поднялись выше 1 фр. 25 сант. за 4 ф. ковригу хлѣба, но во многихъ провинціяхъ, гдѣ общественныя учрежденія не хотѣли и не могли притти на помощь голодающимъ, эти цѣны удваивались или даже утраивались.

Несчастные поселяне пострадавшихъ отъ голода мѣстностей, не будучи въ состояніи обрабатывать свои поля и не имѣя ни денегъ, ни хлѣба, цѣлыми толпами, мужчины, женщины и дѣти двинулись въ города, чтобы спастись отъ голодной смерти, прибѣгнувъ къ состраданію городекихъ жителей. Городекія власти, хотя и сами страдали отъ вражескаго нашествія и дороговизны, все-таки собирали жизненные припасы и раздавали ихъ на улицахъ и дворахъ голодающимъ крестьянамъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ городъ не приходилъ на помощь деревнѣ, доведенный до отчаянія городекой и сельскій пролетаріатъ силой добывалъ себѣ хлѣбъ.

Хотя эти голодные бунты не имѣли политическаго характера, все-таки верховные суды воспользовались этимъ, чтобы свести свои счеты съ бонапартистами. Во многихъ мѣстахъ народъ сдѣлалъ изъ этого практической выводъ, что правительство реставраціи, какъ и правительство деспотизма лѣчитъ соціальныя болѣзни по одному и тому же рецепту: порохомъ и свинцомъ.

Парламентская хроника послѣ 1817 г. отмѣчаетъ непрерывную борьбу между буржуазнымъ либерализмомъ и ультра-

99407

СТРАН
ЩЕГЬ.

роялистскимъ феодализмомъ, при чемъ обѣ партіи боролись за свои насущные матеріальные интересы, въ основѣ которыхъ лежалъ еще не разрѣшенный вопросъ о возмѣщеніи убытковъ и возвращеніи конфискованныхъ имуществъ дворянству и духовенству. Правительство же находилось въ весьма затруднительномъ положеніи. Одинъ министръ за другимъ выходилъ въ отставку, но никому не удавалось удовлетворить претензіи ультра-роялистовъ, пользовавшихся неизмѣннымъ покровительствомъ графа Артуа, тогдашняго наследника престола, и королю едва удалось удержать министерское кресло за своимъ любимцемъ Деказомъ, который, несмотря на свои роялистскія заигрыванія, былъ проникнутъ интересами своего класса. Озлобленіе ультра-роялистовъ противъ этого «плебея», который, по ихъ мнѣнію, толкалъ Францію прямо къ революціи, достигло крайнихъ предѣловъ, когда неожиданный случай привелъ къ его паденію.

13-го февраля 1820 г. герцогъ Беррійскій, второй по возрасту племянникъ короля, при выходѣ изъ опернаго театра былъ смертельно раненъ кинжаломъ сѣдельнымъ подмастерьемъ по имени Лувель. Политическій фанатизмъ привелъ послѣдняго къ мысли истребить весь родъ Бурбоновъ и, какъ онъ самъ заявилъ судебному слѣдователю, онъ рѣшилъ начать съ принца, который является будущимъ главой рода Бурбоновъ. (Герцогъ Ангулемскій, старшій сынъ графа Артуа, позже короли Карла X, женатый на дочери Людовика XVIII, не имѣлъ дѣтей, герцогъ же Беррійскій имѣлъ отъ своей жены, принцессы изъ вѣтви неаполитанскихъ Бурбоновъ, двухъ дочерей). Ударъ Лувеля былъ направленъ вѣрной рукой, и герцогъ Беррійскій умеръ утромъ слѣдующаго дня.

Ультра-роялисты использовали это дѣло экзальтированнаго человѣка въ своихъ интересахъ и прежде всего постарались вырвать власть изъ рукъ Деказа, ненавистнаго имъ представителя буржуазіи. «Принцъ», раздавались голоса, «убить либеральными идеями». Утромъ 14-го февраля при открытіи засѣданія палаты Клозель де-Куссергъ, депутатъ крайней правой, внесъ предложеніе о преданіи Деказа суду, какъ соучастника Лувеля.

Среди подавляющаго большинства палаты это предложеніе вызвало такую бурю негодованія, что Куссергъ не былъ поддержанъ даже своей собственной партіей. Деказь, чтобы отпарировать направленный противъ него ударъ, внесъ 15-го февраля три ультра-реакціонныхъ законопроекта, а именно: 1) избирательный законъ, согласно которому число депутатовъ должно быть увеличено съ 257 до 430; изъ нихъ 258 избираются прямо, за остальныхъ 172 могутъ вотировать только тѣ изби-

ратели, которые платятъ минимумъ 1000 франковъ государственныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, при тогдашней избирательной системѣ крупная буржуазія, владѣющая движимымъ имуществомъ, лишилась половины своихъ избирательныхъ правъ въ пользу землевладѣльцевъ-дворянъ; 2) законъ противъ подозрительныхъ, который давалъ возможность правительству арестовать и заключить въ тюрьму всякаго, заноздрѣннаго въ покушеніи на лицъ королевской фамиліи, не будучи обязаннымъ представить его суду; 3) законъ о печати, который возстановлялъ предварительную цензуру для газетъ и журналовъ. Первый изъ законопроектовъ былъ съ значительными поправками послѣ жаркихъ дебатовъ принять палатой депутатовъ и санкціонированъ палатой пэровъ. Эти поправки сводились къ тому, что 172 депутата избирались самыми богатыми плательщиками налоговъ, 1/4 всѣхъ избирателей, которые такимъ образомъ получили двойное избирательное право. Эта побѣда роялистовъ въ парламентѣ вызвала такое сильное возбужденіе, продолжавшееся все лѣто 1820 г. и не только среди парижской, но вообще всей французской буржуазіи, что дѣло дошло бы до революціи, если бы руководителямъ движенія удалось привлечь на свою сторону широкія народныя массы. Но народъ, лишенный избирательныхъ правъ, политически безправный и вынужденный держаться вдали отъ участія въ общественной жизни, относился совершенно равнодушно къ борьбѣ между либерализмомъ и феодализмомъ. Эта борьба затрагивала интересы высшихъ слоевъ общества, народъ не могъ ожидать ничего хорошаго для себя ни отъ той, ни отъ другой стороны.

Но отказъ министра Деказа отъ защиты интересовъ буржуазіи и согласіе на требованія ультра-роялистовъ все-таки не спасли его. Последній ударъ нанесло ему вліяніе женскаго элемента при дворѣ. Герцогиня Беррійская, которой выставили Деказа, какъ яраго врага ея покойнаго мужа, заявила, что ея нога не переступитъ порога Тюльерійскаго дворца до тѣхъ поръ, пока туда имѣетъ доступъ королевскій любимецъ. Уже 18-го февраля, спустя нѣсколько дней послѣ смерти герцога Беррійскаго, герцогиня Ангудемская, «единственный мужчипа въ Бурбонскомъ дворцѣ *)», въ сопровожденіи своего дяди и тестя гр. Артуа, пала къ ногамъ короля и умоляла его удалить Деказа, чтобы, какъ она выразилась, предупредить новое преступленіе.

*) Выраженіе Наполесна, когда 15-го марта 1815 г. герцогиня съ большою энергіей и настойчивостью возбуждала населеніе Бордо, войска и чиновниковъ оказывать сопротивленіе возстановленію имперіи.

Эта театральная выходка подѣйствовала на короля и онъ уступилъ. Со слезами на глазахъ онъ сообщилъ своему любимцу о необходимости разлуки съ нимъ. Чтобы позолотить пилюлю, онъ ему даровалъ герцогскій титулъ и назначилъ его посланникомъ въ Лондонъ.

Во время парламентской борьбы между феодализмомъ и буржуазнымъ либерализмомъ агитація въ странѣ велась вѣдѣ парламентскими организаціями, что оказывало громадное влияние на дальнѣйшій ходъ развитія французскаго народа. Духовнымъ центромъ и руководящимъ органомъ роялистской партіи сдѣлалась т. н. «конгрегация», союзъ, который тайно возникъ во время великой революціи подъ руководствомъ одного іезуита. Первоначально онъ служилъ исключительно дѣламъ благочинія и спасенію душъ заблуждавшихся христіанъ, но съ возвращеніемъ Бурбоновъ онъ сталъ преслѣдовать главнымъ образомъ политическія цѣли и сдѣлался притягательнымъ центромъ для наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ свѣтскихъ и духовныхъ фанатиковъ. На ряду съ этимъ свѣтскимъ союзомъ образовалось религиозное братство, которое ставило себѣ задачей вернуть французскій народъ къ церковному и политическому благомыслию. Его странствующие проповѣдники разъѣзжались по всей странѣ и проповѣдывали съ такой страстностью и такимъ пламеннымъ языкомъ, который наименовалъ времена католической лиги 16 столѣтія. На площадяхъ городовъ, куда къ нимъ стекался народъ большими массами, чтобы насладиться ихъ божественнымъ вдохновеніемъ, они водружали большіе кресты, предъ которыми они съ ужасными проклятіями сжигали произведенія Вольтера, Руссо и др. философовъ. Администрація покровительствовала этимъ спектаклямъ и запрещала на это время всякія другія зрѣлища, которыя могли составить конкуренцію миссіонерамъ.

Буржуазная оппозиція напротивъ, лишенная благодаря введенной цензурѣ лучшаго средства пропаганды, старалась вновь организовать старые революціонные комитеты и опять учредила въ Парижѣ организаціонный революціонный центръ. Первая попытка, предпринятая лѣтомъ 1820 г., не удалась. Это былъ военный заговоръ, въ которомъ принимали участіе монархисты, бонапартисты и республиканцы, чтобы соединенными усиліями прогнать Бурбоновъ изъ Франціи. Но въ ночь съ 19-го на 20-е августа, наканунѣ дня, назначеннаго для выполненія замышленнаго плана, заговоръ былъ открытъ и участники были преданы суду палаты пэровъ. Судебное слѣдствіе могло обнаружить лишь второстепенныхъ участниковъ, до членовъ революціоннаго центрального комитета оно добраться не могло, поэтому большая часть обвиняемыхъ была оправдана,

заклучалась въ ниспроверженіи Бурбоновъ и всѣ участники безъ исключенія были настолько проникнуты сознаниемъ серьезности своей задачи, что до самаго момента открытаго выступленія тайна была вполнѣ сохранена.

Лѣтомъ 1821 г. карбонаріи соединились съ «Рыцарями свободы». Было рѣшено еще до истеченія года вызвать возстаніе въ Эльзасѣ, гдѣ карбонаріи имѣли много надежныхъ членовъ какъ среди крестьянъ, такъ и среди буржуазныхъ слоевъ населенія. Учрежденный «Высокой вентой» исполнительный комитетъ, который специально занялся приготовленіями къ бою, приказалъ 37 юношамъ подъ руководствомъ Базара отправиться въ Бельфоръ, гдѣ долженъ былъ раздаться сигналъ къ возстанію. Юноши безъ всякихъ колебаній исполнили приказаніе, хотя они были увѣрены, что идутъ на вѣрную смерть. Роковымъ образомъ молодые люди, стоявшіе во главѣ движенія, слишкомъ мало довѣряли своимъ собственнымъ силамъ; военное руководство они предоставили Лафайету, который вмѣстѣ съ другимъ членомъ парижскаго революціоннаго центрального комитета, эльзасцемъ Пойе д'Аржансономъ, и Яковомъ Кэхлинномъ долженъ былъ составить временное правительство въ Эльзасѣ. Но въ этотъ серьезный моментъ «герои стараго и новаго свѣта» почувствовали душевную потребность исполнить семейный долгъ и отпраздновать годовщину смерти своей жены въ своей родной виллѣ Лагранжъ. Вслѣдствіе этого пришлось отложить возстаніе на 2 дня, вмѣсто ночи съ 30-го на 31-е декабря на ночь съ 1-го на 2-е января 1822 г. Вечеромъ 31 декабря комендантъ Бельфора случайно набрелъ на слѣды заговора, принялъ энергичныя мѣры и колонна въ 36 юношей, только наканунѣ прибывшая въ Бельфоръ, должна была бѣжать. Базаръ при морозѣ въ 12 ° С. поторопился въ Парижъ въ открытой, убогой телѣжкѣ, чтобы предупредить товарищей о случившемся. 1-го января онъ встрѣтилъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бельфора почтовую карету, въ которой находился генералъ Лафайетъ. Узнавъ объ открытіи заговора, послѣдній тоже спривился въ Парижъ. И здѣсь тайна сохранилась настолько строго, что только 23 участника заговора были преданы суду въ Кольмарѣ, изъ нихъ 19 были оправданы, а только 4 присуждены къ тюремному заключенію.

Хотя карбонаризмъ потерялъ пораженіе въ Бельфорѣ, но онъ далеко еще не былъ уничтоженъ. Рѣшено было поднять знамя возстанія въ другомъ мѣстѣ. Флотаръ былъ посланъ въ Ла-Рошель, чтобы приготовить возстаніе, при чемъ рассчитывали на 700 чел., которые должны были отправиться въ Сенегаль въ качествѣ переселенцевъ. Гаталонные командиры и много

офицеровъ Ла-Рошели ждали только сигнала, чтобы присоеди- ниться. Военное руководство возстаніемъ было поручено Берто- ну, генералу, вынужденному выйти въ отставку послѣ «ста- дшей». Днемъ открытаго выступленія было назначено 14-е марта 1822 г. Неблагопріягныя обстоятельства, которыя нельзя было предвидѣть, вызвали отерочку на нѣсколько дней. Въ этотъ промежутокъ времени администрація кое-что провѣдала и от- правка 700 эмигрантовъ была ускорена. Кромѣ того утромъ 19-го марта были арестованы 4 сержанта изъ Ла-Рошельскаго гарнизона: Борье, Губэнь, Помье и Рауль, все члены союза карбонаріевъ. Такимъ образомъ возстаніе было подавлено въ самомъ зародышѣ.

Бертонъ, которому удалось бѣжать, былъ 17-го іюля аресто- ванъ вмѣстѣ съ 2 товарищами въ убѣжищѣ, гдѣ они скрыва- лись. Ихъ выдалъ одинъ унтеръ-офицеръ, гнусный провокаторъ, который сумѣлъ втереться въ организацію карбонаріевъ. Они вмѣстѣ еще съ 40 обвиняемыми были представлены суду при- сяжныхъ С.-Шатъе; послѣ 14-дневнаго судебнаго разбиратель- ства они были приеуждены къ смерти и 5-го октября казнены.

Четыре сержанта, которыхъ обвиняли только въ томъ, что они принадлежали къ тайному союзу карбонаріевъ, были от- правлены въ Парижъ и отданы мѣстному суду присяжныхъ. Ихъ признали виновными и приговорили къ смертной казни. Имъ обѣщали помилованіе, если они выдадутъ своихъ сообщни- ковъ, они гордо отказались. 21-го октября ихъ гильотинирова- ли. Сильный военный карауль не давалъ возможности карбо- наріямъ освободить ихъ отъ смерти. Они умерли съ крикомъ: «да здравствуетъ свобода!» Память объ этихъ герояхъ и по сіе время живо сохранилась въ народѣ. Гробницу, которая была имъ воздвигнута послѣ революціи 1830 г. на Мон-Нарисскомъ кладбищѣ, въ день всѣхъ скорбящихъ народъ украшаетъ цвѣ- тами и вѣнками.

Послѣ смерти сержантовъ Ла-Рошели карбонаризмъ быстро началъ терять почву подъ ногами. Время патріотическаго во- одушевленія прошло, начались интриги. Карбонаризмъ былъ рас- пространенъ среди наиболѣе здоровыхъ элементовъ буржуазіи, но 1) въ организацію проникло много агентовъ-провокаторовъ, 2) не имѣя прочной программы, карбонаризмъ сконцентриро- валь въ себѣ представителей всѣхъ оппозиціонныхъ слоевъ на- селенія, безъ различія партій. Въ его рядахъ были республи- канскія, орлеанистскія и бонапартистскія вѣнты, безъ общаго руководящаго центра. Карбонаризмъ не пустилъ корней въглубь общества, низшихъ слоевъ онъ совершенно не затронулъ. Имѣй народныя массы оружіе и патроны, правительство встрѣтило бы

болѣ упорное сопротивленіе, чѣмъ во время этихъ повстанческихъ попытокъ въ провинціи.

Министерству Монморанси-Виллель удалось благодаря избирательному закону 1820 г. и системѣ ежегодныхъ выборовъ довести либеральную оппозицію, составлявшую въ палатѣ $\frac{1}{5}$ общаго количества депутатовъ, до полного безсилія. Виллель сумѣлъ воспользоваться этимъ, чтобы на долгіе годы обезпечить за собою послушную палату. 24-го декабря 1823 г. палата была распущена и новые выборы были назначены на февраль и мартъ 1824 г. Префектамъ подъ угрозой отставки было предписано добиться «хорошихъ выборовъ». Успѣхъ получился полный: изъ 430 вновь избранныхъ депутатовъ въ палату попали отъ оппозиціи только 13 представителей, такъ что въ теченіе долгихъ лѣтъ только въ палатѣ перовъ либеральная буржуазія могла съ успѣхомъ защищать свои интересы.

23-го марта 1824 состоялось открытіе обновленной палаты. Въ тронной рѣчи высказывалось полное удовлетвореніе вѣнскимъ и внутреннимъ положеніемъ страны и было заявлено о двухъ новыхъ законопроектахъ: удлиненіи законодательнаго періода съ 5 до 7 лѣтъ и пониженіи % по государственнымъ долгамъ съ 5 на 4.

Въ апрѣлѣ эти два законопроекта были внесены въ палату. Предложеніе измѣнить парламентскій уставъ сначала обсуждалось въ палатѣ перовъ, которая охотно его приняла, а затѣмъ за него высказалась подавляющимъ большинствомъ голосовъ и палата депутатовъ. Ультра-роялистская партія, располагавшая въ палатѣ въ 1824 г. прочнымъ большинствомъ, разматривала новый законъ, какъ краеугольный камень для системы неофеодальной монархіи, къ созиданію которой и стремилась реставрація.

Для законопроекта о пониженіи государственной ренты до 4% обстоятельства сложились менѣе благопріятно. Этотъ законопроектъ затрагивалъ интересы государственныхъ кредиторовъ, къ которымъ принадлежала не только либеральная буржуазія, но и крупные феодальные собственники. Хотя министру Виллелю и удалось добиться въ палатѣ депутатовъ большинства 238 противъ 145 въ пользу своего финансоваго плана, но въ палатѣ перовъ онъ натолкнулся на весьма серьезное сопротивленіе. Сторону оппозиціи принялъ и парижскій архіепископъ, монсеньоръ Кэлянгъ, какъ онъ говорилъ, «въ качествѣ защитника бѣдняковъ своей епархіи, интересы которыхъ безусловно должны пострадать съ пониженіемъ ренты ихъ покровителей»; «въ интересахъ церкви и религіозныхъ учреждений, которыя вложили свои богатства въ государственныя бумаги»,

какъ говорили злые языки. Это авторитетное вмѣнательство рѣшило судьбу законопроекта: онъ былъ отклоненъ въ палатѣ пѣровъ большинствомъ 128 противъ 94.

Между тѣмъ, конгрегациі удалось, пользуясь вліяніемъ г-жи дю-Кэйля на впадавшаго въ старческое безсиліе короля, провести своихъ приверженцевъ на высшія государственныя должности и создать для нихъ даже новыя мѣста, какъ, напр., королевскимъ указомъ отъ 26-го августа 1824 г. было учреждено министерство исповѣданій и министерскій портфель былъ предоставленъ Фрейсину, епископу Гермолиса. Правительственные чиновники свѣтскаго образа мыслей были удалены и, по предложенію г-жи дю-Кэйля, вакансіи были замѣщены представителями конгрегациі.

16-го сентября 1824 г. умеръ Людовикъ XVIII; незадолго до своей смерти онъ рекомендовалъ гр. Артуа, своему брату и наслѣднику престола, свою политику колебаній, какъ самое надежное средство удержаться на престолѣ.

Графъ Артуа, взшедшій на престолъ подъ именемъ Карла X, былъ человекъ ограниченный, ослѣпленный религіознымъ фанатизмомъ, и на тронѣ онъ остался такимъ же грубымъ юнкеромъ, какимъ онъ былъ раньше, когда стоялъ во главѣ эмигрантской клики въ Кобленцѣ. Первые его шаги въ качествѣ французскаго короля—отмѣна цензуры и освобожденіе многихъ политическихъ заключенныхъ—произвели хорошее впечатлѣніе, но это впечатлѣніе быстро сгладилось, когда 22-го декабря 1824 г. былъ внесенъ въ палату «законъ противъ святотатства», по которому всевозможныя поступки, подходившіе подъ понятіе святотатства, влекли за собою самыя суровыя наказанія. За кражу церковной утвари полагалась безерочная ссылка на галеры, за вторженіе въ церковь со взломомъ—смертная казнь, оскверненіе просвиры приравнивалось отцеубійству и т. д. Хотя этотъ законъ шелъ въ разрѣзъ съ духомъ времени, все-таки онъ былъ принятъ палатой депутатовъ огромнымъ большинствомъ и палатой пѣровъ 127 противъ 92 голосовъ.

Въ 1825 году, наконецъ, появился давно возвѣщенный законъ о вознагражденіи эмигрантовъ за убытки, причиненныя имъ конфискаціей имущества во время революціи. Законъ опредѣлилъ для этой цѣли сумму въ 1 миллиардъ, который предполагалось покрыть 3-хъ % государственнымъ займомъ. Послѣ бурныхъ дебатовъ, которые продолжались цѣлый мѣсяць, законопроектъ былъ принятъ палатой депутатовъ большинствомъ 259 противъ 124, затѣмъ палатой пѣровъ и утвержденъ королемъ. Изъ этого миллиарда получилъ 14 милліоновъ также

Луи-Филиппъ, герцогъ Орлеанскій. Специальнымъ закономъ Карлъ X вернулъ ему его еще не проданныя помѣстья, неприкосновенность которыхъ ему была гарантирована простымъ распоряженіемъ Людовика XVIII.

Къ концу мая 1825 г. засѣданія палаты были прерваны торжественной церемоніей: Карлъ X отравился въ Реймсъ, чтобы возложить на себя корону Франціи. Для него не была пустой церемоніей этотъ вышедшій уже въ теченіе полустолѣтія изъ моды монархическій обычай. Онъ вѣрилъ, что церковный обрядъ служить необходимымъ условіемъ для благодати Божьей и неприкосновенности его короны. Голубка когда-то достала съ неба чашу для королей Франціи и хотя эта чаша за 30 лѣтъ передъ тѣмъ была разбита по приказанію конвента, но, какъ теперь было оффиціально объявлено, черепки съ остатками священнаго миро были сохранены заботливой благочестивой рукой. Ресъ сомнѣнія были уничтожены заявленіями «Монитера», оффиціальнаго органа правительства, который объ этомъ съ весьма серьезнымъ видомъ сообщилъ и прибавилъ: «такимъ образомъ муро, которое потечетъ по лбу Карла X, есть то же самое, которымъ были помазаны, начиная съ Хлодвига, всѣ короли Франціи.

29-го мая состоялось коронаваніе въ старой кафедральной церкви Реймса. Старая церемонія была вполне сохранена, только формула посвященія была измѣнена: король далъ присягу соблюдать конститудію, вмѣсто того, чтобы присягать, что онъ будетъ преслѣдовать еретиковъ. Въ архивахъ прошлаго были отысканы всякіи монархическіи хламъ и пуценъ въ оборотъ; не забытъ былъ и мистическій даръ миропомазанныхъ королей Франціи вѣщлять золотушныхъ. Передъ Карломъ X прошелъ цѣлый рядъ лицъ, болѣвшихъ золотухой, онъ осѣнялъ ихъ своей рукой и говорилъ: «король дотронулся до тебя, да вѣщайтъ тебя Богъ!»

Поэтому неудивительно, что вліяніе конгрегации, которое при Людовикѣ XVIII было уже значительно, при Карлѣ X достигло крайнихъ предѣловъ. Мисси съ ихъ религіозными упражненіями, процессіями, водруженіемъ креста и пр. шумѣли больше, чѣмъ когда-либо. Они нашли вѣрное средство сдѣлать пѣсни популярными: они прибѣгали къ мотиву марсельезы и др. извѣстныхъ оперныхъ мелодій. Когда они во время ночныхъ церемоній покаянія въ церквахъ или кладбищахъ говорили о страшномъ судѣ или мукахъ ада, они старались заигрывать женщинъ и дѣтей разными фейерверками при помощи взрывчатыхъ веществъ. Духовенство позволяло себѣ нахально вмѣшиваться въ личную жизнь гражданъ, оно отказывалось бла-

гословлять смѣшанные браки, не выдавало свидѣтельство о крещеніи тѣмъ, которые, по его мнѣнію, не достаточно ревностно исполняли свои религіозныя обязанности, вело списокъ тѣхъ, которые не являлись къ причастію и исповѣди, и запрещало имъ доступъ въ церковь. Бѣднымъ оказывалась помощь только въ томъ случаѣ, если они предъявляли свидѣтельство, что они были у исповѣди и т. д. Былъ введенъ такъ наз. церковный «юбилейный годъ», который праздновался во всей Франціи, особенно въ Парижѣ, съ большою помпой. Шесть недѣль продолжалось общественное покаяніе, въ чемъ принимали участіе весь дворъ добровольно, а массы чиновниковъ и военныхъ противъ воли. Всѣ вакантныя мѣста замѣщались приверженцами клерикальнѣй партіи. Религіозный образъ мыслей, искренній или неискренній, былъ обязательнъ для каждаго кандидата на государственную должность, даже въ войскѣ благочестивые и хапки имѣли больше шансовъ на повышение, чѣмъ дѣйствительно военныя таланты. Такимъ образомъ вся оффиціальная Франція получила клерикальную окраску.

Злоупотребленія конгрегаціи были настолько очевидны и проявлялись такъ открыто, что газеты осмѣлились, несмотря на стѣпенія свободы печати, противъ нихъ выступить. Въ интересахъ католической религіи газеты были привлечены къ судебной отвѣтственности, но судебное вѣдомство, которое всегда охотно подчинялось администраціи, когда рѣчь шла о политикѣ, въ данномъ случаѣ отказало клерикальной партіи въ своемъ содѣйствіи и газеты были оправданы.

Спустя нѣсколько дней послѣ открытія засѣданій палаты въ 1827 г. министерство, находившееся всецѣло подъ вліяніемъ конгрегаціи, внесло новый законопроектъ о печати, который противникамъ церковныхъ интересовъ долженъ былъ совершенно зажать ротъ подъ угрозой штрафовъ и вѣческихъ административныхъ наказаній. Въ немъ были подробно указаны мѣры предупрежденія и подавленія всякаго рода, чтобы наказать всякое формальное нарушеніе буквы закона. Раздалось многочисленныя протесты противъ этого закона, который долженъ былъ свести на нѣтъ все значеніе печати. Несмотря на это, онъ былъ принятъ палатой большинствомъ $\frac{2}{3}$, но въ палатѣ нѣровъ онъ, повидимому, долженъ былъ провалиться, поэтому министръ юстиціи Пейронэ неспѣшилъ его взять обратно.

29-го апрѣля 1827 г. Карлъ X дѣлалъ смотръ національной гвардіи (20,000 ч.); это былъ все цвѣтъ буржуазіи. Большинство легионовъ встрѣтило его шумными возгласами, между тѣмъ какъ другіе въ это время привѣтствовали конституцію. Возвращаясь со смотра, національная гвардія выражала свое

неудовольствіе противъ конгрегаціи криками передъ министерствомъ: «долой министерство!» «долой іезуитовъ!» На слѣдующій день національная гвардія была распущена королевскимъ указомъ. Такимъ образомъ, монархія лишила себя послѣдней опоры противъ революціи, которая хотя медленно, но неудержимо охватывала всю страну.

22-го іюня 1827 г. было закрыто засѣданіе палаты при очень напряженномъ настроеніи и два дня спустя безъ указанія причинъ была возстановлена цензура. Послѣ того какъ строгими мѣрами заставили оппозиціонную печать замолчать, 5-го ноября появились многочисленныя королевскіе указы, которыми была распущена палата депутатовъ, назначены черезъ двѣ недѣли новыя выборы съ избирательнымъ срокомъ въ 3 недѣли и составъ палаты нѣровъ увеличенъ назначеніемъ новыхъ 76 релігіозно настроенныхъ нѣровъ. Одновременно съ этимъ цензура была опять упразднена.

Такимъ образомъ министерство надѣялось доставить побѣду клерикаламъ. Но либералы и роялисты, враждебно настроенныя противъ конгрегаціи, соединились подъ названіемъ «конституціонной оппозиціи» для совместной избирательной борьбы противъ конгрегаціи. Оппозиція получила на выборахъ значительное большинство. Въ Парижѣ, гдѣ прошли общіе кандидаты оппозиціи, толпа, состоявшая исключительно изъ задорныхъ юношей буржуазіи, выражала на улицахъ очень бурно свою радость, вслѣдствіе чего вечеромъ 18-го и 19-го ноября были вызваны войска и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ начали строить барриды. О какомъ-либо серьезномъ сопротивленіи не могло быть и рѣчи; демонстраціи произвели все мирные обыватели, они были разогнаны кавалеристами, отчасти застрѣлены въ своихъ домахъ.

Министерство Виллеля, потерявъ надежду господствовать въ палатѣ, подало въ декабрѣ въ отставку и 5-го января «Министеръ» извѣстилъ объ образованіи новаго кабинета съ новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Мартиньякомъ во главѣ. Онъ старался уступчивостью умиротворить оппозицію, но онъ сильно вооружилъ противъ себя клерикаловъ тѣмъ, что подчинилъ свѣтской власти школы, основанныя іезуитами, насчитывавшія больше учениковъ, чѣмъ во всѣхъ королевскихъ школахъ вмѣстѣ взятыхъ. 8-го августа 1829 г. министерство Мартиньяка уже вышло въ отставку и во главѣ министерства сталъ человекъ, въ которомъ Карлъ X видѣлъ своего *alter ego*. Это былъ Полиньякъ, одинъ изъ свѣтскихъ руководителей конгрегаціи. Такимъ образомъ, монархія стала на путь крайней реакціи, которая и привела ее къ гибели.

Назначеніе министерства Полиньяка было понято всей французской буржуазіей, какъ объявленіе войны либерализму, всеѣмъ государственнымъ учрежденіямъ, созданнымъ великой революціей и, слѣдовательно, какъ измѣна конститущіи. Это настроеніе выразилось въ блестящемъ приѣмѣ, оказанномъ Лафайету во время его агитаціонной поѣздки по средней Франціи, при чемъ воодушевленіе буржуазной Франціи вылилось въ рѣчахъ и тостахъ.

2-го марта 1830 г. палаты были открыты тронной рѣчью, которая заканчивалась слѣдующими словами: «Пэры Франціи, депутаты страны, я не сомнѣваюсь въ вашемъ содѣйствіи въ выполненіи моихъ добрыхъ намѣреній. Если же вы разными предосудительными средствами, которыхъ я не могу и не хочу предвидѣть, будете мѣшать благотворной дѣятельности правительства, то я прибѣгну къ насильственному ихъ подавленію, опираясь на довѣріе и любовь французскаго народа къ своему королю». Отвѣтный адресъ, принятый палатой депутатовъ большинствомъ 221 противъ 121, гласилъ: «Ваше Величество! Конститущія считаетъ необходимымъ условіемъ нормальнаго развитія общественной жизни солидарность намѣреній правительства съ желаніями народа. Вѣрнооддапнической долгъ заставляетъ насъ заявить Вашему Величеству, что этой солидарности не существуетъ». Сейчасъ же засѣданія палаты были отложены до 3-го сентября, и 16-го мая палата была всеѣмъ распуцена. Происходившіе въ концѣ іюня и началѣ іюля выборы, несмотря на личное вмѣшательство короля, старанія министерства, префектовъ и духовенства, привели не только къ новому избранію тѣхъ же 221 протестантовъ, но ихъ число даже возросло.

Тогда 7-го іюля совѣтъ министровъ рѣшилъ распуцить палату, прежде чѣмъ она собралась, измѣнить королевскимъ приказомъ избирательный законъ, уничтожить свободу печати и созвать палату, въ которой правительство располагало бы послушнымъ большинствомъ. Приготовленіями къ этому государственному перевороту, главнымъ образомъ измѣненіемъ избирательнаго закона, министерство было занято около трехъ недѣль. 26-го іюля «Мониторъ» сообщилъ о подписанныхъ наканунѣ королемъ «ордонансахъ» (приказахъ), которые раздули тлѣвшую искру революціоннаго настроенія въ грозное пламя и въ нѣсколько дней революція стерла съ лица земли министерство Полиньяка вмѣстѣ съ феодальнымъ королевствомъ.

II.

Юльская революція.

Парижская буржуазія смотрѣла на приближавшуюся, ставшую неизбежной, революцію съ смѣшаннымъ чувствомъ страха и гнѣва. Для нея слишкомъ много было поставлено на карту, чтобъ она могла спокойно отнести къ превратностямъ революціи... Въ ея рукахъ находилась большая часть капиталовъ страны, кредитъ, и она оказывала очень значительное, если не рѣшающее, вліяніе на направленіе государственной жизни Франціи. Ея требованія сводились къ значительному уменьшенію государственнаго бюджета, къ нѣкоторому пониженію избирательнаго ценза, болѣе мягкому отношенію къ печати, распущенію швейцарскихъ полковъ (наемниковъ) и возстановленію ея военной защиты, національной гвардіи. Этимъ она удовлетворилась бы, требовать большаго было не въ ея интересахъ. Изъ этихъ скромныхъ требованій она хотѣла добиться только легальнымъ путемъ.

Ея врагами были дворяне и клерикалы. Дворянство она ненавидѣла за его высокомерное къ себѣ отношеніе, клерикаловъ—за то, что они стремились къ свѣтскому господству и шли рука объ руку съ дворянствомъ, короля—за то, что стоялъ на стражѣ интересовъ ея враговъ. Но она воздерживалась отъ взрыва негодованія—ее угнеталъ призракъ революціи 1789—1793 г.г. и она питала невыразимый страхъ передъ народными массами. Она находилась въ такомъ двойственномъ настроеніи, терзаемая различными чувствами, дрожая отъ страха и ярости, когда появились «ордонансы», которые обрекали ее на полное политическое безсиліе. Передъ ней стояла альтернатива подчиниться двору или освободить народъ. Она была въ нерѣшительности, медлила и не знала, какъ ей быть.

Республиканской партіи въ истинномъ смыслѣ этого слова еще тогда не существовало. Только нѣкоторые молодые люди, вышедшіе изъ среды карбонаріевъ, настолько освободились отъ предразсудковъ, что ихъ ужь не удовлетворялъ блѣднорозовый либерализмъ. Они ненавидѣли монархію и стремились къ ея

уничтоженію. Хотя они были малочисленны, но благодаря своей смѣлости, преданности и презрѣнію къ смерти, они могли въ данный моментъ увлечь за собой народъ. Имъ не доставало только руководителя. Кичливый «герой стараго и новаго свѣта» Лафайетъ былъ только фирмой, но отнюдь не творческой революціонной силой.

Наибольшимъ вліяніемъ изъ представителей буржуазіи пользовался тогда банкиръ Лаффитъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и богатъ и популяренъ. Хотя онъ и не могъ играть революціонной роли на широкомъ поприщѣ общественной жизни, но для руководства дворцовымъ переворотомъ онъ былъ незаменимъ. Его щедрость, ласковое обращеніе, благородство и несомнѣнный либерализмъ сдѣлали его королемъ парижскихъ салоновъ, и онъ неустрашимо и совершенно добровольно взялъ на себя эти обязанности, связанные съ такими большими издержками *).

Во время реставраціи онъ откровенно, даже слишкомъ откровенно высказывался въ пользу Луи-Филиппа, герцога Орлеанскаго.

Такого рода были чувства, которыя испытывала буржуазія и ея представители. Народъ находился въ совершенно другомъ настроеніи. Еще со времени французской революціи парижское населеніе питало сильную ненависть къ иезуитамъ и вообще клерикаламъ. Не менѣе глубокую ненависть оно чувствовало къ Бурбонамъ, которымъ оно не могло простить то, что они домогались французскаго престола при содѣйствіи враговъ Франціи. На ихъ царствованіе они смотрѣли, какъ на національный позоръ. Для себя народъ требовалъ очень немногаго, такъ какъ, не сознавъ еще своихъ классовыхъ интересовъ, онъ не могъ выставить какихъ-нибудь социальныя требованія или заглянуть въ свое будущее. Поэтому между буржуазіей и народомъ не было ни общности интересовъ, ни одинаковой формы выраженія своей ненависти.

Увѣренность въ приближеніи государственнаго переворота и неизвѣстность относительно момента его наступленія возбудили у крупной буржуазіи свойственный ей духъ спекуляціи. Банкиры обложили тронъ своими шпіонами, подкупили поповъ, чтобы узнать тайны исповѣди. Одинъ извѣстный финансетъ Уваръ, который уже нѣсколько разъ, благодаря своимъ ги-

*) Ротшильдъ высчиталъ при крушеніи банкирскаго дома Лаффита что тотъ истратилъ для успѣха дѣла июльской революціи около 9 милліоновъ. (Лаффитъ вышелъ изъ народной среды; его отецъ, былъ простымъ плотникомъ).

гантскимъ и рискованнымъ предпріятіямъ, пріобрѣтала и теряла громадныя богатства, обязался нотаріально и при свидѣтеляхъ уплатить 50,000 франковъ тому, кто ему доставитъ королевскіе ордонансы. 50,000 франковъ были уплочены и счастливый спекулянтъ игралъ на биржѣ на пониженіе и собралъ милліоны. Ротшильдъ, менѣе освѣдомленный и увѣренный, что кризисъ произойдетъ не раньше августа игралъ на повышеніе и съ трудомъ отдѣлался только нѣсколькими милліонами. Казиміръ Перье, который уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ находился въ близкихъ сношеніяхъ съ дворомъ, однимъ изъ первыхъ узналъ въ воскресенье 25 іюля, наканунѣ опубликованія ордонансовъ, о томъ, что произойдетъ. Онъ получилъ въ своей виллѣ въ Булонскомъ лѣсу письмо въ формѣ треугольника, со страхомъ открылъ его въ присутствіи своей семьи и въ отчаяніи опустилъ руки: ордонансы, отмѣнявшіе французскую конституцію, были въ тотъ же день подписаны королемъ и министрами. Талейранъ благодаря своей прозорливости тоже догадался о тайнѣ. Въ воскресенье въ полдень онъ былъ въ С.-Клу, чтобы передать Карлу X важное сообщеніе англійскаго короля, но не былъ принятъ королемъ; изъ пріема, который ему оказали, онъ сдѣлалъ заключеніе, что предстоить какая то катастрофа. Еще въ ту же ночь онъ пригласилъ одного пріятели, который велъ крупную биржевую игру, и посоветовалъ ему играть на пониженіе. Но этотъ советъ заноздалъ. Въ понедѣльникъ, 26-го іюля, рано утромъ появились въ «Монитерѣ» ордонансы и къ полудню 3 проц. государственныхъ бумаги упали съ 78 на 72 проц.

Въ этотъ день въ академіи наукъ и искусства знаменитый астрономъ Франсуа Араго произнесъ хвалебную рѣчь въ память своего скончавшагося предшественника Френеля. Онъ коснулся также и злобы дня, что было встрѣчено шумными одобреніями. Монархія вооружила противъ себя и биржу и научный міръ; такимъ образомъ, противъ нея были и представители самой низменной и самой благородной изъ современныхъ общественныхъ силъ.

Враждебную позицію по отношенію къ монархіи занимала еще одна общественная сила, сила печатнаго слова. Представители печати почувствовали, что опасность грозитъ не только ихъ вліянію и общественному значенію, но и ихъ личной свободѣ. Въ количествѣ 44 человекъ они собрались въ бюро «Nationals», и подписали протестъ, въ которомъ они диктаторскимъ поползновеніямъ правительства противопоставили неприкосновенность правового порядка и конституціи страны. Бодрость

ихъ покинула, когда они замѣтили, что народъ остается равнодушнымъ къ ихъ протесту.

Народъ, который частью не зналъ объ ордонансахъ или не понималъ ихъ значенія, сидѣлъ спокойно въ мастерскихъ за работой, и любящіе погулять мастеровые танцевали на обычныхъ въ понедѣльникъ балахъ крайнихъ предметій по ту сторону таможи. Поэтому, когда въ бюро «National» явилась депутація отъ студентовъ и бывшіе члены распущеннаго союза карбонаріевъ, Гьеръ, Мишь, Арманъ Каррель и др. соредакторы «National», въ отвѣтъ на предложеніе оказать упорное сопротивленіе правительству, созвавъ немедленно распущенную національную гвардію, заявили, что при господствующемъ настроеніи народа нѣтъ никакихъ шансовъ на успѣшный исходъ этой попытки.

Въ это время другіе литераторы, юристы и депутаты собрались у вліятельнаго адвоката Дюэнна старшаго. Они хотѣли узнать, нельзя ли выпустить повременныя изданія безъ соотвѣтствующаго разрѣшенія правительства и насколько можно въ данномъ случаѣ разсчитывать, что такая смѣлая выходка найдетъ защиту со стороны судей и закона. Дюэнъ, который уже тогда обладалъ талантомъ подъ наружнымъ спокойствіемъ скрывать свою трусливость, не отказалъ въ совѣтѣ, но при этомъ подчеркнул, что онъ уже больше не депутатъ, такъ какъ конституція даетъ право королю распустить палату, и отклонилъ отъ себя всякую отвѣтственность за событія, исходъ которыхъ невозможно теперь предвидѣть.

Многіе депутаты, въ томъ числѣ Бераръ, де Лабордъ и генералъ Себастьяни пришли къ своему товарищу Казимиру Перье. Страхъ и замѣнательство ясно читалось на всѣхъ лицахъ. Предложеніе Берара открыто выразить протестъ противъ ордонансовъ показалось слишкомъ смѣлымъ. Послѣ долгихъ споровъ, которые еще ярче обрисовали растерянность г.г. либераловъ, они разошлись, не принявъ никакого рѣшенія, съ намѣреніемъ устроить вечеромъ собраніе депутатовъ у де Лаборда.

На собраніе явилось только 14 депутатовъ, изъ нихъ наибольшей популярностью пользовались Баву, Бераръ, Дону, Жакъ Лефевръ, Могэнъ, Перилья и Вильмэнъ. Кромѣ нихъ пришли бывшіе карбонаріи Трейляръ, Шонэнъ и Мерилу въ качествѣ представителей ихъ единомышленниковъ. Бераръ опять внесъ предложеніе относительно протеста депутатовъ. Баву добавилъ: «рѣчь идетъ относительно новой *залы мяча*». Дону пошелъ еще дальше и заявилъ, что нужно апеллировать къ народу. Въ это время появился Казимиръ Перье и положилъ конецъ воинственному

настроению. Онъ объявлялъ, что палата распущена и, слѣдовательно, нѣтъ больше депутатовъ во Франціи. Между правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ не можетъ быть никакихъ судей. Необходимо обождать, чтобъ дать возможность возбужденнымъ умамъ высказаться или обманутой монархіи время стать на другой, лучшей путь. Это онъ все высказалъ страстнымъ, повелительнымъ тономъ. Напрасно Шонанъ и Лабордъ старались повліять на присутствующихъ, чтобъ они рѣшились на какой-нибудь серьезный шагъ, депутаты колебались. Казиміръ Перье, стремившійся къ тому, чтобы успокоить возбужденіе оппозиціи, предложилъ собраться у него на слѣдующій день, на этомъ и разошлись депутаты.

Кто же этотъ человѣкъ, который въ этотъ моментъ сдѣлался посредникомъ между депутатами оппозиціи и трономъ? «Казиміръ Перье былъ высокаго роста», такъ описываетъ его Луи Бланъ, «и отличался увѣренной походкой. Его нѣжное отъ природы лицо принимало иногда такое выраженіе, что дѣлалось отталкивающимъ. Быстрый огонь его взора, энергичные жесты, лихорадочное, пламенное краснорѣчіе, частыя вспышки бѣшеннаго гнѣва, все указывало, что этотъ человѣкъ рожденъ для того, чтобы возбуждать бури. У него не хватало только благородства и великодушія. У него не было преданности, безъ которой искусство властвовать превращается въ сплошное шарлатанство. Аристократію онъ ненавидѣлъ за то, что не могъ сравниться съ нею, а возмущенный народъ казался ему сборищемъ варваровъ, которое кровопролитіемъ прокладываетъ себѣ дорогу къ грабежу. Свойственное ему корыстолюбіе усиливало его страхъ передъ народной бѣднотой. Онъ былъ трусливъ и деспотиченъ, власть онъ любилъ, потому что она позволяла ему творить насиліе безнаказанно. Какъ ни безгранично было его высокомеріе, но оно все-таки проявлялось въ мелочахъ. Надменный и проницательный, онъ бы подавилъ въ зародышѣ революцію, если бы онъ для этого только нуждался въ поддержкѣ своихъ коллегъ. Но они не были способны въ этотъ роковой для Франціи моментъ руководить событіями». Нѣкоторые депутаты и журналисты, когда первое увлеченіе прошло, испугались, не зашли ли они слишкомъ далеко, но такъ какъ они по горькому опыту знали, на что способны мстительные Бурбоны и ихъ клика, то имъ ничего не оставалось другого, какъ распространить волненіе какъ можно шире, чтобы вовлечь народъ въ движеніе. Такимъ образомъ, были возбуждены всѣ демократическіе элементы общества. Вечеромъ въ попедѣльничьхъ брошены были камни въ проѣзжавшую карету Полиньяка, что послужило сигналомъ къ болѣе смѣлымъ поступкамъ. Взрывы негодованія

цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней потеряли свой первоначально лойяльный характеръ и постепенно превратились въ сильное броженіе, которое подъ конецъ разразилось революціей. Это была оригинальная революція! Задумана она была крушой буржуазіей, которая питала къ ней смертельный страхъ, проведена она была мелкой буржуазіей и народомъ, который даже не зналъ хорошенько, за что онъ собственно борется.

Карлъ X въ этотъ день рано утромъ поѣхалъ въ Рамбулье, тамъ провелъ день на охотѣ и по возвращеніи въ С.-Клу сѣлъ за свою обычную игру въ винтъ. Предъ отходомъ ко сну онъ забылъ подписать приказъ, которымъ маршалъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, назначался начальникомъ всѣхъ расположенныхъ въ Парижѣ войскъ. Это назначеніе было еще наканунѣ рѣшено въ совѣтѣ министровъ. Благодаря безопасности короля, это рѣшеніе было приведено въ исполненіе только 27-го іюля и маршалъ получилъ этотъ приказъ только около полудня. Такъ какъ войска не были въ это время въ казармѣ, то маршалъ могъ приступить къ отправленію своихъ обязанностей только въ 4 часа.

Это назначеніе не мало способствовало тому, что раздраженіе народа дошло до крайнихъ предѣловъ. Маршала Мармона народная молва обвиняла въ томъ, что его отпаденіе въ 1814 г. привело къ гибели Наполеона. Капитуляція Парижа, всѣ несчастія и униженія, пережитыя Франціей въ эти памятные дни, жили въ воспоминаніяхъ народа и были тѣсно связаны съ однимъ именемъ, именемъ герцога Рагузскаго. Это имя было въ устахъ народа равносильно слову измѣнникъ. Поставивъ его во главѣ парижскаго гарнизона, клерикально-феодалная монархія переполнила чашу терпѣнія народнаго и превратила чисто буржуазный споръ въ дѣло широкихъ народныхъ массъ.

Утромъ 27-го іюля появились только 8 газетъ. Пять газетъ, отчасти по убѣжденію и партійнымъ расчетамъ, отчасти изъ страха и корыстолюбія, подчинились ординасамъ. Только «Globe», «National» и «Temps», несмотря на административное запрещеніе, все-таки вышли и были распространены въ большомъ количествѣ. Остальныя типографіи распустили свой персоналъ и закрыли свои конторы. Выброшенные на мостовую наборщики и печатники первые присоединились къ возгласу буржуазіи: «Vive la charte!» (да здравствуетъ конституція), они увлекли за собой другихъ рабочихъ, которые частью даже не знали, что означаетъ этотъ боевой кличъ. Такимъ образомъ завязалась революціонная связь между буржуазіей и народомъ.

Протестъ литераторовъ осмѣлились опубликовать только двѣ изъ 11 газетъ, отъ имени которыхъ онъ и былъ подписанъ.

Полицейскій префектъ велѣлъ арестовать подписавшихъ протестъ и закрыть обѣ газеты: «National» и «Temps». Первый приказъ (арестъ литераторовъ) оказался невыполнимъ, да и второй съ большимъ трудомъ удалось осуществить. Когда полиція выломала двери типографіи «National», члены редакціи заговорили такимъ рѣзкимъ тономъ, что растерявшіеся полицейскіе въ смущеніи отступили.

Редакторы «Temps» оказали еще болѣе упорное сопротивленіе. Въ полдень появился отрядъ жандармовъ и остановился на улицѣ Ринелье передъ домомъ, въ глубинѣ двора котораго находилась типографія, и обложилъ его со всѣхъ сторонъ. Редакторъ Бодъ велѣлъ запретить типографію и открыть ворота на улицу. Самъ онъ со всѣмъ своимъ персоналомъ сталъ у воротъ въ два ряда. Полицейскій комиссаръ въ очень вѣжливой формѣ сообщилъ ему о цѣли своего прихода. «Сударь», возразилъ ему Бодъ, «вы явились сюда именовъ ордопансовъ, я же требую именовъ закона, чтобы вы не дотрагивались до нашихъ станковъ». Комиссаръ послалъ за слесаремъ, чтобы взломать двери типографіи. Бодъ запротестовалъ, досталъ Code pénal (Уложеніе о наказаніяхъ) и прочелъ громкимъ голосомъ статью, согласно которой насильственное вторженіе со взломомъ наказывается ссылкой на галеры. Между тѣмъ, толпа все росла и ропотъ все усиливался. Смущенный оказаннымъ ему пріемомъ, слесарь отказался отъ предлагаемой ему роли. Другіе приглашенные слесари послѣдовали его примѣру. Наконецъ, спустя нѣсколько часовъ, пригласили слесаря, который заковывалъ отправляемыхъ на галеры; онъ согласился взломать двери типографіи и уничтожить станки.

Въ это время въ различныхъ пунктахъ Парижа проходили собранія. Собранные въ салонѣ Казимира Перье въ третій разъ обнаружили свою рѣдкую трусливость и растерянность. Они не знали, могутъ ли они положиться на народъ. Напрасно рѣшительная и боевая группа бывшихъ карбонаріевъ отправилась къ нимъ Мерилу и Булея, чтобы поднять нѣсколько ихъ энергію. Напрасно Одри де Шюйраво, Моганъ и Лаббей де Помпьеръ заклинали ихъ послѣдовать примѣру журналистовъ и выразить протестъ противъ государственнаго переворота, который обрекалъ ихъ на полное политическое безспіе. Генераль Себастьяни совѣтовалъ написать королю, Дюнанъ старшій, какъ и наканунѣ, объявилъ, что ихъ депутатскихъ полномочій уже больше не существуетъ, и Казимиръ Перье предлагалъ своимъ товарищамъ пока примириться со своимъ пораженіемъ и занять выжидательное положеніе. Предложеніе Берара относительно протеста было въ третій разъ отклонено, но на слѣду-

ющій день въ 12 часовъ дня оно было опять поставлено на обсужденіе на собраніи республикански настроенныхъ депутатовъ, на которомъ присутствовалъ главный эсепедиторъ Одри де Пуйраво.

И въ бюро «Globe» редакторъ Шарль Ремюза забилъ тревогу, но предупредилъ, что онъ противъ революціоннаго образа дѣйствій, а стоитъ неключительно за легальныя способы борьбы. За легальное сопротивленіе высказывались и группирующіеся около Тьера приверженцы «National», при чемъ Тьеръ настаивалъ на томъ, чтобы «имя короля не было затрунуто въ этой полемикѣ». Пикто изъ этихъ буржуа не довѣрялъ народу, многіе же боялись его больше, чѣмъ двора.

До семи часовъ вечера не было еще ни одного серьезнаго столкновенія между народомъ и войсками, хотя уже были построены баррикады, разграблены нѣкоторые склады оружія и на улицахъ показались громадная толпа любопытныхъ. Часто раздавались крики: «да здравствуетъ армія!» И солдаты, то встрѣчая угрозы, то лести, не знали, что имъ дѣлать; съ дружескими лицами они разгоняли толпу, которая тутъ же опять собиралась вмѣстѣ. Только ненавидные народу жандармы были прогнаны изъ своей военной заставы на Биржевой площади и домъ сожженъ. Съ наступленіемъ сумерекъ на улицахъ стало настолько спокойно, что маршалъ Мармонъ счелъ возможнымъ отвести войска въ казармы.

Вечеромъ на площади политехнической школы появился человекъ съ трехцвѣтнымъ знаменемъ въ рукѣ, знаменемъ, котораго уже не видѣли во Франціи въ теченіе 15 лѣтъ. Въ толпѣ не раздалось ни звука, ни движенія, только глазами слѣдили за этимъ знаменемъ и въ ея памяти выплывали старья, полузабытыя воспоминанія. Нѣкоторые старики обнажили головы, другіе при этомъ зрѣлицѣ проливали слезы.

Въ самой политехнической школѣ происходило слѣдующее. Одинъ студентъ, по имени Шарра, исключенный изъ школы за то, что на банкетѣ расцѣвалъ марсельезу, прислалъ своему товарищу появившіяся утромъ газеты съ указаніемъ на предстоящее возстаніе. Нѣкоторые воспитанники подтверждаютъ, что были на лицо всѣ признаки надвигающагося возстанія. Около шести часовъ въ школѣ явственно слышны были массовыя выстрѣлы со стороны Сены. Сейчасъ же началось броженіе среди студентовъ, занятія были прекращены, несмотря на угрозы офицеровъ и главнаго инспектора Вине. Собрались въ миллиардныхъ залахъ, чтобы обсудить, что слѣдуетъ предпринять. Рѣшено было послать депутацію изъ 4-хъ воспитанниковъ къ Лаффиту, Казиміру Перье и Лафайету и объявить имъ,

что политехническая школа готова принять участие въ возстаніи. Депутаты выбрались изъ школы и отправились къ Шарра, гдѣ переодѣлись въ штатское платье, такъ какъ по улицамъ шмыгали полицейскіе и ихъ могли арестовать. Затѣмъ они вятеромъ отправились къ Лаффиту. Тамъ имъ сказали, что Лаффитъ легъ спать.

27-го іюля толпа ограничилась тѣмъ, что срывала вывѣски придворныхъ поставщиковъ и бросала ихъ въ грязь. Утромъ 28-го, спустя часъ послѣ восхода солнца, на всѣхъ построенныхъ за ночь баррикадахъ развѣвалось трехцвѣтное знамя. Такимъ образомъ началась революція.

Въ эту ночь повстанцы нашли себѣ руководителей въ бывшихъ наполеоновскихъ офицерахъ и уже упомянутыхъ прежнихъ карбонарияхъ, которые, въ виду трусливой бездѣятельности депутатовъ, рѣшили на состоявшемся у нихъ единомышленника Каде Гассикура собраніи придать движенію общій, планомерный характеръ. Для каждаго изъ 12-ти парижскихъ округовъ былъ учрежденъ отдѣльный революціонный комитетъ, которые въ эту же ночь съ 27-го на 28-е іюля и начали свою дѣятельность. Они воодушевили народъ къ постройкѣ баррикадъ, достали оружіе, въ чемъ раньше чувствовался большой недостатокъ и занялись съ большимъ усердіемъ заготовленіемъ патроновъ.

Депутация политехнической школы не была принята ни Лаффитомъ, ни Казиміромъ Перье. Отъ Лаффита они получили характерный отвѣтъ: «Посоветуйте своимъ товарищамъ держаться спокойно». Но они въ ту-же ночь взяли штурмомъ фехтовальную залу, завладѣли рапирами и начали оттачивать клинки о каменныя плиты. Затѣмъ они съ шумомъ бросились къ воротамъ большей частью въ праздничной формѣ, встрѣчаемые шумными оваціями со стороны народа и увлекая за собою студентовъ—юристовъ и медиковъ. Въ рядахъ борцовъ можно было найти и гимназистовъ, которые соперничали съ подростками пролетаріями въ помощи баррикаднымъ бойцамъ, состоявшимъ, главнымъ образомъ, изъ крѣпкихъ, энергичныхъ жителей предмѣстій. Еще до разсвѣта начали стекаться къ центру Парижа рабочіе и принялись за постройку баррикадъ. Такимъ образомъ, вся ненависть и озлобленіе, которое накопилось въ теченіе 15 лѣтъ противъ Бурбоновъ, вылилось наружу 28-го іюля въ одномъ объединяющемъ всѣхъ чувствѣ, въ ненасытной жаждѣ борьбы.

Только широкая масса средней и высшей буржуазіи оставалась безучастной. Когда утромъ ударили въ набатъ и звукъ колокола собора Парижской Богоматери огласилъ окрестности, только небольшой отрядъ раснушенныхъ національныхъ

гвардейцевъ вытащилъ изъ шкафа запыленную форму и, наливъ ее на себя, отправился въ меріи и другія общественныя зданія, чтобы тамъ поддерживалъ порядокъ.

Около полудня 28-го іюля либеральные депутаты собрались по уговору у Одри де Пюйраво. Также Лаффитъ и Лафайетъ были на лицѣ.

Депутатъ Могэнъ, который уже не могъ больше удовлетвориться бумажнымъ протестомъ, предложилъ къ ужасу всѣхъ присутствующихъ выбрать временное правительство, но самъ же снялъ свое предложеніе, такъ какъ никто его не поддержалъ. Но все-таки депутаты настолько набрались храбрости, что рѣшили, наконецъ, выразить протестъ противъ ординасовъ. Изъ трехъ предложенныхъ на обсужденіе проектовъ приняли проектъ профессора Гизо, составленный деревяннымъ канцелярскимъ слогомъ, въ которомъ прежде всего подчеркивается вѣрность депутатовъ своему королю, введенному въ заблужденіе своими министрами.

Когда дѣло дошло до подписей, то большинство этихъ героевъ отказались подписаться подъ протестомъ. Пришлось ограничиться слѣдовавшей въ концѣ текста пустой фразой: «подписи слѣдуютъ» и въ такомъ видѣ, то есть неподписаннымъ, этотъ документъ былъ посланъ въ редакцію «Temps» для опубликованія.

Потоки крови лились на улицахъ Парижа въ то время, когда гг. депутаты приняли этотъ ничего не значущій протестъ, при чемъ Дюшэнъ старшій и ген. Себастьяни нашли его даже слишкомъ рѣзкимъ! Казимиръ Перье, который продолжалъ измышлять способы, какъ затормозить революцію, нашелъ, по его мнѣнію, очень практическое средство. Онъ сказалъ Лаффиту: «необходимо переговорить съ Мармономъ. 4 милліона встрѣтятъ недурной пріемъ». Мысль попытаться повліять на Мармона нашла сочувствіе въ собраніи. Лаффитъ заявилъ, что онъ готовъ взять на себя это порученіе и предложилъ Казимира Перье, Могэна, Лобо и Жерара въ качествѣ членовъ депутаціи къ маршалу. Это предложеніе было принято.

Утромъ этого дня Парижъ почти уже былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а потому въ рукахъ Мармона находилась высшая правительственная власть. Былъ назначенъ военный судъ, который немедленно долженъ былъ произносить приговоръ надъ захваченными съ оружіемъ въ рукахъ инсургентами. Былъ отданъ приказъ арестовать нѣкоторыхъ вліятельныхъ депутатовъ оппозиціи, которыхъ считали руководителями возстанія, между прочимъ Лаффита, Лафайета, Жерара, Могэна, Одри де Пюйраво и др. Событія развертывались съ такой быстро-

той, что военный судъ не успѣлъ приступить къ отравленію своихъ обязанностей и указъ объ арестахъ остался на бумагѣ.

Еще прежде, чѣмъ депутація явилась къ Мармону, къ нему послѣдили по собственной инициативѣ Араго и умоляли лично ему преданнаго маршала отправиться въ С.-Клу и объяснить королю, что онъ вынужденъ будетъ сложить съ себя командованіе, если король не отмѣнитъ ордонансовъ и не удалитъ Полиньяка. Мармонъ слабо возражалъ, и когда Араго все больше настаивалъ, то онъ пробормоталъ: «хорошо... вечеромъ... я посмотрю». — «Вечеромъ?» воскликнулъ Араго. «О чемъ вы думаете! Къ вечеру все будетъ кончено! И какъ бы не кончился бой, ваше положеніе будетъ ужасно. Если вы будете побѣждены, то ваша гибель неизбежна. Если вы побѣдите, вамъ никогда не простятъ это кровопролитіе». Маршалъ былъ потрясенъ. «Сказать мнѣ вамъ все?» продолжалъ еще настойчивѣе Араго, «по дорогѣ сюда я слышалъ въ толпѣ такія слова: если будутъ стрѣлять въ народъ картечью, то за это поплачутся Мармонъ». При этихъ словахъ маршалъ схватился за свою шпагу.

Въ это время доложили маршалу о приходѣ депутатовъ. Араго простился, а депутація была сейчасъ же принята, послѣ чего маршалъ разорвалъ приказъ объ арестѣ Лаффита, Могэна и Жерара. Лаффитъ сталъ заклинять маршала пріостановить кровопролитіе. Онъ ему доказывалъ, какія несчастія принесетъ нарушеніе конституціи не только народу, но и трону. Маршалъ возразилъ, что онъ не можетъ высказать свое мнѣніе относительно конституціи, но во всякомъ случаѣ объ отмѣнѣ ордонансовъ не можетъ быть и рѣчи, прежде чѣмъ парижане не сложатъ оружія. Наконецъ онъ согласился написать королю. Лаффитъ спросилъ его, надѣется ли онъ на успѣхъ. Маршалъ грустно покачалъ головой. «Въ такомъ случаѣ», сказалъ Лаффитъ, «я рѣшился всецѣло присоединиться къ движенію». Мармонъ спросилъ у депутатовъ, намѣрены ли они переговорить съ Полиньякомъ. Получивъ утвердительный отвѣтъ, Мармонъ вышелъ, но скоро вернулся съ извѣстіемъ, что Полиньякъ отказывается принять депутацію, считая бесѣду совершенно безцѣльной. Въ 4 ч. пополудни депутаты собрались, какъ это было условлено заранѣе, у Берара. Страхъ былъ ясно написанъ на всѣхъ лицахъ. Лаффитъ сообщилъ о неудачномъ исходѣ попытки депутаціи. Крики ужаса и отчаянія раздались со всѣхъ концовъ залы, смѣшиваясь съ восторженными возгласами бойцовъ баррикады, отдаленнымъ гуломъ набата, шумимъ трескомъ оружейныхъ выстрѣловъ и глухой дробью бараба-

новъ. На это пятое собраніе депутатовъ явился также редакторъ «Temps» Кость, заявившій, что согласенъ опубликовать протестъ только въ томъ случаѣ, если депутаты подъ нимъ подпишутся. Необходимо было на что-нибудь рѣшиться. Генералы Себастьяни и Жераръ испугались и ушли, за ними последовали другіе, такъ что на собраніи осталось очень мало членовъ; чтобы избѣгнуть опасности, рѣшили наконецъ подписать подъ протестъ имена всѣхъ, даже не находившихся въ Парижѣ, либеральныхъ депутатовъ. «Очень хорошо», замѣтилъ насмѣшливо Лаффитъ, «въ случаѣ пораженія значить никто не подписывалъ. Если мы побѣдимъ, то въ подписяхъ недостатка не будетъ». Только имя Дюпэна было зачеркнуто Могэнномъ, такъ какъ въ случаѣ неудачи они боялись его жалобы.

Военныя распоряженія маршала Мармона въ этотъ первый боевой день сводились къ слѣдующему. Онъ большую часть своихъ войскъ стянулъ съ ранняго утра къ Тюльери, Пале-Роялю, Лувру, на Карусельскую, Вандомскую площади, площадь Согласія и сосѣднія улицы. Эти войска были раздѣлены на двѣ большія дивизіи, которыя около полудня получили приказъ къ выступленію, разрушая по пути баррикады и занимая наиболѣе важные стратегическіе пункты. Первая дивизія должна была прослѣдовать вдоль набережной Сены по направлению къ Гревескон площади и ратушѣ. Другая дивизія должна была пройти черезъ бульвары, занять Бастильскую площадь и черезъ улицу С.-Антуана проникнуть въ ратушу. Если бы этотъ планъ удался, то возстаніе было бы замкнуто королевскими войсками въ наиболѣе значительной и безопасной части города. Двумъ гвардейскимъ батальонамъ было поручено занять улицу С.-Дени, чтобы составлять живую связь между разобщенными частями войскъ. Одинъ изъ этихъ батальоновъ былъ посланъ на сѣверъ вплоть до бульваровъ, другой на югъ до самой Сены.

Недостатки этого плана дѣйствій были слишкомъ очевидны. Войска могли пройти указанный путь, но они были слишкомъ малочисленны, чтобы быть въ состояніи занять всю эту площадь. Если бы ихъ расположили на улицахъ С.-Дени и С.-Антуанъ, прорѣзанныхъ многочисленными переулками и улочками, то имъ грозила опасность подвергнуться обстрѣлу, не будучи въ состояніи отвѣтить на эти выстрѣлы. Скоро выяснилось, что не было принято никакихъ мѣръ для снабженія войска провіантомъ, такъ что голодъ заставилъ бы ихъ вскорѣ сложить оружіе. Предписанныя маршаломъ операціи могли быть выполнены весьма несовершенно, и большинство генераловъ въ виду большихъ потерь сочли себя вынужденными отсту-

пить, что во многихъ случаяхъ было возможно только обходными путями. Вечеромъ, 28-го юля, ратуша была единственнымъ пунктомъ, который въ центрѣ города находился еще въ рукахъ королевскихъ войскъ.

Характерна для поведенія войскъ судьба колонны подъ начальствомъ Шамана, которой было поручено пробраться на Бастильскую площадь. Она долго шла, не встрѣчая серьезнаго сопротивленія; только при портахъ С.-Дени и С.-Мартэнъ на нихъ сдѣлали стремительное нападеніе. Здѣсь во главѣ героической группы покрытыхъ лохмотьями пролетаріевъ сражались элегантные молодые люди, принадлежащіе къ высшимъ слоямъ общества. Только спустя нѣкоторое время войско могло продолжать свой путь, но за нимъ опять начала собираться толпа; деревья бульваровъ падали подъ ударами топоровъ, и огромныя баррикады воздвигались съ поразительной быстротой, лишая солдатъ послѣдней надежды на возможность возвращенія. На Бастильской площади Шаманъ наткнулся на громадную толпу, состоящую главнымъ образомъ изъ женщинъ и дѣтей. «Труда! Хлѣба!» Вотъ были крики, съ которыми невооруженныя толпы вышли на улицу. Странная вещь! Въ то время, какъ въ другихъ пунктахъ города пролетаріи сражались подъ лозунгами, которыхъ они не понимали, здѣсь толпа издавала свой дѣйствительный боевой кличъ, не сражаясь. Шаманъ вошелъ въ толпу и роздалъ все деньги, которыя были принесены въ то время, какъ его отрядъ выстраивался въ боевой порядокъ. Колонна должна была выступить въ улицу С. Антуанъ, чтобы пробраться къ ратушѣ. Но едва только она тронулась въ путь, какъ со всѣхъ угловъ примыкающихъ улочекъ и переулковъ противъ нея былъ открытъ такой оживленный огонь, что Шаманъ вынужденъ былъ по лѣвому берегу Сены отступить къ Тюльери. Только на Бастильской площади онъ оставилъ отрядъ кирасиръ. Послѣдній соединился съ пятидесятымъ линейнымъ полкомъ и направился по улицѣ С.-Антуанъ къ ратушѣ. Это былъ долгій кровавый путь, но все-таки удалось разрушить многія баррикады. Черезъ невидимыя амбразуры непрерывно стрѣляли въ солдатъ и изъ оконъ на ихъ головы летѣли булыжники, кирпичи и домашняя утварь; слабыя женщины тащили на верхній этажъ тяжелыя плиты и съ оконъ бросали ими въ войска. Число лицъ изъ народа, которые съ оружіемъ въ рукахъ сражались на баррикадахъ, было не очень велико, гораздо больше было число тѣхъ, которые принимали косвенное участіе въ битвахъ. Передъ борцами въ случаѣ опасности гостеприимно открывались вездѣ двери и сейчасъ же за ними запирались; раненыхъ

охотно вездѣ принимали и ухаживали за ними съ трогательной любовью, во всѣхъ домахъ женщины занимались приготовленіемъ корнн. Несчастныя войска для того, чтобы добраться до ратуши, должны были у С.-Жерменской церкви оставить улицу С.-Дени и пойти по набережной вдоль праваго берега Сены. Благодаря удачному нападенію, которое произвели уланы подъ аркой С.-Жанъ, вѣлѣдствіе чего силы инсургентовъ были отвлечены въ эту сторону, отряду удалось проникнуть на Гревскую площадь, занятую королевской гвардіей.

Войска, выступавшія подъ начальствомъ генерала Кэнсона, чтобы очистить улицу С.-Дени, были разбиты на голову. Имъ едва удалось добраться до *Marche des Innocents*. Когда же одинъ батальонъ былъ посланъ въ портъ С.-Дени, то ему послѣ большихъ потерь и съ неимоверными усиліями удалось достигнуть своей цѣли. И въ то время, какъ батальонъ подвигался впередъ, сзади опять воздвигались баррикады, такъ что отступленіе ему было отрѣзано. Генераль Кэнсона съ меньшими силами оказался запертымъ въ *Marches des Innocents* и окруженнымъ со всѣхъ сторонъ инсургентами. Въ этомъ отчаянномъ положеніи ему ничего другого не оставалось дѣлать, какъ послать своего адъютанта, переодѣтаго въ штатское платье, черезъ боковую улицу къ Мармону просить о помощи. Маршалъ сейчасъ же приказалъ батальону швейцарскихъ пеминковъ отправиться въ *Marche des Innocents* и вернуть обратно генерала Кэнсона. Но это удалось только послѣ штурма многихъ баррикадъ, выдержавъ жестокой обстрѣлъ, стоившій солдатамъ многихъ жертвъ. Швейцарцы снуетались вмѣстѣ съ солдатами генерала по улицѣ С.-Дени, чтобы сдѣлать привалъ на берегу Сены на набережной *d'École*.

Войска, расположенныя въ ратушѣ, были предоставлены своимъ собственнымъ силамъ, въ то время, какъ наступавшія на нихъ группы народныхъ борцовъ все росли и росли. Изъ оконъ ратуши они открыли убійственный огонь по всѣмъ окрестнымъ улицамъ. Число жертвъ въ этомъ пунктѣ было весьма значительное, въ то время какъ войска, сражавшіяся въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, терпѣли очень небольшія потери.

Вечеромъ, часовъ въ десять, согласно уговору, въ шестой разъ собрались депутаты оппозиціи у Одри де Шюбраво. Только 10-12 депутатовъ, мрачно настроенные, явились на это собраніе. Они вновь доказали свою нерѣшительность и полное безсиліе. Себастьяни на этотъ разъ особенно проявилъ свою преданность существующему порядку вещей. «Господа», сказалъ онъ, «намъ нужно переговорить. Наша роль чисто посредническая, мы уже больше не депутаты». — «Мы конспирируемъ такъ, какъ народъ

конспирируетъ, и вмѣстѣ съ народомъ», отвѣтилъ Могэнъ. Зала находилась въ нижнемъ этажѣ и окна на улицу были открыты, такъ что народъ, толпившійся у дома, слышалъ все. Вскорѣ съ улицы поднялся крикъ ярости противъ Себастьяни. Многіе баррикадные бойцы проникли во дворъ и разсказывали, какой убійственный бой былъ у ратуши. Лаффитъ, Лафайетъ, Одри и Лабордъ объяснили, что депутаты должны руководить народной борьбой, дѣлать его опасности и принять его знамя. Гизо былъ молчаливъ и неподвиженъ. Себастьяни, едва услышавъ рѣчь относительно знамени, вскоцилъ смертельно испуганный и заявилъ, что онъ лично не можетъ больше принять участіе въ такихъ разговорахъ, что онъ не признаетъ никакого другого національнаго знамени, кромѣ бѣлаго, и удалился. «Мы уже долго переливаемъ изъ пустого въ порожнее!» воскликнулъ Одри де Пюйраво, «настало время взяться за дѣло. Выйдемъ къ народу и возьмемтесь за оружіе». Лафайетъ также потребовалъ, чтобы ему указали постъ, такъ какъ онъ готовъ присоединиться къ движенію, но большинство не могло притти ни къ какому рѣшенію. Депутаты разошлись, ничего не порѣшивши, и сговорились собраться на слѣдующій день въ 6 ч. утра въ седьмой разъ у Лаффита. Когда Лафайетъ вышелъ изъ дома Одри, онъ былъ встрѣченъ шумными рукоплесканіями. Одинъ изъ толпы подошелъ къ нему съ вопросомъ, не согласится ли онъ взять на себя командованіе національной гвардіей. «О чемъ вы думаете?» спросилъ одинъ изъ сопровождавшихъ Лафайета, «вы хотите, чтобы генерала застрѣлили?» Въ то время, какъ лучшие друзья Лафайета боялись выставить его имя, въ другомъ мѣстѣ столицы разыгралась слѣдующая характерная сцена. Два обывателя Гигоне и Дегузе проходили по безлюдной площади Petits-Peres. Къ нимъ подошелъ незнакомецъ и сказалъ: «завтра опять начнется бой, я военный; нуженъ ли вамъ генералъ?» «Генералъ?», возразилъ Дегузе, «во время революціи каждый портной годится для этой роли». Гигоне прибавилъ: «Вы хотите быть генераломъ? Хорошо, одѣньте форму и приходите на арену битвы». Этотъ незнакомецъ былъ Дюбуръ. Онъ послѣдовалъ этому совѣту и на слѣдующій день въ теченіе нѣсколькихъ часовъ мы его видимъ королемъ Парижа.

Между тѣмъ войска со всѣхъ сторонъ были оттѣснены къ Тюльери. Отрядъ, занимавшій ратушу, рѣшилъ отступитъ, такъ какъ у него осталось всего 40 патроновъ. Солдаты ушли, захвативъ съ собой убитыхъ и раненыхъ товарищей. Они шли, насторожившись, и прислушивались къ малѣйшему шуму, какъ бы ожидая нападенія съ каждой баррикады. Но ихъ опасенія не

оправдались; по дорогѣ имъ попадались только труны, на которые они въ темнотѣ наступали ногой.

Маршалъ, въ виду побѣдоноснаго шествія революціи, понялъ всю серьезность своего положенія и неоднократно настаивалъ въ этотъ день, чтобы король уступилъ. «Теперь послѣдній моментъ для Вашего Величества», писалъ онъ ему, «принять мѣры къ тому, чтобы миръ былъ восстановленъ. Теперь еще можно спасти честь короны; завтра, можетъ быть, будетъ слишкомъ поздно». Эти настойчивыя предложенія были встрѣчены весьма несочувственно въ С.-Клу и оставлены безъ всякаго вниманія. Убаюкиваемый княземъ Полиньякомъ, которому въ эту ночь явилась во снѣ Матерь Божія и совѣтовала держаться стойко, Карлъ X спокойно игралъ въ карты въ то время, какъ въ переднихъ комнатахъ замка лакеи уже отчаялись въ томъ, удастся ли подавить возстаніе.

Утромъ въ четвергъ, 29-го іюля, королевскія войска были вытѣснены изъ всѣхъ позицій въ кварталахъ, населенныхъ рабочимъ людемъ и доступъ имъ туда былъ отрѣзанъ многочисленными баррикадами. Мармонъ былъ съ трехъ сторонъ тѣсно обложенъ побѣдоносными повстанцами. Его войска удержали только ту часть квартала Лувра, которая ведетъ къ Елисейскимъ полямъ и такимъ образомъ маршалъ сохранилъ связь съ С. Клу черезъ Булонскій лѣсъ. Будучи поставленъ въ такое безвыходное положеніе и потерявъ надежду добиться уступокъ со стороны короля, Мармонъ счелъ себя вынужденнымъ искать перемирія, въ чемъ онъ вчера еще отказалъ депутатамъ. Утромъ 29-го іюля онъ выпустилъ слѣдующую прокламацію къ парижанамъ: «Вчера было пролито много крови и слезъ. Изъ человеколюбія я готовъ пріостановить военныя дѣйствія въ надеждѣ, что добрые граждане Парижа вернутся къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Я умоляю Васъ объ этомъ».

Эту прокламацію нельзя было отпечатать, такъ какъ въ распоряженіи войскъ не было ни одной типографіи, а потому она была распространена въ переписанномъ видѣ. Какъ и можно было ожидать, она не произвела никакого впечатлѣнія на инсургентовъ. Какъ и наканунѣ, рабочіе стекались цѣлыми толпами изъ предмѣстій и принимались за приотровленія къ продолженію боя.

Рѣдкая сцена разыгралась между тѣмъ въ центрѣ Парижа. Между 10 и 11 часами на *Marché des Innocents* шелъ человекъ, одѣтый въ генеральскую форму, сопровождаемый большимъ числомъ вооруженныхъ людей. Эваристъ Дюмуланъ, редакторъ «*Constitutionnel*», подчинившійся ордонансамъ, одѣлъ этого господина въ форму, купленную у старьевщика, эпюлеты до-

сталъ ему изъ магазина Оперы одинъ актеръ. «Что это за генераль?», спрашивали всѣ.—«Генераль Дюбуръ». «Да здравствуетъ генераль Дюбуръ!»—кричалъ народъ, который никогда не слышалъ этого имени. Настолько велика была потребность имѣть командира.

Шествіе направилось въ ратушу, гдѣ Дюбуръ занялъ мѣсто въ качествѣ главнокомандующаго. Первымъ его распоряженіемъ было снять трехцвѣтное знамя и на его мѣсто повѣсить черное. «Франція должна сохранить черный цвѣтъ», объявилъ онъ, «пока она не вернетъ обратно всѣ свои вольности».

Такимъ образомъ въ Парижѣ оказалось 2 военачальника. Который изъ нихъ имѣлъ болше шансовъ удержать за собой власть? Последняя надежда на примиреніе исчезла, такъ какъ во многихъ мѣстахъ возобновился бой и застрѣльщиками явились воспитанники политехнической школы. Еще утромъ въ предмѣстьи С.-Жака раздался кличъ: «Политехники, на улицу!» Они послѣдовали этому зову и во главѣ многочисленной толпы направились на улицу Турнионъ къ жандармскимъ казармамъ, взяли ихъ штурмомъ и запаслись оружіемъ. Каждый политехникъ, получившій оружіе, выкрикивалъ: «Кто за мной?» и сейчасъ же составлялись группы въ 20—30—40 рабочихъ съ политехникомъ во главѣ. Ударили въ барабанъ и шествіе тронулось въ путь. Одинъ изъ этихъ отрядовъ направился противъ поста швейцарцевъ на площади Фомы Аквинскаго, другой завладѣлъ пороховымъ складомъ близъ «Gardin des Plantes», третій, состоящій изъ 250 человекъ, двинулся противъ цейхгауза королевской гвардіи на площади d'Estrapade. Молодому начальнику этого отряда удалось безъ боя, только убѣдительною своею рѣчи взять этотъ цейхгаузъ и оружіе было сейчасъ же раздѣлено въ толпѣ. Блестящимъ дѣломъ въ этотъ день былъ штурмъ казармы на Вавилонской улицѣ, занятой 150 швейцарцами. Здѣсь толпа находилась подъ начальствомъ уже упомянутаго политехника Шарра, который еще наканунѣ отличался своимъ героизмомъ, и человека изъ народа, по имени Бенаръ. 45 минутъ продолжалась осада и, наконецъ, бой былъ рѣшенъ въ пользу инсургентовъ,—швейцарцы частью разбѣжались, частью были перебиты. Народная масса добыла большой запасъ оружія и приготовилась къ новому наступленію, именно на Тюльери.

Но жребій былъ уже брошенъ и дворецъ очутился въ рукахъ народа. Произошло это такимъ образомъ.

Мармонъ, убѣдившись въ неудачѣ своей прокламаціи, въ отчаяніи рѣшился на послѣднюю попытку и направился на Карусельную площадь, чтобы приготовиться на рѣшительному

бою. Въ это время ему доложили, что расположенныя на Вандомской площади войска братаются съ народомъ, что ихъ преданность королю колеблется и можно ожидать, что они отпадутъ. Маршалъ тотчасъ же рѣшилъ удалить эти войска отъ соприкосновенія съ народомъ, онъ приказалъ имъ отступить къ Тюльери, а на ихъ мѣсто послалъ швейцарскихъ наемниковъ, которые не имѣли среди народа ни родныхъ, ни близкихъ. Поэтому онъ приказалъ полковнику Сали, командиру швейцарцевъ, защищавшихъ Лувръ, прислать ему одинъ изъ своихъ батальоновъ, а другой оставить для защиты Лувра.

Между тѣмъ оба линейныхъ полка, 5-й и 53-й на Вандомской площади рѣшили дѣйствительно перейти къ народу и выразили свою готовность стать подъ начальство генерала Жерара подъ двойнымъ условіемъ: 1) чтобы ихъ не заставляли сражаться противъ своихъ товарищей, 2) чтобы не пытались ихъ обезоружить. Когда эти условія были гарантированы однимъ офицеромъ національной гвардіи, оба полка съ большинствомъ своихъ офицеровъ направились къ дому депутата Лаффита, гдѣ, какъ они знали, находился генераль Жераръ.

Когда Талейранъ, до сихъ поръ относившійся безучастно къ событіямъ, узналъ объ отпаденіи двухъ полковъ, онъ выпуль часы и замѣтилъ сообщившему ему эту новость: «замѣйте, что 29-го іюля 1830 г., въ 12 ч. 5 м., старшая линія Бурбоновъ перестала господствовать надъ Франціей». Въ тотъ же день онъ выразилъ свою преданность новому восходящему свѣтилу, пославъ своего секретаря съ тайнымъ порученіемъ въ Нейли сказать Луи-Филиппу, герцогу Орлеанскому, что если ему на слѣдующій день преподнесутъ титулъ «герцога-намѣстника», то пусть его спокойно приметъ, остальное совершится само собой.

Швейцарцы были расположены въ Луврѣ частью на дворѣ, частью въ самомъ зданіи, во внѣшнихъ коридорахъ, когда полковникъ Сали получилъ приказъ Мармона. Только зданіе подверглось обстрѣлу со стороны народа. Сали, желавшій выставить противъ народа свѣжія войска, рѣшилъ послать маршалу батальонъ, участвовавшій въ битвѣ, а на его мѣсто расположить другой батальонъ свѣжихъ войскъ. Въместо того, чтобы сперва вызвать со двора батальонъ и затѣмъ уже послать къ маршалу другой, Сали въ растерянности сперва отправилъ послѣдній. Народъ замѣтилъ, что огонь прекратился и что не видать больше неприятеля, одинъ смѣлый юноша вскарабкался по трубѣ на крышу и водрузилъ надъ Лувромъ трехцвѣтное знамя. Нѣкоторые борцы прошли черезъ оставшіяся открытыми ворота во дворецъ, проникли въ залы и открыли изъ оконъ огонь по

швейцарцамъ, находившимся во дворѣ. Неустрашимые швейцарцы опѣшили, въ ихъ испуганномъ воображеніи ожили ужасныя, кровавыя традиціи, воспоминанія о 10 августа 1792 года, и они въ паническомъ ужасѣ стремительно бросились бѣжать къ Тюльери. Между тѣмъ, народъ разнесъ двери замка и и наводилъ Лувръ, а часть бросилась преслѣдовать швейцарцевъ. Залны слѣдовали за залнами, народъ, воодушевленный усѣхомъ, стремительнымъ натискомъ отбросилъ высланныхъ противъ него солдатъ. Швейцарцы достигли навильона de l'Horloge, въ беспорядкѣ пробрались черезъ него и разсѣялись по аллеямъ Тюльерійскаго сада. Ихъ паника сообщилась расположеннымъ здѣсь войскамъ, которыя въ свою очередь передали свое настроеніе полкамъ, занимавшимъ площадь Людовика XV. Растерянность и переполохъ были такъ велики, что Мармонъ отчаялся остановить войска и напрягалъ все усилія на то, чтобы превратить беспорядочное бѣгство въ болѣе или менѣе правильное отступленіе. Въ часъ пополудни надъ Тюльерійскимъ дворцомъ развѣвалось трехцвѣтное знамя и на тронъ Бурбоновъ положили трунъ молодого борца въ знакъ того, что народъ занялъ мѣсто низвергнутой монархіи.

Взятіемъ Лувра и Тюльери бой былъ законченъ. Побѣда обошлась народу въ 5300 убитыхъ и раненыхъ. Побѣдители не чувствовали себя достаточно крѣпкими, чтобы перенести арену борьбы за черту города, гдѣ подъ ружьемъ находились королевскія войска отъ 10 до 12 тысячъ. Уличный бой съ обѣихъ сторонъ отличался умѣренностью и великодушіемъ, что указываетъ на господствовавшее среди буржуазіи чувство національнаго единства. Никакое умышленное кровопролитіе не имѣло мѣста. Съ плѣнными и ранеными, какъ солдаты, такъ и повстанцы обращались не только гуманно, но и доброжелательно и самоотверженно. Также не влекло за собой возстаніе ни грабежей, ни умышленныхъ разрушеній. Ни дворцы, ни французскій банкъ съ его запасами золота, ни произведенія искусства Лувра нисколько не пострадали въ эти дни.

Теперь, послѣ достигнутой побѣды, выльзали изъ своихъ грязныхъ угловъ и политическія ночныя совы, которыя раньше боязливо прятались, когда исходъ борьбы былъ сомнителенъ. Когда они въ качествѣ миролюбивыхъ гражданъ смѣшались съ вооруженнымъ народомъ и настойчиво убѣждали его сложить оружіе, то противъ этого выступили другіе граждане и заклинали народъ не поддаваться такимъ рѣчамъ и не покидать поля битвы, пока не будетъ достигнута полная побѣда. Въ такомъ духѣ держалъ къ народу рѣчь на площади Шарль Дюэнъ старшій. Онъ, казалось, былъ въ большой ажи-

таціи и, повидимому, хотѣлъ своимъ бурнымъ присоединеніемъ къ народному дѣлу загладить свое прежнее сомнительное поведеніе. Также Казимиръ Перье, получивъ извѣстіе о томъ, что король хочетъ съ нимъ бесѣдовать, отказался съ большимъ высокоуміемъ. Онъ прекрасно понималъ, на чью сторону склоняется счастье, а онъ всегда принадлежалъ сильнѣйшему.

До полудня возстанію не хватало высшаго руководства, какого-нибудь признаннаго авторитета. Только въ ратушѣ Дюбуръ проявлялъ свою власть въ своей генеральской формѣ, въ шляпѣ съ перомъ. Онъ объявилъ себя комендантомъ ратуши и до извѣстной степени выполнялъ эти обязанности. Другія неизвѣстныя лица объявили себя временнымъ правительствомъ. Оно подписало нѣсколько указовъ и распредѣлило между собою государственныя должности. На ряду съ нѣкоторыми молодыми людьми, полными беззаветной преданности и героической смѣлости, подвизались честолюбивые авантюристы, вся храбрость которыхъ выражалась въ непониманіи встрѣчаемыхъ пренятствій и неодолимою кичливости. Ихъ господство была кратковременно и заключалась въ нѣсколькихъ забавныхъ сценахъ. Въ залѣ св. Жака очень мирно дѣлили между собою власть надъ Франціей. Постоянно приходили просители и преклонялись передъ мощью властелиновъ Франціи. Такимъ образомъ, въ эту замѣчательную революцію на протяжении нѣсколькихъ дней и даже часовъ проявилась въ самыхъ различныхъ формахъ человеческая природа: героизмъ и мелочность, мужественная страстность и кичливость, величіе и ничтожество, словомъ, сказался весь человѣкъ со всеми своими темными и свѣтлыми сторонами.

До сихъ поръ признанные представители буржуазіи, либеральные депутаты, почти никакого участія не принимали въ событіяхъ. На назначенное въ этотъ день 7-е собраніе у Лаффита явилось $\frac{1}{2}$ дюжины депутатовъ и то только въ 9 часовъ, спустя 3 часа послѣ назначеннаго срока. Чѣмъ больше приближался рѣшительный моментъ, тѣмъ болѣе колебались депутаты; они боялись высказаться за то или иное рѣшеніе, чтобъ не взять на себя ответственности за дѣло, которое въ близкомъ будущемъ можетъ провалиться.

Около полудня число депутатовъ, наконецъ, достигло едва 25 человѣкъ. Самъ Лаффитъ, раненый въ ногу, лежалъ въ креслахъ. Выслушивались различныя предположенія и отклонялись одно за другимъ, когда получилось извѣстіе, что 2 линейныхъ полка на Вандомской площади отказались повиноваться маршалу Мармону и рѣшили стать подъ начальство ген. Жерара. Это произвело потрясающее впечатлѣніе, нерѣшительность моментально исчезла. Когда тутъ же явился Лафайетъ и сообщая, что

со всѣхъ сторонъ ему предлагаютъ стать во главѣ національной гвардіи и что онъ не считаетъ себя въ правѣ отклонить это предложеніе, то эта мысль встрѣтила общее одобреніе. На ряду съ этимъ человѣкомъ, который получилъ свою власть изъ рукъ народа, депутаты выбрали изъ своей среды Жерара, въ качествѣ главнокомандующаго всѣми войсками Парижа.

Оба генерала удалились для того, чтобы вступить въ отправленіе своихъ обязанностей; въ это время пришли офицеры отложившихся полковъ, чтобы заявить отъ своего имени и отъ имени войска объ ихъ готовности подчиниться распоряженіямъ депутатовъ. Настроеніе депутатовъ приподнялось до крайнихъ предѣловъ, какъ вдругъ подъ окнами раздался сильный залпъ. Перепуганные депутаты повскакали со своихъ мѣсть и изъ оконъ увидѣли, что вся улица залужена солдатами. Поднялся невообразимый переполохъ. «Измѣна! Часъ хотять арестовать! Спасайся, кто можетъ!», раздавались дикіе крики. Должно быть, королевская гвардія побѣдила, и врагъ теперь наступаетъ: всѣ бросились бѣжать. Депутаты толкались, напирая другъ на друга, нѣкоторые выскочили изъ оконъ въ садъ, а двухъ нашли запрятавшимися въ конюшнѣ. Въ одинъ мигъ Лаффитъ былъ покинутъ въ своихъ креслахъ, около него остался только одинъ племянникъ. Жена его унала въ обморокъ. Самъ Лаффитъ, спокойный и невозмутимый, воспользовался этимъ переполохомъ, чтобы при помощи племянника перевязать свою рану. Что же случилось въ дѣйствительности? Это два отложившихся полка явились къ дому Лаффита, чтобы привѣтствовать своего новаго командира, и, чтобы успокоить народъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить свое миролюбивое настроеніе, они дали залпъ въ воздухъ. Въ это время Лафайетъ направился въ ратушу, въ этотъ Тюльери французскаго народа. Тѣснымъ кольцомъ окружила толпа любимаго оппозиціонера и поднимала на рукахъ, чтобы помочь перешагнуть черезъ баррикады. Поддерживаемый съ одной стороны депутатомъ Карбонелемъ, а съ другой Одри де-Пюйраво, онъ съ улыбкой принималъ народныя оваціи, такъ живо напоминавшія ему его молодость.

Собравшаяся на Гревской площади толпа разразилась громкими криками радости и дала залпъ въ воздухъ, когда Лафайетъ вступилъ на крыльцо ратуши. Минимый генераль Дюбуръ вышелъ на встрѣчу старому генералу, почтительно преклонился передъ нимъ и часъ спустя Лафайетъ сдѣлался господиномъ Франціи.

Когда депутаты въ домѣ Лаффита нѣсколько оправались отъ испуга, они опять собрались и передали избраннымъ военачальникамъ также гражданскую власть. Депутаты колебались между двумя проектами, предложеніемъ Могэна выбрать временное

правительство и предложениемъ Гизо назначить только муниципальную комиссію для Парижа. Последний проектъ одержалъ верхъ, такъ какъ для этого требовалось меньше гражданскаго мужества и этотъ проектъ въ сущности ничего не рѣшалъ. Выборъ палъ на Казимира Перье, генерала Лобо, Шонена и Одри де Пюйраво, которые, согласно полученнымъ полномочіямъ, кооптировали Могэна. Едва собралась эта муниципальная комиссія, какъ она сейчасъ же опубликовала слѣдующую прокламацію, ясно указывавшую на то, какое недовѣріе питали представители буржуазіи къ народу:

«Присутствовавшіе въ Парижѣ депутаты *вынуждены* были собраться, чтобы устранить серьезную опасность, *грозившую* собственности и личности французовъ. За неимѣніемъ планомѣрной организаціи была выбрана муниципальная комиссія, которая должна стоять на стражѣ интересовъ всѣхъ».

Это столь оскорбительное для французскаго народа воззваніе было первымъ мѣропріятіемъ вышедшей изъ революціи власти. Оно обнаружило тайныя желанія крупной буржуазіи, въ особенности финансовой аристократіи. Сознаніе общей опасности заставило представителей крупной буржуазіи собраться въ салонѣ Лаффита; а ихъ испуганному воображенію казалось, что ихъ дома уже разрушены и разграблены. Удивленные силой, проявленной народомъ, они меньше всего думали о его душевномъ величій и героизмѣ, которые съ такой яркостью развернулись передъ глазами удивленнаго міра въ эти іюльскіе дни, въ эту такъ наз. «великую недѣлю».

Состоявшіеся въ первый моментъ торжества братское объединеніе буржуазіи и народа продолжалось только нѣсколько часовъ. Уже вечеромъ 29-го іюля буржуазія съ оружіемъ въ рукахъ охраняла свое имущество, которому никто не угрожалъ. Нѣжныя чувства буржуазіи, использовавшей въ своихъ интересахъ народную побѣду, вскорѣ превратились въ чувство недовѣрія, къ которому примѣшивался страхъ передъ возможностью возвращенія королевскихъ войскъ. Вездѣ можно было встрѣтить посты національной гвардіи. Ихъ патрули расхаживали по городу по всѣмъ направленіямъ. Для того, чтобы получить возможность свободно передвигаться по городу, необходимо было знать пароли. Предпринято было много произвольныхъ арестовъ. Буржуа, одѣтые въ форму, обзоруживали рабочихъ и даже своихъ товарищей, которые съ презрѣніемъ отказывались одѣть форму.

Появившіяся 30-го іюля утреннія газеты показали своимъ тономъ и содержаніемъ, что произведенная наканунѣ революція не проникла еще въ ихъ сознаніе. Ни одна изъ оппозицион-

ныхъ газетъ не осмѣлилась указать на опредѣленную политическую цѣль разыгравшихся событій или сдѣлать изъ нихъ опредѣленные логическіе выводы. Даже «National» соблюдалъ крайнюю осторожность и сдержанность. По то, что главный редакторъ Тьеръ боялся высказать на столбцахъ своей газеты, то онъ вмѣстѣ съ историкомъ Мише выразилъ въ составленной ими прокламаціи. Она была отпечатана въ ночь съ 29-го на 30-е іюля и утромъ 30-го іюля появилась на веѣхъ улицахъ Парижа. Вотъ ея содержаніе:

«Карль X не можетъ больше вернуться въ Парижъ: по его вишѣ была пролита народная кровь.

Республика увлекла бы насъ въ пучину бѣдствій; она разсорила бы насъ съ Европой.

«Герцогъ Орлеанскій преданъ дѣлу революціи.

«Герцогъ Орлеанскій никогда противъ насъ не сражался.

«Герцогъ Орлеанскій былъ при Жемапѣ.

«Герцогъ Орлеанскій—буржуазный король.

«Герцогъ Орлеанскій шелъ въ бой съ трехцвѣтной кокардой; только герцогъ Орлеанскій можетъ ее носить. Мы не хотимъ другого.

«Герцогъ Орлеанскій не высказывается. Онъ ждетъ нашего желанія. Выскажемъ же наше желаніе и онъ приметъ хартію такъ, какъ мы ее всегда понимали и желали. Онъ получитъ свою корону изъ рукъ французскаго народа».

Эта прокламація была очень ловко составлена. Имя герцога Орлеанскаго потому такъ часто повторялось, чтобы оно запало въ память французскаго народа. Напоминая народу, который мало интересовался политическими формами, о трехцвѣтномъ знамени и Жемапѣ, старались возбудить національное чувство въ пользу любимца буржуазіи. Въ заключеніе зывали къ верховной волѣ народа, старая уловка политическихъ фигляровъ.

Такимъ образомъ, имя герцога Орлеанскаго дошло до народа, что дало извѣстное направленіе народнымъ желаніямъ и надеждамъ, возбужденнымъ одержанной побѣдой. Благодаря выставленной кандидатурѣ нашла себѣ выраженіе мысль о желательности переменъ династїи и такимъ образомъ случилось то, что предвидѣлъ накануне Талейранъ: сперва стыдливое призваніе герцога Луи-Филиппа на постъ *Lieutenant générale du royaume* (герцогъ-намѣстникъ), а затѣмъ занятіе освободившагося престола.

III.

Интриги изъ-за вакантнаго престола.

Карль X только тогда поколебался въ своей увѣренности въ благотворномъ вліяніи Божьей милостью дарованной ему короны, когда 29-го іюля послѣ полудня къ нему явился маршалъ Мармонъ со своими запыленными и испотѣвшими адъютантами съ извѣстіемъ, что онъ разбитъ на голову. Только теперь король сталъ прислушиваться къ совѣтамъ двухъ пэровъ, графа Семонвиля и д'Аргу, которые съ самого утра настаивали на необходимости быстрой перемѣны министерства. Въ это время пришелъ лично близко стоявшій къ Карлу X роялистъ, баронъ Витроль, въ качествѣ посредника между короной и либеральными депутатами; непремѣннымъ условіемъ мира онъ отъ имени оппозиціи поставилъ назначеніе министрами находившагося въ отпуску французскаго посланника при русскомъ дворѣ герцога Мортмартекаго, генерала Жерара и Казимира Перье.

Герцогъ Мортмартекій былъ наканунѣ въ С.-Клу, чтобы предложить свои услуги королю въ качествѣ капитана гвардіи. Онъ былъ очень знатнаго происхожденія и немножко либераль. Послѣ совѣщанія министровъ, продолжавшагося нѣсколько часовъ и закончившагося отставкой министерства Полиньяка, Карль X пригласилъ его къ себѣ и объявилъ ему, что назначаетъ его первымъ министромъ. Мортмартекій старался уклониться, ссылаясь на свою неспособность, любовь къ спокойной жизни и природное отвращеніе къ усиленнымъ занятіямъ. Карль X настаивалъ на своемъ и въ концѣ концовъ воскликнулъ: «Вы, значитъ, отказываетесь спасти жизнь миѣ и моимъ министрамъ?». «Если ваше величество этого требуетъ....»—«Да, безусловно», прервалъ его король и норовисто воскликнулъ: «Я долженъ еще почестъ за счастье, что миѣ только васъ навязываютъ».

Витроль, Семонвиль и д'Аргу были уполномочены распространить вѣсть о перемѣнѣ министерства по Парижу и этой уступкой добиться мира между королемъ и народомъ. Было 8 час. вечера, когда они наконецъ, перешагнувъ черезъ много баррикадъ, добрались до ратуши. Муниципальная комиссія сейчасъ же приняла пословъ короля. Семонвиль передалъ поруче-

ніе короля, но на вопросъ Могэна, имѣеть ли онъ письменныя полномочія, далъ отрицательный отвѣтъ. Каз. Перье былъ готовъ пойти на переговоры, но Одри де Пюрайво, возмущенный этимъ, въ бѣшенствѣ вскочилъ съ мѣста и, открывъ окно, крикнулъ: «Оставьте эти переговоры, или я призову сюда народъ».

Казимиръ Перье незамѣтно далъ имъ знакъ отправиться къ Лаффиту, чтобы тамъ сдѣлать послѣднюю попытку спасти короля, и они удалились.

Графъ д'Аргу одинъ пошелъ къ Лаффиту. Тамъ опять собрались депутаты, въ томъ числѣ и Тьеръ, который изъ страха передъ возстаніемъ бѣгалъ въ деревню, а теперь, послѣ окончательнаго пораженія войскъ, вернулся обратно въ Парижъ. Тьеръ высказался противъ какого бы то ни было соглашенія съ королемъ, въ томъ же духѣ говорилъ и Лаффитъ. Окна были открыты и въ переднемъ дворѣ толпились вооруженные люди. Одинъ изъ нихъ рѣзкимъ движеніемъ открылъ дверь залы, ударилъ прикладомъ по полу и крикнулъ: «Кто смѣетъ здѣсь говорить о переговорахъ съ Карломъ X!» «Не нужно намъ больше никакихъ Бурбоновъ!» раздалось въ это время со двора. Графъ д'Аргу удалился. Дѣло Карла X было потеряно.

Поздно ночью съ 29-го на 30-е вернулись обратно въ С.-Клу королевскіе гонцы. Карлъ X, назначивъ устно герцога Мортмартекаго первымъ министромъ и кончивъ свою игру въ вѣсть, отправился спать. Новый премьеръ-министръ познакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Парижѣ и занялся вмѣстѣ съ посланниками короля составленіемъ королевскихъ указовъ, которые должны были при помощи уступокъ связать Карла X съ населеніемъ. Первый указъ извѣщалъ о назначеніи герцога Мортмартекаго министромъ иностранныхъ дѣлъ, Жерара—военнымъ и Казимира Перье—финансовъ. Второй указъ отмѣнялъ ордонансы, третій—возстановлялъ распущенную три года тому назадъ національную гвардію.

Теперь оставалось только получить подпись короля, но дворцовая прислуга отказалась его будить. Послѣ долгихъ колебаній одинъ камердинеръ отправился въ королевскую спальню. Король принялъ герцога Мортмартекаго и Витроля въ постели, спокойно выслушалъ докладъ о политическомъ положеніи Франціи и отказался подписать эти декреты; онъ только тогда согласился дать свою подпись, когда ему дали понять, что и безъ его согласія національная гвардія уже возстановлена и ордонансы потеряли всякую силу.

Съ разсвѣтомъ 30-го іюля герцогъ Мортмартекій направился въ Парижъ. По дофингъ, герцогъ Ангулемскій, который былъ

противъ всякихъ уступокъ, подь страхомъ смерти запретилъ начальникамъ передовыхъ постовъ пропускать кого бы то ни было изъ С.-Клу черезъ цѣпь солдатъ въ городъ. Этотъ приказъ былъ примѣненъ къ новому министру и только послѣ большихъ усилій ему удалось добиться разрѣшенія прослѣдовать дальше. Послѣ долгихъ скитаній по Булонскому лѣсу, приче́мъ ему приходилось перелѣзать черезъ стѣну, въ которой контрабандисты сдѣлали брешь, покрытый потомъ и пылью, безъ галстука съ сюртукомъ въ рукѣ, премьеръ-министръ наконецъ добрался до города, гдѣ ему предстояло разыграть роль представителя короля.

Онъ явился слишкомъ поздно. Тьеръ, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ приверженцевъ кандидатуры герцога Орлеанскаго, направился вмѣстѣ съ живописцемъ Ари Шефферомъ въ Пейли, въ виллу Орлеанской семьи, чтобы побудить герцога лично явиться въ Парижъ и принять активное участіе въ событіяхъ. За отсутствіемъ герцога они оба были приняты его сестрой и супругой. Послѣдняя высказалась противъ предложенія Тьера, ссылаясь на тяжелое положеніе королевской семьи. Первая, которая лучше знала Луи-Филиппа, согласилась съ Тьеромъ и обѣщала повліять на брата. Тьеръ, которому, какъ онъ потомъ рассказывалъ, сама принцесса принесла стаканъ воды, вернулся въ Парижъ, восхищенный оказаннымъ ему любезнымъ приѣмомъ.

Герцогу Мортмартекому не удалось опубликовать принесенные имъ изъ С.-Клу королевскіе декреты, потому что ни «Монитеръ», ни какая-нибудь другая типографія не согласились напечатать ихъ. Также не удалась его попытка приступить къ отправленію своихъ обязанностей министра при помощи созванныхъ въ Люксембургскомъ дворцѣ пэровъ Франціи. Они его отослали къ палатѣ депутатовъ и муниципальной комиссіи. Такъ какъ онъ совершенно выбился изъ силъ изъ-за этихъ хлопотъ, то его замѣнилъ баронъ Сюсси, членъ палаты пэровъ, который вмѣсто него отправился въ Бурбонскій дворецъ, гдѣ согласно принятому наканунѣ рѣшенію у Лаффита должно было состояться собраніе депутатовъ, и въ ратушу, гдѣ заседала муниципальная комиссія.

Тьеръ уже сообщилъ палатѣ депутатовъ объ успѣхѣ его визита въ Пейли и было рѣшено послать делегацію съ Лаффитомъ во главѣ къ герцогу Орлеанскому съ настоятельной просьбой пріѣхать въ Парижъ и взять на себя обязанность герцга-намѣстника. Поэтому, когда Сюсси явился съ королевскими декретами, то Лаффитъ отказался принять ихъ. Не лучшій прі-

емъ онъ встрѣтилъ въ ратушѣ, гдѣ заседала муниципальная коммисія.

Послѣдняя дала ему довольно ясно понять, что событія послѣднихъ трехъ дней дѣлають совершенно излишними всякіе переговоры о правительственныхъ проектахъ Карла X. Послѣ того, какъ пэры тоже присоединились къ рѣшенію депутатовъ призвать герцога Орлеанскаго, герцогу Мортмартекому ничего другого не оставалось дѣлать, какъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ.

Въ тотъ же вечеръ герцогъ Мортмартекій получилъ порученіе отъ герцога Орлеанскаго. Послѣдній пришелъ пѣшкомъ въ Парижъ въ 11 час. вечера въ штатскомъ платьѣ, въ сопровожденіи только 3-хъ лицъ. Сейчасъ же по приходѣ въ Пале-Рояль онъ поручилъ Лаффиту выразить свое почтеніе Лафайету и пригласить герцога Мортмартекаго. Тотъ немедленно явился къ нему и Луи-Филиппъ посѣдѣшилъ выразить свою преданность старшей вѣтви Бурбоновъ. Онъ клялся, что пришелъ въ Парижъ исключительно съ цѣлью предупредить анархію въ городѣ. Онъ, дескать, скорѣе наложитъ на себя руки, чѣмъ посягнетъ на французскую корону. Затѣмъ онъ написалъ письмо Карлу X и, запечатавъ его, передалъ министру, который спрячетъ его въ складкахъ своего галестуха *).

31-го іюля въ 8 ч. утра делегация палаты депутатовъ пришла въ Пале-Рояль. Явился герцогъ. Делегация изложила ему о цѣли своего прихода, онъ медлилъ отвѣтомъ. Онъ зналъ, что Карлъ X находится только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа (королевская фамилія наканунѣ вечеромъ покинула С.-Клу, гдѣ она считала себя въ опасности, и подъ защитой отряда лейбъ-гвардейцевъ уѣхала въ Трианонъ), что официально не упраздненный еще тронъ располагаетъ арміей въ 12,000 чел. и что онъ, герцогъ, пока избранъ маленькой партией, не будучи совершенно популяренъ въ народѣ. Луи-Филиппъ колебался..., съ одной стороны, онъ боялся слишкомъ рано принять корону, съ другой стороны онъ считалъ неудобнымъ отказаться. Онъ попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Нѣкоторые депутаты, не подозрѣвая о причинахъ его нерѣшительности, начали ему доказывать, желая оказать

*) Такъ гласитъ версія приверженцевъ старшей линіи Бурбоновъ—«легитимистовъ», которую энергично опровергаютъ орлеанисты. Подозрительнымъ кажется то, что это письмо нельзя было представить. Объясняютъ это тѣмъ, что, дескать, на слѣдующій день Луи-Филиппъ взялъ обратно это письмо, но это далеко еще не выясняетъ вопроса. Несомнѣнно только, что Луи-Филиппъ вообще игралъ въ эти дни очень двусмысленную роль.

ему любезность, что его медлительность может способствовать торжеству республики, а это несомненно подвергнет опасности благосостояние страны. Уирекъ, который принцу долженъ былъ доставить больше удовольствія, чѣмъ грубая лесть. Въ концѣ-концовъ Луи-Филиппъ сдѣлалъ видъ, что онъ далъ себя убѣдить, ушелъ въ кабинетъ и вернулся оттуда съ прокламаціей слѣдующаго содержания:

Жители Парижа!

Находящіеся въ настоящее время въ Парижѣ депутаты выразили желаніе, чтобы я явился въ Парижъ и принялъ должность «герцога-намѣстника».

Я, не задумываясь, рѣшился раздѣлить Ваши опасности, слившійся съ героическимъ населеніемъ столицы, и я буду на-прягать все свои силы, чтобы предупредить гражданскую войну и анархію. Когда я прибылъ въ Парижъ, я съ гордостью носилъ увѣнчанные славой цвѣта, которые вы теперь опять приняли. Я ихъ еще раньше долго носилъ.

Палаты скорѣе соберутся и примутъ мѣры къ тому, чтобы установить законность въ странѣ и обезпечить за народомъ его права.

Хартіей на будущее время будетъ сама истина.

Луи-Филиппъ Орлеанскій.

Эта прокламація была одобрена всеми делегатами, за исключеніемъ Берара, и была прочитана въ палатѣ при шумныхъ рукоплесканіяхъ. На широкую массу она никакого впечатлѣнія не произвела. Ратуша, главная квартира революціи, была сборнымъ пунктомъ вооруженныхъ инсургентовъ, ихъ совершенно не удовлетворили громкія, неопредѣленные фразы этой прокламаціи. Муниципальная комиссія, окруженная озлобленной толпой, старалась успокоить умы и съ своей стороны выпустила прокламацію, которая начиналась словами: «Карль X пересталъ господствовать во Франціи», и заканчивалась увѣреніемъ, что рѣшающій голосъ относительно будущей конституціи и формы правленія будетъ предоставленъ *народу*.

О герцогѣ Орлеанскомъ совѣтъ не упоминалось въ этой прокламаціи, хотя муниципальная комиссія и не отвергла его кандидатуры, но она не обратила на нее никакого вниманія. Это поставило въ непріятное положеніе какъ герцога, такъ и услужливаго Тьера и депутатовъ, вызвавшихъ герцога въ Парижъ.

Власть въ ратушѣ фактически принадлежала не муниципальной комиссіи, а Лафайету не столько въ силу занимаемой имъ

должности главнокомандующаго; сколько благодаря его имени, пользовавшемуся большой популярностью со времени великой революціи. И съ того момента, какъ онъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей въ ратушѣ, его осаждали представители орлеанстеской партіи, стараясь расположить его въ свою пользу. Главнымъ ораторомъ среди нихъ былъ молодой адвокатъ Одилонъ Барро, котораго навязалъ муниципальной комиссіи Лаффитъ въ качествѣ секретаря. Слабачо Лафайета, несмотря на его симпатіи къ республикѣ, не трудно было склонить въ пользу Луи-Филиппа. Такимъ образомъ съ его согласія было рѣшено, чтобы Луи-Филиппъ отправился въ ратушу и тамъ получилъ санкцію на свое избраніе герцогомъ-намѣстникомъ.

Около полудня герцогъ и депутаты тронулись въ путь. При его выходѣ изъ Пале-Рояля онъ былъ встрѣченъ криками одобренія. Герцогъ ѣхалъ верхомъ впереди Лаффита, котораго савояры несли на носилкахъ. Начиная съ Карусельской площади, крики умягли. Чѣмъ дальше они подвигались по набережной, тѣмъ смѣѣе и серьезнѣе дѣлалось настроеніе народа. Герцогъ медленно переѣзжалъ черезъ баррикады, не оглядываясь по сторонамъ, но ему удалось скрыть свое волненіе. Этой побѣдкой онъ поставилъ на карту вопросъ о коронѣ. Гревская площадь была запружена народомъ и вездѣ можно было встрѣтить удивленные, вопрошающія лица. У главнаго подъѣзда ратуши августѣйшаго гостя встрѣтилъ Лафайетъ съ утонченной любезностью джентельмена, которому, какъ представителю самодержавнаго народа, доставляетъ огромное удовольствіе оказать знаки уваженія принцу крови. Они вдвоёмъ вошли въ большую залу, гдѣ собрался генеральный штабъ. Одинъ депутатъ прочелъ составленную Гизо и одобренную депутатами программу новаго правительства. Она заключала: возстановленіе національной гвардіи, участіе гражданъ въ мѣстномъ управленіи, распространеніе суда присяжныхъ на преступленія печати, законъ объ отвѣтственности министровъ, установленіе законности въ военномъ вѣдомствѣ; новыя выборы для замѣщенія депутатовъ, назначенныхъ на общественныя должности. Когда депутатъ прочелъ: «Судъ присяжныхъ для преступленій печати», герцогъ поклонился къ Лафайету и вполголоса сказалъ ему: «больше не будетъ преступленій печати». Когда чтеніе было закончено, герцогъ произнесъ, положивъ руку на сердце, при данныхъ обстоятельствахъ весьма двусмысленныя слова: «Какъ французъ, я оплакиваю то зло, какое было причинено странѣ, и невинно пролитою кровью; какъ принцъ, я счастливъ тѣмъ, что могу содѣйствовать благоденствію народа».

Тогда выступилъ генераль Дюбуръ и сказалъ, указывая рукою на площадь, переполненную вооруженнымъ народомъ: «Вамъ извѣстны наши права; если Вы о нихъ забудете, мы заставимъ Васъ вспомнить о нихъ». Ободренный расположеніемъ Лафайета, герцогъ отвѣтилъ народному генералу съ большою твердостью, что онъ, дескать, возмущенъ недовѣрчивымъ отношеніемъ къ его патриотизму. Въ это время принесли трехцвѣтное знамя. Рука объ руку съ Лафайетомъ со знаменемъ въ рукѣ герцогъ Орлеанскій подошелъ къ открытому окну и показался народу. Послѣдній крикнулъ: «Да здравствуетъ Лафайетъ!» Но когда «герой стараго и новаго свѣта» на глазахъ у всѣхъ обнялъ герцога Орлеанскаго, толпа закричала: «да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!» Онъ былъ, такимъ образомъ, признанъ революціей и вернулся въ Пале-Рояль въ качествѣ герцога-намѣстника. Роль народа кончилась, началось господство буржуазіи.

Три человека изъ различныхъ побужденій способствовали жалкому исходу этой славной революціи: банкиръ *Лаффитъ* изъ легкомыслія и въ силу классовыхъ интересовъ буржуазіи, *Лафайетъ*, «дурень стараго и новаго свѣта», какъ его называлъ Наполеонъ, по слабости и недомыслію; пронырливый журналистъ и карьеристъ *Тьеръ*, ученикъ Талейрана, изъ ненависти къ народу, подавленіе котораго онъ считалъ необходимымъ въ интересахъ своего класса буржуазіи.

Муниципальной комисіи, которая существовала только для видимости, при данныхъ обстоятельствахъ ничего не осталось дѣлать, какъ самой распусть себя. Но прежде чѣмъ упраздниться, она считала своимъ долгомъ позаботиться объ управленіи государствомъ и назначила временное правительство. Дюпонъ де л'Еррь сдѣлался министромъ юстиціи, баронъ Луи—финансовъ, генераль Жераръ—военнымъ, адмирала Риньи—морскимъ, Биньонъ—иностранныхъ дѣлъ, Гизо—министромъ народнаго просвѣщенія. Портфель министра внутреннихъ дѣлъ былъ предложенъ Казимиру Перье. Послѣдній, будучи огорошенъ этимъ предложеніемъ, сперва его принялъ, но потомъ, спохватившись, отказался: вчера только онъ былъ назначенъ министромъ Карла X, а сегодня онъ дѣлается министромъ революціи противъ этого монарха. Онъ такъ настойчиво и умоляюще просилъ, чтобы его имя вообще не было упомянуто въ списокѣ новыхъ министровъ, что редакція «Монитера» наконецъ согласилась вычеркнуть его имя и замѣнить его либеральнымъ пэромъ, герцогомъ Брольи. Герцогъ Орлеанскій безъ долгихъ размышленій утвердилъ этотъ списокъ, составленный муниципальной комиссіей.

31-го іюля въ 5 час. утра Карлъ X вмѣстѣ съ герцогиней

ней Беррійской и ея дѣтьми прибылъ въ Трианонъ. Дофинъ, герцогъ Ангулемскій, остался въ С.-Клу и старался воодушевить войска для борьбы противъ парижанъ. Когда же на Северкомъ мосту онъ хотѣлъ напасть на инсургентовъ, расположившихся въ концѣ моста, войска отказались повиноваться его приказу. Обезкураженный этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, онъ приказалъ войску отетунить къ Версалю.

Между тѣмъ, тамъ королевская фамилія въ дѣдствіе враждебнаго настроенія версальцевъ, дѣлала приготовленія къ отъѣзду въ Рамбулье, куда она и прибыла въ полночь. Туда же прибыла изъ курорта Виши жена дофина, дочь Людовика XVI, переодѣтая крестьянкой. Произошла трогательная встрѣча. Много слезъ было пролито при этомъ. Тяжелое настроеніе усилено было тѣмъ, что королю пришлось продать серебряную утварь замка для того, чтобы имѣть возможность накормить оставшуюся ему вѣрной дворцовую стражу, а герцогиня Ангулемская не имѣла ни платья, ни свѣжаго бѣлья. Къ тому же голодные солдаты застрѣлили для короля въ его саду фазановъ массу дичи, что причинило Карлу X больше страданій, чѣмъ все событія предшествующихъ дней.

Въ этомъ критическомъ положеніи Карль X, плохо осведомленный о томъ, что происходитъ въ Парижѣ, написалъ своему двоюродному брату, герцогу Орлеанскому, слѣдующее письмо:

«Король, желая положить конецъ волненіямъ въ столицѣ и другихъ частяхъ государства и рассчитывая на преданность своего кузена, герцога Орлеанскаго, назначаетъ его герцогомъ-наибѣстникомъ.

«Король считаетъ за благо отмѣнить ордоначсы 25-го іюля, онъ назначаетъ засѣданіе палаты депутатовъ на 3-е августа и надѣется, что она возстановитъ спокойствіе въ странѣ.

«Король будетъ ждать возвращенія лица, которому поручено сообщить въ Парижъ это заявленіе.

«Если жизни короля и его семьѣ будетъ угрожать опасность, онъ будетъ защищаться до послѣдней капли крови.

«Изданъ въ Рамбулье 1-го августа 1830 года.

«Карль».

Посоль съ этимъ письмомъ явился въ Пале-Рояль 2-го августа въ 7 часовъ утра. Герцогъ Орлеанскій отвѣтилъ письмомъ, которое разстрогало до слезъ стараго монарха. Оно было написано очень сердечно и полно увѣреніями въ вѣрности. Карль X отбросилъ окончательно недовѣріе, которое онъ раньше питалъ къ своему кузену. Такъ какъ въ лояльности гер-

цога Орлеанскаго онъ видѣлъ лучшія гарантіи для королевскихъ прерогативъ своего десятилѣтнаго внука, герцога Бордоскаго, то онъ рѣшилъ не только самъ отказаться отъ престола, но и склонить также къ этому бездѣтнаго герцога Ангулемскаго. Они оба извѣстили письмомъ герцога Орлеанскаго, чтобы онъ провозгласилъ десятилѣтнаго сына герцогини Беррійской подъ именемъ Генриха V королемъ Франціи, а въ виду малолѣтства короля, чтобы онъ выполнялъ обязанности регента. Передать это письмо герцогу было поручено генералу Латуръ-Фуассаку. Генераль долженъ былъ сдѣлать это въ тотъ же день.

Съ самаго ранняго утра посигѣнили на аудіенцію въ Пале-Рояль все тѣ, которые были заинтересованы въ томъ, чтобы понравиться новому властелину. Лаффитъ, котораго пригласилъ къ себѣ Луи-Филиппъ, засталъ въ Пале-Рояль Казимира Перье, Броули, Гизо, Тьера, Дюпэна старшаго, Себастьяни, Мюло и Жерара. Послѣ общаго разговора, разсчитаннаго на то, чтобы видимой скромностью подготовить усѣхъ внезапнаго возвышенія, герцогъ Орлеанскій съ таинственнымъ видомъ сообщилъ, что Карль X назначалъ его герцогомъ-намѣстникомъ и прибавилъ, что этимъ хотять его скомпрометировать, онъ въ этомъ ясно видитъ козни старшей линіи.

Затѣмъ Луи-Филиппъ принялъ депутацію отъ муниципальной комиссіи съ Лафайетомъ во главѣ; такимъ образомъ, все власти революціи оказались въ его рукахъ. Заранѣе осведомленный объ ея приходѣ, герцогъ благодарилъ делегацію за оказанный ею патріотизмъ, принялъ отставку комиссіи, какъ революціоннаго комитета, и просилъ ее временно впредь до дальнѣйшихъ распоряженій продолжать свою дѣятельность.

Такъ прошелъ день. Вечеромъ пришелъ въ Пале-Рояль генералъ Латуръ-Фуассакъ съ порученіемъ короля и дофина. Онъ потребовалъ, чтобы его сейчасъ же допустили къ герцогу. Адъютантъ, который несомнѣнно получилъ заранѣе соответствующія приказанія, отказался доложить герцогу о приходѣ королевскаго посла и замѣтилъ генералу, что ему придется обождать до слѣдующаго дня, когда состоится засѣданіе палаты. Генераль заключилъ изъ этого разговора, что Луи-Филиппъ уже знаетъ черезъ своихъ агентовъ содержаніе письма и хочетъ уклониться отъ отвѣта. Онъ поэтому разыскалъ герцога Мортмартекаго, который и согласился передать письмо и помочь генералу добиться свиданія съ Луи-Филиппомъ. Первое удалось. Герцогъ прочелъ письмо, но рѣшительно отказался принять королевскаго посла.

Но король находился въ Рамбулье во главѣ 12-ти тысяч-

ной арміи. Можно было опасаться, что герцогиня Беррійская, какъ она еще предполагала въ С-Клу, можетъ явиться вмѣстѣ съ сыномъ въ Парижъ и довѣриться великодушію парижскаго населенія. Необходимо было, во что бы то ни стало, предупредить такой шагъ и заставить Карла X уѣхать. Поэтому Луи-Филиппъ сдѣлалъ все приготовленія къ тому, чтобы посадить на корабль королевскую семью и изгнать ее изъ предѣловъ Франціи. Генераль Гюло былъ посланъ въ Шербургъ и получилъ начальство надъ 4 департаментами, расположенными между Парижемъ и гаванью.

Комиссары герцога Орлеанскаго, посланные въ Рамбулье 2-го августа въ послѣобѣденное время, чтобы побудить Карла X къ отъѣзду изъ Франціи, не были къ нему допущены, потому что наступилъ уже вечеръ. Они отклонили гостепріимное предложеніе переночевать въ замкѣ, посиѣнно вернулись въ Парижъ и съ наступленіемъ утра сдѣлали докладъ герцогу. «Онъ долженъ уѣхать, онъ долженъ непременно уѣхать!», воскликнулъ Луи-Филиппъ. Такъ какъ увѣщанія, повидимому, не дѣйствовали на короля, то рѣшили грозной демонстраціей заставить его рѣшиться на отъѣздъ. 3-го августа до полудня по улицамъ Парижа бѣгали люди и кричали: «Карль X угрожаетъ Парижу! Въ Рамбулье!» Какъ во времена величайшей опасности заиграли генеральный маршъ, и парижане тронулись въ путь. Идея революціонной процессіи понравилась живой фантазіи парижанъ; она казалась имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и патріотическимъ дѣломъ и увеселительной прогулкой. Хитрые политиканы Пале-Рояля, разсчитывавшіе на впечатлительность парижанъ, были вдвойнѣ довольны: 1) это шествіе должно было изгнать Карла X изъ Франціи, 2) оно удалило все революціонные элементы изъ Парижа.

Было очевидно, что если дѣло дойдетъ до открытаго столкновенія съ хорошо дисциплинированными войсками въ Рамбулье, то парижане будутъ разбиты на голову, поэтому руководить этой демонстраціей поручено было генералу Пажолю, которому въ Пале-Рояль не довѣряли и хотѣли воспользоваться случаемъ отъ него отдѣлаться. Это понялъ и Лафайетъ, поэтому онъ не только поставилъ подъ начальство Пажоля по 500 чел. изъ каждаго легіона національной гвардіи, но приказалъ національной гвардіи Арра и Амьена немедленно двинуться на помощь парижанамъ въ Рамбулье.

Такимъ образомъ тысячи народу предприняли 3-го августа послѣ полудня походъ въ 15 часовъ безъ руководства, безъ жизненныхъ припасовъ, безъ денегъ въ мѣстность, истощенную королевскими войсками. Кареты, омнибусы, кабриолеты, те-

лѣги всевозможныхъ видовъ были добыты, чтобы ускорить отъѣздъ парижанъ въ Рамбулье.

Въ это время герцогъ Орлеанскій открылъ соединенное засѣданіе обѣихъ палатъ. Это былъ день, въ который должны были собраться палаты по приказанію Карла X. Когда герцогъ вошелъ въ залу, раздалось ликованіе, какое обыкновенно имѣетъ мѣсто при вступленіи на престолъ какого-нибудь монарха. Герцогъ торжественно объявилъ объ отреченіи Карла X и дофина, о причинахъ же отреченія онъ дипломатически умолчалъ.

Поздно вечеромъ парижане, усталые, изголодавшіеся и въ странномъ безпорядкѣ добрались до мѣста, отстоявшаго за $\frac{3}{4}$ мили отъ Рамбулье. Здѣсь они должны были получить 6.000 порцій хлѣба, которыя обязалась доставить префектура Версаля, но на дѣлѣ ничего не оказалось. Генераль Экселльманъ поручилъ молодому энергичному Шарра разслѣдовать причины этого замедленія. Шарра нашелъ префекта въ постели, это было въ часъ пополудни. «Ване мѣсто», сказалъ ему Шарра, «не въ постели, а тамъ, гдѣ изготовляются порціи. Мнѣ приказано въ случаѣ, если въ 4 часа утра телѣги не будутъ уже въ пути, Васъ застрѣлить». При словѣ *застрѣлить* префектъ быстро вкочилъ съ постели и общался, что телѣги съ провіантомъ черезъ часъ двинутся въ Рамбулье. «Я буду ждать и самъ проверю это», отвѣтилъ ему Шарра строгимъ тономъ.

Но въ Рамбулье дѣло не дошло до боя. Карлъ X, потерявшій голову отъ пережитыхъ за послѣдніе дни волненій, уже въ 11 ч. вечера приказалъ войску и двору тронуться въ путь. Прибывъ на слѣдующій день утромъ, 4-го августа, въ Ментенонъ, онъ отпустилъ главную массу войска въ Шартръ, удержавъ при себѣ отъ 1000 до 1200 человекъ лейбъ-гвардіи, которые должны были сопровождать его и его присныхъ въ качествѣ охраны вплоть до мѣста посадки на корабль. Небольшими переходами королевская семья достигла 14-го августа Шербурга, гдѣ эскортъ съ трудомъ защитилъ свергнутаго короля отъ взрыва народной ярости. Въ Шербургѣ Карлъ X со своей свитой сѣлъ на американскій корабль «Great Britain» и черезъ 3 дня высадился на островъ Вигъ; въ Портсмутѣ высадка была не безопасна вслѣдствіе враждебнаго отношенія населенія.

Такимъ образомъ, со страницъ французской исторіи исчезъ родъ Капетинговъ, одна изъ самыхъ отвратительныхъ разновидностей коронованныхъ хищниковъ.

Главная масса парижской экспедиціонной арміи, узнавъ о бѣгствѣ Карла X и королевскихъ войскъ, направилась утромъ

4-го августа въ Рамбулле. Во дворѣ замка они нашли королевскіе экипажи и запечатанный ящикъ, въ которомъ находились коронные брилліанты стоимостью около 80 милліоновъ. Рѣшено было этотъ ящикъ сейчасъ же отпрать въ Парижъ. Дегузе взялъ на себя эту тяжелую при данныхъ обстоятельствахъ задачу.

Опасаясь, какъ бы королевскіе экипажи не были разрушены по дорогѣ въ городъ, онъ распорядился помѣстить въ нихъ парижанъ для обратнаго слѣдованія въ столицу. Скоро экипажи, украшенные королевскими гербами, наполнились народомъ; изъ окошъ каретъ торчали шеи и штыки. Когда появилась карета, надъ которой развѣвалось маленькое трехцвѣтное знамя съ надписью: «Брилліанты короля», былъ данъ сигналъ къ отъѣзду. Пляшъ Дегузе удался какъ нельзя лучше.

Такимъ образомъ пролетаріи доставили въ Парижъ великолѣпные экипажи и коронные брилліанты. Они сошли во дворѣ Пале-Рояля и подъ окнами герцога Орлеанскаго раздались крики: «Вотъ тамъ ваши кареты».

Герцогиню это зрѣлище сильно перепугало, напомнивъ ей о сценахъ изъ великой революціи, но герцогъ овладѣлъ собой и все время милостиво улыбался. Главное, Карлъ X бѣжалъ, оставивъ вакантный престоль. Еще нѣсколько пустыхъ формальностей и герцогъ-намѣстникъ сдѣлается королемъ. Генераль Бераръ взялъ на себя предложить своимъ товарищамъ провозгласить—и немедленно—герцога Орлеанскаго французскимъ королемъ. 7-го августа этотъ вопросъ былъ поставленъ на голосованіе въ палатѣ, при чемъ именованное голосованіе было заблаговременно отклонено. Изъ 252 голосовъ 219 были «за», 33 «противъ». Лаффитъ въ сопровожденіи многочисленныхъ товарищей направился въ Пале-Рояль, чтобы доложить герцогу объ избраніи его королемъ.

Такимъ образомъ, въ нѣсколько часовъ 219 депутатовъ измѣнили конституцію, свергли одну династію и возвели на престоль другую. И все это было совершено во имя *народовластія*.

7-го августа собралась палата пэровъ и присоединилась къ рѣшенію палаты депутатовъ.

Теперь оставалось только подыскать соответствующую форму для принятія короны Луи-Филиппомъ. Въ понедѣльникъ, 9-го августа, все было приготовлено къ такъ называемому королевскому засѣданію. Въ Бурбонскомъ дворцѣ былъ поставленъ тронъ, украшенный трехцвѣтными знаменами подъ сѣнью неба изъ ярко-краснаго бархата. Герцогъ вошелъ при звукахъ марселье-

зы и грома пушекъ изъ дома инвалидовъ. Казимиръ Перье, президентъ палаты депутатовъ, прочель рѣшеніе обѣихъ палатъ. Герцогъ Орлеанскій принялъ его безъ всякихъ оговорокъ, выразивъ готовность присягнуть въ вѣрности этому рѣшенію. Сѣдовласый Дюпонъ де л'Ерь прочель слѣдующую формулу присяги:

«Передъ лицомъ Творца моего я клянусь строго соблюдать конституціонную хартію, управлять согласно закону, справедливо воздавать всякому по его заслугамъ и во всѣхъ дѣлахъ руководствоваться только интересами французскаго народа».

Кто же этотъ человекъ, котораго 219 депутатовъ въ такое короткое время навязали французскому народу въ король? Чтобы понять значеніе этого вопроса, необходимо бросить бѣглый взглядъ на исторію Орлеаншеской фамилии.

Родоначалникомъ этой фамилии былъ второй сынъ Людовика XIII и Анны Австрійской, родившійся въ 1640 г. Въ политическомъ отношеніи онъ во всю свою жизнь представлялъ собой нуль, но онъ получилъ отъ своего брата Людовика XIV три имѣнія, выдѣленныхъ по приказанію короля изъ государственныхъ доменовъ. Эти имѣнія доставляли ему 1.100.000 ливровъ годового дохода, въ то время, какъ несчастные крестьяне, изъ которыхъ выколачивались эти доходы, питались хлѣбомъ изъ папоротника и травы.

Его сынъ, Филиппъ, родившійся въ 1674 г., женился на де-Блуа, дочери Людовика XIV и куртизанки Монтеспанъ. Людовикъ XIV скрасилъ этотъ «Mesalliance» (неравный по происхожденію бракъ) тѣмъ, что предоставилъ юной четѣ $\frac{1}{30}$ всѣхъ государственныхъ доходовъ. Послѣ смерти Людовика XIV Филиппъ, благодаря государственному перевороту, стоившему ему много денегъ, сдѣлался регентомъ и господствовалъ въ странѣ съ абсолютной властью до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1723 г.

Сынъ и внукъ регента не играли никакой политической роли и ограничились только тѣмъ, что увеличили свои богатства королевскими подарками.

Въ этомъ отношеніи превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ Луи-Филиппъ Egalité (равенство), родившійся въ 1747 г. и казненный въ 1793 г. Онъ женился на Пантьеврѣ, единственной наслѣдницѣ всѣхъ огромныхъ богатствъ, которыми Людовикъ XIV одѣлилъ другихъ двухъ своихъ побочныхъ дѣтей, герцога Мэна и графа Тулузскаго, также сыновей Монтеспанъ. Можно сказать, что большей частью своего имущества герцогъ Орлеанскій былъ обязанъ подаркамъ, сдѣ-

ланнымъ Людовикомъ XIV на счетъ государства куртизанкѣ Монтесанъ. Это имущество уже въ 1789 г. опѣивалось въ 200 милліоновъ съ ежегодной рентой въ 8,397,328 франковъ. Роль, которую игралъ въ революціи Филиппъ Эгалите, извѣстна. Въ качествѣ члена конвента онъ высказался за казнь своего двоюроднаго брата Людовика XVI. Измѣна генерала Дюмурье, съ которымъ онъ поддерживалъ сношенія, привела его самого на скамью подсудимыхъ передъ революціоннымъ трибуналомъ и на эшафотъ. Въ тотъ же день былъ осужденъ одинъ слесарь, по имени Лебруссъ и долженъ былъ прослѣдовать вмѣстѣ съ нимъ на одной колесницѣ на мѣсто казни. Человѣкъ изъ народа выразилъ противъ этого энергичный протестъ. Дѣйствительно, сказалъ онъ, я осужденъ на смерть, но трибуналь не присудилъ меня слѣдовать на мѣсто казни въ обществѣ да еще на одной колесницѣ съ этимъ орлеанскимъ мерзавцемъ. Пришлось употребить силу, чтобы заставить сѣсть на общую колесницу плебея, полагавшаго, что кровь герцога осквернитъ эшафотъ.

Новый французскій король имѣлъ довольно богатое прошлое. Онъ родился въ 1773 г., былъ старшимъ сыномъ Филиппа Эгалите. Въ молодости онъ носилъ титулъ герцога Шартрскаго и вступилъ въ якобинскій клубъ, гдѣ согласно уставу въ теченіе мѣсяца выполнялъ обязанности педея. Затѣмъ онъ былъ произведенъ въ полковники, командуя драгунскимъ полкомъ, отличился въ сраженіяхъ при Вальми и Жемаппѣ, что дало возможность его льстивымъ біографамъ сильно преувеличить его заслуги. Когда заговоръ Дюмурье, направленный къ тому, чтобы низвергнуть конвентъ и возвести на королевскій престолъ молодого герцога Шартрскаго, былъ раскрытъ, Луи-Филиппъ бѣжалъ вмѣстѣ со своими доброжелателями въ австрійскій лагерь и такимъ образомъ избѣгъ участія своего отца. Чтобы избѣгнуть ненависти якобинцевъ и мести эмигрантовъ, онъ, скрываясь подъ гражданскимъ именемъ, долженъ былъ позаботиться о подысканіи средствъ къ жизни. Онъ сдѣлался учителемъ въ латинской школѣ въ Рейхенау (кантонъ Граубинденъ). Между тѣмъ, какъ французскія революціонныя арміи одерживали одну побѣду за другой, его имя было позабыто и выплыло лишь тогда, когда Дюмурье изъ Англии старался расположить руководителя роялистскихъ бандъ Шарета въ пользу своего любимца. Шаретъ съ солдатскою грубостью отвѣтилъ: «мой дорогой Дюмурье, скажите сыну гражданина Эгалите, qu'il aille se faire foutre». Послѣ паденія Робеспьера Луи-Филиппъ вздохнулъ свободнѣе, но онъ былъ открытъ, долженъ былъ искать убѣжища въ Италіи, а такъ

какъ преслѣдованія со стороны директоріи продолжались и тамъ, то онъ вынужденъ былъ переселиться въ Америку. Въ 1800 г. онъ вернулся въ Европу и изъ Лондона послалъ вмѣстѣ со своими двумя братьями вѣрноподданнической адресъ «своему законному повелителю Людовику XVIII», и просилъ прощенія. Милостиво принятый обратно въ королевскую семью, онъ послѣ смерти своихъ братьевъ отправился въ Сицилію и тамъ сдѣлался зятемъ знаменитаго неаполитанскаго Бурбона Фердинанда.

Вмѣстѣ съ Бурбонами въ сопровожденіи непріятельскихъ армій Луи-Филиппъ вернулся въ Парижъ. Въ февраля 1814 г. онъ написалъ Людовику XVIII напыщенное письмо, въ которомъ онъ выражалъ сожалѣніе, что тотъ не далъ ему возможности вступить на службу къ союзникамъ, чтобы помочь очистить путь своему королю въ Парижъ. Этотъ лойяльный образъ мыслей такъ растрогалъ Людовика XVIII, что онъ королевскимъ указомъ вернулъ ему его владѣнія, конфискованныя республикой и находившіяся въ распоряженіи государетва. Но герцогъ этимъ не удовлетворился, онъ требовалъ судомъ національныя имущества, принадлежавшія раньше его отцу. Онъ подалъ гражданскій искъ противъ управления государственныхъ доменовъ, города Парижа и 300 общинъ Бретани, чѣмъ онъ оспаривалъ права 30,000 маленькихъ состояній, купленныхъ при республикѣ.

Во время ста дней онъ благоразумно отклонился отъ присоединенія къ королю, несмотря на то, что послѣдній на этомъ настаивалъ. Въ военныхъ кругахъ уже поговаривали о томъ, что единственныя исходомъ изъ критическаго положенія, созданнаго Бурбонами, является возведеніе на престолъ Луи-Филиппа, поэтому онъ не хотѣлъ связывать себя руки и предпочиталъ, оставаясь въ Англіи, занимать выжидательную позицію. Послѣ паденія Наполеона онъ вернулся въ Парижъ и, чтобы разсѣять недовѣріе короля, онъ въ 1816 г. выпустилъ манифестъ къ французскому народу, въ которомъ легитимизмъ признаетъ единственной гарантіей европейскаго мира, отвергаетъ лично всякую мысль объ узурпаціи и призываетъ своихъ введенныхъ въ заблужденіе приверженцевъ послѣдовать его примѣру и сдѣлаться вѣрноподданными Людовика XVIII и его законныхъ наслѣдниковъ. Приверженцы Луи-Филиппа не придавали серьезнаго значенія этому манифесту. По крайней мѣрѣ онъ не номѣшалъ заговорамъ генерала Друэ д'Эрлонъ въ Ліонѣ и адвоката Дидье въ Греноблѣ, которые дѣйствительно имѣли цѣлью возвести на французскій престолъ младшую лнцію вмѣсто старшей.

Начиная съ этого времени, незамѣтно, чтобы герцогъ Орлеанскій принималъ активное участіе въ заговорахъ противъ Бурбоновъ. Онъ сдѣлался покладистымъ гостемъ Тюльери и получилъ отъ Карла X титулъ «королевскаго высочества». вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ въ своемъ дворцѣ Пале-Рояль руководителей оппозиціи. Онъ прекрасно понималъ, что ошибки монархіи ему на руку и нужно предоставить времени обострить все разрастающійся конфликтъ между мертвыми принципами монархіи Божьей милостью и парламентскимъ конституціоннымъ большинствомъ буржуазіи, чтобы использовать этотъ конфликтъ въ своихъ интересахъ.

И когда въ июльскіе дни надъ Бурбонами разразилась катастрофа, то онъ не считалъ нужнымъ снѣзшиться въ С.-Клу къ Карлу X, которому онъ былъ столь многими обязанъ, и помочь ему словомъ и дѣломъ. Онъ остался со своей семьей въ Пейни и скрылся въ одномъ изъ своихъ отдаленнѣйшихъ охотничьихъ домиковъ, гдѣ онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ исхода борьбы.

Когда побѣда осталась за народомъ, онъ покинулъ свой укромный уголокъ, обманулъ своего дядю и въ нѣсколько дней сдѣлался королемъ Франціи. Таковъ духовный обликъ человѣка, котораго Лафиттъ, Лафайетъ и Тьеръ навязали Франціи въ интересахъ буржуазіи и для прекращенія революціи.

До тѣхъ поръ французская революція являлась въ поэтическомъ свѣтѣ. Для революціонно настроенныхъ массъ это была борьба за идеальныя цѣли, за высшія блага человѣчества. Народъ проливалъ свою кровь на баррикадахъ, пролинутый глубокой вѣрой въ конечное торжество свободы, равенства и братства. Во время польской революціи опять ярко вспыхнуло воодушевляющее революціонное пламя 1789 г. Но когда власть перешла къ буржуазіи, поэтическія краски поблекли, началась самая грубая житейская проза. вмѣсто возвышенныхъ чувствъ и мыслей, воодушевлявшихъ массу въ великую эпоху революціи, на исторической авансценѣ появилось нѣчто совершенно другое, на политической аренѣ—бездушныя формулы, въ экономической жизни—свободная конкуренція и грубый себялюбивый расчетъ, прикрываемый ложью, мишурой и громкими фразами.

Болѣе подходящаго представителя своихъ интересовъ буржуазія не могла и найти. «Хартіей будетъ на будущее время сама истина», были заключительныя слова перваго манифеста 31-го іюня къ жителямъ Парижа. Созванная 3-го августа палата депутатовъ поторонила лишь корону нѣкоторыхъ правъ, присвоенныхъ ею согласно конституціи 1814 г. Она измѣнила

конституцію въ интересахъ крупной буржуазіи, получивъ согласіе палаты пэровъ, заставила Луи-Филиппа присягнутьъ въ вѣрности этой конституціонной хартіи.

Во Франціи существовалъ старинный монархическій обычай, согласно которому частное имущество при восшествіи на престолъ, благодаря «законному браку короля съ государствомъ», должно слиться съ коронными доменами. Луи-Филиппъ наканунѣ своего восшествія на французскій престолъ перешелъ все свое имущество на имя своихъ дѣтей, оставивъ за собой право на пользованіе доходами. Поэтому онъ удовлетворился сравнительно небольшимъ цивильнымъ листомъ, который Лаффитъ по соглашенію съ нимъ и составилъ. Этотъ листъ сначала исчислялся въ 18 милліоновъ франковъ, потомъ въ 12 милліоновъ и служилъ предметомъ постоянныхъ дриггъ между палатой депутатовъ и правительствомъ.

Послѣ июльской революціи измѣнился титулъ короля. вмѣсто *короля Франціи* онъ сталъ называться *королемъ французовъ*. Это виѣшнимъ образомъ выражало тотъ фактъ, что плоды одержанной побѣды остались въ рукахъ крупной буржуазіи. Франція была завоевана буржуазіей, ея король былъ первымъ буржуа страны, «буржуазнымъ королемъ».

IV.

Буржуазный король и его управленіе.

Первые законодательныя мѣропріятія новаго правительства были продиктованы интересами минуты. Народъ такъ ловко провелъ хитростными комбинаціями, обманчивыми обѣщаніями и нѣкоторыми своевременно розданными суммами, что онъ разсѣялся и сложилъ оружіе. Была расклеена прокламація, начинавшаяся словами: «Честные рабочіе, вернитесь въ свои мастерскія». Рабочіе вернулись и не нашли никакой работы: капиталы ушли изъ оборота, въ торговлѣ и промышленности наступилъ застой. Французскій банкъ, который, согласно своему уставу, долженъ былъ послѣ большихъ кризисовъ расширять свои дѣла, благоразумно сократилъ учетъ и ограничился въ своихъ операціяхъ только тѣми торговыми кругами, гдѣ онъ не имѣлъ основаній опасаться какого-нибудь риска.

Народная пужда росла съ каждымъ днемъ. Для облегченія этой ужасающей пужды прибѣгли къ слѣдующимъ средствамъ. Въ театрахъ расигъвали новый мотивъ марсеельезы Казимира Делавиня. Громкими фразами восигъвали умершихъ героевъ и открыли подиеску въ пользу июльскихъ жертвъ (такъ называли убитыхъ и раненыхъ) и, такимъ образомъ, облегчили нѣсколько участь женъ и дѣтей пострадавшихъ революціонеровъ. Далѣе, на Марсовомъ полѣ были начаты работы, чтобы замаскировать равнодушное отношеніе правительства къ горькой долѣ бѣдняковъ. Когда же во второй половинѣ августа многіе тысячи ремесленниковъ, распределенные по спеціальностямъ, потянулись вдоль набережной и бульваровъ въ префектуру, когда на площадяхъ передъ воротами министерствъ и вездѣ, гдѣ находились представители власти, собирались шумныя толпы народа, великодушное правительство дошло до того, что истребовало отъ палаты кредитовъ на 5 милліоновъ для организациі общественныхъ работъ. Гораздо болѣе крупная сумма была собрана частнымъ образомъ, что обусловливалось не только состраданіемъ, но и страхомъ передъ народомъ.

Между тѣмъ правительство не замедлило взяться за реорганизацию національной гвардіи. Это было совершено съ такой быстротой, что къ концу августа король могъ сдѣлать смотръ преобразованнымъ 12 легіонамъ парижской національной гвардіи. Смотръ сонель блестяще. Согласно новому уставу, каждый национальный гвардеецъ долженъ былъ сдѣлать себѣ дорогую обмундировку и самому содержать себя. Такимъ образомъ изъ національной гвардіи была вытѣснена бѣднѣйшая часть населенія и она стала привилегіей среднихъ классовъ общества. Ген. Лафайетъ роздалъ легіонамъ знамена и отъ имени короля привелъ ихъ къ присягѣ. Энтузіазмъ, господствовавшій во время июльской революціи, еще не исчезъ и вылился въ этотъ торжественный день въ ифсняхъ и бурныхъ крикахъ ликования. Король долженъ былъ чувствовать себя счастливымъ, потому что его популярность въ этотъ день была почти такъ же велика, какъ и Лафайета.

Но вдругъ произошло тяжелое, таинственное событіе, которое опозорило новое правительство и должно было положить конецъ популярности короля, хотя и доставило матеріальную выгоду Орлеанскому дому, округливъ его владѣнія. Герцогъ Бурбонскій, отецъ герцога Ангіенскаго, вопреки международному праву привлеченнаго Наполеономъ къ судебной отвѣтственности и разстрѣляннаго военнымъ судомъ, послѣдній отирыскъ дома Кондэ, былъ найденъ 27-го августа повѣшеннымъ въ своей комнатѣ. Имѣлись серьезныя данныя, что этотъ дряхлый старикъ не самъ

наложилъ на себя руки, а былъ убитъ, и подозрѣніе сейчасъ же пало на одну англійскую авантюристку, бывшую актрису, которая вышла замужъ за барона де-Фешера и находилась въ интимной связи съ принцемъ Кондэ. Эта особа такъ ловко забрала въ свои руки стараго принца, что уже въ 1824 г. онъ завѣщалъ ей домены С.-Лё и Буасси и Англенскій лѣсъ. Чтобы обезопасить себя отъ возможныхъ нападокъ законныхъ наслѣдниковъ выживавшаго изъ ума старика, она заручилась покровительствомъ могущественной Орлеанской фамиліи и уговорила принца Кондэ въ 1829 г. не только усыновить герцога Омальскаго, четвертаго сына Луи-Филиппа, но и сдѣлать его своимъ завѣщаніемъ отъ 30-го августа 1829 года единственнымъ наслѣдникомъ. Она при этомъ, конечно, не забыла и о себѣ и убѣдила безвольнаго старика переписать на свое имя имущество въ 10 милліоновъ. Июльская революція, повидимому, вызвала угрызенія совѣсти у принца Кондэ, стоявшаго когда-то во главѣ эмигрантовъ, и его любовь къ госпожѣ Фешеръ превратилась въ напическій страхъ передъ ней. Онъ думалъ переселиться въ Англію, чтобы присоединиться къ изгнанной королевской семьѣ и уже приказалъ своему преданному камердинеру Манури приготовить все къ путешествію, скрывъ это отъ г-жи Фешеръ. Последняя навязала принцу второго выбраннаго ею камердинера, извѣстнаго Лекомта, котораго вмѣстѣ съ г-жею Фешеръ общественное мнѣніе и обвиняло въ убійствѣ герцога Бурбонскаго. Дѣйствительно, подозрѣніе было настолько основательно, что слѣдователь, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ разслѣдованія, рѣшилъ привлечь ихъ обоихъ къ отвѣтственности. Но Фешеръ нашла себѣ защитниковъ въ Тюльери; Луи-Филиппъ самъ вмѣшался въ дѣло, отставилъ слишкомъ добросовѣтнаго слѣдователя и на его мѣсто посадилъ его зятя, который уже давно добивался какой-нибудь судебной должности. Сенатъ, лишенный, такимъ образомъ, освѣдомленнаго докладчика, прекратилъ дѣло.

Благодаря такому обороту дѣла, Фешеръ получила по мѣстѣ въ 10 милліоновъ, а Орлеанскій домъ въ лицѣ 8-лѣтняго герцога Омальскаго увеличилъ свои богатства на 100 милліоновъ.

Но Луи-Филиппъ глубоко ошибался, полагая, что съ прекращеніемъ уголовнаго преслѣдованія дѣло съ наслѣдствомъ будетъ покончено. Ближайшій родственникъ убитаго изъ семьи Роганъ обжаловалъ въ судъ это завѣщаніе, указывая на то, что его содержаніе выражаетъ не свободную волю покойнаго, а происки окружавшихъ его лицъ. Эти обвиненія относились прямо къ королю. Въ доказательство партія истца приводила

собственноручныя письма короля и королевы къ Фешеръ, въ которыхъ они ее просили продолжать свои хлопоты въ пользу герцога Омальскаго, обѣщая щедро вознаградить ее за ея труды. Въ 1832 г. жалоба Рогана была отклонена. Но опубликованныя въ газетахъ письма короля и ходъ судебного процесса скомпрометировали Луи-Филиппа въ глазахъ общественнаго мнѣнія. Для того, чтобы приобрести популярность, буржуазный король прежде часто прогуливался по Парижу безъ свиты, въ штатскомъ платьѣ и съ зонтикомъ въ рукѣ. Теперь онъ уже больше не осмѣливался показываться на улицу.

И этимъ дѣло еще не закончилось. Когда въ 1840 г. умерла Фешеръ, ея мужъ, который съ ней давно уже порвалъ, отказался принять ея милліоны и отдалъ ихъ на дѣла благочестія. Этимъ воспользовалась оппозиціонная пресса—и прежде всего легитимисты,—чтобы опять поднять свой обличительный голосъ по поводу этого скандальнаго дѣла и проводить параллели между королемою и Фешеромъ, чѣмъ они напали въ самое болѣе болѣе мѣсто Луи-Филиппа, а онъ вынужденъ былъ молчать, не осмѣливаясь даже обратиться къ суду за защитой.

* * *

Слѣдуетъ упомянуть еще о нѣкоторыхъ фактахъ для полной характеристики позорнаго корыстолюбія этого буржуазнаго короля.

Банкиръ и первый министръ-президентъ Луи-Филиппа, Лаффитъ, попалъ, благодаря июльской революціи, въ финансовыя затрудненія. Онъ вложилъ громадныя капиталы въ недвижимое имущество, продать его онъ не могъ безъ крупныхъ для себя потерь; между тѣмъ кредиторы его банкирскаго дома требовали обратно свои вклады. Единственный человекъ, который могъ его выручить, былъ Луи-Филиппъ, столь многимъ ему обязанный. Послѣдній согласился скупить лѣса Лаффита въ Бретейли за общую сумму въ 15 милліоновъ. Чтобы не подорвать кредитъ банкирскаго дома, рѣшено было сохранить все это въ строжайшей тайнѣ. Луи-Филиппъ, опасаясь, какъ бы онъ не встрѣтилъ какихъ-либо затрудненій на судѣ при возможномъ крушеніи банкирскаго дома, потребовалъ, чтобы его право на владѣніе лѣсами было отмѣчено въ банковыхъ книгахъ. Это было не только личнымъ оскорбленіемъ для Лаффита, но привело къ тому, что въ кассу банкирскаго дома со всѣхъ сторонъ посыпались требованія возврата сеудъ и уже 19-го января 1831 г. Лаффитъ былъ вынужденъ ликвидировать свои дѣла и покинулъ свой министерскій постъ. Лучшій другъ Луи-Филиппа сдѣлался

такимъ образомъ его злѣйшимъ врагомъ. Онъ никакъ не могъ себѣ простить, что способствовалъ восшествію на престолъ новой династіи.

Гражданскій листъ короля, который былъ исчисленъ Лаффигомъ въ 18 милліоновъ, въ 1831 г. былъ пониженъ до 12 милліоновъ. Послѣ долгихъ настояній Луи-Филиппа ему стали выдавать еще милліонъ ежегодно для старшаго сына и предполагаемаго наследника, герцога Орлеанскаго. Его вторичное ходатайство о выдачѣ ему такой же суммы для втораго сына, герцога Немурскаго, встрѣтило упорное сопротивленіе въ палатѣ; тогда Луи-Филиппъ счелъ болѣе благоразумнымъ отъ него отказаться.

Въ 1837 г. герцогъ Орлеанскій собирался жениться на принцессѣ Еленѣ Мекленбургской. Король воспользовался этимъ случаемъ, чтобы попросить у палаты удвоить ренту наследника. милліонъ для свадебныхъ расходовъ, вдовью пенсію въ 300,000 фр. для жены сына и добавочное приданое въ 1,000,000 для своей старшей дочери, королевы бельгійской, бывшей уже нѣсколько лѣтъ замужемъ.

Равнымъ образомъ и въ 1840 г., когда герцогъ Немурскій хотѣлъ жениться на кобургской принцессѣ, Луи-Филиппъ добивался для него ежегодной ренты въ 500,000 фр., такой же суммы на свадебные расходы и вдовьей пенсіи для герцогини. Палата депутатовъ отклонила эти домогательства 226 голосами противъ 200. Вторичная попытка въ 1844 г. также потерѣла неудачу.

У правительства хватило безстыдства представить палатѣ подложные счета, по которымъ выходило, что общія рента отъ всѣхъ частныхъ имуществъ Орлеанскаго дома не превышала одного милліона. Этимъ оно хотѣло доказать, что у короля не хватаетъ средствъ, чтобы пристроить своихъ дѣтей, а потому это должно быть сдѣлано на государственнѣйшій счетъ. Но Луи-Филиппъ достигъ этими выходками того, что сильно вооружилъ противъ себя населеніе. Всѣ прекрасно знали, что Луи-Филиппъ—самый богатѣйшій король въ Европѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ постоянно разыгрываетъ передъ палатой роль позорнаго пропойцы.

*
*
*

За странной драмой въ С.-Лѣ послѣдовала другая, едва не закончившаяся кровопролитіемъ.

Уѣзжая изъ Трианона, Карлъ X оставилъ на произволъ судьбы своихъ министровъ, виновниковъ кровавыхъ июльскихъ событій, послѣдовавшихъ за нимъ туда, предоставивъ имъ са-

мимъ позаботиться о своей безопасности. Они разсѣялись по разнымъ направлѣніямъ, но только троемъ, министру финансовъ Монбелю, морскому—Оссе и общественныхъ работъ—Канелю, удалось благополучно бѣжать за-границу. Кн. Полиньякъ, на котораго король уже не обращалъ никакого вниманія, переодѣтый слугою, остался въ свитѣ Карла X, пока грубое обращеніе придворныхъ и угрозы дворцовой стражи не заставили его удалиться. Онъ добрался до маленькаго торговаго города Гренвиль и ожидалъ благопріятнаго вѣтра, чтобы отправиться въ Англію, но былъ узнанъ и арестованъ національными гвардейцами. Та же судьба постигла трехъ его коллегъ въ Турѣ, министра вн. дѣлъ Пейронэ, юстиціи—Шантелоза и просвѣщенія—гр. Гернонь-Ранвиля, которые надѣялись въ Бретани или Вандеѣ найти надежное убѣжище. Правительство распорядилось помѣстить арестованныхъ противъ его воли министровъ въ Венсенскую тюрьму и начать предварительное злѣдствіе. Последнее велось отъ имени палаты депутатовъ грема членами: Мадье де-Монжо, Беранже и Могэномъ.

Весь officialный міръ былъ за то, чтобы спасти министровъ Карла X, озлобленный же народъ требовалъ строгаго наказанія. Палата депутатовъ рѣшила отмѣнить смертную казнь за политическія преступленія и побуждала правительство выработать законопроектъ и внести его въ палату. Это рѣшеніе, цѣль котораго была слишкомъ очевидна для всѣхъ, вызвало неописуемую ярость въ радикальныхъ слояхъ. 18-го октября страшно возбужденная толпа двинулась къ Венсенской тюрьмѣ съ твердымъ намѣреніемъ расправиться съ Полиньякомъ и его товарищами.

Комендантомъ Венсенскаго замка былъ инвалидный генералъ Домениль, носившій кличку «деревяная нога», который пользовался нѣкоторой популярностью благодаря тому, что въ 1814—1815 гг. не отдалъ Венсенской тюрьмы союзникамъ. Онъ одинъ вынеслъ навстрѣчу грозной народной толпѣ и твердо, рѣшительно заявилъ, что онъ готовъ скорѣе взорвать на воздухъ себя вмѣстѣ съ башней, гдѣ находятся ех-министры, чѣмъ выдать довѣренныхъ его защитѣ узниковъ. Парижане повернули назадъ и, достигнувъ Пале-Рояля, гдѣ въ это время происходилъ совѣтъ министровъ, огласили воздухъ бурными криками: «смерть министрамъ!» Національная гвардія между тѣмъ держалась твердо, что заставило толпу скоро разсѣяться.

Результатомъ 18-го октября было то, что въ одной части населенія волненіе все росло, а въ другой появился страхъ передъ возобновленіемъ кровавыхъ сентябрьскихъ дней 1792 г. Чтобы разсѣять этотъ страхъ и успокоить народъ, Одилонъ

Барро, назначенный муниципальной комиссией на постъ префекта Сенскаго департамента, выпустилъ прокламацію, въ которой онъ рѣзко отзывался о застрѣльщикахъ безпорядковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ осуждаетъ попытку палаты отмѣнить законъ о смертной казни.

Эта прокламація вызвала большое неудовольствіе при дворѣ. Король настаивалъ на отставкѣ Одилона Барро, но Дюпонъ де л'Эрь и Лафайетъ взяли его подъ свою защиту. Положеніе было критическое. Король, скрѣпя сердце, долженъ былъ уступить: для него слишкомъ опасно было при господствовавшемъ возбужденіи удалить этихъ двухъ лицъ, служившихъ единственной моральной поддержкой для трона. послѣ страстныхъ дебатовъ въ совѣтѣ министровъ Дюпонъ де л'Эрь одержалъ верхъ, остальные министры подали въ отставку, которая весьма неохотно была принята королемъ.

Въ этомъ запутанномъ положеніи Лаффитъ обнаружилъ замѣчательную энергію, стараясь составить новое министерство. Только ему обязанъ былъ король тѣмъ, что 2-го ноября министерскій кризисъ миновалъ. Самъ Лаффитъ взялъ портфель министра финансовъ и премьеръ-министра, маршалъ Мезонъ—иностранныхъ дѣлъ, Дюпонъ-де л'Эрь—юстиціи, Монталиве—внутреннихъ дѣлъ, маршалъ Жераръ—военнымъ, ген. Себастьяни—морскимъ и Мерилу—просвѣщенію. Общественное мнѣніе осталось довольнымъ этимъ составомъ, такъ какъ въ немъ не было больше «доктринеровъ». Этимъ именемъ называли конституціонныхъ систематиковъ школы Ройе Коллара, представителемъ котораго въ наивнѣмъ министерствѣ Брольи былъ Гизо и его друзья.

10-го декабря въ 8 ч. утра ex-министры Карла X съ большими предосторожностями были переведены изъ Венсенскаго замка въ тюрьму Люксембургскаго дворца. послѣ того, какъ было закончено предварительное слѣдствіе, палата пэровъ собралась въ качествѣ судебнаго трибунала, и 15-го декабря открылись судебныя засѣданія. Представителемъ обвиненія выступалъ Персиль, генеральный прокуроръ судебной палаты; защитникомъ являлись Мартиньякъ, Эппекентъ, Сосе и Кремье, люди, принадлежавшіе къ различнымъ партіямъ. Обвиненіе гласило о «государственной измѣнѣ» на основаніи 56 ст. конституціи 1814 г. Защита опиралась на 14 ст. той же конституціи, которая, согласно ихъ толкованію, давала право королю издавать указы, подобныя тѣмъ отъ 25-го іюля. За отсутствіемъ же закона объ отвѣтственности министровъ, который хотя и имѣла въ виду конституція 1814 г., но не издала его, защита настаивала на оправданіи обвиняемыхъ.

Во время этого судебного процесса волненіе въ народѣ возрастало съ каждымъ днемъ. Правительство находилось въ затруднительномъ положеніи. Хотя парижскій гарнизонъ былъ усиленъ и начальство надъ всеми военными силами столицы было поручено Лафайету, но въ войскахъ были слишкомъ живы воспоминанія о іюльскихъ дняхъ, чтобы, въ случаѣ уличнаго столкновенія, можно было рассчитывать на ихъ вѣрность. Пѣкаторые отряды національной гвардіи, особенно артиллерія, открыто выражали свои симпатіи республиканской партіи, которой былъ желателенъ всякій поводъ къ возобновленію революціонныхъ дѣйствій. Да и вся почти національная гвардія раздѣляла общее озлобленіе противъ Полиньяка и его товарищей, такъ что съ трудомъ удалось ихъ убѣдить подвергнуть свою жизнь опасности для защиты обвиняемыхъ 19-го декабря; когда подсудимые произнесли свои защитительныя рѣчи, огромная народная толпа собралась въ старыхъ кварталахъ, окружавшихъ Люксембургскій дворецъ. До залы засѣданія доносились глухіе звуки генеральнаго марша, сзывавшаго національную гвардію, и возрастающій шумъ народнаго волненія. На лицахъ пэровъ отражалось крайнее замѣшательство, котораго не могъ подавить и самъ канцлеръ Паскье, человекъ довольно мужественный. Однако, воспачальникамъ вмѣстѣ съ гражданскими властями удалось общими усиліями подавить волненіе, и спокойствіе восстановлено было безъ кровопролитія.

21-го декабря, въ день объявленія приговора, мѣры предосторожности были устроены. Вызвано было около 30.000 человекъ національной гвардіи и линейныхъ войскъ, чтобы окружить Люксембургскій дворецъ цѣлымъ лѣвомъ штыковъ. Обвиняемые съ ранняго утра уже были отпращены боковыми улицами подъ прикрытіемъ 200 кавалеристовъ въ Венсенскій замокъ. Совѣщаніе продолжалось нѣсколько часовъ. Какъ только резолюція была принята, большая часть членовъ удалилась въ самыхъ разнообразныхъ одѣяніяхъ. Въ 10 часовъ вечера Паскье явился въ почти пустую залу засѣданія. Судьи, обвиняемые, публика,—все исчезло. Паскье объявилъ приговоръ—пожизненное тюремное заключеніе всѣмъ обвиняемымъ, а князю Полиньяку гражданская смерть.

Этотъ приговоръ вызвалъ страшное волненіе въ городѣ. Парижъ производилъ въ эту ночь такое впечатлѣніе, какъ будто онъ находился въ осадномъ положеніи. Войска и національная гвардія остались подъ ружьемъ, на площадяхъ и улицахъ горѣли сторожевые огни. Тѣмъ не менѣе ночь, какъ и слѣдующій день, прошли безъ серьезныхъ инцидентовъ. Правительство обратилось къ студенчеству, пользовавшемуся боль-

пога Бордосскаго. На портреть былъ положенъ вѣнокъ изъ иммортелей.

Между тѣмъ изъ различныхъ частей города собралась большая толпа любопытныхъ. По Парижу распространилась вѣсть о томъ, что происходитъ въ церкви; то тутъ, то тамъ слышны были проклятыя, и настроеніе толпы дѣлалось все болѣе возбужденнымъ. Въ это время на площади стоялъ блѣдный молодой человекъ въ черномъ платьѣ, съ длинными волосами и съ насмѣшливымъ и вызывающимъ видомъ наблюдалъ это зрѣлище: «Это іезуитъ!» раздался голосъ изъ толпы. Народъ бросился на него и потащилъ его, чтобы бросить въ Сену. Лично присутствовавшій полицейскій префектъ Бодъ, преемникъ Трейяра, съ большимъ трудомъ и послѣ долгой борьбы сналъ его отъ народной ярости. Между тѣмъ церковь была взята штурмомъ толпой, алтарь опрокинутъ, кафедра разрушена, неовѣдальня разбита въ куски, статуи святыхъ сброшены со своихъ пьедесталовъ, образа уничтожены, драгоценныя завѣсы растоптаны ногами, крестъ съ церкви сбитъ, духовныя одѣянія въ ризницѣ осквернены. Такой же участи подвергся и церковный домъ.

Когда разрушительная работа была закончена, толпа разсѣялась; на слѣдующій день предполагалось продолженіе безпорядковъ. Власти, освѣдомленные объ этомъ, но не знавшія, что послужитъ объектомъ разрушенія, полагали, что опасность угрожаетъ Пале-Роялю, а потому сосредоточили всю военную силу для охраны дворца. Дѣйствительно, утромъ 15-го февраля нѣкоторыя группы показали у королевскаго дворца, но народная буря приняла другое направленіе. Огромныя массы народа двинулись къ архіепископскому дворцу, обитатель котораго, архіепископъ Кэлянь, еще до июльскихъ дней возбудилъ противъ себя народную ненависть.

Этотъ прелатъ, тайное орудіе въ рукахъ конгрегаци и іезуитовъ, представлялъ собой одну изъ тѣхъ тайныхъ силъ, которыя побуждали Карля X къ его государственному перевороту. Еще 11-го іюля онъ убѣждалъ короля взяться за завоеваніе Алжира, обѣщая ему защиту Божьей матери за его преданность интересамъ церкви, за приобщеніе къ христіанству невѣрующихъ Алжира. Общество знало, какую роль игралъ Кэлянь при Карлѣ X и не могло ему этого простить.

Дворецъ архіепископа былъ безъ всякой охраны. Маленькій отрядъ 12 легіона былъ слишкомъ слабъ, чтобы оказать сопротивление бурному напору народа. Неожиданнымъ натискомъ были выбиты ворота, толпа наводнила дворецъ; канделябры были разбиты, картины сорваны, мраморныя статуи уничтожены,

столы и кресла разломаны паркетъ разнесены въ куски. Книги, рукописи, расписья, требники, всевозможныя церковныя одежды валялись по саду и попадали даже въ Сену. Никто не думалъ о грабежѣ, но жажда разрушенія овладѣла всѣми. Трудно описать, сколько погибло въ этотъ день произведеній искусства и науки. Никогда еще разрушительная работа не производилась такъ стремительно, полно и беззаботно. Разгромъ происходилъ при неслыханномъ хохотѣ, веселыхъ шуткахъ и одобрительныхъ, бурныхъ крикахъ. Къ этимъ оргіямъ примѣшивались безумныя выходки карнавала и на слѣдующій день, въ среду первой недѣли великаго поста, на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде величественно выдѣлялся архіепископскій дворецъ, видѣлись одни только развалины.

Послѣ того, какъ палата, законность которой съ самаго начала находилась подѣ большимъ сомнѣніемъ, послѣ долгой борьбы провела новый избирательный законъ, понизившій избирательный цензъ съ 300 франковъ на 200 фр., засѣданія ея были 20-го апрѣля 1831 г. отложены, а затѣмъ она была распущена, чтобы ея составъ опредѣлился согласно новому избирательному закону. Еще раньше Лаффитъ подалъ въ отставку и во главѣ новаго буржуазно-реакціоннаго министерства сталъ Казимиръ Перье.

Казимиръ Перье, хотя и былъ членомъ оппозиціи, не желалъ и не способствовалъ торжеству революціи, напротивъ, онъ до послѣдней минуты старался не допустить удаленія Карла X. Послѣ народной побѣды онъ счелъ болѣе выгоднымъ присоединиться къ революціи, чтобы помѣшать ея дальнѣйшему распространенію и поддерживать всѣми наличными средствами новый политическій режимъ. Поэтому онъ воспользовался первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы въ палатѣ открыто высказаться противъ пропагандистской политики *), какую преслѣдовалъ его предшественникъ, несмотря на торжественное заявленіе

*) Подѣ этимъ названіемъ понимали вѣрность традиціямъ великой французской революціи, согласно которымъ Франція должна поддерживать всѣ освободительныя движенія въ остальной Европѣ. Не слѣдуетъ забывать, что если новый порядокъ вещей—буржуазная монархія—казался радикальнымъ элементамъ Франціи реакціоннымъ или анти-революціоннымъ, то европейскимъ правительствамъ онъ представлялся ультра-революціоннымъ. Въ крайне идеализированномъ видѣ онъ являлся въ глазахъ радикальныхъ слоевъ Европы. На это указываютъ письма Гейне и Берне, отражавшія настроеніе наиболѣе смѣлыхъ умовъ тогдашней Германіи. Европейскія правительства съ радостью ухватились бы за первый подходящий предлогъ, чтобы возстановить во Франціи политическій режимъ Бурбоновъ.

о нейтральности. Революціи въ Италіи и Польшѣ были предоставлены своей собственной судьбѣ. Французская кровь,—объявлялъ Перье,—должна проливаться только за интересы Франціи. Прежде всего имъ была объявлена безпощадная война своей французской революціи, въ какомъ бы видѣ она не проявлялась.

Его коллегами были: военный министръ маршалъ Сульть, мин. иностр. дѣлъ Себастьяни, мин. финансовъ баронъ Луи, мин. юстиціи Бартъ, бывшій карбонарій, мин. просвѣщенія Монталиве, мин. торговли и общественныхъ работъ д'Аргу, морской министръ Риньи. Изъ всѣхъ этихъ министровъ ни одинъ не былъ въ состояніи бороться съ влияніемъ министра-президента. Одинъ только маршалъ Сульть могъ бы противостоять К. Перье, но онъ не стремился къ влиянію въ кабинетѣ, лишь бы ему позволяли свободно проявлять свой обычный деспотизмъ въ своемъ вѣдомствѣ и не мѣшали увеличивать свое пошатнувшееся при имперіи состояніе. При своихъ несомнѣнныхъ военныхъ и административныхъ талантахъ маршалъ Сульть обладалъ характерными чертами военного выскочки: грубостью, корыстолюбіемъ и хитростью.

Вѣрный своей программѣ, Казиміръ Перье отказался отъ поддержки, которую оказывала Франція итальянскому возстанію. Собранные и организованные въ Ліонѣ итальянскіе бѣглецы были отданы подъ надзоръ полиціи. Народъ не чувствовалъ себя въ силахъ бороться съ этими мѣропріятіями, но ата перемѣна вѣншей политики сильно озлобляла возрастающіе кадры оппозиціи.

Эта оппозиція группировалась подъ знаменемъ «*Общества друзей народа*», смѣлаго союза, состоявшаго исключительно изъ молодыхъ людей, руководившихъ борьбой народа во время польской революціи. Оппозиціи удалось въ первые же дни министерства К. Перье добиться значительной побѣды на судѣ. 19-я наиболѣе виднымъ членамъ, въ томъ числѣ *Гитару Трела и Годфруа Кавеньяку* (старшій братъ генерала), было предъявлено обвиненіе въ томъ, что будучи артиллерійскими офицерами и солдатами національной гвардіи, во время процесса министровъ Карла X, насильственными средствами хотѣли непровергнуть господствующую династію. Обвиняемые воспользовались этимъ судебнымъ разбирательствомъ, чтобы открыто заявить о своей принадлежности къ республиканской партіи и подвергнуть рѣзкой критикѣ существующій порядокъ вещей и реакціонную политику правительства. Пренія продолжались много дней, вызвали сильное движеніе въ народѣ и закончились полнымъ оправданіемъ обвиняемыхъ. Народъ ихъ встрѣтилъ

шумными оваціями и съ криками торжества провожалъ героевъ дня до ихъ квартиръ.

Составленная согласно новому избирательному закону палата была 25-го іюля 1831 открыта продиктованной К. Перье тронной рѣчью, отличавшейся высококомѣрнымъ тономъ и рѣзкими выходками противъ республиканцевъ. Среди оппозиціи новой палаты выдѣлились южанинъ генералъ Ламаркъ со своимъ живымъ, образнымъ языкомъ, напоминавшимъ наполеоновскія времена *). извѣстный въ ученомъ мірѣ Франсуа Араго, Тьеръ и Одилонъ Барро. Пока продолжалось революціонное движеніе въ народныхъ слояхъ, первую роль въ оппозиціи играли Могэнъ и Ламаркъ, наносившіе неоднократно чувствительные удары реакціонной политикѣ кабинета. По ихъ инициативѣ, напримѣръ, въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь былъ принятъ пунктъ относительно Польши, въ которомъ палаты высказываютъ убѣжденіе, «что польская національность не погибнетъ». Когда 7-го сентября 1831 г. Варшава пала и польское возстаніе было окончательно подавлено, парижское населеніе, узнавшее объ этомъ 15-го сентября, охватило крайнее озлобленіе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ бурныхъ вспышекъ. Возбужденіе было настолько сильно, что народъ началъ грабить оружейные склады и строить баррикады. Но благодаря твердому настроенію войска волненіе постепенно улеглось.

Въ палатѣ правительству пришлось вести ожесточенную борьбу. Когда 16-го сентября палата узнала о взятіи Варшавы русскими войсками, генералъ Себастьяни, за немѣнѣемъ аргументовъ, прибѣгъ къ жалкой фразѣ: «*порядокъ господствуетъ въ Варшавѣ*». На засѣданіи 19-го сентября у него вырвались слова, что событія 1815 года не повторяются, если Франція будетъ вести себя *благоразумно*. Это облетѣло весь Парижъ и дало поводъ Могэну подвергнуть уничтожающей критикѣ политику министерства К. Перье: «У кормила правленія стоитъ реставрація, въ этомъ заключается все зло, вся опасность для государства. Республикой пользуются, какъ жупеломъ, въ борьбѣ съ нами». По оппозиція находилась въ меньшинствѣ и послѣ продолжительныхъ дебатовъ, державшихъ въ нервномъ напряженіи не только Францію, но и Европу, былъ принятъ порядокъ дня, предложенный правительствомъ, вмѣсто требуемаго оппо-

*) Демократическая оппозиція при Луи-Филиппѣ была сильно проникнута наполеоновскими тенденціями или пользовалась наполеоновскими лозунгами—тактика, значительно облегчившая потомъ проведеніе плановъ Луи-Наполеона. Равнымъ образомъ, радикалы часто соединялись съ легитимистами.

зицею разслѣдованія. Достаточно было одной недѣли, чтобы принуденное настроеніе въ палатѣ и внѣ ея измѣнилось до неузнаваемости.

Съ паденіемъ Польши и безрезультатнымъ волненіемъ въ Парижѣ была для даннаго момента рѣшена судьба революціи въ Европѣ. Что касается тѣхъ странъ, которыя рассчитывали на покровительство Франціи, то онѣ были вычеркнуты съ карты Европы или осуждены на рабство. Польша совершенно потеряла свою самостоятельность да и Италія также. Возставшіе народы не могли и думать о союзѣ въ виду солидарности великихъ европейскихъ державъ. Какъ бы для того, чтобы переполнить чашу народныхъ страданій, въ 1831 г. на континентѣ распространилась холера, проникшая въ 1832 году и во Францію. Во время этого господства черной реакціи, Луи-Филиппъ благоразумно держался на второмъ планѣ и только одинъ разъ высказалъ свое личное мнѣніе, что желательно было бы придерживаться «*juste milieu*» (золотой середины). Что онъ понималъ подъ этимъ, выяснилось въ ближайшія двадцатилѣтія при его быстро смѣнявшихся министерствахъ и личномъ вмѣнательствѣ въ законодательство. Это все сводилось къ одной цѣли—усилить и укрѣпить реакцію.

О нуждахъ народа Луи-Филиппъ меньше всего думалъ. Поэтому между трудящимися массами и правительствомъ во все время его 18-лѣтняго правленія велась отчасти открытая, отчасти тайная борьба. Луи-Филиппъ ничего не боялся, вѣря въ силу и преданность арміи и реорганизованной національной гвардіи.

Парижскій пролетаріатъ боролся въ іюльскіе дни подъ знаменемъ, которое, по мнѣнію его указывало на торжество перешедшихъ къ нему по традиціи великихъ идей 1789-1793 г.г. Согласно законамъ общественнаго развитія всякая революція должна кончиться неудачей, если побѣдители не будутъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать завоеванную позицію. Мы видѣли, какъ буржуазія, несмотря на героическую побѣду іюльскихъ борцовъ, легко и быстро присвоила себѣ плоды этой побѣды. Естественнымъ результатомъ этой узурпаціи было то, что по большей части молодые передовые борцы обманутаго народа изыскивали средства, которыми народъ могъ бы силой обратно вернуть себѣ свои права. Этой цѣли они надѣялись достигнуть организаціей сперва открытыхъ, а затѣмъ тайныхъ обществъ, очень быстро распространившихся по всей Франціи. Руководители были проникнуты наивной вѣрой, что стоитъ только организовать инсургенціонные комитеты, произвести государственный

переворотъ и ударить въ пабать, чтобы воспламенить широкую массу и вызвать революціонный взрывъ.

Не слѣдуетъ упускать изъ виду неблагопріятныя соціальныя условія, не поддававшіяся непосредственному учету, но еще тѣмъ болѣе ухудшавшія положеніе народа, которыя вызывали взрывы отчаянія. Первая неожиданная вспышка такого рода произошла въ Лионѣ, второмъ городѣ королевства, при министерствѣ К. Перье 21-го ноября 1831 г. Волненія обусловливались крайней нуждой ткачей, составлявшихъ большую часть рабочаго населенія Лиона.

Благодаря затишью въ торговлѣ и промышленности рабочіе странно бѣдствовали, многія тысячи сидѣли безъ работы. Въ Парижѣ острая нужда была временно смягчена дѣятельностью разныхъ благотворительныхъ обществъ, организаціей общественныхъ работъ, ежегодной пенсіей вдовамъ и сиротамъ навшихъ борцовъ. Многіе безработные баррикадные бойцы вошли въ составъ реорганизованной городской полиціи. Въ Лионѣ же фабриканты старались свалить на рабочихъ все ужасы кризиса. При 18-ти часовомъ рабочемъ днѣ они понизили заработную плату до 1—1 фр. 25 сант. Такимъ образомъ отъ 30 до 40 тысячъ рабочихъ семействъ было обречено на крайнюю нужду.

Накопленный годами опытъ научилъ лионскихъ рабочихъ организоваться въ товарищескіе союзы. Руководители *Mutuelles* («кассы взаимомощи») были естественными представителями рабочихъ передъ 800 фабрикантами г. Лиона. Они добились того, чтобъ былъ созданъ общій совѣтъ изъ 22 фабрикантовъ и 22 рабочихъ, выработавшій новую таксу заработной платы, обязательную для обѣихъ сторонъ. Эти собранія проходили подъ предѣлательствомъ лионскаго префекта, Бувье-Дюмоляра. 25-го октября новый тарифъ былъ подписанъ и подписи утверждены префектомъ. Рабочіе остались довольны этимъ тарифомъ, хотя онъ и понизилъ ихъ заработную плату сравнительно съ первоначальной. 104 фабриканта изъ 800 отказались подчиниться новому тарифу. Враждебно настроенное противъ рабочихъ министерство Казимира Перье приняло сторону 104, выразило порицаніе префекту за его вмѣшательство и новый тарифъ былъ положенъ подъ сукно.

Но такъ какъ нужда росла со дня на день, то рабочіе расположеннаго на холмѣ *Croix Rousse* предмѣстья рѣшили возстать. Они запаслись значительнымъ количествомъ оружія и двумя пушками и утромъ 21-го ноября спустились въ городъ. Впереди несли черное знамя съ надписью, составленной выдвинувшимся теперь впервые рабочимъ *Альберомъ*: «*Vivre en travaillant ou mourir en combattant!*» (Жить въ трудѣ или

умереть въ борьбѣ). На встрѣчу этому шествію вышелъ батальонъ національной гвардіи въ новой формѣ съ гренадерскими медвѣжьими шапками, врагъ рабочихъ, такъ какъ новая національная гвардія рекрутировалась изъ средней буржуазіи. Начался бой и батальонъ былъ отброшенъ. Расположенная къ рабочимъ часть національной гвардіи въ старой формѣ присоединилась къ нимъ, чѣмъ она помѣшала нападению войска и въ этотъ день побѣда осталась за народомъ. Въ первый же вечеръ весь Ліонъ, за исключеніемъ ратуши, находился въ рукахъ повстанцевъ, да и ратуша была ночью оставлена войскомъ. Префектъ Дюмоляръ остался на своемъ посту и назначенный имъ комендантомъ рабочей былъ признанъ вѣрныи. Уже вечеромъ 23-го ноября рабочіе сами разставили стражу въ городѣ.

И лучшей стражи нечего было и желать ліонской буржуазіи. Сехудалые, покрытые лохмотьями, дрожащіе отъ холода рабочіе стояли на стражѣ передъ монетнымъ дворомъ, общественными зданіями и домами богатыхъ гражданъ, чтобы охранять неприкосновенность частной собственности. Этимъ и ограничилась дѣятельность повстанцевъ послѣ достигнутой побѣды. Рабочіе тогда еще не доросли до сознанія своихъ социальныхъ требованій и продолжали только переговоры о наболѣвшемъ вопросѣ относительно регулированія заработной платы*. Ихъ удерживали до 3-го декабря, пока явился въ Ліонъ маршалъ Сульть съ 20-тысячной арміей. Теперь уже о переговорахъ не было больше рѣчи. Городекое населеніе было обезоружено, мелко-буржуазная національная гвардія распущена и префектъ Дюмоляръ за вмѣшательство въ вопросъ о заработной платѣ былъ смѣщенъ съ должности. Затѣмъ начали арестовывать «зачинщиковъ», о которыхъ уже заранѣе обѣ палаты подали единодушно адресъ, чтобъ къ нимъ была примѣнена строжайшая мѣра наказанія. Народъ безучастно относился къ этому. Здѣсь впервые особенно рѣзко проявились классовыя противорѣчія между пролетаріатомъ и буржуазіей. Последняя безъ различія партій, постоянно воевавшихъ другъ съ другомъ, соединилась подъ общимъ руководствомъ правительства для борьбы съ «внутреннимъ врагомъ».

Последующее возстаніе было подготовлено «Обществомъ друзей народа» и другими революціонными союзами. 5-го іюня 1832 г. похороны генерала Ламарка, офицера республики и имперіи, вожда небольшой республиканской группы депутатовъ въ обшвенной палатѣ, послужили сигналомъ къ возстанію. Оппози-

*) Ліонскіе ткачи работали на дому на предпринимателей-капиталистовъ, хозяевъ мануфактуръ.

ція предполагала устроить только демонстрацію, но она закончилась кровопролитіемъ. Во время печальнаго шествія неожиданно раздались звуки марсельезы. Лафайетъ, Моганъ и другіе республиканцы произносили рѣчи передъ народомъ. Торжественный актъ приходитъ уже къ концу, какъ къ ораторской трибунѣ приблизился всадникъ съ краснымъ знаменемъ, съ красной фригійской шапочкой на конѣ и предлагалъ привѣтствовать это знамя съ надписью: «Свобода или смерть!». Это было впервые, когда народу было указано на красное знамя, какъ на *его* знамя. Это предложеніе встрѣтило бурное одобреніе со стороны части демонстрантовъ, знамя украсили вѣнками, а знаменосца съ торжествомъ понесли на рукахъ.

Между тѣмъ на бульварѣ Бурдонъ драгунскій полкъ набросился на толпу: загорѣлся бой, который вскорѣ распространился на большую часть восточныхъ и сѣверныхъ кварталовъ города. Правительство не дремало и стянуло въ Парижъ 20.000 человекъ солдатъ, да и національная гвардія безирекословно выполняла распоряженія властей. Главное начальство надъ военными силами принялъ маршалъ Лобо, онъ хладнокровно и осторожно проводилъ свой военный планъ. 6-го іюня послѣ полудня ослабляющее возстаніе сконцентрировалось въ нѣкоторыхъ пунктахъ внутреннихъ городскихъ кварталовъ, именно на улицѣ С.-Мартенъ съ бывшей церковью С.-Мери, гдѣ сильно забаррикадировались послѣдніе нѣсколько сотъ республиканцевъ. Въ 4 часа пополудни эти баррикады были разрушены пушечными залпами и отъ безоружныхъ инсургентовъ осталось только 21 человекъ. Такимъ образомъ возстаніе было подавлено и король, какъ бы въ знакъ одержанной побѣды, объѣзжалъ городъ. Онъ обезпечилъ за собой престолъ еще на нѣсколько лѣтъ. Этихъ героевъ С.-Мери народъ долго воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ.

На слѣдующій день Парижъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи и назначены военные суды надъ извѣстными революціонерами, хотя городъ вскорѣ принялъ свой обычный мирный видъ. 29-го іюня кассационный судъ отмѣнилъ смертный приговоръ военнаго суда; въ этомъ выразилось негодованіе общественнаго мнѣнія противъ высококомѣрнаго торжества побѣдителей. Осадное положеніе также пришлось упразднить; одни только національные гвардейцы настаивали на строгихъ наказаніяхъ, что нѣсколько не помѣняло обычнымъ судамъ выносить мягкіе приговоры.

Полятно, что правительство постаралось уничтожить «Общество друзей народа». Оно создало процессъ о недозволенныхъ обществахъ. Между обвиняемыми находился человекъ, который

съ этого времени составлялъ душу всѣхъ республиканскихъ заговоровъ и долженъ былъ за преданность своимъ идеаламъ поплатиться цѣлымъ десятилѣтїемъ тюремнаго заключенїя. Это былъ *Огюсть Бланки*. Онъ поднялся и заявилъ своимъ судьямъ: «Это борьба между бѣдными и богатыми; богатые бросили вызовъ, они представляютъ собою нападающую сторону. Привилегированные классы жируютъ потомъ бѣдняковъ. Современная общественная организація является механизмомъ, безпощадно раздавливающимъ 25 милліоновъ крестьянъ и 5 милліоновъ рабочихъ, чтобы изъ нихъ выжать жизненный сокъ, который и переливается въ жилы привилегированныхъ слоевъ». Послѣ блестящей защитительной рѣчи *Годфруа Кавеньяка* обвиняемые были оправданы, тѣмъ не менѣе судъ рѣшилъ, что «Общество друзей народа» должно быть распущено.

* * *

Во время этой соціальной и политической борьбы произошло одно романтическое приключеніе, ясно обнаружившее удивительное ослѣпленіе и полное безсиліе легитимистской партїи: провозглашеніе регентшей герцогини Беррійской, матери малолѣтняго Генриха V, герцога Бордосскаго—предпрїятіе, къ которому французскій народъ и буржуазія относились совершенно безучастно. Это касалось лично короля и расположенныхъ къ нему придворныхъ круговъ. Этотъ случай далъ новый поводъ оппозиціи къ нападкамъ на буржуазнаго короля, принявшимъ еще болѣе ожесточенный характеръ, чѣмъ во время исторїи съ принцемъ Кондэ. Необходимо замѣтить, что еще 29-го сентября 1820 г., когда родился «странный ребенокъ», Луи-Филиппъ, тогда герцогъ Орлеанскій, отказался признать его законнымъ сыномъ убитаго 13-го февраля 1820 г. герцога Беррійскаго.

Герцогиня Беррійская, неанолитанская принцесса, со стороны отца была племянницей жены Луи-Филиппа и, такимъ образомъ, находилась съ нимъ въ двойномъ родствѣ. Тѣмъ не менѣе въ письмѣ отъ 30-го сентября 1820 г., опубликованномъ въ англійскихъ газетахъ, Луи-Филиппъ утверждалъ, что герцогъ Бордосскій подкидышъ. Вотъ содержаніе письма: «Его королевское Высочество протестуетъ противъ извѣщенїя 29 сентября этого года, согласно которому ребенокъ, названный Карломъ-Фердинандомъ Дьедонэ, выдается за законнаго сына герцогини Беррійской. Въ свое время герцогъ докажетъ, какого происхожденїя ребенокъ и кто его мать. Онъ представитъ соотвѣтствующія доказательства, что герцогиня Беррійская со дня смерти своего несчастнаго мужа не была беременна и вы-

ведеть на чистую воду интригановъ, пользующихся слабой процессой, какъ орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей... Его королевское Высочество убѣждено, что французскій народъ и всѣ европейскіе монархи поймутъ, какія роковыя послѣдствія можетъ имѣть такой дерзкій и незаконный поступокъ. Европа и Франція уже разъ пострадали отъ узурпаціи какого-то Бонапарта. Новая узурпація со стороны Лжегенриха V принесетъ Европѣ и Франціи не меньше бѣдствій... Парижъ, 30-го сентября 1820 г.».

Нѣсколько дней спустя герцогъ Орлеанскій отрицалъ передъ возмущеннымъ Людовикомъ XVIII свою причастность къ этому письму. Но ударъ былъ нанесенъ, «протестъ» не былъ опровергнутъ и 2-го августа 1830 г. во время штатгальтерства Луи-Филиппа онъ былъ *полностью* напечатанъ въ орлеанистскихъ газетахъ.

Спустя годъ послѣ революціи герцогиня Беррійская приняла смѣлое рѣшеніе произвести контръ-революцію, насильно посадить своего сына на французскій престолъ, а себя провозгласить регентшей. Она покинула Гольрудъ въ Шотландіи, гдѣ находилась королевская семья, направилась черезъ Германію въ Италію и поселилась сперва въ Генуѣ, затѣмъ въ Массѣ, въ герцогствѣ Моденѣ. Тамъ она созвала наиболѣе видныхъ французскихъ легитимистовъ, маршала Бурмона, графа Керголей, С. Пріеста, маркиза Пасторэ, герцоговъ Экара, Беллюю и др. и рѣшено было въ 1832 г. произвести легитимистское возстаніе.

25 апрѣля 1832 г. герцогиня со своими приверженцами сѣла на нанятый ею корабль «Карло Альберто» и въ ночь съ 28-го на 29-ое апрѣля высадилась на морскомъ берегу Прованса около Марсея, гдѣ и должно было, согласно принятому плану, начаться возстаніе. Но власти были освѣдомлены объ этомъ предпріятіи и приняли свои мѣры. Когда 30 апрѣля въ 5 часовъ утра отрядъ вооруженныхъ легитимистовъ достигъ марсельской гавани и ударилъ въ набатъ съ ближайшей церкви, онъ былъ сейчасъ же разсѣянъ, такъ какъ на его призывъ не откликнулся ни одинъ рабочій и ни одинъ матросъ. Тѣ, которые не успѣли скрыться, были арестованы.

Но эта неудача не обезкуражила герцогиню Беррійскую и она рѣшила предпринять вторичную попытку въ той мѣстности, гдѣ благодаря сохранившимся со временъ великой революціи ультра-роялистскимъ традиціямъ, могла рассчитывать на успѣхъ. Запасшись подложными паспортами, въ сопровожденіи небольшой свиты она 4-го мая направилась туда, благополучно

избѣжала слѣдившей за ней полиціи и была гостепрѣмно принята въ замкѣ Плассакъ, недалеко отъ Сента.

Въ легитимистскихъ кругахъ Парижа ясно сознавали всю безцѣльность этого предиріятя. Они отрядили къ герцогинѣ самого даровитаго оратора партіи, адвоката Беріэ, съ цѣлью убѣдить ее подпустить Вандею и съ новымъ подложнымъ на спортомъ бѣжать за границу. Но на совѣтѣ, созваномъ герцогиней, одержала верхъ военная партія съ вышеупомянутымъ маршаломъ Бурмономъ во главѣ и возстаніе было назначено на 4-е іюня. Дѣйствительно, въ этотъ день въ мѣстностяхъ, проникнутыхъ религіознымъ фанатизмомъ, поднялись крестьяне. Но широкія массы населенія Вандеи держались спокойно и выжидательно, а въ городахъ національная гвардія стала подъ знамена, чтобы помочь войскамъ подавить возстаніе. Послѣ нѣкоторыхъ кровавыхъ схватокъ, причемъ обѣ стороны сражались съ большимъ ожесточеніемъ, повстанцы были разбиты на голову и герцогинѣ ничего не оставалось, какъ бѣжать за границу. Не обошлось это возстаніе безъ обычныхъ жестокостей гражданской войны: варварски избивали плѣнныхъ, добывали раненыхъ, издѣвались надъ женщинами и дѣтьми и т. д.

Власти рѣшили изловить во что бы то ни стало герцогиню Берріескую, они усилили свою бдительность и путь къ границѣ ей былъ отрѣзанъ. Она считалась по Вандеѣ, стараясь уйти отъ преслѣдованія жандармовъ. Наконецъ она нашла надежное убѣжище у своихъ приверженцевъ въ Пантѣ. Тамъ она провела нѣсколько мѣсяцевъ, несмотря на тщательные розыски полиціи. Наконецъ она была арестована, благодаря предательству одного легитимиста. Пѣкій Дѣць, крещеный еврей, подкупленный тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тьеромъ, взялся за 500,000 фр. предать герцогиню въ руки полиціи. Этотъ предатель пользовался довѣріемъ при дворѣ Карла X и послѣ польской революціи легитимистская партія часто посылала его съ конспиративными порученіями на Пиринейскій полуостровъ. Ему удалось получить тайное порученіе къ герцогинѣ и 6-го ноября онъ явился къ ней. Полиція, слѣдовавшая за нимъ по пятамъ, окружила домъ солдатами и жандармами и подъ личнымъ руководствомъ префекта Дювала приступила къ обыску. Вскрыли полы, взломали шкафы, выстукивали стѣны, осмотрѣли погреба, тщательнѣйшимъ образомъ обшарили все этажи и... герцогиню все-таки не нашли. Но такъ какъ власти были хорошо освѣдомлены и были увѣрены, что герцогиня находится именно въ этомъ домѣ, то было рѣшено помѣстить на ночь по нѣсколько человекъ въ каждой комнатѣ и на слѣдующій день сдѣлать вторичный обыскъ и, если понадобится, раз-

ломать всю постройку. Для того, чтобы согрѣться и пріятнѣе провести ночь, полиція развела огонь въ каминахъ. Тогда герцогиня, спрятавшаяся въ дымовой камерѣ, гдѣ она скорчившись провела 16 часовъ вмѣстѣ съ тремя женщинами изъ ея свиты, начала задыхаться отъ дыма и жары. Она вышла и дала себя арестовать. На слѣдующій день она была отпращена въ цитадель Блэй при Бордо и сдана генералу Бюго, перешедшему на сторону орлеанистовъ. Послѣдній поручилъ надзоръ за герцогиней капитану С.-Аиро, который прежде носилъ фамилію Лерой. Этотъ офицеръ, съ которымъ, какъ и съ Бюго мы еще встрѣтимся при дальнѣйшемъ изложеніи, былъ при Карлѣ X съ позоромъ изгнанъ изъ арміи, а затѣмъ при Луи-Филиппѣ опять былъ принятъ на военную службу.

Правительство Луи-Филиппа было въ больномъ затрудненіи, не зная, что предпринять противъ этой плѣнницы. Съ одной стороны, кровь, пролитая изъ за нея въ Вандеѣ, требовала удовлетворенія. Съ другой стороны, Луи-Филиппу весьма не улыбалась перспектива суда, гдѣ герцогиня Беррійская будетъ фигурировать въ качествѣ представительницы легитимистскій партіи, насчитывавшей въ своихъ рядахъ многихъ вліятельныхъ французскихъ аристократовъ, оспаривая права старшей Бурбонской линіи на французскій престолъ. Изъ этого непріятнаго положенія правительство вышло благодаря одному неожиданному обстоятельству. 22-го февраля 1833 года герцогиня вынуждена была сказать ген. Бюго, что она нуждается въ медицинской помощи. 9 мая 1833 г. она разрѣшилась отъ бремени дочерью... Отцомъ этого ребенка былъ, по ея словамъ, одинъ сициліанскій аристократъ, графъ Lucchesi съ которымъ она находилась въ тайномъ бракѣ.

Луи-Филиппъ выпустилъ слѣдующую резолюцію передъ рожденіемъ этого ребенка: «При родахъ должны присутствовать слѣдующія лица: субъ-префектъ Блэй, меръ съ однимъ изъ членовъ меріи, президентъ суда, прокуроръ, мировой судья, командиръ національной гвардіи и гг. Дюбуа и Меньеръ. Когда приблизится моментъ родовъ, эти свидѣтели должны направиться въ спальню принцессы, чтобы установить этотъ фактъ. Они должны спросить принцессу, беременна ли она и скоро ли она должна родить. Ея отвѣтъ или ея молчаніе должно быть занесено въ протоколъ. Свидѣтели должны осмотрѣть спальню, смежныя комнаты, шкафы, конторку, все выдвижные ящики и постель герцогини, чтобы убѣдиться, что въ помѣщеніи нѣтъ новорожденнаго ребенка. Первый крикъ ребенка тоже долженъ быть отмѣченъ въ протоколѣ...»

Республиканской партіи, конечно, все это было на руку.

«Мнѣ противно», писалъ Луи-Бланъ, «входить въ эти подробности. Что за приказы, Боже праведный! И съ какимъ холоднымъ, продуманнымъ безстыдствомъ выполняются въ точности такіе приказы! Неужели Луи-Филиппъ не понимаетъ, что, унижая свою племянницу, онъ дискредитируетъ принципъ монархіи. Неужели онъ не подумалъ о томъ, что оскорбительное обращеніе съ принцами и принцессами убиваетъ въ народѣ всякое уваженіе къ королевской крови вообще, а униженіе королевскаго дома разсѣиваетъ ореолъ, окружающій престолъ».

Но пока Луи-Филиппъ достигъ своей цѣли. Политическая роль герцогини Беррійской была кончена. Когда она оправилась отъ родовъ, ее выпустили на свободу.

* * *

Какъ мы уже знаемъ, «Общество друзей народа» было распущено судебнымъ порядкомъ. Кромѣ того его ряды сильно порѣдѣли отъ холеры въ апрѣлѣ и маѣ и отъ уличной борьбы въ іюнь 1832 г. Оставшіеся въ живыхъ образовали «Общество правъ человѣка», взявшее на себя руководство республиканскимъ движеніемъ во Франціи. Правительство попыталось распустить и это общество, но потерѣло неудачу. Въ концѣ 1832 г. около 20 членовъ этого общества были обвинены въ томъ, что они принимали участіе въ заговорѣ съ цѣлью поднять возстаніе во время учрежденныхъ правительственною властью іюльскихъ празднествъ. Судъ присяжныхъ ихъ оправдалъ. Центръ «Общества правъ человѣка» находился въ Парижѣ, вся Франція была покрыта сѣтью его отдѣленій, распадавшихся на безчисленное множество секцій, по 20 человѣкъ въ каждой. Во главѣ общества стояли Вуайэ д'Аржансонъ, Одри де Пуйраво, Годфруа Кавеньякъ, Керозы и нѣкоторые другіе менѣе извѣстные республиканцы. Чтобы подорвать все возрастающее вліяніе этого общества, правительство внесло въ палату законопроектъ, согласно которому впредь ни одинъ политическій фереинтъ не можетъ быть учрежденъ безъ соотвѣтствующаго правительственнаго разрѣшенія, запрещалось раздѣленіе на секціи, чѣмъ имѣли въ виду предупредить нарушеніе новаго закона о ферейнахъ. Далѣе, незаконное участіе въ политическомъ фереинтѣ не должно разсматриваться, какъ преступленіе, а какъ простое нарушеніе закона, поэтому оно должно подлежать не суду присяжныхъ, а суду неправительственной полиціи. Творцами этого законопроекта были Тьеръ и Гизо, и имъ удалось его провести черезъ палату, несмотря на оппозицію легитимистовъ, радикаловъ и республиканцевъ. 6-го мая прошелъ въ палатѣ вто-

рой законъ, запрещавшій обывателямъ имѣть оружіе и амуницію; употребленіе оружія во время народныхъ волненій наказывалось смертною казнью. Тьеръ и Гизо этими мѣрами полагали исполнѣе обезпечить существованіе буржуазной монархіи и конституціи 1830 г. Республканцы рѣшились на крайнее средство, которое, какъ они надѣялись, освободитъ Францію отъ Луи-Филиппа и его приенныхъ.

И на этотъ разъ былъ неудачно выбранъ моментъ для возстанія. Положеніе рабочихъ въ Лионѣ по прежнему оставалось невыносимымъ. Пререканія съ предпринимателями изъ-за заработной платы опять вызвали беспорядки и начатыи 5-го апрѣля 1834 г. процессъ противъ предполагаемыхъ инициаторовъ протеста переносилъ чашу терпѣнія лионскихъ рабочихъ. «Кассы взаимопомощи» объединились съ мѣстнымъ ферейномъ «Общества правъ человѣка». 9-го апрѣля загорѣлся бой передъ зданіемъ суда, гдѣ рабочимъ былъ вынесенъ обвинительный приговоръ. У народа было мало оружія, а бороться ему приходилось съ сильнымъ гарнизономъ, во главѣ котораго стоялъ генералъ Эймаръ, занявшій всѣ наиболѣе важныя въ стратегическомъ отношеніи пункты города. Борьба была очень упорная и кровопролитная. Она тянулась нѣсколько дней и кончилась полнымъ пораженіемъ рабочихъ. Въ францисканской церкви, представлявшей собою послѣднюю точку опоры повстанцевъ, повторились ужасныя сцены С.-Мери. Во главѣ ипсургентовъ стоялъ здѣсь неустрашимый народный борецъ Лагранжъ. Солдаты не давали никому пощады, убивали даже больныхъ, не щадили и безпомощныхъ стариковъ. Въ другихъ пунктахъ города вытаскивали изъ жилищъ дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ руководителей и тутъ же ихъ разстрѣливали.

Лионскія событія вызвали волненія во всей Франціи. Въ С.-Этьенѣ, Вьенѣ, Греноблѣ, Клермонѣ, Оксерѣ, Пуатье 11-го и 12-го апрѣля дѣло дошло до кровавыхъ схватокъ. Въ Лиевилѣ былъ открытъ заговоръ, организованный среди кирасиръ унт.-офицеромъ Клеманомъ Тома (впослѣдствіи генералъ). Железа предупредить возстаніе въ Парижѣ, правительство арестовало въ ночь съ 12-го на 13-е апрѣля 150 наиболѣе выдающихся членовъ «Общества правъ человѣка». По все-таки вопросъ о возстаніи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, хотя противъ этого были Буонаротти, стоявшій во главѣ основаннаго послѣ польской революціи «Общества демократическихъ карбонаріевъ», журналистъ Арманъ Каррель, убитый впослѣдствіи на дуэли Жирарденомъ, и многіе другіе вліятельные члены республиканской партіи. Вечеромъ 13-го апрѣля Парижъ покрылся сотнями баррикадъ. Но повстанцы насчитывали въ своихъ рядахъ 3000

—4000 человекъ, и они могли оказать только слабое сопротивление 40,000 войску маршала Лобо и такому же количеству национальной гвардіи.

Въ 6 ч. утра 14-го апрѣля маршалъ открылъ военныя дѣйствія. Бой носилъ очень ожесточенный характеръ, особенно варварской была «бойня на улицѣ Трапепонантъ», гдѣ своими звѣрствами тогда отличился Бюго. Память объ этихъ ужасахъ и теперь еще сохранилась въ парижскомъ населеніи. Въ одномъ только домѣ было убито 19 человекъ, между прочимъ и женщины и дѣти. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Тьеръ, далъ варварскіи лозунгъ *избавить преимущественно подрастающее поколѣніе*, чтобы въ ближайшемъ будущемъ не явились метилы за навшихъ борцовъ. Особенной жестокостью отличались національные гвардейцы. Они теперь метили за то, что іюньскіе инсургенты потеряли легкое наказаніе и сами творили судъ и расправу надъ каждымъ раненымъ или илѣннымъ, который попадался имъ въ руки. Вечеромъ этого же дня министерство уже сообщило палатѣ, что порядокъ возстановленъ.

Въ теченіе первыхъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ возстанія было арестовано до 2000 человекъ и были преданы суду пэрровъ. Послѣ 5-мѣсячнаго предварительнаго слѣдствія прокуроръ составилъ обвинительный актъ только противъ 318 обвиняемыхъ. Судъ, сдѣлавъ разслѣдованіе, понизилъ эту цифру до 164, въ числѣ которыхъ были 43, успѣвшіе бѣжать за границу. Наиболѣе видные изъ обвиняемыхъ были Арманъ Марра, Годфруа Кавеньякъ, Гинаръ, Серези, Лагранжъ и Коссидьеръ. Предвидя, какой приговоръ имъ будетъ вынесенъ, обвиняемые приняли общее рѣшеніе превратить залу суда въ арену политической борьбы, не считаясь съ интересами своей личной защиты. Они надѣялись этимъ путемъ нанести такой ударъ правительству, который долженъ ускорить конечное торжество республики. Они выбрали въ защитники самыхъ талантливыхъ ораторовъ своей партіи, которые начали съѣзжаться въ Парижъ со всѣхъ концовъ Франціи. Собирались выступить на судѣ Франсуа Араго, Барбесъ, Бастидъ, Бланки, Буонаротти, Карно, Арманъ Каррель, А. Контъ, Пьеръ Леру, Гарнье-Паже, Жерю Ролленъ, Мари, Распайль, Жюль Фавръ и Мишель Бурже. Многие изъ этихъ лицъ показались правительству настолько опасными, что оно рѣшило прибѣгнуть къ насилію. Вопреки закону и судебнымъ традиціямъ судъ пэрровъ объявилъ, что онъ можетъ допустить къ защитѣ только адвокатовъ.

Процессъ начался 5-го мая 1835 г. Судопроизводство отличалось большой страстностью съ обѣихъ сторонъ. Растерявшійся судъ пэрровъ, чтобы избавиться отъ безконечныхъ ежедневно

повторяющихся бурныхъ сценъ, раздѣлили обвиняемыхъ на группы и разослали ихъ по различнымъ городамъ, гдѣ имъ и былъ объявленъ судебный приговоръ. 13-го августа прочли приговоръ лонцамъ. Потомъ слѣдовали другъ за другомъ судебныя вердикты для обвиняемыхъ изъ другихъ городовъ. 5-го декабря дошла очередь до унтеръ-офицеровъ Люневилля. Парижанамъ былъ вынесенъ приговоръ 22-го и 23-го января 1836 г. Многимъ выпала на долю ссылки и 20-лѣтнее тюремное заключеніе. Къ ссылкѣ же были присуждены, между прочимъ, Арманъ Марра и Годфруа Кавеньякъ, но заочно; такъ какъ они оба еще 12-го іюля 1835 г. съ 26 парижскими товарищами убѣжали изъ тюрьмы С.-Пелажи.

Въ то время, какъ этотъ грандіозный процессъ держалъ въ нервномъ напряженіи всю Францію, произошло одно неожиданное событіе, которое помогло правительству, какъ всегда это бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, усилить реакцію.

На 28-е іюля 1835 г. былъ назначенъ смотръ линейнымъ войскамъ и національной гвардіи, но не на Марсовомъ полѣ, обычномъ мѣстѣ для смотра войскамъ, а на бульварахъ. По городу циркулировали тревожныя слухи; поговаривали о томъ, что во время этихъ іюльскихъ торжествъ произойдетъ катастрофа при помощи какой-то адской машины и указывали на бульваръ du Temple, какъ на мѣсто будущаго взрыва. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Тьеръ, издалъ приказъ наканунѣ вечеромъ (27-го іюля) сдѣлать тщательный обыскъ въ домахъ этого бульвара. Но обыватели такъ возмутились этимъ распоряженіемъ, что правительству пришлось отказаться отъ этого, и оно ограничилось тѣмъ, что установило строгій надзоръ за окнами этого бульвара.

Въ 10 часовъ утра Луи-Филиппъ сѣлъ на коня и поѣхалъ на смотръ въ сопровожденіи своихъ сыновей, герцоговъ Орлеанскаго, Пемурскаго и Жуанвильскаго, маршаловъ Мортъе и Лобо, министровъ, генералитета, многихъ штабныхъ офицеровъ и вышнихъ государственныхъ людей. По всему пути, по которому онъ слѣдовалъ, господствовала мрачная тишина, прерываемая отъ поры до времени обязательными криками «ура» солдатъ. Въ полдень Луи-Филиппъ со своей свитой доѣхалъ до 8 легіона національной гвардіи, расположеннаго на бульварѣ Temple. Вдругъ раздался сильный трескъ, похожій по звуку на ружейную пальбу. На мѣстѣ оказалось много убитыхъ и раненыхъ, въ томъ числѣ маршалъ Мортъе, генералъ Лянасъ де Вериньи, много офицеровъ, національныхъ гвардейцевъ и зрителей. Король и его сыновья остались невредимыми. Въ моментъ взрыва замѣтили, что изъ окна третьяго этажа дома № 50 показались облака дыма и сейчасъ же въ окнѣ появился окровав-

ленный человекъ. Онъ спустился по веревкѣ на маленькую крышу и исчезъ въ открытомъ окнѣ сосѣдняго дома, но его выдалъ кровавый слѣдъ, оставленный имъ, и онъ былъ арестованъ. Это былъ корсиканецъ, по имени Фіески.

Въ комнатѣ, изъ которой убѣжаль Фіески, нашли дымящиеся остатки его машины. Она представляла собой рядъ изъ 25 стволовъ, соединенныхъ между собой зажигательнымъ шнуркомъ и расположенныхъ на подвижной подставкѣ, что позволяло придать выстрѣламъ желательное направленіе и взять вѣрный прицѣлъ. Въ двухъ стволахъ оказалось 8 пуль, по 4 въ каждомъ, 4 ствола лопнули вслѣдствіе слишкомъ сильнаго заряда и ранили самого Фіески.

5-го августа были похоронены съ большой торжественностью и пышностью жертвы покушенія 28-го іюля. Сотни тысячъ человекъ присутствовали на этихъ похоронахъ. Въ этотъ день, казалось, исчезли всѣ партійныя распри.

Но еще наканунѣ, 4-го августа, министръ юстиціи Персиль (прежде генеральный прокуроръ) внесъ въ палату 3 законопроекта, содержаніе которыхъ недвусмысленно указывало на то, что правительство хочетъ использовать въ интересахъ ре-акціи покушеніе 28 го іюля, какъ въ свое время поступило министерство Деказа, когда былъ убитъ герцогъ Беррійскій.

Первый законопроектъ касался палаты присяжныхъ. Онъ представлялъ министру юстиціи право назначать сессіи палаты присяжныхъ по политическимъ дѣламъ въ зависимости отъ потребностей даннаго момента, генеральному прокурору — право сокращать въ политическихъ процессахъ формальности судопроизводства, а предѣдателя палаты — удалять силой изъ залы засѣданія суда тѣхъ изъ обвиняемыхъ, которые своимъ поведеніемъ мѣшаютъ правильному теченію судопроизводства, и разбирать дѣло въ ихъ отсутствіи.

Второй законопроектъ относился къ суду присяжныхъ. Онъ уменьшилъ число гоюсовъ присяжныхъ засѣдателей, требуемыхъ для обвинительнаго вердикта съ 8 до 7.

3-й законопроектъ носилъ на свободу печати. Подъ угрозой долговѣтнаго тюремнаго заключенія и денежнаго штрафа въ 10 — 50 тысячъ франковъ, онъ предупреждалъ противъ «оскорбленія Величества» и «всякихъ нападокъ на принципы государственнаго управленія».

Палата вполне оправдала ожиданія правительства. Она даже пошла дальше. Она не только приняла суровый законъ о печати, но рѣшила распространить эти репрессіи на преступления противъ собственности, противъ святости присяги и неуважительнаго отношенія къ закону. Денежный залогъ, вносимый

за право изданія журнала. Былъ повышень съ 48,000 на 100,000 фр. (по мысли Сосе, который внесъ этотъ реакціонный законопроектъ, залогъ слѣдовало увеличить до 200,000 фр.), залогъ принимается только наличными деньгами; поручителемъ можетъ выступить только тотъ, кто владѣеть имуществомъ стоимостью не менѣе $\frac{1}{3}$ вышеупомянутой суммы.

Напрасно Ройе—Колляръ, основатель так. наз. «доктринерской школы», стоявшей тогда у власти въ лицѣ герцога Брольи и Гизо, предостерегалъ на засѣданіи палаты депутатовъ своихъ учениковъ отъ этихъ мѣропріятій. Напрасно Вильманъ, знаменитый товарищъ Гизо по Сорбоннѣ; выступилъ въ защиту свободы печати. 9-го сентября обѣ палаты приняли эти предложенія, извѣстная среди современниковъ и въ исторіи подъ названіемъ *сентябрьскихъ законовъ*.

30-го января 1836 г. открылось засѣданіе суда по дѣлу Фіески и его единомышленниковъ. Фіески былъ корсиканскимъ бандитомъ, онъ добровольно предложилъ свои услуги полиціи и, получивъ отказъ, изъ мести совершилъ это покушеніе. Слѣдователю удалось его убѣдить, что его единомышленники намѣренно положили слишкомъ много взрывчатыхъ веществъ въ стволы, чтобы онъ самъ также былъ убитъ во время покушенія и не могъ ихъ потомъ выдать правительству. Эта гнусная уловка имѣла успѣхъ и Фіески изъ мести назвалъ другихъ участниковъ этого дѣла, сѣдельщика Морей, бѣднаго, стараго фанатика-якобинца, который составилъ планъ покушенія и Пепэна, владѣльца колоніальной лавочки, давшаго деньги на это предпріятіе. Былъ арестованъ и Буаро, молодой подмастерье, замѣшанный только косвеннымъ образомъ въ это дѣло; возможно, что онъ даже совѣмъ не былъ къ нему причастенъ. 15 февраля 1836 г. судъ пѣровъ вынесъ имъ вѣсн обвинительный приговоръ. Фіески, Морей и Пепэнъ были присуждены къ смертной казни, Буаро—къ 20 лѣтнему заключенію въ тюрьмѣ. 19 февраля состоялась казнь осужденныхъ.

* * *

Въ это время во Франціи происходилъ министерскій кризисъ. Въ министерствѣ Сульть-Брольи-Гизо-Тьера, которое продолжало реакціонную политику. К. Перье, умершаго 16-го мая 1832, г. и выпустило позорные сентябрьскіе законы, происходила непрерывная борьба между Гизо и Тьеромъ и разюгласія относительно внѣшней политики. 22-го февраля во главѣ министерства сталъ Тьеръ и 6-го сентября оно уже пало. Портфель премьеръ-министра получилъ Моле, Гизо опять сдѣ-

лался министромъ народнаго просвѣщенія. Соперничество между Моле и Гизо привело 15-го апрѣля 1837 г. къ вторичному удаленію послѣдняго изъ кабинета. И Моле оставался у кормила правленія до 8-го марта 1839 г. Затѣмъ слѣдовало временное министерство, состоявшее изъ второстепенныхъ политиковъ. 12-го мая 1839 г. образовалось министерство Сульта, въ которомъ прежній республиканецъ адвокатъ Тестъ, получившій нѣсколько лѣтъ спустя весьма печальную извѣстность, состоялъ хранителемъ печати. 1-го марта 1840 г. во главѣ кабинета сталъ Тьеръ съ ген. Кубьеръ въ должности военнаго министра. Въ этомъ же году Тьеръ опять потерялъ портфель, и 29-го октября 1840 г. мы видимъ у власти уже новое министерство Сульта - Гизо, которое держало въ своихъ рукахъ бразды правленія, частично мѣняясь въ своемъ составѣ, вплоть до февральской революціи. Наиболее вліятельнымъ въ этихъ различныхъ министерствахъ послѣ смерти Казимира Перье были Тьеръ, Гизо и Моле. Они все проводили реакціонную политику, установившуюся съ самаго начала правленія Луи-Филиппа. Тьеръ прикрывался легкимъ какъ пухъ, либерализмомъ, Гизо былъ остороженъ и медлителенъ, Моле былъ рѣшителенъ и грубъ.

Законодательная дѣятельность этихъ реакціонныхъ министровъ, какъ и палаты пэровъ, политическая роль которой равнялась нулю, была очень ничтожна. Правительство болъшинство въ палатѣ составляли чиновники, ждавшіе производства въ чинъ, фабриканты, добывавшіеся поставокъ въ армію и флотъ, префекты, нуждавшіеся въ правительственной поддержкѣ, однимъ словомъ, всякаго рода авантюристы и любители легкой наживы. Чтобы достигнуть такого болъшинства, власти пускали въ ходъ всевозможныя средства во время выборовъ. Особенно болъшое усердіе въ этомъ отношеніи проявилъ Гизо. Благодаря ему въ послѣдніе годы передъ февральской революціей «собраніе народныхъ представителей» (если вообще можно говорить о такомъ при 200,000 избирателей) на половину состояло изъ зависимыхъ чиновниковъ.

Проведеніемъ сентябрьскихъ законовъ правительство Луи-Филиппа наложило свою тяжелую руку на республиканскую и социалистическую печать. Открылся цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ противъ печати, но присяжные болъшей частью выносили оправдательные приговоры. Въ случаѣ же обвиненія, суды, состоявшіе изъ зависимыхъ чиновниковъ, назначали очень суровыя наказанія. Такъ, напримеръ, выходившая подъ редакціей Армана Марра «Tribune» 111 разъ привлекалась къ судебной отвѣтственности и 20 разъ была оштрафована, въ общемъ 49 годами тюремнаго заключенія и суммой въ 157,630 фр., вслѣд-

ствіе чего послѣ 4-хъ лѣтней борьбы редація вынуждена была прекратить изданіе.

Реакціонное законодательство о печати, превосходившее пѣкоторыми деталями даже ордопансы Полиньяка, сдѣлалось въ министерство Сульта-Гизо, благодаря ловкимъ судебнымъ толкованіямъ, прямо таки невыносимымъ. Согласно закону о печати 1818 г., все жалобы, связанныя съ отправленіемъ служебныхъ обязанностей, подлежали суду присяжныхъ, частныя же жалобы на оскорбленіе—обычному суду. Судъ присяжныхъ, главнымъ образомъ, обращалъ вниманіе на точное установленіе истины, въ судебной же наладѣ главную роль играли юридическія формальности. Этотъ статутъ дальше говоритъ, что чиновникъ и вообще оффиціальныя лица должны направлять въ судъ присяжныхъ свои жалобы на оскорбленіе, когда, напримеръ, оно нанесено имъ, какъ должностнымъ лицамъ, что заставляло ихъ доказывать свою правоту. Въ виду господствовавшей тогда въ средѣ бюрократіи продажности, для многихъ чиновниковъ это было весьма невыгодно. Поэтому, ложными толкованіями придали этому закону такой смыслъ, что оскорбленнымъ въ печати чиновникамъ предоставляется право выбора между двумя формами суда—присяжныхъ или палаты.

Противъ всехъ этихъ злоупотребленій и явныхъ нарушеній закона либеральная оппозиція могла выставить только одно—требованіе избирательной реформы съ пониженіемъ избирательнаго ценза и привлеченіемъ къ политической дѣятельности передовой интеллигенціи, представителей такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, что должно было удвоить число избирателей. Въ этомъ первоначально и заключалась цѣль банкетной кампаніи, запрещеніе которой и дало виѣшній толчокъ къ февральской революціи.

Ряды республиканской партіи сильно порѣдѣли отъ многочисленныхъ потерь во время возстаній, но она тѣмъ не менѣе не сложила оружія. Напротивъ, она именно теперь, несмотря на количественную убыль, развила большую энергію и рѣшительность, стараясь использовать благоприятныя на ея взглядъ обстоятельства, чтобы положить конецъ существующему порядку вещей. Ихъ оффиціальныя организаціи распались, отчасти онѣ были распущены, отчасти ихъ дѣятельность была парализована реакціоннымъ законодательствомъ. Но уже лѣтомъ 1835 г. на ихъ мѣсто появилась тайная организація, подъ названіемъ «Семейство», основанная Барбесомъ и Бланки, работавшими тогда еще солидарно, безъ треній. Оба они пользовались вполне за-

служенной популярностью среди трудящихся массъ. «Фамилія» не устраивала собраній, не выпускала прокламацій, не имѣла никакихъ виѣшнихъ отличительныхъ знаковъ. 5 человекъ составляли «семью», глава которой одинъ только зналъ ихъ имена и поддерживалъ сношенія съ представителями центрального комитета. Все приказанія передавались устно, планы на будущее не сообщались. Каждый членъ этой организаціи обязанъ былъ имѣть наготовѣ ружье и патроны и ждать сигнала къ возстанію. Къ концу 1835 г. «Фамилія» насчитывала въ своихъ рядахъ 1200 человекъ. 13-го марта 1836 г. полиція открыла тайную пороховую и патронную фабрику, была установлена связь между рабочими этой фабрики и Бланки и Барбесомъ. Они были арестованы и при этомъ выяснилось, что они успѣли организовать значительную часть нарижскаго гарнизона. На ихъ сторонѣ были, между прочимъ, многіе лейтенанты, одинъ майоръ, около 30 унтеръ-офицеровъ. Ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы въ назначенный день рано утромъ захватить непосвященныхъ офицеровъ, поднять распропагандированныя линейныя войска и съ членами «Семейства» во главѣ двинуться къ Тюльери. Въ числѣ организованныхъ унтеръ-офицеровъ былъ и знаменитый *Мартенъ Бернаръ*. Слѣдствіе противъ революціонной части гарнизона было приостановлено, чтобы не возбуждать въ обществѣ сомнѣній въ политической благонадежности арміи, ограничились только тѣмъ, что распредѣлили эти опасные элементы по африканскимъ полкамъ. Барбесъ и Бланки были освобождены изъ тюрьмы въ силу амнистіи по поводу бракосочетанія герцога Орлеанскаго 30-го мая 1837 г.

Несмотря на всеобщую агитацію, охватившую весь французскій народъ, революціонеры все-таки надѣялись сильнымъ, неожиданнымъ натискомъ боевыхъ элементовъ страны на реакціонное правительство заставить ветрянуться прогрессивные слои Франціи. Уже въ іюнь 1837 г. появилось вмѣсто распавшагося «Семейства» новое общество «Времена года» съ ярко соціалистической окраской. Цѣль этой новой организаціи можно формулировать двумя словами: «уничтоженіе аристократіи». Здѣсь рѣчь идетъ не о родовой аристократіи, которая со времени польской революціи потеряла свое доминирующее вліяніе на общественную жизнь Франціи, а о денежной аристократіи, т. е. банкирахъ, подрядчикахъ, монополистахъ, крупныхъ землевладѣльцахъ, однимъ словомъ, всякаго рода эксплуататорахъ и паразитахъ, живущихъ на счетъ народа. Добиться этого они надѣялись «соціальной и радикальной революціей», которая должна была свестись къ уничтоженію всехъ привилегій собственности, рожденія и

установленію въ соціальной жизни принципа равенства *). Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ заговоровъ, какіе только знаетъ исторія. Онъ былъ такъ конспиративно обставленъ, что всѣ подготовительныя работы были вполнѣ закончены, а полиція, во главѣ которой стоялъ ловкій префектъ Жиске, не имѣла о немъ ни малѣйшаго представленія. (Какъ потомъ выяснилось, полиція узнала черезъ своихъ агентовъ, что затѣвается какой-то заговоръ, но ей не удалось получить въ свои руки нити организаціи, чтобы неожиданнымъ набѣгомъ разстроить планы революціонеровъ). Организационная сторона этого дѣла была поставлена мастерски. 6 человекъ составляли «недѣлю», во главѣ которой стояло «воскресенье»; 28 человекъ составляли «мѣсяць» подъ начальствомъ «іюля». 84 чел. представляли собой «время года» подъ руководствомъ «весны»; 352 чел. — «годъ» или батальонъ, съ командиромъ подъ названіемъ «революціоннаго агента». Каждый членъ организаціи зналъ только свое непосредственное начальство. Имена замѣнялись номерами, никакихъ записей не велось, къ письму прибѣгали только въ крайнихъ случаяхъ. Смотры производились на площадяхъ, но были обставлены такъ, что только руководители знали своихъ подчиненныхъ, послѣдніе же не имѣли никакого представленія другъ о другѣ. Центр. комит. могъ, не предупредивъ даже батальоны, въ послѣдній моментъ раздать оружіе и превратить смотръ въ возстаніе. Въ началѣ 1839 г. это общество насчитывало 10 «временъ года», т. е. $2^{1/2}$ «года» или батальона, въ общемъ 850 человекъ. Это представляло собой ядро революціонной арміи, къ которой во время возстанія должны были применить тысячи народа, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Во главѣ всей этой организаціи стояли Бланки, Барбесъ и исключенный изъ королевской арміи Мартенъ Бернаръ.

На 12-е мая 1839 г. былъ назначенъ смотръ членамъ «время года», который центр. комит. рѣшилъ превратить въ возстаніе. Въ этотъ день происходили бѣга на Longchamps и туда собралась большая часть гарнизона, много національныхъ гвардейцевъ, полицейскій префектъ и большинство высшей бюрократіи. Заговорщикамъ удалось овладѣть ратушей и учредить временное правительство, выбравшее Бланки, главнокоман-

*) Другими словами, социализмъ этого радикальнаго заговора носитъ мелко-буржуазный характеръ. Онъ отражалъ содержаніе борьбы промышленныхъ классовъ съ господствовавшей финансовой аристократіей и ея прихвостнями. Эта борьба красной нитью проходитъ черезъ всю эпоху буржуазной монархіи и накладываетъ на нее свой специфическій отпечатокъ. При тогдашней степени экономическаго развитія страны социализмъ не былъ, да и не могъ еще быть продуктомъ классовыхъ противорѣчій между трудомъ и капиталомъ.

дующимъ. Но увы! народная масса относилась спокойно и безучастно къ этому событію. Съ другой стороны, нарижекому коменданту удалось сѣйчасъ же, какъ онъ примчался въ городъ, составить колонну изъ національной гвардіи и войска, а затѣмъ при помощи подослѣннаго подкрѣпленія выбить заговорщиковъ изъ ратуши. На скорую руку построенныя баррикады были разрушены войсками и повстанцы разбѣяны. Въ 10 часовъ вечера движеніе было уже совершенно подавлено; тяжело раненые Барбесъ и Мартенъ Бернаръ были взяты въ плѣнъ. 15-го іюля судъ перовъ приговорилъ послѣдняго къ смертной казни, перваго къ ссылкѣ, а 13 участниковъ возстанія къ тюремному заключенію. Бланки, арестованный только 14-го октября, былъ въ январѣ 1840 г. приговоренъ къ смертной казни, 29 другихъ заговорщиковъ къ тюремному заключенію. Смертные приговоры были отмѣнены королемъ. Большую часть заключенныхъ помѣстили въ тюремное подземелье стараго монастыря Mont Michel на морскомъ берегу Нормандіи, откуда Бланки и Барбесъ были насильно освобождены своими отважными единомышленниками во время февральской революціи.

Революціонное политическое движеніе было парализовано на долгіе годы, но зато передъ существующимъ общественнымъ укладомъ выросъ новый, быть можетъ, не менѣе грозный врагъ, социальный вопросъ. За все время господства буржуазной монархіи почти не прекращалась борьба между мастерами и подмастерьями, фабрикантами и фабричными рабочими изъ-за заработной платы. Тяжелая экономическая зависимость наемныхъ рабочихъ отъ предпринимателей опредѣлялась существовавшимъ законодательствомъ, обезнечивавшимъ интересы только одного класса общества, буржуазіи, совершенно игнорируя нужды и потребности другой заинтересованной стороны, пролетаріата. Положеніе рабочихъ дѣлалось прямо невыносимымъ влѣдствіе того, что многіе фабриканты творили разныя злоупотребленія, не считаясь даже съ этимъ, исключительно въ ихъ интересахъ созданнымъ, законодательствомъ. Правительство не принимало никакихъ мѣръ противъ этихъ злоупотребленій и не допускало мысли о какихъ-либо социальныхъ реформахъ.

Даніэль Штернъ рассказываетъ, что вся заботливость о трудящихся классахъ правительства Луи-Филиппа исчерпывается тремя циркулярами, касавшимися призрѣнія бѣдныхъ. Они были разсланы министромъ внутреннихъ дѣлъ префектамъ и остались подъ снудомъ.

Луи-Филиппъ полагалъ, что подкупомъ можно убить въ людяхъ все благородное, если же это не удастся, то надо пускаться въ ходъ силу, строгія наказанія и тогда замолчать самые

строптивные. До 22-го февраля 1848 г. въ правительственныхъ кругахъ съ презрительнымъ смѣхомъ отзывались о социализмѣ и организациі труда. Провастъ между трудомъ и капиталомъ обнаруживалась все явственнѣе, правительство же дѣлало видъ, что не знаетъ даже о существованіи классовыхъ противорѣчій. Ни правительство, ни палата не считались ни съ чѣмъ, выходящимъ за предѣлы такъ наз. «легальной страны», т. е. самой же палаты и тѣснаго круга (200,000) избирателей. Это ослабленіе было настолько сильно, что правительственное большинство разразилось насмѣшливымъ хохотомъ, когда въ 1845 г. рабочіе, изнемогая подъ гнетомъ нужды, подали *petition du travail* (просьба доставить имъ работу) въ палату съ очень скромными, въ покорномъ топѣ изложенными требованіями. Тогда Гизо, давній крупной буржуазіи лозунгъ: «Обогащайтесь!» произнесъ съ парламентской трибуны характерныя слова: «Мы имѣемъ могущественную, единственно вѣрную гарантію противъ капризовъ бѣдныхъ классовъ въ трудѣ, въ неизбѣжной необходимости работать». Онъ видѣлъ въ трудѣ бичъ, при помощи котораго можно заставить народъ покорно спосить ярмо, навьюченное на него привилегированными классами. Еще раньше, когда обсуждался вопросъ о налогѣ на сахаръ и депутат Гогье указалъ на крайне тяжелое положеніе занятыхъ на свеклосахарныхъ заводахъ рабочихъ, парламентское большинство прервало его бурнымъ хохотомъ и президентъ палаты Сосе ему замѣтилъ: «Мы засѣдаемъ здѣсь для того, чтобы издавать законы, а не для того, чтобы доставлять народу работу *).

Точно такой же пріемъ, какъ Гогье, встрѣчали со стороны ослабленнаго своими узко-классовыми интересами парламентскаго большинства и другіе ораторы оппозиціи, какъ, напримѣръ, знаменитый математикъ Франсуа Араго, когда они осмѣливались

*) Эти грубыя слова представляли собой неуклюжую форму, служившую въ сущности отвѣтомъ не на адресъ рабочихъ, а отказомъ на претензіи свеклосахарныхъ заводчиковъ въ таможенной защитѣ противъ тростниковаго сахара. Неудивительно, что заинтересованные въ свеклосахарномъ производствѣ говорили о нуждахъ рабочихъ, имѣя въ виду интересы предпринимателей, но характерно для экономическаго развитія Франціи при буржуазной монархіи, что лозунгъ протекціонистовъ въ палатѣ нашелъ живой откликъ въ рядахъ внѣпарламентской демократіи и социалистовъ этой эпохи. Крайніе протекціонисты, дѣйствительно, составляли въ палатѣ цвѣтъ радикальной оппозиціи противъ Гизо. Еще Гейне писалъ въ 1843 г.: «Противники тростниковаго сахара въ палатѣ были или предприниматели, непосредственно заинтересованные въ этомъ вопросѣ, или старые отжившіе бонапартисты, благоговѣнно поддерживавшіе свеклосахарное производство, потому что послѣднее было

коснуться социального вопроса и указать на необходимость новых социальных учреждений, социального законодательства, соответствующего ходу развития промышленности.

Между тем положение трудящихся масс стало еще более бедственным, чем до 1789 г. Если правительство и не обращало внимания на нужды и потребности рабочего люда, то нашлось много лиц, вращающихся в правительственных сферах, которые старались изследовать вею глубину многих социальных золь. Особенно интересовалась этими вопросами академия государственных наук. Въ ея уставѣ отъ 25-го октября 1795 г. имѣлся параграфъ, предписывавшей ей «ежегодно посылать своихъ членовъ по одиночкѣ или группами для разѣздовъ по французскимъ департаментамъ, чтобы ознакомиться съ различными сторонами жизни французскаго народа. Въ кругъ ихъ изследованій не должно только входить земледѣліе». Лионское возстаніе побудило академию командировать двухъ своихъ членовъ Бенуастѣнъ-де-Шатоней и д-ра Вилерме съ извѣстными инструкціями, чтобы собрать по возможности точныя свѣдѣнія о положеніи рабочихъ во всѣхъ департаментахъ Франціи. Докторъ Вилерме сумѣлъ слиться съ рабочей массой и, пользуясь ея полнымъ довѣріемъ, узнать ея жизнь, бытъ и настроеніе. Его докладъ былъ весьма неприятнымъ сюрпризомъ для крупной буржуазіи, въ тини обдѣльывавшей свои дѣлишки, утоная въ роскоши. Французское общество впервые узнало изъ этого доклада, какое громадное значеніе приобрѣла промышленность въ странѣ, какъ она рѣзко измѣнила направленіе французской революціи, выдвинувъ на первый планъ производственныя отношенія, заслонившія чисто политическіе вопросы. Онъ показалъ, какъ развитіе промышленности отразилось на всѣхъ сторонахъ общественной жизни, ставъ социальнымъ факторомъ первостепенной важности. Не скрылъ докторъ Вилерме и того факта, что тѣ, которые создали эту

любимой идеей короля» («Франц. дѣла», письмо 51). Фабрикантъ Гранденъ изъ Руана, выступавшій всегда въ парламентѣ съ жестокими нападками противъ Гизо, *послѣ* февральской революціи проявился въ учредительномъ и законодательномъ національномъ собраніи въ качествѣ «фанатическаго органа буржуазной реакціи» (К. Марксъ, «Классовая борьба во Франціи 1848—1850», стр. 21). Эта неожиданная перемѣна объясняется, по мнѣнію Маркса, относительной слабостью промышленной буржуазіи въ эту эпоху. Дальше онъ указываетъ на пестрый составъ оппозиціи и замѣчаетъ, что нельзя принимать за звонкую монету всѣ лозунги, которые она представляла. Грандена многие осуждали за то, что онъ выступилъ въ защиту опредѣленныхъ группъ буржуазіи, а не за то, что онъ вообще сталъ идеологомъ буржуазіи.

промышленность, жить въ нуждѣ и бѣдности и набросалъ яркую картину жизни рабочихъ, полной горя и страданій. Буржуазія читала его потрясающія описанія и дѣлала видъ, что не понимаетъ, кто является истиннымъ виновникомъ этихъ ужасовъ. Рабочіе же, разбуженные отъ долгаго сна этимъ до-бладомъ, только теперь ясно сознали свое классовое положеніе и поняли, что дальше жить такъ нельзя—необходимы серьезныя преобразованія во всемъ общественномъ укладѣ, а этого можно добиться только путемъ соціального переворота.

*
*
*

Здѣсь будетъ не лишнимъ отмѣтить, какъ развивалась эконо-мическая жизнь Франціи при буржуазной монархіи.

Франція занимала въ эту эпоху площадь въ 53 милліона гектаровъ (114 гектаровъ = 1 кв. верстѣ), изъ которыхъ 50 милліоновъ подлежало обложенію податями. Вся площадь распадалась на 11 милліоновъ участковъ; изъ нихъ $\frac{3}{5}$ было покрыто лѣсами, а 4,200,000 поземельныхъ участковъ обрабатывалось. Число крупныхъ землевладѣльцевъ, владѣвшихъ болѣе 140 гектаровъ, равнялось приблизительно 100,000, среднихъ собственниковъ, имѣвшихъ среднимъ числомъ по 35 гект., было 350,000, крестьянъ съ владѣніемъ въ-среднемъ по 5 гект. — 3,750,000 чел. Такимъ образомъ, послѣдніе имѣли столько земли, сколько едва хватаетъ при благоприятныхъ условіяхъ для прокормленія семьи въ 4—5 чел. Слѣдуетъ замѣтить, что къ этому классу относились 1,250,000 мелкихъ собственниковъ-крестьянъ, всего владѣвшихъ не болѣе, чѣмъ 2 гект. земли.

Поземельный налогъ давалъ казнѣ ежегодный доходъ въ 300 милліоновъ франковъ, налогъ на окна и двери—40 милліоновъ, непомѣрно высокій государственный сборъ при переходѣ имущества изъ однихъ рукъ въ другія—220 милліоновъ. Такимъ образомъ ежегодно взималось въ пользу государства съ земельной собственности 560 милліоновъ, т. е. почти половина всѣхъ государственныхъ доходовъ, другими словами, земля отдавала казнѣ больше $\frac{1}{3}$ своего чистаго дохода (1 $\frac{1}{2}$ миллиарда). Столько же приходилось землевладѣльцамъ платить въ формѣ ежегодныхъ $\frac{0}{100}$, такъ какъ надъ земельной собственностью тяготѣлъ ипотечный $\frac{5}{100}$ долгъ въ 11 миллиардовъ. Если къ этому прибавить, что многимъ крестьянамъ приходилось прибѣгать къ ростовщикамъ за временными займами, то ясно станеть, что французскій крестьянинъ, получая едва $\frac{1}{3}$ своего чистаго дохода (а иногда и того меньше), бѣдствовалъ не меньше, чѣмъ наканунѣ великой революціи. Вслѣдствіе хроническаго недоѣда-

нія, здоровье народа такъ пошатнулось, что во многихъ департаментахъ половина рекрутовъ забракывалась, какъ неспособная къ отбыванію военой службы.

Особенно тяжелымъ было положеніе винодѣловъ (2.500.000 человекъ), воздѣлывавшихъ въ общемъ 2 милліона гектаровъ земли подъ виноградники и добывавшихъ ежегодно 43 милліона франковъ. Каждый неурожай грозилъ подорвать въ корнѣ маленькое хозяйство винодѣла и заставлялъ его постоянно вѣзвать въ долги.

Но, главнымъ образомъ, винодѣліе страдало отъ тогдашней налоговой системы. Цѣны низшихъ сортовъ вина были настолько повышены государственнымъ и шитейнымъ сборомъ, что ихъ трудно было сбывать. Экспортъ болѣе дорогихъ сортовъ вина за границу встрѣчалъ затрудненія въ высокихъ вывозныхъ пошлинахъ, особенно со стороны Англіи. Дѣло въ томъ, что французское правительство почти запретило ввозъ англійскихъ мануфактурныхъ товаровъ въ Англію со своей стороны сочла себя вынужденной для компенсаціи наложить высокія пошлины на французское сырье. Парламентское большинство, состоявшее изъ представителей крупной промышленности, финансовой аристократіи и бюрократіи, за все 18 лѣтъ и палець о палець не ударило, чтобъ хоть нѣсколько облегчить съ земледѣлія и винодѣлія всю тяжесть надающихъ на нихъ налоговъ*).

Излюбленнымъ дѣтищемъ Іюльскаго монархіи была крупная промышленность. Во имя интересовъ своихъ 200.000 богатыхъ избирателей, правительство оградилло французскую промышленность отъ иностранной конкуренціи цѣлой стѣной ввоз-

*) См. «Классовую борьбу во Франціи», стр. 88 и 89, гдѣ болѣе подробно описанъ процессъ задолженности крестьянства со времени великой революціи, введшей его въ свободное владѣніе своей землей. Въ концѣ тамъ сказано: «Случилось такъ, что французскій крестьянинъ въ видѣ ли 0/00 за ипотечные займы, въ формѣ ли 0/0 0/0 разнымъ *ростовщикамъ* уступалъ капиталистамъ не только *весь чистый доходъ* со своей земли, но даже часть своей заработной платы, такъ что фактически его экономическое положеніе было не лучше *ирландскаго арендатора*. Такой цѣной французскій крестьянинъ платилъ за сомнительное преимущество считаться собственникомъ.

«Процессъ разоренія широкихъ слоевъ крестьянства ускорялся все возрастающей *тяжестью налоговъ* и *судебными издержками*. Послѣднее обуславливалось: 1) большими формальностями, какими французское законодательство обставило земельную собственность, 2) безчисленными конфликтами изъ-за маленькихъ разрозненныхъ хозяйствъ, тѣсно соприкасавшихся и перекрещивавшихся другъ съ другомъ, 3) сильно развившимся въ средѣ крестьянства сутяжничествомъ. Фанатически преданные своимъ убогимъ клочкамъ земли, французскіе крестьяне старались всѣми силами отстоять *свои права на свою собственность*». (Марксъ, тамъ же).

ныхъ пошлинъ, принося имъ въ жертву пужды и потребности всего населенія, всѣхъ французскихъ потребителей. И промышленная буржуазія прекрасно понимала свое значеніе въ правительственныхъ сферахъ и умѣла этимъ пользоваться. «Ни одно общество не можетъ обойтись безъ аристократіи, въ ней нуждается всякое правительство. Знаете ли вы, кто играетъ эту роль при польской монархіи? Крупная промышленная буржуазія, она является феодальной аристократіей новой династіи». Такъ воскликнулъ Жюберъ, владѣлецъ доменныхъ печей, во время таможенныхъ дебатовъ въ 1836 г. Послѣ, въ министерствѣ Тьера (послѣдній былъ еще большимъ протекціонистомъ, чѣмъ Жюберъ) онъ сдѣлался министромъ общественныхъ работъ, затѣмъ—графомъ и паромъ Франціи, но все-таки оставался владѣльцемъ доменныхъ печей. Вотъ эта то промышленная буржуазія вкупѣ съ примыкающей къ ней финансовой аристократіей всегда—и съ большимъ успѣхомъ—навязывала свою волю правительству Луи-Филиппа при рѣшеніи законодательныхъ вопросовъ, касающихся промышленности, торговли и финансового хозяйства, а всѣ ихъ стремленія, какъ они сами неоднократно съ циничной откровенностью заявляли, сводились къ тому, чтобы потуже набить свой карманъ.

Поэтому неудивительно, что французская промышленность достигла небывалаго расцвѣта, что вывозъ французскихъ фабрикатовъ возросъ отъ 455 милліоновъ въ 1830 г. до 890 милліоновъ въ 1847 г., что предприниматели сильно разбогатѣли и вложенный ими въ промышленность капиталъ увеличился съ 30 милліардовъ въ 1830 г. до 45 милліардовъ въ концѣ правленія Луи-Филиппа.

Не слѣдуетъ однако закрывать глаза и на обратную сторону медали. Параллельно съ ростомъ промышленности развивались и спекуляціи. Рѣзкія колебанія въ курсѣ государственныхъ бумагъ создавали возможность быстрого обогащенія и законъ 1832 г. сильно способствовалъ биржевой игрѣ, постепенно проникшей во всѣ слои буржуазнаго общества. На сцену выступилъ естественный спутникъ промышленнаго расцвѣта—дутья предпріятія. Появилось безчисленное множество анонимныхъ акціонерныхъ компаній, т. е. обществъ безъ личной отвѣтственности отдѣльныхъ представителей, съ проектами грандіозныхъ строительныхъ предпріятіи, переселенія избытка населенія въ заморскія колоніи, съ фантастическими планами разработки различныхъ горныхъ породъ и т. д. Довѣрчивый обыватель отдавалъ свои послѣднія сбереженія, привлекаемый высокимъ % и часто первоначально большими дивидендами. Представители высшей бюрократіи, маршалы и генералы, для

виду принимали участіе въ этихъ подчасъ завѣдомо мошенническихъ, дутыхъ предпріятіяхъ, чтобы авторитетомъ своего имени внушить довѣріе болѣе осторожнымъ людямъ и заставить ихъ рѣшиться на покупку акцій этихъ обществъ, соблазняясь перспективой крупныхъ дивидендовъ.

Эта спекуляціонная горячка достигла своего кульминаціоннаго пункта въ 40-хъ годахъ, благодаря законамъ 1840 и 1842 г.г. о желѣзнодорожномъ строительствѣ, которые ввели въ этой области новый принципъ, гарантію процентовъ государственнымъ казначействомъ. Это мѣропріятіе вызвало большое оживленіе не только въ области желѣзнодорожнаго строительства, но и среди спекулянтовъ. Последніе основывали цѣлый рядъ желѣзнодорожныхъ обществъ, назначали себѣ въ качествѣ «членовъ управленія» крупные оклады, выпускали въ обращеніе массу квитанцій (долженствовавшихъ временно—впредь до полученія концессій—играть роль акцій), продавали ихъ и затѣмъ исчезали съ горизонта, а общество, не приступившее даже къ постройкѣ желѣзной дороги, объявлялось банкротомъ. Эти финансовые плутни приняли такіе размѣры, что правительство было вынуждено закономъ отъ 15-го іюля 1845 года запретить торговлю этими квитанціями.

Безумное увлеченіе бумагами этихъ акціонерныхъ компаній охватило всю Францію. Мужчины и женщины, жившіе своими сбереженіями, лавочники и ремесленники, чиновники, врачи, адвокаты, торговцы, арендаторы и землевладѣльцы были поглощены одной мыслью—накупить желѣзнодорожныхъ акцій или спекулировать на нихъ. И это длилось долгіе годы, пока разразившійся передъ революціей крахъ не положилъ этому конецъ.

*
*
*

Между тѣмъ произошло одно совершенно неожиданное событіе. Герцогъ Орлеанскій, старшій сынъ короля и предполагаемый наследникъ престола, 13-го іюля 1842 года ѣхалъ изъ Парижа въ Ней-ли. Когда онъ проѣзжалъ Елисейскія поля, лошади испугались, кучеръ не могъ ихъ сдержать, герцогъ выскочилъ изъ коляски, упалъ безъ чувствъ на землю и, не приходя въ сознаніе, умеръ 4 часа спустя отъ сотрясенія мозга.

Хотя народъ относился совершенно равнодушно къ судьбѣ королевскаго дома и почти совсѣмъ не зналъ наследника престола такъ же, какъ и его братьевъ, но въ данномъ случаѣ взяло верхъ чисто человѣческое чувство, состраданіе къ семьѣ, которую постигло такое несчастіе. Это настроеніе еще въ боль-

шей степени проявилось въ парламентскихъ кругахъ. сочувствіе къ королю заглушило на время оппозиціонный духъ, утихла и партійная борьба.

Въ 30-хъ гг. выдѣлилась въ парламентъ такъ называемая «династическая оппозиція», во главѣ которой стоялъ Дювержье де Франъ и Одилонъ Барро. Эта группа хотѣла сохранить буржуазную монархію, но требовала законныхъ гарантій для болѣе свободнаго проявленія общественныхъ силъ страны.

Послѣ смерти герцога Орлеанскаго наследникомъ французскаго престола сдѣлался малолѣтній ребенокъ и, такъ какъ король былъ уже очень старъ, т. можно было ожидать, что власть скоро перейдетъ въ руки регента. Въ силу этихъ соображеній династическая оппозиція рѣшила, что политическая мудрость и чувство политическаго самосохраненія требуютъ, чтобы она отказалась отъ своей враждебной позиціи по отношенію къ правительству Луи-Филиппа. Эта группа не возбудила нѣкоторое время въ палатѣ различныхъ второстепенныхъ вопросовъ, недвусмысленно показывая правительству, что желаетъ примиренія съ нимъ. Но послѣднее не пошло навстрѣчу этимъ пожеланіямъ, стараясь только исползовать въ своихъ интересахъ эту перемену въ тактикѣ «династической оппозиціи». Такова была политическая атмосфера Франціи, когда разразился давно ожидаемый кризисъ.

Ближайшей его причиной былъ плохой урожай 1846 года, вліяніе котораго было бы, конечно, смягчено своевременными мѣропріятіями правительства. Напрасно купечество большихъ южныхъ городовъ въ свое время указывало на то, что странѣ грозитъ голодъ и требовало снятія пошлинъ съ хлѣбнаго импорта. Министръ торговли Кюентъ-Гриденъ обратился съ запросомъ о состояніи урожая къ префектамъ и субъ-префектамъ, а затѣмъ на основаніи этихъ докладовъ, составленныхъ въ тонѣ съ господствующимъ протекціонизмомъ, онъ 16-го ноября 1846 г. опубликовалъ официальное разъясненіе съ указаніемъ, что хлѣбныхъ запасовъ имѣется въ достаточномъ количествѣ и нѣтъ никакихъ основаній для уничтоженія или пониженія хлѣбныхъ пошлинъ.

Благодаря недостатку хлѣбныхъ запасовъ цѣны поднялись такъ высоко, что къ концу этого же года Кюентъ-Гриденъ счелъ себя вынужденнымъ разрѣшить безпошлинный ввозъ иностраннаго хлѣба, но было уже поздно. Русскія гавани Чернаго и Азовскаго морей, которыя могли снабдить южную и среднюю Францію, главнымъ образомъ пострадавшую отъ неурожая, достаточнымъ количествомъ хлѣба, были уже покрыты льдомъ и почти недоступны для кораблей. Кромѣ того чрез-

мѣрная спекуляція бумагами желѣзнодорожныхъ обществъ и разныхъ промышленныхъ компаній вызвала на денежномъ рынкѣ большую пужду въ звонкой монетѣ, что также неблагоприятно отражалось на хлѣбномъ импортѣ. Французскій банкъ, всегда поддерживавшій такого рода операціи, теперь самъ находился наканунѣ банкротства. Для покрытія своихъ 368 милл. франковъ текущихъ долговъ въ кассѣ банка имѣлось только 71 милл. золота. Отъ краха французскій банкъ былъ спасенъ императоромъ Николаемъ, который купилъ на 50 милл. рублей французскихъ 5% бумагъ по очень выгодному для банка курсу—115,75.

Наступившій голодъ вызвалъ волненіе во всей Франціи. Уже въ январѣ 1847 г. начались грабежи хлѣбныхъ складовъ и булочныхъ. Толпы голодающаго народа ходили изъ деревни въ деревню и вымогали у болѣе зажиточныхъ обывателей хлѣбъ. Въ Реннѣ и Нанси дѣло дошло до кровавыхъ схватокъ, были разграблены товарные склады и корабли. Въ Бузансѣ были убиты возбужденной толпой два богатыхъ землевладѣльца, извѣстныхъ въ народѣ, какъ хлѣбные ростовщики; за это убійство были казнены 5 человекъ. Только въ Парижѣ городское управленіе пришло на помощь голодающимъ: оно ассигновало милліоны франковъ на приплату пекарямъ, и тѣ выдавали въ теченіе 7 мѣсяцевъ нуждающимся 4-хъ фунтовые караваи хлѣба по 80 сантимовъ.

Дороговизна и голодъ вызвали застой въ торговлѣ, а затѣмъ и торговый кризисъ. Всѣ бумаги, наводнившія Францію, пали въ курсѣ, банкротства слѣдовали за банкротствами, средніе и мелкіе буржуа дорого поплатились за свои коммерческія увлеченія, отъ которыхъ выиграли разные авантюристы и представители финансовой и промышленной аристократіи. Они вынуждены были за безцѣнокъ продать свои акціи. Крупная буржуазія, которая во время кризиса только одна пользовалась довѣріемъ кредитныхъ учреждений, скупила эти акціи и, такимъ образомъ, удвоила свои богатства. Для нея ужасный 1847 г. былъ счастливымъ годомъ.

Въ 1846 г. происходили выборы въ палату. Народъ относился къ нимъ еще болѣе безучастно, чѣмъ къ предыдущимъ выборамъ. Населеніе привыкло къ тому, что правительство для обезпеченія себѣ большинства въ парламентѣ прибѣгаетъ къ самымъ предосудительнымъ средствамъ—обѣщаніямъ выгодныхъ казенныхъ поставокъ, должностей и разныхъ отличій, что оно сдѣлало подкупъ главнымъ руководящимъ принципомъ всей общественной жизни. Когда же теперь, во время кризиса, средняя и мелкая буржуазія была отстранена отъ участія въ дѣлежахъ

общественнаго пирога, то она начала цекать случаи, чтобы излить свою злобу за свои разбитыя надежды, за постигнуіе ее убытки, и слово «подкупъ» сдѣлалось моднымъ.

Еще съ 1838 г. имѣли мѣсто различные скандальныя процессы; въ этомъ же году были осуждены за взятчиичество члены парижекой префектуры, при чемъ выяснилось, что полицейскій префектъ Жиске устраивалъ своимъ родственникамъ, а именню своей «пріятельницѣ» весьма выгодныя концессіи. 30-го августа 1838 г. ген. Броссаръ былъ привлеченъ къ отвѣтственности за казнокрадство и въ свое оправданіе могъ привести только то, что его обвинитель, маршалъ Бюго, въ бытность свою главнокомандующимъ въ Африкѣ получилъ взятку въ 100,000 фр. отъ Абдель Кадера за невыгодный для Франціи договоръ.

Сильно развившаяся биржевая игра и спекулятивная плутни вызвали въ 1839-40 гг. цѣлый рядъ скандальныхъ процессовъ о мошенничествѣ и теперь въ 1847 г. новторилось то же самое съ той только разницей, что передъ судомъ фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ болѣе высокопоставленныя лица. Общество узнало, что маршалъ Сульть уступилъ за деньги свой портфель военнаго министра ген. Трецелю, что новый министръ финансовъ Дюмонъ—завзятый биржевой спекулянтъ, что подарки «на чай» играютъ очень крупную роль при рѣшеніи государственныхъ дѣлъ. Но эти злоупотребленія не дошли до суда, зато былъ обнаруженъ цѣлый рядъ хищеній въ морскомъ и военномъ вѣдомствѣ. Арсеналы были подвергнуты строгому контролю и выяснились крупныя растраты въ провіантскихъ магазинахъ Тулона, Бреста и Рошфора. Арсеналы Шербурга и Мурилона сгорѣли, и общественное мнѣніе обвиняло безчестныхъ чиновниковъ въ томъ, что они сами сожгли эти зданія, чтобы скрыть слѣды своихъ преступленій. Въ одномъ парижекомъ хлѣбномъ магазинѣ военнаго вѣдомства оказался послѣ смерти его директора дефицитъ въ 140,000 п. При этомъ выяснилось, что одинъ мелкій чиновникъ еще за 10 лѣтъ передъ тѣмъ указалъ на продѣлки этого директора, за что былъ безъ суда и слѣдствія удаленъ съ должности, какъ клеветникъ, и умеръ въ бѣдности.

Въ 1839 г., когда грюндерство было въ полномъ разгарѣ, ген. Кубьеръ, получившій въ мартѣ 1840 г. портфель военнаго министра, сдѣлался акціонеромъ одной горнопромышленной компаніи за то, что далъ свою подпись этому предпріятію. Онъ пустилъ въ ходъ всю силу своего вліянія и всѣ виды подкуна, чтобы добиться выгодной концессіи для своего общества. Между прочимъ онъ давалъ взятку въ 100,000 фр. своему бывшему товарищу по министерству, министру общественныхъ работъ

Тесту, который въ это время сдѣлался президентомъ кассационной палаты, высшаго суда въ странѣ. Эта исторія раскрылась, дѣло уже нельзя было замаять и въ июлѣ 1847 г. они оба предстали передъ судомъ паровъ. 10 дней тянулось судебное разбирательство, державшее въ лихорадочномъ напряженіи всю Францію, и оба присуждены были къ лишенію гражданскихъ правъ, денежному штрафу, а Тестъ кромѣ того къ тюремному заключенію на 3 года.

Вслѣдъ за этимъ процессомъ потянулся еще цѣлый рядъ аналогичныхъ процессовъ о взяточничествѣ, закончившихся осужденіемъ болѣе или менѣе видныхъ должностныхъ лицъ, что съ непреложной очевидностью свидѣтельствовало передъ обществомъ о полномъ упадкѣ нравовъ при господствующей правительственной системѣ.

Параллельно съ тѣмъ, какъ правительство и бюрократія, игравшія на руку крупной буржуазіи, съ каждымъ днемъ все больше теряли кредитъ въ странѣ, высшая родовая аристократія скомпрометировала себя ужасными преступленіями, надѣлавшими много шума въ обществѣ. Герцогъ Шуазель-Празленъ, царь Франціи и глава одной изъ самыхъ древнихъ дворянскихъ семействъ, женатый съ 1825 г. на дочери генерала Себастьяни (который выдвинулся при Наполеонѣ, а затѣмъ сталъ перебежчикомъ въ лагерь орлеанистовъ), послѣ упорной борьбы, звѣрскимъ образомъ убилъ свою жену, мать 9 дѣтей. Сперва онъ пробовалъ отрицать свою вину, несмотря на то, что все улики были противъ него; убѣдившись, что эта уловка ему не удастся, онъ покончилъ самоубійствомъ.

Въ такомъ положеніи находилась Франція наканунѣ революціи 1848 г. Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію событій, непосредственно вызвавшихъ революціонный взрывъ, необходимо ознакомить читателей съ крайне интереснымъ умственнымъ теченіемъ этой эпохи, утопическимъ социализмомъ, предшествующимъ научному социализму и тенереншему социал-демократическому рабочему движенію.

У.

Соціализмъ въ эпоху буржуазной монархіи.

Соціальное движеніе обездоленныхъ народныхъ массъ, проявившееся во время великой революціи въ отчаянномъ кризисѣ «хлѣба», заглохло при имперіи и реставраціи; при буржуазной монархіи оно выразилось въ формѣ рабочаго вопроса, вопроса о заработной платѣ. Это общественное теченіе еще при реста-

вращен сдѣлалось предметомъ изслѣдованій науки, которой выпало на долю выработки философеко-экономическихъ теорій и системъ подготовить почву для рѣшенія социальнаго вопроса.

Мысль о необходимости преобразования существующаго общественнаго порядка еще задолго передъ этой эпохой занимала передовые умы человѣчества. Еще *Томасъ Моръ*, Кампанелла и др. пытались изложить свои взгляды по этому вопросу въ формѣ утопій и не имѣли никакого практическаго значенія, потому что невозможно однимъ смѣлымъ скачкомъ перепрыгнуть черезъ всѣ ступени, по которымъ человѣчество послѣдовательно и съ большимъ трудомъ идетъ къ полному развитію всѣхъ скрытыхъ въ немъ общественныхъ силъ.

Во время великой революціи эти идеи приняли довольно осязательную форму. Были провозглашены права человѣка и, такимъ образомъ, установленъ принципъ равенства всѣхъ людей. Но при этомъ больше руководствовались *чувствомъ*, чѣмъ ясной, строго продуманной цѣлью, почему этотъ принципъ и остался только на бумагѣ. Въ дѣйствительности новое законодательство, провозгласивъ принципъ личной свободы, т.-е. предоставивъ каждому его собственной судьбѣ, безъ гарантій на средства къ существованію, способствовало развитію классовыхъ противорѣчій между богатыми и бѣдными. Оно углубило и расширило экономическую зависимость рабочихъ отъ владѣльцевъ орудій производства и капитала.

Лучше всѣхъ это понялъ *Гракъ Бабевъ*, одинъ изъ самыхъ благородныхъ народныхъ борцовъ великой революціи, выступившій съ программой насильственнаго преобразования существующаго общественнаго уклада. Природа, говорилъ онъ, надѣлила всѣхъ одинаковыми правами на пользованіе всѣми духовными и матеріальными благами. Цѣль общества заключается въ томъ, чтобы отстаивать это равенство, оспариваемое злыми и сильными міра сего, и общими усилиями увеличивать эти блага. Трудъ обязателенъ для всѣхъ и никто не имѣетъ права отказаться отъ этой обязанности. Какъ трудъ, такъ и плоды человѣческаго труда должны быть равномерно распределены между всѣми. Неправедливо, чтобы одинъ работалъ до истощенія силъ, испытывая во всемъ недостатокъ въ то время, какъ другіе, ничего не производя, утопаютъ въ роскоши. Никто не имѣетъ права присваивать исключительно въ свою пользу продукты землѣдѣлія или промышленности. Въ благоустроенномъ обществѣ не должно быть ни богатыхъ, ни бѣдныхъ. Цѣль революціи заключается въ уничтоженіи неравенства и возстановленіи общаго благосостоянія. Дѣло революціи еще не закончено, потому что въ рукахъ богатыхъ находятся пока всѣ матеріальныя и ду-

ховныя блага и государственная власть, въ то время какъ бѣдныя работаютъ, какъ выючныя животныя, терпятъ крайнюю нужду и не играютъ никакой роли въ государствѣ.

Для проведенія въ жизнь своей программы Бабефъ образовалъ инсurreкціонный комитетъ, въ составъ котораго вошли слѣдующія лица: *Дарте*, тяжело раненый при взятіи Бастиліи, правовѣдъ и бывшій чиновникъ во время директоріи, *Филиппо Буанаротти*, тосканскій изгнанникъ, получившій отъ конвента права французскаго гражданина, *Жюлиенъ де ла Дромъ*, бывшій членъ конвента, голосовавшій за казнь Людовика XVI, и *Фонтенель*. Этотъ комитетъ задался цѣлью подготовить возстаніе для того, чтобы добиться восстановленія демократической конституціи 1793 г. Заговорщикамъ удалось привлечь къ своему предпріятію тысячи смѣлыхъ и преданныхъ приверженцевъ. По мнѣнію Буанаротти, ихъ общее количество достигало 17,000, но эта цифра не совсемъ точна, въ дѣйствительности ихъ было меньше. Но вскорѣ въ рядахъ заговорщиковъ оказался предатель, капитанъ Гризаль, одинъ изъ военныхъ руководителей предполагаемаго возстанія. Онъ отправился къ Карно, исполнявшему тогда обязанности президента исполнительной комиссіи директоріи, и сообщилъ ему весь планъ съ именами главныхъ руководителей, которыхъ онъ успѣлъ узнать. 10-го мая 1796 г. были арестованы Бабефъ, Дарте, Буанаротти и нѣкоторые другіе. Сдѣланная 9-го сентября попытка къ возстанію была быстро подавлена; 31 чел. были разстрѣляны по приговору военнаго суда, многіе были приговорены къ ссылкѣ и тюремному заключенію. Арестованные руководители были незаконно преданы состоявшемуся въ Вандомѣ высшему уголовному суду и послѣ 3-хъ мѣсячнаго судебнаго разбирательства имъ были вынесены слѣдующіе приговоры: Бабефу и Дарте смертная казнь, которая и была совершена надъ ними на слѣдующій день, Буанаротти и другимъ—ссылка.

Тѣ изъ участниковъ этого заговора, которые избѣгли смерти, остались до конца своей жизни вѣрными своимъ убѣжденіямъ. *Буанаротти*, освобожденный въ 1815 г., опубликовалъ въ Брюсселѣ въ 1828 г. свою книгу «Исторію такъ называемаго заговора Бабефа во имя равенства». Послѣ июльской революціи онъ вернулся въ Парижъ и началъ здѣсь проповѣдывать свои коммунистическіе взгляды. Его пламенная проповѣдь встрѣтила живой откликъ въ парижскомъ населеніи, особенно среди ремесленниковъ, и онъ вскорѣ организовалъ тайный союзъ подъ названіемъ «демократическихъ карбонаріевъ» *), насчитыва-

*) Не нужно смѣшивать съ союзомъ французскихъ карбонаріевъ, основаннымъ Буше, Флотагомъ и Базаромъ.

внѣй тысячи приверженцевъ и имѣвнѣй свои развѣтвленія даже въ Германіи. Буанаротти, стоявшій во главѣ этого союза, пользовался громаднымъ вліяніемъ на революціонную партію и служилъ посредникомъ между французскими и итальянскими карбонаріями. Онъ былъ противъ революціонныхъ вспышекъ въ той формѣ, въ какой проектировали ихъ во Франціи «Общество правъ человѣка», въ Италіи Мадзини, и исходъ этихъ предпріятій показалъ, что онъ былъ правъ. Буанаротти умеръ въ 1837 г., 77 лѣтъ отъ роду, глубоко оплакиваемый своими приверженцами. Основанныя имъ тайныя общества, во главѣ которыхъ сталъ Бланки, позаботились о томъ, чтобы разбуженная имъ социалистическая мысль не заглохла. Его социалистическій идеалъ былъ потомъ разработанъ К. Марксомъ въ великую научную теорію.

На ряду съ коммунистами изъ школы Буанаротти, исподволь подготовлявшими пролетарскую революцію, существовали во Франціи еще два социалистическіе союза, сень симонистовъ и фурьеристовъ.

Сень-Симонъ, родившійся въ 1760 г., происходилъ изъ старинной дворянской семьи. Онъ первый понялъ все историческое значеніе современной индустриальной промышленности и выдвинутыхъ ею общественныхъ задачъ. Еще въ концѣ XVIII вѣка онъ предсказывалъ, что грядущее столѣтіе принесетъ съ собою социальный переворотъ, чтобы сломать силу капитала, занявшаго мѣсто отодвинутаго на второй планъ феодализма. Онъ считалъ трудъ основой существованія человѣческаго общества, порицалъ праздность и указалъ міру на необходимость заняться социальными вопросами. Онъ обогатилъ политическую экономію и финансовое право новыми идеями и выставилъ на первый планъ преслѣдуемый закономъ принципъ рабочихъ ассоціацій, какъ необходимое условіе всякаго социального прогресса. Онъ первый обратилъ серьезное вниманіе на справедливыя требованія рабочихъ, для которыхъ онъ вообще отводилъ первое мѣсто въ государствѣ *) Внимательное изученіе внутренней исторіи Франціи, говоритъ С.-Симонъ, приводитъ непредубѣжденного изслѣдователя къ тому заключенію, что трудящіеся классы пріобрѣтаютъ въ государствѣ все болыше значенія въ то время, какъ другіе классы его теряютъ, такъ что естественно наступитъ такой моментъ, когда общественные классы, занятые наиболѣе производитель-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ первыхъ трудахъ С.-Симона, сообразно съ тогдашнимъ состояніемъ промышленности, подъ словомъ «рабочій» подразумѣвались *все* занятые въ производствѣ лица—какъ предприниматели, такъ и наемные рабочіе.

нымъ трудомъ, будутъ играть первенствующую роль въ государствѣ. Общество подобно челоѣку, оно нуждается въ управленіи до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ періода зрѣлости. Какъ только оно сдѣлало извѣстные успѣхи въ наукахъ и промышленности, всякая государственная власть является излишней. Его существованіе можетъ быть вполне обезпечено соотвѣтствующей административной и промышленной системой. Въ разработкѣ этой системы Сень-Симонъ видѣлъ главную задачу 19 столѣтія. Въ «Новомъ христіанствѣ», своемъ послѣднемъ и самомъ важномъ трудѣ, онъ говоритъ: «Всѣ социальныя учрежденія нашего столѣтія должны способствовать физическому и моральному улучшенію наиболѣе многочисленныхъ и обездоленныхъ общественныхъ классовъ».

Сень-Симонъ не пытался разработать подробный планъ *разрѣшенія* социальнаго вопроса. Несмотря на всю глубину и смѣлость его критики существующихъ общественныхъ отношеній, онъ со свойственной ему скромностью всегда заявлялъ, что научное обоснованіе социальной проблемы онъ предоставляетъ специалисту, для котораго его труды будутъ служить только подготовительнымъ матеріаломъ. Эту великую задачу и выполнилъ К. Маркъ, который нашелъ, что исканіе *плана* — вообще бесполезный трудъ. Наука можетъ только опредѣлить творческія силы даннаго общества, путь прогрессивнаго развитія, по которому оно идетъ, и на основаніи этого матеріала можно ускорить освобожденіе скрытыхъ въ нѣдрахъ существующей общественной формаціи прогрессивныхъ элементовъ.

Въ молодости С.-Симонъ служилъ солдатомъ и сражался подъ начальствомъ Вашингтона за независимость Соединенныхъ Штатовъ. Въ политической борьбѣ временъ первой революціи онъ не принималъ участія, такъ какъ его привлекала къ себѣ другая, по его мнѣнію, болѣе высокая цѣль: роль общественнаго реформатора. Онъ очень усердно занимался науками, много путешествовалъ, стараясь непосредственно изучить жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. Долгое время его литературные труды не имѣли успѣха; только въ 1819 г., когда онъ потерялъ все свое состояніе и испыталъ всѣ ужасы нищеты, ему удалось привлечь общественное вниманіе къ своей брошюрѣ «Парабола». Въ этой брошюрѣ онъ рѣзкимъ примѣромъ старается доказать всю несостоятельность существующихъ общественныхъ учреждений. Предположимъ, говоритъ онъ, что Франція вдругъ потеряетъ 50 самыхъ даровитыхъ ученыхъ, 50 самыхъ талантливыхъ художниковъ и поэтовъ, 50 наиболѣе способныхъ предпринимателей и т. д., въ общемъ около 3000 самыхъ выдающихся дѣятелей на различныхъ поприщахъ, то страна

удобится тѣлу, изъ котораго вынули душу и только спустя цѣлое поколѣніе она поправитъ эту потерю. Предположимъ теперь, что вмѣсто этихъ людей Франція вдругъ лишится всѣхъ своихъ принцевъ и принцессъ, высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, министровъ, совѣтниковъ, судей, маршаловъ, епископовъ и кромѣ того 10,000 самыхъ крупныхъ собственниковъ, то великодушные французы, хотя и будутъ оплакивать гибель 30,000 человекъ, на которыхъ они привыкли смотреть, какъ на самыхъ полезныхъ въ государствѣ, но никакого существеннаго ущерба для себя они отъ этой потери испытывать не будутъ. Въ правительственныхъ сферахъ мысль о томъ, что смерть королевской семьи можетъ быть менѣе чувствительной для Франціи, чѣмъ смерть какого-нибудь вліятельнаго предпринимателя, показалась такой кощунственной, что С.-Симонъ былъ привлеченъ къ судебной отвѣтственности, но судъ присяжныхъ его оправдалъ.

Сень-Симонъ служилъ въ это время переписчикомъ въ ломбардѣ, получая 1000 фр. въ годъ жалованья. Онъ написалъ затѣмъ еще нѣсколько книгъ. Основная его точка зрѣнія можетъ быть выражена его главнымъ положеніемъ: «Каждому по его способностямъ, каждой способности по ея дѣламъ». Онъ такъ бѣдствовалъ, что свои труды могъ издать только благодаря поддержкѣ своихъ друзей. Когда онъ убѣдился, что не можетъ найти дѣйствительнаго средства, чтобы предотвратить неминуемый крахъ существующаго общественаго строя, когда онъ замѣтилъ, что его стремленія къ всеобщему счастью не могутъ осуществиться, жизнь стала ему въ тягость и въ 1823 г. онъ пустилъ себѣ зарядъ дрови въ голову. Отъ этого выстрѣла онъ лишился глаза, но остался въ живыхъ. Онъ умеръ 19-го мая 1825 г. *).

*) «Послѣдній мой трудъ «Новое христіанство» не будетъ сей-часъ понятъ, Родригъ», говорилъ онъ на смертномъ одрѣ, обращаясь къ своему любимому ученику, Олинду Родригу, «не забывай этого. Помни, что для великихъ дѣлъ требуется большой энтузіазмъ, сильная вѣра въ конечное торжество своихъ идей. Во всю свою жизнь я былъ занятъ одной только мыслью: обезпечить за всѣми людьми возможность свободнаго развитія своихъ силъ». Наступило молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прибавилъ уже въ агоніи: «Черезъ 48 лѣтъ послѣ второй публікаціи возникнетъ рабочая партія. Будущее принадлежитъ намъ».

Въ своемъ послѣднемъ трудѣ «Новое христіанство» С.-Симонъ выступаетъ убѣжденнымъ идеологомъ трудящихся классовъ противъ собственниковъ и провозглашаетъ освобожденіе отъ соціальнаго гнета. Эта книга, дѣйствительно, не была понята даже многими изъ его учениковъ, которые еще долго смѣшивали рабочихъ (travailleur) съ предпринимателями (industrielle).

Ближайшіе послѣдователи Сенъ-Симона принадлежали къ привилегированнымъ слоямъ общества. Наибольше знаменитыми изъ нихъ были *Просперъ Анфантенъ*, банкиръ *Оливидъ Родригъ*, экономистъ *Мишель Шевалье*, метафизики *Пьеръ Леру* и *Жанъ Рено*, *Ипполитъ Карно* (позже республиканскій министръ народнаго просвѣщенія), композиторы *Леонъ Галеви* и *Фелисьенъ Давидъ*, адвокатъ и драматургъ *Шарль Дюверье*, инженеры *Барро* и *Мони* (послѣдній построилъ первую франц. жел. дорогу), прежніе карбонаріи *Базаръ* и *Бюше*, финансисты *Эйхталь* и *Эмиль Перейръ* (послѣдній основалъ «*Credit mobilier*»), минералогъ *ле Пилъ*, философъ *Лерминье*, видный историкъ *Огюстенъ Тьерри* и многіе другіе. При реставраціи эта школа т. в. сенъ-симонистовъ не пользовалась успѣхомъ. Послѣ польской революціи въ ихъ руки перешелъ органъ конституціонныхъ доктринеровъ «*Globe*» и новое ученіе привлекло къ себѣ общественное вниманіе. Сенъ-симонисты рѣшили придать своей школѣ болѣе прочную форму; они составили новое общество подъ названіемъ «Семейство», во главѣ котораго стали два «главныхъ отца», Анфантенъ и Базаръ. Это общество занялось теоретической разработкой социальныхъ вопросовъ, руководствуясь общими указаніями, которыя имѣлись въ трудахъ Сенъ-Симона. Неходя изъ идеи пантеизма, что міръ представляетъ собой проявленіе божества, сенъ-симонисты хотѣли прежде всего опровергнуть христіанское воззрѣніе объ антагонизмѣ между духомъ и плотью или, какъ гласила ихъ формула, вернуть матеріи ея права. Но здѣсь обнаружились такія серьезныя разногласія въ самомъ «Семействѣ», особенно когда вопросъ коснулся эмансипаціи женщинъ, что общество вскорѣ распалось. Изъ него выступилъ Базаръ, сопровождаемый большинствомъ наиболѣе видныхъ членовъ. Остальнымъ Анфантенъ предложилъ послѣдовать за нимъ въ его маленькое помѣстье, Менильмонтанъ, расположенное близъ Парижа, чтобы основать общекитіе на новыхъ началахъ и, такимъ образомъ, практически осуществить идеи сенъ-симонизма. Только около 40 «дѣтей» приняли предложеніе «отца» Анфантена и посвятили себя полевымъ работамъ въ Менильмонтанѣ, распѣвая сенъ-симонистскія пѣсни съ гимнами, созданными музыкальнымъ гениемъ Фелисьенъ Давида. Они составляли нѣчто въ родѣ религіознаго братства, носили особое платье, длинные волосы и бороды. Но эта идиллія была очень скоро нарушена грубой дѣйствительностью. Они должны были предстать передъ судомъ присяжныхъ по обвиненію въ противозаконномъ сообществѣ (больше 20 человекъ) распространеніи «безнравственныхъ» ученій. 27-го августа 1832 г. открылось судебное засѣданіе; *Анфантенъ*, *Мишель Шева-*

лье и *Дюверье* были приговорены къ годичному тюремному заключенію. «Смейсево» было распушено и школа сень-симонистовъ распалась, но они еще долго пользовались вліяніемъ въ финансовыхъ и промышленныхъ сферахъ Франціи. Всѣ выдающіеся сень-симонисты заняли видное общественное положеніе, многіе приобрѣли извѣстность въ качествѣ финансистовъ и основателей различныхъ промышленныхъ предіриятій. Ученіе сень-симонистовъ, благодаря своему неопредѣленному, расплывчатому характеру, привлекло, съ одной стороны, людей мысли, цвѣтъ французской интеллигенціи—ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, даже Генрихъ Гейне одно время просвѣщался у сень-симонистовъ, съ другой стороны, могло быть использовано для разныхъ финансовыхъ плутней. Знаменитые въ свое время сень-симонисты, дожившіе до второй имперіи, вполнѣ примирились съ режимомъ Наполеона III. Самъ Анфантенъ умеръ въ 1864 г., занимая высокій офиціальныи постъ на желѣзной дорогѣ Парижъ-Лионъ-Средиземное море.

Хотя сень-симонизмъ почти не проникъ въ рабочую среду, тѣмъ не менѣе оказалъ извѣстное вліяніе на французскій пролетаріатъ. Посредственнымъ его результатомъ была социальная рабочая поэзія 30-хъ годовъ, собранная и опубликованная въ 1841 г. Родригомъ. По своему содержанію эти стихотворенія представляютъ собою жалобу на нужду рабочаго люда и стремленіе къ полному равенству всѣхъ людей. Изъ этихъ стихотвореній, частью написанныхъ работниками, заслуживаютъ особаго вниманія стихи швей Элизы Флери. Рабочая поэзія вообще проникнута глубокимъ чувствомъ и отличается изящной музыкальной формой. Кромѣ того сень-симонизмъ оказывалъ сильное вліяніе на социалистовъ различныхъ оттѣнковъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди.

Одновременно съ С.-Симономъ выдѣлился другой мыслитель, *Шарль Фурье*, выступившій съ планомъ преобразованія существующаго общественнаго строя. Онъ во всю свою жизнь вынужденъ былъ добывать себѣ пропитаніе въ качествѣ коммивояжера въ одномъ торговомъ предіриятіи. Фурье жилъ въ Марсели, когда во Франціи свирѣпствовалъ голодъ, и самъ наблюдалъ, какъ алчные спекулянты отправляли за море цѣлые транспорты хлѣба, чтобы, такимъ образомъ, искусственно поддерживать высокія цѣны на хлѣбъ въ странѣ. Онъ тогда далъ аннибалову клятву посвятить свою жизнь выработкѣ плана реорганизаціи существующаго общественнаго строя, чтобы дать возможность всему человѣчеству наслаждаться плодами своихъ трудовъ. Фурье обладалъ такой творческой силой мысли, что въ сравнительно короткій періодъ времени напечаталъ цѣлый рядъ

книгъ, несмотря на свои усиленные занятія въ торговомъ домѣ. Эти труды поразили все мыслящее общество новизной и разнообразіемъ проповѣдуемыхъ имъ идей, оригинальнымъ пониманіемъ современной дѣятельности и замѣчательно тонкимъ анализомъ всего существующаго общественнаго уклада.

Центральнымъ пунктомъ его теоріи является мысль о необходимости образованія хозяйственныхъ обществъ, которыя онъ называлъ «фалангами» (отъ греческаго слова «фаланга», обозначающаго македонскій сомкнутый строй); совокупность фаланговъ—общинъ—по его идѣ, должна была составлять такъ называемый фаланстеръ. Обитатели фаланстеровъ,—отъ 1500 до 1800 человекъ—занимаютъ общій домъ, обставленный очень удобно, даже комфортабельно, исполняютъ различныя работы, сельско-хозяйственныя, промышленныя и т. д. по общему, заранее выработанному плану. Въ члены общины принимается всякій, независимо отъ пола и возраста. Каждый выбираетъ работу, которая ему больше по душѣ, о принужденіи не можетъ быть и рѣчи. Для того, чтобы сдѣлать трудъ пріятнымъ и наиболее производительнымъ, рѣшено было, что никого нельзя заставить заниматься болѣе 2 часовъ одной и той же работой. Чистый годовоі доходъ долженъ быть распределенъ на 3 части: 1) $\frac{1}{3}$ на уплату 0% за занятый въ производствѣ капиталъ, 2) $\frac{5}{12}$ —на заработную плату въ зависимости отъ трудности и продолжительности каждой данной работы и 3) $\frac{1}{4}$ какъ премія за обнаруженные «таланты», т. е. за умѣлое руководство предпріятіемъ, техническія усовершенствованія, спеціальныя знанія, рѣдкую споровку и т. д. Фаланстеры дѣлаютъ излишними всякаго рода политическія организаціи; должна быть сохранена въ полной неприкосновенности индивидуальная воля отдѣльныхъ лицъ или группъ, въ которыя каждый вступаетъ совершенно добровольно. Отношенія между отдѣльными хозяйственными группами, или, по терминологіи Фурье, фалангами, опредѣляются добровольнымъ соглашеніемъ; все спорное вносится разрѣшается третейскимъ судомъ. Карательная власть не должна имѣть мѣста въ общественной организаціи, созданной въ полномъ соответствіи съ человѣческой природой; нужно только дать этимъ природнымъ наклонностямъ и стремленіямъ возможность полного и свободнаго проявленія, тогда человѣчество избавится отъ всѣхъ современныхъ несправедливыхъ соціальныхъ учреждений; мораль, законъ и полиція будутъ уничтожены, потерявъ подъ собою почву.

Фурье умеръ въ 1837 г. съ твердой вѣрой въ непогрѣшимость своей теоріи. Его непреклонную вѣру раздѣляла и созданная имъ школа, несмотря на полную неудачу неоднократ-

ныхъ попытокъ устроить во Франціи хотя бы одинъ фаланстеръ. Наибольше талантливымъ изъ его учениковъ былъ *Викторъ Консидеранъ*, бывший капитанъ французской арміи и учитель инженерной школы въ Мецѣ. Консидеранъ задаясь цѣлью очистить ученіе Фурье отъ нѣкоторыхъ странныхъ противорѣчій и постороннихъ наслоеній. Онъ вмѣсто фурьеристскаго журнала «Фаланстеръ» началъ издавать «Фалангу», которой онъ въ 1845 г. далъ названіе: «*Democratie pacifique*» (мирная демократія), желая этимъ показать, что фурьеристы и ихъ органъ ничего общаго не имѣютъ съ революціонной республиканской демократіей, преслѣдуемой правительствомъ. Послѣ февральской революціи направленіе этой газеты измѣнилось, она сдѣлалась республиканскимъ и социалистическимъ органомъ. Его редакторъ-издатель Консидеранъ примкнулъ въ національномъ собраніи къ партіи красныхъ, принималъ участіе въ іюнѣ 1849 г. въ попыткѣ къ возстанію Ледрю-Роллена; послѣ ея неудачи онъ вынужденъ былъ бѣжать за-границу. Школа фурьеристовъ была значительно ослаблена переходомъ ея главы Консидерана въ ряды социалдемократовъ и прекращенія газеты послѣ его бѣгства изъ предѣловъ Франціи. Оставшіеся вѣрными своимъ убѣжденіямъ фурьеристы нашли нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что предпринятія въ Америкѣ попытки къ устройству фаланстеровъ имѣли нѣкоторый успѣхъ.

Пропаганда сентъ-симонизма и фурьеризма долгое время не выходила за предѣлы буржуазныхъ слоевъ французскаго общества. Но и среди трудящихся народныхъ массъ социалистическая мысль сдѣлала значительные успѣхи, выразившись въ цѣломъ рядѣ пока еще неясныхъ стремленій и понятій. Всѣ классы французскаго общества были охвачены, такъ сказать, социалистическимъ духомъ и только этимъ настроеніемъ можно объяснить то глубокое впечатлѣніе, которое оказала на французовъ появившаяся въ 1842 г. утопически-коммунистическая книга «Путешествіе въ Икарію» *Этьена Кабе*. Послѣдній еще до іюльской революціи выдвинулся въ печати и парламентѣ въ качествѣ рѣшительнаго демократа. Въ 1833 г. онъ бѣжалъ отъ судебныхъ преслѣдованій въ Англію. Тамъ онъ дѣятельно принялся за изученіе произведеній Роберта Оуэна, утопіи Т. Мора и прочіея ихъ идеяи. Въ 1837 г. Кабе получилъ возможность, благодаря амнистіи, вернуться во Францію, и началъ издавать журналъ: «*Le Peuple*», встрѣченный очень сочувственно какъ въ буржуазной, такъ и рабочей средѣ. Подписчики этой газеты составили нѣчто въ родѣ семьи, во главѣ которой стоялъ самъ Кабе. Съ теченіемъ времени они придумали для себя даже особую форму: короткій сюртукъ изъ чер-

наго бархата, бѣлую круглую шляпу и называли себя «икарійцами».

Въ «Икаріи» Кабе нѣтъ ни собственности, ни денегъ, ни купли и продажи. Всѣ икарійцы одинаково работаютъ на общую пользу страны. Весь доходъ распределяется равномерно между всеми гражданами Икаріи. Каждый получаетъ отъ республики пищу, одежду, образованіе и т. д. Предметы первой необходимости приготовляются въ мастерскихъ республики, которая сама распределяетъ между своими рабочими сырье, орудія производства и работы, улачивая за трудъ не деньгами, а предметами потребления. Плоды коллективнаго труда сдаются въ общіе склады. Въ республикѣ господствуетъ общій принципъ: каждый работаетъ сообразно со своими силами, получаетъ сообразно своимъ потребностямъ. Такъ какъ въ Икаріи нѣтъ частной собственности, то не бываетъ ни воровства, ни преступленій, а потому тамъ нѣтъ ни тюремъ, ни солдатъ, ни полиціи. Далѣе, въ странѣ царитъ полная религіозная свобода, а для того, чтобы обезпечить за гражданами и гражданками совершенно свободный выборъ религіи, было запрещено разговаривать съ дѣтьми о религіозныхъ вопросахъ. Бракъ и семья остаются въ Икаріи неприкосновенными. Свободы печати не существуетъ, повременная пресса находится въ рукахъ общины и республики. Книги печатаются въ государственныхъ типографіяхъ, но къ печатанію допускаются только произведенія, разрѣшенные цензурой. Чиновники избираются по принципу всеобщаго избирательнаго права. Роль правительства въ Икаріи играетъ промышленный комитетъ, подчиненный законодательному національному собранію. Высшая апелляціонная инстанція въ странѣ— весь народъ. Если послѣдній недоволенъ дѣятельностью своихъ чиновниковъ, онъ можетъ ихъ смѣнить и на ихъ мѣсто выбрать другихъ.

Кабе и его ученіе встрѣтили очень враждебный пріемъ не только въ правительственныхъ сферахъ и среди духовенства, но и со стороны руководителей революціонно-республиканской партіи. «Reforme» открыла ожесточенную полемику противъ «Populaire». Кабе опубликовалъ по этому поводу брошюру: «Война или миръ между «Reforme» и «Populaire», въ которой онъ, какъ условіе мира, предлагаетъ «Reforme» открыть на своихъ столбцахъ свободную дискуссію о коммунизмѣ, выработать планъ организациіи труда и объяснить, какъ ея партія будетъ относиться къ коммунизму, когда она очутится у власти. «Reforme» уклонилась отъ отвѣта и продолжила свою рѣзкую полемику противъ Кабе вплоть до самой февральской революціи.

Встрѣчаемый нападкамаи со всѣхъ сторонъ, Кабе потерялъ

всякую надежду на осуществленіе своего идеала во Франціи и поэтому рѣшилъ весной 1847 г. переселиться въ Америку. Въ такомъ смыслѣ онъ выпустилъ прокламацію къ своимъ приверженцамъ и въ октябрѣ 1847 г. въ редакцію «Populaire» собралось около 150 икарійцевъ, все здоровые, мужественные и рѣшительные люди и заключили между собою союзъ съ цѣлью основать Икарію по идеалу Кабе. Въ торговля книжки они записали это новое общество подъ фирмой «Кабе и К^о.»

Адвокатъ Мильеръ (онъ былъ коварнымъ образомъ разстрѣлянь версальцами въ 1871 г. во время коммуны, несмотря на свою депутатскую неприкосновенность), самъ коммунистъ, одинъ изъ первыхъ поднялъ свой голосъ противъ предпріятія Кабе и предсказывалъ этому обществу печальный конецъ. Кабе отправился въ Лондонъ и заключилъ договоръ на миллионъ акровъ земли въ Техасѣ, которая была ему уступлена даромъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ новая колонія вступила во владѣніе ею до 1-го іюля 1848 г. По возвращеніи въ Парижъ онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ судебной отвѣтственности по обвиненію въ мошенничествѣ. Его обвинили въ томъ, что онъ присвоилъ себѣ деньги, собранныя для переселенія икарійцевъ. Когда онъ предъявилъ суду заключенный имъ контрактъ, онъ былъ освобожденъ.

3-го февраля 1848 г. тронулась изъ Гавра въ Новый Орлеанъ первая партія икарійцевъ въ 69 чел. Они благополучно достигли Техаса и съ большимъ усердіемъ принялись за сельско-хозяйственныя работы. Икарійцы не приняли въ соображеніе одного обстоятельства, мѣстный климатъ, который въ лѣтніе мѣсяцы бываетъ очень опасенъ для переселенцевъ. Они почти все заболѣли лихорадкой, и многіе сошли съ ума. Поэтому, когда въ Техасѣ прибыла вторая партія икарійцевъ, покинувшая Францію 3-го іюня 1848 г., она нашла колонію въ очень печальномъ состояніи и единогласно было рѣшено покинуть Икарію и вернуться въ Н.-Орлеанъ. Тамъ они застали еще двѣ партіи эмигрантовъ, которые оставили Францію въ ноябрѣ и декабрѣ 1848 г. Когда же наконецъ 19-го января 1849 г. туда пріѣхалъ самъ Кабе, то было принято рѣшеніе продолжать начатое дѣло, но не въ Техасѣ, а въ покинутомъ мормонами городѣ Нацуво въ штатѣ Иллинойсѣ. 1-го марта 1849 г. туда отправились оставшіеся вѣрными предпріятію Кабе 280 икарійцевъ, 142 мужчины, 74 женщины и 64 дѣтей. Спустя 2 года конгрессъ штата Иллинойсѣ формально призналъ икарійскую общину, которая существуетъ и по сіе время; конечно, все возвышенныя стремленія первоначальныхъ икарійцевъ потерпѣли полную неудачу.

Между тѣмъ Кабе былъ вторично обвиненъ въ мошенничество и заочно приговоренъ къ 2 г. тюремнаго заключенія и лишенію гражданскихъ правъ на 5 лѣтъ. Съ согласія общины онъ вернулся во Францію, самъ предсталъ предъ судомъ и послѣ блестящей защиты добился вторичнаго оправданія. По возвращеніи въ Наувоо онъ вызвалъ противъ себя сильное недовольство своими многочисленными декретами, которыми онъ запрещалъ икарійцамъ употребленіе спиртныхъ напитковъ, куреніе табаку и т. п. Вспыхнуло возстаніе, и Кабе съ немногими оставшимися ему вѣрными приверженцами былъ изгнанъ изъ Наувоо. Онъ переселился въ С.-Луи, гдѣ ему, когда-то обладавшему большимъ состояніемъ и пожертвовавшему имъ для осуществленія своихъ идеаловъ, пришлось сильно бѣдствовать. Въ 1856 г. онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Въ его лицѣ сошелъ съ исторической сцены видный представитель утопическаго коммунизма второй трети прошлаго столѣтія, чтобы уступить мѣсто чистому, научно-критическому социализму, проявившемуся въ это же время, наканунѣ февральской революціи.

За нѣсколько лѣтъ до «Путешествія въ Икарію» обратила на себя вниманіе интересная книга молодого писателя «Организация труда» Луи Блана. Онъ подвергъ рѣзкой критикѣ весь существующій общественный строй съ его неравнобѣрнымъ распределеніемъ матеріальныхъ благъ, поддерживаемый исключительно въ интересахъ господствующаго класса. Капиталистическій строй неизменно погибнетъ, если современное буржуазное общество, единственно отвѣтственное за все его вопіющія несправедливости, не приметъ своевременно соотвѣствующихъ мѣръ. Источникомъ всехъ социальныхъ золъ Луи Бланъ считалъ господствующую въ промышленности свободу конкуренціи, поэтому онъ предлагалъ государству взять въ свои руки организацию труда. Устроить это можно слѣдующимъ образомъ: государство ассигнуетъ извѣстную сумму на учрежденіе общественныхъ мастерскихъ для важнѣйшихъ отраслей національнаго производства. Дѣятельность отдѣльныхъ частей этого огромнаго промышленнаго союза должна быть строго согласована; во главѣ союза стоятъ свободно выбранные рабочіе представители, утвержденные государствомъ, которому принадлежитъ верховный надзоръ за всемъ предпріятіемъ въ цѣломъ. На такихъ же началахъ должно быть организовано и сельское хозяйство. Доходъ съ ассоціацій, за вычетомъ тѣхъ суммъ, которыя отчисляются на погашеніе долга—государственнымъ кредитомъ союзъ пользуется безпроцентно—въ резервный фондъ и кассу взаимопомощи, распределяется равномерно между всеми участниками предпріятія. Право наследованія Луи Бланъ считаетъ

злоупотребленіемъ и предлагать его уничтожить, сохранивъ его временно только для родителей и дѣтей. Всѣ послѣдственныя имущества за немѣнимъ прямыхъ послѣдниковъ должны перейти въ государственное казначейство и употреблены на организацію новыхъ общественныхъ мастерскихъ.

Такимъ образомъ, послѣдовательное проведеніе системы Луи Блана должно было привести къ полному уничтоженію частной собственности и частной конкуренціи, всѣ капиталы сосредоточились бы въ рукахъ государства, которое естественно стало бы единственнымъ собственникомъ всѣхъ орудій и средствъ производства. Его идеи были встрѣчены очень сочувственно не только рабочими и молодежью, но и политиками крайней лѣвой, которые раньше относились очень скептически къ социалистическимъ стремленіямъ и ограничивались только пропагандой политическаго радикализма. Еще въ маѣ 1840 г. *Франсуа Араго* заявилъ съ парламентской трибуны, что главная обязанность современнаго государства заключается въ организаціи труда, что создало ему громкую популярность среди парижскаго пролетаріата.

Въ томъ же 1840 г. выдѣлился новый поборникъ социальныхъ реформъ, *Пьеръ-Жозефъ Прудонъ*, первоклассный диалектикъ и софистъ, который хотя и не выдавалъ себя за социалиста, но любилъ щеголять хлесткими словечками социалистическаго понюба. Его брошюра, которая по своей формѣ удивительно напоминаетъ брошюру аббата Сіеяса о третьемъ сословіи, была озаглавлена: «Что такое собственность?» На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ: «собственность есть воровство». Возможно, что этимъ лозунгомъ Прудонъ хотѣлъ дать сигналъ къ политической революціи. По крайней мѣрѣ онъ былъ очень гордъ этимъ изрѣченіемъ и говорилъ: «Это слово останется безсмертнымъ, и я смѣю утверждать, что это самое крупное событіе въ царствованіе Луи-Филиппа». По ему сказали, что эта мысль была высказана еще въ XVIII ст. жирондистомъ Бриссо въ его «Философскихъ изслѣдованіяхъ о правѣ собственности и воровствѣ». «Согласно естественному праву исключительное право собственности есть воровство», говоритъ онъ: «собственникъ есть воръ».

Ученіе Прудона сводится къ слѣдующему: современное общество покоится на трехъ основаніяхъ: деспотизмъ, неравенствѣ и частной собственности. Первые два вытекаютъ изъ третьяго; если бы собственность не пользовалась такимъ громаднымъ вліяніемъ, не было бы ни деспотизма, ни неравенства. Истинная справедливость означаетъ равенство. Дѣйствительная борьба противъ принципа частной собственности должна быть

начата съ уничтоженія ренты, $\%$, оброка, аренды и т. д. Такова критическая сторона ученія Прудона. Переходя къ изложенно своихъ положительныхъ воззрѣній, онъ старательно отмежевывается отъ коммунистовъ и социалистовъ всѣхъ отбѣнковъ. «Я не запятанъ социалистической грязью!» восклицаетъ онъ патетически, «подите прочь, коммунисты! Мнѣ противно ваше присутствіе, вашъ видъ вызываетъ во мнѣ отвращеніе!» Центръ тяжести его социальной программы заключается въ *организации* не труда, а *кредита*, при чемъ единственно вѣрнымъ мѣриломъ цѣнности онъ признаетъ количество затраченного рабочаго времени. Всѣ продукты труда должны обмѣниваться черезъ посредство банка, который выдаетъ владѣльцамъ товаровъ особыя квитанціи (боны); послѣднія служатъ мѣновымъ знакомъ и выражаютъ цѣнность овеществленнаго челоувѣческаго труда. Деньги будутъ, такимъ образомъ, вытѣснены изъ обращенія и челоувѣчество избавится отъ одного изъ величайшихъ экономическихъ золъ. То, что рабочій производитъ или получаетъ, благодаря обмѣну, представляетъ собой его индивидуальную собственность. Онъ нигдѣ не выясняетъ, чѣмъ послѣдняя существенно отличается отъ частной собственности вообще, противъ которой онъ такъ ополчается. Остается предположить, что серьезной разницы дѣйствительно не существуетъ. Къ этому заключенію приводитъ насъ и высказанная Прудонъ мысль, раздѣляемая представителями буржуазной экономіи, что единственно возможнымъ стимуломъ къ созиданію матеріальныхъ благъ является чувство частной собственности.

Въ своемъ первомъ трудѣ о собственности Прудонъ провозглашаетъ абсолютное равенство всѣхъ людей; въ появившейся въ 1846 г. «Системѣ экономическихъ противорѣчій» онъ заявляетъ, что привилегіи являются социальной необходимостью. Такихъ явныхъ противорѣчій можно найти въ его произведеніяхъ безчисленное множество. Онъ самъ называлъ себя анархистомъ — мысль о необходимости уничтожить всѣ формы и виды власти была высказана значительно раньше его; онъ полагалъ, что въ обществѣ восторжествуетъ справедливость, если вмѣсто классовыхъ антагонизмовъ, собственности и государственной власти будутъ господствовать равенство, принципъ личнаго обладанія и анархія. Несмотря на свое рѣзко отрицательное отношеніе ко всякимъ проявленіямъ власти, онъ находилъ, что наука должна выработать новое законодательство на началахъ анархіи, сохранивъ современную форму брака и семьи. Если онъ тѣмъ не менѣе въ революціонномъ движеніи 1848 года пользовался нѣкоторымъ вліяніемъ, то это объясняется, главнымъ образомъ, выставленнымъ имъ лозунгомъ: собственность

есть воровство, что вводило въ заблужденіе широкія массы французскаго народа, принимавшія его за социалиста. Отчасти онъ обратилъ на себя общественное вниманіе своимъ смѣлымъ проектомъ народнаго банка для обмѣна товаровъ (см. выше). Въ началѣ 1849 г. онъ дѣйствительно открылъ этотъ банкъ, но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ вынужденъ былъ ликвидировать это дѣло. Характерно для Прудона, что послѣ переворота 2-го декабря 1851 г. онъ выпустилъ брошюру подъ заглавіемъ «Путь къ социальной революціи, указываемый государственнымъ переворотомъ». Въ ней онъ отчасти оправдываетъ Наполеона III, руки котораго еще были обогрѣны кровью жертвъ 4 декабря.

Въ духовномъ родствѣ съ Прудономъ находится философъ *Пьеръ Леру*; онъ также стремился къ уничтоженію собственности, сохраняя современную форму семьи и отрицательно относился къ коммунизму. Онъ былъ одно время сенъ-симонистомъ и въ его умственномъ развитіи слѣдуетъ различать два періода, философскій и социалистическій. Увлечшись современной философіей, онъ началъ выпускать вмѣстѣ съ Жаномъ Рено «Новую Энциклопедію», въ которой онъ старался распространить идеи гегельянства, но вынужденъ былъ скорѣе прекратить это изданіе за недостаткомъ средствъ и малымъ количествомъ подписчиковъ. Затѣмъ онъ нѣкоторое время сотрудничалъ въ «*Revue de Deux Mondes*», журналѣ, неуклонно придерживавшемся политики «золотой середины», но въ правительственныхъ сферахъ стали косо поглядывать на новую нѣмецкую философію, Пьеръ Леру вынужденъ былъ отказаться отъ участія въ журналѣ и тогда онъ создалъ новый органъ «*Revue Independante*», къ которому онъ работалъ при ближайшемъ участіи извѣстной романистки *Жоржъ Зандъ* (М-ше Дюдеванъ), обратившей на себя вниманіе своими рѣзкими нападками на католическую церковь.

Въ 1839 г. вышло произведеніе Пьера Леру «О человѣчествѣ, его законахъ и будущемъ», указывавшее на переломъ въ міровоззрѣніи автора, на переходъ отъ абстрактной философіи къ социализму; въ трактатѣ «О равенствѣ» онъ подробно развиваетъ свои социально-политическія идеи, а въ 1845 г., съ основаніемъ журнала «*La Sociale Revue*», онъ выступаетъ въ качествѣ социальнаго реформатора. Во главу угла Пьеръ Леру ставитъ принципъ равенства. Общественныя узы, объединяющія всѣхъ гражданъ, одинаково равноправныхъ, для общей планомѣрной работы, онъ называетъ солидарностью. Проникнутый глубокой вѣрой въ прогрессъ человѣчества, онъ полагалъ, что оно послѣдовательно приближается къ полному равенству, сбрасывая съ себя постепенно всѣ цѣпи насилія и

гнета. На зарѣ своей сознательной жизни человѣчество стряхнуло съ себя иго патриархата, затѣмъ — иго государства въ той формѣ, въ которой оно господствовало въ Греціи и Римѣ, теперь же рѣчь идетъ о томъ, чтобы избавить людей отъ гнета частной собственности. Семья, собственность и государство могутъ существовать лишь до тѣхъ поръ, пока они не становятся тормазомъ къ дальнѣйшему прогрессу человѣчества. Великая революція 1789 г. провозгласила равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу конкуренціи, свободу мысли и научнаго изслѣдованія. Все это формы проявленія принципа равенства и существуютъ онѣ пока только на бумагѣ, т.-е. теоретически, но не фактически. Въ дѣйствительности, богатый и сильный остается почти всегда безнаказаннымъ и въ качествѣ предпринимателя высасываетъ послѣдніе соки изъ народа. Исходя изъ этихъ соображеній, Пьеръ Леру воздвигаетъ космополитическое государство, въ которомъ всѣ граждане являются чиновниками; ихъ трудъ на общее благо оплачивается по слѣдующей формулѣ: «Каждому по его способностямъ, каждому по его трудамъ, каждому по его потребностямъ. Талантамъ должна быть обеспечена возможность полнаго развитія и фактическаго приложенія, вознаграждаются они по степени своей продуктивности. Наградой за трудъ служить слѣдующій за нимъ отдыхъ. Государство должно удовлетворить всѣ потребности гражданъ, какъ духовныя, такъ и матеріальныя». Пьеръ Леру былъ больше социаль-философомъ, чѣмъ боевымъ социалистомъ. Принимая участіе въ политической жизни страны, онъ никогда не забывалъ о своемъ пролетарскомъ происхожденіи. Въ національномъ собраніи 1848 г. онъ рѣшительно боролся съ кровавыми репрессіями противъ іюньскихъ инсургентовъ. Ни Прудонъ, ни Леру не оставили по себѣ никакой школы. Пьеръ Леру умеръ въ апрѣлѣ 1871 г. Парижская коммуна послала на его похороны 2 делегатовъ, чтобъ почтить его память.

Для полноты слѣдуетъ здѣсь упомянуть объ аббатѣ *Ламениэ*, представителѣ религіознаго коммунизма. Центральнымъ пунктомъ его ученія является мысль о томъ, что счастье людей представляетъ собой осуществленіе воли Божіей, подтвержденіе этого онъ видитъ въ христіанской проповѣди любви. Во имя религіи любви должны быть уничтожены семья и собственность. Римской куріи пришлось очень не по вкусу этотъ «нео-католицизмъ», ученіе Ламениэ было осуждено энцикликой Григорія XVI, и онъ былъ вскорѣ покинутъ своими учениками аббатомъ *Лакордеромъ* и *Монталамберомъ*. Первый послѣшилъ искупить свое грѣхопаденіе вступленіемъ въ доминиканскій орденъ, а второй, испытывая тяжелый душевный разладъ,

посвятилъ себя изученію религій. Зато къ Ламеннэ присоеди-
нились нѣкоторые видные буржуазные радикалы *Альфонсъ*
Эскиросъ, *Константинъ Пеккеръ* и др. Благодаря своему пре-
небрежительному отношенію къ папской энцикликѣ онъ долгое
время пользовался громадной популярностью во Франціи. Его
увлекательно написанное «письмо вѣрующаго» выдержало сотни
изданій. Когда политическая борьба обострилась и злободнев-
ные вопросы поглотили все общественное вниманіе, онъ уеди-
нился и въ 1854 г. умеръ почти позабытый всѣми.

Точку зрѣнія, сходную въ обшихъ чертахъ съ міровоззрѣніемъ
Ламеннэ, выработалъ себѣ послѣ долгихъ колебаній и бывшій
карбонарій *Буше*. Первоначально сентъ-симонистъ, онъ потомъ
превратился, такъ сказать, въ католическаго якобинца; онъ со-
единялъ воедино вѣру въ Христа и Робеспьера. Послѣ неудач-
наго возстанія 1821 г. онъ былъ арестованъ въ Мецѣ и съ
трудомъ избѣгъ смертной казни. Получивъ амністію при Карлѣ
X, онъ присоединился было къ сентъ-симонистамъ, но покинулъ
эту школу, когда убѣдился, что Анфантенъ и Базаръ, его быв-
шій товарищъ по союзу карбонаріевъ, стараются придать ей
характеръ секты. Съ тѣхъ поръ онъ пошелъ своей собствен-
ной, самостоятельной дорогой. Какъ всѣ социалисты, онъ на-
чалъ съ беспощадной критики существующаго общественнаго
уклада. Первая глава его перваго литературнаго труда, появив-
шагося въ 1833 г.: «Введеніе въ историческую науку» озаглав-
лена: «угрожаетъ ли гибель современной цивилизаціи?», въ ко-
торой онъ доказываетъ, что существующій общественный по-
рядокъ никого не удовлетворяетъ: «правительственныя сферы
• недовольны, потому что испытываютъ страхъ, счастливые—со-
мнѣнія и неувѣренность, родовитые—неудовлетворенныя жела-
нія, народныя массы—гнѣтъ и страданія». Всѣ существующія
политическія формы исчерпали свою силу, ни одна изъ нихъ
не можетъ устранить господствующаго социальнаго неустрой-
ства. Единственнымъ отвѣтомъ на жалобы угнетенныхъ и обез-
доленныхъ служить тюрьма и смерть. Современное общество
напоминаетъ приговореннаго къ казни, который въ кутежѣ и
разгулѣ старается заглушить неотвязчивую мысль о смерти.
Переживая такой серьезный социальный кризисъ, нельзя оста-
ваться равнодушнымъ. Но, съ другой стороны, не слѣдуетъ впа-
дать въ отчаяніе, общее недовольство и ясное сознаніе господ-
ствующаго безправія и произвола показываютъ, что въ обще-
ствѣ сохранилось еще достаточно жизненныхъ силъ. Въ этомъ
первомъ произведеніи только мѣстами проглядываетъ религіоз-
ное міровоззрѣніе автора. На рѣшительный поворотъ Буше ука-
зываетъ его вышедшій въ 1839 г. «Трактатъ о философіи съ

точки зрѣнія католицизма и прогресса». Онъ указываетъ, что человѣчество, ставъ на путь непрерывныхъ социальныхъ реформъ, придетъ къ идеальному общественному устройству и, такимъ образомъ, освободится отъ всѣхъ существующихъ социальныхъ золъ. Выражаясь современной терминологіей, можно сказать, что Бюше былъ христіанскимъ социалистомъ.

Практическое значеніе «бюшесизма» обусловливалось идеей Бюше о производительныхъ и потребительныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ, опирающихся на социалистическую кредитную систему. Эту мысль онъ развилъ на страницахъ основанной имъ еженедѣльной газеты «L'Епгорееп» (1831—38 г.) По его мнѣнію, нужно устроить такъ, чтобы орудія производства перешли къ рабочимъ, но они владѣютъ ими только до тѣхъ поръ, пока работаютъ. Средства производства, переходя отъ одного поколѣнія рабочихъ къ другому, создаютъ неразрывную связь между трудомъ и собственностью на орудія производства и, такимъ образомъ, капиталъ въ рукахъ праздныхъ собственниковъ перестаетъ быть орудіемъ экплуатаціи другихъ людей. Слѣдя по этому пути, рабочіе постоянно становятся владѣльцами капитала, стряхиваютъ съ себя гнетъ и зависимость отъ современныхъ капиталистовъ, а послѣдніе, не находя рабочихъ, которые согласились бы работать у нихъ на фабрикахъ за обычную плату, вынуждены будутъ прекратить производство и употребить свой капиталъ на удовлетвореніе личныхъ нуждъ или сами примутся за работу.

Для выполненія этой задачи Бюше предлагалъ выработать извѣстный общественный договоръ, который регулировалъ бы дѣятельность рабочихъ ассоціацій. Въ результатѣ восторжествовалъ бы принципъ коллективнаго накопленія вмѣсто индивидуальнаго и создалась бы почва для коллективной собственности. Въ связи съ организаціей указанныхъ товариществъ долженъ быть учрежденъ специальный общественный неотчуждаемый фондъ (fond indivisіe). Дѣйствительно уже въ декабрѣ 1832 г. ему удалось устроить согласно своему плану ассоціацію столяровъ, а затѣмъ второй союзъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Но французское законодательство было создано исключительно въ интересахъ ассоціацій капиталистовъ и отнюдь не относилось дружелюбно къ рабочимъ союзамъ. Когда начались суровыя преслѣдованія противъ рабочихъ ассоціацій, то и товарищества Бюше потеряли свой первоначальный характеръ и приблизились къ типу обычныхъ торговыхъ союзовъ. Наконецъ въ 1860 г. одинъ выстушившій изъ союза золотыхъ дѣлъ мастеровъ рабочій обжаловалъ передъ судомъ принципъ недѣли-

мости фонда. Союзъ проигралъ и вынужденъ былъ уплатить выступившему члену слѣдующую ему долю.

Одновременно съ «L'Espresso» Бюше началъ выпускать въ 1833—38 гг. вмѣстѣ съ *Ру-Лавернемъ* интересный сборникъ «Парламентская исторія французской революціи» и основалъ вмѣстѣ съ *Вастидомъ* (самый знаменитый изъ его учениковъ, въ 1848 г. министръ иностранныхъ дѣлъ) новый органъ «Revue Nationale»; послѣдній не имѣлъ успѣха и наврядъ ли продолжался бы болѣе или менѣе продолжительное время безъ поддержки реформистской партіи «National». Гораздо большей популярностью пользовался созданный имъ въ 1840 г. третій органъ «Atelier». Это былъ органъ чистаго бюшесизма. Въ началѣ самъ Бюше принималъ дѣятельное участіе въ журнальной работѣ и въ первыхъ нумерахъ напечаталъ свое социальное-христианское Евангеліе. Затѣмъ «Atelier» сдѣлался исключительно *рабочимъ* органомъ. Редакторами были рабочіе *Корбонъ* и *Паскаль*, сотрудничали въ немъ тоже только рабочіе-бюшесисты. Бюшесисты рѣзко отличались отъ другихъ организованныхъ французскихъ рабочихъ. Это были мирные, скромные, кроткіе люди, которые сами отчасти считали себя членами религіозной общины. Они неоднократно заявляли въ «Atelier», что не думаютъ посягать ни на семью, ни на собственность, ни на религію, ни на національность; что они преслѣдуютъ только одну цѣль—осуществленіе насущныхъ социальныхъ реформъ и организаціи труда. Бюшесисты занимали, такимъ образомъ, среднее мѣсто между революціонно-настроенными, социалистически-мыслящими рабочими и членами чисто религіозныхъ общинъ, появившихся въ это время и носившихъ имена разныхъ святыхъ (св. Иосифа, св. Винцента, св. Павла и т. д.).

На этомъ мы закончимъ нашъ обзоръ умственныхъ теченій тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія во Франціи, такъ какъ они благодаря успѣхамъ современнаго научаго социализма имѣютъ теперь только историческій интересъ.

«Больные вопросы» французской общественной жизни нашли себѣ яркое выраженіе въ художественной литературѣ этой эпохи.

Особенной популярностью пользовались талантливые романы *Жоржъ Зандъ* и *Евгенія Сю*. Своими стихотвореніями на «гражданскіе мотивы» выдѣлились, главнымъ образомъ, *Беранже* и *Альфредъ де Мюссе*. Мы еще раньше упоминали о стихотвореніяхъ рабочихъ, собранныхъ Родригомъ и выпущенныхъ отдѣльнымъ сборникомъ. Въ рабочихъ кварталахъ съ особенной любовью декламировали и распѣвали стихи *Пьера Дю-*

нона, Густава Леруа, Пьера Лашамбоди и др. теперь уже почти забытых народных поэтов. Въ области драматического искусства привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе «Парижскій ветошникъ» *Феликса Ша*, который ставился въ театрѣ сотни разъ.

Интересную характеристику утопическаго социализма даетъ Энгельсъ въ своемъ «Анти-Дюрингѣ». «Творцы социализма», говоритъ онъ, «находились подъ непосредственнымъ вліяніемъ переживаемаго ими историческаго момента. Мало развитое состояніе капиталистическаго производства, слабая дифференціа общественныхъ классовъ обусловливали появленіе незрѣлыхъ социальныхъ теорій. Соціальныя задачи, скрытыя еще мало развитыми экономическими отношеніями, рѣшались абстрактнымъ путемъ. Современное общество было въ глаза своими неустройствами, и передовые умы Франціи начали изыскивать способы для ихъ устраниенія. Рѣчь шла о томъ, чтобы найти новую, болѣе совершенную систему общественнаго порядка... Эти новыя соціальныя теоріи были съ самаго начала обречены на полную беспочвенность; чѣмъ старательнѣе разрабатывались ихъ детали, тѣмъ болѣе онѣ уходили изъ міра дѣйствительности въ міръ фантазій... Мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ тонкія наблюденія и мѣткія мысли, которыя пробиваются черезъ эту фантастическую оболочку. С.-Симонъ уже въ своихъ женевскихъ шпешмахъ провозгласилъ, что «все люди должны работать». Онъ уже тогда понималъ, что эпоха террора была періодомъ господства неимущихъ классовъ. Взглядъ на французскую революцію, какъ на проявленіе классовоі боръбы и не только между дворянствомъ и буржуазіей, но между дворянствомъ, буржуазіей и обездоленными массами, является въ 1802 г. прямо гениальнымъ открытіемъ... У Фурье мы находимъ написанную съ своеобразнымъ французскимъ остроуміемъ, но тѣмъ не менѣе глубокую и мѣткую критику существующаго общественнаго порядка».

Этой оцѣнкой предвѣстниковъ современнаго социалистическаго рабочаго движенія мы закончимъ нашъ обзоръ историческаго періода, предшествовавшаго февральской революціи. Мы уже указали, какъ сильно страдало французское общество подъ гнетомъ юльской монархіи, какъ недовольство охватывало все большіе широкіе круги народа, какой глубокой отпечатокъ оно наложило на умственную жизнь страны. Такимъ образомъ на лицо были все признаки надвигающейся революціи, и она была ускорена близорукостью и непониманіемъ правящихъ сферъ.

Вторая республика. 1848—1852 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Изъ всѣхъ народныхъ правъ, которыя преслѣдовались быстро слѣдовавшими другъ за другомъ министерствами Юльской монархіи, только одно право осталось нетронутымъ, несмотря на всевозможныя преслѣдованія,—это было общественное мнѣніе, ставшее къ тому времени силой, съ которой должны были считаться правящія сферы. Оно нашло себѣ выраженіе въ повременной прессѣ. Къ концу Юльской монархіи въ Парижѣ выходило отъ 12 до 15 газетъ, изъ которыхъ одиѣ принадлежали правительству, другія—различнымъ политическимъ партіямъ.

Къ услугамъ министерства Гизо были «*Moniteur*» и «*Journal des Debats*», раньше правительство пользовалось также «*Presse*» и нѣкоторыми другими менѣе вліятельными газетами, получавшими правительственныя субсидіи. «*Gazette de France*» и «*Quotidienne*» были главными органами легитимистской партіи. Конституціонная и династическая оппозиція была представлена газетами «*Courier francais*», «*Constitutionnel*», «*Siecle*», а съ начала реформистскаго движенія также «*Presse*», издаваемой Эмилемъ де Жирарденомъ. Буржуазно-республиканскія воззрѣнія проводилъ редактируемый сначала Арманомъ Каррелемъ, а затѣмъ Арманомъ Марра «*National*». «*Reforme*» была органомъ болѣе или менѣе социалистически мыслящихъ республиканцевъ.

Арманъ Марра, впоследствии членъ временнаго правительства, началъ свою журналистскую карьеру въ началѣ 30-хъ годовъ въ качествѣ главнаго редактора основанной имъ и Годфруа Кавеньякомъ «*La Tribune*». Это былъ человекъ съ очень быстрымъ и гибкимъ умомъ; къ сожалѣнію онъ проявлялъ свое остроуміе и гибкость не только, какъ полемистъ, но и какъ политическій дѣятель. Это былъ жуиръ, скрывавшій свои прежнія воззрѣнія

подъ маской скептицизма и припоравливавшей ихъ къ тому, что пользовалось въ данный моментъ успѣхомъ. Благодаря своему роскошному образу жизни, онъ получилъ впоследствіи кличку «республиканца въ лайковыхъ перчаткахъ», «маркиза республики». Онъ былъ наиболѣе подходящимъ редакторомъ для «National», органа партіи, которая, хотя и заигрывала съ республикой, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма мало вѣрила въ возможность ея осуществленія.

Сознавая ненадежность «National» рѣшительные социалисты-республиканцы основали въ 1843 г. «La Reforme». Ничто не можетъ лучше выразить направленіе этой газеты, какъ слѣдующія строки ея программы, составленной Луи Бланомъ:

«Люди—братья!

«Тамъ, гдѣ нѣтъ равенства, свобода — ложь.

«Рабочіе были раніе рабами, потомъ крѣпостными; теперь они — паемники; надо стремиться къ тому, чтобы они заняли мѣсто участниковъ промышленныхъ предпріятій».

Отъ этихъ строкъ уже пахнетъ социализмомъ. Хотя не все члены редакціи раздѣляли образъ мыслей Луи Блана, но все они жили воспоминаніями о «Горѣ» 1793 г. и были проникнуты стремленіями, связанными съ представленіемъ о «красной республикѣ». Поэтому, они по крайней мѣрѣ въ принципѣ, признавали своего рода солидарность, и если они не могли рѣшиться внести въ свою программу требованіе полного преобразованія современнаго общественнаго строя, то они все же поняли всю необходимость коренныхъ социальныхъ реформъ. Главными сотрудниками «Reforme» были Ледрю-Ролленъ, Луи Бланъ, Этьенъ Араго, Фердинандъ Флюконъ и М. Рибейроль.

Въ палатѣ депутатовъ буржуазно-республиканскій «National» имѣлъ довольно значительное число представителей, «Reforme» же, напротивъ, немногихъ. Монархически-конституціонная лѣвая присвоила себѣ исключительное право выражать и обосновывать въ палатѣ точку зрѣнія оппозиціи. Лидеромъ этой партіи былъ Одилонъ Барро, яркій представитель буржуазнаго либерализма съ его половинчатостью и трусливой нерѣшительностью. Свою политическую карьеру Одилонъ Барро началъ въ качествѣ приверженца реставраціи. Когда новое правительство начало склоняться къ абсолютизму, то онъ по своему буржуазно-конституціонному образу мыслей не могъ послѣдовать за нимъ. По отношенію къ июльской монархіи онъ держался точно такимъ же образомъ, имѣя въ виду занять со временемъ мѣсто парламентскаго вождя. Другой руководитель династической лѣвой, *Тьеръ*, также заигрывалъ немного съ оппозиціей, надѣясь такимъ путемъ достигнуть министерскаго кресла.

На ряду съ нимъ стоялъ *Ламартинъ*, одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ литераторовъ того времени. Онъ происходилъ изъ знатной семьи и въ молодыхъ годахъ горячо отстаивалъ религиозно-монархическое міровоззрѣніе. Подъ вліяніемъ духа времени и обстоятельствъ его личной жизни, онъ сталъ меньше вниманія удѣлять поэзіи и взялся за историческія изслѣдованія. Онъ занялся изученіемъ великой французской революціи и въ 1847 г. появилась его книга «Исторія жирондистовъ», обнаруживающая въ авторѣ глубокое уваженіе къ дѣятелямъ великой революціи. Появился этотъ трудъ почти одновременно съ произведеніями о великой французской революціи Мишле и Луи Блана и произвелъ на возбужденное уже общество довольно сильное впечатлѣніе. Такимъ образомъ Ламартинъ отказывается отъ своихъ прежнихъ политическихъ воззрѣній и является приверженцемъ республиканскаго образа правленія. Онъ не ограничился при этомъ одними теоретическими изслѣдованіями, а началъ борьбу съ монархіей въ качествѣ парламентскаго дѣятеля и не далъ себя обмануть неоднократными предложеніями Луи-Филиппа занять министерское кресло. Онъ былъ превосходнымъ ораторомъ, но большимъ краснорѣчивымъ. На ряду съ нимъ выступали многіе краснорѣчивые республиканцы, которые, хотя и уступали Ламартину въ изяществѣ и красотѣ своихъ образовъ, но большей убѣжденностью и страстностью своихъ рѣчей сильнѣе выражали глубокую ненависть народа къ королевской власти. Изъ нихъ на первомъ планѣ стоитъ Ледрю-Ролленъ. Ледрю-Ролленъ былъ коренастымъ человѣкомъ съ представительной наружностью, воспитанный въ благоговѣйныхъ воспоминаніяхъ о монтаньярахъ великой революціи. Гуманныя идеи крайней лѣвой конвента были его символами вѣры и выдающіеся люди этой партіи служили ему образцами, которымъ онъ искренно старался подражать.

Въ рядахъ передовой оппозиціи — тогда еще маленькой партіи,—которая открыто и честно высказалась за республику, находились кромѣ того люди со значительнымъ вліяніемъ въ научномъ и литературномъ мірѣ, какъ Дюпонъ (де л'Ерв), братья *Франсуа* и *Этьенъ Араго*, *Ипполитъ Карно*, *Гарнье Паже* и др.

Въ послѣдніе годы буржуазной монархіи различныя группы оппозиціи довольно часто и умѣло пользовались, какъ общимъ средствомъ борьбы противъ правительства, требованіемъ *избирательной реформы*, но эти настойчивыя требованія не менѣе настойчиво отклонялись правительственными партіями. Оппозиціонныя группы всѣхъ оттѣнковъ были согласны съ тѣмъ, что дѣйствующая избирательная система должна пасть. Эта система

была настолько непригодна, что даже Тьерь воскликнулъ 16-го марта 1846 г. по поводу проекта реформъ Ремюза: «Неужели мы такъ низко пали, что удовлетворяемся только фикціей парламента въ то время, какъ другіе его дѣйствительно имѣютъ? О, если бы намъ это сказали въ 1830 г.».

Само собою понятно, что проекты избирательной реформы, исходившіе изъ рядовъ наиболѣе сильной буржуазной оппозиціи, династической лѣвой, отнюдь не имѣли цѣлью передать политическую власть въ руки трудящихся массъ. Вся избирательная кампанія носила такой рѣзко буржуазный и настолько слабо революціонный характеръ, что рѣшительные республиканцы изъ оппозиціи, какъ, напр., Ледрю-Ролленъ, сначала отказались принять въ ней участіе. Тѣмъ не менѣе правительство, руководимое г. Гизо, сказало самое упорное сопротивленіе реформистскому теченію, которое оно разсматривало, какъ посягательство на свои верховныя права.

Новые выборы въ палату депутатовъ происходили въ 1846 г. при полномъ безучастіи всѣхъ общественныхъ слоевъ, не имѣвшихъ права голоса. Наканунѣ выборовъ какой-то сумасшедшій стрѣлялъ въ короля. Это покушеніе имѣло обычныя въ конституціонномъ государствѣ послѣдствія: реакція использовала его въ своихъ цѣляхъ. Дѣйствительно, вліяніе реакціонеровъ настолько усилилось, что оппозиція располагала въ обновленной палатѣ только 98 голосами, которые и были поданы за Одилона Барро при выборахъ президента; такимъ образомъ побѣда правительства оказалась полной. Оппозиція считала себя разбитой и лишенной всякаго вліянія въ парламентѣ. Это заставило ее рѣшиться на такой шагъ, который годомъ позже привелъ къ паденію Луи-Филиппа. По словамъ Тьеро-Данжена, одинъ членъ оппозиціи въ разговорѣ съ пріятелемъ Гизо въ кулуарахъ палаты опредѣлилъ положеніе вещей слѣдующими мѣткими словами: «Вы сильнѣе насъ, это ясно... здѣсь мы ничего не можемъ сдѣлать, ничего не можемъ сказать: наши рѣчи пропадають даромъ, но мы «откроемъ окно».

Но прежде, чѣмъ «открыть окно», т. е. обратиться къ народу, оппозиція хотѣла использовать всѣ средства, чтобы заставить палату выслушать свой голосъ. Въ началѣ 1847 г. депутатъ Дювержье де Оранъ опубликовалъ надѣлавшую много шума брошюру, гдѣ онъ привелъ рѣшительно всѣ аргументы въ пользу избирательной реформы. Ею и стала пользоваться оппозиціонная печать, доказывая необходимость реформы. Последняя стала центромъ, вокругъ котораго все сильнѣе закипала борьба. 6-го марта 1847 г. авторъ этой брошюры внесъ въ палату законопроектъ, согласно которому избирательный цензъ

долженъ быть пониженъ до 100 фр. и кромѣ того граждане съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ должны были получить избирательныя права. По этому законопроекту, число избирателей должно было увеличиться на 200,000; число депутатовъ приблизительно на 100; увеличение, хотя само по себѣ и незначительное, все же направленное къ тому, чтобы усилить вліяніе парламентарской лѣвой.

23-го марта Дювержье де Оранъ взонелъ на трибуну, съ цѣлью обосновать свой законопроектъ. Онъ говорилъ очень энергично и замѣчательно краснорѣчиво, указывая на всю нецѣлѣсообразность дѣйствующаго избирательнаго закона, передававаго власть всего народа въ руки немногихъ собственниковъ, и вскрыль всё противорѣчія между существующимъ избирательнымъ правомъ и широковѣщательнымъ либерализмомъ провозглашенной конституціи. *Одилонъ Барро* и *Бомонъ* присоединились къ нему и умоляли парламентское большинство, представителямъ крупной буржуазіи, не отворачиваться отъ реформаторскихъ стремленій и принять законопроектъ. Но все эти разумные доводы не подѣйствовали на большинство, ослабленное своей избирательной побѣдой. Въ насмѣшливыхъ и презрительныхъ выраженіяхъ Гизо нападалъ на законопроектъ и съ горделивой самоувѣренностью указалъ на «преимущества» существующей системы, которая не удѣляетъ широкой массѣ избирательныхъ правъ и предоставляетъ ихъ людямъ, обладающимъ государственнымъ умомъ. Съ величайшимъ презрѣніемъ онъ отозвался объ общемъ избирательномъ правѣ; тогда ему крикнулъ Гарнье-Паже: «День общаго избирательнаго права наступить!» Онъ на это отвѣтилъ: «Этого дня никогда не наступить!»

Хотя законопроектъ Дювержье былъ отклоненъ 252 голосами противъ 154, все-таки среди членовъ большинства не было уже прежней солидарности. Дѣйствительно, вѣскорѣ изъ рядовъ правой выдѣлилась такъ называемая прогрессивно-консервативная фракція, принимавшая въ избирательномъ вопросѣ сторону оппозиціи. Во главѣ этой фракціи сталъ замѣчательно энергичный и талантливый дѣятель Эмиль де Жирарденъ. Поэтому, когда 19-го апрѣля *Ремюза*, не испугавшійся «славнаго пораженія» своего друга Дювержье, внесъ новый законопроектъ, направленный противъ предоставленія зависимымъ чиновникамъ избирательнаго права (на чемъ настаивалъ Гизо, связавъ съ этимъ вопросъ о довѣрїи кабинету), палата, хотя и не приняла его, но большинство выразилось уже цифрой 49, а не 98, какъ за мѣсяць передъ этимъ. Внесенное въ это время *Кремье* предложеніе, запрещающее депутатамъ участвовать въ желѣзнодорожныхъ и другихъ предпріятіяхъ, нуждавшихся въ спеціальномъ

разрѣшеніи правительства, не было доведено даже до голосованія, а было положено подъ сукно.

Теперь, наконецъ, постоянный парижскій избирательный комитетъ объединенной радикальной и династической оппозиціи рѣшилъ выполнить давно задуманный имъ планъ и «открыть окно». Опасаясь быть совершенно уничтоженной послѣ своего пораженія въ парламентъ, оппозиція рѣшилась обратиться къ массовымъ петиціямъ, возбудить общественное мнѣніе и такимъ образомъ нагнать страхъ на короля и его министровъ. И вотъ разыгрались событія, которыя можно было наблюдать 18 годами раньше. Наканунѣ 1830 г. старшая линия Бурбонской династіи настолько склонялась къ абсолютизму, что стала невыносимой даже для буржуазіи или, по крайней мѣрѣ, для избѣстной части ея. Буржуазія и ея представители принялись за антиправительственную агитацію, надѣясь такимъ путемъ заставить правительство ограничить свою власть опредѣленными рамками. Они меньше всего думали довести народъ до революціи, такъ какъ послѣдняя и въ нихъ вызвала священный трепетъ. Младшая линия Бурбоновъ и ея глава Луи-Филиппъ выбрали тотъ же скользкій путь и дошли до того поворотнаго пункта, какъ и старшая линія; какъ и буржуазія 1830 года, либеральная буржуазія 1847 г. такъ же покинула палату, гдѣ она потеряла всякое вліяніе и обратилась за помощію къ народу, въ надеждѣ, что правительство, опасаясь народнаго возмущенія, пойдетъ на уступки и согласится на либеральныя реформы. И, какъ въ 1830 г., такъ и теперь огонь, который развели представители буржуазіи, ни въ какомъ случаѣ уже не могъ быть потушенъ по первому знаку, но противъ ихъ воли распространился такъ широко, что вмѣсто того, чтобы только запугать короля, онъ привелъ къ гибели его и всей его династіи.

Потерѣвъ неудачу въ палатѣ въ мартѣ и апрѣлѣ 1847 г., оппозиція рѣшила обратиться туда, гдѣ она надѣялась найти сочувственный откликъ—она апеллировала къ общественному мнѣнію Франціи. Послѣ того, какъ первоначально принятая петиція была распространена по всей странѣ и была покрыта многочисленными подписями, оппозиція обратилась къ другому, еще болѣе сильному средству, къ устройству банкетовъ. Депутаты изъ оппозиціи соединились съ центральнымъ избирательнымъ комитетомъ, взявшимъ на себя открытіе враждебныхъ дѣйствій, и, кромѣ того, было сдѣлано все возможное къ тому, чтобы объединить всѣ оппозиціонныя группы для общихъ дѣйствій противъ правительства. Марра изъ «National» заявилъ отъ имени своей партіи, умѣренной группы республиканцевъ, о

своёмъ присоединеніи къ протесту. Чтобы дать возможность крайней лѣвой фракціи оппозиціи участвовать въ общемъ дѣлѣ, рѣшено было говорить на банкетахъ не о законопроектѣ Дювержье, а вообще о необходимости социальныхъ реформъ. Тѣмъ не менѣе рѣшительные республиканцы не могли рѣшиться принять участіе въ этой кампаніи. Они боялись, какъ бы ихъ не обвинили въ томъ, что они агитировали въ пользу предпріятія, связаннаго съ сохраненіемъ королевской власти.

Первый банкетъ, устроенный центральнымъ избирательнымъ комитетомъ и депутатами изъ оппозиціи 9-го іюля 1847 г. въ «Château-Rouge», носилъ чисто буржуазный характеръ. Народъ участвовалъ въ этомъ банкетѣ въ качествѣ зрителя. Толпа, стоявшая у рѣшетки сада, подпѣвала гимнъ марсельезы, доносившейся до нея изъ залы, и выражала свое одобреніе аплодисментами. Рѣчи на самомъ банкетѣ были весьма умѣренныя. Гарро указалъ, что истинный характеръ іюльской революціи систематически искажался въ теченіе послѣднихъ 17 лѣтъ. Дювержье де Оранъ замѣтилъ, что правительство Луи-Филиппа хочетъ хитростью достигнуть той же цѣли, которой реставрація старалась добиться силой. Участники банкета произносили спичи въ честь іюльской революціи и только нѣсколько робкихъ голосовъ раздалось за улучшеніе положенія трудящихся массъ.

Характерной особенностью этого банкета было то, что ни одинъ бокалъ не былъ поднятъ въ честь короля, объ этомъ даже не было упомянуто въ порядкѣ дня. Умѣренные члены оппозиціи воздержались отъ этой дурной привычки, не желая отталкивать отъ себя болѣе прогрессивные элементы. Это показывало, что подготовляемая оппозиціей буря разразится и надъ самимъ трономъ Луи-Филиппа*).

Парижскій банкетъ положилъ начало цѣлому ряду подобныхъ митинговъ въ провинціи. Наиболѣе демонстративный характеръ имѣлъ банкетъ 18-го іюня въ Маконѣ, родномъ городѣ Ламартина. Больше 6000 избирателей и земляковъ поэта собрались, чтобы устроить ему оваціи по поводу появленія его «Исторіи жирондистовъ». Въ то время, когда участники торжества собирались сѣсть за столъ, поднялась очень сильная буря; полотно палатки, въ которой они находились, было сорвано вѣтромъ. Разказываютъ, что это обстоятельство сильно подѣйствовало на пылкую фантазію поэта: «Если правительство», воскликнулъ онъ, «не заботится о духовныхъ и мате-

*) Только гг. Тьеръ, Дюфоръ, Ремюза и Вивьенъ не хотѣли отказаться отъ традиціонныхъ формъ и не приняли участія въ торжествѣ, потому что было рѣшено не произносить тоста въ честь короля.

ріальнихъ нуждахъ народа, если оно окружаетъ себя аристократіей изъ среды избирателей, вмѣсто того, чтобы слиться съ народомъ, если оно благородную націю хочетъ превратить въ шайку грабителей, готовыхъ продать за хорошую плату добытую кровью ихъ предковъ свободу..., если оно заставляетъ краснѣть всю Францію за пороки своихъ чиновниковъ, если оно доводитъ насъ до злополучныхъ подлоговъ, какъ мы это видимъ въ настоящее время изъ жалкаго судебного процесса; если оно позоритъ насъ и наше потомство безчестіемъ представителей власти, то такое правительство надеть, въ этомъ вы можете быть увѣрены. Оно попадаетъ въ тѣ же сѣти, которыя оно разставило для другихъ. И послѣ того, какъ вы пережили революцію свободы и контръ-революцію славы, вамъ придется пережить революцію общественной совѣсти, революцію, вызванную ненавистью и презрѣніемъ». Эта рѣчь произвела огромное впечатлѣніе во всей Франціи.

Банкеты слѣдовали за банкетами, и это начало немного беспокоитъ правящія сферы. Ихъ, главнымъ образомъ, смущало то обстоятельство, что помимо количественнаго роста банкетовъ, тонъ рѣчей на этихъ собраніяхъ дѣлался все болѣе рѣзкимъ, нѣкоторыя рѣчи уже отчасти носили соціалистическій характеръ. Такъ, Викторъ Консидеранъ, также принимавшій участіе въ политическомъ движеніи, на банкетѣ въ С.-Кентенѣ, гдѣ председательствовали Одилонъ Барро, произнесъ тостъ за «организованное братство народовъ». На другомъ банкетѣ умѣренный республиканецъ не только коснулся невыносимаго положенія трудящихся классовъ, но указалъ, что въ моральномъ отношеніи они стоятъ гораздо выше буржуазіи...

Когда воспитанные въ традиціяхъ великой революціи республиканцы увидѣли, какое направленіе принимаютъ банкеты, то покинули свою выжидательную позицію и примкнули къ общему движенію. Ихъ участіе придавало, конечно, собраніямъ еще болѣе рѣзкій характеръ, нагнавшій такой страхъ на нѣкоторыхъ умѣренныхъ оппозиціонеровъ, что они тутъ же рѣшили отказаться отъ дальнѣйшаго участія въ движеніи.

На одномъ банкетѣ въ Лильѣ 7-го ноября 1847 г. впервые проявилось это болѣе радикальное направленіе. Лильскій организаціонный комитетъ находился подъ вліяніемъ журналиста *Шарля Делеклоза*, славнаго мученика парижской коммуны, имя котораго покрыто неувыдаемой славой въ исторіи современной демократіи. Благодаря ему были приглашены *Ледрю-Роленъ* и *Флоконъ*, два главныхъ руководителя республиканской Горы».

Они оба приняли предложеніе, но тутъ же оговорились въ «Reforme», что они отправляются въ Лилль, чтобы опять водрузить тамъ знамя революціи, опущенное на другихъ банкетахъ. Одилонъ Барро, который долженъ былъ председательствовать на этомъ банкетѣ, какъ онъ председательствовалъ на многихъ другихъ, сильно испугался такого оборота дѣлъ и выставилъ съ своей стороны противоположное требованіе, чтобы на банкетѣ былъ произнесенъ тостъ въ честь іюльскихъ учреждений, т. е. въ честь іюльской монархіи. Въ противномъ случаѣ, объяснилъ онъ, онъ и его друзья не примутъ участія въ торжествѣ. Но организаторы банкета не согласились на это и предоставили Одилону Барро съ его свитой удалиться и руководство собраніемъ перешло въ руки Ледрю-Роллена. Онъ провозгласилъ тостъ въ честь трудящихся массъ и ясно указалъ, что онъ и его единомышленники только отъ серьезной революціи ждутъ исцѣленія всѣхъ социальныхъ золъ. «Иногда», воскликнулъ онъ, «въ засуху Ниль оставляетъ на своихъ берегахъ гнилые отбросы, гибель и заразу; но когда наступаетъ половодье, то рѣка въ своемъ неудержимомъ теченіи смываетъ всю грязь, всѣ нечистоты и на ея берегахъ остаются плодородные ростки, зачатки новой жизни».

«Народъ еще не изъявилъ покорность», воскликнулъ въ Бетюиѣ ораторъ, «онъ еще можетъ наложить руку на корону, которую онъ самъ далъ и можетъ, разбивъ ее на куски, бросить въ морскія волны Шербурга». Изъ Шербурга, какъ мы видѣли, Карлъ X бѣжалъ въ Англію.

Во многихъ мѣстахъ говорили о политической революціи, какъ о средствѣ къ организаціи социальной революціи. И, наконецъ, Флоконъ охарактеризовалъ положеніе вещей слѣдующими словами: «Каждый подъ своимъ знаменемъ! Каждый за свою вѣру! Демократія съ ея 25 милліонами пролетаріевъ хочетъ ихъ освободить и привѣтствовать, какъ гражданъ, братьевъ, равныхъ и свободныхъ! Смѣшанная оппозиція съ ея денежной аристократіей, напротивъ, говоритъ о реформахъ, 100-франковомъ цензѣ! Мы требуемъ большаго, мы требуемъ человѣческихъ и гражданскихъ правъ для всѣхъ!»

И это, дѣйствительно, было конечной цѣлью, для достиженія которой должна была содѣйствовать и банкетная кампанія. Когда послѣдняя находилась подъ влияніемъ династической оппозиціи, она напоминала ручеекъ, который своимъ спокойнымъ теченіемъ никому не угрожаетъ; тогда при каждомъ официальномъ заявленіи указывали на свое глубочайшее уваженіе къ королевскому величеству. Но скоро другіе, болѣе сильные притоки влились въ спокойно текущій ручей, и онъ вздулся и сдѣлался

сильнымъ, стремительнымъ потокомъ, разрушительныя волны котораго не остановились даже передъ королевскимъ престоломъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время не одна только Франція была потрясена революціоннымъ движеніемъ. Французское реформистское движеніе было только звеномъ въ цѣпи революціонныхъ бурь, которыя разразились надъ большей частью европейскаго континента. И ораторы на реформистскихъ банкетахъ не упустили случая использовать по мѣрѣ своихъ силъ это обстоятельство. Они напомнили своимъ слушателямъ объ ихъ старыхъ симпатіяхъ къ Польшѣ, годомъ раньше снова проявившихся при извѣстїи, что Польша ломаетъ оковы. Душа и кошелекки французовъ тогда раскрылись, чтобы оказать помощь несчастной странѣ. Отъ Польши ораторы, сдѣлавшіеся выразителями чувствъ французскаго народа, переходили къ родственной странѣ латинской расы, къ Италїи, охваченной въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1847 г. сильнымъ революціоннымъ броженіемъ. Въ іюнѣ 1846 г. Піпъ ІХ былъ выбранъ папой и по образцу многихъ князей, достигнувъ власти, сначала прикинулся либераломъ и согласился на нѣкоторыя реформы, которыя, какъ ничтожны они ни были, все же встрѣтили во всей Италїи восторженный откликъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они возбудили желаніе дальнѣйшихъ политическихъ и социальныхъ преобразованій. Особенно Мадзини и его эмиссары старались обратить это народное движеніе на путь агитаціи за національную независимость и республиканскую конституцію. Княжеская власть скоро почувствовала себя безсильной противъ этихъ народныхъ теченій, и вотъ великій герцогъ Тосканскій весною 1847 г. счелъ себя вынужденнымъ уступить: онъ долженъ былъ терпѣть оппозиціонную печать и созвать ландтагъ. Сардинскій король, *Карлъ-Альбертъ*, также вынужденъ былъ сдѣлать буржуазїи подобныя же уступки. Папа былъ доведенъ до того, что уже не могъ не дать своимъ тогдашнимъ свѣтскимъ владѣніямъ, церковной области, своего рода конституцію. Въ дѣйствительности, послѣдняя была фиктивной, такъ какъ со-званный областной совѣтъ имѣлъ только совѣщательный голосъ и только наполовину состоялъ изъ выборныхъ страны, другая его половина была назначена папой.

Французскіе ораторы на банкетахъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ отмѣтили роль дома Габсбурговъ въ этомъ движеніи.

Они указали на деспотическія мѣропрїятія, которыми Габсбурги старались подавить движеніе, охватившее почти всю Италію. Они также показали, какъ, вопреки договорамъ 1815 г., Австрія уже овладѣла Феррарой и, такимъ образомъ, нанесла ударъ, зарождавшейся итальянской свободѣ.

Ораторы при томъ указали на факты, которые ихъ слушателямъ, еще не забывшимъ великихъ дѣлъ первой республики, должны были показаться болѣе странными. Они подчеркнули, что конституціонная Юльская монархія сдѣлалась добровольной службой и пособникомъ монархическаго абсолютизма; что заядлый кальвинистъ *Гизо* поддерживаетъ тайныя сношенія съ *Меттернихомъ*, который былъ душой самой злой и низкой европейской реакціи и главнымъ организаторомъ такъ называемаго «священнаго союза» государей противъ европейской революціи. *Меттернихъ* былъ палачемъ всякихъ либеральныхъ стремленій и *Гизо* считался его преданнымъ помощникомъ, ему приписывали провокаторское расиросираніе волненій въ Италіи, что должно было служить поводомъ къ быстрому подавленію зарождающагося итальянскаго конституціонализма. И это къ такое время, когда даже Бурбонъ Фердинандъ Неаполитанскій, прототипъ абсолютическаго деспотизма, счелъ себя вынужденнымъ начать заигрывать съ конституціей (въ январѣ 1848 г.).

Какую жалкую роль, говорили ораторы, заставляютъ эти ничтожные мракобѣсы, распоряжающіеся судьбами Франціи, играть страну, пережившую великую революцію и доставившую многимъ европейскимъ государствамъ либеральныя учрежденія! Поэтому нетрудно понять, какъ сильно такія жалобы и гнѣбныя вепшыки должны были волновать народъ, сознававшій, что его честь топчуть въ грязь ничтожные правители Франціи.

О министрѣ-президентѣ *Гизо* было извѣстно, что вся его внутренняя и виѣшняя политика является исключительно выраженіемъ «непреклонной воли» его повелителя Луи-Филиппа. Поэтому весь позоръ его ухаживанія за *Меттернихомъ*, пользовавшимся всеобщей ненавистью, падалъ одинаково на обоихъ, на короля и его министра. Позорная политика французскаго правительства особенно ярко выразилась по отношенію къ либеральной Швейцаріи. Въ Швейцаріи въ теченіе послѣднихъ лѣтъ до 1848 г. демократическія идеи охватывали все болѣе широкіе общественные слои. Во многихъ кантонахъ абсолютистскія правительства были свергнуты, церкви закрыты и итригующіе іезуиты изгнаны. Для борьбы съ этимъ движеніемъ *Меттернихъ* содержалъ въ Швейцаріи цѣлый штатъ провокаторовъ, подстрекавшихъ католическіе кантоны образовать отдѣльную лигу «Зондербундъ». Зондербундъ представлялъ собой политическій союзъ внутри Швейцаріи, ставившій себя цѣлью поддерживать государственную и церковную реакцію. Свѣтскон власти онъ помогалъ тайно и явно, въ случаѣ крайности вооруженнымъ вмѣшательствомъ сосѣднихъ великихъ державъ, Франціи и Австріи; духовной власти—призывомъ изгнанныхъ изъ

швейцарскаго союза іезуитовъ. Этими стремленіямъ Зондербунда, издѣвавшагося надъ сильно окрѣпшимъ національнымъ чувствомъ швейцарцевъ, дѣйствующая согласно союзной конституціи центральная власть (кантональное правительство Берна и состоявшій изъ представителей 22 кантоновъ союзный совѣтъ) рѣшила положить конецъ, хотя бы даже пустивъ въ ходъ вооруженную силу. 20-го іюля 1847 г. совѣтъ большинствомъ 13 голосовъ противъ 9 постановилъ распустить Зондербундъ и 9-го сентября состоялось рѣшеніе опять изгнать іезуитовъ, вновь допущенныхъ въ зондербундскіе кантоны. Въ этотъ критическій моментъ французскій посоль при швейцарскомъ союзѣ, фанатическій католикъ, графъ Буа ле Контъ, убѣждалъ не менѣе фанатическаго руководителя Зондербунда, католическаго шведа Зигварта Мюллера, оказать сопротивленіе совѣту, обѣщая поддержку Франціи. Эта поддержка выразилась только въ доставкѣ оружія, денегъ и амуниціи, въ угрожающихъ нотахъ къ Швейцарской республикѣ, анкетахъ къ великимъ державамъ и официальномъ заявленіи въ «Revue des Deux Mondes». Но Швейцарія не позволила себя обмануть и 24-го октября совѣтъ рѣшилъ мобилизовать союзную армію изъ 50,000 человекъ, назначивъ женевского генерала Дюфора главнокомандующимъ; призванные подъ ружье швейцарцы охотно и радостно начали собираться со всѣхъ кантоновъ въ защиту свободы своей родины.

Уже 14-го ноября, палъ Фрейбургъ, 24-го ноября сдался безъ бою Людеригъ. Такимъ образомъ было покончено съ замыслами Зондербунда, затѣянный дипломатическій походъ г. Гизо не удался, потому что лордъ Пальмерстонъ отказался «ополячить Швейцарію».

Оппозиціонные ораторы въ палатѣ и на банкетахъ нашли въ этихъ событіяхъ благодарный матеріалъ для иллюстраціи своей мысли, что іюльская монархія играетъ роль жандарма въ реакціонныхъ выходкахъ іезуитовъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

28-го декабря 1847 г. открылась сессія палаты, которой суждено было стать послѣдней. Первое засѣданіе открылъ лично король. Многихъ занималъ вопросъ, пойдетъ ли правительство на уступки или доведетъ дѣло до крайности? Тронная рѣчь короля должна была дать отвѣтъ на этотъ злободневный вопросъ и положить конецъ всѣмъ сомнѣніямъ. Поэтому съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждали, что скажетъ король.

Вонелъ король; онъ казался постарѣвшимъ, надломленнымъ. Онъ началъ свою рѣчь неувереннымъ, почти беззвучнымъ голосомъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушали его депутаты, надѣясь найти въ его словахъ хоть тѣнь уступчивости. Сдѣлай король хоть незначительную уступку, и они бросились бы въ объятія короля, чтобы избѣжать революціи, приближеніе которой они чувствовали. Но Луи-Филиппъ говорилъ холодно, угрожающе. Вопросы же объ избирательной реформѣ онъ коснулся въ выраженіяхъ вызывающихъ и оскорбительныхъ для оппозиціи.

Онъ сказалъ: «При господствующемъ возбужденіи, вызванномъ враждебными, слѣпыми страстями, меня ободряетъ и поддерживаетъ убѣжденіе, что въ конституціонной монархіи, въ единствѣ нашей сильной государственной власти мы имѣемъ вѣрное средство преодолѣть всѣ препятствія и удовлетворить всѣ духовныя и матеріальныя потребности нашего дорогого отечества».

Оппозиція, почувствовавъ въ этихъ словахъ смертельное оскорбленіе, огласила залу криками ярости и возмущенія.

Согласно конституціонному обычаю, палата имѣла право отвѣтить на трениную рѣчь адресомъ и оппозиція во время этихъ дебатовъ, конечно, не пропустила случая излить на министерство всю накопившую въ ней злобу.

22-го января начались бурныя пренія въ недавно еще мирной палатѣ пэровъ, состоявшей большей частью изъ высшихъ сановниковъ монархіи. Теперь въ виду открытаго недовольства напались и здѣсь нѣкоторые люди, осмѣлившіеся напасть на безумно реакціонную политику министерства. Молодой еще пэръ, *д'Альмонъ Ше*, говорилъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ. Онъ дошелъ до того, что началъ прославлять республиканское возстаніе борцовъ С-Мери. Другой пэръ, де-Буасси указалъ на подкупъ, къ которому прибѣгаетъ безчестное правительство Франціи. По рѣчи этихъ двухъ главныхъ ораторовъ оппозиціи произвели слабое впечатлѣніе на старыхъ аристократовъ, привыкшихъ съ дѣтства раболѣпствовать передъ монархіей. Только указаніе на предстоящее торжество революціи могло вывести ихъ изъ состоянія полной анархіи. Это и было выполнено горячимъ ультрамонтаномъ графомъ Монталамберомъ, восплавленнымъ благочестивымъ гнѣвомъ противъ министерства Гизо, допустившаго, чтобы Зондербуиндъ и замыслы іезуитовъ въ Швейцаріи въ концѣ концовъ потерпѣли крушеніе. Въ своей рѣчи Монталамберъ старался доказать, что революція со всѣхъ сторонъ надвигается на гра-

ницы Франціи и своимъ желѣзнымъ кулакомъ стучится въ двери стараго общества.

«Франція», воскликнулъ пламенный апостоль католицизма, «находится въ критическомъ положеніи. Знамя, которое вы побѣдили въ 1832 и 1834 г.г. въ Лионѣ, это самое знамя опять подымется по ту сторону Юры... Новое нашествіе варваровъ угрожаетъ соціальному порядку всей Франціи».

«Съ дрожащимъ отъ волненія губами молодой ораторъ набрасывалъ передъ охваченнымъ трепетомъ собраніемъ яркую картину разрушенія: имущества будутъ разграблены, права нарушены, самыя священныя и лучшія чувства гражданъ грубо оскорблены съ нашествіемъ новыхъ варваровъ». (Daniel Stern, «Histoire de la Revolution 1848 г.» volume 1, chap. 5).

Это было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы перенуганные нѣры Франціи громаднымъ большинствомъ одобрили политику правительства.

Въ палатѣ депутатовъ дебаты носили еще болѣе страстный и рѣзкій характеръ, но и здѣсь оппозиція совершенно безрезультатно ломала копыя. Пренія начались не прямо съ адреса. Новый случай подкупа, болѣе возмутительный, чѣмъ всѣ предыдущіе, далъ оппозиціи поводъ перейти къ личнымъ нападкамъ на добросовѣтность премьеръ-министра, съ чьего разрѣшенія, какъ говорили, происходила самая низкая торговля государственными должностями. Одинъ впутовавшійся въ грязную исторію чиновникъ, по имени Пти, сознался, что онъ занялъ свое высокое должностное положеніе, купивъ для своего предшественника за 6000 фр. ежегодной ренты мѣсто въ счетной палатѣ.

Фактъ былъ несомнѣнный и Гизо не могъ его отрицать, но онъ только замѣтилъ, что такого рода обмѣнъ и продажа должностей издавна практиковались правительственными чиновниками. Такимъ образомъ, лишній разъ узнали, что при господствѣ буржуазной монархіи, какъ и вообще буржуазіи, за деньги *все* можно купить.

Далѣе Гизо заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ констатируетъ тотъ фактъ, что общественное мнѣніе съ возрастающей строгостью осуждаетъ такіе поступки; разбираемый случай онъ назвалъ «незначительной аферой». Это заявленіе было для оппозиціи неожиданнымъ козыремъ, чтобы втянуть самого министра въ эту грязную исторію.

«Вы называете это мелочью, вы, министръ великой и благородной націи», воскликнулъ Од. Барро громовымъ голосомъ, «торговать высшими должностями Франціи и эти деньги употреблять на ваши нужды. Съ давняго времени я зналъ, что

въ политическихъ вопросахъ мы придерживаемся различныхъ взглядовъ, но что касается вопросовъ порядочности и элементарной честности, то я долженъ сознаться, что до сегодняшняго дня я думалъ, что наши мнѣнія на этотъ счетъ вполнѣ совпадаютъ». На послушное и «удовлетворенное» объясненіемъ Гизо большинство палаты (223 ч) не подѣйствовало эти и подобныя филиппики, напротивъ, правительственная партія нашла образъ дѣйствій премьера вполнѣ корректнымъ. Но въ глазахъ озлобленнаго народа Гизо проигралъ не мало: раньше въ его личной добропорядочности никто не сомнѣвался, теперь и этотъ ореолъ съ него сошелъ, его начали считать продажнымъ.

Это было только начало и если оно вызвало бурю, то пренія по поводу самаго адреса должны были привести къ еще болѣе бурному взрыву общественного неудовольствія.

Первый взялъ слово *Тьеръ*, мечтавшій о сверженіи министерства, надѣясь занять мѣсто Гизо. Онъ обрушился на министерство въ области финансоваго хозяйства, и на время ему удалось вызвать волненіе въ палатѣ, вополошилось даже правительственное большинство. Никакой буржуа не можетъ оставаться равнодушнымъ, когда рѣчь заходитъ о деньгахъ и процентахъ. Тьеръ, обладавшій въ финансовыхъ вопросахъ большими познаніями, показалъ, какъ, благодаря правительственной политикѣ, стремительно возрастаетъ ежегодный дефицитъ при уже имѣющемся государственномъ долгѣ въ болѣе, чѣмъ 5 миллиардовъ. Онъ ясно указалъ палатѣ, какими опасностями грозитъ странѣ продолженіе такой политики.

Приведенныя имъ неопровержимыя цифры значительно усилили и безъ того напряженное настроеніе палаты. Но все-таки большинство отклонило всѣ поправки, порицавшія финансовую политику правительства.

Во время дебатовъ оппозиція еще разъ показала всему буржуазному міру всю его внутреннюю гниль. Это разложеніе, прямое слѣдствіе абсолютнаго господства финансовой аристократіи, въ дѣйствительности настолько возросло и такъ глубоко проникло во всѣ слои буржуазнаго общества, что даже тѣ, въ чьихъ интересахъ было скрыть свое участіе во всеобщей продажности, больше уже не осмѣливались отрицать факта ея существованія. Членъ правительственнаго большинства, депутатъ *Билло* предложилъ внести въ ту часть адреса, которая касается внутренней политики, слѣдующую поправку: «палата призываетъ правительство непрерывно содѣйствовать подъему моральнаго уровня народонаселенія и не ослаблять его больше дурнымъ примѣромъ». Эта поправка была равносильна пощечинѣ правительству Луи-Филиппа.

Во время дебатовъ, вызванныхъ этой поправкой, взошелъ на трибуну Токвиль, также принадлежавшій къ правительственному большинству. Онъ указалъ на опасность, которой подвергаются имущіе классы, выставяя на показъ передъ глазами низшихъ слоевъ населенія всю глубину своего нравственного паденія, и въ пророческомъ тогѣ прибавилъ: «Развѣ вы не видите, что въ рабочемъ классѣ политическія страсти превратились въ социальныя? Развѣ вы не замѣчаете, что въ ихъ сознаніе проникаютъ идеи, направленные не противъ того или иного закона, не противъ того или иного министерства, но клоняющіяся къ тому, чтобы уничтожить все современное общество... Рано или поздно они вызовутъ ужасную революцію... Мы снимъ на вулканѣ»... Однако, и это предостереженіе, какъ и многія другія, не повліяло на большинство палаты. Последнее желало прежде всего, чтобы не нарушали его покоя. Если рѣчь Тьера была достаточно сильна, чтобы поколебать на нѣсколько часовъ несокрушимую вѣру въ Гизо, то это потому, что онъ указалъ на опасность, которая болѣе всего понятна буржуазіи, на опасность финансоваго кризиса. Только вопросъ о деньгахъ можетъ заставить разыграться буржуазныя страсти. Призракъ социальной революціи, который вызвалъ Токвиль, показался всегдѣ слишкомъ далекимъ; въ виду того, что они не могли его нащупать рукой, они и не вѣрили въ его существованіе. Къ тому же вообще не вѣрили въ успѣхъ народныхъ возстаній. Какъ часто послѣднія въ теченіе 18 лѣтъ были жестоко подавлены! Развѣ недостаточно одной кавалерійской атаки, чтобы разбить на голову инсургентовъ?

Приблизительно такъ разсуждали представители крупной буржуазіи. Она не предчувствовала, что пророческія слова Токвиля скоро сбудутся, что уже собирается буря, что имъ придется трепетать отъ страха при видѣ рвущихся въ бой парижанъ, при видѣ взрывающихся для постройки баррикадъ мостовыхъ и торжествующей массы презрѣнныхъ блузниковъ, которые на нѣкоторое время станутъ хозяевами Франціи.

Послѣ безпощадной критики внутренней политики наступила очередь виѣшней. Последняя была еще болѣе труслива, чѣмъ реакціонна. Направленная исключительно въ интересахъ финансовой аристократіи, она была проникнута страхомъ вызвать какое-нибудь столкновеніе съ континентальными великими державами. Она самымъ грубымъ образомъ оскорбляла воспитанное цѣлыми поколѣніями національное чувство французовъ.

На трибунѣ появилась высокая фигура *Тамартина*. Его лицо казалось болѣе блѣднымъ и морщинистымъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ уже давно не говорилъ въ палатѣ и напряжен-

ное ожиданіе выражалось на всѣхъ лицахъ. Сильно и внушительно зазвучали въ залѣ слова поэта, его голосъ достигъ крайней степени напряженія, когда онъ началъ упрекать министерство за его раболѣпную политику по отношенію къ европейской реакціи. Ламартинъ обвинялъ министерство въ томъ, что оно помогаетъ Австріи подавить Италію и іезуитамъ уничтожить швейцарскій либерализмъ. Въ заключеніе онъ слѣдующими словами охарактеризовалъ всю виѣнную политику правительства: «Такимъ образомъ, Франція, вопреки своимъ традиціямъ и всѣмъ своимъ насущнымъ интересамъ, въ Римѣ и Пьемонтѣ держитъ сторону Австріи, въ Бернѣ—іезуитовъ, въ Краковѣ—Россіи, только родные интересы она нигдѣ не защищаетъ, зато съ революціей она борется вездѣ».

Гизо не легко было оправдать свою виѣнную политику. Своимъ сухимъ и рѣзкимъ голосомъ онъ началъ прославлять австрійское правительство, которое въ общественномъ мнѣніи Франціи было самымъ непопулярнымъ изъ всѣхъ реакціонныхъ правительствъ. Онъ назвалъ его даже «умѣреннымъ» и закончилъ свою рѣчь рѣзкой вылазкой противъ либераловъ, какъ разъ въ это время взявшихъ верхъ въ Туринѣ и Миланѣ, Римѣ и Палермо.

Эффектъ рѣчи Ламартина былъ уничтоженъ тѣмъ, что *Тьеръ* взшелъ на трибуну и высказался въ пользу того, что онъ называлъ «дѣломъ европейской революціи». «Меня поражаетъ изумительная смѣлость»,—воскликнулъ онъ патетически. «съ какой правительство взяло на себя дѣло контръ-революціи». По бывшій министръ никогда не выпускалъ изъ виду возможности опять занять свое кресло, поэтому онъ рѣшительно воздержался отъ рѣзкихъ нападокъ на договоры 1815 года. Ихъ, дескать, нужно оставить въ силѣ, хотя они и достойны порицанія. Другими словами, Италія не должна быть освобождена отъ австрійскаго ига. На это Гизо ему возразилъ съ холодной насмѣшкой, что онъ желаетъ того же, что и г. Тьеръ, только ему никогда не приходило въ голову тратить столько словъ, сколько послѣдній. Этимъ же возраженіемъ онъ разбилъ Тьера, когда рѣчь коснулась позиціи, занятой правительствомъ въ швейцарскихъ дѣлахъ.

Если правительство добилось во всѣхъ пунктахъ адреса востума довѣрія отъ покорнаго большинства палаты, то оставалось еще одно мѣсто тронной рѣчи, по поводу котораго министерству было особенно трудно войти въ соглашеніе съ палатой. Проектъ отвѣтнаго адреса, выработанный Гизо, сохранилъ оскорбительныя слова короля по отношенію къ руководителямъ реформистскаго движенія почти безъ всякаго измѣне-

нія; только упрекъ во враждебности, т. е. въ зломъ намѣреніи былъ замѣненъ словомъ «ослѣбленіе». Гизо хотѣлъ, чтобы оппозиція, оскорбленная королевемъ, получила также пощечину и отъ палаты; этимъ онъ еще больше усилилъ ея озлобленіе.

Положеніе вещей обострилось еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: до сихъ поръ правительство никогда не принимало никакихъ административныхъ мѣръ противъ банкетовъ; оно шикомъ образомъ не пыталось дѣлать какія-либо предписанія противъ происходившихъ политическихъ собраній. Но въ виду того, что движеніе принимало все болѣе грозный характеръ, правительство вдругъ оставило свою выжидательную позицію. Къ началу 1848 года банкеты стали устраиваться рѣже, такъ какъ депутаты оппозиціи боялись утомить своихъ приверженцевъ слишкомъ частыми собраніями и старались во время дебатовъ по поводу адреса сосредоточить ихъ вниманіе на положеніи дѣлъ въ палатѣ. Тѣмъ не менѣе центральный избирательный комитетъ рѣшилъ устроить 19-го января банкетъ изъ избирателей 12-го округа департамента Сены (Парижъ). Такимъ образомъ, сама столица могла принять активное участіе въ движеніи, а это правительство Луи-Филиппа считало недопустимымъ. Префектъ полиціи запретилъ банкетъ, на что организаціонный комитетъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ запрещеніе префекта актомъ грубаго произвола, а потому незаконнымъ и недѣйствительнымъ.

Такимъ образомъ, правительство нарушило право собраній, на которое привыкли смотрѣть, какъ на право, гарантированное конституціей. Этимъ оно вызвало новую бурю, долженствовавшую въ конечномъ счетѣ привести къ паденію іюльской монархіи.

Депутаты оппозиціи изъ-за преній по поводу адреса сначала не намѣрены были присутствовать на банкетѣ 12-го округа, но подъ вліяніемъ общаго возбужденія, вызваннаго запрещеніемъ банкета, они измѣнили свое рѣшеніе.

На вопросъ делегатовъ 12-го округа, думаютъ ли они и теперь послѣ вызова, брошеннаго правительствомъ, оставаться пассивными, представители парламентской оппозиціи выразили свою полную готовность содѣйствовать организаціи большого митинга протеста противъ правительственнаго произвола съ однимъ только условіемъ: день банкета долженъ быть назначенъ послѣ окончанія преній въ палатѣ по поводу адреса.

Вопросъ объ этомъ банкетѣ постепенно принялъ характеръ рѣшительнаго столкновенія между оппозиціей и королевскою властью, потому что правительство, не долго думая, приняло на себя отвѣтственность за распоряженіе префекта. Когда объ образѣ дѣйствій послѣдняго былъ сдѣланъ запросъ въ палатѣ,

министръ внутреннихъ дѣлъ *Дюшателъ* заявилъ, что согласно закону 1791 г. правительство въ правѣ запретить всякое политическое собраніе, если оно имѣетъ основаніе опасаться, что при этомъ будетъ нарушенъ общественный порядокъ. Въ отвѣтъ на этотъ новый вызовъ, *Дювержье де Оранъ*, шедшій рука объ руку съ *Одилономъ Барро* въ первыхъ рядахъ банкетной кампаніи, заявилъ отъ имени оппозиціи, что она не будетъ обращать вниманія на запрещеніе префекта и, что бы ни случилось, приметъ участіе въ банкетѣ.

Свое заявленіе *Дювержье* сдѣлалъ 7-го февраля, тотчасъ же, какъ были открыты пренія по вопросу о банкетной кампаніи. Наружно спокойный, взшелъ онъ на трибуну и сказалъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: «Я лично считаю политическія собранія законными и свободными и прямо заявляю, что я готовъ присоединиться къ тѣмъ, которые путемъ открытаго и законнаго сопротивленія хотятъ испытать, могутъ ли и въ какой степени быть нарушены права гражданъ спустя 18 лѣтъ послѣ нашей революціи простымъ полицейскимъ распоряженіемъ». Вся оппозиція присоединилась къ этому призыву криками: «мы также, мы все!»

«Политическія собранія будутъ подавлены», возразилъ графъ *Дюшателъ*, «и если вы предполагаете, что правительство, которое только исполняетъ свой долгъ, испугается какихъ-либо манифестацій, то я вамъ заявляю, что вы глубоко ошибаетесь».

Эти слова вызвали дѣлую бурю, со всѣхъ сторонъ раздались крики и угрозы. *Одилонъ Барро* бросается на трибуну и напоминаетъ, что право свободно собираться есть одно изъ необходимыхъ условий существованія конституціоннаго государства. На это ему министръ юстиціи *Геберъ* (*Hebert*) грубо возразилъ, что, по его мнѣнію, во Франціи не существуютъ никакихъ другихъ правъ, кромѣ тѣхъ, которыя точно обозначены въ конституціи. Свою рѣчь онъ закончилъ угрозой, что, если оппозиція не откажется отъ вызывающей тактики, то правительство вынуждено будетъ исполнить свой долгъ предъ страпою. Эти слова вызвали новую бурю. *Одилонъ Барро* закричалъ: «Вы идете еще дальне реставраціи!» Оппозиція его поддержала, а правая отвѣтила противоположными криками. Наконецъ, среди шума и бурныхъ возгласовъ раздался громовый голосъ *Ледрю-Роллена*. Онъ объяснилъ, что ни одна конституція, дѣйствующая согласно естественному праву, не осмѣлилась посягнуть на свободу собраній. «Подумайте, куда это васъ заведетъ», воскликнулъ онъ, «съ вашими софизмами вы дойдете до того, что станете отрицать всякій неписанный законъ».

Другими словами, вы парализуете живительную силу человеческой морали, вы нарушаете неписанные, но священные и неотъемлемые права человека и гражданина».

Борьба въ парламентѣ продолжалась уже четыре дня, когда 11-го февраля, принадлежавшій къ министерской партіи депутатъ *Десмулло де Живрэ* сдѣлалъ послѣднюю попытку примирить враждующія стороны. Онъ предложилъ зачеркнуть въ адресѣ слова «слѣбныя и враждебныя», которыя были особенно оскорбительны для оппозиціи. Умѣренный депутатъ *Шарль Ремюза* поддерживалъ это предложеніе. По его мнѣнію, Франція никогда не находилась въ такомъ критическомъ положеніи, никогда еще не были такъ потрясены всѣ общественные устои и никогда еще не чувствовалось такой потребности въ посредничествѣ и примиреніи.

Какъ и Токвиль, онъ апеллировалъ къ общественному чутью буржуазіи, указывая на опасность грозящаго народнаго возстанія. Но нѣкоторымъ признакамъ немногіе вдумчивые люди уже предчувствовали наступленіе революціи.

Однако всѣ эти предостереженія не оказали никакого вліянія на правительственное большинство. Вообще въ палатѣ царило такое настроеніе, что на нее не дѣйствовали никакіе разумные доводы. Когда-то спокойное буржуазное собраніе напоминало теперь бурные дни великаго конвента. Какое-нибудь рѣзкое замѣчаніе вызывало шумъ и пререканія, ораторовъ прерывали оскорбительными и провоцирующими криками, страсти разыгрались. Въ послѣднюю минуту, 10-го февраля, когда уже хотѣли пустить на голосованіе пунктъ, касавшійся вопроса о банкетѣ, Ламартинъ еще разъ взошелъ на трибуну, и моментально стало тихо: «Пожалуйста, г.г. министры», воскликнулъ онъ, «подавайте голосъ народа полицейскими мѣрами! Но прежде, чѣмъ рѣшиться на этотъ шагъ, вамъ не мѣшало бы вспомнить о томъ, что произошло въ залѣ мяча, гдѣ также рѣчь шла только о произвольномъ нарушеніи свободы собраній. Зала мяча, господя, была мѣстомъ для собраній. Ее закрыли правительственные чиновники и открылъ ее самъ народъ».

Это риторическое предостереженіе Ламартина имѣло такъ же мало успѣха, какъ и поправка, внесенная Десмулло и рѣчь Ремюза. Преданное министерству большинство палаты одобрило образъ дѣявій правительства 228 голосами противъ 185; было рѣшено оставить въ текстѣ слова «враждебныя и слѣбныя страсти».

Многіе консерваторы только въ силу необходимости поддерживали правительство Луи-Филиппа, инстинктъ самосохраненія имъ подсказывалъ, что правительство находится на краю ги-

бели. Поэтому они все выискивали средства, чтобы предупредить конфликтъ. Одинъ изъ нихъ, парижскій крупный торговецъ *Салландрузъ*, личный другъ короля, предложилъ внести слѣдующую поправку: «мы надѣемся, что правительство возьметъ на себя инициативу разумныхъ и умѣренныхъ реформъ, которыя требуютъ общественное мнѣніе».

Возможно, что парламентское большинство приняло бы это предложеніе, внесенное однимъ изъ его же членовъ; оно только ждало знака отъ Гизо. Но послѣдній не хотѣлъ себя связывать рукъ: «Министерство не беретъ на себя никакихъ обязательствъ на счетъ будущаго. Консервативная партія не солидарна по вопросу о реформахъ. Дѣятельность министерства будетъ притуплена неуклоннымъ стремленіемъ сохранить единство въ консервативной политикѣ».

Парламентское большинство почтительно выслушало это представленіе и съ большой готовностью присоединилось къ точкѣ зрѣнія премьеръ-министра. Поправка Салландруза была отвергнута.

Такъ закончились дебаты по поводу адреса. они продолжались отъ 22-го января до 12-го февраля. Никогда еще за все время июльской монархіи «меньшинство» палаты не держалось такъ демонстративно. Все либеральныя идеи были осмѣяны и оппозиція потеряла всякую почву для дѣятельности въ палатѣ. Она могла надѣяться на успѣхъ только вѣтъ стѣнъ Бурбонскаго дворца, потому что эта парламентская борьба должна была возбудить въ народѣ дорогія воспоминанія, она должна была ему напомнить о его прежнихъ побѣдоносныхъ возстаніяхъ.

Но потерялъ же народъ, боровшійся раньше такъ умѣло и успѣшно за демократическія принципы, говорили себѣ многіе энтузіасты, не потерялъ же онъ теперь эту способность!

Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ своего пораженія въ палатѣ, возмущенная оппозиція обратилась къ народу и указала ему путь борьбы съ господствующимъ режимомъ. 13-го февраля собрались депутаты оппозиціи около 100 челов., выработали текстъ протеста противъ дѣйствій правительства и напечатали его во всѣхъ газетахъ. Въ этомъ официальном заявленіи они выражали свое негодованіе противъ адреса, особенно противъ послѣдняго пункта, касающагося вопроса о банкетахъ. Не менѣе рѣшительно они протестовали противъ попытокъ уничтожить во Франціи свободу собраній. Они заявили, что будутъ бороться всеми законными средствами за сохраненіе этого права. Для этой цѣли они выбрали комиссію, которая должна была войти въ сношенія съ центральнымъ комитетомъ парижскихъ избирателей, чтобы вмѣстѣ устроить митингъ протеста.

Вызовъ былъ брошенъ и правительство не замедлило его принять; оно начало дѣлать чрезвычайныя военныя приготовленія.

Депутаты оппозиціи, повидимому, не особенно торопились съ организаціей банкета о которомъ они возвѣстили съ такой помпой. Многіе открыто жалѣли, что зашли такъ далеко. День проходитъ за днемъ, а о банкетѣ ни звука. Болѣе рѣшительные либералы и революціонеры, думавшіе объ организаціи внушительной демонстраціи теряли терпѣніе и настойчиво требовали болѣе энергичнаго образа дѣйствій. Трусливые руководители парламентской оппозиціи оправдывались тѣмъ, что они еще не нашли удобнаго мѣста для предполагаемаго банкета.

Наконецъ, стало извѣстно, что депутатъ Ташеро нашелъ подходящее мѣсто вблизи Елисейскихъ полей, что уже приступили къ постройкѣ большаго навильона, который къ 22-му февраля долженъ быть готовъ. Слѣдовательно, въ этотъ день, во вторникъ, будетъ устроенъ банкетъ.

Въ это время между буржуазными фракціями палаты происходили всевозможныя совѣщанія и переговоры, конечная цѣль которыхъ была линить предстоящій банкетъ по крайней мѣрѣ всякой революціонной окраски. Консерваторовъ охватывалъ трепетъ при мысли, что грандіозная демонстрація можетъ разжечь народныя страсти; буржуазные члены оппозиціи дрожали передъ возможными послѣдствіями ими же начатой агитаціи. Какъ тѣ, такъ и другіе, изъ страха передъ *народной* революціей хотѣли притти къ какому-нибудь компромиссу, который позволилъ бы имъ вести борьбу съ правительствомъ безъ участія народныхъ массъ. Консерваторы сдѣлали первый шагъ въ этомъ направленіи. Посредниками для веденія переговоровъ явились Витэ и графъ Морни, которые и отправились къ Дювержье де Оранъ и Одилону Барро; предложеніе консерваторовъ гласило слѣдующее: депутаты оппозиціи должны присутствовать на банкетѣ, чтобъ этимъ показать, что они не пренебрегутъ за свободу собраній и не считаются съ запрещеніемъ префекта. Правительство въ свою очередь сдѣлаетъ то, что оно считаетъ своей обязанностью. Полицейскій комиссаръ объявитъ банкетъ незаконнымъ и предложитъ участникамъ разойтись. Президенты собранія будутъ привлечены къ судебной отвѣтственности, и судъ рѣшить, кто былъ правъ, оппозиція или правительство. Такимъ образомъ вопросъ о свободѣ собраній будетъ перенесенъ въ судебную инстанцію, приговору которой и подчинятся обѣ стороны — оппозиція и правительство.

Какъ ни оскорбительно было это предложеніе, все-таки руководители династической оппозиціи ухватились за него обѣ-

ими руками. Они надѣялись такимъ образомъ замаскировать свое отступление и разыграть комедію, истинную подкладку которой широкая масса не пойметъ.

Между тѣмъ содержаніе этихъ переговоровъ стало извѣстнымъ въ городѣ. Средняя буржуазія и значительная часть мелкой, главнымъ образомъ лавочки, были согласны съ предложеніемъ консерваторовъ; но въ радикальныхъ кругахъ, среди студенчества и особенно въ рабочихъ кварталахъ, гдѣ съ каждымъ днемъ возрастало вліяніе революціонеровъ, задуманный планъ вызвалъ неожиданный энергичный протестъ. Умѣренная оппозиція потеряла въ ихъ глазахъ всякій кредитъ, что имѣло громадное вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій.

Говорятъ, крайности сходятся. Это случилось и здѣсь. При дворѣ тоже были недовольны этимъ компромиссомъ. «Мнѣ измѣняютъ вмѣсто того, чтобъ исполнять свой вѣрноподданичскій долгъ», воскликнулъ Луи Филиппъ, когда онъ узналъ о происшедшемъ соглашеніи. Онъ такъ часто подавлялъ вооруженныя возстанія, что не вѣрилъ въ возможность серьезной опасности для своего трона со стороны народныхъ массъ. На этотъ разъ онъ глубоко ошибался. Гораздо ближе къ истинѣ была другая его мысль: что руководители оппозиціи представляютъ собою только кучку задорныхъ краснабаевъ. Между тѣмъ именно сошлись на этомъ компромиссѣ, несмотря на то, что онъ вызывалъ большое неудовольствіе какъ въ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ прогрессивныхъ кругахъ интеллигенціи и народа. Утромъ 21-го февраля оппозиціонныя газеты опубликовали программу предстоящей манифестаціи. Редакціи «Reforme», «Demokratie pacifique» и «National» помѣстили ее на первомъ столбцѣ своихъ газетъ. Программа была составлена почти однимъ *Арманомъ Марра*, редакторомъ «National».

По мнѣнію многихъ историковъ, руководители оппозиціи были слишкомъ заняты, чтобъ ее просмотрѣть болѣе внимательно. Этимъ, дескать, и объясняется, что она носила нѣсколько оффиціальнѣе характеръ. Участники процессіи, гласило въ этой программѣ, должны соблюдать общественную тишину и спокойствіе; шествіе, составъ котораго вычислялся въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, должна сопровождать національная гвардія, безъ оружія, со своими офицерами во главѣ. Рабочія группы должны расположиться шпалерами и, съ депутатами во главѣ, направиться отъ церкви св. Магдалины на улицѣ Рояль, черезъ площадь Согласія къ мѣсту банкета.

Этой умѣренной программой реакція воспользовалась, какъ предлогомъ, чтобъ отказаться отъ сдѣлки. Правительство все

тательной рѣчи,—можетъ быть самой хорошей изъ всѣхъ его рѣчей,—заклиналъ своихъ товарищей продолжать оказывать сопротивленіе правительству *).

Его бурная рѣчь не оказала почти никакого вліянія на членовъ оппозиціи. Большинствомъ 80 голосовъ противъ 17 они рѣшили отказаться отъ банкета. Пытался, вѣроятно, нѣкоторый стыдъ за свое позорное отступленіе, они тутъ же подписались подъ мотивированнымъ протестомъ противъ распоряженій министерства Гизо.

Ясно, что въ тотъ моментъ никто не вѣрилъ въ возможность революціи; государственный переворотъ казался возможнымъ только въ далекомъ будущемъ. Вечеромъ 21-го февраля состоялось собраніе «Горы» и нѣкоторыхъ полу-соціалистическихъ элементовъ въ бюро «Riforme». Присутствовали также Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ. Последний отзывался съ большимъ презрѣніемъ о революціонерахъ, которые настолько наивны, что считаютъ при данныхъ обстоятельствахъ возможной усиленную борьбу съ правительствомъ. Луи Бланъ поддерживалъ это мнѣніе, а Флоконъ написалъ статью для «Riforme», въ которой онъ призывалъ народъ къ спокойствію. Другіе представители этого направленія, напротивъ, вѣрили въ возможность вооруженнаго возстанія, но все-таки подчинились мнѣнію своихъ товарищей и направились въ предметъ на собранія тайныхъ обществъ, чтобы ознакомиться съ тамоннымъ настроеніемъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тогда существовало въ Парижѣ и въ провинціи много тайныхъ революціонныхъ союзовъ. Сохранились даже обложки «Время года». Но и среди руководителей этихъ тайныхъ обществъ только немногіе вѣрили въ успѣхъ вооруженнаго возстанія.

Мы сейчасъ увидимъ, какъ думалъ народъ, какъ онъ дѣйствовалъ и чѣмъ онъ отвѣтилъ на призывъ къ спокойствію со стороны трусливой оппозиціи.

*) Ламартинъ пользовался тогда огромной популярностью въ народныхъ массахъ. Онъ прекрасно сознавалъ всю шаткость господствующей политической системы, однако и въ данномъ случаѣ, какъ и вообще за все время своей политической карьеры, онъ дѣйствовалъ по чисто личнымъ побужденіямъ. Спустя годъ, когда онъ не имѣлъ уже никакого вліянія на политическіе круги Франціи, онъ открыто заявлялъ, что его несогласіе, которое, между прочимъ, не вышло за предѣлы лѣснаго круга присутствующихъ товарищей, было величайшей или скорѣе *единственной* ошибкой всей его политической дѣятельности. Все это достаточно характеризуетъ этого господина. Во время второй имперіи онъ принималъ милости Луи-Наполеона (т. е. Бонапартъ принялъ участіе въ національной подпискѣ для Ламартина).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Утро 22-го февраля было пасмурное. Покрыто стучами небо обложило столицу, какъ будто оно хотѣло заключить въ мрачныя рамки подготавливавшіяся событія. Дулъ сильный, холодный вѣтеръ и накрапывалъ мелкій дождь. Но, несмотря на дождь и рѣзкій вѣтеръ, въ сѣверныхъ и восточныхъ предмѣстьяхъ показывались группы народа, которыя сначала вели себя очень сдержанно и медленно шли вдоль большихъ бульваровъ по направлению къ площади Мадлены.

Правительство и его приверженцы радовались дурной погодѣ и смотрѣли на это, какъ на неисполненное свыше спасеніе. Они надѣялись, что дождь и холодъ разебютъ многочисленныя толпы любопытныхъ, которыя во время политическихъ волненій наводняютъ улицы и площади столицы и изъ-за пустяка способны притти въ сильное возбужденіе.

Но на этотъ разъ правительство ошиблось въ своихъ расчетахъ. Дурная погода не помѣшала народу выйти на улицу. Да это и не были просто любопытные, которые раньше во время подобныхъ демонстрацій въ большомъ количествѣ наводняли улицы Парижа. Это были большей частью люди рѣшительные, съ сильно развитымъ революціоннымъ инстинктомъ. Агитація послѣднихъ дней, приготовленія, дѣлаемая правительствомъ, движенія войскъ по городу, распоряженія полиціи объ удаленіи съ улицъ всякаго матеріала, пригоднаго для постройки баррикадъ, все это вмѣстѣ взятое должно было вызвать въ народѣ предчувствіе надвигающейся бури и создать въ болѣе рѣшительныхъ демократическихъ элементахъ извѣстное боевое настроеніе.

Мало-по-малу, небольшими группами народъ собрался на площади Согласія *).

Не опасаясь серьезной манифестаціи и не жлая зря вызывать конфликтъ, правительство не сосредоточило свои войска на площади Согласія. Толпа все росла, ея настроеніе дѣлалось все болѣе напряженнымъ. Марсельеза, революціонный гимнъ

*) Она лежитъ между восточнымъ фронтомъ Тюльерійскаго сада и Елисейскими полями. Съ сѣвера ее окаймляютъ общественныя зданія, съ юга—Сена; на послѣдней имѣется мостъ. т. н. мостъ Согласія, ведущій къ Бурбонскому дворцу, гдѣ находилась зала за сѣданій народныхъ представителей.

жирондистовъ, огласила воздухъ, смѣняемая непрерывными криками: «Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!». Казалось, что проливной дождь дѣйствовалъ только возбуждающимъ образомъ на народъ. Вскорѣ случилось одно обстоятельство, которое дало возможность собравшимся проявить всю накипѣвшую въ нихъ ненависть въ другой формѣ, не ограничиваясь одними только возгласами и революціоннымъ пѣніемъ. Дѣло въ слѣдующемъ: на другомъ сборномъ пунктѣ, на площади Пантеона, народная масса приняла довольно угрожающій видъ. Эта площадь находится въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ живетъ, главнымъ образомъ, студенчество; поэтому здѣсь ядро манифестантовъ составляли студенты, къ которымъ въ большомъ количествѣ присоединились и рабочіе. Еще наканунѣ условились собраться на этой площади, чтобы отсюда двинуться на соединеніе къ предполагаемой процессіи, въ твердой увѣренности, что банкетъ состоится. Теперь собравшіеся убѣдились, что ихъ обманули, но все-таки они рѣшили устроить шествіе. Правда, нѣкоторые буржуазные сынки пытались удержать своихъ товарищей-студентовъ, но они потерпѣли неудачу. Слившись въ одну компактную колонну, съ пѣніемъ марсельезы, толпа, уже насчитывавшая нѣсколько тысячъ человѣкъ, быстро прошла Латинскій кварталъ, направилась по новому мосту на другой берегъ Сены и, двигаясь по улицамъ С.-Опоре и Дюфо, достигла наконецъ площади св. Маделены, продолжая громко расиѣвать революціонныя пѣсни.

Но и здѣсь толпа долго не оставалась. Подкрѣпленная собравшейся на этой площади массой, она опять направилась къ югу по улицѣ Рояль, площади и мосту Согласія къ Бурбонскому дворцу. На мосту ей загородилъ путь полицейскій комиссаръ съ отрядомъ муниципальныхъ гвардейцевъ. Демонстранты приостановились, оттѣснили солдатъ и увлекли ихъ за собой—это была первая побѣда надъ вооруженной силой, сильно поднявшая духъ массы. Изъ Бурбонскаго дворца къ нимъ вышли Кремье и Мари, приняли петицію отъ студентовъ и убѣждали толпу держаться въ рамкахъ законности. Нѣкоторые демонстранты ворвались въ залу засѣданій, но нашли ее пустой (собраніе состоялось позже). Папѣвая марсельезу, они удалились—въ пустой залѣ имъ нечего было дѣлать. По словамъ Гарнье-Паже, одинъ изъ нихъ, проходя мимо слуги, сказалъ ему слѣдующую весьма характерную фразу: «Мы опять придемъ, и тогда у насъ будетъ правительство такое же красное, какъ твой жилетъ». Но прежде, чѣмъ шествіе успѣло повернуться назадъ, были вызваны войска. Появились драгуны изъ расположенныхъ по соседству казармъ (на набереж-

ной д'Орсай), чтобы «очистить» площадь передъ зданіемъ палаты. Только благодаря разсудительности офицера, который, видя передъ собою безоружную толпу, вложилъ обратно въ ножны свою шпагу, дѣло обошлось безъ кровопролитія. Толпа добровольно оставила площадь, солдаты прогнали нѣкоторыхъ отставшихъ и заняли улицы, прилегающія къ Бурбонскому дворцу. Какъ разсказываютъ нѣкоторые историки, демонстранты, замѣтивъ, что офицеръ вкладываетъ свою шпагу въ ножны, разразились радостными криками «ура» по адресу драгунъ.

Часть демонстрантовъ, собравшихся передъ палатой, опять образовала шествіе, которое безъ опредѣленной цѣли тянулось по городу. Другая часть вернулась обратно на площадь Согласія. Здѣсь и произошла первая стычка съ войсками. Администрація рѣшила сдѣлать попытку вооруженной силой разсѣять толпу. Это было возложено главнымъ образомъ на муниципальную гвардію, игравшую во Францію роль жандармовъ: къ ней всегда прибѣгало правительство для подавленія волненій. Понятно, какую ненависть къ ней питалъ французскій народъ. Эти грубые солдаты немедленно набросились на безоружную толпу и сбили съ ногъ всѣхъ, которые не успѣли разбѣжаться, такъ что пострадали даже женщины и дѣти. Грубость этого нападенія вызвала ожесточенный отпоръ. Парижскіе гамены (уличные мальчики), благодаря своей ловкости и подвижности игравшіе роль авангарда почти во всѣхъ революціяхъ, первые оказали упорное сопротивленіе. Они притащили камни и начали бросать ими въ всадниковъ. Муниципальные гвардейцы, пустивъ въ ходъ шашки, опять нанали на демонстрантовъ, намѣреваясь совершенно очистить площадь. Въ отвѣтъ на это нападеніе на голову солдатъ посыпался цѣлый градъ камней. Гамены дошли до того, что начали хватать за ноги лошадей съ цѣлью свалить ихъ, что нерѣдко удавалось имъ вслѣдствіе того, что послѣ дождя почва сдѣлалась очень скользкой. Даже пѣхотинцы и тѣ едва держались на ногахъ, такъ какъ походное снаряженіе сильно стѣсняло ихъ движенія. Демонстранты отступили на такіе пункты, куда кавалерія съ большимъ трудомъ могла за ними послѣдовать. Они осыпали солдатъ насмѣшками и ядовитыми парижекими шуточками, не обнаруживая ни малѣйшаго желанія покинуть площадь. Это упорное, неожиданное сопротивленіе и, главное, язвительныя насмѣлки демонстрантовъ привели въ безумную ярость муниципальных гвардейцевъ. Во время новой, болѣе дикой и стремительной атаки, многие были изрублены шашками, а многіе попали подъ копыта лошадей. Между прочимъ, была убита одна женщина.

Это вызвало у народа жажду мести и можно было предвидѣть, что предстоитъ серьезный бой. Толпа, вынужденная отступать подъ ударами сабель кавалеристовъ, разсыпалась по Елисейскимъ полямъ и улицѣ Рояль, ругаясь, и опять собиралась въ одну компактную массу, какъ только войска удалялись. Все это сопровождалось пѣніемъ революціонныхъ пѣсень и криками: «Долой Гизо! Долой министерство! Къ оружію!»

Части демонстрантовъ, находившихся на площади Согласія, надоѣли въ концѣ концовъ непрерывныя стычки, и раздавшійся кликъ: «въ министерство иностранныхъ дѣлъ! Къ дворцу Гизо!» былъ очень сочувственно встрѣченъ тысячной толпой, и она направилась туда. Бескорѣ на бульварѣ Капуциновой, гдѣ жилъ премьеръ-министръ, раздались звуки марсельезы и цѣлый градъ камней посыпался въ окна его дома. Но этимъ нападающіе не ограничились: они хотѣли проникнуть внутрь дома. Послые, крѣпкіе люди бросились къ главному подъѣзду и воротамъ. Дерево затрещало подъ ихъ стремительнымъ натискомъ. Еще моментъ и ихъ усилія увѣнчались бы успѣхомъ, но въ это время появились послѣднимъ вызванныя войска и народъ вынужденъ былъ разсѣяться, не будучи въ состояніи противостоять сабельнымъ и штыковымъ ударамъ солдатъ.

Такимъ образомъ завязался бой въ разныхъ мѣстахъ. Революціонный огонь, который еще утромъ казался едва замѣтной искрой, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ превратился въ грозное пламя, охватившее почти всю столицу. Возстаніе принимало все болѣе широкіе размѣры.

Депутаты оппозиціи не показывались на улицѣ. Они забыли свой долгъ передъ страной и не пытались ни успокоить народъ, ни взять на себя руководство возстаніемъ. Въ то время, когда озлобленная толпа демонстрантовъ старалась ворваться въ домъ ненавистнаго Гизо и возстаніе стало свершившимся фактомъ, съ которымъ надо было считаться руководителямъ оппозиціи, послѣдніе собрались у Одилона Барро, чтобы разыграть какую то жалкую комедію. Въмѣсто того, чтобы дѣйствовать рѣшительно, они занялись составленіемъ новаго бумажнаго протеста противъ министерства Гизо.

Въ 2 часа пополудни депутаты направились въ палату. На площади Согласія стояла огромная толпа народа, готовая къ бою. Мостъ Согласія былъ занятъ драгунами и линейными войсками. Бурбонскій дворецъ былъ также окруженъ кордономъ, чтобы предупредить вторичное вторженіе народа въ палату. Депутатамъ оппозиціи демонстранты устроили овацію: они хотѣли этимъ показать, что оппозиціонеры могутъ вполне разсчиты-

вать на ихъ поддержку. Депутаты правительственнаго большинства были осыпаны цѣлымъ градомъ насмѣшекъ.

Прибывъ въ палату, члены оппозиціи пустили по рукамъ составленный ими протестъ, чтобы собрать какъ можно больше подписей. Въ результатѣ оказалось, что только у 350 депутатовъ хватило гражданского мужества подписаться подъ этой бумагой. Одилонъ Барро торжественно передалъ президенту палаты Сосе этотъ мотивированный протестъ, въ которомъ были перечислены все «преступленія Гизо». Сосе бѣгло просмотрѣлъ бумагу и съ презрительной миной бросилъ ее на президентскій столъ.

Не нашелся ни одинъ человекъ въ этомъ собраніи, который упомянулъ бы о лихорадочномъ возбужденіи, охватившемъ съ самаго утра весь Парижъ. Очень медленно и съ напускнымъ спокойствіемъ разбирали вопросъ о возобновленіи привилегіи Бордосскаго банка. Передъ закрытіемъ собранія Од. Барро просилъ предѣдателя назначить день для обсужденія внесеннаго имъ предложенія, поддержаннаго достаточнымъ числомъ депутатовъ. Дебаты были назначены на четвергъ, 24-го февраля.

Возстаніе между тѣмъ охватывало все болѣе широкіе круги парижскаго населенія. Въ Елисейскихъ поляхъ сдѣлали слабую попытку построить баррикады изъ стульевъ и деревьевъ. Благодаря этому демонстрантамъ удалось задержать лошадей муниципальных гвардейцевъ и за неимѣніемъ другого оружія осыпать камнями всадниковъ. Съ минуты на минуту росло озлобленіе съ обѣихъ сторонъ. Толпа не ограничивалась болѣе насмѣжками по адресу блюстителей порядка, она перешла къ наступательному образу дѣйствій. Недалеко отъ Елисейскихъ полей, на улицѣ Матиньонъ держали наготовѣ полицейскую стражу. Отъ толпы отдѣлилась группа людей, притащила связку дровъ и смолу и, окруживъ домъ, гдѣ находилась стража, собиралась уже поджечь его. Только въ послѣдній моментъ удалось кое-какъ коннымъ муниципальнымъ гвардейцамъ проложить себѣ дорогу къ дому и спасти полицейскихъ.

Внѣшній видъ Парижа рѣзко измѣнился. Во многихъ мѣстахъ начали строить баррикады. Первая была воздвигнута на углу улицъ С-Флорентенъ и де-Риволи, недалеко отъ площади Согласія. Группа демонстрантовъ, подаваемая назадъ подъ напоромъ кавалерійскаго отряда, начала при помощи заостренныхъ желѣзныхъ полосъ, вырванныхъ изъ рѣшетки дома министерства Гизо, разрушать мостовую и запасаться камнями для постройки баррикадъ. Эти желѣзные прутья замѣняли демонстрантамъ также оружіе, котораго еще не могли достать.

Но войска не дали толпѣ довести до конца эту баррикаду. Стремительный натискъ заставилъ инсургентовъ отступить на улицу Риволи. Около Лувра преслѣдованіе прекратилось; демонстранты опять начали взрывать мостовую, чтобы построить новую баррикаду, но и здѣсь имъ пришлось уступить превосходящимъ силамъ войска.

Толпа, отгѣненная отъ Тюльери и площади Согласія, собралась въ тѣхъ кварталахъ, которые издавна служили ареной для большихъ возстаній. Это былъ такъ называемый старый Парижъ съ цѣлымъ лабиринтомъ глухихъ закоулковъ и переулковъ, представлявшихъ большія удобства для инсургентовъ. Эта часть города расположена между большими бульварами и Сеной. Ее составляютъ кварталы Лувра съ торговыми рядами, ратушами и Тампль; ихъ пересѣкають улицы Монмартръ, С.-Дени, С.-Мартенъ, улица Тампль и безчисленное множество улочекъ и переулковъ. Въ тѣ времена было еще не трудно укрѣпить и защищать эти кварталы. Здѣсь то и должны были на слѣдующій день разыграться самыя серьезные стычки между народомъ и королевскими войсками. Наибольше энергичные и боевые элементы, слѣдуя революціоннымъ традиціямъ французскаго народа, раздобыли оружіе изъ оружейныхъ складовъ. Сначала опустошили магазинъ Ленажа на Риншельвской улицѣ, а затѣмъ по порядку всѣ склады, находившіеся въ этомъ кварталѣ. Такимъ путемъ народъ досталъ очень много оружія, но безъ пороха, такъ какъ правительство было настолько предупредительно, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ конфисковало всѣ запасы пороха.

Но народъ нашелъ очень простой выходъ изъ этого положенія. Небольшія группы рабочихъ отправились на квартиры національныхъ гвардейцевъ и потребовали отъ нихъ оружіе и амуницію. Получивъ требуемое, они дѣлали надпись мѣломъ на дверяхъ: «Оружіе выдано!» и шли дальше. Такимъ образомъ они обезоружили почти всю національную гвардію этого квартала.

Около 4 ч. пополудни всѣ боевыя приготовленія были закончены, стало очевиднымъ, что всѣ революціонные элементы парижскаго населенія рѣшились на серьезную борьбу съ королевскими войсками. Только теперь поняли въ Тюльери всю серьезность положенія. Во дворцѣ же находились главные начальники парижской арміи, генераль Жакмино, командовавшій національной гвардіей, и Себастьяни, командиръ регулярныхъ войскъ, люди бездарные и лично враждовавшіе другъ съ другомъ. Въ Тюльери они назначили свою главную квартиру. До сихъ поръ въ правительственныхъ кругахъ думали, что рѣчь

идеть о мимолетномъ возбужденіи народа, но по мѣрѣ того, какъ изъ города стали доходить все болѣе тревожныя извѣстія, завѣса спадала съ глазъ даже у самыхъ близорукихъ.

Около 5 ч. пополудни перепуганное правительство отдало приказъ генералу Себастьяни занять войсками кварталы, находящіеся въ рукахъ инсургентовъ. Національной гвардіи не до-вѣряли и до поры до времени предпочитали къ ней не обра-щаться. Но въ виду все возрастающей опасности рѣшился на-конецъ генераль Жакмино призвать къ оружію и «граждан-скую милицію» изъ нѣкоторыхъ кварталовъ, которые считались болѣе благонадежными. Но только немногіе отозвались на этотъ призывъ.

Въ 6 ч. вступили въ городъ линейныя войска, вызванныя изъ ближайшихъ гарнизоновъ, и заняли всѣ площади и наи-болѣе важныя стратегическіе пункты по плану, составленному заранѣе маршаломъ Жераромъ. Они нигдѣ не встрѣтили серь-езнаго сопротивления, хотя во многихъ мѣстахъ разрушенныя баррикады затрудняли ихъ путь и они весьма медленно под-вигались къ своей цѣли.

Между тѣмъ наступила ночь. Темнота увеличивалась вслѣд-ствие того, что инсургенты уничтожили уличные фонари и га-зовые проводники, чтобъ подъ покровомъ ночной темноты имъ легче было ограбить оружейные склады и соорудить баррикады. Только на Елисейскихъ поляхъ былъ виденъ огонь. Это гамены подожгли скамьи и балаганы, чтобы наслаждаться этимъ прі-ятнымъ зрѣлищемъ. Также на внѣшнихъ бульварахъ сѣверной части города, въ кварталахъ Монсо, Клини и Батиньоль было большое оживленіе. Здѣсь въ этотъ поздній часъ пообчистили оружейные магазины. Таможенныя заставы въ Этуали, Руль Батиньоли были ограблены и сожжены.

Около 8 ч. произошла кровавая стычка около заставы парка Монсо. Многіе изъ толпы были смертельно ранены. Это привело повстанцевъ въ такое возбужденіе, что въ 11 ч. они вернулись, чтобы отомстить за смерть павшихъ товарищей, но они опять потерпѣли поражение и должны были разсѣяться. Послѣ полуночи наступила относительная тишина. Поэтому со-чли возможнымъ часть войскъ, промокшую отъ дождя и изму-ченную отъ пленанья по непролазной грязи, увести въ казар-мы для отдыха.

Что дѣлали въ эту критическую минуту тайныя общества, которыя принимали такое дѣятельное участіе въ народныхъ вол-неніяхъ? Всѣ историки согласны съ тѣмъ, что ихъ отношеніе къ этимъ событіямъ было болѣе, чѣмъ сдержанное. Со времени послѣдняго возстанія «Время года» въ 1839 году наиболѣе

талантливые и энергичные вожди революціонно-республиканской партіи, какъ Бланки, Барбесъ, Мартенъ Бернаръ, мечтавшіе о социальномъ переворотѣ, находились въ тюрьмѣ, много смѣлыхъ и преданныхъ республиканцевъ пало въ бою. Руководители, оставшіеся въ живыхъ и бывшіе на волѣ въ февралѣ 1848 г., были слишкомъ слабы и недальновидны; у нихъ не хватило ума, чтобы понять смыслъ совершающихся на ихъ глазахъ событий и не доставало мужества рѣшиться на какой-нибудь серьезный шагъ.

Люсьенъ де ла Одь, писатель, состоявшій раньше членомъ тайныхъ обществъ, а потомъ продавшійся правительству, рассказываетъ въ своихъ разоблаченіяхъ о дѣятельности «республиканской партіи и тайныхъ обществъ», что тайное общество, къ которому онъ принадлежалъ, получило приказъ отъ своего центрального учрежденія оставаться пассивнымъ. Такъ мало вѣрили вожди въ успѣхъ возстанія. Если вѣрить его разсказу, то главные руководители этого общества, *Маркъ Косидьеръ*, впоследствии полицейскій префектъ, и *Альберъ*, впоследствии членъ временнаго правительства, сказали, при видѣ инсургентовъ, строящихъ баррикады на улицѣ С.-Оноре: «Къ этому нельзя относиться серьезно. Мы видимъ только людей, но не слышимъ еще выстрѣловъ». Въ тотъ же вечеръ, 22-го февраля, рассказываетъ дальше де ла Одь, состоялось собраніе вожаковъ «Время года», на которомъ обсуждался вопросъ, какой имъ слѣдуетъ держаться тактики. Они не могли притти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію и постановили созвать на слѣдующій день всѣхъ своихъ членовъ на бульваръ С.-Мартэнъ, чтобы дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

По словамъ де ла Ода, одна часть этого тайнаго общества оказала все-таки рѣшающее вліяніе на начало возстанія. Эта группа «отколовшихся» членовъ еще утромъ 22-го февраля приняла будто бы всѣ мѣры къ тому, чтобы убѣдить рабочихъ не ходить въ этотъ день въ мастерскія, а, соединившись съ революціонерами изъ предмѣстій, постараться проникнуть въ центръ города. «Если бы эти негодяи не взяли на себя инициативу дѣйствій», пишетъ де ла Одь, «то, по моему мнѣнію, мятежъ не вспыхнулъ бы въ Парижѣ». Мы не можемъ провѣрить, насколько разлагольствованія этого предателя соотвѣтствуютъ истинѣ. Если вѣрить его словамъ, то февральская революція является дѣломъ незначительной части тайныхъ обществъ, дѣйствовавшихъ вопреки прямому предписанію своихъ руководителей.

Въ среду, 23-го февраля, погода была еще хуже, чѣмъ наканунѣ. Небо было покрыто тучами и дождь лилъ, не переставая. Въ 7 ч. утра часть войскъ заняла площади и улицы, покинутыя

ими въ часъ пополудни. Такимъ образомъ, наиболѣе важныя въ стратегическомъ отношеніи пункты оказались опять въ рукахъ правительства, увеличившаго, какъ сказано выше, свои вооруженныя силы войсками изъ окрестныхъ гарнизоновъ. На перекресткахъ улицъ, у ратуши, на мостахъ и т. д. были поставлены батареи *).

Правительство глубоко ошибалось, если думало напугать народъ, развернуть передъ нимъ всю мощь своихъ вооруженныхъ силъ. 23-го февраля вновь поднялись рабочія массы г. Парижа. Пролетаріатъ, поддерживаемый нѣкоторыми слоями мелкой буржуазіи, поставилъ на карту свою жизнь за дѣло, которое косвеннымъ образомъ касалось его жизненныхъ интересовъ. Онъ поднималъ знамя борьбы потому, что считалъ это дѣло составной частью «правъ человѣка», провозглашенныхъ великой французской революціей.

Уже съ ранняго утра инсургенты направились опять въ внутренніе кварталы города. Большая часть воинственно настроенныхъ пролетаріевъ все еще не имѣла оружія. Въ то время, какъ вооруженные взрывали мостовую, срубали и таскали дрова и тѣлги для постройки баррикадъ, безоружные врывались въ магазины и дома, чтобы захватить все, что имъ могло бы пригодиться для предстоящаго боя.

Враждебныя дѣйствія начались очень скоро, но сначала стычки были совсѣмъ не кровопролитными. Инсургенты ограничивались тѣмъ, что подтрунивали надъ солдатами и нападали на отдѣльные посты. Съ другой стороны, войска были уже сильно деморализованы. Большая ихъ часть провела почти всю

*) По словамъ Гизо (8-я часть мемуаровъ), численность расположенныхъ въ Парижѣ войскъ равнялась:

43 батальона пѣхоты по 500 ч.	21,500
20 эскадронъ кавалеріи (драгуны, кирасиры, егеря) по 100 человѣкъ	2,000
1 эскадронъ конныхъ жандармовъ	200
27 батарей артиллеріи	3,000
3 роты саперовъ	450
4 » выслужившихся унт.-офицеровъ	400
5 » пожарныхъ	500
1 » изъ нестроевой команды	150
1 эск. ж. д. солдатъ	200

28,400

Кромѣ того:

2 батальона пѣшей муницип. гвардіи	2,000
5 эскадроновъ конной муницип. гвардіи	600

Всего . . . 31,000

ночь подъ дождемъ безъ жизненныхъ припасовъ и была очень мало расположена проливать свою кровь за правительство, которое о нихъ такъ мало заботилось. Правительство было вообще непопулярно въ арміи. Радикальныя газеты отъ 23-го февраля не дѣлали никакихъ нападокъ на армію собственно, а выражали свое возмущеніе по поводу жестокостей, учиненныхъ муниципальными гвардейцами. И едва инсургенты замѣтили, въ какомъ настроеніи находятся солдаты, какъ они истинно-ктивно приняли тактику, которая не могла не произвести впечатлѣнія на значительную часть войска. Подвергая насмѣшкамъ муниципальную гвардію, они въ то же время привѣтствовали регулярныя войска криками: «да здравствуетъ армія!» Такія выраженія симпатіи были, конечно, пріятны солдатамъ, они медлили пустить въ ходъ оружіе противъ народа, который ихъ такъ дружески встрѣчалъ, и въ сущности предоставили муниципальнымъ гвардейцамъ вести бой.

Возстаніе распространялось все шире и шире. Народъ безъ серьезнаго сопротивленія уступалъ баррикады подъ напоромъ войскъ, но какъ только послѣднія удалялись съ поля зрѣнія, онъ очень быстро снова занималъ ихъ. Около 10 ч. утра завязались схватки на многихъ пунктахъ, въ особенности на площади передъ театромъ Шателе, гдѣ въ стычкѣ былъ убитъ одинъ изъ командировъ королевскихъ войскъ, на улицѣ С.-Дели, С.-Мартэнъ, С.-Оноре, дю Руль, Карфуръ, Пуассоньеръ и др. Народъ стягивался въ этотъ уже упомянутый революціонный центръ. Хотя войскамъ иногда и удавалось туда проникнуть, но они никакъ не могли тамъ укрѣпиться. Мѣстами раздавался грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ. На улицахъ Рамбуто и Бобуръ бой былъ очень ожесточенный, здѣсь инсургенты съ успѣхомъ боролись съ огнемъ солдатскихъ ружей. Эта битва покрыла невыдаемой славой оружіе революціонеровъ.

Но, несмотря на геройскій духъ повстанцевъ, этотъ неравный бой не могъ долго продолжаться и кончился бы пораженіемъ народа, если бы не случилось одного обстоятельства, которое съ новой силой раздуло пламя революціи, начинавшее было постепенно затихать.

Національная гвардія, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ представителей средней буржуазіи, была въ этотъ день, какъ и наканунѣ, призвана къ оружію. Она весьма неохотно и далеко не въ полномъ составѣ явилась на сборный пунктъ. Крупная буржуазія, входившая въ составъ національной гвардіи, предпочла остаться дома; она вообще бываетъ недовольна, когда ее отрываютъ отъ ея обычныхъ удовольствій, особенно когда дѣло пахнетъ порохомъ. Большая часть собравшихся ба-

тальоновъ національной гвардіи единогласно рѣшила, что имъ незачѣмъ защищать политику правительства. Они разошлись съ криками, ставшими въ этотъ день лозунгами народа: «Да здравствуетъ реформа! Долой Гизо!» По словамъ де ла Ода, эта тактика національной гвардіи была плодомъ агитаціи передовыхъ республиканцевъ. Онъ говоритъ, что около 10 час. утра Флоконтъ пришелъ въ бюро «Reforme» и воскликнулъ: «Мы должны одѣть свою гвардейскую форму, направиться въ мерію и съ крикомъ: «Да здравствуетъ реформа!», ставъ во главѣ національной гвардіи, взять на себя посредничество между народомъ и войсками».

Весьма возможно, что республиканцы приняли такое рѣшеніе, но несомнѣнно и то, что имъ не удалось бы привлечь на свою сторону національную гвардію, если бы средняя буржуазія вообще не относилась сочувственно къ движенію. Хотя гражданская милиція сама участія въ битвахъ и не принимала, но своимъ вмѣшательствомъ она не давала обостряться борьбѣ. Она маршировала по городу съ непрерывными криками: «Да здравствуетъ реформа! Долой избирательную систему!» Около 2¹/₂ час. пополудни легіонъ національной гвардіи направился въ палату съ петиціей, въ которой онъ требовалъ отставки Гизо. На площади Викторіи, недалеко отъ дворца Пале-Рояль, другой легіонъ преградилъ дорогу кирасирамъ, собиравшимся напасть на инсургентовъ. Въ другомъ мѣстѣ національная гвардія не дала муниципальной гвардіи арестовать группу повстанцевъ и заставила ее отступить.

Поведеніе національной гвардіи приводило въ изумленіе регулярныя войска. Въ теченіе 18 лѣтъ они привыкли во время народныхъ возненій сражаться въ однихъ и тѣхъ же рядахъ съ національной гвардіей, а теперь они замѣтили, что послѣдняя всецѣло присоединяется къ лозунгамъ народа. Это значительно понизило ихъ боевое настроеніе. Тюро-Данженъ въ своемъ послѣднемъ томѣ «Исторіи польской монархіи», появившемся сравнительно недавно въ печати, мѣтко характеризуетъ положеніе дѣлъ слѣдующимъ разговоромъ, происходившимъ между начальникомъ отряда національной гвардіи и армейскимъ батальоннымъ командиромъ: «Какъ вы себя будете держать, спрашиваетъ первый, «когда вы встрѣтитесь съ народной массой?»— «Я буду дѣлать то, что и Вы», отвѣчаетъ армейскій офицеръ.— «Я на нее не буду нападать».— «Я буду дѣлать, что и Вы», повторяетъ армейскій офицеръ.

До сихъ поръ король не вѣрилъ въ серьезный характеръ возстанія. Онъ съ презрѣніемъ и насмѣшкой отзывался объ этой «вспышкѣ». Сдувая песокъ съ приказа, который онъ подписалъ

валъ, онъ замѣтилъ: «если бы я только захотѣлъ, я бы могъ ихъ разсѣять такъ же легко, какъ вотъ эти песчинки!» Когда же 23-го февраля послѣ полудня стали доходить до дворца одно за другимъ тревожныя извѣстія объ отношеніи національной гвардіи, король потерялъ голову. Дѣло въ томъ, что онъ считалъ себя избранникомъ гражданской милиціи и никакъ не ожидалъ, что она оставитъ въ критическую минуту своего «вождя». Страхъ папалъ и на придворныхъ. Они почувствовали, что ихъ праздною, веселой жизни при дворѣ Луи-Филиппа наступаетъ конецъ. Но они еще не теряютъ послѣдней надежды. Они были увѣрены, что народная ненависть направлена главнымъ образомъ противъ Гизо и, если удастся его выкинуть за бортъ, то народъ успокоится. Но король былъ такъ расположенъ къ своему первому министру, что они не осмѣлились прямо ему это высказать. Они прибѣгли къ посредничеству королевы. Послѣдняя пришла въ ужасъ при мысли, что ея мужъ можетъ потерять корону и рѣшила добиться отставки Гизо. Въ 2 часа пришелъ Дюшателъ съ докладомъ къ королю. Когда королева его увидѣла, она обратилась къ нему со слѣдующими словами: «Если г. Гизо намъ хочетъ доказать свою преданность, то онъ долженъ немедленно передать свой портфель. Онъ доведетъ короля до гибели!» Дюшателъ придавъ своему лицу такое выраженіе, какъ будто у него подъ ногами открылась пропасть, и, не говоря ни слова, пошелъ разыскивать премьеръ-министра. Онъ засталъ его у короля. Послѣдній, уступивъ настояніямъ королевы, доказывалъ съ большимъ смущеніемъ министру, что ему необходимо подать въ отставку. Гизо, благодаря которому июльская монархія очутилась на краю гибели, ничего не осталось дѣлать, какъ подчиниться этому рѣшенію.

Между тѣмъ и на депутатовъ напалъ страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Въ 1^{1/2} ч. пополудни состоялось собраніе палаты, въ 2^{1/2} ч. депутатъ отъ Парижа Вавэнъ взомель на трибуну, чтобы сдѣлать запросъ министерству, почему такъ поздно была вызвана національная гвардія. Гизо еще не было въ палатѣ и Вавэну пришлось поневолѣ ждать его прихода. Наконецъ онъ явился. Медленной, колеблющейся, невѣрной походкой, съ разстроеннымъ, блѣднымъ лицомъ, онъ вступилъ на трибуну и сказалъ: «Господа! Я думаю, что вы выбрали неподходящій моментъ для дебатовъ по поводу этой интерпелляціи». Со стороны оппозиціи раздались протесты. «Король пригласилъ къ себѣ графа Моле», продолжаетъ экс-министръ, «чтобы уполномочить его...» Поведеніе оппозиціи совершенно измѣнилось, раздраженія прекратились и палата огласилась громкими, радостными криками. Правительственная партія пришла

въ негодованіе, она думала, что министерство хочет ее покинуть въ критическій моментъ. Но Гизо заставилъ ее замолчать, крикнувъ: «Кто вамъ сказалъ, что министерство оставляетъ короля?» Послѣ непродолжительныхъ преній рѣшено было отложить засѣданіе до слѣдующаго дня. Въ 3 часа пополудни нѣкоторые политическіе дѣятели, прежде чѣмъ покинуть палату, разослали гонцовъ повсюду, чтобы оновѣстить Парижъ о паденіи кабинета. Они надѣялись, что это примиритъ народъ съ министерствомъ. Но они ошиблись въ своихъ разчетахъ. Народная масса приняла очень спокойно это извѣстіе, она такъ же мало вѣрила графу Моле, какъ и Гизо. Она полагала, что эта переменна министерства такая ничтожная побѣда, что для нея не стоило браться за оружіе и проливать свою кровь. Напротивъ, средняя буржуазія пришла въ восторгъ, усмотрѣвъ въ этой уступкѣ гарантію предстоящихъ реформъ. Съ наступленіемъ ночи она зажгла иллюминацію въ домахъ въ честь одержанной побѣды. Республиканцы и др. революціонные элементы Парижа были недовольны этой переменною въ составѣ кабинета, полагая, что эта, хотя ничтожная, уступка можетъ положить конецъ борьбѣ, которая была начата съ такимъ успѣхомъ для прогрессивныхъ партій. Чтобы предупредить такой исходъ, они не сложили оружія, а напротивъ, оставались готовыми къ бою, маршируя по городу съ факелами и развѣвающимися знаменами. Во многихъ мѣстахъ появились прокламаціи, начинавшіяся словами: «Моле или Тьеръ, это для насъ совершенно безразлично»...

Растерянность и нерѣшительность гоенодствовали повсюду. Никто не могъ опредѣленно указать, въ какую форму должна вылиться дальнѣйшая борьба съ правительствомъ. По словамъ де ла Ода, руководители тайныхъ обществъ рѣшили не складывать оружія, но не могли столкнуться между собой ни относительно мѣста, ни относительно боевыхъ лозунговъ.

Въ этотъ критическій моментъ произошла одна изъ тѣхъ случайностей, которыя такъ часто играютъ роль въ жизни народовъ. Она влила новыя силы въ народное движеніе.

Многіе историки революціи 1848 г. охотно вѣрятъ, что это все было подстроено революціонными партіями. Ламартинъ, который въ своей «Исторіи революціи 1848 г.» любитъ давать волю своей поэтической фантазіи, сдѣлалъ изъ этого событія романтическую главу. Намъ кажется болѣе правильной та точка зрѣнія, которая усматриваетъ въ этой роковой случайности сдѣленіе различныхъ, совершенно не связанныхъ между собою обстоятельствъ. Впрочемъ, это еще вопросъ, было ли это неожиданное событіе нѣчто большее, чѣмъ внѣшній толчекъ, ко-

торый привелъ къ окончательной гибели польской монархіи. Вѣроятно всею, это было искрой, вповь воспламенившей народныя массы, въ которыхъ еще не успѣла остыть жажда бѣрыбы съ существующимъ политическимъ режимомъ. Въ то время, какъ значительная часть войска была возвращена въ казармы и народъ покинулъ большую часть баррикадъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ предметъи С.-Дени, инсургенты не оставляли баррикадъ и содержали ихъ въ полной боевой готовности, такъ какъ тамъ рѣшили продолжать бой, во что бы то ни стало.

Около 9 час. вечера толпа народу, о составѣ которой имѣются самыя разнорѣчивыя свѣдѣнія, потянулась съ Бастильской площади по направленію къ бульварамъ. Многіе писатели, въ томъ числѣ и Ламартинъ, утверждаютъ, что это былъ отрядъ, составленный изъ членовъ тайныхъ обществъ, выполнявшій возложенную на него миссію вновь открыть военныя дѣйствія въ качествѣ авангарда революціонной арміи. Де ла Одъ идетъ дальше и называетъ даже имена. По его словамъ, этотъ отрядъ былъ сформированъ однимъ экзальтированнымъ руководителемъ тайныхъ обществъ, по имени *Собръе*. Но никто изъ этихъ писателей не представилъ пока никакихъ доказательствъ въ подтвержденіе своихъ словъ.

Во главѣ этой толпы, состоявшей изъ огромной массы рабочихъ, шли національные гвардейцы, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. Красное знамя развѣвалось надъ головами демонстрантовъ, невѣрный, колеблющійся свѣтъ факеловъ придавалъ какой-то фантастическій характеръ этому шествію. Колонна двигалась очень медленно, такъ какъ ей приходилось прокладывать себѣ дорогу черезъ толпу любопытныхъ, вниманіе которыхъ было привлечено этимъ рѣдкимъ, удивительнымъ зрѣлищемъ. На Итальянскомъ бульварѣ, недалеко отъ улицы Лепеллетье она свернула въ сторону, чтобы пройти мимо бюро «National». Здѣсь редакторъ Арманъ Марра произнесъ краткую рѣчь, проникнутую увѣренностью въ торжествѣ народнаго дѣла, и процессія тронулась дальше. На бульварѣ Калупиновъ она наткнулась на неожиданное препятствіе. Батальонъ 14-го пѣхотнаго полка загородилъ всю улицу передъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, чтобы защитить Гизо отъ возможныхъ нападений. Между полковникомъ, командовавшимъ батальономъ, и начальниками колонны завязались переговоры о томъ, по какому пути слѣдовать процессіи. Въ это время изъ толпы раздались оглушительные возгласы: «Долой Гизо! Да здравствуетъ реформа! Да здравствуетъ армія! Пллюминаціи!» Поднялась страшная суматоха. Полковникъ оборвалъ разговоръ и сухимъ,

грубымъ голосомъ крикнуть своимъ, нѣскольکو ошѣившимъ отъ неожиданности, солдатамъ: «Штыки впередъ!» Послышался лязгъ желѣза и вдругъ раздался залпъ. Вся солдатская цѣпь, казалось, утонула въ морѣ огня, и густой пороховой дымъ окуталъ улицу. На мгновение стало совершенно тихо, народъ остолбенѣлъ отъ ужаса, но сейчасъ же воздухъ огласился криками ярости. Всѣ пули попали въ цѣль, въ результатѣ 6 убитыхъ и масса раненыхъ со стороны демонстрантовъ. Толпа въ ужасѣ разбѣжалась. Солдаты также пустились бѣжать; на нихъ напала какая-то паника и они исчезли въ сосѣднія улицы.

Когда толпа нѣскольکو оправилась отъ неожиданности, ея охватила жажда мести. Яростные крики: «Къ оружію! На баррикады! Убиваютъ нашихъ братьевъ!» одновременно вырывались изъ тысячи устъ. Офицеры и солдаты 14-го полка почувствовали, какія ужасныя послѣдствія можетъ имѣть ихъ безумный поступокъ, вернулись на мѣсто кровопролитія и старались объяснить народу, что роковой залпъ былъ вызванъ недоразумѣніемъ; возмущенная толпа не хотѣла ничего слышать и офицеръ, явившійся въ качествѣ парламентаря, едва не былъ убитъ на мѣстѣ.

Въ это время по этой улицѣ проѣзжала телѣга, которая должна была доставить на Руанскій вокзалъ переселенцевъ. Рабочіе окружили телѣгу, положили туда трупы навшихъ товарищей, нѣкоторые забрались внутрь этой колымаги и, освѣщенная тусклымъ свѣтомъ факеловъ, процессія тронулась въ путь. Помѣстившіеся на телѣгѣ подымали вверхъ трупы убитыхъ революціонеровъ, чтобы показать ихъ народу, между прочимъ окровавленную трупу женщины. «Мечь! Мечь!», кричали они, «мечь! Убиваютъ народъ! Убиваютъ нашихъ братьевъ! Къ оружію! На баррикады!» И повсюду уличная толпа, потрясенная и озлобленная, повторяла эти возгласы. Все сливалось въ одинъ общій гулъ негодующихъ голосовъ: «Смерть убійцамъ! Къ оружію! На баррикады!»

Ударили въ набатъ. Среди глухого колокольнаго звона можно было различить барабанный бой, раздававшійся на всѣхъ улицахъ и призывавшій народъ къ оружію. Залпъ на улицѣ Капуциновъ вновь вызвалъ жажду борьбы въ народѣ, возстаніе возгоралось съ новой силой. Бой велся на улицѣ Тампль, гдѣ инсургенты воздвигали очень сильную баррикаду. Караульный домъ при академіи искусствъ и промышленности былъ взятъ штурмомъ и сожженъ. Овлаждали казармой, расположенной въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Тюльери, и обратили въ бѣгство находившуюся тамъ муниципальную гвардію. Площадь передъ дворцомъ Пале-Рояль приняла весьма грозный видъ. Здѣсь еще

пока не сражались, но готовились весьма дѣятельно къ сраженію. Свинець съ кровельныхъ желобовъ былъ сорванъ для отливки пуль. Лилъ проливной дождь, дулъ рѣзкій, холодный вѣтеръ, а работа кипѣла, подвигаясь впередъ съ лихорадочной быстротой. Инсургенты рѣшили построить несокрушимыя баррикады на вѣсѣхъ перекресткахъ.

Между тѣмъ траурная процессія продолжала свой путь по городу, вербуя новыхъ мстителей за народное дѣло. Она прослѣдовала мимо бюро «National», и одинъ изъ представителей этой газеты, депутатъ Гарнье-Паже, обратился съ почувствованнымъ словомъ къ толпѣ, составлявшей это печальное шествіе. Его совѣтъ спокойно разойтись и предоставить это дѣло парламенту и карающему мечу правосудія былъ оставленъ безъ вниманія. Процессія отправилась въ кварталы С.-Дени, Пуассоньеръ и Монмартръ, остановилась передъ бюро «Reforme», гдѣ рѣчи носили болѣе рѣзкій характеръ, прошла торговые ряды и только въ 2 ч. пополудни трупы были положены въ меріи 4-го округа.

Такимъ образомъ, 23-го февраля, второй день уличной борьбы, закончился могучимъ, непреодолимымъ народнымъ возстаніемъ. Всю ночь съ 23-го на 24-е всѣ окна даже въ самыхъ бѣдныхъ домахъ рабочихъ кварталовъ были освѣщены. Мужчины всю ночь были заняты чисткой и приведеніемъ въ порядокъ своего оружія, женщины и дѣти отливали пули изъ свинца оконныхъ обшивокъ, пули, которыя должны были на слѣдующій день уничтожить тронъ Луи-Филиппа.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ Тюльери не спали въ эту ночь. Король ждалъ извѣстій отъ *Моле*, которому онъ поручилъ составить новый кабинетъ. Моле подыскивалъ подходящихъ людей для предполагавашагося министерства примиренія, когда узналъ о бойнѣ на улицѣ Капуциновъ. Онъ сейчасъ же сообразилъ, что о примиреніи теперь не можетъ быть и рѣчи и далъ знать королю, что онъ отказывается составить министерство.

Король почувствовалъ, что почва уходитъ у него изъ-подъ ногъ и совершенно потерялъ голову. Съ церковной башни С.-Жерменъ де л'Оксерруа до него доносились глухіе звуки набатнаго колокола, того самаго колокола, который за 275 лѣтъ передъ тѣмъ въ ужасную Варроломеевскую ночь (съ 23-го на 24-е августа 1572 г.), далъ сигналъ къ избіенію протестантовъ. Къ

набату примѣнивался глухой шумъ начавшейся около дворца битвы. Наконецъ около полуночи онъ убѣдился, что дальнѣйшее сопротивленіе немисливо и необходимо пойти на уступки. Онъ рѣшилъ составить министерство реформъ и намѣтилъ въ качествѣ премьеръ-министра *Тьера*, лидера лѣвой фракціи центра, который ему былъ извѣстенъ, какъ реакціонный членъ оппозиціи. Какъ ни ничтожна была эта уступка, все-таки Луи-Филиппъ счелъ необходимымъ въ противовѣсъ либеральному кабинету назначить главнокомандующимъ надъ всеми собранными въ Парижѣ войсками извѣстнаго своимъ консервативнымъ образомъ мыслей маршала *Бюжо*. Король не считался съ тѣмъ обстоятельствомъ, что народныя массы ненавидѣли маршала, считая его главнымъ виновникомъ битвы, учиненной 14-го апр. 1834 г. войсками на улицѣ Транснопэнъ. Руководители инсургентовъ поняли назначеніе Бюжо, какъ прямую угрозу со стороны короля, а составленіе реформистскаго министерства, какъ ловкій шахматный ходъ. Если бы король, дѣйствительно, хотѣлъ заключить миръ съ народомъ, то зачѣмъ бы ему понадобился Бюжо, этотъ вѣшатель? Его назначеніе указываетъ на то, что намъ объявлена война не на жизнь, а на смерть. Граждане, будьте готовы къ бою! Такія рѣчи слышны были повсюду.

Въ 2 ч. пополудни король послалъ за Тьеромъ. Прошло больше часу, пока послѣдній добрался до дворца, такъ какъ путь былъ занятъ многочисленными баррикадами и передъ каждой изъ нихъ приходилось вести переговоры, чтобы получить свободный пропускъ. Онъ имѣлъ продолжительную бесѣду съ королемъ съ глазу на глазъ. Наконецъ они пришли къ соглашенію, и Тьеръ былъ уполномоченъ составить новое министерство изъ представителей умѣренной оппозиціи. Бюжо также узналъ о своемъ назначеніи довольно поздно и явился во дворецъ передъ самымъ приходомъ Тьера. Его рѣшительный, самоувѣренный видъ нѣсколько ободрилъ офицеровъ генеральнаго штаба, впавшихъ было въ большое уныніе. Онъ ознакомилъ ихъ съ тактикой уличныхъ сраженій и указалъ на такіе приемы, которые являются наиболѣе цѣлесообразными для подавленія возстанія. «Въ 4 часа», воскликнулъ онъ, «бой долженъ быть начатъ на всѣхъ пунктахъ. До сихъ поръ никто еще не одержалъ надо мною побѣды, и я не думаю, чтобы я на этотъ разъ могъ потерпѣть пораженіе».

Согласно быстро составленному плану, нужно было сформировать 4 колонны. 1-ая, подъ начальствомъ генерала Себастьяни, должна была прослѣдовать отъ французскаго банка къ ратушѣ черезъ улицы Монмартръ, С.-Дени, С.-Мартенъ.

2-ая, съ генераломъ Бедо во главѣ, должна была проникнуть отъ Биржи черезъ бульвары на Бастильскую площадь. 3-ей приказано было дѣйствовать въ арьергардѣ первыхъ двухъ, чтобы помѣшать постройкѣ баррикадъ въ тылу арміи. 4-ая должна была направиться съ лѣваго берега Сены къ Пантеону. На національную гвардію не возлагали никакихъ обязанностей, ей больше уже не довѣряли.

Послѣ бесѣды съ королемъ Тьеръ случайно встрѣтился съ маршаломъ. Послѣдній недовольнымъ тономъ ему замѣтилъ, что въ городѣ очень мало войска, всего 16,000 чел. вмѣсто тѣхъ 31,000, о которыхъ ему говорили раньше *). Но онъ все-таки надѣется и съ этими небольшими силами быстро подавить возстаніе. Если же это не удастся, «то я по крайней мѣрѣ буду имѣть удовольствіе разстрѣлять много этой сволочи. Это что нибудь да значитъ», прибавилъ онъ съ циничнымъ смѣхомъ.

Только въ 6 ч. утра наступательныя колонны могли выступить въ путь. Маршалъ объѣхалъ ряды войскъ и напомнилъ имъ, чтобы они не жалѣли ни свинцу, ни пороху. Это былъ грубый, жестокой солдатъ!

Инсургенты сильно укрѣпили Карусельскую площадь, между Тюльери и Лувромъ. Ихъ баррикады поднимались почти на уровень съ королевскимъ дворцомъ. На каждомъ шагѣ Себастьяни встрѣчалъ упорное сопротивленіе; если ему удавалось взять какую-нибудь баррикаду, то онъ долженъ былъ потратить много времени и усилій на разборку ея и очистку мѣста. Онъ подвигался впередъ очень медленно, оставляя много убитыхъ и раненыхъ.

Выступившая нѣсколько позже колонна генерала Бедо изъ 2000 челов. безъ особыхъ трудностей прошла отъ Биржи черезъ улицу Монмартръ до бульвара Бонъ-Нувелль. По здѣсь, на углу улицы С.-Дени, она наткнулась на гигантскую баррикаду; за ней по вѣзмъ главнымъ и боковымъ улицамъ было также построено много баррикадъ. Въ одну ночь было воздвигнуто *больше 1500 баррикадъ*; для этого свалили *4000 деревьевъ* и притащили огромное количество камней.

Большая баррикада на бульварѣ Бонъ-Нувелль была сильно укрѣплена, и ея защитники были хорошо снабжены оружіемъ и амуницией. Генералъ Бедо понялъ, что взятіе баррикады обойдется ему слишкомъ дорого, такъ какъ и съ фронта и съ фланговъ его войска подверглись бы очень сильному перекрестному огню, но онъ получилъ опредѣленное приказаніе про-

*) Значительная часть войска уже была отрѣзана отъ центра, другая часть была разсѣяна по сторожевымъ заставамъ и проч.

браться на Бастильскую площадь и долженъ былъ идти впередъ. Онъ уже хотѣлъ отдать приказъ къ наступленію, но въ это время его окружили офицеры національной гвардіи и стали умолять обождать нѣкоторое время. «Развѣ мало уже было пролито крови?» замѣтили они, «народъ, находящійся за баррикадами, еще не знаетъ о перемѣнѣ министерства; обождите по крайней мѣрѣ, пока эта новость станетъ общезвѣстной». Они стали настойчиво просить генерала, чтобы онъ обратился къ маршалу за новыми распоряженіями. Сначала онъ оставался непреклоннымъ, но когда собралось много гражданъ и насѣли на него со своими просьбами, то онъ началъ колебаться. Наконецъ онъ согласился, чтобы одинъ мѣстный купецъ, Фовель-Делабаръ, былъ посланъ къ маршалу, обрисовалъ ему положеніе вещей и испросилъ бы новыя приказанія.

Третья колонна въ это время достигла уже Пантеона. Между тѣмъ въ главную квартиру маршала Бюжо стали приходиться тревожныя извѣстія. Онъ узналъ о сооруженіи очень сильныхъ баррикадъ, о занятіи инсургентами стратегически важныхъ пунктовъ, что дѣлало совершенно невозможными сношенія между отдѣльными отрядами войскъ, о потерѣ 5 казармъ, перешедшихъ въ руки народа, объ отступленіи войскъ, занявшихъ подъ начальствомъ генерала Дюго и капитана Вандерекена Бастильскую площадь. Наконецъ ему сообщили, что обозы съ амуницией вынуждены были отправить въ Венсенскій фортъ, чтобы они не попали въ руки инсургентовъ, которые уже овладѣли почти всѣми меріями.

Въ виду все возрастающей опасности маршалъ началъ терять свою первоначальную увѣренность. Онъ наконецъ понялъ, что съ парижскимъ населеніемъ не такъ легко справиться, какъ съ бедуинскимъ племенемъ въ Африкѣ.

Къ тому же представители парижской буржуазіи предложили ему себя въ качествѣ посредниковъ между народомъ и войсками, роль, которую они разыгрывали еще наканунѣ. Они старались доказать маршалу, что тронъ Луи-Филиппа, спасенный цѣной массовыхъ избіеній, будетъ покрытъ несмываемымъ позорнымъ пятномъ и возбудитъ въ народѣ сильную ненависть и страшную жажду мести. Эти доводы не произвели почти никакого впечатлѣнія на Бюжо. Въ это время появляется Фовель-Делабаръ, возбужденный отъ быстрой ходьбы и весь покрытый потомъ: «Если солдаты едѣлаютъ еще одинъ выстрѣлъ», воскликнулъ онъ громкимъ, взволнованнымъ голосомъ, «то все будетъ потеряно, посредничество станетъ невозможнымъ и Парижъ будетъ купаться въ морѣ крови». Свита Бюжо сначала возмутилась поведеніемъ этого бюргера, который осмѣ-

лился въ такомъ тонѣ разговаривать съ маршаломъ Франціи, да и самъ Бюжо почувствовалъ себя оскорбленнымъ и отвѣтилъ ему весьма рѣзко. Но буржуа, присутствовавшіе при этомъ разговорѣ, поддержали слова посла. Маршалъ началъ колебаться и наконецъ удалился вмѣстѣ съ герцогомъ Немурскимъ въ соседнюю комнату. Содержаніе ихъ бесѣды осталось неизвѣстнымъ, но, повидимому, они пришли къ заключенію, что продолженіе военныхъ дѣйствій едва ли приведетъ къ побѣдѣ, такъ какъ войска были настолько деморализованы, что даже безъ бою уступали инсургентамъ казармы и сознательно допускали, чтобъ народъ одерживалъ надъ нимъ побѣды. Отдать приказъ колоннѣ Бедо наступать, значило обречь 2000 солдатъ на гибель. Если бѣ ей даже удалось взять и разрушить всѣ баррикады, находящіяся на пути къ Бастильской площади, то она нашла-бы площадь пустой. Колонна оказалась бы совершенно изолированной въ центрѣ революціи, въ виду С.-Антуанскаго предместья, окруженная со всѣхъ сторонъ инсургентами, которые воспользовались бы этимъ случаемъ и истребили бы весь отрядъ. И вообще можно ли положить на солдатъ? Ясно стало, что при помощи военной силы не удастся достигнуть побѣды. Оставалось послѣднее средство: сдѣлать видъ, будто хотятъ заключить миръ съ народомъ, прикрываясь именемъ короля, который, дескать, зарекомендовалъ себя своей преданностью народнымъ интересамъ. Въ такомъ духѣ и рѣшилъ дѣйствовать Бюжо: «Передайте мой приказъ по войскамъ», сказалъ онъ своимъ генераламъ, «чтобы прекратили огонь. Пусть національная гвардія возьметъ на себя сторожевую службу. Вооружайтесь кротостью и миролюбіемъ».

Въ то время, какъ это происходило въ генеральномъ штабѣ, Бедо со своей колонной стоялъ въ ожиданіи на бульварѣ. Такой образъ дѣйствій не могъ не понизить боевое настроеніе солдатъ и ослабить военную дисциплину. Войска были со всѣхъ сторонъ окружены инсургентами, которые призывали ихъ къ миру и указывали имъ на всю преступность ихъ поведенія, на измѣну народнымъ интересамъ, если они примутъ участіе въ возгорѣвшейся борьбѣ и будутъ проливать народную кровь. Наконецъ вернулся Фовель-Делабаръ и передалъ Бедо приказъ маршала къ отступленію. Народъ началъ обмѣниваться выраженіями симпатіи съ солдатами, отъ дисциплины не оставалось и слѣда.

Непрерывные успѣхи повстанцевъ приводили въ большое смущеніе генералитетъ, засѣдавшій въ главномъ штабѣ. Растерянность въ правящихъ сферахъ увеличивалась съ часу на часъ. Нужно было поторопиться съ осуществленіемъ провозглашенной миролюбивой политики. Эта задача была возложена на

на Одилона Барро и популярнаго генерала Ламорисьера. Первый направился на бульвары, второй—въ центральные кварталы города, въ очагъ революціи. Руководитель буржуазной оппозиціи скоро убѣдился, что послѣдняя потеряла всякій кредитъ въ народныхъ массахъ. Наканунѣ еще его пріѣтствовали дружелюбно, теперь же онъ былъ встрѣченъ глухимъ ропотомъ, который вскорѣ перешелъ въ прямыя угрозы. Съ баррикады на улицѣ С.-Дени онъ слышалъ крики: «Долой Тьера! Долой Барро! Долой Луи-Филиппа!». Это была та самая баррикада, передъ которой вынужденъ былъ остановиться Бедо; на ней теперь развѣвалось большое красное знамя. Онъ поторопился вмѣстѣ со своей свитой убраться во свояси, когда увидѣлъ, что инсургенты съ баррикады прицѣливаются въ него изъ своихъ ружей*). Онъ не могъ остановить побѣдоноснаго шествія революціи, которая желѣзнымъ кольцомъ все тѣснѣе оковывала королевскій замокъ. Инсургенты приближались со всѣхъ сторонъ къ Тюльери, не выработавъ предварительно какого-нибудь опредѣленнаго плана дѣйствій.

Ратуша, которую народъ во время всѣхъ революцій во Франціи захватывалъ въ свои руки, имѣла для него и теперь большую пріятельную силу.

Ген. Сабастьяни успѣлъ еще съ утра занять ратушу сильнымъ отрядомъ войскъ. Между тѣмъ въ 9 час. утра онъ получилъ тотъ же приказъ, что и Бедо: не проливать крови и постараться успокоить народъ миролюбіемъ и мѣрами кротости. Вблизи ратуши, на площади С.-Жанъ, народъ напалъ на караульный домъ и, обезоруживъ стражу, отпустилъ ее на всѣ четыре

*) Партія «*Réforme*», редакція которой сдѣлалась теперь главной квартирой передовыхъ республиканцевъ, выпустила слѣдующее локаническое извѣстіе, какъ контръ-прокламацію противъ заявленія министерства примиренія Барро-Тьера: «Граждане! Луи-Филиппъ позволяетъ васъ убивать, какъ нѣкогда Карлъ X. Пусть постигнетъ его судьба Карла X.» Эта прокламація была набрана крупнымъ шрифтомъ и распространена по городу. Составлена она была *Прудониз*, который въ письмѣ отъ 25-го февраля 1848 г. къ одному пріятелю въ ироническомъ тонѣ описываетъ это, какъ и вообще свое участие въ событіяхъ этого времени. Кромѣ этой фразы онъ еще «упрекаетъ въ томъ, что вырвалъ дерево на площади Биржи, сломалъ перила на бульварѣ Бонъ-Нувелль и таскалъ камни для постройки баррикадъ». Такимъ образомъ народное движеніе увлекло и этого человѣка, который въ томъ же письмѣ говоритъ, что возстаніе отличалось политическимъ «убожествомъ». По мнѣнію Прудона, было бы вполне достаточно 10,000 рѣшительныхъ, вполне преданныхъ своему долгу солдатъ, чтобы разбить на голову парижскій пролетаріатъ, несмотря на героизмъ, проявленный имъ во время возстанія. Рѣшающее значеніе имѣла деморализація, господствовавшая въ рядахъ какъ власть имущихъ, такъ и войскъ.

стороны. Равнымъ образомъ, инсургенты овладѣли казармой на лѣвомъ берегу Сены. Около «College de France» повстанцы съ такимъ героизмомъ защищали баррикады и открыли такой убійственный огонь по войскамъ, что нѣкоторыя роты 14-го и 15-го армейскихъ полковъ вынуждены были отступитъ. Передъ политехнической школой также происходилъ кровопролитный бой, но здѣсь инсургенты должны были отступить подъ напоромъ королевскихъ войскъ. Около 11 ч. народъ занялъ Гревскую площадь передъ ратушей. Народныя массы братались съ солдатами, которые присоединились къ ихъ возгласамъ: «Да здравствуетъ реформа!»

Вскорѣ на Гревской площади услышали глухой шумъ, доносившійся съ задней стороны ратуши. Это группа въ нѣсколько сотъ рабочихъ старалась высадить заднія двери ратуши. Почти одновременно со стороны Гревской площади капитанъ національной гвардіи въ сопровожденіи воспитанниковъ политехнической школы прорвался сквозь цѣпь солдатъ, проникъ въ кабинетъ префекта и заявилъ ему, что отъ имени побѣдоноснаго народа онъ пришелъ занять ратушу.

Чиновники префектуры охотно приняли предложеніе оставить ратушу. Казалось, что у нихъ гора свалилась съ плечъ.

Послѣ того, какъ инсургенты овладѣли ратушей, для нихъ уже не представляло большого труда захватить въ свои руки и Тюльери. Хотя правительство имѣло еще въ своемъ распоряженіи отъ 8 до 10 тысячъ человекъ на Карусельской площади, около Бурбонскаго дворца, и на площади Согласія, но по мѣрѣ того, какъ росла революціонная энергія побѣдоносныхъ народныхъ массъ, увеличивалась деморализація въ рядахъ охранителей политическаго режима Луи-Филиппа.

* * *

Было около 10 ч. утра; королевская семья сидѣла за завтракомъ. У всѣхъ было нѣсколько неспокойно па дуиѣ, но никто еще не понималъ всей серьезности положенія. Вдругъ открывается дверь и въ комнату вбѣгаетъ капитанъ генеральнаго штаба. Луи-Филиппъ инстинктивно почувствовалъ, что онъ принесъ недобрую вѣсть. Онъ сдѣлалъ знакъ капитану, чтобы тотъ послѣдовалъ за нимъ въ кабинетъ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ офицеръ обрисовалъ, въ какомъ положеніи находится столица, разсказалъ о безостановочномъ движеніи инсургентовъ по направленію къ Тюльери, о поражени колонны Бедо, и замѣтилъ, что королевская семья не можетъ уже здѣсь считать себя въ безопасности. Во время этого доклада король

одѣтъ генеральскую форму и воскликнулъ: «Слѣдовательно, вы хотите, чтобы я показался на улицѣ?» Затѣмъ онъ вернулся въ столовую, чтобы устроить нѣчто въ родѣ семейнаго совѣта.

Странно возбужденная королева повторила, что нужно остаться во дворцѣ и здѣсь умереть. Вскорѣ стали доходить болѣе успокоительныя извѣстія. Король нѣсколько ободрился и, чтобы поднять духъ войска, онъ, уступая настояніямъ королевы, рѣшилъ сѣсть на коня и показаться войскамъ. Въ 11 часовъ онъ явился на Карусельскую площадь въ сопровожденіи Тьера, своего сына, герцога Немурскаго, маршала Бюжо и многихъ офицеровъ. Нѣкоторые передніе ряды привѣтствовали его обычнымъ: «Да здравствуетъ король!» Но и здѣсь онъ могъ уже услышать кое-какіе возгласы, сочувственные реформѣ. Нѣсколько легионеровъ національной гвардіи были на лицо. Король подѣхалъ къ нимъ. Его встрѣтили криками: «Долой систему, да здравствуетъ реформа!» «Ей сочувствуютъ, ей сочувствуютъ», бормоталъ Луи-Филиппъ, отворачиваясь. Куда онъ ни бросалъ взоръ, онъ вездѣ встрѣчалъ демонстративно опущенныя шпаги и ружья.

На короля напалъ паническій страхъ. Онъ повернулъ коня и посиѣшилъ, вѣрнѣе, полетѣлъ стрѣлой во дворецъ. Тамъ онъ бросился въ кресло и застылъ въ неподвижной позѣ, подпирая голову обѣими руками. Его окружали придворные, обезумѣвшіе отъ ужаса, среди нихъ находилась герцогиня Орлеанская, вдова его старшаго несчастнаго сына съ ея двумя дѣтьми, изъ которыхъ старшій, молодой графъ Парижскій, считался наслѣдникомъ престола. Тутъ же былъ и новый премьеръ-министръ Тьеръ. Отъ страху онъ, видимо, совѣтъ лишился разсудка; разводя безпомощно руками, онъ все повторялъ: «потокъ вздымается, потокъ вздымается; черезъ 2 часа онъ, возможно, насъ всѣхъ проглотитъ». Въ это время врывается Кремье, депутатъ лѣвой, со словами, что не все еще потеряно, пусть только король рѣшится устранить Тьера и Бюжо, о которыхъ народъ и слышать не хочетъ, и призоветъ къ себѣ Од. Барро и Жерара. Луи-Филиппъ согласился и на это. Но не успѣли еще высохнуть чернила, которыми онъ подписалъ этотъ декретъ, какъ явился генераль Ламорисьеръ съ тревожными извѣстіями. Онъ долго ходилъ по городу, выяснилъ настроеніе народа и рѣшительно заявилъ, что замѣна Тьера и Бюжо Одилономъ Барро и Жераромъ ни къ чему не приведетъ. По его мнѣнію, которое онъ, впрочемъ, не высказалъ вслухъ, хотя раньше республиканскія идеи были еще не очень популярны въ широкихъ массахъ, тѣмъ не менѣе народъ будетъ настойчиво требовать сверженія короля. Онъ сказалъ Луи-Филиппу: «не удовлетворяются тѣмъ, что я общалъ отъ имени Вашего Величества, требуютъ нѣчто другое». — «Нѣчто

другое», воскликнулъ король, «хотя бы я отказался отъ престола, но я скорѣе разстанусь съ жизнью. Этого они не добьются».

А между тѣмъ устраненіе Луи-Филиппа было единственнымъ исходомъ. Присутствовавшіе два сына короля, герцоги Немурскій и Монпасье, согласились съ этимъ; также изъ комнатъ, занимаемыхъ привыкшей къ беззаботной жизни камарильей, дошло до стараго короля глухое требованіе объ отказѣ въ пользу графа Парижскаго подъ регентствомъ его матери герцогини Орлеанской.

Вдругъ во дворцѣ услышали оживленную перестрѣлку, чередующуюся съ яростными криками народа. На площади Пале-Рояль находился такъ называемый «Château d' Eau», нѣчто въ родѣ форта, сооруженнаго для защиты Пале-Рояля и Тюльери. Инсургенты хотѣли взять штурмомъ эту небольшую крѣпость и обезоружить стражу. Последняя не сдавалась, завязался жестокій, кровавый бой; солдаты, защищенные толстыми стѣнами крѣпости, обстрѣливали черезъ узкіе амбразуры густыя толпы народа.

Не успѣлъ еще король со своей свитой притти въ себя отъ испуга, вызваннаго этой перестрѣлкой, какъ съ шумомъ открылась дверь залы и безъ доклада вбѣжалъ журналистъ Эмильде Жирарденъ. Онъ проложилъ себѣ путь черезъ толпу придворныхъ и поспѣшно подошелъ къ королю. «Что случилось?» спросилъ Луи-Филиппъ.—«Ваше Величество! Нельзя терять ни минуты. Вы должны сейчасъ же сложить свою власть, если Вы только хотите спасти престолъ!» Онъ набросалъ текстъ прокламаціи, въ которой Луи-Филиппъ въ короткихъ словахъ извѣщаетъ французскій народъ о регентствѣ герцогини Орлеанской, распущеніи палаты и всеобщей амнистіи. Чтобы придать словамъ Жирардена больше вѣсу, придворные вскричали дикимъ голосомъ: «отреченіе, отреченіе!» Третій сынъ короля, герцогъ Монпасье, въ рѣзкихъ и злыхъ выраженіяхъ замѣтилъ отцу, что онъ долженъ отказаться отъ престола. Луи-Филиппъ наконецъ уступилъ, королева съ плачемъ бросилась ему на шею, чтобъ его удержать: «Лучше умереть, чѣмъ уйти черезъ эту дверь!» — воскликнула она. Одинъ государственный дѣятель, болѣе дальновидный, чѣмъ другіе, замѣтилъ: «Черезъ 2 часа послѣ отреченія будетъ провозглашена республика!» Придворные же думали, что теперь все спасено и они просили маршала Жерара оповѣстить какъ можно скорѣе народъ объ отреченіи короля, чтобъ приостановить битву.

Луи-Филиппъ, которому все же нравилась больше жизнь, хотя бы и безъ короны, чѣмъ геройская смерть, составилъ,

уступая желаніямъ своихъ близкихъ, извѣщеніе о своемъ отреченіи. Онъ подошелъ къ своему рабочему столу и написалъ медленно и вдумчиво слѣдующее: «Я слагаю съ себя корону, которую я волею народа былъ призванъ носить, въ пользу моего внука, графа Парижскаго. Да выполнитъ онъ счастливо великую задачу, которая ему выпала на долю».

Но и эта уступка не могла остановить наступательнаго хода революціи. Слишкомъ поздно! Съ каждымъ успѣхомъ увеличивались народныя требованія. Вѣсть о побѣдѣ инсургентовъ надъ королевскими войсками облетѣла Парижъ съ быстротою молніи и возбудила въ народѣ надежды, которыя еще наканунѣ казались фантастическими. Слово «республика» было тѣмъ лозунгомъ, который привлекъ къ себѣ всеобщее вниманіе и сконцентрировалъ всѣ чаянія и надежды народа.

Въ это время въ ратушѣ происходило слѣдующее: послѣ ухода префекта былъ созванъ общинный совѣтъ, чтобы «наблюдать за безопасностью столицы». Только 14 членовъ явилось на это приглашеніе; они обсуждали проектъ прокламаціи къ народу, какъ вдругъ толпа ворвалась въ залу засѣданія. Одинъ изъ этой группы обратился къ общинному совѣту со слѣдующими словами: «Мы хотимъ знать, какія цѣли вы преслѣдуете вашей прокламаціей. Мы желаемъ уничтоженія монархіи, провозглашенія республики и смертнаго приговора для Луи-Филиппа, потому что онъ единственныи виновникъ происходившихъ междуусобій». Послѣднія слова очень не понравились членамъ общиннаго совѣта. Была прочитана прокламація и такъ какъ о республикѣ тамъ не было ни слова, то это вызвало настоящую бурю среди инсургентовъ; они всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Республику! Провозгласите республику!»

Въ это время пришелъ Гарнье-Паже, посланный Одилономъ Барро, съ цѣлью воздѣйствовать на общинный совѣтъ, чтобы онъ высказался за регентство герцогини Орлеанской. Гарнье-Паже совершенно забылъ о своей миссіи, онъ замѣтилъ, что компромиссы уже тутъ не помогутъ и высказался передъ толпой въ томъ смыслѣ, что Луи-Филиппъ и вся его семья навсегда потеряли право на французскій престолъ и что нужно объявить республику.

Король же думалъ, что ему удастся спасти корону, если не для себя, то по крайней мѣрѣ для своего внука. Онъ былъ все-таки настолько предусмотрителенъ, чтобы сейчасъ же покинуть Францію, не дожидаясь конца возстанія. Онъ снялъ генеральскую форму и одѣлъ штатское платье. Во дворцѣ были заняты приготовленіями къ бѣгству, въ это время прибѣгаетъ депутатъ Кремье и, заинаясь, выкрикиваетъ: «Ваше Величе-

ство! Нельзя терять ни минуты. Народъ приближается, черезъ нѣсколько минутъ онъ будетъ въ Тюльери».

Король былъ весьма склоненъ повѣрить этимъ увѣреніямъ. Хотя онъ не понималъ всей силы угрожающей ему опасности, но чувствовалъ, что его положеніе въ Парижѣ весьма шатко. Кремье указывалъ, что всѣ заставы пали, часть мостовъ черезъ Сену разрушена, всѣ улицы, ведущія къ дворцу, заняты инсургентами, такъ что на помощь извнѣ рассчитывать нельзя. Маршалу Жерару не удалось остановить битву на площади Пале-Рояля. Солдаты какъ бы обезумѣли и безпрерывно стрѣляютъ черезъ амбразуры. Напрасно генераль Ламорисьеръ, желая остановить кровопролитіе, бросился между сражающимися. Онъ былъ сбитъ съ лошади, раненъ и взятъ въ плѣнъ инсургентами. Бой будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока крѣпость не будетъ разрушена и всѣ ея защитники перебиты. Народъ горитъ жаждой мести и вскорѣ съ Карусельской площади нагрянетъ въ Тюльери.

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ раздался залпъ чуть ли не подъ самыми окнами замка. Народъ былъ уже на Карусельской площади. Замѣтили королевскіе экипажи, спѣшившіе къ дворцу, чтобы увести короля. Инсургенты очень быстро овладѣли каретами, при чемъ было ранено нѣсколько слугъ и убитъ форейторъ.

Услышавъ выстрѣлы, королевская семья начала метаться и кричать отъ ужаса. Она не стала дожидаться, пока приготовления къ бѣгству будутъ закончены, а поторопилась уйти тайными ходами, черезъ Тюльерійскій садъ, вдоль Сены на занятую еще войсками площадь Согласія и помѣстилась въ двѣ приготовленные для нея кареты, на ихъ счастье спасенная отъ общаго разгрома. Сопровождаемый отрядомъ кирасиръ, Луи-Филиппъ со своей семьей направился въ С.-Клу.

Войсками на Карусельской площади командовалъ герцогъ Немурскій; подъ паноромъ инсургентовъ онъ вынужденъ былъ отступить за рѣшетку замка. Когда королевской семьѣ удалось скрыться, ему не зачѣмъ было защищать дальніе опустѣвшій замокъ и онъ, уступая настояніямъ одного парламентаря, отдалъ приказъ войскамъ отступить на площадь Согласія. Еще не успѣвъ арьергардъ очистить дворецъ, какъ уже появился у рѣшетки передовой отрядъ инсургентовъ. Здѣсь онъ остановился на мгновеніе, мертвая тишина, господствовавшая въ замкѣ, вызвала у него опасеніе наткнуться на засаду. Но во дворцѣ попрежнему было безмолвно, не слышно ни шороха, ни звука. Народъ собрался съ духомъ и, смѣясь и ликуя, ворвался въ замокъ. Въ знакъ побѣды онъ началъ стрѣлять въ окна. Толпа,

стоявшая въ ожиданіи передъ замкомъ, отвѣтила криками торжества и тоже начала стрѣлять въ воздухъ. Всѣ теперь присоединились къ передовымъ борцамъ, и вскорѣ залы Тюльери огласились веселыми шутками инсургентовъ.

Сначала они не обращали вниманія на роскошныя эмблемы королевскаго достоинства. Только при видѣ трона народъ впасть въ шаловливое, дурачливое настроеніе. Остротамъ и шуткамъ не было конца. Одинъ инсургентъ съ напускной важностью взопелъ на ступеньки трона, усѣлся на мѣсто короля и съ величественною снисходительностью расклапаясь съ народомъ. Эта выходка была встрѣчена громкимъ хохотомъ и одобрительными залпами изъ ружей. Примѣръ всегда заразителенъ. Одинъ за другимъ баррикадные бойцы всходили на тронъ и старались превзойти другъ друга остроумными выходками. До февральскихъ дней народъ считалъ королевскую власть какимъ то фетишемъ, теперь онъ самъ удивлялся, какимъ образомъ онъ могъ ее такъ долго уважать и бояться. Онъ теперь радовался, какъ дитя, что имѣеть возможность дать пинокъ своему разбитому идолу.

Эта шуточная комедія была вскорѣ прервана звуками марсельезы, раздававшимися съ Карусельской площади. Это приближалась возбужденная народная толпа, состоявшая изъ сражавшихся на площади Пале-Рояля, которой, наконецъ, удалось въ 2 час. пополудни завладѣть крѣпостью.

Упорное сопротивленіе, оказанное гарнизономъ крѣпости, привело инсургентовъ въ безумную ярость. Несмотря на то, что больше, чѣмъ $\frac{1}{4}$ часть солдатъ была перебита, они все-таки не могли взять штурмомъ фортъ. Тогда осаждающимъ пришла въ голову дикая мысль. Они наполнили захваченныя королевскія кареты смолой и другимъ легко воспламеняющимся матеріаломъ, зажгли ихъ и подкатали къ форту. Послѣдній сейчасъ же былъ объятъ черными клубами дыма и изнутри раздались отчаянные вопли задыхающихся солдатъ. И когда храбрые солдаты не могли больше терпѣть эту пытку и открыли ворота, чтобы сдаться, ихъ встрѣтили градомъ пуль; почти всѣ они были ранены или убиты. Только удовлетворивъ свою жажду мести, народъ пощадилъ тѣхъ немногихъ, которые остались въ живыхъ.

Возбужденные этимъ кровавымъ боемъ, инсургенты двинулись въ Тюльери. Первая группа повстанцевъ вступила во дворецъ въ веселомъ, мирномъ настроеніи духа. Осаждавшимъ фортъ было не до смѣха. Съ хмурыми, грозными лицами они ворвались въ королевскій замокъ и уничтожали все, что напоминало о королевскихъ прерогативахъ. Портреты королевы были

сорваны со стѣлъ и растоптаны погами, роскошныя ковры были въ мигъ превращены въ кучу ключевъ, зеркала и бюсты они сдѣлали мишенью для ружейныхъ выстрѣловъ. Они долго не могли успокоиться и продолжали громить дворецъ, мети за смерть павшихъ товарищей. Въ это время первая группа потащила тронъ Луи-Филиппа на Бастильскую площадь, въ качествѣ трофея побѣды, и съ громкими криками торжества, подъ торжественныя звуки марсельезы, предали его сожженію.

Однако болѣе продолжительное пребываніе въ Тюльери могло оказаться не безопаснымъ. Раздались предостерегающіе голоса, призывавшіе народъ не праздновать побѣды преждевременно. «Въ Вурбонскій дворецъ, въ палату депутатовъ!». Съ криками: «Да здравствуетъ республика» толпа въ нѣсколько сотъ человѣкъ тронулась въ путь.

Во время описываемыхъ событій король былъ уже внѣ Парижа, сопровождаемый нѣкоторыми членами своей семьи и нѣкоторыми личностями, для которыхъ тоже выгоднѣе было убраться изъ Франціи.

Тайно и воровскимъ образомъ польская монархія была учреждена, тайно и позорно она исчезла съ горизонта, сопровождаемая проклятiями французскаго народа.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Луи-Филиппъ отказался отъ престола въ надеждѣ, что онъ перейдетъ къ его внуку, графу Парижскому. Это означало бы только перемѣну лицъ, политическій режимъ польской монархіи остался бы въ силѣ.

Въ республиканскихъ кругахъ, видѣвшихъ близость осуществленія своихъ завѣтныхъ идеаловъ благодаря побѣдѣ, такъ неожиданно одержанной народомъ, вѣсть объ отреченіи короля и о предполагаемомъ регентствѣ вызвала новую тревогу. Наиболѣе вліятельныя члены республиканской партіи толпились въ бюро «National» и «Réforme», улицы, на которыхъ находились редакціи этихъ газетъ, были запружены народомъ. Около часу пополудни въ бюро «National» собрался маленькій республиканскій парламентъ; на собраніи присутствовали и представители «Réforme», какъ, на примѣръ, Луи Бланъ и Эммануилъ Араго, сынъ знаменитаго математика. Участники собранія съ большой страстностью высказывались противъ регенства; республиканецъ Дюмениль воскликнулъ: «Бойня на бульварѣ Капуциновъ похоронила монархизмъ во Франціи. Верховная власть

народа—вотъ нашъ руководящій принципъ. Мы *должны* имѣть республику; а для этого нужно учредить временное правительство». Арманъ Марра, только что вернувшійся изъ палаты, пошелъ еще дальше и заявилъ, что онъ безповоротно рѣшилъ отъ имени республики выпустить официально воззваніе къ народу. Единогласно было рѣшено назначить временное правительство. Луи Бланъ предложилъ, чтобы оно было составлено равномерно изъ представителей обѣихъ фракцій республиканской партіи, но большинствомъ голосовъ было рѣшено выставить кандидатуры слѣдующихъ буржуазныхъ республиканцевъ: Дюпонъ де л'Ера, Франсуа Араго, Ледрю-Роллена, Армана Марра, Мари и Гарнье-Паже.

Луи Бланъ остался недоволенъ этимъ спискомъ. Онъ послѣдилъ въ редакцію «Reforme», рассказалъ о случившемся въ «National» и настаивалъ передъ своими социалистически настроенными товарищами, что необходимо опротестовать этотъ списокъ кандидатовъ. Нѣкоторые члены редакціи «National», въ томъ числѣ и депутатъ Мартэнъ (изъ Страсбурга), послѣдовали за нимъ по пятамъ, чтобы постараться предупредить расколъ.

Между тѣмъ въ «National» дали знать, что герцогиня Орлеанская собирается въ палату депутатовъ, чтобы настоять на провозглашеніи своего сына королемъ Франціи, а ее—регентшей. Тутъ же рѣшили послать въ палату Эммануила Араго, Поже, Саррана, Шэ и Дюмениля въ качествѣ делегатовъ отъ республиканцевъ «National'а», чтобы помѣшать осуществленію этого плана и добиваться учрежденія временнаго правительства.

Около полудня въ палатѣ уже было много депутатовъ. Они были очень взволнованы и растеряны. Ихъ смущеніе увеличилось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что на лицо не было ни одного партійнаго руководителя. Наконецъ, около часу пополудни явился Тьеръ. Маленькій человѣчекъ былъ молчаливъ и разстроенъ. Депутаты окружили его и начали разспрашивать, что слышно и т. д. Но онъ сначала какъ будто даже не понималъ, о чемъ его спрашиваютъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и рассказалъ, что король бѣжалъ. О намѣреніяхъ герцогини Орлеанской онъ, казалось, ничего не зналъ, вѣришь, дѣлалъ видъ, что не знаетъ и знать не хочетъ. Какъ въ Тюльери, онъ все выкрикивалъ: «потокъ вздымается! потокъ вздымается!» Вдругъ онъ круто повернулся и ушелъ. Все попытки вернуть его ни къ чему не привели.

Между тѣмъ республиканцы «National'а» направились въ палату въ сопровожденіи огромной толпы народа. Они непре-

пятственно прошли через занятую войсками площадь и мостъ Согласія и явились въ Бурбонскій дворецъ. Здѣсь они категорически заявили, что о регентствѣ не можетъ быть и рѣчи, а должно быть учреждено временное правительство. Еще до прихода ихъ нѣкоторые рѣшительные республиканскіе депутаты энергично протестовали противъ такихъ мѣропріятій, которыя могли бы привести къ возстановленію польской монархіи. Этотъ рѣшительный образъ дѣйствій привлекъ къ республиканской партіи много депутатовъ лѣвой. Даже Ламартинъ, повидимому, понялъ всю серьезность положенія и необходимость провозгласить республику.

Но все-таки отношеніе палаты къ этому вопросу еще не опредѣлилось. Въ это время открылись двери и въ залъ засѣданія вошла молодая дама въ траурѣ, ведя за руки двухъ мальчиковъ. «Да здравствуетъ регентина! Да здравствуетъ король!» воскликнули въ одинъ голосъ депутаты-монархисты. Одновременно съ герцогиней вошли делегаты «National'»а, съ значительнымъ количествомъ рѣшительныхъ республиканцевъ. Было около половины второго. Президентъ палаты Сосе распорядился поставить стулья для августѣйшихъ гостей противъ ораторской трибуны. Глаза герцогини были красны отъ слезъ, лицо покрыто смертельной блѣдностью.

Депутатъ Дюпенъ былъ уполномоченъ своими товарищами изъ центра высказаться въ пользу регентства. Онъ принялъ это предложеніе весьма неохотно. Взявъ слово, онъ указалъ на то, съ какимъ уваженіемъ отнесся народъ къ герцогинѣ, когда она направлялась въ палату, и прибавилъ, что и здѣсь ея появленіе было встрѣчено весьма сочувственно. Эти слова вызвали на однихъ скамьяхъ одобреніе, на другихъ — протесты. Съ галерки все настойчивѣе и громче раздавался крикъ: «Временное правительство!»

Тогда Ламартинъ потребовалъ закрытія собранія изъ уваженія передъ народнымъ представительствомъ и передъ «высокопоставленной принцессой».

Многіе депутаты начали убѣждать принцессу оставить палату; она, повидимому, не соглашалась. Президентъ въ отчаяніи закричалъ, чтобы всѣ постороннія лица удалились изъ залы засѣданія, такъ какъ въ ихъ присутствіи она не можетъ обсуждать свои дѣла. Никто на это не обратилъ вниманія. Всѣ какъ то почувствовали, что официальные власти уже теперь потеряли свое значеніе, что народъ является единственнымъ носителемъ власти. Хаосъ и сумятица все росли въ палатѣ; либеральный депутатъ Мари взошелъ на трибуну и заявилъ, что согласно дѣйствующему закону регентство герцогини не допу-

стимо и предложили немедленно учредить временное правительство. Кремье высказался в пользу этого предложения. В это время появляется Одилонъ Барро. Его поджидали съ большимъ нетерпѣніемъ и очень обрадовались его приходу, такъ какъ надѣялись, что этому вліятельному лидеру оппозиціи удастся склонить палату въ пользу регентства. Новоиспеченный премьеръ-министръ началъ распространяться на счетъ того, что палата должна руководиться принципами гуманности и великодушія, онъ апеллировалъ къ рыцарскимъ чувствамъ депутатовъ: «Юльская корона», воскликнулъ онъ, «покоится на головѣ женщины и ребенка». Центръ покрылъ эту рѣчь шумными аплодисментами, которые были заглушены раздавшимися протестами и криками негодованія. Герцогиня поднялась и хотѣла говорить, но ея голосъ затерялся въ общемъ шумѣ. Только могучій голосъ легитимистскаго депутата Ларонъ-Жаклена былъ слышенъ среди невообразимаго хаоса. Онъ требовалъ апелляціи къ народной волѣ и кричалъ депутатамъ: «Вы здѣсь ничто, ваше значеніе равно нулю!»

Какъ бы въ подтвержденіе этихъ словъ раздался стукъ въ дверь ружейными прикладами, дверь отворилась и въ залу застѣданія ворвалась толпа побѣдителей изъ Тюльери, оборванныхъ, съ почернѣвшими отъ порохового дыма лицами. Они начали бряцать своимъ оружіемъ и пробрались къ трибунѣ, гдѣ водрузили трехцвѣтное знамя съ крикомъ: «Не нужно регентства: Не нужно короля! Да здравствуетъ республика!» Во время этой суматохи Ледрю-Роллену удалось привлечь вниманіе палаты къ своимъ словамъ. Отъ имени побѣдоноснаго народа онъ отрицалъ за палатой право учреждать регентство. Легитимистъ *Berthe* прервалъ потокъ его краспорѣчія возгласомъ: «Предложите временное правительство!» Ледрю-Ролленъ послѣдовалъ этому совѣту и тотчасъ же дѣйствительно высказался за временное правительство и созывъ національнаго конвента. Наконецъ удалось и Ламартину, одновременно вступившему съ Ледрю-Ролленомъ на трибуну, обратиться съ рѣчью къ собранію. Послѣднее больше напоминало теперь революціонный клубъ, чѣмъ законодательное учрежденіе. Когда на трибунѣ появился Ламартинъ, у приверженцевъ регентства опять мелькнула надежда..., вѣдь онъ такъ часто выбиралъ золотую середину между различными общественными теченіями. Они думали, что эту впечатлительную натуру тронетъ видъ плачущей красивой женщины и ея двухъ трепещущихъ дѣтей. Развѣ при видѣ этого потрясающаго зрѣлища могло не тронуться чуткое сердце поэта, который такъ трогательно оплакивалъ людскія страданія и съ такимъ восторгомъ воспѣвалъ женскую красоту. Но съ первыхъ же словъ

назначенномъ правительствѣ», заключилъ Ледрю-Ролленъ, «лежитъ масса обязанностей. Мы должны закрыть собраніе, чтобы дать возможность ему составиться».

Въ палатѣ все было кончено и толпа разебѣялась, направляясь въ ратушу, гдѣ, какъ полагали, должны были разыгратъ серьезныя событія. Только тамъ могло быть окончательно составлено новое правительство, потому что не только въ палатѣ занимались выборомъ членовъ, но и въ бюро «Reforme», какъ и въ «National», откуда Луи Бланъ носилъ собранія и отпра-влялся въ «Reforme». Здѣсь къ 2 час. пополудни собрались передовыя фракціи республиканской партіи. Пѣкоторые историки, да и самъ *Луи Бланъ*, передаютъ, что передъ зданіемъ газеты находилась большая толпа повстанцевъ. Въ бюро проходили горячія пренія изъ-за кандидатовъ, при этомъ присутствовалъ Мартэнъ (изъ Страсбурга), делегатъ «National'a»; наконецъ, согласились на слѣдующемъ: въ списокъ кандидатовъ должны быть внесены тѣ, которые были одобрены палатой, а также *Арманъ Марра* и *Флоконъ*, какъ представители демократической прессы, *Луи Бланъ* и рабочій *Александръ Мартенъ*, названный Альберомъ,—изъ уваженія къ социалистически настроеннымъ слоямъ пролетаріата.

Луи Бланъ въ своихъ «Разоблаченіяхъ о революціи 48-го года» придаетъ состоявшемуся соглашенію и провозглашенію новаго правительства мелодраматическій характеръ. По его словамъ, онъ, подойдя къ одному изъ окопъ бюро редакціи, прочелъ собравшимся инсургентамъ упомянутый списокъ. Списокъ одобрили, но вдругъ онъ услышалъ имя Альбера, сопровождаемое шумными знаками одобренія. Охваченный сильнымъ волненіемъ, Луи Бланъ занесъ это имя въ списокъ. Однако, эту патетическую сцену мы находимъ только у Луи Блана, въ поврежденной печати объ этомъ совершенно не упоминается. Вѣроятно же всего, назначеніе Альбера имѣло принципиальное значеніе. Лично Альберъ, искочевавшій изъ Ліона въ Парижъ, не былъ знакомъ съ другими кандидатами, да онъ и не отличался выдающимися способностями. Но былъ призванъ къ власти не изъ-за его личныхъ заслугъ, а во вниманіе къ заслугамъ пролетаріата. Представители привилегированныхъ классовъ сочли себя вынужденными удѣлить рабочимъ массамъ хоть небольшую долю вліянія на государственныя дѣла, на что они имѣли право въ силу своего общественнаго значенія.

Республиканцы «Reforme» не ограничились однимъ только составленіемъ временнаго правительства. Они постарались подчинить своему вліянію такія важныя для даннаго момента общественныя учрежденія, какъ полиція и почта. На должность

полицейскаго prefecta назначили *Коссидьера*, челоѣка большаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, среднихъ способностей, но съ твердымъ характеромъ. Оборванный, грязный, съ прокопченнымъ отъ пороховаго дыма лицомъ, *Коссидьеръ*, только что явившійся съ театра возстанія, направился въ ратушу и безъ бою овладѣлъ ею. Также *Этьенъ Араго*, назначенный главнымъ почтъ-директоромъ, безъ всякихъ трудностей вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Между тѣмъ вновь назначенное правительство собралось въ ратушу. Провожавшая его народная толпа была немногочисленна. Возможно, что многіе боялись итти по городу, въ которомъ политическія страсти свирѣпствовали съ небывалой силой. Достаточно было небольшого кавалерійскаго отряда, чтобы разсѣять это новое правительство на всѣ четыре стороны. Можетъ быть, въ силу этихъ соображеній *Ламартинъ* и рѣшился на театральную выходку: проходя мимо казармы по набережной д'Орсей, онъ подошелъ къ рѣшеткѣ, за которой стояли драгуны, съ большимъ любопытствомъ разсматривавшіе новую правительственную коллегію и ея свиту, и попросилъ солдатъ дать ему напиться. Драгуны подали ему бутылку вина и стаканъ. *Ламартинъ* вынулъ за миръ и согласіе между народомъ и арміей. «Друзья», воскликнулъ онъ, «это банкетъ!» Раздались аплодисменты со стороны солдатъ и народа и опасность миновала. На набережной, ведущей къ ратушѣ, эта толпа съ *Ламартиномъ* во главѣ вынуждена была перебираться черезъ многочисленныя баррикады. Путь былъ заваленъ трунами, оторванными частями челоѣческихъ тѣлъ, убитыми лошадьми и разными разорванными и разбитыми предметами. Карета 80-ти десятилѣтняго *Дюпона де л'Ера* ни на шагъ не могла уже двинуться впередъ и старика пришлось на рукахъ доставить въ ратушу.

Небс все еще было покрыто тучами. Со старой башни собора Парижской Богоматери гремѣлъ призывной звонъ набата, и народъ стекался изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій въ центръ столицы. Охваченный энтузіазмомъ, онъ съ крикомъ, пѣніемъ и непрерывными возгласами: «Да здравствуетъ республика!» собирався на Гревскую площадь передъ ратушей. Хотя народъ и былъ опьяненъ своей побѣдой, но все-таки онъ еще не чувствовалъ себя господиномъ положенія. Изъ толпы часто раздавались недовѣрчивые и предостерегающіе голоса: «Граждане! насъ хотятъ обмануть, какъ въ 1830 г. Берегитесь предателей!» И въ знакъ того, что народъ рѣшился отстоять завоеванное и въ случаѣ крайности онъ опять готовъ взяться за оружіе, инсургенты поставили 4 пушки противъ главнаго фа-

сада ратуши. Повстанцы, опираясь на свои ружья, стояли тутъ же, исполняя обязанности стражи.

Было уже около 5 час. вечера, когда члены новаго правительства собрались въ ратушѣ, которую парижское населеніе любило называть народнымъ Тюльери. Все зданіе было биткомъ набито людьми. Стоялъ невообразимый гамъ. Ораторы взбирались на столы и, потрясая въ воздухѣ своимъ оружіемъ, выкликали любимыхъ политическихъ дѣятелей въ качествѣ членовъ временнаго правительства.

Не безъ труда удалось наконецъ нѣкоторымъ членамъ выбраннаго въ Бурбонскомъ дворцѣ правительства пробраться въ залу засѣданія общиннаго совѣта, гдѣ безтолочи было не меньше, чѣмъ въ другихъ комнатахъ. Государственные дѣятели, собиравшіеся взять въ свои руки судьбы Франціи, сочли нужнымъ еще разъ представить свое избраніе на утвержденіе народа. Почтеннаго старца Дюпона поставили на столъ, но... онъ свалился безъ силъ. Тогда Ледрю-Ролленъ поднялъ свой могучій голосъ и въ сильныхъ выраженіяхъ охарактеризовалъ событія этого дня, поздравивъ народъ съ его побѣдой. Любимаго оратора наградили аплодисментами. Ламартинъ также обратился съ рѣчью къ народу и заявилъ, что, по его мнѣнію, временное правительство не можетъ окончательно рѣшить вопросъ о формѣ правленія. Эти слова были прерваны взрывомъ негодованія. «Республика! Провозгласите республику!» кричала толпа. Одинъ рабочій выступилъ впередъ и показалъ оратору свой штыкъ, на концѣ котораго торчалъ листъ бумаги съ надписью: «Да здравствуетъ республика!» Такимъ образомъ первоначально легитимистскій поэтъ счелъ себя наконецъ вынужденнымъ прямо и опредѣленно высказаться въ пользу республики. Послѣ этого Ледрю-Ролленъ заявилъ, что онъ съ товарищами удалится, чтобъ рѣшить вопросъ о томъ, въ какой формѣ извѣстить французскій народъ о провозглашеніи республики.

Съ большимъ трудомъ удалось членамъ временнаго правительства пробраться сквозь густую толпу въ маленькую, отдаленную комнату, которую для нихъ рриготовилъ парижскій мэръ, Гарнье Паже. Здѣсь они забаррикадировались, и воспитанники политехнической школы стали передъ дверью на стражѣ съ обнаженными шпагами.

Наступила ночь. Народная толпа на площади продолжала волноваться и шумѣть. Ей надоѣло долгое ожиданіе, отъ времени до времени ея овладѣвалъ гнѣвъ, и она старалась прорваться въ ратушу. Собравшейся толпѣ сказали, что тамъ находится избранное палатой временное правительство. Это еще усилило ея недовѣріе. Каждый задавалъ себѣ вопросъ, что та-

кое представляет собой палата. Продажную шайку, часть того самого правительства, противъ котораго народъ и возсталъ. Почему бы новому правительству быть лучше стараго?

Возбужденіе нѣсколько улеглось, когда услышали имена Ледрю-Роллена, Луи Блана и Дюпонъ де л'Эра.

Какъ уже было выше сказано, существованія въ Парижѣ тайныя общества не могли въ февральскіе дни выработать какую-нибудь опредѣленную программу дѣйствій; лучшимъ подтвержденіемъ этой мысли служить сумятица, господствовавшая въ ратушѣ и внѣ ея. Дѣйствительно, если бы тайныя общества вмѣшались въ водоворотъ событій и провели бы тотъ планъ, который всегда лежалъ въ основѣ ихъ неоднократныхъ попытокъ къ возстанію, а именно, захватить въ свои руки власть съ цѣлью измѣнить всю социальную и политическую структуру общества, то имъ не стоило бы большого труда при помощи хотя бы маленькой, но сплоченной группы рѣшительныхъ людей подавить хаосъ въ ратушѣ, удалить опасные элементы изъ состава временнаго правительства и, такимъ образомъ, подготовить почву для осуществленія своей намѣченной цѣли, т. е. создать благоприятную обстановку для дѣятельности социальной демократіи. Но къ сожалѣнію, такова уже судьба почти всѣхъ заговоровъ. Они неудачно выбираютъ время для нападенія и пропускаютъ удобные моменты, когда смѣлый, энергичный натискъ могъ бы рѣшить дѣло въ ихъ пользу. Временное правительство заперлось въ маленькой комнатѣ. Съ площади сюда доносился гулъ тысячной толпы и грозныя требованія «республики!» Поэтому первой же его заботой было составить прокламацію къ народу, въ которой послѣдній извѣщается о паденіи польской монархіи и учрежденіи новаго правительства. Необходимо было уже коснуться и будущей формы правленія, высказаться «за» или «противъ» республики. Ледрю-Ролленъ настаивалъ на провозглашеніи республики, Ламартинъ колебался, Араго и Дюпонъ были того мнѣнія, что нельзя установить опредѣленно какую-нибудь форму правленія для всей Франціи, когда даже сама столица не можетъ дать руководящей нити для рѣшенія этого вопроса. Ламартинъ предложилъ обойти этотъ щекотливый пунктъ и ограничиться общей, ни къ чему не обязывающей фразой: «Несмотря на то, что временное правительство дѣйствуетъ исключительно въ интересахъ французскаго народа и само предпочитаетъ республиканскую форму правленія, тѣмъ не менѣе ни парижское населеніе, ни временное правительство не считаютъ себя въ правѣ навязывать свое мнѣніе всѣмъ французскимъ гражданамъ».

Затѣмъ перешли къ распредѣленію важнѣйшихъ государ-

тельство, къ которому народъ уже шиталь недовѣріе, полетѣло бы за бортъ. Гарнье-Паже лоняль эту опасность и предложилъ назначить новыхъ членовъ секретарями. Марра и Флоконъ согласились; Луи Бланъ считаль неудобнымъ настаивать, потому что вопросъ уже приняль почти исключительно личный характеръ. Онъ только поставиль имъ на видъ, что рабочій Альберъ тоже долженъ быть назначенъ секретаремъ. Это требованіе было удовлетворено. Между тѣмъ петербѣніе толпы виѣ ратуши все росло. Всѣхъ очень интересоваль вопросъ, чѣмъ собтвенно такъ занято новое правительство. Вспоминались событія 30-го года и у массы возникли опасенія, какъ бы у нея опять не отняли республику, добытую такою дорогою цѣною. Они тутъ же выбрали делегатовъ и послали ихъ освѣдомиться, что дѣлають члены временнаго правительства. Делегаты, хорошо вооруженные, рѣшительной походкой направились въ ратушу, пробрались до двери комнаты, гдѣ находился Ламартинь съ своими товарищами, и потребовали, чтобы ихъ впустили туда. Угрожающимъ жестомъ они указали на площадь и заявили, что если сейчасъ же не будетъ провозглашена республика, то народъ все разнесетъ вдребезги. Ламартинь тотчасъ же явился въ залу С.-Жана и успокоиль толпу своими благозвучными, пышными фразами. Онъ вообще въ первые дни временнаго правительства часто и не безъ успѣха пускаль въ ходъ свое известное краснорѣчіе. Одновременно Луи Бланъ съ этой же цѣлью—успокоить толпу—направился на площадь: у главнаго крыльца онъ взобрался на столъ и, напругая всю силу своихъ легкихъ, крикнуль: «Правительство желаетъ республики». Эти слова, передаваемые изъ одной группы въ другую, вызвали бурное, долго несмолкаемое одобрение. Раздобыли большой кусокъ полотна и написали на немъ большими буквами: «Франція провозглашена единой и нераздѣльной республикой». Пѣ-которые рабочіе взобрались на карнизъ и, при свѣтѣ факеловъ, развернули этотъ плакатъ при непрерывныхъ крикахъ восторга собравшейся толпы. Вдругъ этотъ взрывъ восторга смѣнился криками ужаса: одинъ изъ рабочихъ, прикрѣпившихъ это полотно, оступился, сорвался со стѣны и свалился наземь. Послѣ горячихъ дебатовъ временное правительство, наконецъ, рѣшило объявить республику. Съ первыхъ же шаговъ проявился внутренний расколъ въ средѣ самаго правительства, расколъ, имѣвшій такое сильное вліяніе на дальнѣйшую судьбу республики во Франціи. Луи Бланъ съ большой страстностью доказываль, что *должно* провозгласить республику, если только хотять сохранить принципъ народовластія, такъ какъ эти два понятія совпадаютъ. Ламартинь, повидимому, склонялся къ

этому мнѣнію. Онъ находилъ, что обойти вопросъ о формѣ правленія, значитъ вызвать въ странѣ междоусобицу, жестокую партійную борьбу. Каждая партія будетъ напрягать всѣ силы къ тому, чтобы уничтожить другія и захватить въ свои руки власть. Возстановить же монархію немислимо при наличности 300,000 хорошо вооруженныхъ, возбужденныхъ борцовъ. Остается такимъ образомъ объявить республику. Наконецъ, Кремье составилъ формулу, на которой и сошлись члены временнаго правительства. Она гласила: «Временное правительство хочетъ республики, рѣшающій голосъ оно предоставляетъ народу, къ которому оно не замедлитъ обратиться за этимъ въ ближайшемъ будущемъ». Нѣсколько сотъ экземпляровъ этой прокламаціи были тутъ же разбросаны въ толпѣ, чтобъ усыпить нѣсколько ея подозрительность. Покончивъ съ прокламаціей, правительство безъ долгихъ дебатовъ приняло нѣсколько резолюцій: распустить палату депутатовъ, запретить собраніе палаты пэровъ и призвать всѣхъ гражданъ къ зачисленію въ національную гвардію. Къ 11 часамъ вечера ратуша почти опустѣла. Съ Гревской площади также удалился успокоившійся народъ. Тѣмъ не менѣе, какъ въ предшествующія двѣ ночи, такъ и въ ночь съ 24-го на 25-е февраля только часть парижскаго населенія отправилась спать. Борцы за народное дѣло были на стражѣ, такъ какъ по городу циркулировали тревожные слухи. Было извѣстно, что форты, окружающіе Парижъ, находятся въ рукахъ королевскихъ войскъ и опасались неожиданнаго ночного нападенія подъ начальствомъ герцога Немурскаго или Бюжо. Поэтому развели огни, за неразобранными еще баррикадами у огней мелькали стройныя фигуры народныхъ борцовъ и по всему городу, отъ одной баррикады къ другой, раздавалось: «Слушай!»

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

25-го февраля Франція проснулась республикой.

Это былъ такой рѣзкій переходъ, который еще наканунѣ казался прямо немислимымъ. Какъ же это случилось? Почему тотъ же народъ, который въ 1830 году былъ настолько индифферентенъ, что позволилъ шайкѣ интригановъ навязать себѣ королевскую власть, теперь не успокоился до тѣхъ поръ, пока не убѣдился, что во Франціи восторжествуетъ «*Марианна*»^{*)}).

^{*)} Въ царствованіе Луи-Филиппа слово *Марианна* служило популярнымъ обозначеніемъ республики.

Но дѣло въ томъ, что съ 1830 г. парижское населеніе сдѣлало крупный шагъ впередъ. Революціонная республиканская партія не ограничилась просвѣщеніемъ массъ; она организовала тайныя военныя организаціи, въ которыхъ она вела дѣятельную пропаганду республиканскихъ идей. Она стремилась къ республикѣ, которая, по мысли Бабефа, должна была представлять собой новую форму общежитія съ свободными политическими учрежденіями, основанными на *тихихъ* общественныхъ отношеніяхъ. Весь строй жизни долженъ быть пропитанъ новымъ, демократическимъ духомъ. Ея идеаломъ была *соціальная* республика. Идею о социальномъ равенствѣ будили и распространяли какъ произведенія Луи Блана и Прудона, такъ и общественныя теченія, тѣсно связанныя со школами утопическихъ социалистовъ (сенъ-симонистовъ, фурьеристовъ, кабетистовъ и т. д.).

Одержавъ побѣду надъ правительствомъ Луи-Филиппа, наиболѣе сознательная часть французскаго народа считала себя въ правѣ разсчитывать не только на перемѣну въ формѣ правленія, но и на социальныя улучшенія. Это было тѣмъ болѣе естественно, что до 1848 г. республиканская идея во Франціи была тѣсно, почти неразрывно связана съ мыслью о социальномъ переворотѣ. Даже буржуазно-монархическіе органы высказывали эту точку зрѣнія. Они, конечно, при этомъ преслѣдовали свои цѣли: для того, чтобы привязать буржуазію къ королевской власти, они утверждали, что отъ республики до коммунизма только одинъ шагъ. Между тѣмъ, среди руководителей республиканской партіи были элементы, насквозь пронитанные буржуазными тенденціями. Таковы: редакторы «National», часть редакціи «Reforme». Но эти люди не принадлежали къ активной части партіи и не оказывали большого вліянія на общественное мнѣніе. Ихъ республиканизмъ былъ платоническаго свойства, открыто они его никогда не распространяли. Гарнье-Паже былъ яркимъ представителемъ этой республиканской разновидности. 24-го февраля онъ пошелъ въ ратушу съ твердымъ намѣреніемъ провозгласить регентство, но, когда онъ увидѣлъ, что дуетъ республиканскій вѣтеръ, онъ высказался за республику. Эти республиканцы только тогда стали сторонниками республики, когда послѣдней избѣжать уже не было возможности: они также быстро удовлетворились бы либеральной монархіей, если бы ей удалось захватить въ свои руки власть. Дѣйствительно, нужно имѣть въ душѣ великій идеалъ для того, чтобы бороться и быть готовымъ пожертвовать собой за проведеніе въ жизнь своихъ идей. Только крайніе элементы республиканской партіи питали такія возвышен-

ныя чувства. И только они одни проливали свою кровь во все время господства Юльскаго монархіи, подготавливая торжество «Маріанны». Мы уже знаемъ, что они были проникнуты коммунистическими стремленіями и было ясно, что они постараются осуществить свой идеалъ, социальную республику, послѣ того, какъ трехдневный бой на улицахъ Парижа привелъ ихъ къ побѣдѣ и была провозглашена республика.

Карлъ Марксъ, со свойственной ему остротой пониманія, въ своей брошюрѣ «18 брюмера Луи Бонапарта» даетъ ясное представленіе объ историческомъ моментѣ, который тогда переживала Франція. Онъ пишетъ:

«Въ эти февральскіе дни сначала преслѣдовали одну только цѣль: добиться такой избирательной реформы, которая расширила бы кругъ политически привилегированныхъ слоевъ имущихъ классовъ и сломила бы исключительное господство финансовой аристократіи. Но когда конфликтъ произошелъ, народъ взялся за постройку баррикадъ, національная гвардія бездѣйствовала, армія не оказала никакого серьезнаго сопротивленія и польская монархія разлетѣлась, какъ дымъ, то само собой стало очевиднымъ, что остается провозгласить республику. Каждый партія понимала ее по своему. Пролетаріатъ, съ оружіемъ въ рукахъ добившійся ея осуществленія, наложилъ на нее свой отпечатокъ и объявилъ ее, какъ *социальную республику*. Такимъ образомъ, въ повѣйшую революцію было вложено такое содержаніе, которое стояло въ страшномъ противорѣчій со всѣмъ тѣмъ, чего можно было добиться при наличности накопившагося историческаго матеріала, степени культурнаго развитія массы и существующихъ общественныхъ отношеній».

Безспорно въ то время социализмъ не отличался еще той ясностью, которая теперь составляетъ его силу. Социалистическое міросозерцаніе большей частью складывалось подъ вліяніемъ чувства, не опираясь на серьезные доводы, на солидную аргументацію, и терялось въ мистическихъ мечтаніяхъ. Въмѣсто того, чтобы показать послѣдовательный ходъ развитія капиталистическаго общества и указать на тѣ элементы разложенія, которые оно несетъ въ своихъ нѣдрахъ и которые съ большей или меньшей яркостью проявляются на различныхъ этапахъ его историческаго пути, социалисты этой эпохи носились съ разными фантастическими системами, въ непогрѣшимость которыхъ они слѣпо вѣрили, или же они дѣлались беззащитными приверженцами теоріи Луи Блана, которая разсматривала

организацію труда, какъ нанацію отъ всѣхъ соціальныхъ золь*)).

Между тѣмъ республика была для рабочаго класса и всѣхъ прогрессивныхъ элементовъ страны благопріятной почвой, на которой свободно могли развиваться всевозможныя идеи и планы соціальныхъ реформъ. Поэтому, послѣ провозглашенія республики соціально-республиканскіе круги почувствовали себя такъ, какъ будто у нихъ гора свалилась съ плечъ. У нихъ было такое ощущеніе, что они теперь свободны отъ всякихъ путъ и ихъ силы возрастаютъ до безконечности. Они полагали, что

*) Въ обзорѣни «Новой Рейнской газеты», которое Фридрихъ Энгельсъ потомъ издалъ подъ названіемъ «Классовая борьба во Франціи въ 1848—1850 г.г.», Карлъ Марксъ обстоятельно указываетъ на тѣ причины, которыя не дали парижскому пролетариату въ 1848 году воспользоваться плодами своей побѣды. Они не сводятся исключительно къ недостаточной зрѣлости соціалистической мысли.

„Какъ только поднимается классъ“, говоритъ онъ, „въ которомъ сконцентрировались революціонные интересы всего общества, то онъ въ своемъ собственномъ положеніи находитъ содержаніе и матеріаль для своей дѣятельности: онъ уничтожаетъ своихъ враговъ, преслѣдуя тактику, непосредственно вытекающую изъ потребностей самой борьбы, онъ доводитъ до логическаго конца тѣ гыводы, которые ему диктуетъ его собственный образъ дѣйствій. Онъ не дѣлаетъ теоретической оцѣнки своей собственной задачи. Французскій рабочий классъ не стоялъ на такой точкѣ зрѣнія, онъ былъ еще не способенъ провести свою пролетарскую революцію. Вообще развитіе промышленнаго пролетариата обуславливается развитіемъ промышленной буржуазіи. Только въ ея господство пролетариатъ начинаетъ жить національной жизнью, что позволяетъ ему сдѣлать свою революцію общенациональнымъ дѣломъ, онъ самъ создаетъ средства и усовершенствованныя орудія производства, а это въ значительной степени способствуетъ его революціонному освобожденію. Господство индустріальной буржуазіи подрываетъ матеріальныя основы существованія феодальнаго общества и подготавливаетъ ту почву, на которой только и можетъ разыгратъ пролетарская революція. Французская индустрія—самая развитая и французская буржуазія—самая революціонная на всемъ континентѣ. Но февральская революція развѣ не была направлена непосредственно противъ финансовой аристократіи? Это показываетъ, что промышленная буржуазія еще не господствовала во Франціи. Промышленная буржуазія только тогда можетъ выдвинуться на первый планъ, когда соотвѣтственно высоко развитой промышленности измѣнятся всѣ отношенія собственности; а такой силы промышленность можетъ достигнуть, когда она завоеуетъ міровой рынокъ, такъ какъ въ національныя рамки не можетъ укладываться ея развитіе. Французская же промышленность большей частью) удержала за собой свой національный рынокъ, исключительно благодаря своей запретительной системѣ. Поэтому, если въ моментъ революціи въ Парижѣ французскій пролетариатъ обладалъ такой фактической властью, которая толкнула его на борьбу, превышающую его внутреннія силы, то въ остальной Франціи онъ жилъ разсѣянный по отдѣльнымъ,

имъ нужно только пустить въ ходъ свои агитаторскія способности и они добьются всёхъ тѣхъ преобразованій, о которыхъ они такъ долго мечтали. Развѣ «красная Маріанна» не ангель-хранитель французскаго народа, который на основаніи равенства доставитъ послѣднему и хлѣбъ и свободу.

Таково было преобладающее настроеніе народной массы ночью 24 го и утромъ 25-го февраля. Но все-таки ея овладѣвало нѣкоторое безпокойство при мысли о лицахъ, которыхъ случайность поставила во главѣ республики. Вѣдь эти господа не ставили на карту свою жизнь за республику. Поэтому рѣшили и въ этотъ день явиться на Гревскую площадь, чтобы проконтролировать подозрительные элементы новаго правительства и не дать имъ сдѣлать изъ республики женщину, которая охотно отдается богатымъ, а по отношенію къ бѣднымъ является злой мачихой. Нужно этихъ двуличныхъ людей заставить дать какія-нибудь гарантіи, чтобы показать парижанамъ и всему французскому народу, которые въ данный моментъ представляли собою единственную силу въ странѣ, что республика будетъ народной, соціальной республикой.

Такимъ образомъ, Гревская площадь уже съ самаго ранняго утра приняла свой вчерашній видъ. Изъ предмѣстій быстро стекались большія толпы и векорѣ вся площадь была покрыта огромной, густой массой народа, которая проникала во внутрь ратуши, въ коридоры и залы. Изъ усть многотысячной тол-

слабо связаннымъ между собой промышленнымъ центрамъ, утопая въ общей массѣ крестьянства и мелкой буржуазіи. Борьба противъ капитала въ его современной, развитой, наиболѣе ярко выраженной формѣ, борьба промышленныхъ наемныхъ рабочихъ противъ промышленной буржуазіи во Франціи — частный фактъ. Послѣдній тѣмъ менѣе могъ послѣ февральскихъ дней вложить національное содержаніе въ революцію, что борьба противъ низшихъ формъ эксплуатаціи капитала, крестьянъ противъ ростовщиковъ въ области ипотечнаго кредита, мелкой буржуазіи противъ крупныхъ торговцевъ, банкировъ и фабрикантовъ, однимъ словомъ, борьба съ своимъ собственнымъ банкротствомъ была скрыта подъ общимъ протестомъ противъ финансовой аристократіи вообще. То обстоятельство, что парижскій пролетаріатъ опустилъ *красное* знамя передъ *трехцвѣтныиъ*, ясно показываетъ, что онъ ставилъ свои интересы *рядомъ* съ интересами буржуазіи вмѣсто того, чтобы заявить о нихъ, какъ о революціонныхъ интересахъ всего общества. Французскіе рабочіе не могли ни на одинъ шагъ двинуться впередъ, не могли поколебать ни одинъ изъ устоевъ буржуазнаго общества, прежде чѣмъ ходъ революціи не поднялъ промежуточные между пролетаріатомъ и буржуазіей общественные слои, крестьянство и мелкую буржуазію, противъ этого общества, противъ господства капитала, не заставилъ ихъ присоединиться къ пролетаріямъ, какъ къ своимъ передовымъ борцамъ. Только ужаснымъ пораженіемъ въ іюньскіе дни пролетаріатъ купилъ эту побѣду.

ны раздавались воодушевляющіе звуки марсельезы и, какъ бы въ знакъ того, что со старымъ обществомъ поконены все счеты, надъ головами демонстрантовъ развѣвалось красное знамя.

Въ ратушѣ была такая же сумятица, какъ и наканунѣ. Тамъ шли разговоры о республикѣ и о надеждахъ, которыя возлагаютъ на нее рабочіе и вообще обездоленные современнаго общества. Такъ же, какъ и наканунѣ, делегаты отъ народа требовали свободнаго доступа въ маленькую комнату, гдѣ засѣдало временное правительство, чтобы заявить о социальныхъ требованіяхъ, проведеніе которыхъ, по ихъ мнѣнію, составляетъ главную задачу республики. Съ этой цѣлью одинъ рабочій, по имени *Маршъ*, явился съ нѣкоторыми товарищами къ новымъ министрамъ, которые какъ разъ въ это время обсуждали вопросъ объ организаціи мерій тридцати парижскихъ округовъ, и объяснилъ, что онъ уполномоченный отъ собравшагося на площади народа и, ударивъ прикладомъ, передалъ имъ петицію съ требованіемъ права на трудъ, организаціи работы. Онъ имъ далъ понять, что народъ не довѣряетъ временному правительству и что онъ не разойдется до тѣхъ поръ, пока ему не будетъ гарантировано декретомъ право на трудъ. Ламартинъ подошелъ къ нему съ льстивыми рѣчами, желая пробудить его отказать отъ этого требованія. Рабочій взглянулъ на него съ презрѣніемъ и грубо возразилъ: «Вашимъ краснбайствомъ вы меня съ толку не собьете. Я буду съ вами говорить языкомъ, который на васъ подѣйствуетъ, я буду говорить не словами, а выстрѣлами», и при этомъ онъ указалъ на свое ружье. «Между вами и нами не можетъ быть другого языка».

Хотя Ламартинъ, по его собственнымъ словамъ, сильно возмутился этой угрозой, но все-таки онъ продолжалъ ублаживать его своими сладкими рѣчами. Онъ старался доказать, что невозможно въ теченіе одного часа формулировать рѣшеніе для такой серьезной социальной проблемы. Гарнье-Шаже и Араго поддержали его, при чемъ они не упустили случая выразить рабочему свое полное сочувствіе положенію трудящихся массъ и свою готовность идти на встрѣчу ихъ требованіямъ, лишь бы только имъ дали время все это выполнить. Маршъ и его товарищи начали колебаться. «Хорошо, народъ будетъ ждать», сказалъ Маршъ, «народъ отдаетъ три мѣсяца страданій на службу республики». Три мѣсяца, въ теченіе которыхъ представители буржуазіи могли вполне подготовиться и, дѣйствительно, подготовились, чтобы отвѣтить на требованія народа... порохомъ и свинцомъ и утопить эти требованія въ крови парижскаго пролетаріата!

Между тѣмъ Луи Бланъ, удалившійся вмѣстѣ съ Ледрю-Ролленомъ и Флокономъ къ оконной нишѣ, выработалъ декретъ.

въ которомъ, хотя тщательно обходили слова «право на трудъ», «организация труда», но все-таки по существу было признано выставленное Маршемъ и его товарищами право на трудъ. Этотъ декретъ гласилъ:

«Правительство французской республики обязывается обезпечить работой существованіе рабочихъ.

«Оно обязывается доставить работу всѣмъ французскимъ гражданамъ.

«Оно признаетъ, что рабочіе должны организоваться въ союзы, чтобы добиться надлежащей платы за трудъ».

Этотъ декретъ подписали всѣ члены временнаго правительства, въ томъ числѣ и Ламартинъ. Это указываетъ на могущественное вліяніе, которое оказывала тогда армія труда на политическія сферы, но отсюда ясно, какъ неудовлетворительно еще было политическое воспитаніе широкой массы. Она удовлетворялась этимъ декретомъ и была довольна тѣмъ, что право на трудъ было ей... гарантировано на бумагѣ. Изъ-за этого требованія, въ сущности невыполнимаго при данныхъ обстоятельствахъ, забыли потребовать такихъ организаціонныхъ мѣропріятій, которыя для начала перевели хотя бы небольшую часть социальныхъ богатствъ въ коллективную собственность. Совершенно не считаясь съ причинами всѣхъ социальныхъ неурядицъ, требовали социально - революціонныхъ дѣйствій. Но тогда это понимали только нѣкоторые вдумчивые люди. Только по горькому опыту рабочіе узнали, насколько трудно улучшить свое классовое положеніе *въ рамкахъ* существующаго общественнаго строя. Когда Маршъ и его товарищи вернулись изъ залы засѣданія временнаго правительства на Гревскую площадь, то внѣшній видъ площади замѣтно измѣнился. Число красныхъ знаменъ увеличилось до сотни. Даже на конной статуѣ Генриха IV водрузили красное знамя. Всѣ дома вплоть до самыхъ крышъ были покрыты красными флагами, и парижане сами тоже украсились своими любимыми цвѣтами.

До новаго правительства стали доходить все болѣе тревожныя извѣстія о настроеніи и намѣреніяхъ широкой массы. Народъ, дескать, собирается взять штурмомъ ратушу, чтобы заставить правительство признать красное знамя штандартомъ республики, въ случаѣ отказа выбросить новыхъ правителей за бортъ.

Ламартинъ, который вообще очень часто любилъ давать волю своей поэтической фантазіи въ ущербъ истинѣ, рассказываетъ, что требованія, неоднократно выставлявшіеся народомъ, стали принимать довольно опасный характеръ. Такъ, между прочимъ, нѣкоторые лица, прорвавшіеся до залы засѣданія временнаго

правительства, воскликнули: «Мы требуемъ, чтобы немедленно была объявлена война всѣмъ тронамъ и аристократіи всѣхъ странъ... Мы требуемъ, чтобы бывшіе министры были арестованы, чтобъ король былъ преданъ суду и его имущество обращено въ національную собственность... Войдите въ соглашеніе съ революціонерами или уступите имъ свое мѣсто... Если вы этого не сдѣлаете, то берегитесь!»

Ламартинъ единственный историкъ февральской революціи, который приводитъ эти заявленія, а онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы разрисовать въ самомъ страшномъ видѣ всѣ сцены, связанные съ поднятіемъ краснаго знамени. Онъ могъ, такимъ образомъ, выставлять себя въ самомъ выгодномъ свѣтѣ, какъ укротителя дикихъ народныхъ страстей и спасителя буржуазной республики. Луи Бланъ въ своихъ «Страницахъ изъ исторіи революціи 1848 г.» болѣе мягкими красками рисуетъ эти событія, ссылаясь на судебныя показанія депутата Корбона, который говоритъ, что красное знамя передъ ратушей было поднято совершенно случайно. Изъ одного дивана въ ратушѣ вырѣзали кусокъ краснаго бархата, какой-то врачъ выбросилъ эту матерію черезъ окно въ толпу, и изъ нея были изготовлены первыя красныя знамена. Между тѣмъ, ни тогдашнія газеты, ни одинъ историкъ не сообщаютъ объ этомъ что-либо достоверное. И Луи Бланъ приводитъ утвержденіе Корбона, не придавая ему особаго значенія, и затѣмъ онъ продолжаетъ: «Фактически народъ требовалъ поднятія краснаго знамени съ такой настойчивостью, которая особенно ярко рисуетъ всю глубину народнаго духа... Красныя знамена развѣвались надъ окнами вплоть до самой крыши». А фактъ таковъ, что красное знамя было водружено еще во время боя; 24-го февраля на большинствѣ баррикадъ были красныя знамена. Поэтому понятно, что народъ хотѣлъ, чтобъ его побѣда была увѣличана знаменемъ, подъ которымъ онъ сражался,

Луи Бланъ энергично поддерживалъ требованіе, чтобъ красное знамя стало національнымъ флагомъ. Онъ доказывалъ, что новыя государственныя учрежденія должны имѣть и новую эмблему; признаніе краснаго знамени покажетъ, что Франція покончила со старымъ, ненавистнымъ режимомъ. Но Ламартинъ и даже Ледрю-Роллепъ сильно воспротивились этому. Первый объяснялъ, что поднятіе краснаго знамени будетъ понято въ странѣ, какъ указаніе на вступленіе во власть правительства ужаса. Но въ виду того, что возбужденіе народа все росло, Ламартинъ и его единомышленники рѣшили уступить и уже начали дѣлать приготовленія къ тому, чтобы официально повѣсить изъ окна совѣщательной комнаты красное знамя. Объ

этомъ узналъ назначенный министромъ финансовъ банкиръ Гудшо, живое воплощеніе буржуазной трусости. Онъ поспѣшилъ въ ратушу и заявилъ, что все будетъ потеряно, если только террористическое знамя будетъ провозглашено штандартомъ республики. Протестъ этого влиятельнаго финансоваго туза заставилъ членовъ временнаго правительства отказаться отъ своего рѣшенія, даже Луи Бланъ пересталъ настаивать. Но, опасаясь народнаго возмущенія, оно прибѣгло къ успокоительному средству. Трехцвѣтное знамя украсили красной розеткой въ знакъ того, что новое правительство расположено къ народу и помнить объ его заслугахъ во время послѣдней революціи. Также должностныя лица и члены временнаго правительства надѣли красныя розетки.

Возбужденная толпа, окружавшая ратушу, этимъ не удовлетворилась. Ея составъ постоянно мѣнялся, одни группы уходили съ площади, на ихъ мѣсто являлись другія и волненіе начинало принимать весьма серьезные размѣры. Ламартинъ и Гарнье-Паже выбились изъ силъ, тщетно стараясь успокоить толпу. Ламартинъ рѣшилъ сдѣлать послѣднюю попытку и спустился внизъ, чтобы съ большого крыльца ратуши обратиться съ рѣчью къ народу. Его встрѣтили бранью и криками «измѣнникъ!». Поведеніе народной массы принимало все болѣе грозный характеръ. «Декрета, декрета!—кричала толпа, «или мы вздернемъ на фонарь предательское правительство!» Ламартинъ вскопчилъ на стулъ, чтобы всѣ его могли видѣть и слышать. Нѣкоторые начали ему угрожать штыками и саблями. Какой-то раненый нищій подошелъ, обнялъ его, какъ бы желая защитить его своимъ тѣломъ и случайно запачкалъ его своей кровью, такимъ образомъ получилось впечатлѣніе, какъ будто онъ раненъ. Это вызвало къ нему нѣкоторое сочувствіе, и ему позволили говорить. Въ громкихъ фразахъ онъ началъ распространяться на счетъ трехцвѣтнаго знамени, которое обобло весь міръ, возвѣщая повсюду о славѣ и свободѣ Франціи, красное знамя, напротивъ, всегда ему напоминаетъ о пролитой въ 1791 году на Марсовомъ полѣ народной крови.

Это сравненіе оказало свое дѣйствіе.

Толпа стала мало-по-малу успокаиваться и, наконецъ, площадь опустѣла. Радикальные элементы несомнѣнно были еще возбуждены, но они опасались, что если они начнутъ опять борьбу, то они могутъ потерять уже завоеванную республику.

Во всякомъ случаѣ въ первые дни своей побѣды народъ оказывалъ громадное влияніе на буржуазное временное правительство. Въ арміи вслѣдствіе этого дисциплина совершенно ослабѣла, и она должна была покинуть столицу. Въ городѣ не было ни-

какой силы, которая могла оказать поддержку правительству против народа. Поэтому одно из первых мероприятий было — организовать нечто в родъ лейб-гвардіи. Но, чтобы успокоить трепещущую буржуазію, рѣшили показать, что республика 1848 года ничего общаго не имѣетъ съ террористической республикой 1793 г. Поэтому былъ изданъ декретъ, съ оговоркой, что онъ долженъ быть санкціонированъ будущимъ національнымъ собраніемъ, объ отмѣнѣ смертной казни за политическія преступленія *). Затѣмъ посѣдовалъ декретъ объ образованіи 25 батальоновъ «подвижной національной гвардіи» вмѣсто распущенной муниципальной гвардіи. Въ эту, такъ называемую гвардію, мобилей была впоследствии завербована молодежь изъ люмпенъ-пролетаріата (босяки). Изъ этихъ подонковъ общества реакція выковала для себя оружіе противъ народа.

Результатъ этихъ предохранительныхъ мѣръ могъ сказаться только позже; а пока господиномъ положенія въ Парижѣ былъ народъ.

27-го февраля появился декретъ, возвѣщавшій объ организаціи національныхъ мастерскихъ.

Эти національныя мастерскія, отъ которыхъ нѣкоторые мечтатели ожидали очень многого, вовсе не были рычагомъ для какихъ-бы то ни было социальныхъ преобразованій. Ихъ назначеніе сводилось къ тому, что они доставляли безработнымъ всякихъ профессій занятія по обработкѣ земли. Выдаваемая имъ заработная плата въ лучшемъ случаѣ могла только защитить отъ голодной смерти.

Отчасти со злымъ умысломъ, отчасти по невѣжеству враги народа смѣшали въ одну кучу эти «национальныя мастерскія» съ «социальными мастерскими», которыя проектировалъ Луи Бланъ еще въ 1839 году въ своей «Организаціи труда». Эти социальныя мастерскія должны были, по мысли Луи Блана, охватить главнѣйшія отрасли промышленности, ихъ членами должны были стать обученные рабочіе, получающіе известную долю изъ чистаго дохода предпріятія соотвѣтственно продуктивности своего труда. Этотъ типъ организаціи рѣзко отличается отъ основной идеи національныхъ мастерскихъ.

Устройство національныхъ мастерскихъ отнюдь не представляло собой социальную реформу, это былъ новый, вызванный обстоятельствами видъ общественной благотворительности. Являясь чистѣйшимъ оптическимъ обманомъ, они были вредны

*) На чемъ, между прочимъ, настаивали многіе идеологи, радикалы и социалисты, въ томъ числѣ и Луи Бланъ.

въ томъ отношеніи, что, ни на юту не улучшая положенія рабочихъ, они въ то же время рестоцали матеріаль-ные ресурсы республики.

Временное правительство было озабочено тѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе народа отъ его непосредственныхъ интересовъ, при этомъ оно не забыло объ его пристрастіи къ публичнымъ торжествамъ. 27-го февраля правительство устроило большой праздникъ. Громадная толпа торжественнымъ шествіемъ отправилась на Бастильскую площадь, и у подножья іюльской статуи при громѣ пушекъ и пѣвнн марсельезы была санкціонирована республика.

Между тѣмъ парижскіе рабочіе, которые рѣшили направить республику на путь соціальныхъ реформъ, не переставали настаивать, чтобы новое правительство приняло пока хотя бы нѣкоторыя мѣропріятія въ этомъ направленіи. 28-го февраля передъ ратушей собралась густая рабочая масса. Надъ толпой развѣвались многочисленныя знамена со слѣдующими надписями: «Рабочее министерство! Организанія труда! Уничтоженіе эксплуатаціи человѣка человѣкомъ!»

Рабочіе явились, чтобы настоять на практическомъ осуществленіи идеи Луи Блана. Они требовали учрежденія министерства прогресса, которое спеціально занялось бы организаціей труда и располагало бы для этой цѣли спеціальнымъ фондомъ. Для руководства этимъ министерствомъ самымъ подходящимъ лицомъ былъ Луи Бланъ, и послѣдній съ большой энергіей взялся за осуществленіе этой идеи. Но на этотъ разъ Ламартинъ не хотѣлъ сдѣлать никакихъ уступокъ, остальные члены правительства, которые считали теперь свое положеніе болѣе упроченнымъ, за исключеніемъ, конечно, Альбера, присоединились къ его мнѣнію. Оба социалиста почувствовали себя совершенно одинокими въ министерствѣ, но на площади за нихъ стояла угрожающая, легко воспламеняющаяся толпа. При такомъ положенн вещей Луи Бланъ рѣшился на очень серьезный шагъ: онъ и Альберъ подали прошеніе объ отставкѣ.

Удаленіе этихъ двухъ лицъ, являвшихся представителями радикальныхъ элементовъ страны, означало возобновеніе возстанія и немедленный штурмъ ратуши. До этого остальные члены правительства не могли допустить. Они вдругъ стали мягче и начали умолять отказавшихся товарищей взять обратно свою отставку. Араго даже ударился въ паѳосъ и обратился къ Луи Блану со слѣдующими словами: «Своей сѣдиной я заклинаю васъ отказаться отъ этой идеи организаціи и не разставаться съ нами. Развѣ вы хотите насъ убить?» Между тѣмъ Гарнье-Паже и Марра поговорили между собой и согла-

спились на слѣдующую уступку. Въмѣсто министерства труда пусть будетъ учреждена большая комісія, которая до созыва національнаго собранія изучаетъ соціальныя вопросы и вноситъ практическія предложенія. Комісія должна быть составлена изъ делегатовъ рабочаго населенія Парижа, президентскій постъ предложили Луи Блану; Альберъ и Франсуа Араго должны фигурировать въ качествѣ вице-президентовъ.

Луи Бланъ долго медлилъ. Онъ чувствовалъ, что ему даютъ тупое оружіе въ руки; ему предлагаютъ, какъ онъ самъ выразился, руководство бурной аудиторіей, въ которой онъ голодающимъ будетъ читать лекціи о голодѣ. Но онъ все-таки уступилъ. Благодаря своей природной робости и нерѣшительности онъ боялся стать во главѣ революціи. Онъ убаюкивалъ себя надеждой, что и мирнымъ путемъ удастся заставить правительство провести соціальныя реформы. Поэтому онъ съ согласія товарищей составилъ слѣдующій декретъ:

«Принимая во вниманіе, что революція, произведенная народомъ, должна быть обращена въ пользу самого народа;

«что пора положить конецъ долгимъ, несправедливымъ страданіямъ рабочихъ;

«что рабочій вопросъ есть вопросъ первостепенной важности:

«что нѣтъ другого вопроса, который по своей важности заслуживалъ бы болѣе внимательнаго отношенія со стороны республиканскаго правительства;

«что честь Франціи требуетъ того, чтобы она изучила и разрѣшила проблему, предъ которой стоятъ всѣ промышленныя страны Европы;

«что настоятельно нужно подумать о томъ, чтобы доставить народу законныя плоды его труда,

«временное правительство республики рѣшило:

«назначить неостоянную комісію подъ названіемъ: «Правительственная комісія для рабочихъ», со спеціальной цѣлю—заняться положеніемъ рабочихъ.

«Въ доказательство того, какое важное значеніе правительство придаетъ рѣшенію этой великой задачи, оно назначаетъ президентомъ «Правительственной комісії для рабочихъ» одного изъ своихъ членовъ Луи Блана, а вице-президентомъ—другого члена, рабочаго г-на Альбера.

«Рабочіе приглашаются принять участіе въ этой комісії.

«Заѣданія комісії будутъ происходить въ Люксембургскомъ дворцѣ».

Неувѣреннымъ, почти надломленнымъ голосомъ Луи Бланъ прочелъ этотъ декретъ собравшейся толпѣ рабочихъ. При

этомъ онъ объяснилъ, что временное правительство не можетъ безъ національнаго собранія разрѣшить затронутый вопросъ объ организаціи труда. Это нужно предоставить собранію народныхъ представителей. Толпа, повидимому, удовлетворилась этимъ заявленіемъ и спокойно разошлась.

Такимъ образомъ, непосредственная опасность миновала, и положеніе временнаго правительства стало болѣе прочнымъ. Какъ и 27-го февраля, такъ и теперь устраивали для народа всевозможныя зрѣлища, чтобы отвлечь его вниманіе отъ его ближайшихъ цѣлей. На разныхъ площадяхъ и другихъ пунктахъ были посажены и съ большой помпой по церковному обряду освящены деревья свободы въ память великихъ дней февральской революціи.

Луи-Филиппъ съ его присными былъ уже въ это время по дорогѣ въ Англію. Большая часть генералитета, высшихъ чиновъ судебнаго вѣдомства и бюрократіи выразили свою преданность временному правительству. Даже Луи Бонапартъ, племянникъ великаго Наполеона и глава Бонапартской фамиліи, послалъ ему письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ о своемъ желаніи вернуться во Францію и выражалъ чувство преданности родинѣ и республикѣ. Даже нѣкоторые члены Орлеанскаго дома заявили, что подчиняются новому образу правленія.

Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время было обезпечено существованіе временнаго правительства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

26-го февраля происходило собраніе въ большой залѣ, такъ назыв. Prado, расположенной въ кварталѣ Halles Centrales *).

Толпа состояла изъ вооруженныхъ инсургентовъ, съ красными шапками на головѣ и опоясанныхъ красными кушаками. На ихъ платьѣ видѣлись слѣды боя.

На стѣнахъ залы были наклеены прокламаціи слѣдующаго содержанія:

«Временному правительству.

«Республиканскіе борцы съ большимъ неудовольствіемъ прочли прокламацію временнаго правительства, которое опять подняло трехцвѣтное знамя во Франціи.

*) Описываемая сцена имѣетъ нѣсколько романическую окраску, но многіе современные историки, какъ Даніэль Штернь, Ипполитъ Кастиль и Лука въ его „Истории клубовъ“, указываютъ, что дѣло происходило именно такъ.

«Народъ водрузилъ надъ баррикадами красное знамя. Нельзя пытаться обезчестить это знамя.

«Пролитая народная кровь окрасила это знамя въ красный цвѣтъ.

«Оно горитъ и ярко блещетъ, развѣваясь надъ Парижемъ.

«Побѣдоносный народъ не сниметъ своего знамени».

На трибуну веходили одинъ ораторъ за другимъ, высказывая свою ненависть противъ новаго правительства. По ихъ мнѣнію, нужно было сейчасъ же опять отправиться въ ратушу и изгнать оттуда мнимыхъ республиканцевъ, которые, захвативъ въ свои руки власть, предали республику.

Это предложеніе было встрѣчено дикимъ негодующимъ возгласомъ по адресу правительства и бурнымъ одобреніемъ. Здѣсь собрались всѣ рѣшительные, воинственно-настроенные люди.

На трибунѣ появился маленькій, тщедушный человѣкъ съ исхудалымъ, суровымъ лицомъ и умнымъ, высокимъ лбомъ. Моментально водворилась тишина. Вся аудиторія съ нетерпѣніемъ ждала, что онъ скажетъ. Отъ его словъ, пожалуй, зависѣла судьба временнаго правительства. «Учрежденное правительство», сказалъ ораторъ, «не можетъ быть представителемъ соціальной республики. Силой обстоятельствъ оно было вынуждено противъ своей воли провозгласить республику, но Франція еще не прониклась республиканскими идеями. Если мы составимъ новое правительство изъ убѣжденныхъ республиканцевъ, то это нагонитъ страхъ на провинціи, такъ какъ мы скомпрометированы въ глазахъ буржуазіи, и толкнетъ ихъ въ объятія реакціонеровъ. Неужели вы не понимаете, что сверженіе временнаго правительства, а это нельзя совершить безъ серьезнаго кровопролитія, послужитъ сигналомъ къ подъему реакціи въ странѣ? Не лучше ли предоставить этихъ правителей ихъ политическому безсилію? Въ ихъ рукахъ находится скоропреходящая власть; мы же опираемся на народъ и клубы, которымъ мы, какъ въ былое время, придадимъ революціонный характеръ. Весь народъ, возставшія предмѣстья будутъ тогда дѣлать то, что мы теперь хотимъ сдѣлать и за нами останется революціонизирующее вліяніе на страну».

Никто не возражалъ этому оратору, прокламаціи были сорваны и собраніе молча разошлось.

Ораторъ, оказавшій такое сильное вліяніе на собраніе въ Градо, былъ *Огюстъ Бланки*, замѣчательный республиканецъ-коммунистъ. Онъ пользовался такимъ громаднымъ авторитетомъ среди своихъ единомышленниковъ, что его именемъ была названа соціалистическая партія. И теперь еще встрѣчаются во Франціи соціалисты, которые называютъ себя бланкистами.

Это былъ рѣдкій, удивительный человѣкъ. Онъ былъ организаторомъ, душой послѣднихъ республиканско-коммунистическихъ заговоровъ, возникавшихъ при буржуазной монархіи. Выбитый неоднократно изъ строя, онъ съ неослабѣваемымъ пыломъ продолжалъ начатую борьбу. Онъ обладалъ такой несокрушимой энергіей, что, находясь въ заточеніи, онъ организовывалъ революціонные заговоры, которые должны были вспыхнуть на волѣ.

«Случай поставилъ во главѣ демократіи», говоритъ Ипполитъ Кастиль о Бланки, «благородныхъ даровитыхъ организаторовъ, рожденныхъ для совершенія великихъ дѣлъ, не чета обыкновеннымъ болтунамъ-демагогамъ. Бланки былъ не только человѣкъ съ благородной, кристаллически чистой душой, онъ представлялъ очень крупную уметвенную силу. Оно былъ одаренъ большимъ литературнымъ талантомъ и тонкимъ, научнымъ умомъ и могъ бы сдѣлать блестящую карьеру, но онъ съ презрѣніемъ отказался отъ этой мысли. Бланки не былъ плодовитымъ писателемъ, но его немногочисленныя произведенія, которыя онъ написалъ исключительно въ защиту интересовъ пролетариата, имѣли для того времени большое значеніе. Это были большей частью полемическія статьи («Капиталъ и трудъ» и др.). Онѣ были впоследствии собраны и изданы въ двухъ томахъ. Талантливый писатель, Габріэль Девильтъ, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ его дѣятельность: «Для него коммунизмъ былъ конечной цѣлью, борьба между двумя враждебными лагерями, буржуазіей и пролетариатомъ—средствомъ, которое должно вырвать власть изъ рукъ первой и передать второму. Если этотъ переворотъ будетъ совершенъ революціоннымъ путемъ, то учрежденная диктатура парижскаго пролетариата вызоветъ рядъ такихъ измѣненій въ экономическихъ и политическихъ отношеніяхъ, который самъ приведетъ широкую массу къ коммунизму. Послѣдній не можетъ быть навязанъ народу какимъ-нибудь декретомъ».

Для того, чтобы понять, какимъ образомъ Бланки, одаренный такой богатой логикой, могъ носиться съ такими фантастическими планами, необходимо припомнить, что въ то время во Франціи не было ни свободы печати, ни всеобщаго избирательнаго права. Теперь никакой разумный человѣкъ не станетъ говорить серьезно о такихъ проектахъ.

Когда вспыхнула февральская революція, Бланки находился въ больницѣ Blois. Освобожденный изъ-подъ стражи, онъ поспѣшилъ въ Парижъ и сгруппировалъ вокругъ себя всѣ революціонные элементы столицы. Онъ, повидимому, одно время думалъ низвергнуть временное правительство. «Двѣсти рѣ-

пительныхъ людей подъ предводительствомъ Бланки представляли собой въ данный моментъ болѣе внушительную силу, чѣмъ цѣлая толпа народу безъ ясно выраженной цѣли», говоритъ одинъ историкъ февральской революціи. «Разсказываютъ, что вѣсть о прибытіи въ столицу неутомимаго заговорщика нагнала смертельный страхъ на членовъ временнаго правительства. Но, если судить по рѣчи Бланки на собраніи въ Prado, то онъ, по зрѣломъ размысленіи, измѣнилъ свое первоначальное намѣреніе *) и, такимъ образомъ, правительство избавилось отъ угрожавшей ему опасности».

Радикально-республиканскіе и революціонные элементы, которые принесли такія огромныя жертвы, чтобы добиться республиканскаго образа правленія, совершенно не были представлены въ новомъ правительствѣ, что, естественно, должно было сильно вооружить эти элементы противъ новыхъ правителей. Это враждебное настроеніе вскорѣ вылилось въ форму открытой борьбы съ временнымъ правительствомъ.

Впрочемъ, и сами члены временнаго правительства питали другъ къ другу взаимную ненависть и недоувѣріе. Мы уже видѣли, при какихъ условіяхъ оно было учреждено, какъ въ его составъ вошли самыя разнообразныя элементы парламентской оппозиціи, какое упорное сопротивленіе было оказано вступленію Луи Блана и Альбера. Последнее было только уступкой настойчивому желанію народа. Къ политическимъ разногласіямъ примѣшивалась еще и чисто личная вражда. Напримѣръ, отношенія между Людрю-Ролленомъ и Арманомъ Марра были таковы, что въ началѣ революціи они едва не повели къ дуэли. При такихъ условіяхъ, конечно, не могло быть и рѣчи о солидарной и планомѣрной работѣ. Каждый стремится приобрести руководящее вліяніе и удовлетворить свое личное честолюбіе, отсюда—непрерывныя раздоры и интриги. Эти тренія обострялись еще различными внѣшними вліяніями.

Въ это время въ странѣ проявилось довольно сильное реакціонное теченіе, которое старалось найти своихъ наборниковъ среди родственныхъ ему элементовъ временнаго правительства. Такимъ образомъ, буржуазія, которая противъ своей воли ударила въ либерализмъ, возложила все свои надежды на Гарнье-Паже, Мари, Бетмона и Гудпо. Эти господа, вполне отвѣчавшіе желаніямъ и видамъ буржуазіи, только изъ страха терпѣли республиканскую форму правленія. Требования пролета-

*) Слѣдуетъ замѣтить, что до собранія въ Prado Бланки видѣлся со своимъ единомышленникомъ Коссидьеромъ, который успѣлъ уже занять префектуру. Последній рѣшительно высказался противъ испроверженія временнаго правительства.

риата, получившаго теперь нѣкоторый просторъ для открытаго проявленія, народолюбивые декреты, которые правительство вынуждено было издать подъ давленіемъ толпы, собравшейся на Гревеской площади, заставили этихъ министровъ пожалѣть о паденіи конституціонной монархіи, подъ сѣнью которой буржуазія м гла спокойно и непринужденно эксплуатировать народъ.

Ламартинъ, который наканунѣ еще былъ роялистомъ чистѣйшей воды, старался втереться во всѣ партіи, только отъ революціонеровъ онъ держался подальше. Онъ имѣлъ въ виду при случаѣ воспользоваться поддержкой умѣренныхъ партій; послѣднія въ свою очередь не прочь были вступить съ нимъ въ союзъ. Ледрю-Ролленъ, Флоконъ и полицейскій префектъ Коссидьеръ, напротивъ, были представителями старыхъ якобинскихъ традицій. Если они и не были совершенно проникнуты идеями монтаньяровъ конвента, то во всякомъ случаѣ они любили вспоминать объ ихъ дѣятельности. Но эта партія «Горы» 1848 г. напоминала собой, по мѣткому выраженію Маркса, фарсъ, каррикатуру на первую: «Коссидьеръ въ роли Дантона, Луи Бланъ въ качествѣ Робеспьера». Такую же историческую пародію представлялъ собой и Ледрю-Ролленъ съ его пустою фразеологіей. Онъ старался усвоить ихъ внѣшніе приемы, но у него не было ни ихъ рѣшительности, ни ихъ мужества. Онъ пользовался популярностью среди мелкой буржуазіи и нѣкоторыхъ слоевъ пролетаріата, въ которыхъ еще живы были воспоминанія о первой революціи. Ледрю-Ролленъ могъ при случаѣ опереться на реорганизованную полицію, составленную его другомъ Коссидьеромъ изъ революціонныхъ элементовъ Парижа. Въ составъ этой новой полиціи входило очень много коммунистовъ-республиканцевъ, приверженцевъ Бланки; она носила весьма оригинальный костюмъ: синюю блузу, красную шапку и красный поясъ, за который былъ заткнутъ револьверъ. Эти новые блюстители порядка нагоняли своимъ видомъ страхъ на парижскую буржуазію: назывались они «монтаньярами».

Значительная часть пролетаріата убаюкивалась кажущимся практическимъ характеромъ предложеній Луи Блана и смотрѣла на него и Альбера, какъ на представителей своихъ интересовъ. Это она 28-го февраля настаивала на учрежденіи министерства труда и прогресса, и замѣнившая его «правительственная комиссія для рабочихъ» должна была, по мнѣнію этихъ пролетаріевъ, служить для Луи Блана тѣмъ, чѣмъ служила полицейская префектура для Ледрю-Роллена, т. е. опорой его дѣятельности.

Подавляющее большинство новаго правительства составляли совершенно буржуазные элементы. Этимъ объясняется то, что оно не было ни революціонно ни прогрессивно. Оно, главнымъ

образомъ, стремилось къ тому, чтобы удержать за крупной буржуазіей въ неприкосновенности ея богатство и, такимъ образомъ, скомпрометировать революцію въ глазахъ значительной части народа. Вынужденное принять нѣсколько мѣропріятій, направленныхъ отчасти къ защитѣ народныхъ интересовъ, правительство постаралось придать имъ такой характеръ, чтобы они на будущее время потеряли всякое значеніе.

1-го марта состоялось въ Люксембургскомъ дворцѣ первое засѣданіе «правительственной комиссіи для рабочихъ», въ которой были представлены почти все отрасли труда столицы. Луи Бланъ открылъ засѣданіе восторженной рѣчью и, между прочимъ, указалъ на важное значеніе того факта, что блузники теперь занимаютъ тѣ же самыя кресла, въ которыхъ еще нѣсколько дней тому назадъ возсѣдали представители высшей аристократіи страны. Затѣмъ обсуждался вопросъ о наиболѣе цѣлесообразной организаціи рабочаго представительства, чтобы, какъ выразился Луи Бланъ, Люксембургъ сдѣлался дѣйствительно рабочимъ парламентомъ. Было рѣшено, что отъ каждой отрасли труда будетъ послано въ Люксембургъ по три делегата. Въ заключеніе было выставлено еще два требованія: сокращеніе рабочаго времени и уничтоженіе «*Magehandage*», т. е. мнимой передачи болѣе крупныхъ работъ второстепеннымъ предпринимателямъ. «*Magehandage*» появилась при буржуазной монархіи и вдвойнѣ понижала заработную плату: въ пользу капиталиста и второстепеннаго предпринимателя.

Луи Бланъ, любившій всегда драпироваться въ мантию высшей справедливости, потребовалъ, чтобы и мастера были привлечены къ обсужденію вопроса о выполнимости этихъ двухъ требованій. Это вызвало волненіе въ собраніи, многіе рабочіе запротестовали и заявили, что не примутся за работу прежде, чѣмъ не будутъ удовлетворены эти требованія. Но большинство оказалось на сторонѣ Луи Блана, и мастера были допущены къ участию въ совѣщаніи. На ближайшемъ засѣданіи комиссіи эти требованія были приняты. Мастера не возражали, сознавая, что это ни къ чему не приведетъ. Подчиняясь рѣшенію комиссіи, правительство выпустило слѣдующій декретъ:

«1. Рабочій день сокращается на одинъ часъ. Велѣдствіе этого онъ въ Парижѣ уменьшается съ 11 на 10 часовъ, въ провинціи—съ 12 на 11 *).

*) Этотъ декретъ остался мертвой буквой. такъ какъ онъ не намѣчалъ ни учрежденій для проведенія его въ жизнь, ни наказаній, которыя должны были преслѣдовать за его нарушеніе. Онъ имѣлъ только то значеніе, что положилъ начало фабричному законодательству, на которое впоследствии можно было ссылаться.

«2. Запрещается «Marchandage», как форма эксплуатации рабочих. Само собой понятно, что рабочие союзы, не имѣющие въ виду эксплуатацию чужого труда, не могутъ быть разматриваемы, какъ «Marchandage».

Этотъ фактъ показываетъ, что хотя «рабочій парламентъ», задача котораго заключалась въ выработкѣ законопроектовъ и разрѣшеніи текущихъ социальныхъ вопросовъ, и не пользовался большимъ вліяніемъ, тѣмъ не менѣе онъ могъ держать общественное мнѣніе въ курсѣ интересовъ и нуждъ французскаго пролетаріата.

Февральская революція взволновала не только общественное мнѣніе Парижа, но и всей Франціи. Повсюду открыто высказывались идеи, еще такъ недавно преслѣдуемыя правительствомъ Луи-Филиппа. Печать получила полную свободу, всѣ чувствовали неотложную потребность высказаться, подѣлиться своими мыслями и чувствами, возникло безчисленное множество фереиновъ (союзовъ), такъ называемыхъ клубовъ. Въ одномъ Парижѣ насчитывалось нѣсколько сотъ союзовъ, связанныхъ между собой центральной организаціей. Это центральное учрежденіе состояло изъ делегатовъ отдѣльныхъ клубовъ и носило названіе клуба клубовъ. Его засѣданія происходили отъ 12 до 3 час. пополудни, а вечеромъ делегаты расходились по различнымъ клубамъ и тамъ проводили точку зрѣнія центра. Позже, во время избирательной кампаніи, этотъ клубъ клубовъ разослалъ даже много эмиссаровъ по всей Франціи. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Ледрю-Ролленъ, имѣвшій въ клубахъ очень много приверженцевъ, выдалъ имъ 200,000 франковъ для избирательной агитаціи. Клубы имѣли свой собственный органъ «Commine de Paris», очень распространенный въ Парижѣ, редактируемый молодымъ богатымъ энтузіастомъ Собрье. Бюро газеты находилось на улицѣ Риволи № 16, гдѣ проживалъ самъ редакторъ. Этотъ домъ охранялся почетной стражей, поставленной Коссиэдеромъ.

Клубъ клубовъ могъ бы превратиться въ крупную революціонную силу, если бы его члены или по крайней мѣрѣ большинство лучше поняли историческую роль пролетаріата. Но клубъ клубовъ, какъ замѣтилъ одинъ писатель, жилъ воспоминаніями 1793 г., а одними воспоминаніями нельзя удовлетворить потребности историческаго момента или, по мѣткому замѣчанію Маркса, «соціальная революція 19 столѣтія можетъ черпать свою поэзію не изъ прошлаго, а только изъ будущаго. Она тогда только можетъ приступить къ выполненію своей задачи, когда освободится отъ всѣхъ суетвѣрій прошлаго».

Наибольшимъ вліяніемъ пользовался клубъ, въ которомъ председательствовалъ Бланки. Онъ состоялъ изъ его приверженцевъ и назывался центральнымъ республиканскимъ обществомъ. Значеніе этого клуба признають почти все историки революціи 1848 г. Въ его распоряженіи былъ театръ на улицѣ Bergère, куда массами стекались парижане. Охотно посѣщали этотъ театръ и представители крупной буржуазіи: такъ велико было ихъ желаніе посмотрѣть на человека, имя котораго было окружено такимъ грознымъ ореоломъ. Около Бланки группировались молодые идейные люди: художники, ученые и рабочіе.

Въ Парижѣ существовалъ еще одинъ клубъ, который по своему значенію могъ, пожалуй, сравниться съ центральнымъ республиканскимъ обществомъ, это—революціонный клубъ, основанный *Барбесомъ* *). Последний былъ соратникомъ Бланки почти во всѣхъ республиканско-коммунистическихъ заговорахъ при буржуазной монархіи. Бланки былъ духовнымъ вождемъ, Барбесъ—практическимъ руководителемъ. Но какъ рѣзко отличались они другъ отъ друга, какъ по наружности, такъ и по духовному своему облику! Барбесъ обладалъ всѣми качествами, способными привлечь къ нему расположеніе широкихъ массъ. Онъ былъ смѣль и отваженъ, высокъ ростомъ, съ гордой могучей головой. Какъ левъ, онъ ералася всегда, когда приходилось ставить на карту жизнь во имя «Маріанны». 12-го мая 1839 года онъ палъ за смертью на баррикадахъ. За свой героизмъ онъ пользовался горячей любовью народа. Къ тому онъ былъ очень богатъ и, несмотря на это, боролся въ первыхъ рядахъ противъ привилегій собственности. Это была его сильная сторона, но имѣлись и слабыя. Твердость характера, несокрушимый героизмъ не всегда совпадаютъ съ духовной мощью и глубиной мышленія. Такъ оно случилось и съ Барбесомъ. При его рѣдкомъ характерѣ онъ не обладалъ острымъ и глубокимъ умомъ Бланки, онъ не могъ сравниться съ послѣднимъ въ пониманіи исторической роли пролетаріата. Хотя Барбесъ вѣрилъ въ необходимость социальныхъ преобразованій, но его воззрѣнія были такъ туманны и расплывчаты, что онъ легко могъ едѣлаться игрушкой въ рукахъ различныхъ партій. Если Барбесъ и пользовался въ Парижѣ большой популярностью, то, какъ замѣчаетъ Ниполитъ Кастиль, народъ циталъ гораздо больше довѣрля къ Бланки, хотя послѣдняго онъ меньше лю-

* Къ нему принадлежали, между прочимъ, Прудонъ, Пьеръ Леру, Мартенъ Бернаръ, Рибейроль и другіе извѣстные социалисты и революціонеры.

бить, чѣмъ перваго. Въ глазахъ французовъ Барбесъ былъ Баярдомъ, а Бланки Ришелье революціи *).

Эти два человѣка были какъ бы рождены для того, чтобы взаимно дополнять другъ друга, и раздѣляющая ихъ непримиримая вражда должна была самымъ пагубнымъ образомъ отразиться на интересахъ народа. Временное правительство видѣло въ Бланки дѣйствительно опаснаго противника, оно воспользовалось этимъ расколомъ, стараясь его еще болѣе обострить. Оно прекрасно понимало, какое деморализующее вліяніе оказываетъ на революціонные элементы страны вражда между Барбесомъ и Бланки. Мы вскорѣ увидимъ, какъ поведеніе Барбеса разстраивало планы Бланки, котораго Марксъ какъ то назвалъ истиннымъ вождемъ пролетаріата.

Слѣдуетъ упомянуть о клубѣ друзей народа, во главѣ котораго стоялъ старій республиканецъ и ученый Распайль; этотъ клубъ, между прочимъ, одинъ изъ первыхъ подвергся ожесточеннымъ нападкамъ со стороны временнаго правительства. Кабе имѣлъ отдѣльный клубъ подъ названіемъ братскаго центрального общества, насчитывавшій болѣе 5000 членовъ. Этотъ клубъ, состоявшій изъ однихъ икарійцевъ, не преслѣдовалъ никакихъ революціонныхъ цѣлей, онъ исключительно стремился къ тому, чтобы практически осуществить утопію своего учителя, въ которой онъ видѣлъ панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ. Далѣе, существовало общество правъ человѣка, основанное, главнымъ образомъ, съ цѣлью противодѣйствовать вліянію клуба бланкистовъ. Дѣйствовали еще демократическое центральное общество, клубъ освобожденія народа, многіе международные ирландскіе, итальянскіе, бельгійскіе, нѣмецкіе клубы. Было отдѣльное женское общество, которое во время революціи придерживалось очень рѣшительной тактики.

Не меньшимъ значеніемъ, чѣмъ клубы, пользовалась демократическая и социалистическая печать, которая къ этому времени обогатилась новыми изданіями. Но и надъ прессой господствовали воспоминанія проплаго. Одни только названія новыхъ газетъ указываютъ на ихъ направленіе. На ряду съ «*Réforme*» и «*National*», о которыхъ мы раньше неоднократно говорили, появилась цѣлая серія новыхъ радикальныхъ газетъ: «*L'ami du peuple*», очень прогрессивный республиканскій органъ, не отступавшій передъ идеей о необходимости соціальныхъ преобразованій; редактировалъ его Распайль. О «*Commune de Paris*», редактируемой Собрье, мы уже упоминали. «*L'affaire*» du

*) Баярдъ считается величайшимъ героемъ французской исторіи, Ришелье—величайшимъ политикомъ Франціи.

peuple» пользовался особымъ интересомъ благодаря участию очень популярной романистки Жоржъ Зандъ. Главнымъ редакторомъ «Le representeur du peuple», основанной Виаромъ и Фовеги, былъ Прудонъ, который обрушился своими яростными нападками на новое правительство. Во главѣ фурьеристскаго органа «La démocratie raséienne» стоялъ Консидеранъ; къ этому слѣдуетъ прибавить цѣлый рядъ другихъ менѣе значительныхъ газетъ. Всѣ эти газеты старались по возможности дать отвѣты на наиболѣе важныя соціальныя вопросы.

Вначалѣ всѣ умы занималъ вопросъ объ избраніи учредительнаго національнаго собранія.

Временное правительство, стремившееся къ тому, чтобы какъ можно скорѣе свалить съ себя отвѣтственность, выпустило слѣдующій декретъ: 1) національное собраніе, которое должно быть избрано, составитъ новую конституцію, 2) въ избраніи его приметъ участіе весь народъ, 3) число народныхъ представителей исчисляется въ 900 чел., 4) провозглашается всеобщее, прямое, равное и тайное избирательное право, 5) всякій французъ, имѣющій 21 годъ отъ роду, обладаетъ избирательнымъ правомъ: выбраннымъ въ парламентъ можетъ быть только тотъ, кто достигъ 25-лѣтняго возраста. Выборы назначены были приблизительно на 9-е апрѣля.

Этотъ декретъ, обнародованный 5-го марта, былъ во многихъ кругахъ встрѣченъ весьма недружелюбно. Прудонъ выступилъ вообще противъ всего этого проекта. Распайль въ «L'ami du peuple» доказывалъ, что декретъ долженъ получить одобреніе народа, прежде чѣмъ быть переданнымъ къ исполненію. Также и срокъ выборовъ вызвалъ большое неудовольствіе. Одни полагали, что правительство, желая продержаться какъ можно дольше у власти, отдалило этотъ срокъ въ надеждѣ, что за это время уменьшится республиканскій энтузіазмъ. Другіе, напротивъ, находили, что этотъ срокъ слишкомъ коротокъ, что нужно дать народу время свыкнуться съ республиканскою идеей и воспользоваться этимъ временемъ, чтобы проведеніемъ серьезныхъ реформъ расположить народъ въ пользу республики и т. д.

Последнее мнѣніе, новидимому, раздѣлялъ и Бланки. Онъ находилъ, что правительство должно было прежде всего приступить къ реформамъ, такъ какъ, только ставъ на путь реформъ, республика могла сдѣлаться популярной въ народѣ. Но Бланки прекрасно понималъ, что буржуазное временное правительство неспособно на такія мѣропріятія, и этимъ объясняется его страстное желаніе свергнуть новыхъ правителей и замѣнить ихъ такими, которые очистили бы путь къ прогрессивному разви-

тію низшихъ классовъ населенія. Онъ полагалъ, что выборы могутъ сыграть роковую роль въ жизни французскаго народа, если они состоятся раньше, чѣмъ это случится. Поэтому онъ, какъ и Луи Бланъ и другіе, хотѣлъ, чтобы выборы произошли по возможности позже. Онъ, вѣроятно, надѣялся, что въ это время подвернется удобный случай, чтобы избавиться отъ временнаго правительства. Онъ предвидѣлъ, что парижская революція будетъ имѣть меньше шансовъ на удачное разрѣшеніе своихъ соціальныхъ задачъ, если уже будетъ функционировать законодательное собраніе. Учрежденное благодаря революціонному возстанію временное правительство, не опирающееся на организованную военную силу, легко ниспровергнуть тѣмъ же путемъ, какимъ оно было создано. Но советѣмъ другое дѣло, когда имѣешь передъ собою правильно созданное законодательное собраніе.

По этимъ соображеніямъ, вѣроятно, Бланки спустя нѣсколько дней послѣ опубликованія избирательнаго декрета отправился во главѣ своего республиканскаго центрального общества въ ратушу и потребовалъ удаленія всѣхъ чиновниковъ, находившихся на государственной службѣ до 24-го февраля, отмены всѣхъ законовъ, стѣснявшихъ свободу печати и собраній, и наконецъ отсрочки выборовъ. Но правительство и на этотъ разъ уклонилось отъ прямого отвѣта. Избирательный вопросъ волновалъ не только народныя массы, но и буржуазію. Послѣдняя начала борьбу съ министромъ Луи-Филиппа, королю же, напротивъ, она всегда выражала свою преданность, теперь же послѣ февральскихъ дней она вдругъ счутилась лицомъ къ лицу съ враждебно настроеннымъ пролетаріатомъ. Она стремилась къ либерально-конституціонной монархіи, а теперь во Франціи господствовала республика и, по ея мнѣнію, красная республика, которая собирается уничтожить всѣ привилегіи крупной буржуазіи.

Вышіе классы отчасти удивлялись, какимъ образомъ они удѣлѣли послѣ одержанной народомъ побѣды; они никакъ не могли себѣ представить, чтобы народъ позволилъ имъ попрежнему спокойно владѣть накопленными богатствами. Но это народное великодушіе не мѣшало имъ питать къ нему глубокую ненависть и тайную жажду мести, такъ какъ они смотрѣли на февральскую революцію, какъ на возстаніе рабовъ противъ своихъ господъ.

Если новое правительство сначала и не пошло такъ далеко, какъ этого опасалась буржуазія, то оно все же было вынуждено силой обстоятельствъ сдѣлать уступки торжествующей революціи и устранить всѣ пренятствія, которыя раньше мѣшали пролетаріату сдѣлаться господиномъ положенія. Правда, побѣда

пролетариата пока не принесла ему никаких положительных результатов, но перепуганная буржуазия опасалась, какъ бы дальнѣйшій ходъ вещей не внесъ какія-нибудь перемѣны. Хотя народъ уже больше не подымалъ краснаго знамени на Гревской площади, все же онъ щеголялъ въ революціонныхъ клубахъ съ красными значками. Онъ заставилъ правительство издать декреты, которые казались буржуазіи прямо таки ужасными. Право на трудъ, національныя мастерскія, «правительственная комиссія для рабочихъ» и наконецъ новый законъ, провозгласившій всеобщее избирательное право—все это было достаточнымъ основаніемъ въ глазахъ привилегированныхъ классовъ, чтобы возненавидѣть республику, которая служила имъ постоянной угрозой. Не мало опасеній вызывала у нихъ и новая революціонная полиція. Буржуазія смотрѣла на нее, какъ на шайку бандитовъ, которая не преминетъ воспользоваться первымъ подходящимъ случаемъ, чтобы перерѣзать глотку всѣмъ собственникамъ.

Къ тому же временное правительство приняло еще нѣкоторыя мѣропріятія, которыя еще больше взволновали французскую буржуазію. По всѣмъ департаментамъ были разосланы комиссары республики, чтобы замѣнить королевскихъ префектовъ и заняться пропагандой республиканскихъ идей. Ледрю-Ролленъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ нисалъ 12-го марта въ одномъ циркулярѣ своимъ комиссарамъ: «Ваши полномочія неограниченны. Какъ чиновники революціоннаго правительства, вы должны быть также революціонны». Министръ народнаго просвѣщенія Лазарь Шполитъ Карно, сень-симонистъ, сынъ извѣстнаго члена конвента, также проявилъ свою революціонность въ одномъ циркулярѣ къ директорамъ школъ, рекомендуя имъ повліять на выборы въ интересахъ республики.

Все это вмѣстѣ взятое вызвало дикую ненависть въ рядахъ буржуазіи противъ новаго порядка вещей во Франціи, и она вскорѣ воспользовалась случаемъ, чтобы по-своему дать почувствовать республикѣ свое недовольство. Много фабрикъ, мастерскихъ, торговыхъ домовъ закрылось, рабочіе были распушены. Очень много хозяевъ ремесленныхъ заведеній перевели свои мастерскія въ дѣревню, опасаясь грабежей. Купцы старались ликвидировать свои дѣла и реализованный капиталъ припрятать куда-нибудь въ укромное мѣсто. Крупныя капиталисты переводили свои деньги за-границу. Французскому Банку ежедневно предъявляли массу банковыхъ бумагъ, желая ихъ обмѣнять на звонкую монету, такъ что онъ въ концѣ-концовъ былъ вынужденъ прекратить платежи чистоганомъ. Банки и банкиры отказывались дисконтировать самыя лучшіе векселя, въ тор-

говлѣ наступилъ застой. Самыя ходкія акціи не могли найти покупателей на биржѣ, государственныя бумаги пали въ курсѣ. Пятипроцентныя бумаги, которыя въ послѣдніе годы июльской монархіи колебались между 115 и 120, опустились до 55, трехпроцентныя понизились съ 75-80 до 35.

Особенно пострадало въ это время государственное казначейство. Буржуазная монархія оставила республикѣ въ наслѣдство текущій долгъ въ 900 милліоновъ, консолидированный долгъ въ 5 милліардовъ и государственный бюджетъ въ 1700 милл. Когда власть перешла къ временному правительству, въ государственной казнѣ находилось всего 192 милл. звонкой монетой, въ прежніе годы состояніе кассы было гораздо лучше. При этомъ уже можно было предвидѣть, что государственные расходы значительно повысятся, а доходы, напротивъ, благодаря наступившему торговому застою и росту нищеты, должны понизиться. Министръ финансовъ Гудшо рѣшилъ отказаться отъ своей должности, считая положеніе государственныхъ финансовъ совершенно безнадежнымъ и банкротство неминуемымъ. Занявшій его мѣсто Гарнье-Наже старался всевозможными финансовыми ухищреніями избѣгнуть краха.

Временное правительство придало акціямъ Французскаго Банка принудительный курсъ и, такимъ образомъ, положило конецъ требованіямъ наличныхъ денегъ изъ кассы Банка. Для компенсаціи оно получило отъ банка заемъ въ 230 мил. подъ залогъ государственныхъ лѣсовъ. Погашеніе долговыхъ обязательствъ государственнаго казначейства, составлявшихъ $\frac{2}{3}$ всего текущаго долга, было отерочено. Эти долговья обязательства находились въ рукахъ капиталистовъ, остальная $\frac{1}{3}$ долга въ 350 милліоновъ, напротивъ, представляла собой сбереженія маленькихъ людей. Чтобы удержать послѣднихъ отъ требованія своихъ вкладовъ, процентъ былъ повышенъ до пяти, но это не помогло—сберегательныя кассы осаждались вкладчиками, которыхъ къ этому вынуждала крайняя нужда. Тогда Гарнье-Наже издалъ декретъ, согласно которому каждое предъявленное долговое обязательство погашалось слѣдующимъ образомъ: выдавалось чистоганомъ въ размѣрѣ не больше 100 франковъ, остальная часть покрывалась на половину долговыми свидѣтельствами казначейства съ отсрочкой уплаты на 4-6 мѣсяцевъ, на половину пятипроцентной рентой по номинальной стоимости, хотя курсъ упалъ на 45% ниже этой нормы.

Отъ этой денежной операціи пострадали, главнымъ образомъ, семьи рабочихъ и мелкихъ ремесленниковъ; она вызвала сильное озлобленіе въ странѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ помнили торжественныя обѣщанія временнаго правительства аккуратно

выполнить свои денежные обязательства. Правительство не ограничилось этимъ, оно увеличило прямые налоги на 45%, чѣмъ оно сильно вооружило противъ себя и мелко-буржуазные круги Франціи. Въ данномъ случаѣ республикѣ пришлось расплачиваться за финансовые грѣхи буржуазной монархіи. Правда, эта мѣра была вызвана крайней нуждой въ деньгахъ, и хотя она обогатила казначейство на 160 милл., но въ политическомъ отношеніи республика очень много потеряла. Въ принципѣ это мѣропріятіе представляло собой налогъ на имущество въ пользу представителей труда, по фактически это новое налоговое бремя падало на 11 миллионновъ земельныхъ собственниковъ, большую часть которыхъ составляли мелкіе винодѣлы, изнывающіе подъ гнетомъ непосильныхъ долговъ (см. выше, гл. IV первой части). Легко себѣ представить, какую пламенную ненависть стали питать къ республикѣ эти мелко-буржуазные слои, не успѣвшіе еще оправиться отъ голода 1847 года. Эта ненависть давала себя чувствовать вплоть до наденія республики и дала возможность ничтожному авантюристу разыграть роль «спасителя общества» *).

Между прочимъ, этотъ новый 45-процентный налогъ падалъ и на домовладѣльцевъ, и особенно пострадали домовладѣльцы предмѣстій. Въ виду безработицы рабочіе, жившіе изо дня въ день, не могли платить квартирную плату. Домовладѣльцы не рѣшались выдворить ихъ силой и, не получая никакой платы, вынуждены были еще платить налогъ на окна, двери и т. д. Естественно, что домовладѣльцы точно такъ же, какъ большая часть сельскаго населенія, не были въ состояніи уплачивать этотъ налогъ, что вынудило правительство прибѣгнуть къ непредвидѣннымъ экстрординарнымъ мѣрамъ.

Вызванное этимъ финансовымъ мѣропріятіемъ недовольство охватывало все болѣе широкіе круги общества; на ряду съ этимъ была предпринята реорганизация національной гвардіи. Этимъ воспользовалась буржуазія, чтобы выразить свое недовольство новымъ порядкомъ вещей. Преобразованная въ 1831 г. Луи-Филиппомъ національная гвардія состояла исключительно изъ представителей буржуазіи, что могло служить надежной опорой правительству для быстраго подавленія народныхъ волненій. Временное правительство, провозгласившее, хотя и противъ воли, принципъ народовластія и равенство всѣхъ передъ

*) «Революція 1789 года началась освобожденіемъ крестьянъ отъ феодальныхъ путъ, революція 1848 года, напротивъ, ознаменовалась новымъ налогомъ на крестьянство, избѣгая причинить ущербъ капиталистамъ и желая обезпечить правильное функционированіе государственной машины» (Марксъ, «Класс. борьба»).

закономъ, вынуждено было уничтожить все привилегіи въ арміи. Оно издало декретъ, что все способные носить оружіе, независимо отъ класса и званія, къ которому они принадлежатъ, должны вступить въ ряды національной гвардіи. Крупная буржуазія приняла за личное оскорбленіе этотъ декретъ, предисылавшій ей служить вмѣстѣ и на равныхъ правахъ съ простыми рабочими. Классовыя противорѣчія настолько рѣзко уже обозначились при буржуазной монархіи, что даже крупная и мелкая буржуазія не смѣшивались между собой въ средѣ національной гвардіи. Изъ представителей крупной буржуазіи были образованы отборныя роты, извѣстныя подъ названіемъ «медвѣжьихъ шапокъ». Въ виду все усиливающейся агитаціи въ клубахъ и прогрессивной печати въ пользу демократизаціи національной гвардіи, временное правительство сочло себя вынужденнымъ 14-го марта объявить о распусненіи отборныхъ ротъ. Это переполнило чашу терпѣнія буржуазіи. Уже 15-го марта распущенныя роты послали делегатовъ въ ратушу, чтобы выразить протестъ противъ этого распоряженія, но делегаты не ограничились этимъ, а коснулись вообще демократической политики правительства, въ особенности циркуляра Ледрю-Роллена.

Нѣкоторые современники усматривали въ этомъ протестѣ мелкое тщеславіе крупной буржуазіи, ея желаніе сохранить блестящую обмундировку, но это мнѣніе опровергается содержаніемъ ихъ адреса, въ которомъ роты выражаютъ готовность пожертвовать своими значками и обмундировкой, лишь бы за ними было сохранено право на изолированное положеніе въ національной гвардіи. Въ дѣйствительности, буржуазія опасалась, чтобы ея приверженцы не растворились въ общей народной массѣ и она, такимъ образомъ, лишится въ будущемъ вліятельнаго положенія, на которое она, по ея мнѣнію, могла съ полнымъ правомъ рассчитывать.

На слѣдующій день, 16-го марта, распущенныя роты двинулись сомкнутыми колоннами на Гревскую площадь съ цѣлью добиться отмены послѣдняго декрета. Вскорѣ возникла перепалка между ними и рабочими, которые явились сюда для защиты правительства. Прибылъ также генераль Курте, командиръ національной гвардіи, чтобы успокоить взбунтовавшихся гвардейцевъ и заставить ихъ разойтись, но его слова были встрѣчены градомъ насмѣшекъ и ругательствъ. Гвардейцы напали на него и хотѣли отнять у него саблю и сорвать эполеты, при чемъ бросили ему въ лицо наиболѣе оскорбительное съ ихъ точки зрѣнія слово: коммунистъ! Курте пришлось бы плохо, если бы на помощь ему не посѣпшила группа рабочихъ. Съ криками: «да здравствуетъ республика!» они бро-

сились на медвѣжьих шапки и прогнали ихъ съ площади. Ледрю-Ролленъ, бывший въ это время въ ратушѣ, былъ также встрѣченъ бранью и угрозами.

Правительство не имѣло въ своемъ распоряженіи военной силы, на которую оно могло бы опереться, и было бы раздавлено народомъ, если бъ оно уступило претензіямъ буржуазіи. Оно это прекрасно понимало и поэтому держалось рѣшительно и твердо. Араго объявилъ делегатамъ отъ имени правительства, что декретъ былъ изданъ не по личному усмотрѣнію Ледрю-Роллена, а съ согласія всей коллегіи и командира національной гвардіи. Онъ указалъ имъ на опасность ихъ массовой демонстраціи, упомянувъ, что буржуазія является партіей порядка и должна своимъ поведеніемъ служить примѣромъ для рабочихъ.

Между тѣмъ, народъ началъ собираться большими толпами на Гревскую площадь. Съ быстротой молніи распространилась вѣсть объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ Ледрю-Роллену. Раздались бурные возгласы: «Да здравствуетъ Ледрю-Ролленъ!». Делегаты на обратномъ пути изъ ратуши были осыпаны насмѣлками, буржуазныя роты съ позоромъ разошлись, преслѣдуемая грозными криками народа: «Да здравствуетъ республика!». Народная молва дала насмѣливую кличку этой демонстраціи: «манifestація медвѣжьихъ шапокъ».

Предказаніе Араго сбылось. Послѣ демонстраціи буржуазія послѣдовала демонстрація народа. Соответствующее настроеніе уже нѣкоторое время замѣчалось въ парижскомъ населеніи, «манifestація медвѣжьихъ шапокъ» послужила только послѣднимъ толчкомъ. Народъ требовалъ отсрочки выборовъ офицеровъ національной гвардіи, отсрочки выборовъ въ учредительное собраніе и удаленія изъ Парижа всѣхъ оставшихся регулярныхъ войскъ. Последнее требованіе было, главнымъ образомъ, выдвинуто Бланки, надѣявшимся, что это заставитъ колеблющіеся и реакціонные элементы временнаго правительства уступить свое мѣсто болѣе рѣшительнымъ и революціонно настроеннымъ дѣятелямъ. Руководители назначили народную демонстрацію на 17-е марта: рѣшено было, что всѣ демонстранты должны собраться утромъ 17-го въ аллеѣ Елисейскихъ полей. На этотъ призывъ откликнулось около 200,000 человекъ. Рабочіе шли сомкнутыми, правильными колоннами. Грандіозное шествіе направилось вдоль набережной Сены къ ратушѣ. Гревская площадь наполнилась цѣлымъ моремъ головъ и вскорѣ раздались торжественные звуки марсельезы.

Луи Бланъ пишетъ, что сначала онъ боялся, какъ бы эта демонстрація не закончилась неудачей, но зрѣлище, которое

представилось его глазамъ, наполнило его радостью. По его словамъ, въ Парижѣ никогда не происходило ничего болѣе внушительнаго и грандіознаго. Дальше онъ прибавляетъ: «Но набѣжавшая тучка разсѣяла эту радость. Делегаты явились въ ратушу и одинъ изъ нихъ, гражданинъ Жераръ, прочелъ петицію отъ имени парижскаго населенія, настаивающую на отсрочкѣ выборовъ офицеровъ національной гвардіи до 5-го апрѣля, отсрочкѣ выборовъ въ національное собраніе до 31-го мая и удаленіи войскъ изъ столицы. Затѣмъ я замѣтилъ среди присутствующихъ какія-то незнакомыя фигуры, отличавшіяся угрожающимъ выраженіемъ лица. Я понялъ, что эти господа ничего общаго съ рабочими не имѣютъ, а только втерлись въ общее движеніе. Это навело меня на мысль, что тѣ, которые назвались делегатами собравшагося народа, въ дѣйствительности не были ими, по крайней мѣрѣ, часть делегации. Желаніе рабочихъ было выражено въ петиціи, но между присутствующими находились люди, выжидавшіе момента, чтобы въ интересахъ направленія, представляемаго Ледрю-Ролленомъ, Флокономъ и мною, низвергнуть членовъ временнаго правительства, придерживавшихся противоположныхъ взглядовъ.

Люди, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Луи Бланъ, были никто иные, какъ Бланки, Лакомбъ, Флоттъ и другіе, словомъ, весь генеральный штабъ республиканскаго центрального общества, который явился, чтобы не дать одурачить народъ пустыми фразами, до которыхъ Луи Бланъ былъ такой охотникъ. И руководители народныхъ массъ были правы, потому что Луи Бланъ самъ признаетъ, что въ виду серьезности положенія онъ счелъ своей обязанностью выступить въ защиту временнаго правительства.

Что заставило Луи Блана поступить такимъ образомъ, великодушіе или слабость характера? Ясно, что такое поведеніе было по меньшей мѣрѣ странно со стороны человѣка, который сознавалъ, что большинство правительства радо какъ можно скорѣе отъ него отдѣлаться. И Луи Бланъ лучше всякаго другого зналъ, что это правительство ничего не сдѣлало, чтобы расположить французскій народъ въ пользу республики. Онъ зналъ, что эти правители незадолго передъ тѣмъ порѣшили увеличить прямыя налоги на 45⁰/₀, что должно было гибельнымъ образомъ отразиться на матеріальномъ благосостояніи карликовыхъ крестьянъ и превратить ихъ въ заклятыхъ враговъ республиканскаго режима. Позволять этимъ господамъ хозяйничать во Франціи означало даже съ точки зрѣнія Луи Блана компрометировать республику. Прудонъ очень мѣтко отмѣчаетъ въ своей «Исповѣди революціонера», какъ не-

последовательно было въ данномъ случаѣ поведеніе Луи Блана. Последнему пришлось имѣть дѣло съ людьми, которые явились, чтобы практически осуществить его задушевные желанія. «Когда же этотъ моментъ наступилъ», говоритъ Прудонъ, «онъ оттолкнулъ отъ себя тѣхъ, которые пришли, чтобы на дѣлѣ доказать ему свою преданность... онъ отвернулся отъ ихъ мрачныхъ фигуръ».

По словамъ Луи Блана, Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ старались провести делегатовъ уклончивыми отвѣтами. Тогда возвысился свой строгій, повелительный голосъ Бланки. Онъ потребовалъ отъ правительства немедленнаго удовлетворенія выставленныхъ народомъ требованій и истинно демократической политики. Барбесъ былъ также на лицо. Достаточно было только одного знака съ его стороны, чтобы революціонеры одержали верхъ надъ буржуазнымъ правительствомъ, но личная ненависть къ Бланки заглушила въ немъ все остальные чувства. Къ тому же онъ со времени приѣзда въ Парижъ находился подъ вліяніемъ Этьена и Эмануэля Араго, сына и брата члена правительства, и его пассивное поведеніе даю возможность временному правительству избѣгнуть грозившей ему опасности.

Въ то время, какъ съ площади доносились грозные крики и пѣніе марсельезы, Луи Бланъ опять обратился съ рѣчью къ делегатамъ, стараясь смягчить ихъ потокомъ громкихъ фразъ. Суровый голосъ возразилъ ему: «Вы можете быть увѣрены, что народъ готовъ для васъ работать и умереть, но, конечно, только тогда, когда вы будете защищать его права». Одинъ делегатъ выразилъ отъ имени рабочихъ довѣріе временному правительству. Это встрѣтило бурный протестъ со стороны бланкистовъ. Раздались крики: «не всё!» Неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бъ упомянутый делегатъ Сольвье, другъ Барбеса, и послѣдній не взяли подъ свою защиту правителей Франціи. Среди революціонеровъ не было солидарности, это обрекло ихъ на политическое безсиліе *).

Послѣ того, какъ Ледрю-Ролленъ заявилъ, что правитель-

*) Кромѣ Барбеса, также Кабе высказывался противъ насильственнаго сверженія временнаго правительства. Марксъ пишетъ: «17 марта обнаружило расколъ въ рядахъ пролетаріата, парализовавшій возможность какого бы то ни было рѣшительнаго акта... Онъ былъ вынужденъ противъ буржуазіи принять сторону партіи буржуазной республики, такъ какъ, казалось, что послѣдней грозитъ опасность. Онъ укрѣпилъ позицію временнаго правительства вмѣсто того, чтобы подчинить его себѣ» («Классовая борьба»). Прудонъ называетъ въ своей «Исповѣди» 17-е марта «реакціей Луи Блана» и рассказываетъ, что онъ также былъ намѣченъ бланкистами и др. въ качествѣ будущаго члена новаго правительства.

ство ждѣть свѣдѣній изъ провинціи, чтобы окончателно установить время выборовъ, депутація удалалась, не добившись ничего положительнаго.

Правительство сочло пужнымъ показаться народу и спустилось по парадной лѣстницѣ на устроенную передъ ратушей эстраду. Въ это время на плечо Луи Блана опустилаась тяжелая рука, онъ обернулся и встрѣтился лицомъ къ лицу съ рабочимъ Флоттомъ, который ему крикнулъ: «Итакъ, ты теже сдѣлаелся предателемъ, и ты!» Народъ же, напротивъ, устроилъ Луи Блану шумныя оваціи. Опъ и Ледрю-Ролленъ ушли изъ ратуши, съ почетомъ провожаемые народомъ.

Сотни тысячъ рабочихъ потянулись вдоль бульваровъ. Буржуазія съ ужасомъ смотрѣла на это зрѣлище и затаила въ душѣ глубокую ненависть противъ народа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Демонстрація 17-го марта, во время которой парижекій пролетаріатъ мобилизовалъ все свои силы для поддержки прогрессивной части временнаго правительства, значительно укрѣпила положеніе этого меньшинства.

Съ другой стороны, для правительства въ цѣломъ было чувствительнымъ урокомъ поведеніе огромныхъ народныхъ массъ, ихъ страстное возбужденіе и замѣтная склонность, въ случаѣ крайности, силой добиться удовлетворенія своихъ справедливыхъ требованій. Правительство поняло, что народъ, по крайней мѣрѣ, ч есть его не успокоится до тѣхъ поръ, пока его желанія не будутъ исполнены. Поэтому истинные поборники социальныхъ реформъ располагали двоякой силой: они опирались на воинственно настроенную пролетарскую массу и въ ихъ рукахъ была моральная сила, вытекающая изъ такого положенія вещей, такъ что реакціонное большинство временнаго правительства должно было понять невозможность бороться дальше съ бурными требованіями народа.

Тѣмъ не менѣе продолжались только разговоры, а дѣлать ничего не дѣлали. Общество выражало свои чувства въ пѣсняхъ, проникнутыхъ удивленіемъ и симпатіями къ угнетеннымъ классамъ, воспѣвалось ихъ полное освобожденіе отъ сковывающихъ ихъ путъ. Особенной популярностью пользовались пѣсни Пьера Дюпона и Лашамбода (см. 1-ю часть, гл. V). Члены клубовъ постоянно уиражнялись въ краснорѣчіи, само правительство превратилось въ лабораторію блестящихъ рѣчей и повсюду трубило о своихъ «глубокихъ симпатіяхъ къ обездоленнымъ классамъ общества».

Такъ какъ никто не осмѣливался отрицать, что организованная пролетаріатомъ революція носитъ социальный характеръ и поэтому должна преслѣдовать социальные цѣли, то нельзя было ограничиться одними только разговорами, а пришлось, хотя бы въ видѣ эксперимента, принять нѣкоторыя мѣры къ улучшенію положенія рабочихъ. Эти первыя попытки и были сдѣланы Луи Бланомъ и Люксембургской комиссіей. Мы уже упоминали о состоявшемся рѣшеніи призвать въ ряды національной гвардіи всѣхъ гражданъ, способныхъ носить оружіе. Было постановлено выдавать готовую обмундировку тѣмъ, которые не были въ состояніи сдѣлать ее на свой счетъ. Этимъ воспользовался Луи Бланъ, чтобы осуществить нѣкоторыя свои идеи. Онъ рѣшилъ выполнить этотъ правительственный заказъ при помощи самихъ рабочихъ, безъ посредниковъ. Онъ устроилъ огромную кооперацію портныхъ, которая и приступила къ работамъ въ зданіи бывшей долговой тюрьмы въ Клиши.

Товарищество было основано на слѣдующихъ началахъ. Отъ каждаго участника требовалось прилежаніе, соблюденіе порядка и знаніе своего дѣла. Во главѣ предпріятія стояли свободно выбранные представители рабочихъ. Въ основу распредѣленія чистаго дохода и назначенія платы былъ положенъ принципъ равенства. Кромѣ того долженъ былъ быть выдѣленъ специальный фондъ для поддержанія вдовъ, сиротъ и больныхъ. Чистый доходъ раздѣляется на двѣ части. Одна часть распредѣляется между членами ассоціаціи, а другая часть идетъ на образованіе коллективнаго капитала, который долженъ быть использованъ въ цѣляхъ упроченія и расширенія предпріятія.

При такихъ условіяхъ кооперація портныхъ приняла весьма широкіе размѣры; она положила начало характерному движенію 1848 года. Рабочіе стали смотрѣть на принципъ коопераціи, какъ на панацею отъ всѣхъ социальныхъ золъ, они устремились въ эти ассоціаціи съ рвеніемъ, заслуживающимъ лучшей участи.

Вслѣдъ за товариществомъ портныхъ Люксембургская комиссія основала вторую ассоціацію, сѣдельщиковъ. Временное правительство запретило работу въ тюрьмахъ и казармахъ, желая, такимъ образомъ, защищать рабочихъ отъ губительной конкуренціи рабочаго дома и военныхъ мастерскихъ. Этимъ распоряженіемъ воспользовался Луи Бланъ, чтобы устроить товарищество сѣдельщиковъ на такихъ же основаніяхъ, какъ и ассоціацію портныхъ. Затѣмъ возникла кооперація ткачей и многія другія.

Намъ незначѣмъ останавливаться на экономическомъ значеніи этихъ производительныхъ товариществъ. Установлено, что для успѣшной борьбы съ крупной промышленностью недостаточны

кооперации изъ одной только рабочей силы, а необходимо прежде всего владѣть капиталомъ. Если кооперативныя товарищества въ отдѣльныхъ случаяхъ, преимущественно въ области повседневнаго потребления, и облегчаютъ положеніе трудящихся массъ, то они никогда не могутъ привести къ ихъ экономическому освобожденію.

Хотя Люксембургская коммиссія, не располагавшая ни законодательной, ни исполнительной властью, не дала ничего положительнаго рабочимъ, тѣмъ не менѣе она старалась содѣйствовать проведенію серьезныхъ реформъ въ пользу труда. Такъ, напримѣръ, Луи Бланъ составилъ слѣдующій проектъ. Въ каждомъ кварталѣ долженъ быть устроенъ образцовый домъ довольно значительныхъ размѣровъ, въ которомъ могло бы помѣститься до 400 рабочихъ семей. Каждая семья имѣетъ свое отдѣльное жилище. Предметы повседневнаго потребления, какъ пища, топливо и т. д., должны быть заготовлены въ большомъ количествѣ. Въ этихъ же домахъ для квартирантовъ устраиваются читальни, школы, бани и пр. Каждый такой домъ, по приблизительному разсчету, долженъ обойтись въ миллионъ, и для покрытія этихъ издержекъ временному правительству придется сдѣлать специальный заемъ.

«Тогда», говоритъ Луи Бланъ, «я былъ вынужденъ внести это предложеніе, но событія, быстро слѣдовавшія другъ за другомъ, устранили этотъ проектъ, какъ и многіе другіе».

Дальше Люксембургская коммиссія открыла во всѣхъ мѣряхъ Парижа посредническія бюро для подысканія работы безработнымъ. По ея же инициативѣ были приняты еще нѣкоторыя мѣры въ томъ же духѣ.

Нѣкоторое время Люксембургская коммиссія играла даже роль третейскаго суда между рабочими и мастерами. Дѣло въ томъ, что послѣ февральскихъ дней настроеніе рабочихъ сильно поднялось и они предъявили хозяевамъ различныя требованія, что вызвало цѣлый рядъ стачекъ. Въ подобныхъ случаяхъ обращались къ посредничеству Люксембургской коммиссіи.

Какъ уже было сказано выше, въ 1848 г. много говорили о социальныхъ преобразованіяхъ. Такого рода дебаты имѣли мѣсто и въ Люксембургской коммиссіи, тамъ современный общественный строй былъ подвергнутъ жестокой критикѣ. Считаемо нелпшнимъ привести здѣсь одну изъ такихъ рѣчей.

«Вы насъ призываете къ работѣ», воскликнулъ одинъ членъ коммиссіи, «но вѣдь у насъ нѣтъ ни полей для обработки, ни лѣса для постройки, ни желѣза, которое мы могли бы ковать... Развѣ намъ не запрещено собирать плоды въ садахъ и поляхъ, черпать воду изъ колодезѣвъ, охотиться въ лѣсахъ и

отдыхать подъ тѣнью ихъ листвы? У насъ ничего нѣтъ для работы, для жизни, потому что все созданное трудомъ нашихъ рукъ находится во власти собственниковъ, потому что до насъ и безъ насъ изданы законы, бросающіе насъ на произволъ судьбы, потому что, согласно этимъ законамъ, всѣ средства производства находятся въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ, привилегированныхъ лицъ.

Одной изъ непосредственныхъ задачъ Люксембургской комиссіи было составлять законопроекты и вносить ихъ на обсужденіе въ національное собраніе. Какими средствами комиссія надѣялась устранить всѣ существующія социальныя неурядицы? Предоставимъ слово Луи Блану, творцу всѣхъ наиболѣе важныхъ реформаторскихъ проектовъ комиссіи. Онъ пишетъ:

«Внесенныя Люксембургской комиссіей предложенія сводятся къ слѣдующему:

«1. Должно быть учреждено министерство труда, специальная задача котораго заключается въ томъ, чтобы расширить социальную революцію и постепенно, мирно, безъ потрясеній содѣйствовать подъему пролетаріата.

«2. Министерству труда должно быть поручено: 1) скупить всѣ желѣзнодорожныя и горнопромышленныя предпріятія посредствомъ выпуска государственныхъ облигацій; 2) превратить Французскій Банкъ въ государственный банкъ; 3) установить государственное страхованіе; 4) устроить подъ наблюденіемъ отвѣтственныхъ чиновниковъ большіе склады товаровъ, куда фабриканты и производители будутъ складывать свои товары, получая взамятъ квитанціи, которыя будутъ играть роль бумажныхъ денегъ, такъ какъ гарантіей будутъ служить сданные товары и 5) открыть базары, которые должны для мелкой торговли играть такую же роль, какъ товарные склады для крупной.

«3. Чистый доходъ со всѣхъ этихъ предпріятій желѣзнодорожныхъ, горнопромышленныхъ, банковыхъ и товарныхъ складовъ пойдетъ на образованіе рабочаго бюджета при министерствѣ труда.

«4. Проценты и погашеніе сдѣланныхъ долговъ должны покрываться изъ рабочаго бюджета, излишекъ долженъ быть употребленъ: 1) на денежныя затраты по организаціи рабочихъ ассоціацій; 2) на устройство сельско-хозяйственныхъ колоній.

«5. Въ основу ассоціацій долженъ быть положенъ принципъ братской солидарности. Они должны быть организованы такъ, чтобы могъ быть составленъ нестѣждаемый и безпрерывно возрастающій коллективный капиталъ, что является единственнымъ

способомъ освободиться отъ мелкаго и крупнаго ростовщичества. Такимъ образомъ капиталъ не будетъ больше служить орудіемъ тираніи, собственность на орудія производства не будетъ привилегіей, кредитъ—товаромъ, благосостояніе—исключеніемъ, праздность—правомъ.

«При такихъ условіяхъ ассоціаціи будутъ имѣть право разсчитывать на матеріальную поддержку государства.

«6. Для достиженія этой цѣли ассоціаціи должны распределить свои доходы слѣдующимъ образомъ:

«За вычетомъ издержекъ на заработную плату, проценты, транспортировку и сырье, чистый доходъ распределяется: 1) одна четверть на погашеніе капитала, отчужденнаго государствомъ у частныхъ собственниковъ; 2) одна четверть на поддержку старыхъ и больныхъ рабочихъ; 3) одна четверть на преміи рабочимъ и 4) одна четверть на образованіе запаснаго фонда.

«На такихъ началахъ будутъ организованы отдѣльныя мастерскія, всѣ мастерскія разныхъ отраслей промышленности составятъ общій союзъ на принципѣ взаимной солидарности».

Вотъ что подразумѣвалось Луи Бланомъ подъ министерствомъ труда; этого требовали собравшіеся 28-го февраля передъ ратушей рабочіе, и это было отвергнуто временнымъ правительствомъ.

Временное правительство опасалось, какъ бы это не послужило средствомъ въ рукахъ Луи Блана для проведенія своего завѣтнаго плана организаціи труда, поэтому оно медленно и съ большой неохотой ассигновывало средства нѣкоторымъ рабочимъ ассоціаціямъ на обработку сырья, другими словами, на выполненіе полученныхъ ими заказовъ.

Извѣстный англійскій экономистъ Джонъ Стюартъ Милль высказалъ слѣдующее мнѣніе о Люксембургской комиссіи и ея дѣятельности:

«Внесенные въ Люксембургскую комиссію проекты совершенно не оправдываютъ паническаго ужаса, вызваннаго во всей Европѣ словомъ «соціализмъ». Вполнѣ естественно ожидать отъ правительства, чтобы оно въ извѣстныхъ предѣлахъ облегчало матеріальной поддержкой организацію промышленныхъ товариществъ, основанныхъ на социалистическихъ принципахъ.»

Интересно мнѣніе Маркса о значеніи Люксембургской комиссіи: «За Люксембургской комиссіей, этимъ дѣтищемъ парижскихъ рабочихъ,—пишетъ онъ въ «Классовой борьбѣ»,—нельзя не признать заслугу въ томъ, что она раскрыла съ европейской трибуны тайну февральской революціи: *эмансипацію пролетаріата*. «Moniteur» бѣсновался, будучи вынужденъ офи-

ціально проповѣдывать «дикія фантазіи», которыя до тѣхъ поръ скрывались въ апокрифическихъ сочиненіяхъ социалистовъ и только отъ поры до времени доходили до ушей буржуазіи не то въ видѣ смѣшныхъ, не то въ видѣ ужасныхъ сказокъ. Ошеломленная Европа проснулась отъ своего буржуазнаго сна».

Въ дѣйствительности Луи Блану не удалось въ 1848 г. провести ни одну изъ своихъ социальныхъ идей въ болѣе или менѣе полномъ видѣ. Это объясняется, главнымъ образомъ, недовѣріемъ, съ которымъ были встрѣчены «національныя мастерскія», основанныя одновременно съ начавшейся агитаціей въ пользу «социальныхъ мастерскихъ» Луи Блана. Многіе писатели отчасти по невѣжеству, отчасти изъ злого умысла смѣшивали эти національныя мастерскія съ социальными мастерскими Луи Блана. Первые были основаны помимо Луи Блана и для борьбы съ нимъ и Люксембургской комиссіей. Они представляли собой новую форму буржуазной филантропіи и Кентэнъ Бушаръ совершенно вѣрно назвалъ ихъ «организацией милостыни» *).

Соціалистическій писатель Викторъ Марукъ, составившій брошюру о іюньскихъ дняхъ, говоритъ о національныхъ мастерскихъ:

«Прежде всего они должны были вызвать деморализацію въ рабочей средѣ. Но относительно парижскаго пролетаріата нечего было опасаться, онъ съ самаго ихъ возникновенія горько жаловался на униженное положеніе, въ которое послѣднія его поставили. Только муки голода гнали его въ національныя мастерскія».

Дѣйствительно, только голодъ, вызванный острымъ промышленнымъ кризисомъ, начавшимся еще до революціи и осложнившимся благодаря послѣднимъ событіямъ, могъ заставить парижскихъ рабочихъ поступиться своимъ человѣческимъ достоинствомъ и обратиться къ національнымъ мастерскимъ. Крупная буржуазія желала, чтобы кризисъ осложнился, во всякомъ случаѣ она всѣми силами ему способствовала. Она поспѣшила изъять изъ промышленности свои капиталы, припрятать свои богатства и, такимъ образомъ, объявить войну новому режиму. Естественно, что параллельно съ тѣмъ, какъ возрастала нужда трудящихся массъ, усиливался наплывъ въ національныя мастерскія. Число занятыхъ въ мастерскихъ рабочихъ 11-го марта равнялось 5100, 31-го марта — 23250, въ концѣ апрѣля — 34520, а въ іюнѣ достигло 117310.

*) Марксъ называетъ ихъ въ «Классовой борьбѣ» «англійскими рабочими домами на волѣ».

Эта громадная армия труда была съ самаго начала организована на военный ладъ. Рабочіе получали квитанцію на порцію хлѣба и постоянную ежедневную плату въ 2 франка, праздничный день оплачивался 1,50 фр. Каждые 11 челов. составляли капральство, во главѣ котораго стоялъ выбранный рабочими начальникъ, получавшій 3 франка въ день. Пять капральствъ составляли бригаду, которой командовалъ также выбранный начальникъ съ платой въ 3 франка. Каждые 4 бригады составляли лейтенантство, 4 лейтенантства—роту подъ начальствомъ поручика и мастера; послѣдній назначался властями.

Найти работу для всей этой массы оказалось чрезвычайно трудно. Согласно желанію временнаго правительства, необходимо было строго придерживаться опредѣленныхъ рамокъ; пришлось поэтому ограничиться непродуцируемымъ трудомъ, преимущественно земляными работами. Государственные инженеры не дали себѣ труда составить планъ крупныхъ, полезныхъ предприятий. Бюрократія, незадолго передъ тѣмъ служившая Луи Филиппу, хотѣла показать республикѣ, какъ сильно она презирала новую форму правленія. Поэтому въ національныхъ мастерскихъ порой не знали, что дѣлать съ рабочими. Подъ предлогомъ транспортныхъ работъ ихъ иногда посылали цѣлыми ротами на прогулку. Рабочіе фланировали съ пѣснями и криками по улицамъ столицы, нагоняя страхъ на парижанъ. Рабочимъ ставили въ виду то, что составляло позоръ и преступленія буржуазіи. Послѣдняя все болѣе проникалась дикой ненавистью къ рабочимъ, что и вылилось въ кровавой расправѣ іюньскихъ дней.

Между рабочими національныхъ мастерскихъ было много сильныхъ, энергичныхъ людей, у которыхъ эта работа вызывала краску стыда. Но что же имъ было дѣлать? Отъ получаемыхъ ими нищенскихъ 2 франковъ часто зависѣла участь дорогихъ и близкихъ людей. Съ другой стороны, правительство не всегда могло принять всѣхъ рабочихъ, которыхъ горькая нужда гнала въ національныя мастерскія.

Посвященные люди спокойно смотрѣли на развѣртывающіяся передъ ними событія. Они были увѣрены, что національныя мастерскія не долго продержатся, а съ ихъ уничтоженіемъ легко будетъ взвалить всю вину за неудачную систему на ихъ мнимыхъ творцовъ, Луи Блана и другихъ и, такимъ образомъ, вооружить крестьянство противъ социалистовъ. Эти соображенія составляли истинную подкладку широкообѣщательныхъ обѣщаній Ламартина и другихъ краснобаевъ, которыхъ ослѣпленный Луи Бланъ такъ часто поддерживалъ.

Наиболее реакціоннымъ членомъ временнаго правительства былъ министръ общественныхъ работъ Мари. Онъ поставилъ во главѣ національныхъ мастерскихъ молодого инженера Эмиля Тома, казавшагося ему пригоднымъ для достиженія своихъ тайныхъ замысловъ. Этотъ инженеръ назывался чрезвычайнымъ комиссаромъ.

Главная цѣль Мари заключалась въ томъ, чтобы держать рабочихъ въ полной зависимости отъ правительства. Усердіе и преданность отдѣльныхъ лицъ можно было купить отличіями и теплыми мѣстечками. Поэтому очень скоро приступили къ тайной агитаціи въ пользу реакціоннаго большинства временнаго правительства противъ социалистическихъ тенденцій Люксембургской комиссіи и клубовъ. Эмиль Тома самъ замѣчаетъ въ своей «Исторіи національныхъ мастерскихъ», что былъ организованъ специальный клубъ изъ ставленниковъ національныхъ мастерскихъ, какъ противовѣсъ Люксембургской комиссіи.

Викторъ Марукъ характеризуетъ положеніе вещей слѣдующими мѣткими словами: «Рабочіе были организованы на военную ногу съ цѣлью поддержать антиреволюціонные планы части временнаго правительства. Составивъ такимъ образомъ своего рода преторіанскую гвардію, готовую итти туда, куда ей прикажутъ, реакціонеры одновременно нанесли ударъ социализму и внесли расколъ въ среду пролетаріата».

Эмиль Тома пишетъ объ этомъ заговорѣ слѣдующее: «г. Мари пригласилъ меня въ ратушу... Тутъ онъ отвелъ меня въ сторону и спросилъ, могу ли я рассчитывать на своихъ рабочихъ. Я думаю, что да, возразилъ я; но ихъ число возрастаетъ со дня на день, такъ что мнѣ уже трудно непосредственно вліять на нихъ, какъ бы я этого желалъ. Объ этомъ не беспокойтесь, сказалъ министръ, если рабочіе будутъ держаться хорошо, то ихъ число никогда не будетъ слишкомъ велико. Найдите только средство привязать ихъ къ себѣ; денегъ не жалѣйте, въ крайнемъ случаѣ мы вамъ откроемъ секретный фондъ... Но можете ли вы во всѣхъ отношеніяхъ надѣяться на своихъ людей? Возможно, что скоро наступитъ день, когда нужно будетъ ихъ повести на улицу».

Такъ далеко зашелъ уже заговоръ реакціонныхъ элементовъ правительства. Реакціонеры уже не довольствовались антисоциалистической агитаціей въ клубѣ національныхъ мастерскихъ, гдѣ наемные агенты всѣми силами старались въ области социальныхъ наукъ привить рабочимъ чисто буржуазныя идеи, они пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы разжечь въ массѣ ненависть противъ такихъ людей, какъ Бланши, Распайль, Луи Бланш и др.

Эта агитация шла довольно успешно. И в 1848 г. рабочие могли быть так же одурачены, как это часто случалось и раньше. Социалистическое воспитание французского пролетариата, которое и теперь находится далеко еще не на высоте, тогда только что началось. Социалистическая мысль была тогда еще робка и бессознательна. Рабочие не могли так скоро отделяться от старых, усвоенных с детства предрассудков. Рабочие бились в тисках давившего их экономического гнета и порой сами не знали, на ком и на чем излить всю накипавшую в них злобу, и при таких условиях легко попадали в ловушки какого-нибудь ловкого политического интригана.

Многие рабочие, потеряв способность к труду и не имея никаких средств к жизни, с безумной яростью набрасывались на то, что им казалось причиной всех их несчастий: они начали разрушать машины. Этим делом не ограничилось. В апреле 1848 г. огромная толпа французских рабочих напала на иностранных рабочих, обвиняя их в том, что они отнимают у них последний кусок хлеба. В Марсели, где находилось много итальянских портовых рабочих, также разыгрались серьезные беспорядки. В Гавре английские рабочие после неоднократных стычек вынуждены были покинуть город.

Подобные сцены происходили и в некоторых углепромышленных районах. Париж также был охвачен этим движением. Увлеченный господствующим настроением, революционный полицейский префект Коссидьер издал приказ, в котором он, между прочим, предупреждает иностранных рабочих, что они больше не могут быть приняты в национальные мастерские и что, возможно, ему придется уволить из мастерских уже работающих иностранцев.

Но из среды самих французских рабочих и их руководителей раздался энергичный протест против этих диких выходов. Орган бюрократов «Atelier» обратился с настойчивым предупреждением к ослабленным французским рабочим. Также Люксембургская комиссия выступила с энергичной защитой иностранных рабочих. От ее имени Луи Блан сообщил временному правительству следующее разъяснение, которое и было напечатано 9-го апреля в «Moniteur'е».

«Принимая во внимание, что республика достигла полной победы, исходя из принципов братства; что мы боролись и победили во имя и в интересах всего человечества; что человеческая личность является по природе своей священной, независимо от того, к какой бы национальности она не при-

надлежала; что долгъ и природное благородство французовъ заключается въ томъ, чтобы своими побѣдами, а въ случаѣ крайности и своими страданіями пріобрѣтать симпатіи народовъ; принимая во вниманіе, что, если Франція теперь и доставляетъ средства къ жизни многимъ иностранцамъ, то гораздо большее число нашихъ соотечественниковъ добываютъ себѣ пропитаніе въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ; что изгнаніе изъ предѣловъ Франціи нашихъ иностранныхъ братьевъ навлекло бы на нашу родину позоръ и неисчислимыя бѣдствія, вызвавъ такія же репрессіи со стороны другихъ государствъ, временное правительство отдаетъ всѣхъ находящихся во Франціи иностранныхъ рабочихъ подъ защиту французскихъ рабочихъ, оно довѣряетъ благородству французскаго народа честь нашей гостепріимной республики».

На этомъ закончилось враждебное отношеніе къ иностраннымъ рабочимъ, но это движеніе лишній разъ показало, что среди парижскаго пролетаріата находится еще много стихійныхъ, бессознательныхъ элементовъ, которые легко склонить въ пользу реакціи, чѣмъ при случаѣ реакціонное правительство и можетъ воспользоваться, чтобы разбить на голову социалистически мыслящую часть пролетаріата.

Эти волненія облегчили реакціоннымъ правителямъ Франціи выполнить свой задуманный планъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы уже упоминали о томъ, что передъ февральской революціей Европа была охвачена сильнымъ броженіемъ. Не совсѣмъ вѣрно мнѣніе многихъ писателей, утверждающихъ, что февральская революція подняла возстаніе во всей Европѣ. Вездѣ накопилось очень много народнаго недовольства, революціонная буря во Франціи, прокатившись громкимъ эхомъ по всей Европѣ, послужила только послѣднимъ толчкомъ, поднявшимъ европейскіе народы противъ своихъ угнетателей.

13-го марта вспыхнуло возстаніе въ Вѣнѣ. Народъ требовалъ отставки Меттерниха, народной милиціи и конституціоннаго образа правленія. Два дня длился бой, и 14-го марта императоръ Фердинандъ счелъ себя вынужденнымъ удовлетворить эти требованія, Меттернихъ бѣжалъ въ Лондонъ, гдѣ тогда находили себѣ убѣжище всѣ государственные дѣятели и монархи, спасаясь отъ революціонныхъ бурь на континентѣ. 15-го марта въ Вѣну явилась венгерская депутація съ Людовикомъ Кошутомъ

во главѣ, также добившаяся удовлетворенія своихъ требованій: установленія національно-венгерскаго правительства съ отдѣльнымъ самостоятельнымъ министерствомъ.

На той же недѣлѣ, когда это происходило въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ тоже началось народное броженіе. Здѣсь тоже вначалѣ народныя требованія были очень скромныя, они заключали въ себѣ только отмѣну цензуры и провозглашеніе конституціи. Король Фридрихъ-Вильгельмъ IV уступилъ, и 18-го марта подписалъ два приказа: одинъ отмѣнять цензуру и вводить залоговую систему, другой созывалъ соединенный прусскій ландтагъ на 2-е апрѣля. Либеральная буржуазія вполне удовлетворилась этимъ, и громадныя толпы направилась къ дворцу, чтобы выразить свою благодарность королю, какъ вдругъ въ два часа пополудни произошла катастрофа вслѣдствіе высокомерія берлинскихъ восначальниковъ. На дворцовую площадь прискакали драгуны и гренадеры, чтобы очистить площадь и оттѣснить собравшихся гражданъ въ сосѣднія улицы. Солдаты дали два выстрѣла, толпа разбѣжалась, испуская крики мести и ярости, и съ замѣчательною быстротою улицы покрылись баррикадами. Рабочіе покинули мастерскія и приняли участіе въ уличной борьбѣ, которая тянулась до утра 19-го и закончилась полнымъ пораженіемъ придворной военной партіи и отозваніемъ войскъ изъ столицы.

Одновременно съ Берлиномъ поднялся Кельнъ и другіе города на Рейнѣ. Прирейнскія провинціи тогда еще не были такъ подчинены вліянію Пруссіи, какъ теперь, и начали раздаваться голоса, требовавшіе отдѣленія отъ прусскаго государства и присоединенія къ французской республикѣ. На ряду съ этимъ политическимъ движеніемъ, исходившимъ, главнымъ образомъ, изъ среды уже высоко развитой рейнской буржуазіи, началось броженіе среди рейнскаго пролетаріата съ замѣтно социалистической окраской. Рабочіе требовали уничтоженія постоянного войска, установленія народной милиціи, защиты труда и воспитанія дѣтей на государственный счетъ.

Къ концу марта уже вся Германія, отъ Одера до Боденскаго озера, отъ русскою до бельгійско-французской границы, была охвачена бурнымъ народнымъ движеніемъ. Вслѣдствіе еще мало развитыхъ производственныхъ отношеній и вытекающей отсюда туманности и расплывчатости социальныхъ идей движеніе только мѣстами носило социалистическій характеръ, переходя постепенно въ борьбу за конституцію.

Болѣе живой откликъ февральская революція нашла въ Италіи. Мы уже видѣли, какое грозное направленіе приняло тамъ народное движеніе, начиная съ 1846 г. Либеральныя за-

игрыванія паны Иія IX придали новую силу этому движенію. Въ Неаполѣ происходила ожесточенная борьба за конституціонную реформу, городъ задыхался подъ гнетомъ фанатически абсолютнаго монарха Фердинанда II. Не лучше обстояли дѣла въ обѣихъ сѣверныхъ провинціяхъ Италіи, Ломбардіи и Венеціи, согласно Вѣнскому договору присоединенныхъ къ Габсбургскому дому и изнемогавшихъ подъ гнетомъ австрійскаго ига. Для борьбы съ брамолой австрійское правительство ввело въ этихъ провинціяхъ исключительные законы, что позволяло ему при помощи военнаго суда казнить всякаго, заподозрѣннаго въ участіи въ заговорѣ противъ австрійскаго господства. Порабощенныя провинціи долго не знали, какъ избавиться отъ накинутой на нихъ мертвой петли и въ отчаяніи порой прибѣгали къ мелочнымъ и пассивнымъ средствамъ борьбы, которыя однако показывали, сколько злобы и ненависти противъ Австріи накопилось въ народныхъ массахъ. Такъ, на примѣръ, народъ отказался отъ куренья съ тѣхъ поръ, какъ Австрія ввела въ Ломбардіи и Венеціи государственную табачную монополію.

Февральская революція подняла духъ итальянцевъ. Патриоты были готовы пролить свою кровь за независимость родины, надѣясь на своевременную поддержку со стороны Франціи. Произошло нѣсколько стычевъ, но до общаго возстанія дѣло не дошло.

Слишкомъ грозными казались военныя силы Австріи, которая, конечно, не остановилась бы ни передъ какими средствами, чтобы удержать за собой эти провинціи. Благодаря суровымъ полицейскимъ мѣрамъ «общественный порядокъ не былъ нарушенъ въ городахъ. На площадяхъ были поставлены пушки, на перекресткахъ улицъ — патрули и былъ отданъ приказъ при малѣйшей революціонной вспышкѣ открыть огонь. Эти города напоминали собой теперь кладбище: повсюду господствовала мертвая тишина, магазины были закрыты, ночью городъ утопалъ во мракѣ.

Вѣнскія событія встряхнули миланцевъ. Ударили въ набатъ, и броженіе охватило всѣ окрестности. Въ самомъ Миланѣ вспыхнуло настоящее народное возстаніе. По улицамъ ходили густыя толпы народа съ трехцвѣтными итальянскими національными знаменами.

Первое столкновеніе между народомъ и войсками произошло утромъ 18-го марта, загорѣлась уличная борьба, которая велась съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ. Народъ вооружался всѣмъ, что попадало ему подъ руку. Женщины держали наготовѣ кпящее масло, чтобы обливать изъ оконъ проходящія войска. Уже на второй день борьбы австрійская армія подъ на-

чальствомъ фельдмаршала Радецкаго имѣла въ своихъ рукахъ только цитадель. 22-го марта Радецкій покинулъ Миланъ, узнавъ, что на поддержку миланцамъ двинулись ломбардскіе и альпійскіе крестьяне и что сардинскій король Карлъ Альбертъ собирается со своимъ войскомъ перейти пьемонтскую границу, чтобы стать во главѣ движенія.

Карлъ Альбертъ, бывшій въ молодости членомъ союза карбонаріевъ, рѣшивши стать во главѣ итальянскаго освободительнаго движенія, отнюдь не руководствовался любовью къ свободѣ итальянскаго народа. Онъ былъ религіознымъ фанатикомъ и долгое время служилъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ. Сдѣлавшись ренегатомъ, онъ съ деспотической жестокостью преслѣдовалъ въ Сардиніи либераловъ, но, почувствовавъ, что Италия, пожалуй, скоро свергнетъ чужеземное иго, онъ вдругъ въ 1847 году завязалъ дружескія сношенія съ радикальными кругами, чтобы получить возможность использовать плоды ихъ усилій. При такой тактикѣ онъ очень мало рисковалъ, выиграть же онъ могъ очень многое: если бы ему удалось приобрести извѣстную популярность, онъ могъ бы рассчитывать послѣ изгнанія австрійцевъ получить приглашеніе отъ патріотовъ занять ихъ мѣсто. Перспектива овладѣть Ломбардіей и другими провинціями показала деспоту Карлу Альберту настолько соблазнительной, что онъ рѣшилъ пойти на уступки либеральному духу времени.

Побуждаемый, главнымъ образомъ, этими соображеніями, Карлъ Альбертъ составилъ 11-го октября 1847 г. либеральное министерство съ графомъ Цезаремъ Балбо во главѣ и одобрилъ много назрѣвшихъ реформъ. Это сдѣлало его въ Италіи не менѣе популярнымъ, чѣмъ пану. Кромѣ того онъ располагалъ внушительными военными силами и поэтому долженъ былъ казаться патріотамъ весьма выгоднымъ союзникомъ. Какъ бывшій карбонарій, онъ прекрасно былъ освѣдомленъ о республиканскихъ цѣляхъ союза, и изъ боязни, какъ бы власть не перешла въ руки наиболѣе радикальныхъ элементовъ революціи, онъ, узнавъ о возстаніи въ Миланѣ, сейчасъ же двинулся со своей арміей въ Ломбардію, чтобы сдѣлать попытку основать конституціонное королевство Верхней Италіи.

Также и въ Венеціи народная ненависть противъ австрійскаго господства вылилась въ форму революціоннаго возстанія. Венеціанцы рѣшили освободить своихъ народныхъ героев Даніэля Манина и Николо Томазо, арестованныхъ 18-го января. Это возстаніе носило такой бурный характеръ, что гарнизонъ былъ обезоруженъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ приготовиться къ сопротивленію. Уже 22-го марта Манинъ воскликнулъ на площади

Санъ-Марко: «Недостаточно уничтожить старый политическій режимъ, необходимо на его мѣсто учредить новый, именно республику!». Дѣйствительно, сейчасъ же въ этомъ старомъ аристократическомъ городѣ былъ установленъ республиканскій образъ правленія, потому что здѣсь полагались на собственныя силы и не нуждались въ помощи сардинскаго короля. Равнымъ образомъ, почти одновременно была провозглашена республика въ Пармѣ и Моденѣ.

Февральская революція со всѣми послѣдовавшими событіями вагнала ужасъ на европейскихъ монарховъ и они начали тайно готовиться къ борьбѣ. Прусскій король приказалъ привести въ боевую готовность пограничную крѣпость Saarlouis. Императоръ Николай, получившій извѣстіе о февральской революціи на придворномъ балу, обратился къ своимъ офицерамъ со словами: «Господа, во Франціи провозглашена республика. Будьте готовы къ походу!» Какія ужасныя воспоминанія должно было вызвать слово «республика» у абсолютныхъ монарховъ! По ихъ мнѣнію, новая республика должна была служить повтореніемъ первой французской республики, которая, конечно, не ограничится внутренней революціей, а сейчасъ же двинетъ свои войска, чтобы ниспровергнуть монархическіе троны старой Европы.

Но на этотъ разъ страхъ европейскихъ монарховъ былъ совершенно напрасный. Министръ иностранныхъ дѣлъ Ламартинъ, наиболѣе вліятельный членъ временнаго правительства, ничего общаго не имѣлъ съ Сенъ-Жюстомъ, другомъ Робеспьера, который въ свое время, достигнувъ берега Рейна, далъ парламентамъ союзниковъ слѣдующій смѣлый отвѣтъ: «Французская республика ничего не беретъ отъ своихъ враговъ, она посылаетъ имъ только свинець».

Ламартинъ съ согласія своихъ коллегъ успѣшилъ успокоить европейскіе дворы. Послы Луи-Филиппа были отозваны и на ихъ мѣсто временно назначены агенты республики. Данныя имъ инструкціи указывали, что республика не желаетъ ни измѣнить положеніе Франціи въ Европѣ, ни стать въ другія отношенія къ остальнымъ державамъ. Напротивъ, Франція желаетъ поддерживать хорошія отношенія съ тѣми государствами, которыя такъ же, какъ и она, стремятся къ всеобщему миру и сохраненію независимости отдѣльныхъ народовъ.

Тогда въ Европѣ было немного правительствъ, которыя, дѣйствительно, признавали принципъ независимости народовъ. Для Ламартина эта фраза служила дипломатической выходкой, преслѣдовавшей двоякую цѣль — убѣдить европейскія державы въ невмѣшательствѣ Франціи въ ихъ внутреннія дѣла и охла-

дить пылъ французскихъ революціонеровъ, требовавшихъ поддержки европейскихъ революціонныхъ теченій со стороны правительства республики. Онъ облекъ эту мысль въ пышныя, громкія фразы, опасаясь потерять свою популярность въ народѣ.

Лавируя между желаніемъ успокоить европейскихъ монарховъ и боязнію вызвать народное недовольство внутри страны, сладкозвучный поэтъ составилъ длинный манифестъ, который долженъ былъ выяснитъ всему міру внѣшнюю политику республики. Манифестъ прежде всего провелъ параллель между первой и второй республикой. Если, дескать, первой республикѣ нужно было воевать, то вторая республика заинтересована преимущественно въ сохраненіи мира. Это объясненіе ясно указывало на желаніе французскаго правительства сохранить миръ, во что бы то ни стало, политика, которую республиканцы такъ часто ставили въ вину іюльской монархіи, такъ какъ она способствовала развитію европейскаго абсолютизма. Далѣе Ламартинъ принимаетъ болѣе гордый видъ, желая подкупить національное самолюбіе французовъ. Онъ пишетъ: «Изягая свою точку зрѣнія, временное правительство далеко отъ мысли извиняться передъ державами за то, что оно имѣло смѣлость провозгласитъ республику, еще меньше оно расположено просить ихъ о признаніи Франціи республикой». Затѣмъ манифестъ указываетъ, что договоры 1815 г. для республики необязательны, и тѣмъ не менѣе она считаетъ территориальныя отношенія, вытекающія изъ этихъ договоровъ, фактомъ, который долженъ служить для Франціи основой и исходнымъ пунктомъ ся сношеній съ другими націями. Если въ этой области окажутся желательными нѣкоторыя перемѣны, то ихъ слѣдуетъ добиваться мирнымъ, легальнымъ путемъ.

Одно мѣсто манифеста прямо касается революціонныхъ теченій въ нѣкоторыхъ странахъ Европы. Ламартинъ посвящаетъ имъ нѣсколько красивыхъ фразъ, желая, такимъ образомъ, удовлетворить общественное мнѣніе Франціи. Онъ говоритъ: «Если по волѣ провидѣнія наступитъ часъ возрожденія нѣкоторыхъ подавленныхъ національностей Европы или другихъ частей свѣта, если демократическому движенію Швейцаріи, нашей вѣрной союзницы со времени Франца I, будутъ угрожать или ставить препятствія, если нападутъ на независимыя области Италіи, чтобы положить предѣлы или помѣшать ихъ внутреннимъ преобразованіямъ, если вооруженной рукой будутъ оспаривать ихъ право на взаимный союзъ съ цѣлью объединенія Италіи, то французская республика будетъ считать себя въ правѣ взяться за оружіе, чтобы поддержать эти движенія... Республика объявляетъ себя духовнымъ союзникомъ всякаго про-

гресса, всякаго права, всякаго закономѣрнаго развитія націй, желающихъ жить по ся (республики) принципамъ. Она не будетъ вести никакой революціонной пропаганды въ сосѣднихъ странахъ. Она знаетъ, что устойчивой бываетъ только та свобода, которая имѣетъ свои собственные корни въ жизни данной страны».

Повторяемъ, по существу этотъ манифестъ заключаетъ въ себѣ гарантію мира для державъ и пустыя фразы для прогрессивныхъ стремленій французовъ и другихъ народовъ. Все эти слова о желаніи мирныхъ преобразованій, устойчивости самобытной свободы и т. д. звучали очень красиво, но связывать себя общаніемъ по возможности держаться мирной тактики въ такой моментъ, когда народы Европы проливали свою кровь за свободу, напрягая послѣднія силы, чтобы сбросить съ себя оковы абсолютизма, было равносильно заявленію, что Франція ничего для нихъ не хочетъ дѣлать.

Европейскіе монархи прекрасно уразумѣли мѣщанскій духъ временнаго правительства, скрывающійся въ этихъ фразахъ и успокоились. Они поняли, что могутъ продолжать свою реакціонную политику, купаясь въ крови своихъ народовъ, Франція и палець о палець не ударить для послѣднихъ.

Однако было бы несправедливо взваливать вину за эту комедію на парижское населеніе и вообще на населеніе большихъ городовъ Франціи. Оно, напротивъ, горѣло желаніемъ снять оковы съ остальныхъ народовъ и, какъ мы увидимъ дальше, считало ихъ освобожденіе своимъ собственнымъ дѣломъ. Кромѣ того, въ Парижѣ было огромное количество иностранцевъ и въ томъ числѣ много политическихъ эмигрантовъ, послѣ февральскихъ дней мечтавшихъ вернуться на родину во главѣ вольныхъ дружинъ, снаряженныхъ молодой республикой, чтобы установить въ своемъ отечествѣ принципъ народовластія. Въ числѣ эмигрантовъ было много нѣмцевъ, сражавшихся на парижскихъ баррикадахъ во время революціи. Они приняли 6-го марта составленный Гервегомъ восторженный адресъ къ французскому народу и два дня спустя въ полдень отправились съ Карусельской площади въ количествѣ 6000 чел. торжественнымъ шествіемъ съ французскими и нѣмецкими знаменами къ ратушѣ, гдѣ Гервегъ, сопровождаемый тридцатью товарищами, передалъ этотъ адресъ временному правительству. Кремье отъ имени послѣдняго благодарилъ за выраженные чувства и привѣтствовалъ союзъ обѣихъ націй, нѣмецкой и французской. Эта манифестація была встрѣчена парижанами съ большимъ энтузіазмомъ. Когда стало извѣстно о происшествіяхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, о готовящемся республиканскомъ возстаніи въ

Баденъ, многіе изъ наиболѣ горячихъ нѣмцевъ не могли больше оставаться въ Парижѣ. Они быстро составили колонну, выбрали военныхъ руководителей и 24-го марта направились въ Страсбургъ, чтобы содѣйствовать учрежденію республики въ Германіи.

Какъ уже было упомянуто, проживавшіе въ Парижѣ иностранцы, какъ и парижане, образовали очень много клубовъ. Существовалъ всеобщій бельгійскій союзъ; поляки, составившіе даже военные легіоны, располагали многими клубами. Далѣе, функционировали клубы итальянцевъ, ирландцевъ и пр. Важнѣйшими изъ всѣхъ этихъ клубовъ были нѣмецкіе союзы, Изъ нихъ нѣмецкое демократическое общество съ *Гервегомъ* и *Борнштетомъ* во главѣ, изъ котораго, между прочимъ, исходилъ упомянутый адресъ, насчитывало много тысячъ членовъ. Это общество имѣло только политически-демократическій характеръ, вполнѣ определенную социалистическую окраску носилъ нѣмецко-парижскій союзъ, въ которомъ особенно выдѣлялись *Морицъ Гессъ*, *Шабелицъ*, *Эвербекъ*. Къ нему примыкали также *Карлъ Марксъ* и *Фридрихъ Энгельсъ*. Этотъ союзъ былъ противъ возникшей въ демократическомъ обществѣ мысли вооруженнаго нападенія на Германію и совѣтывалъ своимъ членамъ, желавшимъ покинуть Парижъ, вернуться по одиночкѣ на родину.

Приходившихъ въ ратушу депутатовъ иностранныхъ республиканцевъ почти всегда принималъ Ламартинъ. Опасаясь, какъ бы не возникли осложненія въ иностранной политикѣ, онъ систематически отказывался выдать имъ оружіе, отдѣляясь громкими фразами. Объясненія подчасъ принимали очень рѣзкій характеръ, особенно бурны были переговоры съ поляками и нѣмцами, возмущенными двусмысленнымъ поведеніемъ временнаго правительства. Военный руководитель нѣмцевъ Борнштетъ былъ правъ, когда на засѣданіи «Общества правъ чловѣка» воскликнулъ: «Франція не должна допустить, чтобы народы, обращающіеся къ ней за помощью, были изрублены». Одинъ французскій членъ этого, хотя и антибланкистскаго, по все, революціонно настроеннаго клуба въ отвѣтъ ему сказалъ, что на всѣхъ истинныхъ республиканцахъ лежитъ обязанность заставить правительство поддержать иностранныхъ патриотовъ.

Однако, временное правительство не осмѣлилось совершенно отказаться отъ поддержки иностранныхъ демократовъ. На засѣданіи 24-го марта оно пришло къ заключенію, что, пожалуй, даже выгоднѣе помочь нѣмецкимъ эмигрантамъ вернуться на родину, чѣмъ оставлять эти революціонные элементы въ Парижѣ, и ассигновало имъ 60,000 франковъ на путевые расходы.

Три дня спустя оно субсидировало 150,000 фр. полякамъ, гарантируя кромѣ того отъ имени французскаго народа защиту и поддержку всѣмъ оставшимся во Франціи женамъ и дѣтямъ. Отъ доставки оружія правительство рѣшительно отказалось, желая остаться въ сторонѣ отъ вооруженнаго нападенія.

30-го марта покинула Парижъ вторая колонна, провожаемая до Венсенскаго предмѣстья сочувственной толпой, состоявшей изъ французовъ и представителей другихъ національностей. За первыми двумя колоннами послѣдовали другія. Общее количество составляло 800 человекъ, они шли съ черно-красно-золотымъ знаменемъ объединенной Германіи. Но моментъ для возстанія былъ выбранъ неудачно. Нѣмецкія правительства, вынужденныя идти на уступки, кое-какъ успокоили поднявшееся волненіе и, хотя въ нѣмецкомъ народѣ еще долго господствовало недовольство, но онъ ублаживалъ себя надеждой на лучшее будущее и не былъ расположенъ къ импровизированному возстанію. Въ неудачномъ исходѣ этого предпріятія повинно и временное правительство. Послѣднее пустило въ ходъ всѣ средства главнымъ образомъ, тайныя разъясненія соответствующимъ державамъ, чтобъ оно потерпѣло поражение.

Такого рода вольныя дружины составлялись и въ другихъ городахъ Франціи.

Лионъ, второй городъ королевства, былъ сильно увлеченъ революціоннымъ движеніемъ. Когда лионцы узнали о февральскихъ событіяхъ въ Парижѣ, они выбрали въ ратушѣ временной комитетъ и начали среди мѣстнаго пролетаріата дѣятельную агитацію въ пользу крупныхъ социальныхъ реформъ. Поднялось также сильное броженіе среди иностранныхъ демократическихъ элементовъ Лиона. 30-го марта на площади Белекуръ собралось около 1500 савойцевъ, сопровождаемыхъ восторженно настроенной толпой. Они собирались вернуться на родину, чтобы учредить тамъ республику. На ихъ просьбу выдать имъ оружіе послѣдовалъ категорическій отказъ со стороны комиссара республики Эмануила Араго (сынъ члена временнаго правительства). Послѣдній старался изо всѣхъ силъ обезкуражить савойцевъ и отклонить ихъ отъ предполагаемаго предпріятія. Онъ имъ доказывалъ, что въ то время, когда Карлъ Альбертъ сражается за независимость Италіи, неудобно произвести неожиданное нападеніе въ его савойскихъ владѣніяхъ. Его старанія ни къ чему ни привели: въ тотъ же день 30-го марта колонна двинулась въ путь. Она благополучно достигла Шамбери, столицы Савойи, и заняла ее безъ бою. Пьемонтскіе чиновники разбѣжались, была провозглашена республика и выбрано временное правительство. Но реакціонеры скоро замѣтили, что

революціонеровъ всего на всего тысяча человекъ съ чѣмъ-то и что они плохо вооружены. Это имъ придало мужество, они пустили слухъ по деревнямъ, что Шамбери захваченъ шайкой разбойниковъ, поднялось крестьянство и послѣ ожесточенной битвы республиканцы были частью прогнаны, частью перебиты.

Бельгійцы также составили двѣ колонны, чтобы вернуться на родину и провозгласить тамъ республику. Ледрю-Ролленъ, отдавая дань своимъ старымъ наклонностямъ къ якобинству, высказался въ пользу этой экспедиціи, нолицейскій префектъ Коссидьеръ также ее одобрилъ.

Въ ея распоряженіе были отданы два желѣзнодорожные поѣзда, при чемъ правящія сферы дѣлали видъ, что дѣло идетъ только о возвращеніи бельгійскихъ гражданъ на родину. Первый поѣздъ двинулся въ путь, но вмѣсто того, чтобы задержать его на границѣ, французскія власти распорядились прицепить эти вагоны въ Валенсенъ къ бельгійскому поѣзду и пустить на бельгійскую территорію, гдѣ поджидавшій республиканцевъ батальонъ солдатъ взялъ ихъ въ плѣнъ, какъ только они вышли изъ вагоновъ. Входившіе въ составъ отряда французы были возвращены на французскую границу, а бельгійцы арестованы. Было ли это только грубая оплошность или предательская хитрость со стороны временнаго правительства, — остается невыясненнымъ. Со вторымъ отрядомъ дѣло также обстояло не лучше. Поѣздъ остановился на французской территоріи и республиканцы направились въ Секлинъ, городъ, расположенный у бельгійской границы. Въ сосѣднемъ городѣ Лилль находился комиссаръ республики Делеклюзъ. Онъ очень сочувственно отнесся къ экспедиціи, по его мнѣнію, она должна была успѣшно выполнить свою задачу, если ей будетъ оказана серьезная поддержка. Онъ снабдилъ колонну оружіемъ и амуницией, которыя были собственно предназначены для лильской національной гвардіи. Но колонна, обезкураженная неудачей перваго отряда, оставалась пока въ Секлинѣ. Делеклюзъ не осмѣливался взять на себя отвѣтственность убѣждать ее перейти границу. Онъ телеграфировалъ Ледрю-Роллену, прося яснаго отвѣта, уговаривать ли ему бельгійцевъ перейти границу или нѣтъ. Говорятъ Ледрю-Ролленъ далъ отрицательный отвѣтъ, но произошло какое-то недоразумѣніе и Делеклюзъ получилъ положительный отвѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, въ ночь съ 27-го на 28-е марта колонна перешла границу. Давно поджидавшія ее бельгійскія войска, хорошо осведомленныя о каждомъ ея движеніи, встрѣтили ее убійственнымъ огнемъ. Колонна была разсѣяна, а ея остатки бѣжали за границу.

Всѣ эти неудачи дѣйствовали самымъ угнетающимъ обра-

зомъ на европейскую демократію. На эти предпріятія смотрѣли, какъ на дѣло республики, и ихъ плачевный исходъ долженъ былъ естественно бросить тѣнь на послѣднюю.

Недаромъ передовая социалистическая демократія Франціи обрушилась на временное правительство за его виѣшнюю политику. Бланки открыто обвинялъ его въ томъ, что оно выдало бельгійцевъ ихъ правительству.

Трудно рѣшить, укрѣпила ли бы наступательно-революціонная виѣшняя политика положеніе революціонныхъ элементовъ внутри страны. Конечно, такая политика соответствовала традиціямъ 1793 г., жившимъ въ республиканско-революціонныхъ кругахъ Франціи, но вѣдь теперь о 1793 г. уже не могло быть и рѣчи. Буржуазія пережила свой героическій періодъ, вся социальная структура Франціи и соотношеніе политическихъ силъ Европы были другія. Виѣшняя политика временнаго правительства было понята въ томъ смыслѣ, что тѣ же самые люди, которые при Луи-Филиппѣ такъ высоко ставили легенды и традиціи имперіи, испуганно отшатнулись отъ нихъ, когда вопросъ коснулся соответствующаго имъ практическаго примѣненія.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

При помощи однѣхъ только красивыхъ фразъ временное правительство, ослабленное внутренними расколами, не могло, конечно, выйти изъ критическаго положенія. Революція, приостановленная на полпути, не продолжалась, ни одно серьезное преобразование не было проведено. Рабочіе, бывшіе въ февралѣ хозяевами положенія и надѣявшіеся, что ихъ положеніе будетъ, наконецъ, улучшено, увидѣли, что оно только ухудшилось.

Широкая масса, которой такъ много наговорили о социальномъ уравненіи, о реформахъ, о томъ, что республика является единственной почвой для проведенія социальныхъ преобразований, начала терять терпѣніе и обвинять новое правительство за его медлительность. Послѣднее сознавало, что его положеніе уже непрочно въ странѣ, особенно его прогрессивные элементы предчувствовали неизбежность конфликта. Они видѣли, что не прошло и двухъ мѣсяцевъ новаго управленія, какъ они уже потеряли симпатіи парижскаго населенія. Голодающій пролетаріатъ съ трудомъ подавлялъ свою злобу, да и сельское населеніе, повидимому, все больше вооружалось противъ парижскихъ диктаторовъ. 45-процентный добавочный налогъ оказалъ

свое дѣйствіе на мелкое крестьянство. Приходившія изъ деревни вѣсти о выборной агитаціи были весьма неутѣшительны. Нѣкоторые полумѣры, предпринятые правительствомъ въ пользу рабочихъ, вооружили противъ него и буржуазію. Последняя особенно ненавидѣла Луи Блана и Ледрю-Роллена.

Сами правители Франціи, недовольные ходомъ дѣлъ во временномъ правительствѣ, должны были подумать о томъ, какъ бы имъ не полетѣть внизъ по наклонной плоскости, на которой они очутились. Каждый ставилъ въ вину другому то, что временное правительство потеряло всякій кредитъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія Франціи. Ледрю-Ролленъ вообще пересталъ посѣщать засѣданія, потому что фактически ему съ Луи Бланомъ и Альберомъ не легче было столковаться, чѣмъ съ остальными своими товарищами. Хотя онъ превозносилъ традиціи якобинства, но онъ сильно побаивался социалистическихъ теорій.

Приверженцы Луи Блана и Ледрю-Роллена, группировавшіеся около полицейскаго префекта Коссидьера, рѣшили силой свергнуть реакціонные элементы временнаго правительства и, такимъ образомъ, сдѣлать Луи Блана и, главное, Ледрю-Роллена хозяевами положенія.

По свидѣтельству Даніэля Штерна и многихъ другихъ историковъ, ихъ планъ заключался въ слѣдующемъ: подъ какимъ-нибудь предлогомъ собрать внушительную рабочую массу, возстановить ее противъ реакціонныхъ элементовъ временнаго правительства, взять штурмомъ рагушу и прогнать реакціонеровъ.

Самъ Луи Бланъ никогда не принималъ никакого участія въ подобныхъ планахъ, изъ письменныхъ документовъ того времени видно даже противоположное, да и вообще всякаго рода насильственные перевороты были не въ его характерѣ. Онъ, навѣрное, стремился достигнуть положенія болѣе соотвѣтствующаго проведенію его идей, и занялъ бы таковое, если бы ходомъ событій оно ему представилось. Ледрю-Ролленъ, напротивъ, зналъ о планахъ, съ которыми носились его приверженцы.

Но на пути къ диктатурѣ Ледрю-Роллена стояло большое препятствіе въ лицѣ Бланки. Въ его вліяніи на революціонно настроенныя массы убѣдились еще такъ недавно, во время манифестаціи 17-го марта, когда онъ вдругъ выступилъ въ качествѣ главнаго руководителя народа. Съ тѣхъ поръ бланкистская группа въ Парижѣ значительно усилилась. Всѣ партіи сильно ненавидѣли эту фракцію, недоступную какимъ бы то ни было компромиссамъ, но никто не осмѣливался пустить противъ нея въ ходъ силу. Поэтому рѣшили прибѣгнуть къ

клеветѣ, чтобы парализовать вліяніе Бланки на массу. О немъ пустили слухъ, что онъ, дескать, состоитъ агентомъ легитимистской партіи Генриха V. Вмѣстѣ съ тѣмъ старались заключить съ ними миръ, привлечь его на свою сторону, чтобы воспользоваться его силой. Исполнить Кастиль рассказываетъ, что главный редакторъ «Courrier français» Ксавье Дюрье, посѣтилъ Бланки и сообщилъ ему, что Ледрю-Ролленъ хочетъ съ нимъ объясниться. Какъ говорятъ, полицейскій префектъ Коссидьеръ также снесся по этому поводу съ однимъ приверженцемъ Бланки; онъ послѣ этого направился къ Ледрю-Роллену, чтобы устроить свиданіе съ Бланки. «Для чего?» якобы спросилъ министръ, «у Бланки вмѣсто сердца желчный пузырь. Если я его приму, то онъ, по свойственной ему кичливости, будетъ стараться навязать мнѣ свою волю».

Возможно, что народная масса, которую собирались двинуть на ратушу, съ успѣхомъ заняла бы ее, но все указывало на то, что во главѣ этой массы будетъ Бланки, а этого смертельно боялись приверженцы Ледрю-Роллена, они знали, что Бланки прогонитъ ихъ оттуда. Самъ Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ прекрасно сознавали, насколько Бланки выше ихъ и что при немъ они будутъ играть только подчиненную роль. Этого было достаточно, чтобы обострить ихъ ненависть къ нему до крайнихъ предѣловъ.

31-го марта появился первый номеръ новаго журнала «Revue Rétrospective». Онъ выходилъ подъ редакціей извѣстнаго Ташеро и якобы преслѣдовалъ цѣль опубликовывать исторически важные документы изъ современной жизни и архивовъ іюльской монархіи. Первый напечатанный имъ документъ касался тайнаго революціоннаго общества «Время года» и предпринятой послѣднимъ попытки къ возстанію 12-го мая 1839 г. Онъ назывался: «Показанія, данныя *** въ присутствіи министра внутреннихъ дѣлъ.» Эти показанія были будто бы даны вскорѣ послѣ неудачнаго возстанія и отличались такой точностью и полнотой, что могли исходить только отъ человѣка, который держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити организациі. Этотъ документъ былъ снабженъ ироническимъ примѣчаніемъ издателя, что онъ предоставляетъ участникамъ заговора 1839 г. отгадать автора этихъ показаній.

Выше мы уже указали въ общихъ чертахъ на характеръ тогдашнихъ тайныхъ обществъ. При строгой централизаціи, господствовавшей въ тайномъ обществѣ «Времена года» вѣдать всѣ дѣла организациі могъ только одинъ центральный комитетъ, т. е. Бланки и Барбесъ, это живое воплощеніе героизма и преданности революціонному дѣлу. Барбесъ самъ,

когда этот документ попал ему в руки, воскликнул: «Это могъ знать только я или Бланки!»

Итакъ, Бланки! Бланки, перенесшій столько страданій, проведенный семнадцать лѣтъ въ заточеніи за народное дѣло—предатель, измѣнникъ! И онъ былъ приговоренъ къ позорному столбу въ такой моментъ, когда, проникнутый безграничною преданностью народнымъ интересамъ, онъ развилъ лихорадочную дѣятельность, надѣясь спасти отъ гибели демократическую республику.

Поведеніе противниковъ Бланки указываетъ, до какихъ чакостей можетъ довести политическая вражда. Изъ боязни, что народъ, можетъ быть, не пойметъ сдѣланнаго намека, полуофициальный правительственный органъ «National» счелъ нужнымъ сдѣлать нѣсколько болѣе точныя указанія. Редакція заявила, что могла бы опубликовать имена нѣкоторыхъ заядлыхъ руководителей демократическаго клуба, которые настолько были безчестны, что выдали тайну своихъ политическихъ друзей съ цѣлью спасти свою жизнь. Временное правительство, дескать, имѣетъ въ рукахъ достаточно данныхъ, чтобы стереть съ лица земли всѣхъ тѣхъ, которые намѣреваются уничтожить существующій общественный порядокъ, надѣясь подъ ширмой братства и равенства устроить кровавый хаосъ. Другая подкупленная правительствомъ газета приписала Коссидьеру намѣреніе спасти Бланки, снабдивъ его заграничнымъ паспортомъ, на что полицейскій префектъ далъ іезуитскій отвѣтъ, что, несмотря на свои личныя симпатіи, онъ никогда не позволитъ себѣ мѣшать отправленію правосудія. Итакъ, Коссидьеръ сдѣлалъ видъ, что принимаетъ за звонкую монету обвиненія, направленные противъ Бланки.

Послѣ этого реакціонная пресса сочла возможнымъ бросить свои двусмысленныя рѣчи и начала открыто обвинять Бланки въ предательствѣ революціонной демократіи, какъ будто онъ уже былъ осужденъ общественнымъ мнѣніемъ. Самъ Барбесъ заявилъ, что если пресловутый документъ и не былъ подписанъ Бланки, то его слогъ и отдѣльныя характерныя выраженія ясно указываютъ на его автора. Чтобы придать большае вѣсу своимъ словамъ, правительственная печать заявила, что означенный документъ былъ найденъ въ числѣ другихъ бумагъ въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Дѣятельность бланкистскихъ организацій, размножавшихся съ поразительной быстротой, была парализована этими слухами, революціонно-коммунистическое движеніе, подкапывавшееся подъ основы существующей государственной власти, было деморализовано. Правительство могло на время вздохнуть нѣсколько свободнѣе.

Бланки приходилось неоднократно терпѣть пораженія и никогда онъ не считалъ свое дѣло проиграннымъ. И на этотъ разъ онъ отпарировалъ ударъ, не измѣняя своей обычной тактики. Онъ послалъ письмо въ «Gazette des Tribunaux» и «Journal des Debats», въ которомъ онъ заявляетъ, что считаетъ ниже своего достоинства защищаться отъ подобныхъ обвиненій и ограничивается только тѣмъ, что указываетъ своимъ врагамъ на всю низость ихъ поступковъ. Тогда послѣднiе рѣшили придать своимъ инсинуаціямъ характеръ достовѣрности и устроили судъ чести, въ составъ котораго вошли исключительно заклятые враги Бланки (между прочимъ, Этьенъ Араго, Кабе, Лашамбоди, Прудонъ и Викторъ Шельхеръ). Этотъ судъ чести, являясь передъ которымъ Бланки считалъ ниже своего достоинства, обошелъ весь Парижъ, повсюду разглагольствуя о грѣхопаденіи Бланки, не приводя никакихъ доказательствъ въ пользу своего обвиненія, такъ что многіе честные демократы, которые далеко не были поклонниками Бланки, начали возмущаться гнусностью этихъ нападокъ.

Старый Распайль, извѣстный какъ человекъ, который вездѣ подозрѣваетъ предательство и провокацію, энергично принялъ сторону Бланки и открыто потребовалъ отъ Ташеро, чтобы онъ предсталъ передъ народнымъ судомъ. Продажный журналистъ, конечно, уклонился отъ этого. Тогда 12-го апрѣля 49 наиболее извѣстныхъ членовъ тайныхъ обществъ, принимавшіе непосредственное участіе въ возстаніи 12-го мая 1839 г. и брошенные затѣмъ въ тюрьму, официально заявили, что изложенныя въ сенсационномъ документѣ свѣдѣнія имъ были извѣстны и что послѣ неудачнаго исхода возстанія извѣстные предатели де ла Одъ и Дютертръ могли получить какія угодно свѣдѣнія о внутренней жизни тайной организации. Поэтому они самымъ энергичнымъ образомъ протестуютъ противъ наглой клеветы, направленной противъ такого неподкупнаго, непреклоннаго и замѣчательнаго борца, какъ Бланки. Послѣ этого объясненія 14-го апрѣля Бланки, заявивъ, что онъ считаетъ ниже своего достоинства защищаться отъ этихъ гнусныхъ нападокъ, самъ обрушился на своихъ враговъ. Нѣкоторые мѣста его письма указываютъ, какую боль причинила ему эта наглая клевета. Онъ писалъ: «меня, дряхлую развалину, который съ трудомъ влачить свое изстрадавшееся тѣло въ изношенномъ платьѣ, объявляютъ предателемъ въ то время, какъ слуги Луи-Филиппа, превратившись въ блестящихъ республиканскихъ ласточекъ, съ гордымъ видомъ выступаютъ на мягкихъ коврахъ ратуши, чтобы съ высоты своей накопленной на господской службѣ добродѣтели оскорблять бѣднаго Гоа, вырвав-

шагося изъ темницы ихъ господина!». Указавъ на наглость этой инсинуаціи, онъ продолжаетъ: «Ненависть и страхъ руководили вашими поступками. Всѣ средства для васъ хороши, чтобы отстранить съ дороги опаснаго соперника. Вы готовы добиться успѣха какой бы то ни было цѣной! Вотъ къ чему сводится ваша мораль, какъ и мораль вашихъ предшественниковъ. Документъ Ташеро вамъ былъ необходимъ, поэтому вы его нашли... Наглые намеки, сопровождавшіе его опубликованіе, указываютъ на его нечистый источникъ. Реакціонеры, какъ вы однако трусливы!»

Такимъ образомъ, Бланки вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Но при этомъ сколько времени было потеряно, насколько упалъ его авторитетъ въ глазахъ широкой, легко поддающейся всякому вліянію массы. А для Бланки былъ дорогъ каждый часъ, каждая минута! Правительство въ концѣ концовъ назначило выборы въ національное собраніе на 23-е апрѣля. Изъ провинціи приходили все болѣе безотрадные свѣдѣнія. Реакціонеры, потерпѣвъ пораженіе въ уличной борьбѣ, пускали въ ходъ всѣ средства, чтобы восторжествовать въ парламентѣ. Въ деревняхъ агитировали попы, въ маленькихъ городишкахъ, гдѣ собственность играетъ такую крупную роль, капиталисты употребляли все свое вліяніе въ интересахъ реакціи. Республикѣ грозила серьезная опасность.

Такимъ образомъ, повидимому, сбылось предеказаніе Бланки, что національное собраніе будетъ состоять изъ роялистовъ и что всѣ усилія революціонеровъ пропадутъ даромъ, если своевременно не помѣшать созыву этого собранія. По вѣрному предположенію Бланки, временное правительство ничего не сдѣлало, чтобы расположить въ свою пользу французскій народъ; поэтому выборы должны были дать неблагоприятный результатъ для республики и, главное, для социальна-республиканскаго идеала тѣхъ, которые постарались, чтобы республика сдѣлалась пустымъ звукомъ въ глазахъ обездоленныхъ классовъ.

5-го апрѣля происходили выборы офицеровъ національной гвардіи. Они были назначены въ рабочій день, чтобы помѣшать рабочимъ участвовать въ выборахъ. Тѣ изъ рабочихъ, которые приняли въ нихъ участіе, голосовали противъ своихъ же классовыхъ интересовъ. Выборы кончились полной побѣдой буржуазіи, это было дурнымъ предзнаменованіемъ.

Во всѣхъ рѣшительныхъ революціонно-республиканскихъ кругахъ почувствовали необходимость новой, еще болѣе внушительной демонстраціи, чѣмъ 17-го марта. Конечно, каждая фракція преслѣдовала свои спеціальныя цѣли, желая использовать эту демонстрацію въ своихъ групповыхъ интересахъ.

Луи Бланъ и Люксембургскій рабочій парламентъ надѣялись, что шестіе рабочихъ въ ратушу образумитъ начавшую поднимать голову реакцію и внушитъ ей уваженіе къ пролетариату. Такого рода манифестація, если она будетъ организована одной только Люксембургской комиссіей, должна будетъ укрѣпить пошатнувшееся положеніе Луи Блана. Было рѣшено, что всѣ рабочія корпораціи соберутся 16-го апрѣля на Марсовомъ полѣ и подъ предлогомъ выбора 14 офицеровъ въ генеральный штабъ національной гвардіи отправятся торжественнымъ шествіемъ къ временному правительству, чтобы выразить ему свои патриотическія чувства и передать заранѣе составленную петицію.

Эта петиція гласила: «Граждане! Реакція поднимаетъ голову! Клевета, оружіе безчестныхъ и безпринципныхъ людей, пытаясь отравить своимъ ядомъ друзей народа. Мы, люди, преданные интересамъ революціи, должны напомнить временному правительству, что народъ желаетъ демократической республики, организациі труда на началахъ ассоціации, уничтоженія эксплуатаціи челоуѣка челоуѣкомъ. Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ временное правительство!».

Луи Бланъ полагалъ, что одна только мобилизація силъ арміи труда произведетъ сильное впечатлѣніе на реакціонное большинство временнаго правительства. Она должна была показать, какая внушительная сила служить опорой ему и Альберу, она должна была усилить ихъ вліяніе въ правительственной коллегіи и придать больше вѣсу ихъ законопроектамъ.

Но Луи Бланъ глубоко ошибался. На ряду съ нимъ выступали вліятельные партійные руководители, ставившіе этой демонстраціи совершенно другія цѣли. Всѣ историки февральской революціи признаютъ, что различныя группы, участвовавшія въ этой демонстраціи, стремились къ сверженію временнаго правительства. Гарнье-Паже тоже высказывается въ этомъ смыслѣ, при чемъ онъ приводитъ нѣкоторыя подробности, указывающія на правдивость его разсказа. Впрочемъ, детали этого заговора, который долженъ былъ нанести неожиданный ударъ реакціонному правительству, до сихъ поръ точно не установлены. Между тѣмъ можно въ общихъ чертахъ возстановить планъ этого заговора, принятый даже такими клубами, которые не были связаны съ именемъ Бланки. Заговорщики хотѣли выбрать исполнительный комитетъ, состоящій изъ четырехъ членовъ временнаго правительства: Ледрю-Роллена, Луи Блана, Флокона и Альбера, и, кромѣ нихъ, Бланки, Керсози, Распайя и Кабе. Согласно протоколу клуба Барбеса, цитируемому Гарнье-Паже, это намѣреніе представляло собой хорошо продуманный планъ прогрессивныхъ и революціонныхъ клубовъ.

Тамъ, между прочимъ, говорится:

«На засѣданіи происходила дискуссія о предстоящей демонстраціи... Рѣчь шла о томъ, чтобы послать депутацію къ временному правительству, чтобы выразить ему сильное недовольство всѣхъ революціонныхъ элементовъ страны и потребовать отозванія всѣхъ комиссаровъ изъ департаментовъ, извѣстныхъ своими реакціонными тенденціями. Далѣе, демонстранты должны потребовать измѣненія состава временнаго правительства, сохраненія нѣкоторыхъ его членовъ и удаленія другихъ, которые своей слабостью и бездарностью компрометируютъ республику. Клубъ Барбеса рѣшилъ выждать, какой оборотъ приметъ дѣло».

Этотъ заговоръ клубовъ былъ составленъ не только безъ участія Луи Блана и группирующихся около него членовъ Люксембургской комиссіи, но и помимо личныхъ друзей и приверженцевъ Ледрю-Роллена. Последніе ставили неизмѣннымъ условіемъ, чтобы бразды правленія находились въ рукахъ ихъ вождя; они могли еще примириться съ мыслью, чтобы Луи Бланъ раздѣлялъ съ нимъ власть, но отнюдь не Бланки, который долженъ былъ заткнуть за поясъ сладкорѣчиваго адвоката. Поэтому клубы, группировавшіеся около Бланки, служили для нихъ непреодолимымъ препятствіемъ, но все-таки они не отказывались отъ своей любимой мысли о диктатурѣ Ледрю-Роллена. Напротивъ, чѣмъ больше они чувствовали, что почва колеблется у нихъ подъ ногами, тѣмъ настойчивѣе они цѣплялись за эту мысль. Въ послѣдній вечеръ передъ днемъ рѣшительнаго столкновенія руководители различныхъ заговоровъ, инстинктивно опасавшіеся другъ друга, почувствовали необходимость объединенія. По словамъ Ипполита Кастиля, который вращался тогда среди заговорщиковъ, *Флоттъ*, довѣренный Бланки, отправился для переговоровъ къ Ледрю-Роллену. Когда министръ прочелъ списокъ лицъ, стоявшихъ рядомъ съ нимъ и участіе которыхъ должно было придать реорганизованному правительству коммунистическій характеръ, въ немъ проснулось его буржуазное классовое самосознаніе и онъ почувствовалъ себя такъ, какъ будто надъ его головой повисъ ножъ гильотины. Въ рѣзкихъ, возмущенныхъ выраженіяхъ онъ излилъ свою злбу на Бланки и заявилъ, что никогда не приметъ участія въ темной политической комбинаціи, гдѣ будетъ фигурировать это ненавистное ему имя. «Хорошо», сказали Флоттъ, «если вы съ нами не хотите идти рука объ руку, то вы вмѣстѣ съ другими вылетите за бортъ. Запомните это!»

Но всѣ слишкомъ сильно чувствовали необходимость какого-нибудь соглашенія. Всѣ изыскивали способы избѣгнуть взаимнаго истребленія. Даже Ламартинъ завязалъ сношенія съ

представителями клубовъ, въ особенности съ Собръе. Часто онъ давалъ знать Бланки, что хочетъ съ нимъ бесѣдовать, но Бланки не шелъ навстрѣчу этимъ пожеланіямъ. Но 15-го апрѣля у нихъ состоялось свиданіе въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Никто не можетъ съ достовѣрностью сказать, въ чемъ заключалось содержаніе бесѣды этихъ двухъ людей, настолько различныхъ по своему характеру и складу мышленія, что не представлялось возможнымъ какое-либо соглашеніе между ними. Ламартинъ, которому удалось столь многихъ обворожить своими сладкими рѣчами, пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе... и совершенно безрезультатно. Какъ онъ самъ рассказываетъ, старый заговорщикъ долго давалъ ему спокойно говорить, а самъ онъ не проронилъ ни слова. Въ дѣйствительности Бланки при этомъ разговорѣ преслѣдовалъ одну цѣль — узнать намѣренія правительства.

Ламартинъ въ свою очередь, когда его внослѣдствіи упрекали за это свиданіе, объяснялъ его желаніемъ отвлечь вниманіе Бланки; онъ, дескать, игралъ въ данномъ случаѣ роль громоотвода.

Вечеромъ 15-го апрѣля огромное число клубовъ приготовилось къ слѣдующему дню. Много вооруженныхъ людей стояло наготовѣ всю ночь. Находившійся подъ вліяніемъ Барбеса революціонный клубъ все еще занималъ выжидательное положеніе. Барбеса и многихъ другихъ демократическихъ вождей настолько ослѣпляла ненависть къ Бланки, что они не хотѣли принять участія въ движеніи, которое, по ихъ мнѣнію, должно было кончиться побѣдой Бланки.

Ледрю-Ролленъ, какъ мы видѣли, также раздѣлялъ эти опасенія. Онъ прекрасно сознавалъ, что если онъ допуститъ, чтобы возбужденные революціонные слои Парижа вступили въ ратушу, то они явятся съ Бланки во главѣ. Это сознаніе положило конецъ его нерѣшительности.

Въ большомъ волненіи онъ утромъ 16-го апрѣля поспѣшилъ къ Ламартину, который былъ уже предупрежденъ Флокономъ и другими заговорщиками о намѣреніяхъ революціонно-настроенныхъ клубовъ. Онъ объяснилъ Ламартину, что его имя безъ его содѣйствія и даже противъ его желанія было внесено въ списокъ членовъ новаго временнаго правительства. Онъ въ большомъ смущеніи замѣтилъ поэту, что въ случаѣ нападенія временное правительство можетъ быть низложено.

Ламартинъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы не воспользоваться волненіемъ Ледрю-Роллена. Онъ ему отвѣтилъ: «Вы—министръ внутреннихъ дѣлъ. Вы лойяльны и рѣшительно на-

стросны. Вы имѣете право ударить въ набатъ и призвать парижскую національную гвардію къ оружію. Не теряйте ни минуты и сзывайте легіоны.»

Ледрю-Ролленъ ничего болѣе остроумнаго не могъ придумать, какъ послѣдовать этому совѣту. Съ этого момента онъ превращается въ слугу временнаго правительства. До полудня Ламартинъ при помощи генерала Шангарнье, назначеннаго посломъ въ Берлинъ, развилъ лихорадочную дѣятельность, чтобы превратить ратушу въ своего рода крѣпость. Начальникъ мобильной гвардіи генераль Дювивье собралъ батальоны мобилей, состоявшихъ изъ пролетаріевъ, предназначенныхъ къ избіенію своихъ же братьевъ. Отряды гвардейцевъ были помѣщены во дворахъ и залахъ ратуши. Всѣмъ начальникамъ батальоновъ національной гвардіи, на которыхъ можно было разсчитывать, дано было знать, чтобы они явились во главѣ своихъ батальоновъ на Гревскую площадь передъ ратушей. Эти буржуазные легіоны не могли простить революціонному пролетаріату своего пораженія 17-го марта. Они горѣли жаждой мести, надѣясь хоть отчасти смыть свой позоръ. Поэтому они быстро и въ полномъ составѣ явились на этотъ зовъ. Они наполнили Гревскую площадь и излавали дикіе крики: «Да здравствуетъ временное правительство!» «Долой Бланки!» «Долой коммунистовъ!»

Вдругъ изъ нѣкоторыхъ оконъ ратуши раздались крики торжества. Изъ оконъ ратуши замѣтили, что подходилъ рысью двѣнадцатый легіонъ національной гвардіи, во главѣ котораго выступалъ его начальникъ Барбесъ съ обнаженной шашкой. Какъ и 17-го марта, Барбесъ оказался противъ Бланки! Въ рядахъ революціонеровъ возникла деморализація, а реакціонеры потирали руки отъ удовольствія.

Между тѣмъ рабочіе начали медленно собираться на Гревскую площадь, собралось около 30,000 человекъ. Передаютъ, что Бланки и его приверженцы старались повліять на рабочихъ, чтобы они приняли какое-нибудь революціонное рѣшеніе. Но рабочіе національныхъ мастерскихъ, подпавъ подъ вліяніе агентовъ министра Мари, держались нерѣшительно, они не знали, на чью сторону имъ слѣдуетъ стать. Къ тому же на Марсовомъ полѣ циркулировали тревожные слухи, говорили, что убиты Луи Бланъ и Ледрю-Ролленъ и т. под.

Между 2 и 3 часами пополудни шествіе тронулось въ путь. Къ этому времени всѣ приготовленія на Гревской площади и въ ратушѣ были закончены. Какъ уже было сказано выше, манифестанты намѣревались выразить временному правительству свои патріотическія чувства и вручить ему петицію. Около

Лувра ихъ встрѣтили два легіона національной гвардіи и не дали шествію слѣдовать дальше.

Трудящіяся массы отдали три мѣсяца голода и страданій на службѣ молодой республикѣ, чтобы дать ей время провести необходимыя реформы. Прошло уже два мѣсяца, и въ пользу народа ничего не было сдѣлано. Но представители буржуазіи не теряли даромъ времени, они составили буржуазную армію, чтобы имѣть возможность при случаѣ отвѣтить выстрѣлами на требованія рабочихъ. И эта армія была на лицо, она наполняла Гревскую площадь, оглашая воздухъ криками ненависти и мести противъ социалистовъ и народа. Имъ на помощь пришли продажные элементы обманутаго пролетаріата, организованные въ мобильную гвардію.

Послѣ долгихъ разговоровъ, во время которыхъ все возрастающая толпа зрителей кричала по адресу манифестантовъ: «Долой коммунистовъ! Долой Луи Блана! Долой Кабе! Долой Бланки!» удалось, наконецъ, притти къ соглашенію: послать делегатовъ отъ манифестантовъ въ ратушу.

Здѣсь они изложили представителямъ своего класса, Луи Блану и Альберу, свою жалобу на поведеніе національныхъ гвардейцевъ. Они старались успокоить делегатовъ и отправились къ Ламартину, чтобы уговорить его принять делегацію. Но сладкорѣчивый поэтъ, который еще такъ недавно, проклиная въ душѣ и республику и народъ, склонялъ свою голову передъ волей трудящихся массъ, теперь почувствовалъ, что можетъ опереться на вооруженную силу и сдѣлаться господиномъ положенія. Онъ встрѣтилъ очень надменно обоихъ членовъ правительства и категорически отказался принять депутацію. Такое же враждебное отношеніе встрѣтили делегаты рабочихъ со стороны Бюше и другихъ членовъ общиннаго совѣта.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль какъ рѣзко измѣнился тонъ въ обращеніи съ представителями народа! Какъ быстро правители Франціи сбросили съ себя маску народолюбія! вмѣсто хлѣба, который требовалъ народъ, они по старому испытанному способу предлагали ему порохъ и свинець!

Луи Бланъ и Альберъ добились, наконецъ, у полковника Рея, командовавшаго національной гвардіей на Гревской площади, разрѣшенія народу продефилировать передъ ратушей. Вооруженная буржуазія, сознавая свою силу, воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы обрушиться на народъ съ насмѣшками и оскорбленіями. Они образовали по обѣимъ сторонамъ шпалеры съ поднятыми штыками и рабочіе вынуждены были пройти, какъ бы сквозь строй, съ понижшими головами, съ краской стыда на лицѣ и слезами ярости на глазахъ. Въ то время,

какъ рабочіе шли молча, буржуазія бряцала оружіемъ и кричала до хрипоты: «Долой коммунистовъ! Долой Бланки! Долой Кабе!»

Такимъ образомъ буржуазія вырыла между собой и народомъ глубокую яму, которая должна была потомъ наполниться кровью іюньскихъ жертвъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

16-го апрѣля открылись шлюзы, черезъ которыя стремительными потоками вылилась буржуазная реакція. До тѣхъ поръ буржуазія тщательно скрывала свою ненависть противъ рабочихъ и ихъ революціи. Но съ 16-го апрѣля буржуазія открыто выражала свою жажду мести. Уже вечеромъ этого дня аристократическіе кварталы освѣтились иллюминаціей и по улицамъ двигались огромными толпами національные гвардейцы изъ «благородныхъ» классовъ общества, полупьяные, довольные одержанной побѣдой, съ криками: «смерть коммунистамъ!». Они нападали на всѣхъ прохожихъ, одѣтыхъ въ блузы, оскорбляли ихъ и таскали въ полицейскую префектуру, откуда Коссидьеръ вынужденъ былъ сейчасъ же выпускать ихъ на волю.

По мнѣнію этихъ дикихъ, необузданныхъ людей, все, что не имѣло узко-буржуазной закваски, носило отпечатокъ коммунизма. Всякій, хотя бы до нѣкоторой степени радикальный республиканецъ, есть уже коммунистъ, а всякаго предполагаемаго коммуниста они готовы были предать безпощадному избиенію. Въ припадкѣ какого-то дикаго неистовства они притащили пустой гробъ съ надписью «для Кабе» на квартиру утописта, а такъ какъ этотъ этотъ безобиднѣйшій человѣкъ скрылся, то они показали гробъ его перепуганной семьѣ и объяснили цѣль своего прихода. Эти возмутительныя издѣвательства прекратились лишь, когда правительство послало войска, чтобы защитить домъ Кабе отъ разгрома.

Национальные гвардейцы напали на клубъ Бланки, разыскивая послѣдняго, чтобы его кровью насытить свою жажду мести. Флотигъ былъ арестованъ и приведенъ въ префектуру, но Коссидьеръ, опасавшійся пока открыто заигрывать съ реакціей, отпустилъ его на свободу.

Но «охранители» этимъ не ограничились. По ихъ мнѣнію, миролюбивый Луи Бланъ вполне заслуживалъ смертную казнь. Они нѣсколько разъ направлялись въ ратушу, требуя его отставки и ареста.

Утромъ 18-го апрѣля опять ударили въ набатъ, чтобы возбудить національную и мобильную гвардію противъ коммунистовъ. Въ сильномъ волненіи гвардейцы явились на сборный пунктъ, полагая, что предстоитъ серьезный бой. Но въ городѣ было совершенно спокойно, улицы были совершенно безлюдны. Тогда не зная, куда дѣваться отъ бездѣлья, блюстители порядка опять принялись за розыски Бланки и Кабе. Особенную ненависть они питали къ старому заговорщику, онъ имъ внушалъ ужасъ и смертельный страхъ.

Съ 16-го апрѣля Бланки все время скрывался. Только вечеромъ этого дня онъ пришелъ въ свой клубъ и сдѣлалъ нѣкоторые распоряженія, чтобы привести въ боевую готовность всѣ революціонные элементы Парижа. На слѣдующій же день утромъ былъ учрежденъ тайный комитетъ съ цѣлью сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія къ новому бою. Комитетъ раздѣлилъ городъ на участки и назначилъ въ каждомъ отдѣльныхъ начальниковъ. Онъ посовѣтовалъ революціонно-настроеннымъ клубамъ послѣдовать его примѣру.

Если буржуазія и не знала всѣхъ подробностей новаго заговора, то упорное молчаніе Бланки и таинственность, окружавшая его, должна была еще усилить ея страхъ. Поэтому по городу циркулировали самые тревожные слухи. Передавали, что монтаньяры полицейской префектуры, извѣстные своей преданностью Ледрю-Роллену и Коссидьеру, большей частью перешли на сторону республиканскаго центрального общества Бланки. Опасались, что за этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, приковывавшимъ къ себѣ вниманіе всей Европы, стояли батальоны революціонеровъ, хотя малочисленные, но сильные своей безпримѣрной храбростью и беззавѣтной преданностью своему вождю. Всѣхъ охватилъ страхъ, что эти батальоны могутъ вдругъ въ такой моментъ, когда этого меньше всего ожидаютъ, вырасти, какъ изъ-подъ земли, завладѣютъ ратушей и провозгласятъ свою завѣтную революціонную республику равенства.

Теперь не только буржуазія съ удовольствіемъ вспоминала о безмятежной жизни во время іюльской монархіи, мнимые демократы префектуры и временнаго правительства также многое дали бы, чтобы вернуть старья времена. И передъ ихъ глазами стоялъ грозный призракъ Бланки, окруженный свитой демоновъ. Они ждали, что онъ потребуетъ у нихъ отчета въ ихъ поступкахъ и броситъ имъ въ лицо обвиненіе, что они предали революцію. Чтобы избавиться отъ этихъ мучительныхъ переживаній, они рѣшили прибѣгнуть къ старому, унаслѣдованному отъ монархіи рецепту—посадить Бланки въ темницу. Первая попытка была сдѣлана 19-го апрѣля по приказанію Картрэ, директора одного

изъ департаментовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Комиссаръ Бертолю, уполномоченный арестовать Бланки, засталъ послѣдняго въ обществѣ двадцати вооруженныхъ и предапныхъ ему говарищей, между которыми находился также одинъ изъ начальниковъ монтаньяровъ, Дорме. Комиссаръ же имѣлъ при себѣ только четырехъ полицейскихъ, которыхъ онъ оставилъ въ коридорѣ. Очутившись лицомъ къ лицу съ этой внушительной компаніей, комиссаръ придумалъ какой-то предлогъ, объяснявшій его появленіе, и, пробормотавъ нѣсколько невнятныхъ фразъ, удался.

Замѣчая, какія симпатіи пріобрѣтаетъ Бланки съ каждымъ днемъ въ средѣ монтаньяровъ, Коссидьеръ все больше, склонялся къ мысли о необходимости ареста опаснаго коммуниста. Онъ обратился съ письмомъ къ временному правительству, характеризуя Бланки, какъ инициатора и руководителя всѣхъ волненій, приведшихъ къ возстанію національной гвардіи, и настаивая на необходимости офиціального приказа объ арестѣ Бланки. Когда первое письмо осталось безъ отвѣта, онъ послалъ второе, еще болѣе настойчивое и, несмотря на оппозицію Ламартина и Альбера, остальные члены временнаго правительства согласились съ мнѣніемъ Коссидьера. Но выполненіе этого замысла казалось слишкомъ труднымъ и опаснымъ, такъ что спустя нѣсколько дней это рѣшеніе было отмѣнено.

Такъ неожиданно усилившаяся реакція, представлявшая серьезную опасность для пріобрѣтенной революціи, отняла у многихъ республиканцевъ вѣру въ членовъ временнаго правительства. Недовѣріе охватило и Собръе, приверженца Ледлю-Роллена, который съ этого времени сталъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ вождей революціонеровъ. Казалось, что и Барбесъ вернулся къ своимъ старымъ революціоннымъ воззрѣніямъ. Онъ держалъ въ революціонномъ клубѣ защитительную рѣчь, объясняя свое поведеніе 16-го апрѣля распространившимся слухомъ, будто кучка революціонеровъ составила преступный планъ использовать мирную манифестацію для своихъ цѣлей. Этого не случилось. Но то, что не удалось нѣкоторымъ честолюбцамъ, то могло совершить временное правительство. И все-таки несмотря на то, что Барбесъ прекрасно видѣлъ опасность, грозящую революціи со стороны правителей Франціи, онъ не могъ рѣшиться примириться съ Бланки. И этотъ гибельный расколъ продолжалъ ослаблять революціонную армію на радость врагамъ пролетаріата.

Послѣ манифестаціи 16-го апрѣля реакціонная буря поднялась съ такой силой, что само временное правительство начало опасаться за прочность своего положенія. Поэтому оно попыталось

лишить буржуазію одного изъ средствъ къ нападенію, которымъ оно такъ широко пользовалась въ послѣднее время. Было рѣшено, что можно ударить въ набатъ только по прямому приказу министра внутреннихъ дѣлъ. Желая найти для себя поддержку въ той части населенія, которая ему еще нѣсколько довѣряла, правительство постановило по предложенію Луи Влана официально санкціонировать существующіе клубы. Оно запретило издавать вызывающіе крики, посягающіе на свободу мнѣній и возбуждающіе къ гражданской войнѣ; это непосредственно касалось криковъ «долой коммунистовъ!» и т. п. Оно старалось привлечь на свою сторону бѣднѣйшіе классы населенія, заявивъ о своемъ намѣреніи замѣнить налогъ на вино и другіе напитки повышеніемъ налоговъ на мясо, квартиры собственниковъ, предметы роскоши, собакъ, экипажи и мужскую прислугу. Затѣмъ было объявлено, что несмѣняемость чиновниковъ несомнѣстима съ республиканскимъ образомъ правленія и, наконецъ, было отставлено отъ должностей много непопулярныхъ высшихъ судейскихъ чиновниковъ. Исполнить Кастиль увѣряетъ, что во временномъ правительствѣ тогда даже разбиралися вопросъ о провозглашеніи краснаго знамени.

Все это, конечно, было слишкомъ мало, главное, случилось слишкомъ поздно. Но все-таки временному правительству удалось на короткое время приобрести нѣкоторую популярность. Этимъ счастливымъ для него днемъ было 20-е апрѣля, такъ называемый праздникъ братства, устроенный на Елисейскихъ поляхъ и Марсовомъ полѣ. Въ этотъ день раздавали новыя республиканскія знамена линейнымъ полкамъ и національной гвардіи Парижа.

Больше 200,000 человекъ находилось подъ ружьемъ. Въ 9 часовъ утра орудіейный залпъ извѣстилъ Парижъ, что члены временнаго правительства вступили на эстраду, устроенную подъ триумфальной аркой de l'Étoile. Национальная гвардія проходила полками или легіонами передъ эстрадой и это шествіе продолжалось нѣсколько часовъ. Командиръ каждаго легіона или полка останавливался передъ эстрадой, гдѣ кто-нибудь изъ членовъ временнаго правительства, большей частью Араго, замѣнявшій престарѣлаго генерала Суверви, и представлявшій въ своемъ лицѣ военное и морское министерство, вручалъ ему знамя и говорилъ о прошломъ и будущемъ величій республики, призывая къ присягѣ въ вѣрности республиканскому знамени и готовности защищать его до послѣдней капли крови. Командиры и другіе офицеры одинъ за другимъ отдавали честь своей пшангой и отвѣчали: «клянусь!»

Многіе ли изъ нихъ остались вѣрны этой клятвѣ? Сколько разъ

они обнажали свою шпагу не въ защиту республики, а противъ преданныхъ, честныхъ республиканцевъ?

Но огромную толпу, наблюдавшую эту церемонію, тогда еще не мучили тяжелыя предчувствія. Энтузіазмъ охватилъ всѣхъ присутствовавшихъ, воздухъ дрожалъ отъ звуковъ марсельезы и пушечныхъ выстрѣловъ, а вечеромъ столица освѣтилась факелами и иллюминаціей. Повсюду раздавались громовые крики: «Да здравствуетъ республика!»

Какая республика? Развѣ имѣли въ виду эту буржуазную республику, которая ничего не сдѣлала и не хотѣла ничего дѣлать въ пользу народа? Безусловно нѣтъ. Но кто же можетъ отгадать тайну могучаго и легко воспламеняющагося энтузіазма парижанъ, какъ только они соберутся въ большія народныя массы?

Несмотря на блестящій успѣхъ этого торжества, правительство не могло отдѣлаться отъ непріятнаго ощущенія, вспоминая о предстоящихъ выборахъ. Партійный расколъ исключалъ всякую возможность серьезнаго нападенія на временное правительство. Но опытныхъ политиковъ особенно беспокоило кажущееся единодушіе, съ которымъ была принята новая форма правленія.

Буржуазія, вообще, относится безразлично къ различнымъ политическимъ формамъ, если только она убѣждается, что будетъ сохранена социальная организація, гарантирующая ей неприкосновенность ея привилегій. Этимъ объясняется, что буржуазія въ теченіе послѣдняго столѣтія съ поразительной легкостью примиряется со всякой виѣшней формой правленія; она относится съ той же индифферентностью, какъ къ конституціонной монархіи, такъ и къ чисто буржуазной республикѣ, хотя въ глубинѣ души предпочитаетъ первую второй.

Когда буржуазія убѣдилась, что вышедшая изъ нѣдръ февральской революціи республика проникнута тѣмъ же буржуазнымъ духомъ, что и навшая монархія, она, хотя и не совсемъ была согласна съ новымъ порядкомъ вещей, но сдѣлала видъ, будто вполне его одобряетъ. Она сочла болѣе цѣлесообразнымъ надѣть республиканскую маску, надѣясь такимъ путемъ лучше обдѣлать свои дѣлишки.

Тогда она, главнымъ образомъ, была озабочена упроченіемъ своего экономическаго положенія, испытываемаго нѣбывалое потрясеніе. Пролетаріатъ же, напротивъ, стремился придать своей революціи социальный характеръ. Вопросъ, сильно волновавшій его мыслителей и передовыхъ борцовъ, сводился къ тому, какимъ путемъ слѣдуетъ осуществить великія социальныя преобразованія и какія изъ существующихъ учреждений нужно уни-

чтожить. Должна ли быть сохранена индивидуальная собственность въ полной неприкосновенности или частью уничтожена?

Въ Парижѣ и другихъ крупныхъ городахъ Франціи представители обоихъ общественныхъ классовъ вели ожесточенную борьбу на многочисленныхъ собраніяхъ и въ литературѣ.

Буржуазные экономисты очень энергично защищали привилегіи своего класса. Они часто нападали на Люксембургскую комиссію и Луи Блана. Съ особой рѣзкостью они высказались противъ его рѣчи, произнесенной имъ 3-го апрѣля, въ которой говорится, что «въ основѣ современнаго общества лежитъ принципъ изоляціи и классовыхъ противорѣчій—это конкуренція. Она вызываетъ нужду и страданія. Развѣ чистый доходъ одного предпріятія не создается цѣной гибели большого количества конкурирующихъ съ нимъ предпріятій? Развѣ вы при современномъ режимѣ можете найти хотя бы одного потребителя, одного рабочаго, благосостояніе котораго не зависѣло бы отъ отдаленной мастерской или фабрики, общаго направленія промышленной жизни или вновь изобрѣтенной машины? Конкуренція заставляетъ промышленность быть жестокой и беспощадной. Намъ упрекаютъ, что мы посягаемъ на свободу, стараясь устранить конкуренцію... Мы противники конкуренціи именно потому, что мы поборники свободы. Теперь свобода существуетъ только для тѣхъ, кто владѣетъ капиталомъ, кредитомъ и образованіемъ. Развѣ пользуются полной свободой всѣ остальные, не располагающіе этими средствами? Поэтому всѣ желающіе наслаждаться свободой должны вмѣшаться въ государственную жизнь. А чтобы обезпечить за всѣми дѣйствительную свободу, существуетъ только одно средство—товарищеское объединеніе всѣхъ наличныхъ силъ, всѣхъ вспомогательныхъ средствъ и всѣхъ орудій производства».

Экономистъ Воловскій отвѣтилъ на выводы Луи Блана цѣлымъ потокомъ буржуазно-индивидуалистическихъ аргументовъ, нѣсколько смягченныхъ ходячими гуманными идеями. «Если даже разрушительное дѣйствіе конкуренціи», говоритъ онъ, «вполнѣ справедливо заслуживаетъ строгаго порицанія, то было бы нераціонально, защищая свободу отъ всякихъ ограниченій, уничтожать такой могучій экономической факторъ, какимъ является конкуренція въ области производства. Трудъ даетъ всѣмъ право на существованіе. Но нельзя же взвалить всю дѣятельность и всѣ заботы отдѣльныхъ индивидуумовъ на абстрактное явленіе, государство, которое должно одно думать обо всемъ, комбинировать различные факты и за всѣхъ работать. Государство должно способствовать развитію самодѣятельности, но отнюдь не уничтожать ее въ самомъ зародышѣ».

Другой экономистъ Мишель Шевалье, нѣкогда сенъ-симонистъ, слѣдующимъ образомъ защищалъ буржуазно-капиталистическую систему: «Такъ какъ капиталъ является такимъ средствомъ производства, которое проявляетъ наибольшую степень энергій, то слѣдуетъ трудомъ и бережливостью способствовать его росту. Въмѣсто этого система Луи Блана, напротивъ, уменьшаетъ приложеніе труда, капиталъ и производство, такъ какъ устраняетъ его главный стимуль, конкуренцію. Она уничтожаетъ самостоятельность, чувство собственнаго «я», источникъ всякаго творчества и личнаго самопожертвованія».

Тогда, какъ и теперь, аргументація буржуазныхъ экономистовъ, размышлявшихъ и писавшихъ вмѣсто буржуазіи, занятой погоней за наживой, была такъ же жалка и обманчива. Они также дѣлали видъ, будто не замѣчаютъ, въ какой рабской зависимости находится пролетаріатъ отъ своего социальнаго антипода. Руководствуясь своими классовыми интересами, они ударили въ набатъ, предостерегая отъ социалистическихъ теорій, будто бы угрожающихъ индивидуальной свободѣ. Они ставили на первый планъ необходимость личной инициативы, чтобы такимъ путемъ установить естественную неизбѣжность существующихъ социальныхъ неустройствъ.

Социалисты съ своей стороны распадавшіеся на отдѣльныя секты, съ фанатической преданностью защищали каждый свою школу и соответствующее ей направленіе. Фурьеристы, въ лицѣ Виктора Консидерана, вели въ «Democratic pacifique» ожесточенную полемику противъ Луи Блана, въ особенности по вопросу о равенствѣ заработной платы. Мы уже упоминали объ основномъ принципѣ фурьеристской школы, что каждый долженъ быть вознагражденъ по своимъ заслугамъ. По этому поводу Консидеранъ восклицаетъ: «каждый, развивающій свободную дѣятельность, является собственникомъ продуктовъ своего труда. Производящіе въ три раза больше другихъ должны изъ общаго запаса продуктовъ получать въ три раза больше. Основной экономической принципъ заключается въ добровольной ассоціаціи капитала, труда и таланта. Каждый изъ этихъ трехъ элементовъ долженъ получать вознагражденіе соответственно своей продуктивности». Кабѣ и въ своемъ клубѣ и другими способами очень энергично отстаивалъ свою утопію. По его мнѣнію, единственнымъ спасеніемъ республики было превратиться въ большую Икарію.

Пятидесятилѣтній Пьеръ Леру упорно старался посвятить молодежь въ тайны своихъ мистическихъ идей. Но его мысли дѣлали порой такой высокій полетъ въ область трансценден-

тальной философіи, что только немногіе могли его понять и его слушатели одинъ за другимъ стали его покидать.

Среди этого идейнаго хаоса раздавался также гѣлосъ Прудона. Онъ игралъ своими парадоксами, группируя ихъ такъ, что подчасъ его понимали еще меньше, чѣмъ Пьера Леру. Онъ былъ проникнутъ такимъ самолюбіемъ, которое прямо граничало съ маніей величія. Для «анархиста» Прудона, какъ и для буржуазныхъ экономистовъ, конкуренція была священнымъ принципомъ, являющимся единственнымъ двигателемъ въ производствѣ. Слѣдуетъ припомнить провозглашенный имъ девизъ: «свободность есть воровство». Какой же смыслъ и какое оправданіе можетъ имѣть принципъ свободной конкуренціи, если будетъ уничтожена частная собственность? Это только одно изъ многочисленныхъ противорѣчій Прудона. Онъ нападалъ на всѣхъ, на социалистовъ, на организацию труда, на вмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, на обобществленіе орудій производства. Онъ одинъ только зналъ тайну социальныхъ реформъ. По его мнѣнію, социальный вопросъ разрѣшался учрежденіемъ мѣноваго банка, основаннаго на принципѣ неотчуждаемости кредита, что обезпечило бы за массами свободу труда на основаніяхъ взаимной поддержки.

Неизвѣстно, вѣрили ли когда-нибудь серьезно Прудонъ въ возможность повліять на владѣльцевъ средствъ производства, чтобы они добровольно отдали свои богатства въ распоряженіе его народнаго банка. Подозрительными кажутся его нападки на реформаторовъ, стремившихся организовать производство на принципѣ социальной солидарности. Эти нападки своими софизмами удивительно напоминали жалкую аргументацію горячихъ защитниковъ буржуазнаго строя, отстаивавшихъ съ упорной настойчивостью принципы индивидуализма.

Послѣ Прудона слѣдуетъ упомянуть о Фредерикѣ Бастіа, который также нападалъ на крупную собственность и капиталистовъ, хотя не былъ такъ проникнутъ анархическими тенденціями, какъ первый. Онъ говорилъ, что «земельные собственники, на которыхъ привыкли смотрѣть, какъ на представителей собственности по преимуществу, сами уничтожаютъ принципъ собственности, обращаясь за помощью къ государству, чтобъ искусственно коднять цѣнность своихъ земель и производства. Капиталистамъ принадлежитъ мысль о законодательномъ уравниеніи собственности. Икропительственная система является предвѣстникомъ коммунизма, его первоначальнымъ выразителемъ. Чего же собственно требуютъ обездоленные классы. Не больше того, чего въ свое время домогались и получили капиталисты: они требуютъ вмѣшательства государ-

ства въ пользу соціального равновісія, уравненія національныхъ богатствъ».

Всѣ эти идеи, получившія право гражданства послѣ февральской революціи, служили орудіемъ нападенія на отжившія понятія или творческимъ началомъ для созиданія новыхъ понятій. Буржуазія очень энергично защищала свои экономическія принципы, обезпечивавшія ей привилегированное положеніе не задумываясь выступать подъ республиканскимъ, а то и соціалистическимъ флагомъ. Но щеголяя моднымъ въ ту эпоху словечкомъ «соціализмъ», она всегда умѣла проводить грань между дѣйствительными соціалистами и не опасными для нея соціаль-реформаторами, удовлетворявшимися пѣкоторыми соціальными улучшениями. Къ послѣднимъ она питала родственныя чувства, такъ какъ они также стояли на стражѣ интересовъ порядка, семьи и собственности. Такія словечки, какъ порядокъ, семья и собственность, буржуазія всѣхъ оттѣнковъ сдѣлала своимъ боевымъ лозунгомъ во время избирательной кампаніи. Въ содержаніи этихъ трехъ словъ для нея заключался весь смыслъ ея жизни. Всѣхъ же, угрожавшихъ ея классовымъ интересамъ, она клеймила, какъ противниковъ установленнаго Богомъ мірового порядка, какъ противниковъ религіи, семьи и собственности.

Съ этими разглагольствованіями причудливо переплетались горячія увѣренія въ любви къ народу, демократіи и соціализму. Тогда, какъ и теперь, многіе вдругъ объявили себя соціалистами. Объ искренности этихъ заявленій можно судить по объясненіямъ руководителей роялистовъ во время выборовъ, которые вдругъ, словно по щучьему велѣнію, превратились въ пламенныхъ республиканцевъ. Дюпэнъ, бывшій душой реакціи, заявлялъ, что монархія стала во Франціи невозможной. Ультрамонтанъ графъ Монтамбёръ выражалъ свое глубочайшее сожалѣніе по поводу того, что, подобно многимъ государственнымъ людямъ, онъ совершенно не свѣдуецъ во многихъ соціальныхъ вопросахъ, вполне справедливо выдвигаемыхъ народной жизнью на первый планъ міровой исторіи. Феодалъ де Фаллу, проявившій себя внослѣдствіи яростнымъ противникомъ республики, считалъ болѣе цѣлесообразнымъ теперь выражать свое удивленіе парижскому населенію. Другой роялистъ де Муни объяснялъ избирателямъ департамента Уазы, что національное собраніе сзывается съ пѣлью продолжать демократическое дѣло соціальной революціи 1789 г. Такихъ примѣровъ можно было бы привести очень много.

Въ виду предстоящихъ выборовъ въ Парижѣ развилось сильное рабочее движеніе. Сперва предполагалось выставить отъ

ремесленныхъ организацій 25 наемныхъ рабочихъ въ качествѣ кандидатовъ отъ Парижа, но въ концѣ концовъ ограничились только 20, къ которымъ прибавили извѣстныхъ своей преданностью интересамъ пролетаріата социалистическихъ писателей. Списокъ народныхъ кандидатовъ послѣ этого дошелъ до 34. Каждая цеховая организація должна была выставить по кандидату. Последнему задавали вопросы о наиболѣе важныхъ социальныхъ и политическихъ задачахъ. Рабочая избирательная коммисія назначала изъ кандидатовъ, давшихъ удовлетворительные отвѣты, 20 человекъ, которые и заносились въ избирательный листъ.

Важнѣйшіе вопросы, предлагавшіеся кандидатамъ, были слѣдующіе: Какого они мнѣнія о существующихъ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ? О религіи? Стоять ли они за свободу вѣроисповѣданія? Должна ли церковь содержаться на счетъ государства? Какъ они смотрятъ на организацію труда? Какія реформы, по ихъ мнѣнію, желательны въ государственномъ управленіи? Какъ они относятся къ организаціи арміи? Какія задачи стоятъ передъ послѣдней въ настоящемъ и будущемъ? На какихъ основаніяхъ должна быть построена налоговая система? Каково ихъ отношеніе къ разводу? Въ какія отношенія должна стать Франція къ другимъ европейскимъ народамъ, а именно къ нѣмцамъ и итальянцамъ?

Реакціонные элементы временнаго правительства напрягали всѣ силы, стараясь привлечь на свою сторону симпатіи рабочихъ. Они хотѣли наканунѣ выборовъ, какъ наканунѣ великаго сраженія, сдѣлать смотръ всѣмъ національнымъ мастерскимъ и обратиться къ нимъ съ соответствующимъ внушеніемъ. Узнавъ объ этомъ, Луи Бланъ поспѣшилъ на совѣтъ министровъ и энергично высказался противъ мысли воспользоваться національными мастерскими, какъ орудіемъ для выборной агитаціи. Тогда правительство отказалось отъ этого способа, хотя и рѣшило присутствовать на смотрѣ, и обратилось къ другимъ средствамъ, надѣясь въ послѣдній моментъ расположить рабочихъ въ пользу реакціи.

Непосредственно передъ самыми выборами роздали народу и, главнымъ образомъ, рабочимъ національныхъ мастерскихъ отпечатанныя на розовой бумагѣ въ миллионѣ экземпляровъ избирательныя карточки *). На листѣ рабочихъ цеховыхъ организацій находились имена четырехъ членовъ временнаго правительства: Луи Блана, Ледрю-Роллена, Альбера и Флокона. На листѣ,

*) Выборы происходили по департаментамъ, такъ что весь Парижъ, какъ принадлежавшій къ департаменту Сены, составлялъ одинъ избирательный округъ.

составленномъ умѣренными членами правительства для народа, не было ни одного изъ этихъ именъ, такъ что, если бы даже всѣ рабочіе національныхъ мастерскихъ подали свои голоса за этихъ четырехъ лицъ, то они утонули бы въ общей массѣ голосовъ и остались бы за флагомъ.

Имя Бланки внушало руководителямъ ремесленныхъ организацій еще больше ужаса, чѣмъ буржуазіи, и поэтому оно совѣтъ не попалъ въ этотъ списокъ. Даже Барбесъ былъ отклоненъ большинствомъ цеховъ. Бланки прекрасно понималъ, каковъ будетъ составъ національнаго собранія, и не старался даже попасть въ это учрежденіе.

Во время избирательнаго періода въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обострившаяся классовая вражда привела къ кровавымъ столкновениямъ.

Въ Лиможѣ рабочіе, узнавъ, что ихъ кандидаты провалились, бросились уничтожать избирательные протоколы, главнымъ образомъ, ту часть, которая заключала въ себѣ голосованіе военныхъ. Въмѣшалась національная гвардія, стараясь разсѣять рабочихъ. Обмѣнялись съ обѣихъ сторонъ выстрѣлами и рабочіе одержали верхъ. Власть была передана временному комитету, избранному уже 25-го февраля, который вмѣстѣ съ комиссаромъ республики Шаміо, успокоилъ населеніе. Порядокъ былъ возстановленъ еще прежде, чѣмъ успѣлъ прибыть въ Лиможъ командированный правительствомъ чрезвычайный комиссаръ Трела.

Въ Руанѣ, гдѣ также возникли безпорядки, было не такъ легко подавить волненіе. Съ самого начала революціи здѣсь происходило сильное рабочее движеніе. Живымъ воплощеніемъ буржуазныхъ поноздниковъ былъ здѣсь орлеанскій адвокатъ Сенаръ, что и дало ему возможность вскорѣ получить постъ прокурора республики. Представителемъ рабочихъ и ремесленниковъ выступалъ прогрессивный демократъ Дешамъ (Deschamps), назначенный Ледрю-Ролленомъ комиссаромъ Руана. Руанская національная гвардія была недовольна тѣмъ, что этотъ постъ не достался представителю ея классовыхъ интересовъ, роялисту Сенару. Съ тѣхъ поръ между буржуазной національной гвардіей и руанскимъ населеніемъ происходили постоянныя тренія. Когда же послѣ 16-го апрѣля Ледрю-Ролленъ измѣнилъ своему революціонному прошлому и перешелъ въ лагерь правительственной реакціи, руанская буржуазія стала открыто выражать свою ненависть рабочему классу. 27-го апрѣля дѣлался подсчетъ голосованія; когда выяснилось, что Дешамъ получилъ значительно меньше голосовъ, чѣмъ Сенаръ, и не имѣетъ никакихъ надеждъ на избраніе, то буржуазія стала такъ бурно и вызывающе выражать

свою радость, что и безъ того возбужденные рабочіе потеряли терпѣніе и начались волненія. Напряженіе достигло своего апогея, когда національная гвардія сдѣлала попытку арестовать нѣкоторыхъ вліятельныхъ рабочихъ. Рабочіе, конечно, не дали арестовать своихъ товарищей; во время этого столкновения былъ убитъ одинъ изъ арестованныхъ по имени Кенель. Это послужило сигналомъ къ бою. Раздались крики: «Къ оружію! Убиваютъ нашихъ братьевъ!» и въ мигъ городъ покрылся баррикадами.

Командированный въ Руанъ генераль Ординеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи внушительную военную силу, не считая національной гвардіи, пылавшей жаждой мести и рвавшейся въ бой. Послѣ однодневной битвы ему удалось захватить предмѣстье Матенвиль. Но на другомъ берегу Сены кварталъ С.-Леве находился въ рукахъ инсургентовъ и былъ сильно укрѣпленъ. На слѣдующій день утромъ генераль появился передъ баррикадой и послалъ инсургентамъ свои часы, назначивъ имъ $\frac{1}{4}$ часа на размышленіе, чтобы сдаться. Рабочіе отослали ему часы обратно еъ отвѣтомъ, что желаютъ сражаться. И опять за организованной силой осталась побѣда надъ плохо вооруженнымъ народомъ. Этотъ бой стоилъ рабочему классу 50 убитыхъ и много раненыхъ.

Фабричный городъ Эльбефъ также поднялся и взялся за постройку баррикадъ. Народъ хотѣлъ помѣшать гарнизону присоединиться къ руанскимъ войскамъ.

Прогрессивные элементы Парижа были и безъ того сильно возбуждены поражениемъ республиканской идеи на выборахъ, вѣсть же о руанскихъ событіяхъ переполнила чашу терпѣнія, въ революціонныхъ клубахъ раздались тысячи голосовъ о мести. Стѣны домовъ покрылись плакатами, демократическія газеты запестрѣли бурными воззваніями. Въ «Commune de Paris», органѣ центральнаго клуба, появилось слѣдующее воззваніе Собръе:

«Посѣяли смуту и собрали кровавую жатву. Вызовъ, брошенный народу парижской національной гвардіей, нашелъ откликъ въ Руанѣ. Реакціонеры! Вамъ не удалось вызвать гражданскую войну въ Парижѣ, теперь вы можете быть довольны, она вспыхнула въ Руанѣ... Въ этотъ моментъ раздаются пушечные выстрѣлы, мы возвращаемся къ кровавой бойнѣ на улицѣ Траненонанъ, къ массовымъ убійствамъ на Croix Rousse (въ Лионѣ). На вопли о.ъ голода вы отвѣчаете картечью и свинцомъ... Если національное собраніе откажется отъ соціальной революціи, изъ нѣдръ которой оно вышло, то народъ можетъ при желаніи смѣнить современное правительство, взявъ

обратно свои полномочія, согласно § 14 декларации правъ чело-
вѣка».

Такимъ образомъ, еще за два мѣсяца до июньскихъ дней
были склонны видѣть въ возстаніи единственное средство осво-
бодить революцію изъ сѣтей, раскинутыхъ соединенными силами
реакціи.

Руанское кровопролитіе заставило республиканское централь-
ное общество принять болѣе рѣшительную тактику, и Бланки
забилъ тревогу, выпустивъ воззваніе къ народу, которое про-
извело неизгладимое впечатлѣніе на широкую массу. Особенно
повліяли слѣдующія слова прокламаціи:

«Контръ-революція купается въ народной крови! Справед-
ливости! Немедленнаго мнѣнія за убійства! Уже въ теченіе
двухъ мѣсяцевъ руанская буржуазія въ тиши готовила для
рабочихъ Варфоломеевскую ночь. Она сдѣлала большіе запасы
оружія, и чиновничество знало объ этомъ. Какимъ это обра-
зомъ случилось, что она одна только была организована и
имѣла оружіе? Какимъ это образомъ случилось, что она напала
на безоружныхъ? Почему это именно 42 линейный полкъ, от-
личившійся въ избиеніяхъ въ предмѣстьи Пэръ въ 1834 г.,
оказался теперь въ Руанѣ?.. Въ апрѣлѣ, только спустя два мѣ-
сяца послѣ революціи—это довольно быстро, г.г. буржуазные
правители Франціи! Вы даже женщинъ не пощадил! Если бы
ваши нарядныя красивыя жены и дочери, праздно разгули-
вающія въ своихъ роскошныхъ экипажахъ по улицамъ города,
были ранены выстрѣлами противника, какой ужасный крикъ
вы бы подняли! Теперь ступайте въ госпитали, въ монастыри
и посмотрите на женщинъ, израненныхъ вашими же пулями...
Женщины изъ народа стоятъ не ниже вашихъ женъ и дѣтей,
ихъ кровь не можетъ остаться не отомщенной! Поэтому мы
требуемъ справедливости! Мести за убійство!»

Бланки требовалъ, чтобы руанская буржуазная національная
гвардія была распущена и чтобы генераль Ординеръ предсталъ
передъ народнымъ судомъ. Правительство же взвалило всю от-
вѣтственность на рабочихъ, арестовало очень много инсурген-
товъ и приговорило ихъ къ заключенію въ исправительномъ
домѣ.

Въ это время въ Парижѣ узнали окончательный результатъ
избирательной кампаніи, и это нѣсколько отвлекло общественное
вниманіе отъ кровавой руанской драмы. Предсказаніе Бланки
сбылось: пораженіе демократіи было полное. Даже въ Парижѣ
прошелъ всего одинъ народный кандидатъ, рабочий Агрикола
Пердижье, челоѣкъ крайне умѣренный, противъ котораго и
буржуазія ничего не могла имѣть. По сравненію съ нимъ даже

Луи Бланъ казался кроваво-краснымъ. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что его имя значилось во многихъ спискахъ и за него голосовали самые различные общественные круги.

Были выбраны еще двое рабочихъ, вполнѣ отвѣчавшихъ требованіямъ буржуазіи, Корбонъ, редакторъ бундесистскаго органа «Atelier», и часовыхъ дѣлъ мастеръ Пэпенъ; ихъ поддерживали, между прочимъ, партія «National'a» и клерикалы. Позже, во время июньскихъ событій, эти два рабочихъ представителя оказались такими же врагами пролетаріата, какъ и другіе члены національнаго собранія.

Несмотря на то, что въ 1848 г. социалистическая волна прокатилась по всей Франціи, широкая масса рабочихъ тогда еще не понимала своего классоваго положенія и своихъ классовыхъ интересовъ, поэтому во время выборовъ она легко сдѣлалась игрушкой въ рукахъ демагоговъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на выборахъ прошла такъ называемая социалистическая часть правительственной коллегіи. Барбесъ также былъ выбранъ въ департаментъ Одъ, гдѣ находились его помѣстья. Въ остальной Франціи выборы имѣли, конечно, еще болѣе неблагопріятный результатъ, чѣмъ въ Парижѣ. Крестьяне, слѣдуя своимъ старымъ традиціямъ, еще тѣнѣ примкнули къ реакціонерамъ.

Соціальная республика, о которой такъ долго мечтали, потерѣла пораженіе на выборахъ. Бланки былъ правъ!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

4-го мая состоялось первое засѣданіе учредительнаго національнаго собранія. Парижане, большіе охотники до всякихъ чрезвычайныхъ зрѣлищъ, особенно когда послѣднія льстили ихъ политическому самолюбію, несмотря на палящій зной, со всѣхъ сторонъ стекались къ Вурбонскому дворцу. Здѣсь во дворѣ былъ очень посѣбно сооруженъ большой залъ, въ которомъ національное собраніе въ составѣ 900 народныхъ представителей должно было открыть свои засѣданія. Какъ во время всякаго крупнаго парламентскаго событія, такъ и на этотъ разъ мостъ и площадь Согласія были переполнены густой толпой любопытныхъ и восторженно настроенныхъ людей.

Временное правительство естественно постаралось открыть парламентъ съ возможно большей торжественностью. Въ 12^{1/2} часовъ пополудни оно выступило изъ расположеннаго на Вандомской

площади дворца министра юстиціи, имѣя впереди генерала національной гвардіи со штабомъ, чтобы проложить ему дорогу черезъ толпу. По бокамъ шли офицеры съ обнаженными шпагами, такъ что въ общемъ можно было вынести впечатлѣніе, что правителей Франціи, вынужденныхъ теперь отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ представителямъ страны, ведутъ, какъ обвиняемыхъ, подъ конвоемъ въ судъ. За правительствомъ слѣдовалъ меръ съ общиннымъ совѣтомъ Парижа и его предмѣстій. Шествіе замыкали батальоны національной гвардіи, тщательно профильтрованные, отъ времени до времени устраивая сочувственные оваціи Ламартину.

При вступлении правительства въ залу засѣданія загремѣли пушки изъ Дома Инвалидовъ и депутаты поднялись со своихъ мѣсть, привѣтствуя правительственную коллегію: «Да здравствуетъ республика!»

Республика? Да, они кричали: «Да здравствуетъ республика!» это собраніе реакціонеровъ всевозможныхъ оттѣнковъ, гдѣ на ряду съ фанатикомъ-доминиканцемъ Лакордеромъ возсѣдали іезуиты, орлеанисты, легитимисты и маленькая кучка республиканскихъ демократовъ и даже нѣсколько коммунистовъ. Они кричали: «Да здравствуетъ республика!» хотя питали къ ней еще и ненависть и страхъ. Но все-таки этотъ возгласъ въ устахъ реакціонеровъ не былъ абсолютно лживымъ. Они очень мало интересовались вопросомъ о формѣ правленія, когда знали, что ихъ классовыя привилегіи останутся неприкосновенными; поэтому, вынужденные обстоятельствами, они очень быстро примирились съ республиканскимъ режимомъ. Очень мѣтко замѣтилъ Луи Блану либеральный монархистъ Дювержье де Оранъ: «Мы, конечно, не хотимъ республики, но разъ она провозглашена, то мы безъ обиняковъ признаемъ новый режимъ». Съ его мнѣніемъ могла согласиться широкая масса реакціонеровъ, но только съ однимъ условіемъ: признанная ими республика должна быть ихъ республикой. Она должна быть организована такъ, чтобы реакціонерамъ жилось въ ней привольно, а такъ какъ реакціонные элементы временнаго правительства очень удачно проводили свою буржуазно-реакціонную политику, то собраніе могло со спокойной душой привѣтствовать республику.

Слѣдуетъ еще принять во вниманіе, что часть депутатовъ, явившись въ Парижъ съ большимъ запасомъ всевозможныхъ предразсудковъ захолустныхъ деревень и маленькихъ провинціальныхъ городовъ, сейчасъ же должна была подпасть подъ могучее моральное вліяніе столицы. Здѣсь они пришли въ соприкосновеніе съ многочисленнымъ рабочимъ населеніемъ, восторженно превозносившимъ свою «Маріанну». Отзываться здѣсь

презрительно о республикѣ означало не признавать его и отрицать одержанную имъ великую побѣду.

По окончаніи формальныхъ привѣтствій собраніе приступило къ совѣщанію. Одри де Пюйраво, какъ самый старшій изъ депутатовъ, занялъ президентское мѣсто и одиннадцать членовъ временнаго правительства расположились у подножія ораторской трибуны.

Въ общемъ Бурбонскій дворецъ представлялъ собой въ этотъ моментъ внушительное зрѣлище. Вокругъ членовъ временнаго правительства сидѣли 900 народныхъ представителей изъ различныхъ мѣстностей Франціи. Въ залу засѣданій пропикалъ грозный шумъ многотысячной толпы, тѣснымъ кольцомъ окружавшей дворецъ. Издали все еще доносилась пушечная пальба изъ Дома Инвалидовъ. Престарѣлый Дюпонъ де л'Ерѣ колеблющейся старческой походкой взошелъ на трибуну и отъ имени временнаго правительства обратился къ депутатамъ съ рѣчью, изъ коей мы заимствуемъ слѣдующее мѣсто: «Граждане-депутаты! Временное правительство республики преклоняется въ настоящій моментъ въ вашемъ лицѣ передъ всей націей и приноситъ увѣреніе въ своей преданности высшей власти, которой вы облечены... Въ качествѣ носителей принципа народовластія вы призваны построить новыя учрежденія во Франціи на демократическихъ началахъ и составить единственно справедливую конституцію, республиканскую конституцію. На васъ лежитъ обязанность установить эти основные принципы, которые и послужатъ руководствомъ для дѣятельности правительства, направленной къ установленію хорошихъ отношеній между всѣми гражданами и водворенія въ странѣ принциповъ справедливости и братства... Оставаясь вѣрными нашему политическому происхожденію и нашимъ убѣжденіямъ, мы не замедлили провозгласить возникшую въ февралѣ республику. Сегодня мы открываемъ засѣданія этого собранія объединяющимъ васъ всѣхъ возгласомъ: «Да здравствуетъ республика!»

Вторично прокатился по всей залѣ и открытымъ для публики галлереямъ крикъ: «Да здравствуетъ республика!» «Да здравствуетъ временное правительство!» Послѣ этого былъ сдѣланъ перерывъ.

Въ три часа засѣданіе было возобновлено, на президентскомъ столѣ лежала цѣлая куча предложеній, содержаніе которыхъ сводилось къ тому, чтобы собраніе официально признало существованіе республики. Одно требовало, чтобы каждый съ трибуны произнесъ клятву въ вѣрности, другое настаивало на томъ, чтобы было вышущено официальное обращеніе къ народу, провозглашающее или привѣтствующее республику. Барбесъ, недовольный этими предложеніями, быстро взошелъ на

на трибуну и крикнулъ: «Никто не может сомнѣваться въ прочномъ существованіи республики. Мы только слуги народа и должны слѣдовать его желанію. Да здравствуетъ единая, нераздѣльная, демократическая и социальная республика!»

Президентъ, видимо, раздѣлялъ мнѣніе Барбеса. Онъ объяснилъ, что излишне обсуждать эти предложенія, такъ какъ никто не думаетъ нападать на республику.

Въ это время депутату Бабо-Ларибьеру пришла въ голову мысль, выполненіе которой сдѣлалось грандіознымъ событіемъ этого дня. Онъ воскликнулъ: «Мы должны при свѣтѣ солнца и въ присутствіи героическаго населенія Парижа выразить свою преданность республикѣ!»

Это предложеніе было принято съ энтузіазмомъ. Всѣ депутаты поднялись со своихъ мѣстъ и сгруппировались позади президента Одри де Пюйраво, который вывелъ ихъ на колоннаду дворца. Здѣсь онъ отъ имени народа и національнаго собранія провозгласилъ демократическую республику. Несмотря на то, что его голосъ нѣсколько терялся въ общемъ шумѣ, передовые ряды народной толпы услыхали этотъ возгласъ, радостные крики огласили воздухъ, они были подхвачены всей толпой и вскорѣ превратились въ бурю воодушевленія.

Первыя засѣданія національнаго собранія были посвящены провѣркѣ депутатскихъ полномочій. Это показало, къ какимъ средствамъ прибѣгали реакціонеры, въ особенности клерикалы, чтобы одержать нобѣду на выборахъ. Они пустили въ ходъ рѣшительно все, чтобы подѣйствовать на пугливое воображеніе сельскаго населенія; даже исповѣдь была использована въ интересахъ выборной агитаціи: исповѣдывавшимся ставили на видъ, что церковь отказываетъ въ отпущеніи грѣховъ всѣмъ тѣмъ, которые будутъ выбирать депутатовъ несогласно съ ея желаніями; республикански настроеннымъ крестьянамъ, не умѣвшимъ читать, подсовывали избирательныя карточки ихъ политическихъ противниковъ.

По окончаніи провѣрки депутатскихъ полномочій приступили къ выбору президента и бюро. Постъ президента занялъ Бюше, а въ бюро были, между прочимъ, приняты двое рабочихъ, Корбонъ и Пэнень. Этимъ національное собраніе хотѣло подчеркнуть свое расположеніе къ трудящимся массамъ. Пэнень и Корбонъ, какъ мы указали выше, были вообще по душѣ буржуазии, они защищали интересы буржуазии еще болѣе усердно, чѣмъ ея собственные представители.

Затѣмъ, въ первые же дни члены временнаго правительства начали одинъ за другимъ складывать свои полномочія передъ собраніемъ. Докладъ, представленный 6-го мая Ледрю-Ролъ-

Постъ президента исполнительной комиссіи занялъ Араго, какъ получившій наибольшее количество голосовъ. Портфель министра иностранныхъ дѣлъ достался Бастиду, внутреннихъ дѣлъ—Рекиру, юстиціи—Кремье, военного министра—Кавеньяку (съ 17 мая), народного просвѣщенія—Карно, духовныхъ дѣлъ—Бетмону, общественныхъ работъ—Трела, земледѣлія и торговли—Флокону, финансовъ—Диклерку и морского министра—Кази.

Въ своемъ рѣшеніи объ учрежденіи исполнительной комиссіи національное собраніе указывасть на заслуги временнаго правительства передъ страной. Только одинъ голосъ поднялся противъ этого пункта, идущаго въ разрѣзъ съ мнѣніемъ перодовыхъ республиканцевъ. Отъ имени французскаго народа Барбесъ протестовалъ противъ цѣлаго ряда правительственныхъ распоряженій, указавъ на снисходительное отношеніе правительства къ руанской рѣзкѣ, на его полный индифферентизмъ къ освободительнымъ теченіямъ въ Польшѣ, Бельгіи, Германіи и Италіи.

Бѣдный Барбесъ не сознавалъ, что и на немъ лежитъ часть отвѣтственности за дѣйствія правительства, на которыя онъ такъ нападалъ.

Одновременно съ временнымъ правительствомъ должна была сложить свои полномочія и Люксембургская «правительственная комиссія для рабочихъ». Дѣйствительно ли Луи Бланъ надѣялся на возможность учрежденія министерства прогресса вмѣсто его Люксембургской комиссіи? Какъ бы то ни было, онъ, хотя и зналъ настроеніе національнаго собранія, тѣмъ не менѣе 10-го мая внесъ соотвѣтствующій законопроектъ, составленный имъ въ Люксембургской комиссіи. Одно его появленіе на трибунѣ вызвало цѣлую бурю негодованія въ собраніи. Буржуазія вообще видѣла въ Луи Бланѣ представителя наиболѣе ненавистныхъ ей идей и буржуазные депутаты мести ему по своему: каждый разъ, когда онъ начиналъ говорить, они поднимали невообразимый шумъ, чтобы заглушить его голосъ.

Вышеупомянутый Пэнень взошелъ на трибуну и открыто выразилъ свое презрѣніе ко всякаго рода социалистическимъ изслѣдованіямъ, иронически замѣтивъ по адресу Люксембургской комиссіи, что ее потому нельзя ни въ чемъ обвинять, что она вообще ничего не сдѣлала. Этотъ хитро придуманный маневръ далъ буржуазнымъ газетамъ желанный поводъ указать на трогательную скромность и похвальное благоразуміе «дѣйствительнаго» рабочаго въ противовѣсъ утоническимъ трудамъ эксцентричныхъ писателей. Національное собраніе, конечно, обсуждало докладъ Луи Блана, но въ концѣ концовъ отправило его въ сорную корзину.

Открыто выраженная въ національномъ собраніи ненависть къ революціоннымъ идеямъ еще больше усилила озлобленіе широкихъ массъ парижскаго населенія противъ буржуазіи. Въ собраніи ежедневно наносились удары демократіи, но все же народъ не терялъ надежды на свою конечную побѣду. Революціонеры опять принялись за дѣятельную агитацію, стараясь приобрѣсти все новыхъ приверженцевъ.

Въ клубахъ было рѣшено не допустить, чтобъ истинный характеръ революціи былъ извращенъ національнымъ собраніемъ, на которое вообще смотрѣли, какъ на порожденіе избирательнаго подкупа. Еще до выборовъ предвидѣли, что будущіе народные представители могутъ совершенно не соотвѣтствовать интересамъ революціи, поэтому народнымъ кандидатамъ въ офицеры національной гвардіи ставился вопросъ: «что вы будете дѣлать, если національное собраніе будетъ противъ насъ?» Съ такимъ же вопросомъ (т. е. «что вы будете дѣлать, если національное собраніе будетъ противъ васъ?») обратился монархистъ Жиранденъ къ революціоннымъ республиканцамъ, добываясь точнаго и прямого отвѣта.

Черезъ нѣсколько дней, когда онъ возобновилъ свой вопросъ, на него со всѣхъ сторонъ, изъ клубовъ и со столбцовъ революціонныхъ газетъ, посыпались отвѣты, смыслъ которыхъ сводился къ слѣдующему: «мы бросимъ ваше собраніе въ Сену, если оно выступитъ противъ республики и предастъ народъ!»

Уже послѣ первыхъ засѣданій національнаго собранія стали замѣтны признаки предстоящаго взрыва. 11-го мая въ Парижѣ появилось слѣдующее воззваніе:

«Къ демократическимъ социалистамъ.

«Дурные граждане, ничего не желающіе дѣлать для народа, заключаютъ между собой союзъ для поддержки своихъ эгоистическихъ стремленій. Въ противовѣсъ имъ честные граждане должны также объединиться, чтобы провести принципы братства... Пусть собираются подъ наши знамена всѣ, которые желаютъ побѣды демократіи... Пока пусть приходятъ на это подготовительное собраніе только руководители баррикадныхъ борцовъ и делегаты демократическихъ клубовъ».

Въ числѣ подписавшихся подъ этимъ воззваніемъ находился также Собръе.

Послѣ того, какъ національное собраніе избрало исполнительную комиссію, всѣ прогрессивные элементы, преданные раньше временному правительству, теперь отвернулись отъ лицъ, оставшихся у кормила правленія. Всѣ наконецъ поняли, хотя, можетъ быть, слишкомъ поздно, въ какую трясину реакціи оно

завело французскую республику. Общество правъ челоуѣка выпустило прокламацію, подъ которой подписался и Барбесъ: тамъ было сказано: «Если вы будете продолжать защищать отсталыя общественныя формы, то въ день битвы вы встрѣтите наши организованныя секціи въ первыхъ рядахъ борцовъ, и тогда рѣчь уже будетъ не о томъ, чтобы васъ простить, а о томъ, чтобы выполнить требованія справедливости».

Боевое настроеніе охватило также и буржуазію. Она почувствовала себя теперь достаточно сильной, и ея прокламаціи носили не менѣе вызывающій характеръ, чѣмъ воззванія революціонеровъ. Буржуазные элементы легіона 12-го городского участка, которымъ командовалъ Барбесъ, выпустили слѣдующее воззваніе: «Если гражданинъ Барбесъ будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ сложить съ себя командованіе нашимъ легіономъ, то мы сочтемъ своей обязанностью потребовать у національнаго собранія его отставки. Давайте, устроимъ съ этой цѣлью манифестацію».

Въ это время реакція подняла голову не въ одной только Франціи. Изъ Германіи и Польши приходили одно за другимъ печальныя извѣстія, сильно огорчавшія парижанъ. Они съ большою симпатіей относились къ иностраннымъ республиканскимъ колоннамъ, двинувшимся на родину, чтобы свергнуть тиранію и провозгласить республику. Нѣмецкіе эмигранты были разбиты на голову 27-го апрѣля при Доссенбахѣ; республиканское возстаніе въ Германіи было подавлено. Эта неудача задѣла за живое населеніе французскихъ городовъ и еще больше вооружила его противъ правителей Франціи, которыхъ оно считало отвѣтственными за это пораженіе европейской демократіи.

Еще болѣе грустныя извѣстія приходили изъ Польши, пользовавшейся традиціонными симпатіями французовъ. Польское возстаніе въ Познани, Краковѣ и Галиціи было подавлено, русская Польша, скованная желѣзнымъ режимомъ Николая I, не могла даже подняться. Напрасно польскій революціонный комитетъ въ Краковѣ обратился съ призывомъ къ нѣмецкому народу: «Будь нашимъ союзникомъ! Независимая Польша будетъ твоимъ оплотомъ!» Нѣмецкія народныя массы были сами приведены въ состояніе политическаго безсилія и не могли отвѣзваться на призывъ своихъ польскихъ братьевъ.

Изнемогавшая въ борьбѣ за свободу Польша обращала свои взоры къ французамъ. Каждый вечеръ можно было видѣть въ клубахъ польскихъ борцовъ, снасшихся отъ кровавой бойни и явившихся въ Парижъ, чтобы обрисовать передъ революціонно настроенными парижанами ужасную обстановку, въ которой погибло такъ много поляковъ, сражавшихся за свободу. Тотъ,

кто знакомъ съ настроеніемъ и чувствами парижскихъ рабочихъ, знаетъ, что они способны воодушевиться даже за менѣе правое дѣло.

Извѣстія изъ Польши стали приходять въ первыхъ числахъ мая и волненіе охватило всю столицу. Въ клубахъ происходили многочисленныя собранія, на стѣнахъ домовъ появились воззванія, приглашавшія французовъ соединиться съ поляками. Повсюду можно было услышать такого рода разговоры: у французской республики есть оружіе, желѣзо и свинець, неужели она потерпитъ, чтобы были раздавлены тѣ, которые возстали, слѣдуя ея же примѣру? Она должна взяться за оружіе, перейти Рейнъ, чтобы отомстить за избіеніе безоружныхъ и освободить угнетенныхъ отъ рабскихъ путъ. Но какъ же это выполнить? Національное Собраніе очень трусливо, оно ничего не сдѣлаетъ, поэтому народъ долженъ взять на себя инициативу дѣйствій. Президентъ клуба клубовъ предложилъ устроить грандіозную манифестацію, чтобы показать національному собранію, что народъ хочетъ притти на помощь Польшѣ. Эта мысль встрѣтила очень сочувственный откликъ.

Когда національное собраніе узнало объ этомъ, оно затрепетало отъ страха: его охватилъ такой ужасъ, какъ будто оно увидѣло предъ собой наступающія боевыя колонны парижскихъ предмѣстій. Оно настолько потеряло голову, что приняло самыя нелѣпыя предохранительныя мѣры. Оно, на примѣръ, распорядилось, чтобы къ нему не былъ допущенъ ни одинъ проситель, не была передана ни одна просьба.

10-го мая на ораторской трибунѣ появился Воловскій, полякъ, получившій права французскаго гражданина и членъ національнаго собранія и отъ имени делегачіи изъ Кракова, Галиціи и Познани просилъ французскую республику поддержать его соотечественниковъ. По его мнѣнію, національное собраніе должно выпустить въ формѣ прокламаціи воззваніе къ нѣмецкому народу и исполнительная комиссія должна дѣйствовать въ томъ же направлеиіи. Это предложеніе поддерживалъ другой депутатъ, при чемъ онъ закричалъ громовымъ голосомъ: «Доколѣ мы будемъ глухи къ голосу народа?»

Ламартинъ попросилъ нѣкоторое время для отвѣта и дебаты были отложены до 15-го мая.

Въ это время въ ресторанѣ Дурлангъ происходило собраніе всѣхъ революціонныхъ элементовъ Парижа, делегатовъ клубовъ, вождей баррикадныхъ борцовъ и представителей рабочихъ корпорацій. Возбужденіе было очень сильное, рѣчь шла о низверженіи исполнительнаго комиссіи, національнаго собранія и учрежденіи комитета народнаго благосостоянія.

Было рѣшено въ понедѣльникъ 15-го мая устроить внушительную народную манифестацію, чтобы поддержать въ національномъ собраніи тѣхъ, которые выступятъ въ защиту интересовъ Польши. Помимо этого былъ несомнѣнно выработанъ и другой, тайный, планъ дѣйствій на будущее время.

Для народа судьба Польши служила какъ бы зеркаломъ, въ которомъ онъ видѣлъ отраженіе своей собственной участи и дѣла демократіи вообще.

Возбужденіе было настолько велико, что, даже не дожидаясь сигнала своихъ руководителей, народъ собрался 13-го мая въ количествѣ 6000 человекъ на Бастильскую площадь. Отсюда манифестанты двинулись по бульварамъ съ криками: «Да здравствуетъ Польша!» Достигнувъ зданія національнаго собранія, они отрядили 10 делегатовъ для передачи петиціи; парижскій депутатъ Вавенъ взялся представить ее національному собранію, но бюро отказалось ее принять, ссылаясь на то, что дѣбаты о польскомъ вопросѣ отсрочены на 15-е мая.

Все это было только прологомъ разыгравшейся трагедіи.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Утромъ 15-го мая на Бастильской площади собралась огромная народная толпа. Постоянно прибывали все новыя группы со своими знаменами, на которыхъ большими буквами была начертана надпись: «Да здравствуетъ Польша!» Здѣсь были представлены всѣ цвѣта и знамена различныхъ партій. Толпа въ 150,000 человекъ двигалась съ криками: «Да здравствуетъ Польша!» «Да здравствуетъ республика!»

Что въ это время дѣлало правительство? Приняло ли оно какія-нибудь предохранительныя мѣры? Распорядилось ли оно, чтобъ манифестантовъ, какъ 16-го апрѣля, встрѣтили штыками и пушками? Нѣтъ, правительство, повидимому, полагало, что манифестація будетъ носить совершенно мирный характеръ, что она безусловно не привлечетъ къ себѣ всеобщаго сочувствія и поэтому не будетъ многочисленной.

Еще 14-го мая Губеръ опубликовалъ письмо, энергично отвергая мысль, что манифестація можетъ принять насильственный характеръ. Много клубовъ также заявило, что они примутъ участіе въ манифестаціи, исключительно руководствуясь мирными намѣреніями. Вообще по вопросу о необходимости манифестаціи клубы, казалось, были менѣ всего солидарны. Распайль и его друзья, по обыкновенію, очень презрительно

отзывались объ этомъ движеніи. Кабе рекомендовалъ своему клубу воздержаться отъ участія въ манифестаціи, съ такимъ же совѣтомъ обратился къ своему клубу даже Бланки. По словамъ Ипполита Кастиля, онъ высказалъ слѣдующую мысль: «Въ настоящій моментъ господствуетъ реакція, она увлекла своимъ стремительнымъ потокомъ и министерство, къ которому принадлежатъ нѣкоторые изъ нашихъ. Но обождите только пять или шесть недѣль, тогда направленіе вѣтра измѣнится и общественное мнѣніе будетъ за насъ». Докладъ слѣдственной комиссіи о дѣлѣ 15-го мая также подтверждаетъ, что Бланки держался очень сдержанно.

Дѣйствительно, Бланки мало вѣрилъ въ успѣхъ этого движенія, въ которомъ приняли участіе такіе различные общественные элементы. Только по мѣрѣ того, какъ движеніе начало принимать все болѣе и болѣе широкіе размѣры и подъ его знамена стали стекаться все новыя народныя массы, Бланки, какъ и другіе вожди, былъ увлеченъ этимъ бурнымъ потокомъ. Барбесъ также далеко не сразу присталъ къ этому движенію.

Конечно, одной только перѣшительностью отдѣльныхъ руководителей или даже группъ нельзя объяснить бездѣйствія исполнительной комиссіи и правительства. Главнымъ образомъ, оно объясняется другимъ обстоятельствомъ: нѣкоторые члены правительства были даже довольны этой манифестаціей. Они занимали такое же положеніе по отношенію къ національному собранію, какъ Луи Бланъ по отношенію къ временному правительству—они не чувствовали себя избранными палаты, а сознавали, что ихъ терпятъ въ силу необходимости и при первомъ же удобномъ случаѣ ихъ, какъ бывшихъ членовъ временнаго правительства, съ такимъ же удовольствіемъ вышвырнутъ за бортъ, какъ Луи Блана и Альбера. Поэтому война съ монархической Европой казалась имъ лучшимъ исходомъ изъ этого двусмысленнаго положенія.

Прудонъ въ своей газетѣ «Le Représentant du peuple» очень рѣшительно напалъ на эту манифестацію. Его насмѣшки были направлены противъ ложнаго воинственнаго энтузіазма. Позже онъ доказывалъ, что республиканская армія принесла бы еврейскимъ народамъ не только духъ политической свободы, но и стремленіе къ социальнымъ преобразованіямъ, а такъ какъ эти народы еще не были подготовлены къ этому, то результатъ получился бы отрицательный: европейскій либерализмъ бросился бы въ объятія реакціи и во всей Европѣ разыгрались бы такія событія, какъ во Франціи 16-го апрѣля и въ кровавые іюньскіе дни.

Между тѣмъ парижскіе революціонеры меньше всего думали

о возможности такихъ послѣдствій этого пашествія французской республиканской арміи. Мы уже указывали, что нѣкоторые правители Франціи считали внѣшнюю войну лучшимъ исходомъ изъ запутаннаго внутренняго положенія. Эту точку зрѣнія раздѣляло и небольшое число республиканцевъ, въ томъ числѣ и нѣкоторое члены національнаго собранія. Бабо-Ларибьеръ рассказываетъ, что 14-го мая въ библиотечной залѣ ратуши состоялось подъ предѣтельствомъ Армана Марра многочисленное собраніе республиканскихъ депутатовъ, почти единогласно (одинъ только Бабо-Ларибьеръ былъ противъ) рѣшившее высказаться въ пользу немедленнаго объявленія войны въ защиту независимости Польши и Италіи. Это мнѣніе открыто мотивировали такими соображеніями, что «надо дать исходъ избытку населенія и доставить пищу народной фантазіи».

Однако, намъ слѣдуетъ вернуться къ событіямъ 15-го мая. Манифестація проходила въ полномъ порядкѣ, грандіозное шествіе медленно двигалось вдоль внутреннихъ бульваровъ. Украшенные цвѣтами и зеленью знамена придавали этому шествію характеръ скорѣе увеселительной прогулки, чѣмъ серьезнаго предпріятія. Въ толпѣ раздавались всевозможныя шутки и остроты, слышны были такого рода восклицанія: «Мы хотимъ сдѣлать визитъ нашимъ приказчикамъ», «мы сегодня же вечеромъ поѣдемъ въ Польшу», но подъ этой безнечной внѣшностью скрывалось долго накопленное недовольство. Парижане обладаютъ замѣчательной способностью шутить и дурачиться въ самые критическіе моменты своей жизни. Смѣхъ и шутки покрывались криками: «Да здравствуетъ Польша!» «Да здравствуетъ республика!» Въ такомъ видѣ народная масса медленно подвигалась впередъ, пока не достигла площади передъ церковью св. Маделены. Здѣсь лица сразу омрачились, какъ бы въ ожиданіи предстоящей опасности. Ораторы взбирались на тумбы и рѣшетки церкви св. Маделены и въ бурныхъ рѣчахъ обрушивались на національное собраніе, но эти рѣчи страдали однимъ существеннымъ недостаткомъ: въ нихъ не было единства плана, каждый ораторъ говорилъ о чемъ-нибудь другомъ. Одинъ велъ рѣчь о Польшѣ, другой—о министерствѣ прогресса, третій—о событіяхъ въ Баденѣ, четвертый—объ Италіи и т. д. Это зрѣлище напоминало собой легенду о вавилонскомъ смѣшеніи языковъ.

Народъ недолго оставался у церкви св. Маделены и вскорѣ опять тронулся въ путь. Авангардъ колонны достигъ площади Согласія, гдѣ онъ наткнулся на генерала Курте, которому было поручено руководство военными операціями и защита національнаго собранія. Народъ, обыкновенно инстинктивно угадывающій, какой тактики ему слѣдуетъ держаться во время

военныхъ дѣйствій, закричалъ: «Это генераль Курте. Да здравствуетъ народный генераль!» Старый генераль, сильно дорожившій своей популярностью, не могъ устоять передъ такой лестной почительностью народа. Къ тому же этотъ самый народъ спасъ его 16-го марта отъ мести національныхъ гвардейцевъ, онъ объ этомъ не могъ не помнить.

Члены клубовъ окружили его и обнадежили, что манифестация будетъ носить совершенно мирный характеръ, ограничатся только тѣмъ, что пошлютъ делегатовъ въ національное собраніе. Успокоенный этимъ обѣщаніемъ, генераль рѣшилъ не ставить никакихъ препятствій дальнѣйшему слѣдованію этого шествія. Онъ приказалъ полубатальону національной гвардіи и батальонамъ гвардіи мобилей, занимавшимъ мостъ Согласія взять ружья къ ногѣ и пропустить манифестантовъ.

На площади Согласія клубъ Бланки стоялъ во главѣ колонны; Бланки хотѣлъ такимъ образомъ сдѣлаться господиномъ положенія. Если онъ колебался въ предшествующіе дни, то теперь возможно, что видъ громадной и рѣшительно настроенной народной массы внушилъ ему надежду на возможность произвести государственный переворотъ.

Достигнувъ Бурбонскаго двора, манифестанты перескочили черезъ рѣшетку и ворвались въ переднюю залу засѣданій. На встрѣчу имъ вышелъ Ламаринъ, увѣренный въ силу своихъ пышныхъ, благозвучныхъ фразъ, но на этотъ разъ онъ ошибся. Потокъ его краснорѣчія былъ прерванъ бурнымъ крикомъ: «Довольно фразъ!» «Бросьте вы эту старую пѣсню!» и обезкураженный поэтъ долженъ былъ убраться во-свои.

Между тѣмъ въ залѣ засѣданій происходило слѣдующее: на трибунѣ появился Воловскій, намѣреваясь говорить о польскомъ вопросѣ; депутаты были сильно взволнованы. Едва онъ началъ свою рѣчь, какъ въ залѣ засѣданій услышали глухой шумъ врывающейся народной толпы и крики: «Да здравствуетъ Польша!» Воловскій поблѣднѣлъ, замолчалъ и началъ прислушиваться. Депутаты закричали: «Продолжайте! Продолжайте!» Одинъ поднялся и сказалъ: «При этихъ тяжелыхъ условіяхъ собраніе обязано остаться на своемъ посту». Воловскій продолжаетъ при возрастающемъ шумѣ, который почти заглушаетъ его голосъ: «Я никого не буду оскорблять, я не утверждаю, чтобы кто-либо не былъ всецѣло преданъ интересамъ Польши...» (Снаружи крики народа: «Да здравствуетъ Польша!») «Вопросъ, который насъ занимаетъ, заключается въ томъ, какія средства слѣдуетъ пустить въ ходъ, чтобы какъ можно скорѣе осуществить возстановленіе Польши». (Крики снаружи: «Да здравствуетъ Польша!») «Франція съ ея полумилліонной

армией, съ ся національной гвардіей, въ составъ которой входятъ всѣ, способные носить оружіе, не боится войны..., поэтому она можетъ заставитьъ другія государства считаться со своимъ мнѣніемъ, не будучи вынужденной прибѣгнуть къ послѣдному, крайнему средству, столь обычному для монархическихъ правительствъ... Раньше, когда Польша была еще жива, она всегда являлась носительницей цивилизаціи, да и теперь она, вопреки мнѣнію многихъ, не умерла, а только спитъ»...

Въ этотъ моментъ передъ самой дверью залы раздался оглушительный крикъ: «Да здравствуетъ Польша!» Депутатъ Дегузэ бросается на трибуну и въ безсвязной рѣчи сообщаетъ, что никакихъ защитительныхъ мѣръ не было принято, что генераль Курте запретилъ гвардіи мобилей пускать въ ходъ оружіе. Это извѣстіе произвело ошеломляющее впечатлѣніе на депутатовъ. Крики ярости и страха огласили залу, смѣшиваясь съ трескомъ разламываемыхъ дверей. Вскорѣ на галлереяхъ показались манифестанты въ синихъ блузахъ и красныхъ галстукахъ, покрытые потомъ и пылью, и потребовали удаленія герцогинь и графинь, расположившихся на трибунѣ дипломатическаго корпуса, совѣтуя имъ заняться штопаньемъ чулокъ. Знатныя дамы, смотрѣвшія на засѣданія народныхъ представителей, какъ на интересную пьесу, начали издавать отчаянные вопли, но выбраться было не такъ-то легко, такъ какъ въ залу прибывали все новыя группы.

Ораторская трибуна бралась съ бою. Барбесъ оспаривалъ ее у Клемана Тома, доказывая, что слѣдуетъ дать возможность делегатамъ клубовъ прочесть свою петицію. Ледрю-Ролленъ и Луи Бланъ одинъ за другимъ появились на трибунѣ, умоляя народъ держаться какъ можно спокойнѣе. Около трибуны происходила ужасная давка, депутаты пускали въ ходъ кулаки, чтобы проложить себѣ дорогу къ трибунѣ, нанося и отпаривая удары. Нѣкоторымъ руководителямъ клубовъ удалось пробраться къ президентскому мѣсту. Революціонный капитанъ Лавиронъ сталъ сзади президента, взявшій рукой за эфесъ своей шпаги, какъ бы намѣреваясь уложить его на мѣстѣ. Тутъ же рядомъ стоялъ человекъ въ пожарной каскѣ и вся его фигура выражала готовность при первомъ же случаѣ броситься на президента.

При энергичныхъ протестахъ депутатовъ Распайль бросается на трибуну, намѣреваясь прочесть народную петицію, но шумъ все не прекращается. Барбесъ умоляетъ народъ удалиться въ боковыя залы, чтобы дать возможность палатѣ приступить къ обсужденію петиціи. Бюше соглашается съ нимъ, но выражаетъ свою мысль въ повелительномъ тонѣ и встрѣчаетъ отпоръ со

стороны манифестантовъ. «Замолчи!» кричитъ одинъ, «ты не имѣешь права здѣсь говорить».

Вдругъ по залѣ пропеслось имя, подхваченное съ большимъ энтузіазмомъ многими: Бланки! Гдѣ Бланки? Мы хотимъ слышать Бланки! На плечахъ рабочихъ появился маленькій, блѣдный, истощенный челоѡкъ, и моментально наступила тишина. Всѣ затаили дыханіе, боясь проронить хотя бы одно слово изъ рѣчи народнаго героя.

«Народъ требуетъ отъ національнаго собранія», началъ Бланки сухимъ и рѣзкимъ голосомъ, «чтобы Франція не сложила оружія до тѣхъ поръ, пока старая Польша, Польша 1792 года, не будетъ возстановлена». Онъ вкратцѣ развилъ свою мысль и отъ имени павшихъ товарищей потребовалъ свободы для пострадавшихъ отъ руанскаго столкновѣнія. Указавъ, что національное собраніе должно немедленно заняться установленіемъ правъ труда, онъ началъ говорить о социальныхъ причинахъ бѣдности. Соборъ прервалъ его словами: «Говорите о польскомъ вопросѣ!» Бланки удовлетворилъ его желаніе, чтобы не вызвать распри среди манифестантовъ.

Затѣмъ наступила очередь за Луи Бланомъ, народная масса вызвала его въ залу, желая его выслушать, но президентъ Бюше на его просьбу дать ему слово отдѣлался уклончивымъ отвѣтомъ. Толпа вынесла его изъ залы засѣданій и на Rue de Bourgogne онъ произнесъ рѣчь, въ которой старался выяснитъ народу необходимость спокойной тактики, говорилъ о славныхъ дняхъ февральской революціи, указывая на ея общественное значеніе, какъ одной изъ самыхъ серьезныхъ революцій во всемірной исторіи. Его рѣчь была прервана могучимъ возгласомъ: «Да здравствуетъ всеобщая республика!» «Да здравствуетъ всеобщая республика!». Рабочіе посадили его на плечи и съ триумфомъ носили по заламъ Бурбонскаго дворца.

Между тѣмъ на ораторской трибунѣ послѣ Бланки появился Ледрю-Ролленъ. Онъ попытался вернуть себѣ народныя симпатіи, но его разглагольствованія были встрѣчены ироническими замѣчаніями: «Какъ 16-го апрѣля!».

На трибунѣ показался Барбесъ. Его рѣчь была сейчасъ же прервана доносившимся трескомъ барабановъ и глухимъ звукомъ набата, призывавшаго къ оружію національную гвардію. Барбесъ замолчалъ и сталъ прислушиваться, въ толпѣ тоже стало вдругъ какъ то очень тихо. Послѣ минутнаго оцѣпенѣнія толпа разразилась криками ярости. «Почему забили тревогу?» воскликнулъ Барбесъ, «приказавшіе это сдѣлать должны быть объявлены измѣнниками отечества». Крикъ: «Измѣна!» стономъ пропесся по залѣ. Президента Бюше схватили за ши-

воротъ и заставили составить декретъ, запрещающій вызовъ національной гвардіи.

Барбесъ теперь могъ продолжать свою рѣчь. Онъ потребовалъ, чтобъ національное собраніе, считаясь съ желаніями народа, постановило отправить въ Польшу армію на помощь повстанцамъ и установило налогъ въ миллиардъ франковъ на имущеіе классы для борьбы съ нуждой трудящихся массъ.

Въ залѣ засѣданій царилъ невообразимая сумятица. Луи Бланъ, котораго по прежнему съ триумфомъ носили по заламъ, появился въ дверяхъ залы засѣданій блѣдный, измученный, близкій къ обмороку. Къ ораторской трибунѣ былъ поднятъ штыкъ съ бумагой на концѣ. Губеръ взялъ эту бумагу и среди наступившей тишины громовымъ голосомъ прочелъ роковыя слова:

«Отъ имени народа: національное собраніе объявляется распущеннымъ».

Президента Бюше встряхнули довольно грубо, и онъ покинулъ залу, сопровождаемый большимъ количествомъ депутатовъ. Лавиронъ занялъ освободившееся президентское кресло и Губеръ провозгласилъ: «Они не хотятъ принять опредѣленное рѣшеніе. Хорошо! Отъ имени обманутаго своими представителями народа я объявляю національное собраніе распущеннымъ».

Хаосъ достигъ необычайныхъ размѣровъ. Собръе и Барбеса съ триумфомъ поднимали вверхъ; все настойчивѣе стали раздаваться голоса: «Въ ратушу! Къ оружію!» По рукамъ ходили списки новаго правительства. Одинъ прочелъ съ трибуны имена. Бланки, Барбесъ, Пьеръ Леру, Кабе, Луи Бланъ и Альберъ значились во всѣхъ спискахъ.

Густая народная толпа начала почти задыхаться въ залѣ и, почувствовавъ нѣкоторую усталость, стала расходиться, считая работу этого дня законченной. Барбесъ и Альберъ отправились въ ратушу въ сопровожденіи большой толпы присутствовавшихъ въ Бурбонскомъ дворцѣ. Ледрю-Ролленъ, побуждаемый нѣкоторыми энтузіастами послѣдовать туда же, скрылся въ бюро одного чиновника національнаго собранія. Онъ былъ настолько уменъ, чтобы понять, что комедія можетъ вскорѣ превратиться въ трагедію. Барбесъ, относившійся сначала недовѣрчиво къ движенію, теперь отдался ему цѣликомъ, не останавливаясь передъ самыми крайними проявленіями. Ледрю-Ролленъ, напротивъ, довольный этой манифестаціей, вскорѣ опять занялъ такую же позицію, какъ 16-го апрѣля.

Явившаяся въ Бурбонскій дворецъ по настоянію Ламартина Бюше національная и мобильная гвардія застала тамъ только нѣсколько манифестантовъ, которые сами собирались уйти. Прерванное засѣданіе было открыто вновь при крикахъ: «Да здрав-

ствуетъ національное собраніе!» подхваченныхъ всѣми присутствовавшими депутатами и національными гвардейцами.

Генераль Курте появился въ началѣ засѣданія. Національные гвардейцы сейчасъ же накинулись на него, бросили на-земь, сорвали съ него военные отличія и жестоко избили. Ему, возможно, пришлось бы заплатить своей жизнью, если бы пѣкоторые депутаты не заступились за него. Курте былъ отставленъ отъ должности, отданъ подъ стражу, а его постъ занялъ бывший кирасирскій сержантъ Линьвиля Клеманъ Тома, обратившій на себя вниманіе своимъ участіемъ въ апрѣльской бойнѣ 1834 г. Онъ вскорѣ отличился своимъ реакціоннымъ усердіемъ и приобрѣлъ имя палача въ кровавые іюньскіе дни.

Вскорѣ послѣ открытія засѣданія на трибунѣ появился Ламартинъ и со своимъ обычнымъ красноречіемъ заявилъ, что теперь не время говорить, а дѣйствовать. Раздался единодушный крикъ депутатовъ: «Въ ратушу!» Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ сѣли на коней и подъ защитой отряда національной гвардіи отправились въ ратушу, чтобы разогнать новое правительство.

* * *

Альберъ и Барбесъ двинулись въ ратушу, одинъ вдоль праваго, другой вдоль лѣваго берега Сены. Сперва ихъ сопровождала небольшая толпа, но по мѣрѣ приближенія къ ратушѣ она все возрастала. Раздавались крики: «Да здравствуетъ Барбесъ! Да здравствуетъ революціонное правительство!». Національная гвардія, занимавшая Гревскую площадь, поддалась назадъ. Передъ рѣшеткой ратуши Барбесъ завязалъ парламентскіе переговоры съ полковникомъ Реемъ, которому поручена была защита ратуши, но еще прежде, чѣмъ разговоры пришли къ концу, озлобленные рабочіе ворвались въ ворота ратуши и толпа, сопровождавшая Барбеса, ринулась въ ратушу.

Альберъ и Барбесъ остановились въ залѣ перваго этажа и хотѣли приступить къ отправленію своихъ обязанностей. Но какое разочарованіе! Среди присутствующихъ не было ни одного человѣка, популярнаго въ народѣ. Бланки, выступавшій до самого конца въ національномъ собраніи, былъ уже около ратуши, но, убѣдившись, что предполагаемая внушительная манифестація превратилась въ смѣшное зрѣлище, ушелъ къ знакомому депутату. Свита Барбеса состояла изъ довольно подозрительныхъ личностей. Это все-таки не помѣшало ему открыть официальное засѣданіе новаго правительства.

Согласно даннымъ слѣдственной комиссіи о событіяхъ 15-го мая, руководители парижскихъ демократовъ и социалистовъ полагали, что имъ удастся учредить революціонное правительство и при-

нять соответствующія мѣры. Найденныя у Собръе бумаги указывали на слѣдующій планъ дѣйствій: «Сверженіе національнаго собранія; учрежденіе исполнительнаго комитета изъ девяти членовъ, уничтоженіе всѣхъ официальныхъ функцій должностныхъ лицъ, за исключеніемъ мерій; учрежденіе городскихъ комитетовъ, состоящихъ изъ семи членовъ, въ томъ числѣ пять рабочихъ. Эти комитеты должны привести въ извѣстность государственную и общинную собственность и опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Организациа стражи изъ рабочихъ; распушеніе національнаго собранія и изгнаніе національныхъ гвардейцевъ, которые будутъ показываться въ формѣ и при оружіи. Прогрессивный налогъ, доходящій до четвертой, даже третьей части имущества. Имущества отказывающихся платить этотъ налогъ конфискуются въ пользу общины. Организациа труда въ пользу рабочихъ должна быть законодательнымъ путемъ урегулирована въ теченіе трехъ недѣль».

Барбесъ уже собирался издать декретъ о распушеніи національной гвардіи и изгнаніи гвардейцевъ, которые будутъ появляться въ формѣ, но въ это время послѣдніе нагрязнули въ залу подъ начальствомъ Ламартина и Ледрю-Роллена. Приверженцы новаго правительства разбѣжались во всѣ стороны. Финаломъ этого историческаго дня сдѣлался крикъ: «Спасайся, кто можеть!» Альберъ и Барбесъ были арестованы и въ ту же ночь отправлены въ Венсенскій замокъ.

Эта неудачная попытка къ возстанію имѣла очень печальныя послѣдствія. Какъ и 16-го апрѣля, это пораженіе народныхъ вождей, за которыми стояла масса, не имѣя впереди никакой определенной цѣли, послужило сигналомъ къ взрыву реакціонной ярости. Опыленные своей побѣдой и виномъ національные гвардейцы съ дикими криками: «Долой Бланки! Долой Барбеса!» напали на дома извѣстныхъ демократовъ и социалистовъ и подъ предлогомъ домашнихъ обысковъ производили тамъ страшныя опустошенія. Бюро «Commissé de Paris» Собръе было взято штурмомъ и разграблено. Та же участь постигла бюро «Vraie République» Торе и «Populaire» Кабе.

Буржуазные элементы національной гвардіи открыто говорили о массовомъ разстрѣлѣ революціонеровъ. Особенную ненависть они питали къ Барбесу. Они хотѣли большой толпой отправиться въ Венсенскій замокъ и застрѣлить его тамъ.

Полицейскій префектъ Коссидьеръ, какъ многіе его единомышленники, не принималъ никакого участія въ манифестаціи, но не принималъ также никакихъ мѣръ и противъ нея. По болѣзни онъ 15-го мая остался дома. Онъ, конечно, былъ бы доволенъ сверженіемъ національнаго собранія, не расположеннаго

дальше оставлять его въ должности полицейскаго префекта. Исполнительная комиссія, старавшаяся сбросить всю отвѣтственность на неудобныхъ ей лицъ, пригласила ночью Коссидьера, желая подвергнуть его аресту. Но Коссидьеръ вмѣсто защиты перешелъ въ наступленіе. Онъ сталъ жаловаться на поведеніе правительства по отношенію къ его монтаньярамъ и республиканской гвардіи. Выказавъ все, что онъ счелъ нужнымъ, онъ заявилъ, что долженъ итти, такъ какъ, если онъ слишкомъ долго засидится, то его подчиненные придуть за нимъ. Гарнье Паже прекрасно понялъ смыслъ этихъ словъ и Коссидьера отпустили съ крѣпкими рукопожатіями и знаками глубокаго уваженія, отложивъ выполненіе задуманнаго плана до слѣдующаго дня.

Вернувшись въ префектуру, хитрый Кисендьеръ распорядился составить прокламацію, въ которой онъ поздравляетъ правительство съ его побѣдой и превозноситъ свою дѣятельность, направленную «къ поддержанію порядка». Затѣмъ онъ принялъ мѣры къ защитѣ префектуры на случай нападенія, къ чему онъ давно уже сдѣлалъ соответствующія приготовленія. Онъ отдалъ приказъ своимъ подчиненнымъ стрѣлять въ каждаго, кто попытается проникнуть въ префектуру противъ его воли.

На слѣдующій день Коссидьеръ отправился въ національное собраніе, гдѣ, какъ онъ зналъ, будетъ сдѣланъ запросъ о поведеніи полицейской префектуры. Собраніе его выслушало и, повидимому, удовлетворилось его объясненіями. Но тутъ онъ узналъ, что тысячи солдатъ и національныхъ гвардейцевъ, вооруженныхъ пушками, окружили префектуру, требуя ея очищенія. Мерсье, начальникъ республиканской гвардіи Коссидьера, впустилъ въ префектуру нѣсколько офицеровъ изъ числа осаждающихъ, показалъ имъ, въ какомъ образцовомъ боевомъ состояніи находится зданіе и замѣтилъ, что когда стѣны префектуры поддадутся дѣйствию пушекъ осаждающихъ, онъ взорветъ на воздухъ все зданіе. Осаждающіе начали колебаться и выразили готовность вступить въ переговоры.

Между тѣмъ Коссидьеръ поспѣшилъ въ префектуру. За нимъ послѣдовалъ Ламартигъ, онъ убѣждалъ его добровольно подать въ отставку, доказывая, что въ предстоящемъ бою онъ безусловно потерпитъ полное пораженіе. Когда ихъ коляска проѣзжала между рядами національной гвардіи, раздались крики: «долой Коссидьера!» и Ламартигъ долженъ былъ пустить въ ходъ все свое вліяніе, чтобы отстоять коллегу.

По прибытіи въ префектуру Коссидьеръ уступилъ. Онъ подалъ въ отставку и въ 24 часа монтаньяры и республиканская гвардія очистили префектуру.

Теперь реакція уже вполне могла удовлетворить свою жажду мести. Всѣ чиновники или офицеры, назначенные послѣ февральской революціи и казавшіеся слишкомъ демократичными, были отставлены отъ должности. Противъ клубовъ начались строгости. Цѣлый рядъ клубовъ былъ закрытъ и прежде всего, конечно, клубъ Бланки. Послѣдній очень удачно скрывался и былъ арестованъ только 28-го мая. Распайяль былъ арестованъ еще раньше. Полицейскіе и національные гвардейцы тщательно выслѣживали Бланки, но никакъ не могли его захватить. Какъ-то полиція провѣдала, что онъ скрывается въ домѣ Лаффита, но онъ, переодѣвшись въ форму офицера національной гвардіи, ускользнулъ и нѣсколько дней блуждалъ, пока не нашелъ для себя убѣжища на улицѣ Mont-holon. Здѣсь онъ продолжалъ работать въ обществѣ своихъ друзей, стараясь создать новую организацію, чтобы сызнова начать борьбу. Товарищи настаивали, чтобъ онъ покинулъ Парижъ, но онъ категорически отказался. Вскорѣ онъ былъ арестованъ и надолго заточенъ въ тюрьму.

Такимъ образомъ были сметены послѣдніе слѣды 15-го мая. Прежде всего этотъ несчастный день, по замѣчанію Маркса, привелъ къ удаленію съ общественной арены Бланки и его товарищей, т. е. истинныхъ руководителей пролетарской партіи. Невозможно опредѣлить, что сдѣлалъ бы въ этотъ день народъ, еслибъ онъ былъ одушевленъ одними и тѣми же стремленіями, еслибъ между отдѣльными фракціями революціонныхъ партій не господствовалъ такой глубокой расколъ. Прудонъ въ своей «Исповѣди революціонера» говоритъ: «Предположимъ, что удалось бы распустить національное собраніе, кто можетъ сказать, какъ далеко зашла бы революція и какъ обстояли бы теперь дѣла въ Европѣ!» Лица, пользовавшіяся нѣкоторымъ вліяніемъ на массу, преслѣдовали различныя цѣли и, такимъ образомъ, народъ, отвлекаемый въ различныя стороны, былъ обреченъ на полное безсиліе. вполне естественно поэтому, что руководители массы очень скоро почувствовали себя одинокими и покинутыми.

Съ самаго начала изложенія революціи 48 года мы имѣли случай убѣдиться, что демократія всегда терпѣла пораженія изъ-за недостатка единства.

Моральное послѣдствіе событій 15-го мая заключалось въ томъ, что національное собраніе отдѣлалось отъ почтительнаго страха, который оно питало къ революціи. Собраніе побѣдило революцію и не было уже въ странѣ той силы, которая могла бы помѣшать Франціи сдѣлаться игрушкой въ рукахъ безсовѣстныхъ авантюристовъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

21-го мая по инициативѣ правительства Парижъ справлялъ «праздникъ примиренія»; вѣрнѣе, отъ парижанъ потребовали, чтобы они приняли участіе въ праздникѣ, чтобы они отпраздновали «примиреніе».

Грудящаяся масса Парижа были слишкомъ возмущены разнужданной реакціей, проявившейся послѣ 15-го мая, чтобы быть въ состояніи отдаться беззаботному веселью, тѣмъ не менѣе на «праздникъ примиренія» раздавалось много шутокъ и остротъ. Парижане вообще любятъ посмѣяться и часто пользуются этимъ, какъ орудіемъ нападенія. 21-го мая они направили свое язвительное остроуміе противъ исполнительной комиссіи, которая дѣлалась все болѣе ненавистной народу за свою ненасытную мстительность по отношенію къ участникамъ манифестации 15-го мая.

Между тѣмъ репрессіи не прекращались. Правительство продолжало арестовывать выдающихся дѣятелей революціонныхъ партій; оно дошло до того, что заключило въ тюрьму даже безобиднаго философа Пьера Леру. Былъ арестованъ рабочій Маринъ, извѣстный своей исторической фразой, сказанной 25-го февраля: «рабочіе отдають три мѣсяца страданій на службу республики». Клубы закрывались одинъ за другимъ, съ каждымъ днемъ возрастали доносы и домашніе обыски.

Въ національномъ собраніи реакція свирѣствовала съ небывалой силой. Больше ста депутатовъ, до 15 мая скрывавшихъ свой антиреспубликанскій образъ мыслей, теперь считали уже излишнимъ драпироваться въ республиканскую мантию и сбросили маску. Съ возрастающей настойчивостью народныя представители стали требовать реакціонныхъ мѣропріятій. Слѣдующій случай прекрасно характеризуетъ настроеніе собранія: новый генераль національной гвардіи Клеманъ Тома, оказавшій серьезныя услуги собранію, былъ поднятъ на смѣхъ, когда завелъ рѣчь на собраніи о петиціи офицеровъ національной гвардіи, въ которой послѣдніе заявляютъ, что хотя они противъ анархіи, но не желаютъ и реакціи. Высказываться противъ реакціи означало уже навлечь на себя подозрѣнія этихъ заядлыхъ ретроградовъ.

Исполнительная комиссія обратилась къ самымъ реакціоннымъ мѣрамъ, чтобы задобрить собраніе, получить отъ него гарантію безнаказанности за принятія ею раньше республиканскія мѣропріятія. Что же касается состава исполнительной

комиссіи, то Ледрю-Роллена, какъ политическаго дѣятеля, собраніе считало мертвымъ человѣкомъ, точно такъ же, какъ и Ламартина, тѣсно связавшаго свою судьбу съ политической карьерой Ледрю-Роллена. Такія духовныя убожества, какъ Тьеръ, Гудшо и другіе представители буржуазіи никогда не считали Ламартина своимъ человѣкомъ. Онъ былъ поэтъ съ широкимъ кругозоромъ, а это не можетъ представлять собой хорошую рекомендацію въ политическихъ кругахъ буржуазіи. Онъ не скрывалъ своего восхищенія духовной красотой во всѣхъ ея видахъ и открыто выражалъ восторгъ передъ душевнымъ величіемъ революціонеровъ. Къ тому же онъ довольно беззаботно расточалъ свое состояніе—все это были черты, которыя, вообще, не по вкусу буржуазіи, особенно, когда онѣ замѣчаются у государственныхъ людей, призванныхъ стоять на стражѣ ея интересовъ. Многіе буржуа даже заподозрили личную порядочность Ламартина и обвиняли его въ употребленіи общественныхъ суммъ на частныя нужды. Кромѣ того, общественное мнѣніе обратило вниманіе на одно обстоятельство, которому раньше не придавали значенія, а именно министр иностранныхъ дѣлъ поддерживалъ какія-то таинственныя сношенія съ заядлыми вождями революціи. Если Ламартинъ еще раньше потерялъ свою популярность въ народныхъ слояхъ столицы, то теперь онъ потерялъ всякій кредитъ въ глазахъ буржуазіи.

Однимъ словомъ, послѣ 15-го мая такіе люди, какъ Ледрю-Ролленъ, Ламартинъ и министр торговли Флоконъ, прослыли въ реакціонныхъ кругахъ буржуазіи въ національномъ собраніи и внѣ его безумными мечтателями, опасными для существующаго общественнаго порядка. Они уже не пользовались никакимъ вліяніемъ даже въ совѣтѣ министровъ, только съ Мари и Гарнье-Паже, за которыми стояла группа «National'a», еще считались и послѣдніе до нѣкоторой степени могли еще вліять на ходъ политической жизни въ странѣ. Пораженіе Ледрю-Роллена и Ламартина въ совѣтѣ министровъ впервые выразилось въ массовомъ смѣщеніи и переводѣ на другія должности республиканскихъ комиссаровъ, отправленныхъ въ провинціи бывшимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ вмѣсто префектовъ буржуазной монархіи.

Реакція дѣйствовала съ неудержимой силой, пуская въ ходъ старыя испытанныя при монархіи средства. Былъ изданъ законъ противъ сборищъ, а для выполненія этого закона были вызваны въ столицу регулярныя войска, которымъ послѣ февральскихъ дней запрещено было показываться на улицахъ Парижа. Вмѣстѣ съ тѣмъ исполнительная комиссія, отъ которой исходила инициатива этого законопроекта, попыталась обезору-

жить населеніе большихъ городовъ; особенное вниманіе она обратила на распущеніе лионской національной гвардіи, рекрутировавшейся, главнымъ образомъ, изъ рядовъ пролетаріата.

Изъ представителей республиканской идеи наибольшимъ влияніемъ пользовалось въ это время направленіе «National»а, готовое въ случаѣ крайности примириться съ монархіей. «Въ рядахъ этой партіи», пишетъ аристократъ, историкъ Шьеръ де Горезъ, «стали носиться съ мыслью о необходимости сильной твердой власти для спасенія республики... По мнѣнію этихъ республиканцевъ, для поддержанія общественнаго спокойствія и сохраненія республиканскаго образа правленія необходимъ облеченный широкимъ полномочіями диктаторъ, опирающійся на рѣшительныхъ министровъ. По секрету стали передавать другъ другу имя будущаго диктатора... Это былъ генераль *Кавеньякъ*».

Депутаты этой группы «National»а старались всѣми силами удержать руководящую роль за своей партіей. Они создали внѣ парламента организацію изъ своихъ приверженцевъ и другихъ нѣсколько болѣе рѣшительныхъ республиканцевъ. Эта группа насчитывала до 300 членовъ и называлась Réunion du Palais national; наиболѣе видными ея членами были Марра, Бабо-Ларибьеръ и Флоконъ. Другія фракціи національнаго собранія тоже распредѣлились по соответствующимъ группамъ. Приверженцы Ледрю-Роллена изъ радикально настроенныхъ республиканцевъ «Reforme», но безъ участія Луи Блана, составили новую группу Réunion de la Montagne, совершенно произвольно присвоивъ себѣ имя знаменитой партіи великой революціи. Депутатъ Бенуа разсказываетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ», что эта группа съ самого начала проявилась въ антисоціалистическомъ направленіи. Его предложеніе выставить Луи Блана въ качествѣ кандидата въ исполнительную комиссію встрѣчено было весьма сурово, и эта кандидатура была отвергнута безъ дебатовъ только потому, что Луи Гланъ былъ соціалистомъ.

Не только республиканцы, но и монархисты основали внѣпарламентскія группы, въ которыхъ они обсуждали свою парламентскую тактику и отношеніе къ всѣмъ злободневнымъ вопросамъ. Они еще не осмѣливались открыто заявить о своемъ желаніи возстановить монархію и временно ограничились названіемъ «партія порядка». Официально она называлась Réunion de la Rue de Poitiers. Президентомъ ея былъ генераль Баратей д'Ильверъ.

Если группа Palais National дѣйствительно хотѣла передать верховную власть въ руки Кавеньяка, то 17-го мая она могла себя поздравить съ частичнымъ успѣхомъ—Кавеньякъ былъ назначенъ военнымъ министромъ.

Откуда же явился этот генералъ, на котораго представители порядка возлагали такъ много надеждъ? Кто же этотъ человекъ, котораго вскорѣ заклеили титуломъ палача парижскаго пролетаріата? Въ свою бытность въ Африкѣ онъ ничѣмъ особенно не выдѣлялся. Напротивъ, онъ отличался узкимъ кругозоромъ и былъ проникнутъ сословными предразсудками. Только одно обстоятельство могло обратить на него вниманіе государственныхъ дѣятелей второй республики: онъ былъ сыномъ члена конвента и братомъ Годфруа Кавеньяка, одного изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ тайныхъ республиканскихъ обществъ тридцатыхъ годовъ, оставившаго по себѣ хорошую память въ республиканскихъ кругахъ Франціи. Генералъ Кавеньякъ попросту унаследовалъ революціонную славу своего брата. Сейчасъ же послѣ февральскихъ событій онъ выказалъ себя съ такой стороны, что могъ только оттолкнуть отъ себя наиболѣе убѣжденныхъ и проникательныхъ республиканцевъ. Послѣ провозглашенія республики временное правительство хотѣло его повысить въ чинѣ и думало даже назначить военнымъ министромъ. Но Кавеньякъ, не будучи увѣренъ въ прочности новаго режима и не желая рисковать своей карьерой, написалъ временному правительству грубый отказъ. Возможно, что этотъ поступокъ именно и расположилъ въ его пользу фракцію Palais National.

Несмотря на то, что реакція дѣйствовала довольно настойчиво, все же она не могла забыть побудительныя причины манифестаціи 15-го мая. Демократическіе элементы Франціи все еще были охвачены воодушевленіемъ въ пользу освобожденія европейскихъ народовъ. Стало извѣстно, что 23-го мая въ національное собраніе поступить новая интерпелляція по поводу выѣшней политики. Возбужденіе росло по мѣрѣ того, какъ изъза границы доходили все болѣе тревожныя извѣстія. Пораженія, которыя терпѣло дѣло европейской революціи, отнюдь не уменьшали симпатій къ нему французовъ.

Въ Европѣ положеніе возставшихъ было слѣдующее. Въ Италіи австрійскій фельдмаршалъ Радецкій стянулъ свою армію, которая вслѣдствіе отпаденія итальянскихъ войскъ сократилась на одну третью часть, въ знаменитый укрѣпленный четырехугольникъ Верону, Мантую, Пескьеру и Леньяго и занялъ крѣпкую позицію при Веронѣ. Король Карлъ Альбертъ подъ давленіемъ пьемонтцевъ уже 23-го марта перешелъ Тессину, не объявивъ даже войны, а ограничившись только выпускомъ прокламаціи къ арміи, въ которой онъ выступалъ въ качествѣ освободителя Италіи, и 26-го марта занялъ со своимъ тридцатитысячнымъ авангардомъ Миланъ. Со всѣхъ концовъ Италіи къ

нему стекались веномогательные отряды и вольныя дружины, называвшіяся «крестоносцами». Вся Италія была охвачена энтузіазмомъ при извѣстіи о событіяхъ въ Миланѣ и Венеціи. На площадяхъ волновался народъ, требуя оружія и настаивая на необходимости образованія добровольной арміи съ цѣлью двинуться въ возставшія провинціи, изгнать австрійцевъ и освободить Италію отъ чужеземнаго ига. Это народное движеніе приняло такой грозный характеръ, что правители вынуждены были уступить. Леопольдъ, великій герцогъ Тосканскій, еще раньше Карла Альберта отказался отъ мысли о сопротивленіи и рѣшилъ примкнуть къ борьбѣ за свободу, независимость и объединеніе Италіи. Даже папа, свѣтскій владыка Церковной Области, долженъ былъ согласиться, чтобъ часть его войскъ подъ начальствомъ генерала Дюрандо поспѣшила на помощь Венеціи. Впрочемъ, какъ мы увидимъ дальше, это было сдѣлано въ тайной надеждѣ удержать этотъ корпусъ у границы и помѣшать ему принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Даже заядлый абсолютистъ Фердинандъ Неаполитанскій былъ вынужденъ послать вспомогательный корпусъ подъ начальствомъ стараго конституціоннаго борца Пене, чтобы облегчить сѣвернымъ провинціямъ ихъ тяжелую борьбу съ превосходными силами австрійцевъ.

Итальянскіе владѣтельные князья крайне неохотно пошли навстрѣчу требованіямъ народа. Поэтому они принимали всякія мѣры, чтобы задержать выступленіе вольныхъ дружинъ. Они по опыту знали, что сознавшій свою силу народъ не ограничится изгнаніемъ виѣшнихъ враговъ, а направитъ свою мощь на завоеваніе политическихъ правъ. Какое имъ въ сущности дѣло до того, что часть Италіи порабощена австрійцами, когда они могутъ спокойно и мирно удерживать за собой раздробленный полуостровъ. Въ силу этихъ соображеній они больше боялись Карла Альберта, чѣмъ австрійскаго императора и фельдмаршала Радецаго. На очереди былъ вопросъ объ объединеніи Верхней Италіи въ одно большое королевство, и владѣтельные князья средней Италіи боялись, какъ бы и ихъ владѣнія не были поглощены этимъ новымъ королевствомъ. Больше всѣхъ безпокоился папа Пій IX, предчувствуя, что независимость связана съ уничтоженіемъ его свѣтской власти. Поэтому онъ 29-го апрѣля опубликовалъ извѣщеніе къ коллегіи кардиналовъ, въ которомъ онъ объявлялъ, что не сочувствуетъ желаніямъ тѣхъ, которые толкаютъ его на войну съ Австріей. Какъ глава церкви, онъ, дескать, считаетъ воимъ долгомъ относиться ко всѣмъ націямъ съ одинаковой любовью. Это извѣщеніе было расклеено на улицахъ города и вызвало большое

озлобленіе въ народѣ: его съ негодованіемъ срывали, обрушиваясь съ проклятіями на его автора, папу.

Между тѣмъ Карлъ Альбертъ открылъ походъ противъ австрійцевъ; начало было для него очень благопріятно. При Гоито онъ захватилъ переходъ черезъ Минчіо и занялъ возвышенности Кустоцца, господствующія надъ лѣвымъ берегомъ рѣки вплоть до Соны, укрѣпивъ 30-го апрѣля свой лѣвый флангъ удачнымъ сраженіемъ при Пастреngo въ долинѣ Эчь. Радецкій былъ стѣсненъ на небольшомъ пространствѣ Вероны и ждалъ подкрѣпленій изъ Тироля, откуда сѣпшилъ къ нему на помощь фельдцейхмейстеръ Нугенъ. Но Карлъ Альбертъ не использовалъ стѣсненнаго положенія противника. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ онъ раздроблялъ свои силы для второстепенныхъ стратегическихъ операцій, осадилъ небольшую крѣпость Пескьера и пытаясь отбросить Радецкаго къ крѣпостнымъ укрѣпленіямъ Вероны, былъ 6-го мая разбитъ при С.-Лючіи. Послѣ этого онъ цѣлыхъ три недѣли бездѣйствовалъ и далъ Радецкому время стянуть необходимыя подкрѣпленія и предпринять серьезныя военныя операціи.

Вмѣшательство французской республики могло бы имѣть въ этотъ моментъ рѣшающее значеніе. Вся Европа была охвачена волненіемъ и монархическія правительства были слишкомъ заняты своими внутренними дѣлами. Но сардинскій король смертельно боялся вмѣшательства Франціи: по его мнѣнію, оно должно было привести къ провозглашенію итальянской республики. Поэтому, когда временное правительство, несмотря на свою трусливую внѣшнюю политику, подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія, предложило Карлу Альберту вспомогательный корпусъ для освобожденія Ломбардіи и Венеціи, сардинскій король рѣзко отказался, прибѣгнувъ чуть ли не къ угрозамъ.

Заслуживаетъ ли уваженія республиканское правительство, созданное революціей, которое ждетъ разрѣшенія отъ короля, чтобы притти на помощь народу, борющемуся за свою независимость?

Благодаря, главнымъ образомъ, вліянію британской дипломатіи, Карлъ Альбертъ запутался въ своихъ стратегическихъ планахъ и отклонилъ помощь Франціи. Министерство С. Джемса, до февральской революціи покровительствовавшее освободительному движенію Италіи, теперь рѣзко измѣнило свою политику. Британское правительство приходило въ ужасъ при мысли, что французскія войска могутъ предпринять революціонный походъ по всей Европѣ, помогая народамъ сбросить свои оковы; эта перспектива пугала его еще больше, чѣмъ чартизмъ и республиканское движеніе въ Ирландіи. Англійское министерство на-

стоятельно совѣтовало сардинскому королю принять предложеніе Австріи о перемиріи. Желая отвлечь Карла Альберта отъ французской поддержки, оно обѣщало ему въ случаѣ пораженія свою помощь, «если война останется чисто итальянской». Карлъ Альбертъ былъ настолько слабохарактеренъ, что пошелъ навстрѣчу желаніямъ Англіи. Военныя операціи были приостановлены, энтузіазмъ ломбардскихъ, римскихъ, тосканскихъ и др. добровольцевъ былъ охлажденъ, и, въ результатъ этой политики колебаній и нерѣшительности, Радецкій воспользовался перемиріемъ, чтобы положить конецъ войнѣ.

Между тѣмъ положеніе Венеціи дѣлалось все болѣе тяжелымъ. Австрійская резервная армія, начальство надъ которой принялъ графъ Турнъ, вмѣсто заболѣвшаго Пугена, серьезно угрожала Венеціи, но Карлъ Альбертъ ничего не предпринималъ противъ нея, такъ какъ Венеція была республикой. Начальникъ цпскихъ войскъ генералъ Дюрандо, несмотря на настояніе венеціанцевъ, также занялъ выжидательное положеніе. Только 24-го апрѣля онъ получилъ приказъ отъ Карла Альберта преградить дорогу графу Турну, но было уже слишкомъ поздно.

Было ясно, что Карлъ Альбертъ потерпитъ полное пораженіе. По словамъ Гарнье-Паже, Ламартинъ довольно рѣшительно высказался въ этомъ смыслѣ на собраніи комиссіи, тѣмъ не менѣе онъ былъ противъ поддержки Италіи, такъ какъ итальянскія временныя правительства не искали, дескать, помощи французской республики. Далѣе, онъ старался доказать, что было бы неполитично допустить образованіе большого итальянскаго королевства на границѣ Франціи, потому что оно могло соединиться съ Австріей, чтобы обрушиться на Францію. Это допустимо только въ томъ случаѣ, если будетъ возстановлена французская пограничная линія 1814 г., т. е. французская территорія будетъ расширена.

Ледрю-Ролленъ, относившійся наиболѣе сочувственно къ итальянскому освободительному движенію, былъ яримъ противникомъ Карла Альберта, какъ представителя монархическаго принципа. По его мнѣнію, французская республика должна притти на помощь итальянскимъ народамъ, но не сардинскому королю. Онъ глубоко сочувствовалъ ломбардской и тосканской провинціямъ и полагалъ, что французская республика должна двинуть свои войска черезъ Альпы, не дожидаясь приглашенія итальянскихъ правительствъ и владѣтельныхъ князей. Араго, Мари и Гарнье-Паже высказались противъ итальянскаго похода, ссылаясь на то, что Франція не получила официальнаго предложенія отъ соответствующихъ правительствъ.

Между тѣмъ 15-го мая въ Неаполь произошло такое ужасное

событіе, которое должно было заставить исполнительную комиссію принять серьезное рѣшеніе, если бь она вообще была проникнута демократическимъ духомъ. Народное возстаніе заставило Фердинанда II Бурбонскаго, короля Неаполя и Сициліи, ввести 10-го февраля 1848 г. въ своихъ владѣніяхъ либеральную конституцію. Но сициліанцы, хорошо знавшіе своего правителя, не удовлетворились этимъ, а потребовали административнаго и законодательнаго отдѣленія отъ Неаполя путемъ возстановленія своей старой конституціи 1812 г. Попытка Фердинанда II вооруженной силой подавить возстаніе ни къ чему не привела. Своей девятидневной бомбардировкой Палермо, превратившей великолѣпный городъ въ кучу развалинъ, король Бомба (какъ его съ тѣхъ поръ стали называть) приобрѣлъ кличку варвара и заслужилъ ненависть всего культурнаго міра. Не помогло Фердинанду II и то, что составленное имъ національно-либеральное министерство подъ предѣлательствомъ историка Трога назначило членовъ сициліанскаго революціоннаго комитета министрами, а Раджіеро Сеттимо, стоявшаго во главѣ революціоннаго временнаго правительства, генераль-штатгалтеромъ (намѣстникомъ) полуострова. Засѣдавшее съ 25-го марта въ Палермо и раздѣленное на двѣ палаты сициліанское національное собраніе 13-го апрѣля рѣшило объявить сициліанскій тронъ вакантнымъ, Фердинанда и его династію лишеннымъ права на сициліанскій престолъ и, нереработавъ дѣйствующую конституцію, призвать на престолъ какого-нибудь итальянскаго принца.

Фердинандъ, озлобленный этимъ рѣшеніемъ, вынужденъ былъ до поры до времени молчать, такъ какъ его либеральное министерство заставило его объявить войну Австріи и отправить ядро своей арміи въ количествѣ 14,000 чел. въ сѣверную Италію. Онъ началъ измышлять способы, какъ бы избавиться отъ неаполитанскихъ либераловъ, не взирая на данную имъ конституцію 10-го февраля, возстановить въ Неаполѣ прежній режимъ, а затѣмъ сосредоточить свои силы на Сициліи. Извѣщеніе 29-го апрѣля, указывавшее на рѣзкую перемѣну въ политикѣ папы, и побѣда Радецкаго 6-го мая при Лючии внушили ему вѣру въ успѣхъ задуманнаго плана. Сосредоточивъ свои военныя силы въ Неаполѣ и направивъ на имущіе классы, которые были представителями національнаго либерализма, лаццарони, люменъ-пролетаріевъ столицы, онъ рѣшилъ провоцировать либераловъ и заставить ихъ прибѣгнуть къ возстанію.

На 15-е мая было назначено засѣданіе обѣихъ палатъ съ цѣлью принести присягу въ вѣрности конституціи. Наканунѣ король назначилъ 15 новыхъ пѣровъ, чѣмъ сильно вооружилъ

противъ себя либераловъ. Палата депутатовъ отказалась по-этому присягнуть конституціи, что дало Фердинанду благопріятный предлогъ обвинить палату въ незаконныхъ дѣйствіяхъ и превышеніи власти.

Весь Неаполь былъ охваченъ волненіемъ, огромная народная толпа, собравшаяся 15-го мая около полудня, была окружена королевскими войсками, жандармами и швейцарскими наемниками. Вдругъ въ толпу раздался выстрѣлъ, неизвѣстно кѣмъ сдѣланный. Швейцарцы поняли этотъ выстрѣлъ, какъ сигналъ къ нападенію на народную массу, которая сейчасъ же взялась за оружіе и построилку баррикадъ, мужественно защищая ихъ совмѣстно съ національной гвардіей. Эта уличная борьба протянулась до утра слѣдующаго дня. Съ цитаделей раздавался грохотъ пушекъ, ядра попадали преимущественно въ палаты либеральной аристократіи. Войска врывались въ обстрѣленные дома, грабя и убивая всѣхъ, попадавшихся имъ въ руки. По пятамъ солдатъ шли лаццарони съ заранѣе заготовленными мѣшками, куда они запрятывали награбленное имущество. Желая еще больше напугать обывателей, король открылъ тюрьмы, отдавая буржуазію на произволъ преступниковъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ королевскія войска должны были побѣдить, и, дѣйствительно, большая часть несоговорчивыхъ королю либераловъ вскорѣ очутилась въ плѣну. 40 человекъ Фердинандъ тутъ же разстрѣлялъ, а остальныхъ, скованными и связанными по рукамъ и ногамъ, онъ приказалъ посадить на корабль и отправить за море. Когда порядокъ былъ восстановленъ, король издалъ декретъ, которымъ распустилъ національную гвардію и назначилъ новое реакціонное министерство.

Экс-министры были арестованы и присуждены частью къ галерамъ, частью къ тюремному заключенію. Прибывшіе изъ Сициліи добровольные отряды были разсѣяны въ Калабріи и провинціи Салерно. Неаполитанская вспомогательная армія была отозвана съ театра военныхъ дѣйствій, только генераль Пепе съ 1500 солдатъ отказался подчиниться этому приказанію. Фердинандъ хвастливо говорилъ: «Это единственный способъ побѣдить революцію». Юная итальянская независимость была подавлена самими варварскими мѣрами, а парижскіе фарисеи даже палець о палець не ударили.

Въ то время, какъ австрійскія власти въ Италіи старались использовать неаполитанскую контръ-революцію, австрійское правительство потерпѣло сильное пораженіе въ своей собственной столицѣ.

Въ Австріи, какъ и въ другихъ странахъ, охваченныхъ револю-

ціоннимъ движеніємъ, корона старалась сдѣлать какъ можно меньше уступокъ народу. 25-го апрѣля былъ опубликованъ проектъ конституціи, которую правительство намѣревалось ввести по своей собственной инициативѣ. Этотъ проектъ находился въ рѣзкомъ противорѣчій съ обѣщаніями, данными въ мартѣ народнымъ уполномоченнымъ. Народъ остался недоволенъ этой конституціей, такъ какъ она вводила аристократическую верхнюю палату, предоставляла императору право абсолютнаго veto и явно шла въ разрѣзъ съ выработанной въ Франкфуртѣ на Майнѣ великой нѣмецкой конституціей. Правительство попыталось подавить поднявшееся народное волненіе старыми средтвами—помощью войскъ и распущеніемъ національной гвардіи и центрального комитета студенчества. Тогда академическая лига рѣшила 15-го мая поднять возстаніе національной гвардіи и революціонно настроенныхъ рабочихъ. Изъ актовъ залы вѣнскаго университета двинулась съ развѣвающимися знаменами и съ барабаннымъ боемъ процессія въ 10000 вооруженныхъ человекъ по направленію къ дворцу, чтобы подать императору петицію объ отмініи декрета о закрытіи центрального комитета, реформѣ избирательнаго права и отозваніи войскъ. Императоръ Фердинандъ согласился на эти требованія, прибавивъ, что конституція будетъ установлена имперскими чинами и *первый* рейхстагъ будетъ состоять изъ одной безцензурной палаты, созванной на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Вѣнцы этимъ вполне удовлетворились и возстаніе 15-го мая закончилось безъ кровопролитія. Но придворная камарилья заставила слабохарактернаго императора покинуть мятежную столицу и перенести свою резиденцію въ Инсбрукъ, расположенный среди вѣрныхъ тирольцевъ. 17-го мая вечеромъ Фердинандъ совершалъ свою обычную прогулку въ окрестности столицы, но уже не вернулся въ Вѣну, а отправился въ Инсбрукъ, гдѣ его ожидалъ блестящій пріемъ.

Требованіе всеобщаго избирательнаго права является однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ памятниковъ народнаго движенія 1848 года. Въ Англіи оно выдвинуло то же самое требованіе подъ вліяніемъ чартизма, имѣвшаго замѣтно социальный характеръ. Требованіе чартистовъ ежегодныхъ и тайныхъ выборовъ, согласно которому всѣ граждане трехъ королевствъ могли бы участвовать въ голосованіи и обладали бы правами засѣдать въ парламентѣ, совпадало съ однородными требованіями социальной демократіи Франціи и другихъ континентальныхъ государствъ. Волненія, происходившія по этому поводу въ Лондонѣ, Манчестерѣ, Эдинбургѣ, Глазго и другихъ

городахъ, явились до известной степени отраженіемъ народныхъ возстаній континентальной Европы.

Всѣ эти проявленія борьбы европейской демократіи, видимо, не производили никакого впечатлѣнія на французское правительство. Оно заняло осторожную, выжидательную позицію и проводило ту же политику индифферентизма, которая вызвала въ общественномъ мнѣніи Франціи кипучую ненависть къ буржуазной монархіи. Оппозиціонныя газеты воспользовались этимъ, какъ богатымъ матеріаломъ для яростныхъ нападокъ на правительство. Утверждали даже, что исполнительная коммиссія заключила гнусный союзъ съ австрійскимъ правительствомъ для солидарныхъ дѣйствій противъ Италіи.

Какъ уже было упомянуто, 22-го мая подлежала обсужденію интерпелляція объ европейской политикѣ республики. На этомъ засѣданіи было произнесено много прекрасныхъ, ни къ чему не обязывающихъ словъ. Особенно усердствовалъ краснорѣчивый Ламартинъ, отвѣчая на рѣзкіе запросы Д'Арагона, Волевскаго, Саррана и Вавэна. Онъ старался доказать, что Италія не желаетъ вмѣшательства Франціи. «Пѣтъ!», восклицалъ онъ патетическимъ тономъ, «невѣрно утвержденіе, что существуетъ какое-то соглашеніе между республиканскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и Австріей относительно итальянской независимости... Уваженіе къ національному генію другихъ народовъ мѣшаетъ намъ по собственной инициативѣ дать имъ свободу. Въ интересахъ своей національной славы, счастія и прочности своихъ учрежденій они должны собственной кровью завоевать себѣ свободу. Если же эти народы окажутся слишкомъ слабыми, чтобы добиться удовлетворенія своихъ законныхъ требованій, если будетъ сдѣлано покушеніе на ихъ право національнаго обновленія, то Франція станетъ, готовая къ бою, у подножія Альпъ и по первому сигналу перейдетъ границу, принося итальянцамъ давно ожидаемую свободу».

«Въ то время, какъ Ламартинъ велъ такія рѣчи, рассказываетъ Исполнитель Кастиль, «Манинъ отчаянно умолялъ національное собраніе, опираясь на слова знаменитаго манифеста Ламартина, послать благородной венеціанской республикѣ, за недостаткомъ дѣйствительной помощи, хотя бы нѣсколько военныхъ судовъ, за недостаткомъ пушекъ, хотя бы французскій флагъ; въ противномъ случаѣ венеціанцы, несмотря на весь свой героизмъ, истекутъ кровью».

Большинство членовъ національнаго собранія, конечно, согласилось съ Ламартиномъ. Представители буржуазіи были того мнѣнія, что правительство не должно ни подъ какимъ видомъ вмѣшиваться въ освободительное движеніе европейскихъ наро-

довь. Съ другой стороны, они пользовались каждымъ благопріятнымъ поводомъ для борьбы съ носителями освободительныхъ тенденцій. Особенно были имъ ненавистенъ Луи Бланъ, и они страстно желали отправить его къ Бланки и Барбесу.

На засѣданіи 31-го мая вице-президентъ Сенаръ доложилъ собранію, что прокуроръ республики просить разрѣшенія возбудить судебное преслѣдованіе противъ Луи Блана. Это сообщеніе было встрѣчено съ ледянымъ спокойствіемъ — одни были огорчены, другіе открыто выражали свою радость. Противъ Луи Блана было выдвинуто обвиненіе въ организаціи беспорядковъ 15-го мая. Послѣ прочтенія прокурорской жалобы наступила тишина. Это требованіе казалось слишкомъ невѣроятнымъ. Но это продолжалось только съ минуту, сейчасъ же поднялось сильное волненіе, посыпались горячія рѣчи за и противъ Луи Блана. Самъ Луи Бланъ, ничего не подозревавшій о происшедшемъ, какъ разъ въ этотъ моментъ явился въ Бурбонскій дворецъ. Онъ былъ до глубины души потрясенъ всеѣмъ этимъ, но овладѣлъ собой и спокойно, съ достоинствомъ началъ защищаться. Онъ долженъ былъ напрягать все свои голосовыя средства, чтобы заглушить слова своихъ оппонентовъ. Все-таки собраніе постановило выбрать комиссію, которая должна была рассмотреть дѣло Луи Блана и сдѣлать соотвѣтствующій докладъ народнымъ представителямъ.

Въ Palais National и министерствѣ юстиціи былъ устроенъ настоящій заговоръ противъ Луи Блана. Еще за долго до официальнаго запроса въ собраніи, Марра намекалъ при всякомъ удобномъ случаѣ, что Луи Блана видѣли 15-го мая въ ратушѣ. Этого было достаточно, чтобы погубить его репутацію въ глазахъ буржуазіи: несомнѣнно, что Луи Бланъ могъ явиться въ ратушу только для того, чтобы занять свое мѣсто въ провозглашенномъ Губеромъ революціонномъ правительствѣ.

Сами распространители этихъ слуховъ прекрасно знали, что въ ихъ словахъ нѣтъ и тѣни правды. Они понимали, что Луи Бланъ по своему темпераменту не могъ принимать участія въ бурномъ народномъ движеніи.

25-го мая Жюль Фавръ, который впослѣдствіи сыгралъ такую печальную роль въ французской исторіи, прочелъ докладъ отъ имени комиссіи. Хитрый адвокатъ, личный врагъ Луи Блана, началъ съ того, что разсыпался въ комплиментахъ по адресу бывшаго президента Люксембургской комиссіи, а затѣмъ сталъ доказывать необходимость судебного разслѣдованія, хотя это шло въ разрѣзъ съ требованіемъ здраваго смысла.

Обсужденіе этого доклада было отложено до 3-го іюня. Голосованіе въ этотъ день дважды дало неопредѣленный резуль-

татъ. При третьемъ голосованіи національное собраніе большинствомъ 230 голосовъ отклонило мысль о судебномъ разслѣдованіи.

На этотъ разъ истина была уже слишкомъ очевидна. Барбесъ послалъ заявленіе изъ тюрьмы, что приписываемая Луи Блану рѣчь была произнесена имъ, Барбесомъ. Марра, попавшій въ затруднительное положеніе, долженъ былъ признаться, что очевидецъ, на котораго онъ ссылался, ошибся. У многихъ депутатовъ, не смотря на ихъ личную ненависть къ Луи Блану, было такое ощущеніе, какъ будто онъ самъ себя далъ пощечину. Итакъ, на этотъ разъ Луи Бланъ былъ пощажень.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

4-го іюня происходили дополнительные выборы въ парламентъ. При этомъ обратило на себя всеобщее вниманіе одно имя по количеству полученныхъ голосовъ, внушая страхъ однимъ и вызывая радостное волненіе у другихъ. Имя этого избранника было *Луи Бонапартъ Наполеонъ*. Этотъ фактъ имѣлъ значеніе политической манифестаціи.

Чѣмъ же объясняется это странное на первый взглядъ явленіе, что этотъ господинъ могъ привлечь къ себѣ симпатіи значительной части населенія? Объясненіе нужно искать главнымъ образомъ въ наполеоновской легендѣ, ясно сохранившейся въ народной памяти. Населеніе, особенно сельское, все еще помнило «корсиканца съ гладкой прической», генерала революціи, императора и полководца многочисленныхъ побѣдоносныхъ походовъ. Простодушный легковѣрный народъ старой Франціи, подчасъ легко поддающийся фанатической пропагандѣ не забылъ образа Наполеона въ его знаменитомъ сѣромъ сюртукѣ, его черную треуголку, его спокойное, серьезное лицо. Въ любой хижинѣ простолюдина можно было найти портретъ «старога капрала». И въ длинные зимніе вечера старые наполеоновскіе солдаты разсказывали любопытной молодежи о военной славѣ императора, его побѣдоносныхъ походахъ, въ которыхъ они принимали участіе. Они сильно сгущали краски, подчасъ разсказывали небывлицы, и въ ихъ разсказахъ Наполеонъ являлся какимъ-то сказочнымъ богомъ, преданнымъ интересамъ народа, желавшимъ сдѣлать французовъ величайшей націей въ мірѣ, могучимъ и непобѣдимымъ, но выданнымъ врагамъ продажными маршалами. Старые ветераны разсказывали объ ужасныхъ временахъ, наступившихъ послѣ пораженія любимаго генерала, описывали пресловутое нашествіе союзныхъ войскъ,

жестокости казаковъ, предававшихся грабежу и насилію. При этомъ описаніи обыкновенно разсказчика прерывалъ плачь женщинъ и гнѣвные восклицанія мужчинъ. Наполеона не считали виновникамъ всѣхъ этихъ катастрофъ, говорили только о мести за поруганную національную честь. Мстителемъ же будетъ онъ, который вернется съ острова св. Елены, какъ онъ уже разъ вернулся съ острова Эльбы, и безпощадно раздѣлается со всѣми врагами Франціи.

Долгое время народъ не вѣрилъ, что императоръ умеръ. «Онъ вернется», гласила народная молва. Онъ представлялся народному воображенію въ образѣ Прометея, прикованнаго къ скалѣ на заброшенномъ пустынномъ островѣ св. Елены, находясь подъ бдительнымъ надзоромъ военныхъ судовъ съ направленными на него жерлами пушекъ. Но все-таки онъ вернется, когда наступитъ его время.

И многочисленныя наполеоновскіе пѣсни распространяли эту легенду по всей странѣ. Особенной популярностью пользовались пѣсни любимаго народнаго поэта Беранже, проникнутыя кипучей ненавистью къ духовенству, дворянству и монархамъ. Такъ велико было значеніе наполеоновской легенды, что даже такіе демократы, какъ Беранже, поддерживали ее изъ оппозиціи къ Бурбонамъ. Все это вмѣстѣ взятое окружило въ глазахъ народа ореоломъ имя Наполеона, того самаго Наполеона, по винѣ котораго, какъ говоритъ Тэнъ, «въ 1804—1815 г.г. погибло больше 1,700,000 французовъ и около 2,000,000 иностранцевъ, павшихъ въ качествѣ его союзниковъ и враговъ. И въ отвѣтъ на свой энтузіазмъ и слѣпую преданность императору бѣдные довѣрчивые французы подверглись двойному вражескому нашествію. Въ награду за ихъ самоотверженность «царственный мечтатель» оставилъ имъ въ наслѣдство Францію, лишенную 15 департаментовъ, завоеванныхъ при республикѣ, лишенную лѣваго берега Рейна и Бельгіи... и 4,000,000 акклиматизированныхъ французовъ, введенную въ границы 1793 г. и окруженную враждебно настроенными, усилившимся на ея счетъ сосѣдями.»

Луи Наполеонъ Бонапартъ былъ племянникомъ императора. Его мать Гортензія была дочерью Жозефины Богарнэ, вдовы, на которой Наполеонъ женился до своего итальянскаго похода. Гортензія была рѣдкой красавицей, какъ и ея мать; она такъ серьезно скомпрометировала себя, что ея любовникъ маршалъ Дюрокъ отказался вступить съ ней въ бракъ.

Завѣтной мечтой Гортензіи было укрѣпить родственныя связи съ домомъ Бонапарта. Поэтому она охотно согласилась на предложеніе императора выйти замужъ за одного изъ его братьевъ, за болѣзненнаго и непривлекательнаго Луи Наполеона. Пос-

слѣдній думалъ раньше снастись бѣгствомъ отъ предстоящей ему участи, но такъ какъ желаніе императора равносильно было военному приказу, то онъ въ концѣ концовъ подчинился. Спустя нѣсколько лѣтъ императоръ, назначавшій часто королей въ тѣхъ случаяхъ когда раньше довольствовались ландратами или намѣстниками, сдѣлалъ своего брата Луи Наполеона голландскимъ королемъ. Гортензія, носившая съ тѣхъ поръ титулъ королевы Гортензіи, недолго оставалась у своего мужа. Послѣ смерти своего перваго сына она вернулась въ Парижъ и 20-го апрѣля 1808 г. она родила сына, извѣстнаго впоследствии подъ именемъ Наполеона III.

У короля Луи произошли рѣзкія объясненія съ своей женой, и онъ отказался признать Луи Наполеона своимъ сыномъ. Во избѣжаніе дальнѣйшихъ пререканій со своимъ мужемъ, Гортензія уже не назвала слѣдующаго своего ребенка, родившагося въ 1811 году, Наполеономъ, а удовлетворилась именемъ графа Морни. (Послѣдній причинилъ впоследствии Франціи, пожалуй, не меньше бѣдъ, чѣмъ его единоутробный братъ Наполеонъ). Изъ этого видно, что отказъ голландскаго короля признать Наполеона своимъ сыномъ имѣлъ нѣкоторое основаніе. Свое мнѣніе на этотъ счетъ король Луи и впоследствии не измѣнилъ. Въ 1831 г. онъ писалъ палѣ по поводу возстанія, въ которомъ приняли участіе оба сына Гортензіи:

«... Что же касается другого (Луи Наполеона, будущаго французскаго императора), который присвоилъ себѣ мое имя, то, какъ Вамъ извѣстно, святой отецъ, онъ ко мнѣ, слава Богу, никакого отношенія не имѣеть. Къ несчастію, моя жена настоящая Мессалина».

Отцомъ Наполеона считали голландскаго адмирала Вергуэля, который, какъ это было извѣстно всему Парижу, находился въ интимной связи съ Гортензіей. Впоследствии Генри Вергуэль принялъ французское подданство и занялъ видный служебный постъ.

Въ 1840 году, когда Луи Наполеонъ долженъ былъ предстать въ качествѣ обвиняемаго передъ судомъ пэрровъ, Вергуэль написалъ суду и его президенту Паскье письмо, подтверждавшее слухи, которые раньше считали только склетней. «... Не выносите ему смертный приговоръ, спасите его голову», писалъ онъ, «отецъ умоляетъ васъ объ этомъ».

Это во время второй монархіи, дало основаніе республиканцамъ обрушившимся съ рѣзкими нападками на Наполеона III, дать ему шутивую кличку: «сьеръ Вергуэль» *).

*) «Сьеръ — это титулъ, сохранившійся со временъ феодализма

Наполеонъ I назначилъ наслѣдниками престола сыновей своего брата Луи на случай, если онъ самъ не оставитъ по себѣ потомства.

Послѣ паденія имперіи изгнанная изъ Франціи Гортензія уѣхала со своими сыновьями въ Швейцарію. Въ концѣ концовъ она поселилась въ замкѣ Арененбергъ и посвятила себя исключительно воспитанію дѣтей, мечтая о возможности возстановленія имперіи. Въ 1831 году умеръ Наполеонъ Луи, старшій братъ Луи Наполеона. Годъ спустя умеръ сынъ Наполеона I отъ второго брака его съ австрійской принцессой Маріей Луизой. Въ глазахъ приверженцевъ наполеоновскаго имперіализма Луи Наполеонъ оставался единственнымъ наслѣдникомъ имперіи.

Въ это время Луи Бонапартъ изучалъ военныя науки и писалъ руководство по артиллеріи. Онъ упорно мечталъ о возстановленіи монархіи, хотя сдѣлался швейцарскимъ гражданиномъ и служилъ въ швейцарской арміи. По словамъ его учителя Леба, онъ былъ необыкновенно даровитымъ человѣкомъ. Онъ былъ средняго роста, не выдѣлялся своей наружностью и ничѣмъ не напоминалъ Наполеона I. Несмотря на свой вялый, холодный темпераментъ, онъ питалъ какое-то благоговѣйное почтеніе къ своему имени и былъ убѣжденъ, что онъ созданъ для великихъ дѣлъ. Его мать, пользовавшаяся надъ нимъ огромнымъ вліяніемъ, усердно поддерживала въ немъ эту вѣру, убаюкивая его своими предсказаніями, что когда-нибудь онъ сдѣлается повелителемъ великаго народа.

Неудивительно поэтому, что Луи Наполеонъ вскорѣ сдѣлалъ попытку осуществить свое завѣтное желаніе. Извѣстный Фіалентъ, самъ называвшій себя Персиньи, находившійся въ Арененбергѣ, убѣдилъ принца, что Франція готова пойти за нимъ, если онъ за ней обезпечитъ принципъ народовластія. При участіи Персиньи и нѣкоторыхъ другихъ авантюристовъ онъ быстро составилъ планъ возстанія и 30-го октября 1836 г. онъ явился въ одну изъ Страсбургскихъ казармъ, предварительно войдя въ соглашеніе съ нѣкоторыми фанатически преданными его дѣлу офицерами. Сначала ему повезло—онъ былъ встрѣченъ криками: «Да здравствуетъ императоръ!», но вскорѣ дѣло приняло другой оборотъ. Распространился слухъ, что онъ не племянникъ императора, а племянникъ гарнизоннаго полковника Водрея. Всѣ заговорщики, за исключеніемъ Фіалена, которому удалось бѣжать, были взяты въ плѣнъ и отданы подъ стражу. Луи-Филиппъ счелъ цѣлесообразнымъ придать этому предпріятію характеръ

и употребляемый въ настоящее время только въ насмѣшку для характеристики темныхъ личностей. Это названіе часто примѣняется на судебномъ жаргонѣ по отношенію къ обвиняемымъ.

ребяческой выходки, легкомысленной попытки разыграть роль императора, как дѣти играютъ въ Робинзона и отправилъ претендента на французскій престолъ въ Америку, описавъ въ газетахъ весь этотъ инцидентъ въ смѣшномъ тонѣ.

Луи Бонапартъ, обязавшись честнымъ словомъ не возвращаться изъ Америки раньше десятилѣтняго срока, вскорѣ опять появился въ Швейцаріи, гдѣ его мать находилась на смертномъ одрѣ. Но въ виду предстоящаго конфликта между Швейцаріей и Франціей, которая настаивала на удаленіи его изъ предѣловъ швейцарской территоріи, онъ уѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ онъ завязалъ какія-то подозрительныя знакомства и вращался въ очень двусмысленномъ обществѣ.

Луи Бонапартъ все еще не отказался отъ мысли возстановить имперію. 6-го августа 1840 года около Булони съ парохода сошла какая-то странная компанія въ военныхъ мундирахъ при оружіи, съ развѣвающимися знаменами, украшенными императорскими орлами. Въ этой компаніи находился Луи Бонапартъ, нанявшій пароходъ и экипажъ и высадившійся около Булони, чтобъ взбунтовать мѣстный гарнизонъ и съ нимъ вмѣстѣ двинуться въ Парижъ и провозгласить имперію. Ручной орелъ парилъ надъ головой авантюриста, привлекаемый запахомъ куска сала, прикрѣпленнаго къ шляпѣ Наполеона. На берегу его ожидали офицеры и нѣсколько унтеръ-офицеровъ, перешедшихъ на его сторону и встрѣтившихъ Бонапарта криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Но этотъ маневръ не удался. Появились офицеры, ничего общаго не имѣвшие съ этимъ заговоромъ, и приказали солдатамъ разсѣять заговорщиковъ. Они безъ труда были все взяты въ плѣнъ.

На этотъ разъ правительство отнеслось болѣе серьезно къ предпріятію Луи Наполеона. Онъ былъ осужденъ судомъ царевъ на пожизненное заключеніе и отправленъ въ крѣпость Гамъ.

Въ это время по приказанію правительства были перевезены во Францію съ острова св. Елены останки Наполеона I. Они были доставлены въ Парижъ съ большой помпой при громадномъ стеченіи народа. Племянникъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ то время, какъ останки его дяди предавались землѣ со знаками благоговѣйнаго почтенія. Этотъ контрастъ придавалъ Луи Наполеону какую-то сантиментальную популярность. Насмѣшливый хохотъ буржуазныхъ свептиковъ и либераловъ раздавался подъ окнами темницы, не встрѣчая сочувственнаго отклика въ народной массѣ, всегда склонной принять сторону слабого. Заключенный понималъ, какой тактики ему слѣдуетъ держать, чтобы привлечь къ себѣ симпатіи общества. Онъ началъ высказывать очень демократическія мысли и завязалъ

переписку съ выдающимися дѣятелями республиканскаго движенія, между прочимъ и съ Луи Бланомъ, который по его приглашенію посѣтилъ его нѣсколько разъ въ тюрьмѣ. Луи Наполеонъ опубликовалъ въ демократическомъ органѣ «Progrès du Pas de Calais» статью, вызвавшую хвалебный отзывъ республиканской прессы. «Республика была бы моимъ идеаломъ», говоритъ Бонапартъ, «но я не знаю, расположена ли Франція къ республиканской идеѣ. Я буду помогать народу добиться осуществленія своихъ правъ и организаціи такой формы правленія, которая соответствовала бы принципамъ революціи».

Такого рода заявленія сосредоточили на Бонапартѣ надежды многихъ дѣятелей, ни къ чему его въ сущности не обязывая.

Наполеонъ провелъ въ тюрьмѣ 5 лѣтъ и 9 мѣсяцевъ и занимался, главнымъ образомъ, изученіемъ политическихъ и социальныхъ вопросовъ, выдвинутыхъ текущей дѣйствительностью. Составленная имъ книга «Уничтоженіе пауперизма» окрашена даже социалистическими тенденціями. Въ 1846 г. онъ бѣжалъ изъ тюрьмы, переодѣтый рабочимъ, съ трубкой во рту и доской на плечахъ, и благополучно добрался черезъ Кентенъ въ Остендѣ и оттуда въ Англію. Тамъ онъ прожилъ до февральской революціи. Узнавъ о побѣдѣ народа, онъ поспѣшилъ въ Парижъ, куда и прибылъ 28-го февраля. Онъ извѣстилъ временное правительство о своемъ приѣздѣ и предложилъ ему свои услуги. Последнее отклонило это любезное предложеніе и попросило его вернуться въ Лондонъ, что онъ немедленно и сдѣлалъ. Но въ Парижѣ остались его приверженцы, фанатически увлеченные наполеоновской легендой, и многочисленные авантюристы, связавшіе съ нимъ свою судьбу.

Пребываніе Луи Наполеона въ Гамѣ сдѣлало его имя популярнымъ въ извѣстныхъ слояхъ населенія, и это сослужило ему огромную службу послѣ февральской революціи. Это открыло также свободный полетъ надеждамъ его лондонскихъ друзей. Провозглашенная во Франціи свобода союзовъ значительно облегчила ихъ задачи. Заговоръ былъ организованъ съ большою ловкостью, приверженцы дѣятельно принялись за агитацію, тщательно скрывая свои завѣтные цѣли. Они никогда не заикались о «правѣ на престолъ» Наполеона, а распространялись, главнымъ образомъ, о его возвышенномъ образѣ мыслей, рѣдкой интеллигентности и благородныхъ, демократическихъ стремленіяхъ, намекая на то, что онъ единственный человекъ во Франціи, который, будучи поставленъ во главѣ республики, привелъ бы страну къ славѣ и могуществу. Населенію столицы и другихъ крупныхъ городовъ, охваченному неопредѣленными социалистическими стремленіями, ставили на видъ, что Бона-

партъ больше проникнуть социалистическимъ духомъ, чѣмъ члены правительства и будь онъ на ихъ мѣстѣ, то провелъ бы серьезныя реформы въ пользу рабочаго класса. Съ буржуазіей наполеоновскіе агитаторы говорили другимъ языкомъ. Ей давали понять, что Луи Наполеонъ единственный человѣкъ, способный соединить демократическій общественный укладъ съ сильной государственной властью, что только онъ можетъ обезпечить неприкосновенность семьи и собственности и удержать въ извѣстныхъ рамкахъ анархію. Агенты Наполеона дѣлали неимоверныя усилія, чтобы расположить въ свою пользу общественное мнѣніе Франціи. Высокопоставленные офицеры агитировали среди національной гвардіи, гвардіи мобилей и въ арміи. Знатныя дамы направлялись въ предмѣстья въ дома бѣдняковъ, оказывая населенію матеріальную и моральную поддержку. Они много распространялись о молодомъ Наполеонѣ и вручали въ большомъ количествѣ довѣрчивымъ жителямъ предмѣстій бонапартистскія газеты, изъ которыхъ одна носила никантное названіе «Республиканскій Наполеонъ». Вся эта агитация не была безрезультатна, возбуждая въ народной душѣ старія, еще не заглохшія воспоминанія. Въ Парижѣ эта агитация встрѣтила особенно восприимчивую почву. Послѣ 15-го ма народное возбужденіе не только не улеглось, но, напротивъ, возросло со дня на день. Реакціонныя мѣропріятія посылались, какъ изъ рога изобилія. Озлобленная народная масса по чувствовала, что національнымъ мастерскимъ, ихъ послѣднему убѣжищу отъ голода, грозитъ серьезная опасность. Было извѣстно, что министръ общественныхъ работъ Трела ждетъ только удобнаго момента для серьезнаго преобразованія ихъ организаціи. Вдругъ распространилась вѣсть, что директоръ мастерскихъ Эмиль Тома 26-го мая былъ неожиданно отрѣшенъ отъ своей должности и изгнанъ изъ Парижа. Тома былъ вызванъ въ министерство и былъ вынужденъ подать въ отставку. Его сейчасъ же посадили въ карету и подъ полицейскимъ конвоемъ отправили насильно въ Бордо, не разрѣшивъ ему даже попрощаться со своей семьей или просто выйти на улицу. Этотъ фактъ сильно взволновалъ общественное мнѣніе. Негодованіе охватило рабочихъ національныхъ мастерскихъ, собравшихся по обыкновенію въ паркѣ Монсо (въ сѣверо-западной части города), когда они узнали о произвольномъ поступкѣ правительства по отношенію къ ихъ директору. Министръ вынужденъ былъ дать объясненія по этому поводу делегаціи національныхъ мастерскихъ. Онъ былъ крайне смущенъ и вмѣсто того, чтобы отвѣчать по существу, онъ сталъ распространяться на общія темы, подчеркивая, сколько де онъ выстрадалъ изъ-за

республики. Его прервали криками: «Къ дѣлу!» Тогда онъ заявилъ, что не имѣетъ никакихъ данныхъ, компрометирующихъ доброе имя Тома. «Почему же его арестовали?» послѣдовалъ вопросъ, «вѣдь арестовываютъ только провинившихся въ чемъ либо!» Министру ничего не осталось дѣлать, какъ поспѣшно убраться восвояси. Назначенному имъ въ директоры мастерскихъ Лалону только съ помощью и подъ защитой войскъ удалось вступить въ отправление своихъ обязанностей.

Все это сильно обостряло и безъ того возбужденное настроеніе рабочихъ. Съ нѣкотораго времени стали собираться толпы народу днемъ около Бурбонскаго дворца, а вечеромъ между воротами С.-Дени и С.-Мартэнъ. Обычнымъ лозунгомъ этой народной массы, которую полиція всегда старалась разогнать, было: «Работы и хлѣба!» Раздавались также крики: «Да здравствуетъ республика!» То тутъ, то тамъ можно было услышать: «Да здравствуетъ Барбессъ! Да здравствуетъ Наполеонъ!»

Какое странное сочетаніе! Отсюда можно сдѣлать только выводъ, что большинство населенія, возлагавшаго теперь свои надежды на Луи Наполеона, отнюдь не видѣло въ немъ претендента на французскій престолъ. Въ немъ приветствовали не имперію, а окрашенную социалистически передовую демократію. Конечно, въ толпѣ находилось довольно много подкупленныхъ наполеоновскихъ агентовъ, отъ которыхъ исходили эти возгласы. Но несомнѣнно извѣстная часть народной массы этимъ возгласомъ выражала свое недовольство все усиливающейся реакціей и стремленіе къ радикальнымъ реформамъ. Многие сочувственно относились къ Луи-Наполеону, видя въ немъ орудіе, которымъ можно опрокинуть правящую клику. Выборы 4-го іюня показали, что общественное мнѣніе Парижа не питаетъ симпатій къ монархическому принципу. Хотя Бонапартъ попалъ въ депутаты, но на ряду съ нимъ побѣдителями на выборахъ вышли такіе люди, какъ Лагранжъ, Пьеръ-Леру, Прудонъ, Коссидьеръ (отказавшійся отъ своего мандата послѣ того какъ былъ вынужденъ покинуть полицейскую префектуру) и Викторъ Гюго. Далѣе были выбраны Тьеръ, разыгрывавшій теперь изъ себя республиканца—его имя было освищено, когда сталъ извѣстенъ результатъ выборовъ,—либераль Гудшо, клерикалъ генераль Шангарнье и кандидатъ «партіи порядка» Моро. По словамъ Бенуа, «это была открытая борьба между старымъ и новымъ обществомъ».

При первоначальныхъ выборахъ социалистическое теченіе не имѣло никакого успѣха въ Парижѣ. Только при дополнительныхъ выборахъ 4-го іюня получили значительное количество го-

лосовъ кандидаты, явившіеся въ глазахъ народа представителями этого направленія. Въ то время, какъ буржуазія бросилась въ объятія реакціи, пролетаріатъ обратилъ свои взоры къ соціальной революціи. Избраніе Луи Наполеона нисколько не противорѣчитъ этому факту. Даже Луи Бланъ и многіе другіе вожди парижской народной массы предоставили полную свободу дѣйствій рабочимъ, обращающимся къ нимъ за совѣтомъ относительно кандидатуры Бонапарта.

Рѣшительныхъ противниковъ Луи Наполеонъ встрѣтилъ со стороны исполнительной комиссіи и огромнаго большинства національнаго собранія, особенно въ лицѣ Ламартина, Ледрю-Роллснн и Кавеньяка. Ими руководило не столько сознаніе опасности, грозящей республикѣ, сколько чувство личнаго соперничества съ популярнымъ Бонапартомъ. Они были увѣрены, что конституція, разрабатывавшаяся въ отдѣльной комиссіи, установитъ постъ президента республики, они считали себя очень популярными въ населеніи и каждый изъ нихъ мѣтилъ на этотъ завидный постъ. Новая звѣзда, появившаяся на горизонтѣ, грозила оттѣснить ихъ на второй планъ. Поэтому нужно во что бы то ни стало отдѣлаться отъ этого опаснаго конкурента.

По словамъ Даніэля Штерна, Ламартинъ попытался было даже сорганизовать протестъ въ народѣ противъ возвращенія изгнаннаго принца. Онъ пригласилъ къ себѣ представителей отъ цеховъ, въ томъ числѣ даже нѣкоторыхъ бывшихъ делегатовъ Люксембургской комиссіи, и старался настроить ихъ противъ Луи Наполеона, выставивъ его ихъ личнымъ врагомъ. Съ своей стороны, онъ обѣщалъ свое покровительство рабочимъ ассоціаціямъ и денежную ссуду со стороны національнаго собранія. Но рабочіе остались глухи къ его сладкимъ рѣчамъ—имъ уже не впервые приходилось выслушивать такого рода обѣщанія и, по ихъ мнѣнію, кары заслуживали тѣ, которые ихъ обманули, другими словами, они считали своимъ врагомъ не Бонапарта, а тѣхъ, которые стали у кормила правленія послѣ 24-го февраля.

Въ самомъ парламентѣ началась ожесточенная борьба противъ Бонапарта, избраннаго въ депутаты не только въ Парижѣ, но и въ трехъ другихъ департаментахъ. 10-го іюня депутатъ Геккернъ сдѣлалъ запросъ военному министру о поведеніи одного полка, который при вступленіи въ Труа на республиканское привѣтствіе національной гвардіи, отвѣтилъ возгласомъ: «Да здравствуетъ Луи Наполеонъ!» Кавеньякъ, крайне взволнованный, отвѣтилъ на эту интерпелляцію въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ. Онъ сказалъ, что ему ничего неизвѣстно

о фактъ, который сообщилъ только что Геккернъ, и во всю силу своихъ легкихъ крикнулъ: «И хочу вѣрить въ полную невинность этого господина, чье имя такъ некстати теперь выдвигается на первый планъ, но я заявляю, что каждый, кто только осмѣлится посягнуть на свободу страны, будетъ пригвожденъ къ позорному столбу».

Въ отвѣтъ на это заявленіе послѣдовалъ дружный, теперь уже рѣдко раздававшійся въ парламентѣ крикъ: «Да здравствуетъ республика!» Въ этомъ возгласѣ выразилась ненависть многихъ депутатовъ къ Наполеону, грозившему разрушить ихъ сокровенныя надежды; это чувство заставило ихъ привѣтствовать республиканскую форму правленія, къ которой они частью относились уже равнодушно, а частью серьезно начали побаиваться.

Знаменательно было то, что Кавеньякъ въ этотъ день выдвинулся въ парламентѣ, что всегда очень сдержанный генералъ явился горячимъ защитникомъ республики, что до сихъ поръ составляло какъ бы монополію Ламартина. Послѣдній сейчасъ же почувствовалъ, что въ нѣдрахъ самого правительства появился для него опасный конкурентъ, но это нисколько не помѣшало ему съ неослабѣвасмой энергіей продолжать свой походъ противъ Наполеона. По его инициативѣ, исполнительная коммисія должна была внести въ парламентъ законопроектъ, представлявшій собой въ сущности повтореніе стараго закона изданнаго въ 1816 г. и обновленнаго въ 1832 г., согласно которому вся семья Бонапарта была осуждена на изгнаніе изъ предѣловъ Франціи. Ламартинъ хотѣлъ, чтобы этотъ законъ былъ примѣненъ къ Луи Наполеону, «который два раза называлъ себя претендентомъ»; онъ собирався самъ выступить въ собраніи съ мотивировкой этого законопроекта. Это должно было произойти 12-го Іюня.

Въ этотъ день сборище около Бурбонскаго дворца и на площади Согласія было особенно людное. Распространился слухъ, что Луи Наполеонъ въ сопровожденіи почетнаго караула вступитъ въ парламентъ. Со всѣхъ частей города—также и изъ предмѣстій—стали стекаться элементы, сочувственно относившіеся къ Наполеону и престо любопытные. Правительство съ своей стороны сочло нужнымъ выслать къ народу извѣщеніе, запрещающее массовыя сборища. Бурбонскій дворецъ былъ оцѣленъ войсками. Въ началѣ засѣданія двоюродный братъ Луи Наполеона, выбранный въ Коренкѣ, Наполеонъ Бонапартъ, прозванный впоследствии «Рюпрюпъ», заявилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ разоблачить ложные слухи, распускаемые про его родственника, и доказать чистоту его на-

мѣреній. Министръ Флоконтъ замѣтилъ, что одинъ Бонапартъ не можетъ фигурировать въ роли защитника другого Бонапарта. На трибунѣ появился генералъ Бедо; онъ повторилъ завѣренія Кавеньяка, сдѣланныя 10-го июня, и обадежилъ собраніе, что ни одному претенденту не удастся смутить французскую армію. «Въ тотъ же день, когда онъ попытается завлечь армію въ преступное предпріятіе, она сама отдастъ его въ руки правосудія». Генералъ не ограничился этимъ, а сталъ упрекать исполнительную комиссію за ея внутренніе раздоры, мѣшающіе ей планомѣрно и солидарно работать для блага страны. Онъ намекнулъ, что только энергичный, дѣятельный человѣкъ (читай: Кавеньякъ) способенъ сдѣлаться господиномъ положенія и твердо держать въ своихъ рукахъ бразды правленія.

Ламартинъ почувствовалъ смертельное оскорбленіе — въдѣ этимъ дали понять, что и онъ, Ламартинъ, не доросъ до господства въ странѣ. Блѣдный и смущенный онъ взошелъ на ораторскую трибуну. Подъ предлогомъ мотивировки какого-то кредита въ 1,200,000 фр., требуемаго правительствомъ, онъ произнесъ очень поэтическую рѣчь въ защиту временнаго правительства и исполнительной комиссіи. Но его почти никто не слушалъ. Всѣ его старанія овладѣть вниманіемъ депутатовъ ни къ чему не привели и обезкураженный поэтъ, чье появленіе на трибунѣ еще такъ недавно производило сенсацію, уставъ отъ безплодной борьбы съ равнодушнѣмъ аудиторіи, попрощалъ въ концѣ концовъ перерыва засѣданія.

Между тѣмъ извнѣ стали тревожные слухи. Газдавался барабанный бой и поговаривали, что въ городѣ стрѣляютъ.

При возобновленіи засѣданія Ламартинъ оиять появился на трибунѣ и заявилъ, что одно серьезное событіе заставило его прервать свою рѣчь. Въ трехъ высшихъ офицеровъ арміи, дескать, произведены были выстрѣлы. «Эти выстрѣлы были сдѣланы при крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Такъ какъ злоумышленники были накрыты на мѣстѣ преступления, и они были такъ дерзки, что не остановились даже передъ кровопролитіемъ, то слѣдуетъ привести въ исполненіе требованіе закона. Затѣмъ оиъ при ледяномъ спокойствіи большинства депутатовъ и бурныхъ протестахъ меньшинства прочелъ слѣдующій, выработанный исполнительной комиссіей законопроектъ: «Исполнительная комиссія заявляетъ, что, опираясь на 3 статью закона 1816 г., она будетъ примѣнить къ Луи Бонапарту закона 1832 г. до тѣхъ поръ, пока національное собраніе не приметъ по этому поводу какое-либо другое рѣшеніе».

Поднялась настоящая буря. Депутаты Караби и Вьейяръ заявили энергичный протестъ противъ предложенія Ламартина,

то же самое сдѣлали корсиканскіе депутаты Пьеръ и Наполеонъ Бонапартъ, ссылаясь на «благородныя чувства ихъ родственника» и его завѣренія въ вѣрности республикѣ.

Въ это время нѣкоторые депутаты вышли изъ залы засѣданій, чтобы разузнать о событіяхъ на площади. Оказалось, что разглагольствованія Ламартина о трехъ выстрѣлахъ были просто миеомъ; какой-то національный гвардеецъ, разряжая ружье, поанилъ слегка себя—и... все. Растерявшійся Ламартинъ не нашелся, что отвѣтить по существу. Онъ поставилъ вопросъ о довѣрїи, но не получилъ единогласнаго вотума. Ему былъ разрѣшенъ к едить въ 1,200,000 фр., дебаты же о Луи Наполеонѣ были отложены до слѣдующаго дня.

13-го іюня около національнаго собранія опять собралось много народу и Бурбонскій дворецъ опять былъ окруженъ солдатами. Настроеніе собранія было еще болѣе возбужденное, чѣмъ наканунѣ. Отъ имени бюро выступилъ Жюль Фавръ съ докладомъ по поводу спорнаго мандата. Онъ высказался въ пользу Луи Наполеона, по своему мѣтя Ламартину и Ледрю-Роллену за то, что они одержали надъ нимъ верхъ въ «дѣлѣ» Луи Блана. Бюше, мѣсто котораго занялъ въ президіумѣ Сенатъ, оспаривалъ законность этого мандата. По его мнѣнію, ничего нельзя было бы имѣть противъ избранія гражданина Луи Бонапарта, но онъ рѣшительно противъ выборовъ претендента, который уже два раза вступалъ съ оружіемъ въ рукахъ на французскую территорію, желая осуществить свое право на французскій престолъ, претендента, до сихъ поръ еще опредѣленно не признавашаго республику, котораго его приверженцы и понынѣ привѣтствуютъ криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Бонапартистъ Вьейяръ бросился на трибуну, чтобы защитить честь своего «друга». Его рѣчь прерывали криками: «А Страсбургъ? А Булонь?» Но у Вьейяра былъ приготовленъ отвѣтъ на эти вопосы. Онъ прочелъ длинное письмо Бонапарта—частное письмо, которое должно «показать возвышенный образъ мыслей человѣка, о которомъ идетъ теперь рѣчь». Въ этомъ письмѣ Луи Наполеонъ объясняетъ свое нежеланіе добиваться мандата въ парламентъ (превосходный маневръ показать обществу мнѣнію, что онъ не питаетъ никакихъ честолюбивыхъ замысловъ) и говоритъ о своемъ нежеланіи вернуться во Францію раньше, чѣмъ страна совершенно не успокоится отъ пережитыхъ бурь. Къ тому же важныя дѣла удерживаютъ въ Лондонѣ. «Я рѣшилъ остаться въ сторонѣ и не поддаваться совѣтамъ вернуться на родину». Аналогичныя письма бонапартисты еще задолго передъ тѣмъ распространяли въ самыхъ

широких размѣрахъ во Франціи, чтобы выставить въ самомъ выгодномъ свѣтѣ своего вождя въ глазахъ народа.

Луи Бланъ также высказался за допущеніе Луи Бонапарта, полагая, что это нисколько не угрожаетъ неприкосновенности республикѣ. «Если вы хотите помѣшать Луи Бонапарту сдѣлаться президентомъ республики, то въ вашемъ распоряженіи имѣется очень простое средство—внесите въ конституцію слѣдующій пунктъ: въ республикѣ, основанной 24-го февраля, нѣтъ поста преидента». Это предложеніе звучало очень красиво, но совершенно не гармонировало съ честолюбивыми планами правительства.

Ледрю-Ролленъ произнесъ энергичную рѣчь противъ допущенія Бонапарта. Опираясь на фактическія данныя, онъ указалъ на существованіе бонапартистскаго заговора. Это произгело на собраніе болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ цвѣтистое краснорѣчіе Ламартина. Въ противовѣсъ нападкамъ Ледрю-Роллена бонапартисты выдвинули другое письмо Луи Наполеона. Оно относилось къ 24-го мая, когда былъ поднятъ вопросъ объ изгнаніи Бонапарта. Въ этомъ письмѣ, адресованномъ первоначально на имя національнаго собранія и приложенномъ къ дѣлу исполнительній комиссіей, Луи Наполеонъ говоритъ: «...Я обращаюсь къ народнымъ представителямъ съ вопросомъ, за что меня постигла такая кара. Развѣ за то, что я всегда открыто заявлялъ, что, по моему мнѣнію, Франція совсѣмъ не является наслѣдственной вещью одного человѣка, одной семьи или одной партіи? Развѣ за то, что я два раза заплатилъ за возстаніе противъ правительства, которое вы свергли?.. Такъ какъ французскій престолъ занималъ король, избранный двумястами депутатовъ, то я не могъ не вспомнить, что я—наслѣдникъ имперіи, основанной 4 милліонами французомъ. Видя передъ собой теперь народный суверенитетъ, я хлопочу только о томъ, чтобы возстановить свои права французскаго гражданина».

Повидимому, депутаты сильно устали и не хотѣли больше дебатировать этотъ вопросъ. По прочтеніи этого письма раздались нетерпѣливые крики: Голосовать, голосовать! За допущеніе Бонапарта высказалось большинство. Такимъ образомъ ему предоставлена была возможность сейчасъ же вернуться во Францію и приняться за осуществленіе своихъ завѣтныхъ плановъ. Но онъ предпочелъ обождать, зная, что въ національномъ собраніи ему придется играть второстепенную роль. Къ тому же онъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за возможные промахи нѣкоторыхъ своихъ черезчуръ пылкихъ приверженцевъ.

Народъ попрежнему толпился поблизости отъ Бурбонскаго

ними послѣдовали механики, ткачи, пекари и рабочіе многихъ другихъ ремеслъ. Они настойчиво предъявляли свои требованія не только правительству, но и своимъ непосредственнымъ эксплуататорамъ. Развѣ со времени февральской революціи не раздавались постоянно рѣчи о правахъ рабочихъ на лучшую жизнь? Рабочихъ угнетали заботы о неизвѣстномъ будущемъ и подчасъ вызывали бурныя вспышки гнѣва. Предчувствуя, что имъ грозитъ опасность, они инстинктивно старались собираться вмѣстѣ и принять нѣкоторыя оборонительныя мѣры. Рабочіе лѳонскихъ національныхъ мастерскихъ захватили довольно много оружія, и правительству только при помощи военной силы удалось обезоружить ихъ. Броженіе охватило и деревню; крестьяне также сильно страдали и поэтому отказывались платить добавочный налогъ, которымъ обложило ихъ правительство, такъ много разглагольствовавшее о своей любви къ народу. Въ Герэ (Guéret) крестьяне грозили смертью всякому, кто будетъ платить налогъ. Также въ департаментѣ Крѣзь произошло нѣчто въ родѣ мятежа и во время этихъ народныхъ волненій часто стало раздаваться имя Наполеона. Бонапартистскіе агенты и фанатическіе приверженцы бонапартизма внушали крестьянамъ, что если власть перейдетъ въ руки Наполеона, то онъ отменитъ всѣ налоги. «Во время сельскихъ праздниковъ и на ярмаркахъ», пишетъ Даніэль Штернъ, «распространялись самыя нелѣпныя слухи. въ Лизьѣ (Lizieux), Феканѣ и Шартрѣ газетные разносчики выкрикивали, что Наполеонъ провозглашенъ императоромъ и во главѣ 40,000 человекъ направляется въ Парижъ. Въ двухъ расположенныхъ къ Кавеньяку департаментахъ Морбиганѣ и Финистерѣ распространилась вѣсть, что Кавеньякъ убитъ и Наполеонъ назначенъ президентомъ республики».

Въ Парижѣ возбужденіе все росло. Газетные столбцы были переполнены рѣзкими, вызывающими статьями. Три реакціонныя газеты: «Constitutionnel», «Assemblée Nationale» и «Siccle» особенно выдѣлялись ожесточеннымъ характеромъ своихъ нападокъ. Реакціонеры внушали солдатамъ, въ большомъ количествѣ стягиваемымъ въ Парижъ, что февральскіе дни покрыли армию позоромъ, который необходимо смыть и довольно прозрачно намекали, что только кровь — и кровь пролетаріевъ, конечно, — можетъ возстановить ихъ поруганную честь. Также и радикальныя газеты были настроены не менѣе воинственно; на это указываютъ одни только ихъ названія. «Le Nabat de travailleurs» (набатъ рабочихъ), «Robespierre», «Le Journal de Canaille» (журналъ черни), «l'Organisation du Travail» (организация труда) и т. д. обращались къ правительству со слѣдую-

щимъ предложеніемъ: «Не выпускайте изъ виду, что народъ, получивъ въ свои руки власть, идетъ всегда дальше поставленной цѣли. Въ 1789 году онъ требовалъ отмены привилегій и добился республики; въ 1830 году—свободы печати и опрокинулъ тронъ Карла X: въ 1848—одной реформы и учредилъ республику. Чего онъ требуетъ теперь? Хлѣба! Чего онъ добьется? Это покажетъ ближайшее будущее».

Слѣдующее письмо, опубликованное слѣдственной комиссіей и подписанное «Э. Бертрамомъ, членомъ республиканскаго центрального клуба, показываетъ, какого напряженія достигло настроеніе народныхъ массъ: «...День мести приближается. Гвардія буржуазіи будетъ уничтожена. Вы покините Венсенскій замокъ и вернетесь къ своимъ друзьямъ, которые васъ ожидаютъ, чтобы принести на алтарь отечества аристократію и національное собраніе. Намъ угрожаютъ штыками, закрываютъ наши клубы. Ладно! Мы побѣдимъ другимъ способомъ».

Въ свое время либеральная буржуазія противопоставляла банкеты поповзновеніямъ абсолютизма Луи-Филиппа. Теперь, наканунѣ юньскихъ дней, пролетаріатъ, казалось, тоже обратился къ этому средству для борьбы съ буржуазнымъ эгоизмомъ. Въ редакціи одного небольшого журнала было рѣшено организовать грандіозный народный банкетъ. Мѣсто было выбрано на отдаленной площади С. Дени, меню составлялъ хлѣбъ, сыръ и вино, съ платой по 25 сантимовъ. На этотъ необычайный митингъ подписалось 163,000 человекъ.

Правительство и группирующіеся около него республиканцы предполагали, что за этимъ предпріятіемъ кроется очень дерзкій и глубоко задуманный планъ. Они опасались, что банкетъ является только предлогомъ для того, чтобы собрать народную массу и что онъ долженъ закончиться серьезнымъ боемъ. Даже вліятельные народные вожди, особенно руководители революціоннаго комитета Барбеса усмотрѣли опасность въ устройствѣ банкета. Они сначала старались оттянуть, а затѣмъ совсѣмъ снять съ очереди весь проектъ хотя бы на время.

Несмотря на рѣзко буржуазный характеръ, который приняла республика, народъ не потерялъ еще совершенно свою вѣру въ нее. Было бы достаточно нѣскольکو серьезныхъ мѣропріятій въ пользу обездоленнаго народонаселенія, чтобы внести извѣстное успокоеніе въ народную массу. Какъ Ламартинъ, такъ и Ледрю-Ролленъ были склонны дѣйствовать въ этомъ направленіи, но первый подчинился волѣ національнаго собранія, которое рѣшило держаться непреклонной тактики по отношенію къ трудящимся массамъ. Адресъ, ходившій по рукамъ между 12-мъ и 20-мъ іюня по различнымъ клубамъ, показываетъ,

что еще накануне июньской схватки многие рабочие были настроены примирительно. Этот адрес гласилъ:

«Мы съ благодарностью узнали о проектахъ, съ которыми выступилъ гражданинъ Ламартинъ, а именно: учрежденіе министерства для осуществленія принципа братства, требованіе временнаго кредита въ 600 милліоновъ франковъ для организаціи сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ училищъ, съ залами, которые помогли бы народу закончить свое политическое воспитаніе, и наконецъ осуществленіе принципа братства. Тогда, граждане, мы забудемъ и голодъ и нужду. Мы готовы все забыть, такъ какъ вѣримъ этимъ обѣщаніямъ... Да здравствуетъ демократическая и социальная республика!»

Что же дѣлало правительство для облегченія невозможно тяжелаго положенія трудящихся массъ? *) Ничего! Казалось, что въ кровавой бойнѣ оно думаетъ найти рѣшеніе всѣхъ этихъ социальныхъ вопросовъ.

Прежде всего правители Франціи рѣшили раздѣлаться съ національными мастерскими. Помимо большихъ суммъ, которыя приходилось тратить на содержаніе этихъ мастерскихъ, они въ нихъ видѣли постоянную угрозу для своего спокойствія. Буржуазные депутаты чувствовали, что, несмотря на свою побѣду 15-го мая, они не могутъ совершенно развязать контръ-революцію, имѣя передъ собой огромную озлобленную массу рабочихъ национальныхъ мастерскихъ, всегда готовыхъ броситься на нихъ и стереть ихъ съ лица земли. Ихъ давило это чувство, какъ кошмаръ, и они рѣшили отъ него отдѣлаться во что бы то ни стало.

Дѣйствительно, количество рабочихъ национальныхъ мастерскихъ достигло очень внушительной цифры; въ началѣ іюня уже насчитывалось до 130,000 человекъ. И эта огромная рабочая армія въ случаѣ возстанія могла вѣдь стать въ ряды революціонеровъ. Эта мысль приводила въ ужасъ господъ народныхъ представителей, тѣмъ болѣе, что имъ было не безизвѣстно, какое озлобленіе питаетъ къ нимъ населеніе Парижа и что социалистическая пропаганда пріобрѣтаетъ все больше приверженцевъ.

«Нужно положить конецъ дѣлу», эта мысль гвоздемъ засѣла въ голову депутатовъ и вообще официальныхъ представителей страны. Не нужно никакихъ перемѣнъ, никакихъ реформъ, слѣдуетъ только раздѣлаться съ этой рабочей арміей,

*) По словамъ Лалана, главнаго инженера национальныхъ мастерскихъ, въ одномъ предмѣстьѣ С. Антуанъ изъ 20,000 рабочихъ только 240 имѣли работу.

которая мѣшаетъ національному собранію спокойно и беззаботно заниматься своими дѣлами. Вскорѣ подвернувшійся случай раскрылъ ихъ карты передъ всей Франціей.

Въ засѣданіи 15-го іюня во время дебатовъ объ алжирскомъ вопросѣ на ораторской трибунѣ появился Пьеръ Леру, пользовавшійся уваженіемъ даже въ рядахъ своихъ противниковъ. Яркими красками онъ парисоваль потрясающую картину нужды и горя, подъ бременемъ которыхъ изнемогаютъ народныя массы, упрекая правительство въ непониманіи дѣйствительнаго положенія вещей, въ томъ, что оно не доросло до задачъ, выдвинутыхъ февральской революціей. Въ образныхъ и сильныхъ выраженіяхъ онъ развилъ ту мысль, что современная республика совсѣмъ не та, къ какой стремится человѣчество, что она является только матерью новой республики, новаго общества. «Мать не должна вытраивать свой плодъ», воскликнулъ ораторъ, «она не должна уничтожать зародышъ, который она несетъ въ своихъ нѣдрахъ; точно также нельзя допустить, чтобы новая республика убила свою мать». «Вы не находите возможнымъ разрѣшить социальный вопросъ иначе, какъ прибѣгая къ силѣ, угрозамъ, кровопролитіямъ и аргументамъ старой, лживой, безумной національной экономіи. А однако есть новые способы рѣшенія, которые предлагають вамъ социализмъ. Не поносите его, какъ вы это продѣлывали въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, а дайте ему возможность обновить жизнь человѣчества. Попробуйте на опытѣ провѣрить социалистическое ученіе, если у васъ для этого нѣтъ времени, то предоставьте, по крайней мѣрѣ, это сдѣлать народу, который имѣетъ на это несомнѣнное право...»

Оппонентомъ Пьеру Леру выступилъ финансистъ Гудшо, выражая отношеніе собранія къ затронутому вопросу. Онъ упрекнулъ Пьера Леру въ томъ, что онъ предлагаетъ неслыханное средство противъ легко устранимаго зла. Национальныя мастерскія онъ, повидимому, также считалъ «неслыханнымъ средствомъ», потому что онъ заявилъ: «Национальныя мастерскія должны быть уничтожены какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи; недостаточно сократить размѣры этихъ предпріятій; они должны совершенно исчезнуть». Гудшо имѣлъ мужество открыто высказать то, о чемъ тайно помышляло огромное большинство его коллегъ. Правда, онъ предложилъ смягчить бремя налоговъ, облегчить кредитъ для рабочихъ и издать законы для защиты труда, но собраніе и народъ, толпившійся около Бурбонскаго дворца, слышали только слова: «Национальныя мастерскія должны совершенно исчезнуть».

Между тѣмъ еще 12-го мая министръ общественныхъ работъ

Трела, стараясь какъ и другіе министры, найти какой-нибудь исходъ изъ затруднительнаго положенія, поручилъ въ своемъ министерствѣ, особой комиссіи составить докладъ о національныхъ мастерскихъ. Онъ, какъ Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ, хотѣлъ притти къ какому-либо рѣшенію, которое успокоило бы населеніе, въ то время, какъ монархисты національнаго собранія стремились довести дѣло до взрыва, надѣясь, что онъ вмѣстѣ съ національными мастерскими освободитъ Францію и отъ республики.

Къ 19-му мая докладъ комиссіи былъ уже готовъ и министръ распорядился отпечатать его въ 1,200 экземплярахъ. Но члены исполнительной комиссіи, познакомившись съ его содержаніемъ, сильно перепугались. Дѣло въ томъ, что составители доклада не сочли нужнымъ опустить торжественныя обѣщанія, которыя расточало временное правительство относительно права на трудъ. Такимъ образомъ, докладъ служилъ косвеннымъ доказательствомъ, что временное правительство, члены котораго теперь большей частью входили въ составъ исполнительной комиссіи или министерства, открыто признали «право на трудъ», отъ котораго теперь дѣятели официальной Франціи всеми силами старались отдѣлаться. Поэтому исполнительная комиссія, трепетавшая передъ собраніемъ, рѣшила совѣмъ запретить чтеніе этого доклада.

Впрочемъ, рекомендуемая этимъ докладомъ мѣропріятія, направленные къ тому, чтобы поставить національныя мастерскія на твердую почву, отнюдь не могли бы обновить это предпріятіе. Эмиль Тома, понимавшій, что въ вышнихъ правительственныхъ сферахъ хотятъ совершенно отдѣлаться отъ этихъ мастерскихъ, почувствовалъ нерасположеніе къ этимъ мѣропріятіямъ. Цѣлый рядъ новыхъ распоряженій, какъ, на примѣръ, относительно аккордной работы, тщательнѣйшаго надзора при записываніи, отказа въ пріемъ иногородныхъ рабочихъ, — все это были только подготовительныя мѣры къ тому, чтобы окончательно раздѣлаться съ національными мастерскими.

Люди, посвященные въ закулисную жизнь правительственнаго механизма, предвидѣли, какого характера долженъ быть послѣдній ударъ, который будетъ нанесенъ національнымъ мастерскимъ. Луи Менаръ въ своемъ «Прологѣ революціи» приводитъ слѣдующую бесѣду между делегаціей города Нанта и членами исполнительной комиссіи. Нантская делегація прибыла въ Парижъ около половины іюня и ходатайствовала передъ исполнительной комиссіей о заключеніи займа, чтобы имѣть возможность расплатиться съ рабочими мѣстныхъ національныхъ мастерскихъ. На это послѣдовалъ устный отвѣтъ: «Если

вы не сможете какъ-нибудь иначе выпутаться, то дѣлайте то, что и мы здѣсь будемъ дѣлать: возьмитесь за оружіе». Вотъ что слѣдовало понимать подъ словами: «Нужно положить конецъ дѣлу».

Если въ высшихъ правительственныхъ сферахъ было рѣшено положить дѣлу конецъ, то, съ другой стороны, и народныя массы также тяготились неопредѣленностью положенія и страстно стремились къ развязкѣ. Возбужденіе росло съ каждымъ днемъ. Было извѣстно, что коммиссія національнаго собранія, въ которой большимъ вліяніемъ пользуются такіе господа, какъ де Фаллу и Гудно, рѣшительно будетъ противъ уступокъ въ пользу рабочихъ, уступокъ, которыхъ ожидали отъ коммиссіи министерства общественныхъ работъ, руководимой министромъ Трела. Монархисты національнаго собранія требовали раслушенія національныхъ мастерскихъ, преслѣдуя при этомъ двоякую цѣль: 1) они хотѣли уничтожить это предпріятіе, возмущавшее ихъ чувство собственниковъ, ихъ буржуазный эгоизмъ и 2)—и это главное—они надѣялись въ предстоящей бойнѣ утопить *Марианну* и разъ навсегда избавиться отъ угнетавшаго ихъ призрака соціальной республики.

Несмотря на то, что всѣ инстинктивно чувствовали приближеніе развязки, многіе рабочіе, являвшіеся представителями значительной части пролетаріата, считали нужнымъ рѣшительно протестовать противъ грубыхъ поповзновеній къ насилію со стороны Гудно и злобныхъ инсинуацій иезуитовъ, чтобы показать, какъ сильно они стремятся къ миру и всеобщему успокоенію. 18-го іюня въ Парижѣ появилась прокламація, въ которой, между прочимъ, говорится: «Вы требуете немедленнаго уничтоженія національныхъ мастерскихъ, но что же тогда станетъ со 110,000 рабочими и ихъ семьями, для которыхъ ихъ скудная заработная плата служила единственнымъ средствомъ къ существованію. Не хотите ли вы ихъ подвергнуть безумному отчаянію голода»... Другая прокламація гласила: «Зачѣмъ эти крики, эти несправедливыя предубѣжденія, злостныя и клеветническія навѣты на національныя мастерскія? У насъ нѣтъ недостатка въ желаніи работать, но мы не имѣемъ продуктивной работы, которая соотвѣтствовала бы нашему призванію и наклонностямъ. Мы страстно стремимся къ полезному труду». По адресу рабочихъ раздавались также обвиненія въ участіи въ бонапартистскихъ заговорахъ. Рабочіе делегаты выпустили по этому поводу слѣдующее воззваніе къ своимъ товарищамъ:

«Мы, делегаты рабочихъ Люксембурга, преданные душой и тѣломъ республикѣ, закликаемъ васъ... не отдавать своихъ симпатій приверженцамъ трона, который вы сами испровергли!

Эти бездушные люди приведутъ страну, нуждающуюся только въ трудѣ и свободѣ, въ состояніе анархіи. Итъ въ мірѣ болѣе почетнаго названія, какъ слово: *гражданинъ*. Никто не имѣетъ права претендовать на какой-либо другой титулъ. Никто не имѣетъ права воевать противъ истиннаго повелителя страны, *народи*. Одна только попытка въ этомъ направленіи была бы ужаснымъ преступленіемъ, и осмѣлившійся на это будетъ считаться измѣнникомъ и предателемъ. Реакція въ полномъ ходу, ея безчисленные агенты сулятъ вамъ обманчивый призракъ счастья. Они щедро раздаютъ деньги. Будьте на стражѣ, друзья! Обождите еще нѣсколько дней. Проявите ваше обычное спокойствіе, которое составляетъ вашу истинную силу. Не теряйте надежды, наше время наступило, будущее принадлежить намъ. Не подерживайте своимъ участіемъ манифестацій, которыя ложно представляютъ, какъ народныя манифестаціи... Вѣрьте намъ, прислушивайтесь къ нашему голосу. Во Франціи теперь только возможна демократическая и социальная республика. Исторія послѣдняго правительства ужасна, не обманывайтесь на этотъ счетъ. Ни короля, ни императора! Только свободы, равенства и братства! Да здравствуетъ республика!»

Такъ говорили делегаты Люксембургской комиссіи, которымъ спустя нѣсколько дней суждено было пасть отъ руки Кавеньяка.

Слѣдуетъ замѣтить, что не вездѣ вызывающее поведеніе правительства встрѣчало такое сравнительно спокойное отношеніе. Оно слишкомъ грубо затрагивало наболѣвшія нужды и лучшія надежды населенія, чтобы не вызвать рѣзкій протестъ со стороны возмущенныхъ, обманутыхъ людей. Такого рода протестъ былъ выраженъ посредствомъ летучаго листка протестымъ рабочимъ по имени Пюжоль. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сознательныхъ пролетаріевъ, которые подъ вліяніемъ революціонной пропаганды быстро развиваютъ свои природныя способности и превращаются въ очень интеллигентныхъ и даже литературныхъ работниковъ. Одаренный пламенной фантазіей, Пюжоль выражалъ свои чувства въ своеобразной формѣ, проникнутой рѣдкимъ воодушевленіемъ, сильно напоминающей излюбленные приемы старыхъ французскихъ революціонеровъ. Къ правителямъ Франціи онъ обращался со слѣдующими словами:

«Горе вамъ, выступающимъ съ повязкой на глазахъ. Вы не замѣчаете пропасти, которая васъ проглотитъ. Они (рабочіе) довѣрчиво пошли къ вамъ навстрѣчу, вы презрительно оттолкнули ихъ отъ себя. Они показали вамъ зіяющія раны своей нужды, а вы вмѣсто того, чтобы лечить ихъ, отравили ихъ ядомъ своихъ инсинуацій. Они стонали отъ мукъ голода, но вы оставались глухи къ ихъ горькимъ жалобамъ. Они вамъ

гались также крики: Да здравствует Наполеон!» По рабочіе, произносившіе послѣдній возгласъ, не вкладывали въ него династическій смыслъ. Напротивъ, преданность къ республикѣ, которой, по ихъ мнѣнію, угрожала опасность, побуждала ихъ не покидать Парижа. Они хотѣли броситься въ защиту своей *Маріанны*, когда монархисты вздумаютъ на нее посягнуть. Поэтому инженеръ Лаланъ и показывалъ впоследствии передъ слѣдственной комиссіей: «Вожди внушали большинству рабочихъ, желавшихъ уѣхать: вы не должны уѣзжать, потому что хотятъ уничтожить республику».

И это были тѣ же рабочіе, которыхъ буржуазная реакція обвинила въ томъ, что они занимаются монархическими заговорами!

Въ четвергъ 22-го іюня толпа въ 117,000 рабочихъ проходила по улицамъ Парижа. Депутация изъ руководителей національныхъ мастерскихъ съ Пюжолемъ во главѣ направилась въ Люксембургскій дворецъ мѣсто засѣданій исполнительной комиссіи. Пюжоль отъ имени делегации обратился къ министру Мари со слѣдующей рѣчью:

«Граждане! До февральской революціи...» «Позвольте», прервалъ его Мари, «мнѣ кажется, вы начинаете слишкомъ издадека». «Граждане», продолжаетъ Пюжоль, «признайте за народными делегатами свободу слова. Я буду говорить такъ, какъ я считаю нужнымъ говорить или я лучше совсѣмъ не буду говорить». «Такъ говорите, только помните, что въ моемъ распоряженіи лишь немного времени». «Ваше время принадлежитъ не вамъ, гражданинъ, а народу, представителемъ котораго вы являетесь». «Гражданинъ Пюжоль», возразилъ Мари угрожающимъ тономъ, «мы васъ давно уже знаемъ и внимательно за вами присматриваемъ». «Пожалуйста. Но знайте, что съ тѣхъ поръ, какъ я посвятилъ себя защитѣ народной свободы, я далъ себѣ слово не пугаться какихъ бы то ни было угрозъ, такъ что ваши угрозы совершенно безцѣльны». Тогда Мари обратился къ остальнымъ делегатамъ: «Я знаю человѣка, который принималъ участіе въ возстаніи 15-го мая, не будучи признанъ представителемъ народа». «Никто не возьметъ здѣсь слова раньше меня», воскликнулъ Пюжоль, ставъ между Мари и делегатами. «Нѣтъ, нѣтъ», закричали тѣ, «онъ уполномоченъ говорить, слово принадлежитъ ему, а не намъ». Мари сдѣлалъ шагъ назадъ. «Но не рабы же вы этого человѣка», воскликнулъ раздосадованный Мари. «Будьте осторожны, гражданинъ», крикнулъ ему Пюжоль, «вы оскорбляете народныхъ делегатовъ». «Но не забывайте и вы», возразилъ Мари, «что вы говорите съ членомъ исполнительной комиссіи!» «Конечно; но именно какъ членъ исполнительной комиссіи, вы должны относиться

ко мнѣ съ уваженіемъ». «Кѣ вамъ?» «Да. Если вы — членъ исполнительной коммисіи, то я являюсь делегатомъ отъ народа. Если вы насъ не захотите выслушать, то мы уйдемъ». «Иѣтъ, разъ вы уже здѣсь, то говорите». «До февральской революціи», началъ опять Пюжоль, «рабочій классъ стоналъ подъ игромъ капитала. Чтобъ избавиться отъ эксплуатациіи господъ, онъ взялся за постройку баррикады и положилъ оружіе только тогда, когда была провозглашена демократическая и социальная республика, на обязанности которой лежало избавить народъ отъ рабства. Теперь рабочіе видятъ, что ихъ обманули. Этимъ я хочу сказать, что они готовы пожертвовать всею, даже жизнью, лишь бы отстоять свою свободу». «А васъ понимаю. Теперь выслушайте, что я вамъ скажу. Если рабочіе не захотятъ отправиться въ провинцію, то мы силой заставимъ ихъ это сдѣлать. Вы меня понимаете, силой!» «Силою?! прекрасно. Мы теперь знаемъ то, что мы хотѣли знать». «А что же вы хотѣли знать?» «Что исполнительная коммисія никогда серьезно не желала организаціи труда. Всего хорошаго, гражданнѣ!»

Пюжоль съ товарищами покинули Люксембургскій дворецъ и направились на площадь St. Sulpice, гдѣ ихъ съ нетерпѣніемъ ожидала толпа рабочихъ. Здѣсь Пюжоль произнесъ краткую энергичную рѣчь и въ заключеніе предложилъ своимъ слушателямъ собраться въ 6 часовъ вечера на площади Пантеона. Рабочіе собрались еще до 6 часовъ и Пюжоль обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «Граждане! Остаетесь вы вѣрными священному знамени революціи?» «Да! да!» закричали тысячи голосовъ. «Хорошо. Это дѣлаетъ вамъ честь, дѣти Парижа. Вы должны показать Франціи примѣръ своей бодростью и патриотизмомъ. Объединимся и пусть въ ухахъ нашихъ угнетателей раздастся кличъ: труда и хлѣба! Горе имъ, если они останутся глухи къ голосу народа. Вы отдали три мѣсяца нужды и страданій на службу республики, но вы сумѣете отомстить за три мѣсяца измѣны. Впередъ!»

Рабочая масса образовала колонну и двинулась по улицамъ Парижа, все возрастающая въ числѣ. Это шествіе производило очень внушительное впечатлѣніе, свѣтъ факеловъ, которые были зажжены съ наступленіемъ ночи, придавалъ ему еще болѣе грозный, таинственный характеръ. Часовъ въ 8 вечера колонна вернулась на площадь Пантеона.

«Вы повѣрили обманыямъ, вы простили обманщиковъ», началъ Пюжоль, «но сегодня насъ предали и это предательство, эта измѣна должна быть смыта кровью нашихъ враговъ. И такъ оно и будетъ, клянусь вамъ! Мы тоже клянемся», отвѣ-

тила толпа. «Соберитесь завтра въ 6 часовъ утра», воскликнулъ Пюжоль, «тогда мы установимъ нашу дозунгъ».

Факелы были потушены, и наступила гробовая тишина.

Ужасное июньское возстаніе началось...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Въ пятницу 23-го іюня между 8 и 9 утра Бастильская площадь представляла собой очень грандіозное зрѣлище. Десятки тысячъ рабочихъ двигалась у подножія памятника, воздвигнутаго въ честь іюльской революціи. Рабочіе сначала собрались на площади Пантеона и оттуда уже направились на Бастильскую площадь.

Пюжоль, бывший, повидимому, душой пролетарской борьбы въ первый періодъ іюньскаго возстанія, взомель на пьедесталь памятника и началъ свою краткую рѣчь слѣдующими словами: «Герои Бастилии! Герои баррикадъ пришли сюда, чтобы съ благоговѣніемъ преклонить колѣни передъ памятникомъ, воздвигнутымъ въ память о вашемъ безсмертіи. Они, какъ и вы, цѣной своей жизни устроили революцію, но до сихъ поръ они напрасно проливали свою кровь. Нужно теперь снова поднять революцію. Друзья!» воскликнулъ онъ, обращаясь къ толпѣ, «наша борьба—это та же, которую вели наши предшественники. Они начертали на своемъ знамени многозначительныя слова: «свобода или смерть. Друзья! Свобода или смерть!» Одобрительный гулъ пробѣжалъ по толпѣ. Раздались громовые крики: «Свобода или смерть!»

Такимъ образомъ, Парижъ опять сдѣлался ареной грознаго народнаго возстанія. Со всѣхъ концовъ города народъ стекался большими массами, какъ бы подчиняясь данному приказанію, но въ дѣйствительности ихъ толкалъ старый инстинктъ парижскихъ повстанцевъ. Они направлялись въ тѣ пункты столицы, которые служили традиціонной ареной инсurreкціонной борьбы. Старыя предмѣстья С.-Антуанъ, Тамплъ, ла Виллетъ съ поразительной быстротой покрылись баррикадами. Цѣлая сѣть баррикадъ охватила путь отъ этихъ предмѣстій къ центру города. Вскорѣ были уже сильно укрѣплены улицы С.-Дени, Тамплъ и бульваръ Бонъ-Нювелль. Инсургенты овладѣли также домами, чтобы при случаѣ открыть огонь по войскамъ изъ оконъ. Во всѣхъ бѣдныхъ кварталахъ Парижа дѣлались дѣятельныя приготовленія къ бою; вездѣ раздавались крики: «Къ оружію! на баррикады!». Улицы были укрѣплены

двойными и тройными баррикадами, сооруженными из камней мостовой и всевозможной утвари. Они подымались въ уровень съ первымъ, а частью и вторымъ этажомъ домовъ и во многихъ пунктахъ совершенно перегораживали улицу такъ, чтобы инсургенты, вынужденные очистить переднія баррикады, могли отступать къ близъ лежащимъ.

Вѣрные своимъ революціоннымъ традиціями, парижскіе инсургенты старались довести свои баррикады по возможности до самой ратуши. Обладаніе «парижскимъ народнымъ дворцомъ» считалось однимъ изъ первыхъ условій успѣшности возстанія и средствомъ придать побѣдоносной революціи извѣстную законную форму. Они прочно укрѣпились въ Cité, островѣ, образуемомъ теченіемъ Сены и расположенномъ недалеко отъ ратуши. Кромѣ того, этотъ островъ, покрытый цѣлой сѣтью узкихъ кривыхъ улицъ, глухихъ переулковъ и тѣсныхъ набережныхъ, представлялъ большія удобства для веденія уличной борьбы.

Въ теченіе многихъ часовъ инсургенты могли безпрепятственно заниматься постройкой баррикадъ. Это обуславливалось гнусной комбинаціей, возникшей въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Руководящіе элементы исполнительной комиссіи вполне удовлетворились бы небольшимъ сраженіемъ съ парижскими рабочими—умѣренная порція пролетарской крови обезпечила бы имъ расположеніе національнаго собранія; болѣе серьезное кровопусканіе было имъ не выгодно. Но интересы Кавеньяка шли въ разрѣзъ съ интересами исполнительной комиссіи. Какъ уже было упомянуто, нѣкоторыя парламентскія группы, какъ, на примѣръ, Palais National, давно уже ратовали за то, чтобы облечь Кавеньяка верховной властію,—такимъ образомъ они надѣялись, въ концѣ концовъ, отдѣлаться отъ остатковъ временнаго правительства, входившихъ еще въ составъ исполнительной комиссіи. Самъ Кавеньякъ, мнѣвшій себя призваннымъ властвовать надъ страной, также горой стоялъ за военную диктатуру и ждалъ только случая захватить въ свои руки бразды правленія. Его честолюбивый замыселъ былъ весьма простъ: нужно доказать неспособность исполнительной комиссіи, уже и безъ того достаточно дискредитированной, поэтому слѣдуетъ не подавлять возстаніе, а, напротивъ, дать ему разгорѣться, чтобы обезумѣвшая отъ ужаса буржуазія возненавидѣла исполнительную комиссію, которая, дескать, не можетъ или не хочетъ защитить отъ грозящей опасности; тогда генераль Кавеньякъ явится въ качествѣ спасителя отечества. И этотъ гнусный макіавелевскій планъ, какъ мы увидимъ дальше, былъ проведенъ въ жизнь.

Но помимо Кавеньяка, другія лица также спекулировали на пораженіе нарижскаго пролетаріата. Монархисты, увѣренные, что столкновение между рабочимъ классомъ и партией порядка приведетъ къ нобѣдѣ, надѣялись также погубить столь ненавистную имъ республику.

Что же касается «палача» Кавеньяка, то онъ, повидимому, твердо рѣшилъ довести до конца задуманный планъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е іюня онъ получилъ приказъ отъ исполнительной коммисіи занять въ пять часовъ площадь Пантеона. Это, конечно, разстроило бы предполагавшееся собраніе и послѣдовавшую за нимъ постройку баррикады. Кавеньякъ и не думалъ исполнять приказаніе и свалилъ потомъ отвѣтственность за это на другого генерала. Въ правительственномъ совѣтѣ въ полдень 23-го іюня онъ объявилъ, что ни за что не согласится раздробить свою армію для нападений на отдѣльныя баррикады. Этотъ ошибочный методъ, молъ, по его глубокому убѣжденію, привелъ къ пораженію войскъ въ іюль 1830 г. и февраль 1848 года. Министръ внутреннихъ дѣлъ Рекюръ, по профессіи врачъ, побуждаемый чувствомъ гуманности, въ сильномъ волненіи воскликнулъ: «Но вѣдь еще можно всему помѣшать!» Эта мысль заставила Кавеньяка подняться на дыбы, вѣдь это должно было, уничтожить весь задуманный имъ планъ. Генераль національной гвардіи Клеманъ Тома также возразилъ Рекюру въ очень сухомъ и злобномъ тонѣ. Тогда послѣдній съ болью въ голосъ воскликнулъ: «Итакъ, хотятъ довести дѣло до битвы! Это безуміе!»

Исполнительная коммисія, не желавшая продолжительнаго и кровопролитнаго боя, была того мнѣнія, что слѣдуетъ занять войсками наиболѣе важные стратегическіе пункты столицы и съ самаго начала помѣшать постройкѣ баррикады. Кавеньякъ же упорно настаивалъ на своей точкѣ зрѣнія. Онъ лицемѣрно приходилъ въ отчаяніе и клялся, что пуститъ себѣ пулю въ лобъ, если хотя одна изъ его ротъ будетъ обезоружена. Когда ему указывали на ужасную опасность, если весь городъ будетъ усѣянъ баррикадами, на ненадежность національной гвардіи, онъ давалъ такого рода отвѣты: «Пусть національная гвардія нападаетъ на баррикады, это ея дѣло... Пусть она защищаетъ свой народъ и свои магазины. Если она будетъ побуждена, то я отступлю на площадь С. Дени и тамъ дамъ сраженіе новстанцамъ».

Кавеньякъ отстоялъ свое мнѣніе и могъ, такимъ образомъ, постепенно осуществить свой замыселъ. Онъ стянулъ большое количество войскъ къ національному собранію, на площадь Согласія, на Елисейскія поля, какъ бы для того, чтобы успокоить депутатовъ, совершенно обезумѣвшихъ отъ страха. За-

тѣмъ онъ послалъ сильныя отряды въ возставшіе кварталы. Генералу Ламорисьеру онъ приказалъ двинуться со своей бригадой черезъ большіе бульвары, напасть на инсургентовъ около С. Ден'йскихъ воротъ и въ предметѣ Тампль, чтобы не дать возстанію проникнуть до ратуши. Генераль Бедо долженъ былъ также сильнымъ отрядомъ занять ратушу, чтобы она не попала въ руки повстанцевъ, и оперировать противъ Сіте. Генералу Дюменилю было предписано сдѣлать Люксембургскій дворецъ базой для своихъ операцій и пробиваться по направлению къ Пантеону.

Однако, бой начался еще раньше, чѣмъ всѣ эти мѣропріятія были закончены. Въ то время, какъ инсургенты наполняли воздухъ криками: «Къ оружію! на баррикады!» въ богатыхъ кварталахъ раздался генеральный маршъ, призывавшій національную гвардію къ оружію. Последняя очень неохотно и медленно подчинялась этому призыву. Она предчувствовала, что на этотъ разъ дѣло не ограничится одними криками: «Смерть коммунистамъ!», какъ 16-го апрѣля, а придется подставлять свою грудь подъ выстрѣлы пролетаріевъ. Она раздражалась яростными криками по адресу исполнительной коммисіи, предоставившей ей роль, которая, по ея мнѣнію, подобаешь только пролетаріату, т. е. роль пушечнаго мяса. Въ рабочихъ кварталахъ пролетарскіе элементы національной гвардіи перешли на сторону возставшихъ.

Кромѣ національной гвардіи, какъ мы знаемъ, существовала еще гвардія мобилей, рекрутировавшаяся изъ населенія столицы и созданная спеціально для подавленія народныхъ возстаній. Эта гвардія, созданная по инициативѣ Ламартина и состоявшая изъ очень молодыхъ парижскихъ люмпеновъ, съ самаго начала возстанія причиняла много заботъ членамъ правительства и командующимъ отдѣльными отрядами генераламъ. Она отличалась свойствами, характерными вообще для парижскихъ гаменовъ—экспансивностью, ловкостью и безумной смѣлостью, вслѣдствіе чего она своимъ участіемъ могла рѣшить исходъ боя. Но чью сторону она приметъ? Вотъ мучительный вопросъ, который задавали себѣ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ. Забудутъ ли эти дѣти бѣднѣйшихъ слоевъ народа свое происхожденіе и вступятъ ли въ борьбу съ инсургентами, рѣшившись обречь на гибель своихъ родныхъ, отцовъ и матерей?

Такъ оно и случилось. У этихъ несчастныхъ подростковъ, вырванныхъ изъ атмосферы народной жизни, съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ напялили гвардейскій мундиръ, преобладающимъ импulsiveмъ сдѣлалось что-то въ родѣ полицейскаго усер-

дія. И чтобы окончательно ослѣпить эту дикую молодежь и поднять ее воинственное настроеніе, реакція прибѣгла къ своему излюбленному средству—*клеветѣ*. Объ инсургентахъ распускали слухи, что это отнюдь не рабочіе, которые возстали, чтобы избавиться отъ гнетущей нужды, а банда грабителей, подкупленная иностранцами и стремящаяся къ уничтоженію собственности и гибели республики.

* * *

Въ 12 часовъ дня около бульвара Бонъ-Нувелль начался бой. У С.-Денійскихъ воротъ возвышалась гигантская баррикада, сооруженная, какъ рассказываютъ, подъ руководствомъ самого Пюжоля. Примыкающія къ этой баррикадѣ улицы были преграждены цѣлымъ рядомъ другихъ баррикадъ. Вдругъ раздался барабанный бой и появился небольшой отрядъ національной гвардіи. Отрядъ былъ встрѣченъ градомъ пуль и потерѣлъ сильный уронъ; на помощь ему сейчасъ же подоспѣлъ цѣлый батальонъ, но по немъ былъ открытъ огонь съ оконъ и террасы кафе и сосѣднихъ домовъ. Батальонъ дрогнулъ и отступилъ. Инсургенты спустились съ баррикады и бросились преслѣдовать непріятеля, но гвардейцы превышали ихъ своей численностью, они вернулись и съ яростью возобновили бой. На баррикадѣ стоялъ одинъ изъ руководителей съ краснымъ знаменемъ въ рукѣ, непріятельская пуля убила его на повалъ. Тогда молодая дѣвушка схватила знамя и гордая, величавая, съ пылающими воодушевленіемъ глазами, съ распущенными волосами заняла мѣсто павшаго знаменосца, подставляя себя подъ выстрѣлы гвардейцевъ. Послѣдніе не рѣшались какъ-то стрѣлять въ эту героиню. Они знакомъ дали ей понять, чтобы она ушла съ баррикады, но она и бровью не повела, а стояла неподвижно, какъ изваяніе. Тогда какой-то гвардеецъ прицѣлился въ нее и выстрѣлилъ; она упала замертво, и другая женщина заняла ее мѣсто. Придерживая одной рукой трупъ убитаго товарища, она другой рукой забрасывала камнями наступающихъ гвардейцевъ. И она также вскорѣ была сражена мѣткимъ выстрѣломъ...

Когда прибылъ генераль Ламорисьеръ, эта грандіозная баррикада была въ концѣ концовъ взята штурмомъ. Генераль устроилъ свою квартиру на площади Château d'Еau, которая теперь называется площадью Республики. Бой загорѣлся во всѣхъ прилегающихъ кварталахъ.

Въ это время на лѣвомъ берегу Сены въ кварталѣ Пантеона

произошелъ слѣдующій эпизодъ. Извѣстный своимъ расположеніемъ къ народу меръ Пинель-Грандшамъ сдѣлалъ попытку вступить въ переговоры съ инсургентами, желая умиротворить ихъ и взявъ на себя задачу довести до свѣдѣнія національнаго собранія объ ихъ нуждахъ. Инсургенты дружелюбно встрѣтили его предложенія, но въ это время появился батальонъ 11-го полка національной гвардіи подъ начальствомъ Эдгара Квене, сопровождаемый отрядомъ линейныхъ войскъ и драгунъ.

Пинель-Грандшамъ уговорилъ начальника батальона не завязывать боя, и колонна ушла назадъ. Араго, отрядившій этотъ батальонъ къ Пантеону, пришелъ въ ярость, когда узналъ, что онъ вернулся ни съ чѣмъ. Онъ видѣлъ, что бой неизбѣженъ и рѣшилъ повести въ наступленіе всѣ имѣющіяся въ его распоряженіи военныя силы.

Колонна подъ руководствомъ Араго двинулась въ улицу Суффло и очутилась передъ грудой камней, на вершинѣ которой стояли инсургенты и, держа ружья на готовѣ, спокойно ждали приближенія войскъ. По словамъ Ипполита Кастиля, между Араго и инсургентами произошелъ слѣдующій разговоръ. Араго старался убѣдить ихъ сложить оружіе. На его упрекъ, что они прибѣгли къ постройкѣ баррикадъ, ему отвѣтилъ одинъ пожилой инсургентъ: «Въ 1832 году мы вмѣстѣ строили баррикады». На его увѣренія о добрыхъ намѣреніяхъ правительства ему возразилъ суровый голосъ: «Вы не имѣете права говорить, вы никогда не страдали отъ голода». «Довольно обѣщаній», воскликнулъ другой, «намъ нужны дѣла». «Мы дѣлали то, что могли», замѣтилъ Араго. «Это невѣрно!». «Вы меня оскорбляете, между нами все кончено», сказалъ Араго и повернулъ къ своему отряду. Одинъ инсургентъ хотѣлъ послать ему въ догонку пулю, но другой ему не далъ этого сдѣлать. «Они съума сошли», воскликнулъ Араго, обращаясь къ офицерамъ національной гвардіи, «я съ ними ничего не могу подѣлать, сила должна рѣшить дѣло». И престарѣлый ученый самъ сталъ во главѣ буржуазной національной гвардіи.

Отрядъ Араго былъ снабженъ пушками, но онъ полагалъ, что повстанцы не будутъ въ состояніи оказать имъ серьезное сопротивленіе и двинулся впередъ безъ артиллерійской подготовки. Не успѣли они сдѣлать и нѣсколькихъ шаговъ, какъ были уже вынуждены пустить въ ходъ пушки. Вообще артиллерія сыграла рѣшающую роль во время іюнскаго возстанія. У инсургентовъ не было ни одной пушки, такъ что войска могли ихъ обстрѣливать съ дальняго разстоянія, совершенно не страдая отъ огня инсургентовъ.

Бой загорался все сильнѣе, черезъ нѣсколько часовъ уже весь городъ сдѣлался ареной кровавой борьбы. И ни одна дружеская рука не протянулась, чтобы приостановить эту ужасную бойню! И чья же рука обладала такой магической силой? Кто могъ явиться между сражающимися съ вѣткой мира? Только національное собраніе, облеченное высшей государственной властью. Только оно могло приостановить бой, грозившій превратить столицу Франціи въ кучу развалинъ. Только оно могло внести успокоеніе въ умы рабочихъ и удовлетворить ихъ насущныя нужды; но оно и шагу не сдѣлало въ этомъ направленіи, оно *хотѣло* кровопролитія.

Въ часъ дня состоялось засѣданіе національнаго собранія. Несмотря на то, что Бурбонскій дворецъ былъ окруженъ огромнымъ количествомъ войскъ, министры были блѣдны отъ страха. Многіе депутаты были въ формѣ національной гвардіи. Засѣданіе носило очень бурный характеръ, депутаты были очень взволнованы и настаивали на необходимости серьезныхъ мѣръ для подавленія возстанія. Генераль Лебретонъ предложилъ, чтобы члены собранія со своими депутатскими значками сопровождали войска, постарались успокоить населеніе и убѣдить его сложить оружіе. Другіе высказывались за то, чтобы собраніе въ качествѣ законодательнаго корпуса выступило противъ возстанія.

Собраніе не могло притти къ какому-нибудь опредѣленному рѣшенію и президентъ Сенаръ, чтобы положить конецъ безцѣльнымъ пререканіямъ, перешелъ къ очередному вопросу о переходѣ въ собственность государства частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Но депутаты не были настроены дебатировать желѣзнодорожный вопросъ; президентъ уступилъ въ концѣ концовъ общему желанію и началъ читать поступающія свѣдѣнія о состояніи города. Содержаніе ихъ было весьма успокоительно, но тонъ чтенія указывалъ на противоположное. Затѣмъ появился на трибунѣ министръ торговли Флоконъ. Онъ разразился страшными воплями по адресу инсургентовъ. Послѣдніе, молъ, представляютъ собой дикій сбродъ, подкупленный монархистами и иностранцами, чтобы уничтожить республику и возстановить деспотизмъ. Послѣ него говорилъ іезуитъ де Фаллу. Онъ былъ докладчикомъ комиссіи, разбиравшей вопросъ о состояніи и будущемъ національныхъ мастерскихъ. Онъ еще давно высказывался за ихъ распущеніе, прежде чѣмъ этотъ вопросъ принялъ такой острый характеръ. Въ этомъ духѣ и былъ составленъ его докладъ. Одинъ депутатъ поднялъ свой голосъ противъ этого предложенія, указывая, что при данныхъ обстоятельствахъ распущеніе національныхъ мастерскихъ подольетъ только

масло въ огонь. По большинство собранія, увлеченное дикою ненавистью къ пролетаріату, закричало: «Читайте, читайте!» И этотъ іезуитъ продолжалъ своимъ холоднымъ, рѣзкимъ голосомъ чтеніе доклада, сводившагося къ тому, что національныя мастерскія, наполненныя шайкой негодныхъ подстрекателей, должны въ трехдневный срокъ быть распущены. Это былъ прямой вызовъ, брошенный въ лицо пролетаріату, и національное собраніе анилодировало этому докладу, рѣзко и прямо заявлявшему рабочимъ, что имъ нечего ждать ни хлѣба, ни какихъ бы то ни было улучшеній въ условіяхъ своей жизни. Рабочіе должны были отсюда сдѣлать выводъ, что имъ остается одно изъ двухъ: побѣдить, чтобы жить въ трудѣ или же умереть въ борьбѣ.

Ничто не могло заставить этихъ ограниченныхъ буржуа отказаться отъ своей вызывающей политики. Консидерантъ предложилъ выпустить къ рабочимъ прокламацію, составленную имъ вмѣстѣ съ Луи Бланомъ и подписанную 60 депутатами, между прочимъ и Жюль Симономъ. Эта прокламація должна была нѣсколько успокоить рабочихъ, объявляя имъ, что національное собраніе рѣшило всѣми доступными ему практическими мѣрами сохранить за каждымъ французскимъ гражданиномъ естественное право на трудъ и способствовать осуществленію принципа ассоціацій пособіями отъ казны и другими покровительственными средствами. Но собраніе отклонило воззваніе Консидерана, какъ «не настоятельно нужное». Коссидьеръ предложилъ послать въ возставшія предмѣстья депутатовъ со словами примиренія. Онъ вызвался стать во главѣ депутаціи и отдаться инсургентамъ въ качествѣ заложника. «Съ инсургентами не ведутъ переговоровъ», возразилъ ему одинъ депутатъ, «ихъ побѣждаютъ». Собраніе приняло вызывающую прокламацію, предложенную Сенаромъ. «Национальное собраніе», гласила эта прокламація, «не уклонится ни на шагъ отъ задачъ, предписываемыхъ ему его обязанностями». Въ такомъ же духѣ Марра составилъ циркуляръ ко всѣмъ мерамъ 12 парижскихъ округовъ. Онъ рѣзко подчеркивалъ опасность, грозящую ихъ семьямъ и собственности, игралъ на особенно чувствительныхъ струнахъ буржуазной психики.

Между тѣмъ внѣшній видъ города принималъ все болѣе грозный характеръ. Видно было, что инсургенты рѣшились на отчаянную борьбу. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ они имѣли успѣхъ. Такъ, на бульварахъ, расположенныхъ за С. Денійскими воротами на площади Château d'Enu (теперь площадь Республики) Ламорисьеръ почувствовалъ себя слишкомъ слабымъ для дальнѣйшаго сопротивленія инсургентамъ. Жители предмѣстій

настойчиво пробивались къ ратушѣ и онъ не могъ удержать ихъ бурнаго натиска. Онъ попросилъ у Кавеньяка подкрѣпленія, хотя послѣдній до тѣхъ поръ рѣшительно отказывалъ всеѣмъ командирамъ, обращающимся къ нему за помощью. Кавеньякъ понялъ, что если Ламорисьеръ будетъ отброшенъ, то революціонная волна можетъ залить весь городъ. Поэтому онъ самъ сѣлъ на коня и, сопровождаемый Ламартиномъ и другими депутатами, носилъ на выручку къ Ламорисьеру. Онъ направился въ предмѣстье Тамплъ, такъ какъ его цѣль заключалась въ томъ, чтобы освободить послѣдняго отъ баррикады, угрожавшихъ его правому флангу.

Приблизившись къ улицамъ Пьеръ-Левэ, Биша и Фонтэнъ-о-Руа, онъ замѣтилъ цѣлую систему сильно укрѣпленныхъ баррикадъ. Подъ рукой у него была только мобильная гвардія, на которую онъ не очень-то надѣялся. Но онъ все-таки рѣшилъ сдѣлать попытку и приказалъ четвертой ротѣ двадцатаго полка двинуться на штурмъ. Инсургенты, увидѣвъ приближающихся мобилей, этихъ дѣтей народа, которые такъ часто сражались съ ними въ однихъ и тѣхъ же рядахъ, встрѣтили ихъ дружжелюбными привѣтствіями, стараясь ихъ привлечь на свою сторону. Но пьяные и ослабленные паускиваніями правительства мобили упорно шли на штурмъ; осыпанные градомъ пуль изъ оконъ домовъ, они дрогнули и отступили съ большимъ урономъ. Тогда Кавеньякъ послалъ подошедшіе въ это время батальоны. Они семь разъ шли на приступъ, и все безуспѣшно. Также не удалась попытка обойти инсургентовъ и напасть на нихъ съ тылу, вездѣ солдаты наталкивались на непреодолимыя баррикады. Артиллерійскій огонь разбивалъ только камни, изъ которыхъ были построены баррикады, но не могъ поколебать позицій инсургентовъ.

Этотъ бой тянулся уже четыре часа и военный министръ, явившійся на выручку къ Ламорисьеру, вынужденъ былъ попросить у него помощи. Ламорисьеръ послалъ ему цѣлый полкъ и только тогда ему удалось взять эти баррикады.

Между тѣмъ, отправляясь во главѣ отряда, Кавеньякъ сказалъ, что онъ вернется черезъ полчаса и приказалъ безъ него не дѣлать никакихъ распоряженій. Два оставшихся члена исполнительной комиссіи Мари и Ледрю-Ролленъ очутились въ очень двусмысленномъ положеніи. На всѣ поступающія претензіи они рѣшились давать только самые неопредѣленные отвѣты, совершенно дискредитируя, такимъ образомъ, и себя и исполнительную комиссію, которой буржуазія и безъ того уже не довѣряла. Имъ пришлось уже нѣсколько разъ услышать изъ

усть національныхъ гвардейцевъ яростные крики: «Вы измените намъ!».

Генералу Бедо, занимавшему ратушу и прилегающій кварталъ, повезло еще меньше, чѣмъ Ламорисьеру. Какъ уже было упомянуто, инсургенты приближались къ ратушѣ также со стороны квартала Пантеона. Поэтому необходимо было на лѣвомъ берегу Сены прорвать все тѣснѣ смыкавшееся кольцо баррикадъ. Съ этой цѣлью Бедо раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны: одна колонна должна была со стороны Cité пробиваться по направленію къ кафедральному собору, а другая черезъ этотъ островъ и улицу С. Жака—къ Пантеону. Бой носилъ очень ожесточенный характеръ. Несмотря на очень ожесточенную канонаду, инсургенты не потеряли ни одной изъ своихъ болѣе или менѣе важныхъ позицій. Баррикады при входѣ въ улицу С. Жака были два раза взяты штурмомъ и два раза опять переходили въ руки повстанцевъ. Только послѣ рукопашной схватки, длившейся цѣлый часъ, они отступили. Бой распространился по всему острову, сопровождаемый простыми убійствами и дикими звѣрствами.

Часть инсургентовъ бросилась въ магазинъ модныхъ товаровъ, руководитель инсургентовъ Бельваль хотѣлъ разломать лѣстницу въ нижнемъ этажѣ и, укрѣпившись на верхнемъ этажѣ, защищаться до послѣдней капли крови, но его товарищи, убѣжденные, что ничего другого не остается, какъ сдаться и что съ ними будутъ обращаться, какъ съ военноплѣнными, отказались подчиниться его приказанію и сложили оружіе. Но мобили, вообще выдѣлявшіеся въ іюньскіе дни своей кровожадной жестокостью, ворвались въ этотъ магазинъ и перебили всѣхъ, попавшихъ имъ въ руки. Только одинъ человекъ спасся отъ этой бойни и потомъ оповѣстилъ міръ о всѣхъ пережитыхъ имъ ужасахъ.

Бой продолжался до вечера. Генералы Бедо и Фоше были ранены. Депутаты Биксіо, Клеманъ Тома и Дорне были въ смертельной опасности и все-же войскамъ не удалось добраться до Пантеона.

Побѣда не только не осталась на сторонѣ правительства, напротивъ, пришлось стянуть нѣсколько назадъ войска, и инсургенты могли возстановить въ теченіе ночи нѣкоторыя разрушенныя баррикады.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Что представляли собой Парижъ утромъ 24-го июня? Объ этомъ рассказываетъ Викторъ Мару въ своей книгѣ «Июньскіе дни въ 1848 г.» слѣдующее: «Съ одной стороны, Елисейскія поля, Марсово поле, С.-Жерменское предмѣстье, Итальянскій бульварь, Маделёна, Тюльери; съ другой стороны, предмѣстья Пуассоньеръ и С.-Антуанъ, островъ Ситэ, предмѣстья С.-Жака и С.-Марс: тамъ богатый, здѣсь бѣдный Парижъ. Эти двѣ части Парижа воевали другъ съ другомъ. Трудовой Парижъ взломалъ мостовья и построилъ до 414 баррикадъ, каждый кварталъ былъ забаррикадированъ на свой ладъ, безъ общаго единообразнаго плана. Среди этого безпорядка, казалось, проснулся «муниципальный инстинктъ». Баррикады сходились по направленію къ ратушѣ. Цѣлые ряды баррикадъ тянулись въ видѣ радіусовъ по улицамъ С.-Дени, С.-Мартэнъ, Тампль, С.-Антуанъ etc. съ сѣвера и востока, затѣмъ, начиная съ улицы Муфтаръ до моста d'Arcole съ юга, такъ что даже заставы таможенной линіи, расположенныя на окраинахъ города, могли сообщаться съ ратушей, и находившіяся между крѣпостной и таможенной стѣнной воинственно настроенныя массы были въ состояніи двинуться въ центръ столицы».

Защита всей этой сложной системы баррикадъ не регулировалась общей центральной властью, такъ что, когда непріятель сосредоточивалъ свое вниманіе, на какомъ-нибудь одномъ пунктѣ, то нельзя было перебросить туда подкрѣпленіе съ другихъ баррикадъ. Въ отдѣльных мѣстахъ были свои руководители, пользовавшіеся вліяніемъ въ своемъ участкѣ и руководившіе его защитой. Такъ; напримѣръ, улица Planche-Mirbeau находилась подъ командой стараго сапожника Буазамбера, площадь Лафайета подъ начальствомъ капитана національной гвардіи Леженисселя, въ С.-Антуанскомъ предмѣстьи стояли во главѣ инсургентовъ морской офицеръ Фредерикъ Курне и рабочій Маринъ, въ кварталѣ Пантеона Рагинаръ и т. д.

Въ общемъ утромъ 24-го июня возстаніе имѣло еще болѣе грозный характеръ, чѣмъ наканунѣ. Если войскамъ и удавалось завладѣть нѣкоторыми баррикадами, то они не могли ихъ удержать въ своихъ рукахъ. Инсургенты причиняли имъ большой уронъ и, возстановляя свои баррикады, смыкались все тѣснѣе, съ трехъ сторонъ приближалась къ ратушѣ. Въсть

о томъ, что рабочіе многихъ большихъ городовъ готовы также возстать. чтобы притти имъ на помощь, усиливала ихъ боевое настроеніе и вселяла вѣру въ уснѣхъ своего дѣла. Также жители рабочихъ кварталовъ выражали имъ свое горячее сочувствіе. Имъ доставляли амуницію, прохладительные напитки, заставляли аптекарей изготовлять порохъ и собирали повсюду свинець для отливки пуль.

Народъ измышлялъ всевозможные способы для того, чтобы конспиративно доставить инсургентамъ боевое снаряженіе. Устраивались фиктивные похороны и въ гробахъ провозили оружіе. Въ ковригахъ хлѣба, въ посудѣ изъ-подъ молока проносили патроны. Женщины съ этойцѣлью прикидывались беременными.

Безпрерывный ростъ возстанія нагналъ панической страхъ на національное собраніе и членовъ правительства. Часть депутатовъ настаивала, чтобы исполнительная коммисія была лишена своихъ полномочій и вся верховная власть передана въ руки Кавеньяка, такъ какъ это, молъ, единственный исходъ изъ ужаснаго положенія, въ которомъ очутилась столица и только это можетъ успокоить національную гвардію, требующую военнаго суда надъ членами исполнительной коммисіи и, въ особенности, надъ Ледрю-Ролленомъ. Образовалась новая группа депутатовъ съ президентомъ Сенаромъ во главѣ, съ цѣлью низложить исполнительную коммисію. Отъ имени парламентскихъ группъ улицы Пуатье и Palais National Сенаръ опять потребовалъ отъ исполнительной коммисіи, чтобы она добровольно отказалась отъ своихъ прерогативъ и передала свою власть Кавеньяку. Она дала отрицательный отвѣтъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что съ ея стороны было бы трусостью покидать свой постъ въ минуту опасности. Тогда заговорщики рѣшили силой заставить коммисію подчиниться своему рѣшенію.

Въ девятомъ часу утра открылось засѣданіе національнаго собранія. Президентъ Сенаръ сейчасъ же взялъ слово, чтобы сдѣлать докладъ собранію о состояніи Парижа. Не выражал сомнѣній въ исходѣ боя, онъ указалъ на то, что инсургенты оказываютъ упорное сопротивленіе и борьба грозитъ затянуться надолго. У депутатовъ, привыкшихъ къ беззаботной комфортабельной жизни, морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Они почти безъ дебатовъ приняли предложеніе президента, что нація усыновляетъ дѣтей и женъ павшихъ за республику. Затѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ.

Когда засѣданіе было возобновлено, въ залѣ появился Кавеньякъ. Какъ рассказываетъ Ипполитъ Кастиль, онъ рѣзко

прервалъ говорившаго оратора: «Что вы дѣлаете?» воскликнулъ онъ, «вы все еще совѣщаетесь. Но знаете ли вы, что это не просто бунтъ. Надвигается революція, весь Парижъ на ногахъ, не пройдетъ и часа, какъ инсургенты будутъ здѣсь».

Депутаты потеряли голову. На президентскомъ столѣ начали появляться одно предложеніе за другимъ. Наконецъ на трибуну взошелъ молодой депутатъ Паскаль Дюпра и воскликнулъ: «Я предлагаю собранію принять слѣдующую резолюцію: Парижъ объявляется на военномъ положеніи и верховная исполнительная власть переходитъ въ руки Кавеньяка».

Раздались единичные протесты, но президентъ быстро приступилъ къ голосованію и предложеніе было принято. Только у 60 депутатовъ хватило мужества голосовать противъ. Итакъ, Кавеньякъ достигъ своей цѣли, событія приняли именно такой оборотъ, какой онъ заранѣе предвидѣлъ. Исполнительная комиссія сейчасъ же подала въ отставку.

Получивъ диктаторскую власть, Кавеньякъ рѣшилъ сейчасъ же подавить возстаніе, чтобы тѣ, которые возвели его на этотъ постъ, считали себя осчастливленными его военнымъ геніемъ. Въ Парижѣ воцарился военный режимъ, прогрессивной печати были совершенно зажаты ротъ.

Кавеньякъ выпустилъ прокламаціи къ арміи, національной гвардіи и даже къ рабочимъ. Въ прокламаціи къ арміи онъ старался выставить свой благородный образъ мыслей, имѣя въ виду республканцевъ, встрѣтившихъ диктатуру съ большой опаской. «Солд ты, отечество призываетъ васъ!» говорилъ «палачъ» Кавеньякъ, «хотя вамъ предстоитъ теперь ужасный, жестокий бой, но вы, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ не будете служить орудіемъ деспотизма и измѣны. Берите примѣръ съ самоотверженности вашихъ соотечественниковъ; оставайтесь вѣрными законамъ чести и гуманности, оставайтесь вѣрны республикѣ. Мы хотимъ за нее умереть, но не хотимъ ее пережить».

Бѣднымъ солдатамъ суждено было сдѣлаться орудіемъ еще болѣе гнусной аферы.

Национальной гвардіи онъ напѣвалъ старую пѣсню о порядкѣ, семьѣ и собственности, которымъ угрожаетъ опасность. Онъ ей обѣщалъ, что ея кровь не будетъ пролита даромъ. Это, конечно, служило очень слабымъ утѣшеніемъ для этихъ «героевъ» буржуазіи.

Особеннымъ безстыдствомъ отличалось его обращеніе къ инсургентамъ: «Граждане!» писалъ онъ, «вы полагаете, что отстаиваете интересы рабочихъ, но фактически вы боретесь противъ нихъ. Однимъ только рабочимъ придется расплачиваться за пролитую кровь. Если этотъ бой будетъ продол-

жаться, то придется отчаяться въ республикѣ, торжество которой вы хотите обезпечить. Во имя истекающаго кровью отечества, во имя республики, которую вы губите, во имя работы, которую вы требуете и въ которой вамъ никогда не отказывали, не оправдывайте надеждъ нашихъ обшихъ враговъ, сложите ваше братоубійственное оружіе и рассчитывайте на то, что правительство, хотя и знаетъ, что въ вашихъ рядахъ находятся преступные подстрекатели, тѣмъ не менѣе оно помнитъ, что имѣетъ дѣло съ заблудшимися братьями, которыхъ оно и призываетъ въ объятія отечества». Вотъ съ какими рѣчами обращались къ рабочимъ послѣ словъ іезуита де Фаллу, одобренныхъ большинствомъ національнаго собранія.

Съ десяти часовъ бой, который собственно не прекращался все время, такъ какъ и ночью продолжалась перестрѣлка, возобновился съ новой силой.

Была сдѣлана очень энергичная попытка прорвать кольцо баррикадъ. Какъ и наканунѣ, все вниманіе было направлено на три главные пункта, на входъ въ предмѣстья Нуассаньеръ и С.-Дени, на островъ Cité и кварталъ Пантеона.

Бой закипалъ все сильнѣе, Парижъ дрожалъ отъ грома пушекъ. И инсургенты и войска дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ. Въ предмѣстьѣ Нуассаньеръ второй легіонъ національной гвардіи совершенно истошилъ свои силы, потративъ много часовъ на то, чтобы взять *одну* баррикаду. По обыкновенію инсургенты овладѣли всеми сосѣдними домами, представлявшими какую-нибудь стратегическую цѣнность и, когда солдаты бросались на штурмъ, они подвергали ихъ перекрестному обстрѣлу съ крышъ, съ оконъ и съ баррикадъ, обращая въ безпорядочное бѣгство.

Только къ вечеру, получивъ подкрѣпленія, второй легіонъ взялъ эту баррикаду, при чемъ они овладѣли и площадью Лафайета, наканунѣ отбитой у инсургентовъ и опять занятой ими.

Противъ предмѣстья С. Дени оперировалъ генераль Корть. Ему никакъ не удавалось отбросить инсургентовъ, несмотря на убійственную канонаду и крайнее напряженіе всехъ имѣвшихся въ его распоряженіи военныхъ силъ. Онъ былъ раненъ точно такъ же, какъ и другой генераль, поспѣшившій ему на помощь.

Какъ мы уже знаемъ, Ламорисьеръ устроилъ свою главную квартиру на площади Château de Eau. Онъ долженъ былъ отбросить инсургентовъ къ предмѣстью Тампль и пробраться по направленію къ кварталу Виллетъ, но ему также не везло, какъ и другимъ генераламъ. Какъ и въ другихъ пунктахъ города, даже тотъ участокъ, которымъ онъ наканунѣ вечеромъ завла-

дѣль, ночью перешелъ въ руки повстанцевъ и теперь былъ еще лучше укрѣпленъ. Эта неудача привела Ламорисьера въ страшную ярость. Онъ кричалъ объ измѣнѣ и разразился проклятіями по адресу всѣхъ окружающихъ, противъ національной гвардіи и дирекціи національныхъ мастерскихъ. Последнюю онъ обвинялъ въ измѣнѣ на томъ основаніи, что она послѣ начала боя послала части своихъ рабочихъ, находившихся за баррикадами, полностью ихъ плату съ цѣлью умиротворить ихъ и удержать отъ участія въ возстаніи *). Онъ требовалъ головы директора Мелана и хотѣлъ застрѣлить одного изъ высшихъ офицеровъ національной гвардіи за то, что онъ по ошибкѣ велѣлъ потушить огонь въ одномъ изъ бомбардируемыхъ домовъ. Захлебываясь отъ бессильной ярости, онъ хотѣлъ разстрѣлять цѣлые отряды національной гвардіи, которые, по его мнѣнію, стрѣляли недостаточно мѣтко.

Его возбужденіе передалось войскамъ и привело къ тому, что поведение ихъ регулировалось уже не правилами военного искусства, а обуславливалось проснувшимся дикимъ, разрушительнымъ инстинктомъ. Дома были подвергнуты жестокому обстрѣлу и изрѣшечены, чтобы облегчить нападеніе съ тылу. Бомбы и гранаты разрушали самыя прочныя стѣны, срывали крыши и вызывали сильныя пожары, распространявшіеся все дальше и дальше. Но достигнутые результаты совершенно не соответствовали этому напряженію разнузданныхъ военныхъ силъ. Итогъ цѣлаго дня кровопролитнѣйшей борьбы выражался въ томъ, что онъ занялъ таможенный складъ по дорогѣ къ кварталу ла Виллетъ.

Инсургенты дрались, какъ львы, энергія отчаянія удваивала ихъ силы. Ничто не могло ихъ заставить пріостановить бой. Ихъ слишкомъ часто обманывали, чтобы они могли серьезно относиться ко всякаго рода обѣщаніямъ. Разглагольствованія Кавеньяка и братіи вызывали у нихъ только недовѣрчивую, насмѣшливую улыбку. Къ тому же они знали, что пощады имъ не будетъ, и поэтому предпочитали умереть, сражаясь, съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ быть перестрѣлянными, какъ куропатки. И какія только инсинуаціи на ихъ счетъ не распространяло правительство съ цѣлью разбудить звѣрскіе инстинкты въ солдатахъ! «На нѣкоторыхъ баррикадахъ видны были цѣлые ряды срубленныхъ головъ», писали кровожадные органы реакціи, желая вызвать жажду мести у войска. «Преданныя инсургентамъ маркитантки продавали мобілямъ отравленное вино». Инсургенты стрѣляютъ отравленными пулями». «...По при-

*) Это было сдѣлано по приказанію Кавеньяка и Сенара.

мѣру римскихъ императоровъ они обмазывали мобилей смолой и превращали ихъ въ живые факелы. Изъ черенковъ солдатъ они готовятъ лампочки для иллюминацій, а ихъ жены клали раненыхъ мобилей между двумя досками и расшпливали ихъ, наслаждаясь ихъ предсмертными муками».

Вотъ къ какимъ грязнымъ, омерзительнымъ средствамъ прибѣгала реакціонная клика, чтобы выставить инсургентовъ, какъ самыхъ хищныхъ звѣрей, какъ сконище выроdkовъ рода человѣческаго. Не трудно себѣ представить, какое впечатлѣніе производили эти обвиненія на солдатъ, и безъ того уже достаточно возбужденныхъ. Опьяненные алкоголемъ и видомъ проливающейся крови, солдаты вѣрили во всемъ роказаніямъ гнусныхъ клеветниковъ. Имъ нуженъ былъ только предлогъ, чтобы дать волю своей природной дикости; и они обращались съ плѣнными инсургентами съ такой же жестокостью, съ какой послѣдніе якобы относились къ плѣннымъ солдатамъ. Поведеніе тѣхъ національныхъ и мобильныхъ гвардейцевъ, которые только разстрѣливали плѣнныхъ повстанцевъ, считалось еще умѣреннѣмъ.

Въ то время, какъ на площади Республики Ламорисьеръ потратилъ цѣлый день (24-ое іюня) на то, чтобы продвинуться нѣсколько впередъ, въ восьмомъ городскомъ округѣ повстанцы имѣли значительный успѣхъ. Также въ шестомъ, седьмомъ и девятомъ округахъ они защищались очень успѣшно. Въ восьмомъ округѣ инсургенты взяли La Place des Vosges—недалеко отъ Бастильской площади—и заняли мерію, водрузивъ надъ ней красное знамя, которое со второго дня возстанія развѣвалось уже почти на всѣхъ баррикадахъ. Здѣсь сдались 315 солдатъ, и инсургенты, обезоруживъ ихъ, отпустили ихъ на свободу. «Грабители» постановили, чтобы на всѣхъ шкафахъ меріи, въ которыхъ находились деньги, были наложены печати. Редакторъ радикальной газеты «Организація труда» былъ назначенъ меромъ округа. По словамъ Виктора Мару, инсургенты взяли также College Henry IV и, несмотря на мучившій голодъ, они считали ниже своего достоинства отнимать хлѣбъ у дѣтей этой школы.

Однако, все великодушіе рабочихъ не могло смягчить жестокостей боя. Въ окрестностяхъ ратуши бой велся съ рѣдкимъ ожесточеніемъ. Здѣсь инсургенты опять отвоевали всѣ свои позиціи и даже продвинулись впередъ. Энергичная канонада не могла поколебать баррикады, и даже артиллерія была вынуждена отступить подъ напоромъ инсургентовъ. Генералъ Дювивье, замѣнившій раненаго генерала Бедо, казалось, совершенно потерялъ голову. Національная гвардія разбѣжалась, не

выдержавъ огня инсургентовъ. Сътъ баррикадъ все тѣспѣ смыкалась у ратуши. Только къ вечеру съ приходомъ подкрѣпленія подъ начальствомъ полковника Шарра Дювивье удалось остановить наступательное движеніе инсургентовъ.

На лѣвомъ берегу Сены противъ квартала Пантеона дѣйствовалъ генераль Дамемъ. Наканунѣ Бедо пытался, продвинувшись впередъ по улицѣ С. Жака, взять тамошнія баррикады, между тѣмъ какъ генераль Дамемъ старался фланговымъ движеніемъ напасть на нихъ съ тылу. Это ему удалось, и онъ снова двинулся вверхъ по улицѣ С. Жака, чтобы напасть на сильно укрѣпленный Пантеонъ, гдѣ инсургенты устроили свою главную квартиру. Сильная баррикада перегоразживала улицу Суффло, ведущую къ площади Пантеона. Первые батальоны мобильной гвардіи, пытавшіеся взять эту баррикаду, были осыпаны градомъ пуль изъ закрытыхъ помѣщеній и вынуждены были отступить. Войскамъ такъ и не удалось бы въ этотъ день взять Пантеонъ, если бы солдаты не овладѣли юридической академіей, расположенной на углу улицы Суффло и площади Пантеона, и не открыли оттуда убійственный огонь по инсургентамъ, длившійся около двухъ часовъ. Дамемъ приказалъ поставить цѣлую батарею посреди улицы Суффло и обстрѣливать ворота Пантеона. Ворота закачались и въ концѣ концовъ рухнули. Черезъ образовавшуюся брешь ядра полетѣли въ колоссальную статую, которая разлетѣлась въ дребезги.

Тогда былъ данъ сигналъ къ штурму. Солдаты бросились въ это огромное зданіе и учинили тамъ настоящую бойню. Они тутъ же разстрѣляли массу плѣнныхъ — также Рагинара, руководившаго въ этомъ мѣстѣ возстаніемъ—на глазахъ у ихъ матерей и женъ, умолявшихъ о пощадѣ.

Ободренные этимъ успѣхомъ, войска двинулись на приступъ площади d'Estrapade и улицы Fosse - St. Jacques. Послѣ шести часового боя—вѣрнѣ бойни—баррикады были взяты. Въ этой стычкѣ былъ смертельно раненъ генераль Дамемъ. Замѣнившаго его генерала Бреа постигла еще болѣе печальная участь.

Наконецъ наступила ночь, окутанная своимъ покровомъ всѣ ужасы этого дня, этого кровопролитнаго проявленія классовой борьбы; исходъ этой борьбы все еще казался неопредѣленнымъ. Хотя инсургенты были разбиты около Пантеона, но въ остальномъ Парижѣ ихъ сила еще не была сломлена. Нанедающимъ приходилось платить очень дорогой цѣной за каждую пядь земли.

Въ теченіе этого дня инсургенты старались придать возстанію законномѣрную, организованную форму. На баррикадахъ циркулировали списки лицъ, намѣченныхъ въ члены новаго вре-

меннаго правительства. Въ составъ его входили Бланки, Барбесъ, Кабе, Распайль, Пьеръ Леру, Луи Бланъ, Альберъ, *Луи Бонапартъ (!)*, Коссидьеръ и др.

Это показываетъ, что инсургенты отнюдь не считали себя уже побѣжденными.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Несокрушимая энергія возставшаго парижскаго пролетаріата и его непоколебимый героизмъ привели въ замѣнательство его враговъ, надѣявшихся на очень легкое подавленіе возстанія. Французская буржуазія забыла урокъ, полученный ею въ Ліонѣ въ 1831 году, она не понимала значенія борьбы, которую народная масса бываетъ вынуждена вести, изнывая подъ гнетомъ нужды и страданій.

Во время великихъ революцій, явныя причины которыхъ носили только политическую окраску и въ которыхъ принимали участіе различные соціальныя элементы, общество привыкло наблюдать народныя движенія только въ формѣ бунтовъ, организованныхъ узкимъ кругомъ заговорщиковъ, которые нетрудно было подавить. До сихъ поръ буржуазія не находилась лицомъ къ лицу съ возставшимъ парижскимъ пролетаріатомъ, твердо рѣшившимся лучше умереть на баррикадахъ, чѣмъ отказаться отъ своего священнаго права на трудъ.

Несмотря на нѣкоторый успѣхъ войска въ теченіе 24-го іюня, исходъ боя, охватившаго такую огромную площадь, казался весьма сомнительнымъ. Несмотря на появленіе свѣжихъ силъ изъ провинціи, національной гвардіи и солдатъ, даже самъ Кавеньякъ, новидимому, сталъ утромъ 25-го іюня раздѣлять опасенія буржуазіи, потому что попытался опубликованной прокламаціей ослабить сопротивленіе рабочихъ. Онъ писалъ: «Рабочіе и всѣ, поднявшіе оружіе противъ своего отечества и республики, во имя всего святаго я заклинаю васъ въ послѣдній разъ: сложите оружіе! Национальное собраніе призываетъ васъ къ этому. Вамъ говорить, что васъ ожидаетъ жестокая месть. Только ваши враги, которые являются и нашими врагами, могутъ такъ говорить. Вамъ передаютъ, что васъ хладнокровнѣйшимъ образомъ перебьютъ. Придите къ намъ, придите, какъ раскаявшіеся братья, подчинитесь закону, и республика заключитъ васъ въ свои объятія».

У національнаго собранія, казалось, тоже поматнулась вѣра

въ успѣхъ грубой физической силы, которую оно съ такой заботливостью подготовляло въ теченіе трехъ мѣсяцевъ. Оно пришло къ заключенію, что возстаніе потеряетъ свое жало, если оно протянетъ милостыню изголодавшимся рабочимъ. Въ началѣ же засѣданія 25-го іюня оно ассигновало три милліона для поддержки нуждающихся.

Рабочіе были слишкомъ глубоко проникнуты инстинктивнымъ сознаниемъ своихъ нравъ и слишкомъ озлоблены, чтобы не встрѣтить эти заигрыванія съ презрительнымъ хохотомъ, такъ что Кавеньякъ не долго дожидался, какое дѣйствіе окажетъ его прокламація и рѣшеніе національнаго собранія и въ 9 часовъ отдалъ приказъ къ наступленію по всему фронту.

На лѣвомъ берегу Сены, въ кварталѣ Пантеона инсургенты были совершенно вытѣснены изъ района внутренняго города. Какъ уже было упомянуто, въ этомъ пунктѣ командованіе отрядомъ перешло отъ смертельно раненаго Дамема въ руки стараго генерала Бреа. Когда онъ отдалъ приказъ къ наступленію, войскамъ оставалось взять только одну позицію, которую еще удерживали за собой инсургенты. Генераль Бреа былъ прямой противоположностью Ламорисьера. Насколько послѣдній не былъ расположенъ къ мѣрамъ кротости, настолько же первый старался, по возможности, избѣгать кровопролитія. Онъ, повидимому, надѣялся убѣдить рабочихъ, сложить оружіе. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ человекъ онъ направился на баррикады и обратился къ инсургентамъ съ мирной рѣчью. Онъ говорилъ объ ассигнованныхъ трехъ милліонахъ, о господствующемъ въ національномъ собраніи настроеніи въ пользу удовлетворенія требованій рабочихъ, и ему, дѣйствительно, удалось повліять на инсургентовъ и многія баррикады добровольно сдались.

Другой премъ онъ встрѣтилъ у заставы Фонтенебло, у воротъ таможенной стѣны. На площади, образуемой сходящимися бульварами l'Hospital, улицей Муфтаръ и бульваромъ Gobelin онъ натолкнулся на стѣну баррикадъ, превращавшую это мѣсто въ настоящую крѣпость. Особенной неприступностью отличалась крѣпость, сооруженная противъ воротъ. Только съ одной стороны имѣлся узкій проходъ для одного человека. На баррикадѣ царила тишина, какъ передъ бурей. Только отъ поры до времени то тутъ, то тамъ показывалась фигура вооруженнаго инсургента, быстро осматривавшаго мѣстность и также быстро исчезавшаго опять за баррикаду. Генераль Бреа приказалъ подъѣхать своей батареей и выступилъ впередъ, чтобы вступить въ переговоры съ повстанцами, какъ это дѣлалъ раньше у другихъ баррикадъ. На баррикадѣ появились инсургенты, сдѣлавшіе видъ, что хотятъ его выслушать. Бреа опять заговорилъ объ ассигнован-

ныхъ трехъ милліонахъ и инсургенты, повидимому, соглашались съ его доводами. «Пойдемте съ нами», сказалъ одинъ инсургентъ, «вамъ не трудно будетъ столкнуться съ нашими руководителями». Онъ уже хотѣлъ послѣдовать этому приглашенію, но его удержалъ командиръ двѣнадцатаго легіона національной гвардіи, желавшій раньше убѣдиться, каково настроеніе защитниковъ этой баррикады. Онъ первый прошелъ черезъ узкій проходъ и, быстро вернувшись, сказалъ генералу, что было бы безуміемъ довѣряться людямъ, меньше всего думающимъ о мирѣ. Бреа не обратилъ вниманія на это предостереженіе и хотѣлъ одинъ отправиться на баррикаду, но сопровождавшимъ его офицерамъ стало стыдно оставлять его одного и они послѣдовали за нимъ.

Не успѣли они сдѣлать и нѣсколько шаговъ, какъ уже почували, что ихъ жизни грозитъ серьезная опасность. Какъ только они очутились за баррикадой, за ихъ спиной была снущена рѣшетка, чтобы отрѣзать имъ отступленіе, и разъяренная толпа окружила ихъ со всѣхъ сторонъ съ криками: «Вы въ нашихъ рукахъ, мы васъ разстрѣляемъ, это Кавеньякъ, это «палачъ» Кавеньякъ! смерть ему!» «Нѣтъ, безъ кровопролитія, безъ кровопролитія!» кричали другіе.

Рабочіе, знавшіе генерала, какъ человѣка безусловно порядочнаго, захотѣли его спасти и отвели его въ ближайшій домъ. Но возбужденная толпа послѣдовала за ними и хотѣла выломать дверь, чтобы захватить генерала. Тогда рабочіе вывели Бреа въ садъ и умоляли его бѣжать, перебравшись черезъ стѣну. Лейтенантъ, сопровождавшій генерала, носилъ послѣдовать этому совѣту. Бреа колебался и комендатъ Гоберъ заявилъ, что онъ раздѣлитъ съ нимъ его участь. И когда, наконецъ, генераль рѣшился бѣжать, то было уже слишкомъ поздно: дверь дома была выбита и толпа нахлынула въ садъ. Она схватила генерала и потащила его въ комнату второго этажа. Чтобы успокоить толпу, генераль написалъ здѣсь слѣдующее: «Мы, нижеподписавшіеся, генераль Бреа, молковникъ Тома и депутатъ де Людръ заявляемъ, что пришли къ заставамъ, чтобы оповѣстить доброе населеніе Парижа и его округа, что національное собраніе ассигновало три милліона въ пользу нуждающагося класса съ криками: «Да здравствуетъ демократическая и социальная республика!» Когда у него потребовали, чтобы войска были уведены, онъ прибавилъ: « Я встрѣтилъ у заставы Фонтенебло только храбрыхъ людей, республиканцевъ и демократовъ-соціалистовъ.» Затѣмъ, какъ рассказываетъ Ипполитъ Кастиль, несчастный генераль счелъ себя вынужденнымъ рѣшиться написать слѣдующія послѣднія слова: «Я при-

казываю войскамъ отступить и по той же дорогѣ, по которой они пришли.»

Инсургенты, съ самаго начала желавшіе спасти генерала, отвели его теперь въ домъ, служившій баррикаднымъ борцамъ караульнымъ помѣщеніемъ, полагая, что здѣсь онъ будетъ въ безопасности. Въ это время изъ Пантеона пришли женщины и, всхлипывая, рассказали о звѣрскихъ выходкахъ солдатъ и мобилей. Они описывали, какъ плѣнные инсургенты были убиты, не смотря на то, что ихъ жены на колѣняхъ умоляли о пощадѣ. Инсургенты узнали также о жестокости солдатъ и мобилей, проявленной въ другихъ пунктахъ столицы. Они вспомнили о звѣрствахъ, учиненныхъ наканунѣ войсками. Въ нихъ опять проснулась страстная жажда мести. Тогда съ угрожающими криками вторично двинулась къ дому, гдѣ находился Бреа. Сочувствовавшіе генералу рабочіе хотѣли вторично помочь ему бѣжать, но въ это время раздался крикъ: «Измѣна! измѣна! приближается гвардія мобилей!» Тогда въ плѣнныхъ раздалось одинъ за другимъ шесть выстрѣловъ, уложившихъ на мѣстѣ генерала Бреа и его адъютанта Манжена. Два другихъ офицера, спрятавшіеся за нары, спаслись отъ смерти.

Правительство посѣяло кровь и пожало убійство. За гнусности и кровожадную жестокость командующихъ генераловъ пришлось заплатить жизнью человѣку, несомнѣнно гуманному. Смерть генерала Бреа была использована реакціонерами, чтобы разжечь ярость буржуазіи. «Вину отдѣльныхъ лицъ,» какъ пишетъ Даніель Штернъ, «взвалили на всѣхъ.» Теперь шьяное воинство имѣло прекрасный предлогъ, чтобы безпощадно избивать попадающихъ ему въ руки инсурентовъ. Солдаты тутъ же на мѣстѣ отомстили самымъ варварскимъ образомъ за смерть своего генерала. Когда полковникъ, командовавшій отрядомъ, расположеннымъ передъ баррикадой Фонтенебло, получилъ отъ генерала Бреа приказъ къ отступленію, онъ сейчасъ же сообразилъ, что тотъ поналъ въ плѣнъ. Полковникъ боялся напасть на инсурентовъ, чтобъ это не послужило сигналомъ къ убійству генерала и поэтому сейчасъ же далъ знать Кавеньяку о случившемся. Послѣдній приказалъ ему немедленно начать наступленіе на баррикаду Фонтенебло. Артиллерія открыла огонь и вскорѣ баррикада была взята. Девять инсурентовъ были разстрѣляны и хозяинъ гостинницы, показавшій имъ потаенную дорожку, былъ изрубленъ сабельными ударами.

Съ равнымъ ожесточеніемъ велся бой и на правомъ берегу Сены въ предмѣстьяхъ С. Мартэнъ, Тампль, С. Марсель, при входѣ въ С. Антуанское предмѣстье и въ окрестностяхъ ратуши.

Инсургенты повсюду оказывали упорнѣйшее сопротивленіе войскамъ. Викторъ Гюго, который въ качествѣ депутата обходилъ возставшіе кварталы, въ своемъ романѣ «Несчастные» даетъ слѣдующее образное описаніе двухъ баррикадъ:

«...Одна баррикада преграждала проходъ въ С. Антуанское предмѣстье, другая—доступъ къ предмѣстью Тамплъ. С. Антуанская баррикада была огромныхъ размѣровъ. Она была вышиной въ три этажа и длиной въ 700 сажень. Она запирала широкій въѣздъ въ предмѣстье, такъ сказать, въѣздъ трехъ улицъ. Снабженная бойницами, зубцами и рифами, имѣя въ основаніи земляныя глыбы, служившія вмѣстѣ съ тѣмъ и бастионами, опираясь на два большихъ мыса, образуемыхъ домами предмѣстья, она, какъ бы сооруженіе циклоповъ, величественно подымалась въ глубинѣ ужасной (Бастильской) площади. За этой главной баррикадой были расположены уступами одна за другой 19 другихъ баррикадъ. Стоило на нихъ только посмотрѣть, чтобы почувствовать ужасныя страданія борющагося со смертью предмѣстья, дошедшаго до такого состоянія, когда безысходная нужда дѣлаетъ катастрофу неизбѣжной... На С. Антуанской баррикадѣ все было превращено въ оружіе. Все, что только гражданская война можетъ бросить въ лицо обществу, исходило отсюда. Инсургенты, защищавшіе эти баррикады, посылали изъ своихъ карабиновъ кусочки фарфора, кости, пуговицы и т. под. Всѣ были охвачены какъ бы безуміемъ. Обычныхъ насмѣшекъ не слышно было съ этихъ баррикадъ, а раздавались невыразимые крики. Съ цѣлью вызвать армію на бой отъ времени до времени показывалась развирѣпѣвшая, дико кричащая толпа съ ружьями, саблями, копьями, топорами и штыками. Громадное красное знамя развѣвалось по вѣтру; слышны были слова команды, воодушевляющія военныя пѣсни, барабанный бой и плачь женщинъ... Раздавались трескъ и шелканье оружія, по временамъ показывалась молнія отъ выстрѣловъ. Духъ революціи виталъ надъ ея вершиной, откуда рокоталъ гласъ народа, подобный гласу Божьему... Грандіозная баррикада казалась недоступной скалой, о которую разбилось стратегическое искусство генераловъ африканской школы. Картечь была здѣсь бесполезна, ядра пробивали только отверстія. Какую же пользу могъ принести обстрѣлъ, когда войскамъ дѣлалось не по себѣ уже при видѣ этого гигантскаго сооруженія.

«На разстояніи четверти мили отъ этой баррикады, на углу старой улицы Тамплъ, тамъ, гдѣ она восточнѣе площади Château d' Eau сливается съ бульваромъ Тамплъ, издали видѣлась по ту сторону канала возвышающаяся въ уровень со вторымъ этажемъ домовъ оригинальная стѣна, сооруженная на

улицѣ предмѣстья Тампль, доходящая до Бельвилля. Эта стѣна, прямая, какъ свѣча, какъ бы построенная по углу мѣру, была составлена изъ камней мостовой. По ея вышинѣ можно было судить о ея толщинѣ. На ея сѣрой поверхности съ правильными промежутками были устроены почти невидимыя бойницы. Улица была совершенно пустынна, окна и двери заколочены. Никого не было видно, ничего не было слышно, ни шума ни крика. Царила гробовая тишина. Отъ времени до времени, когда какой-нибудь офицеръ, солдатъ или депутатъ осмѣливался показаться на улицѣ, то раздавался свистъ пули и смѣльчакъ падалъ раненымъ или убитымъ... Заряды не тратились зря, каждый выстрѣлъ попадалъ въ цѣль. Солдаты, расположенные за сводомъ моста, переброшеннаго черезъ каналъ у входа въ улицу предмѣстья Тампль, серьезно, вдумчиво наблюдали это укрѣпленіе, эту неподвижную безчувственную каменную громаду, извергавшую гибель и смерть...

«Эта грозная баррикада, защищаемая только 800 инсургентами противъ 10,000 солдатъ, продержалась три дня. На четвертый день войска пробили топорами стѣны сосѣднихъ домовъ, пробрались по крышамъ, обошли баррикаду и захватили ее. Никто изъ защитниковъ баррикады и не помышлялъ о бѣгствѣ, всѣ, за исключеніемъ руководителя ея Бартеlemi, полегли на мѣстѣ...

«С. Антуанское предмѣстье было олицетвореніемъ бури, баррикада Тампля—глубокаго молчанія... Одна казалась огнедышащимъ жерломъ, другая—маской... Курнэ построилъ С. Антуанскую баррикаду, Бартеlemi—баррикаду Тампля. Каждая носила на себѣ печать своего творца. Курнэ былъ высокаго роста, широкоплечій, съ краснымъ лицомъ и мозолистыми кулаками, правдивый, смѣлый, съ открытымъ прямымъ взглядомъ, энергичный, неустрашимый, съ бурнымъ темпераментомъ; честнѣйшій человѣкъ и неустрашимый борецъ... Онъ былъ морскимъ офицеромъ. Бартеlemi, худошавый, болѣзненный, блѣдный и молчаливый человѣкъ съ трагическимъ прошлымъ. Оскорбленный полицейскимъ сержантомъ, онъ его подкараулилъ и убилъ, за что и былъ 17 лѣтъ отъ роду сосланъ на галеры. Отпущенный на волю, онъ вернулся въ Парижъ и здѣсь очутился на баррикадахъ. Позже Бартеlemi и Курнэ, будучи эмигрантами, встрѣтились въ Лондонѣ. Они поссорились, состоялась дуэль и Курнэ былъ убитъ.»

Однако, вернемся къ послѣдовательному изложенію хода возстанія. 25-го іюня послѣ полудня возгорѣлся ожесточенный бой около ратуши. Инсургенцы теряли одну позицію за другой. Генераль Дювивье почему-то вообразилъ, что онъ быстро положить конецъ возстанію, если онъ со своими войсками рѣшительно прорвется по направленію къ Бастильской площади. Онъ составилъ двѣ колонны и самъ сталъ во главѣ одной изъ нихъ, которая и должна была, согласно его плану, двинуться по набережной Сены. Другая подъ начальствомъ полковника Реньоля должна была пойти по С.-Антуанской улицѣ, разрушая по пути всѣ баррикады, построенныя на этой и примыкающихъ боковыхъ улицахъ. Колонна Реньоля побѣдоносно продвигалась впередъ, она проникла до площади Вогезовъ и вновь заняла ее. Этотъ успѣхъ привелъ Армана Марра, сопровождавшаго эту колонну, въ такой восторгъ, что онъ поспѣшилъ къ Кавеньяку, выхлопоталъ для Реньоля генеральскіе эполеты и лично преднесъ ихъ послѣднему на полѣ битвы. Генералу Реньолю не суждено было долго наслаждаться своимъ повышеніемъ— спусти четверть часа онъ былъ смертельно раненъ при штурмѣ одной баррикады. Въ это время получилъ смертельную рану также генераль Дювивье, медленно пробиравшійся по набережной Сены.

Реньоля замѣнилъ генераль Перро. Командованіе колонной Дювивье Кавеньякъ предложилъ генералу Барагай де-Гильберу (Baragnay d' Hilliers), но онъ отказался. Борьба съ іюньскимъ возстаніемъ представляла очень мало удовольствія для французскихъ генераловъ, они падали, какъ подрѣзанные колосья. Постъ Дювивье занялъ генераль Негріе; ему удалось преодолѣть всѣ трудности и, слѣдуя маршруту, выработанному Дювивье, онъ добрался въ концѣ концовъ до Бастильской площади. Туда же въ это время прибылъ и генераль Перро.

Эта большая площадь дрожала отъ грома пушечныхъ выстрѣловъ, которые все же не могли разрушить могучую С.-Антуанскую баррикаду. Ни генераль Бертрапъ, руководившій военными операціями противъ этого предмѣстья, ни генераль Перро не осмѣливались пойти на штурмъ. Одинъ только генераль Негріе бросился впередъ, но за нимъ послѣдовала только кучка солдатъ, вся колонна, обьятая ужасомъ, осталась на мѣстѣ. Негріе успѣлъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ, онъ былъ убитъ наповалъ такъ же, какъ и депутатъ Шарбонель.

Во время многихъ войнъ французская армія не потеряла столько генераловъ, сколько въ іюньскіе дни. Въ глазахъ инсур-

гентовъ солдаты были безсознательнымъ орудіемъ, а преступными являлись только руководители. Поэтому былъ принятъ лозунгъ, главнымъ образомъ. убивать командировъ.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ смерти Негріе на Бастильской площади произошло довольно странное при данной обстановкѣ зрѣлище. Къ баррикадѣ направился человекъ въ фиолетовой священнической рясѣ. Онъ попросилъ генерала Перро прекратить на время бой, инсургенты также приостановили стрѣльбу, съ нетерпѣніемъ ожидая, что будетъ дальше. Вдругъ со стороны солдатъ раздался барабанный бой. «Измѣна!.. На баррикады!» закричали инсургенты, принявшіе это за сигналъ къ атакѣ. Возобновилась перестрѣлка. Священникъ—это былъ парижскій архіепископъ Афръ, пытавшійся установить миръ между воюющими сторонами—закачался и упалъ. Онъ былъ раненъ *въ спину*, такъ что, по всей вѣроятности, въ него пала солдатская пуля. Когда рабочіе увидѣли падающаго архіепископа, они прекратили перестрѣлку и бросились ему на помощь, что нисколько не помѣшало впоследствии реакціонерамъ обвинить ихъ, что они убили Афра, явившагося къ нимъ въ качествѣ парламентаря. Они постарались использовать этотъ случай, чтобы вызвать у католически мыслящей части войскъ еще болѣе сильную жажду мести противъ повстанцевъ.

На сѣверѣ Парижа дивизія Ламорисьера все еще безуспѣшно старалась взять Clos St. Lazare. Подъ этимъ названіемъ вообще разумѣли большія площади для постройки, тянувшіяся отъ улицы предмѣстья Пуассоньеръ до сѣверной желѣзнодорожной линіи и отъ церкви St. Vincent de Paule до заставы Пуассоньеръ. И здѣсь бой велся съ рѣдкимъ озлобленіемъ и настойчивостью. Онъ продолжался цѣлыхъ три дня безъ перерыва. Инсургенты укрѣпились за нагроможденными кучами камней и въ строящихся домахъ. Въ полдень 25-го іюня по инсургентамъ былъ открытъ убійственный огонь «и въ концѣ концовъ инсургенты, отъ которыхъ осталась всего $\frac{1}{10}$ часть, вынуждены были отступить», писалъ Викторъ Мару. «Бенжаменъ Ларокъ продолжалъ вести бой съ отрядомъ только въ 60 человекъ. Но число этихъ храбрецовъ все таяло. Тогда Ларокъ въ отчаяніи рѣшилъ покончить съ собой. Онъ прямо пошелъ навстрѣчу солдатскимъ выстрѣламъ. «Куда ты идешь?» спросилъ его одинъ рабочій. «Умирать», отвѣтилъ онъ, и тутъ же упалъ раненый въ голову и грудь».

Вечеромъ 25-го іюня въ рукахъ Ламорисьера былъ весь этотъ кварталъ вплоть до предмѣстья Тампль. Бартеlemi попытался было отъ имени инсургентовъ завязать переговоры съ непріятелемъ, чтобы добиться опредѣленныхъ условій капиту-

ляцин, по ему въ этомъ было отказано. Положить конецъ военнымъ дѣйствіямъ путемъ соглашенія означало избѣгнуть бойни, а это шло въ разрѣзъ съ мундирной честью африканскихъ генераловъ. вмѣстѣ съ тѣмъ поведеніе инсургентовъ при защитѣ своихъ позицій было такимъ образцовымъ, что даже враги ихъ не могли имъ отказать въ уваженіи.

Священникъ Ламеннэ, отрицательно относясь ко всякаго рода возстаніямъ, писалъ въ «Peuple Constituant» слѣдующее: «Въ Clos de Lazare бой принялъ гигантскіе размѣры; это было, какъ признаетъ даже національная гвардія, правильное сраженіе, богатое эпизодами рѣдкаго героизма и замѣчательной самоотверженности. Были ли эти люди бунтовщиками или нѣтъ, по тѣ, которые видѣли, какъ они падали подъ градомъ пуль и картечи, обрушившимся на нихъ съ четырехъ сторонъ, не могутъ не выразить имъ своего удивленія. Они умирали съ крикомъ: «Да здравствуетъ республика!»

Къ вечеру 25-го іюня положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось, возстаніе потерпѣло полное пораженіе. Жизнь инсургентовъ висѣла на волоскѣ, еще одно нападеніе войска, и этотъ волосокъ долженъ былъ оборваться.

Послѣ трехдневнаго кровопролитнаго боя войскамъ удалось ограничить районъ возстанія только двумя предметьями С.-Антуанскимъ и Тамплъ. Оставалось только дать послѣднее сраженіе, предпринять штурмъ этихъ двухъ предметій.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Войска постепенно оттѣсняли повстанцевъ, пока они не оказались сжатыми на сравнительно ограниченномъ пространствѣ. Послѣ упорнаго сопротивленія, которое обыкновенно прекращалось, когда у нихъ выходили послѣдніе патроны, они, теряя многихъ товарищей убитыми и ранеными, вынуждены были очистить одну позицію за другой.

Утромъ 26-го іюня инсургенты потеряли уже всякую надежду на успѣхъ. Поэтому можно было бы предположить, что ихъ охватило уныніе, и они стали искать спасенія въ бѣгствѣ, по ничего подобнаго не случилось. Напротивъ, казалось, что неминуемая гибель укрѣпила ихъ рѣшимость умереть съ оружіемъ въ рукахъ. Они говорили, что предпочитаютъ умереть за баррикадами, чѣмъ сдать врагу. «Они приводили съ собою за баррикады своихъ женъ и дѣтей», рассказываетъ одинъ историкъ. «Такъ какъ мы ихъ больше уже не можемъ кор-

мить, восклицали они, то пусть они лучше умрутъ вмѣстѣ съ нами». Не разъ видѣли, какъ женщины бросались навстрѣчу штыкамъ съ страшными криками: «такъ какъ вы убили нашихъ мужей и братьевъ, то убейте также и насъ».

Инсургенты С.-Антуанскаго предмѣстья показывали примѣръ фанатической рѣшимости. Они выпустили слѣдующую прокламацію:

«Къ оружію! Мы желаемъ соціальной и демократической республики. Мы желаемъ народнаго суверенитета. Всѣ граждане республики не могутъ и не должны желать чего-нибудь другого. Чтобы отстоять эту республику, необходимо содѣйствіе всѣхъ... Это святое дѣло насчитываетъ уже много жертвъ; мы всѣ готовы отомстить за этихъ благородныхъ мучениковъ или умереть. Подымайтесь! Подымайтесь! Граждане, пусть ни одинъ изъ васъ не откажется послѣдовать нашему призыву. Защищая республику, мы защищаемъ и собственность. Если же вы въ своемъ дикомъ ослѣпленіи останетесь равнодушны къ потокамъ проливаемой крови, то мы предпочтемъ умереть подъ развалинами сожженнаго С.-Антуанскаго предмѣстья. Думайте о вашихъ женахъ и дѣтяхъ и вы тогда придете къ намъ».

Когда послѣ смерти архіепископа на нѣкоторое время прекратилась перестрѣлка, появились три депутата Лараби, Друэ-Десво и Казала, намѣреваясь завязать съ инсургентами мирные переговоры. Въ отвѣтъ на ихъ настойчивые совѣты отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія, такъ какъ это повлечетъ за собой ужасныя послѣдствія для всего предмѣстья, инсургенты потребовали отъ нихъ подъ угрозой смерти, чтобы они подписали слѣдующія условія капитуляціи: 1) Національное собраніе должно быть распущено. 2) Армія удаляется на разстояніе 40 миль отъ Парижа. 3) Всѣ плѣнные, заключенные въ Венсенской тюрьмѣ, должны немедленно быть выпущены на свободу. 4) Народъ самъ вырабатываетъ свою конституцію.

Эти три депутата были взяты въ плѣнъ.

Депутаты отказались подписать этотъ договоръ. Между тѣмъ прошла ночь, и инсургентамъ дѣйствительно предстояло «быть похороненными подъ развалинами сожженнаго предмѣстья». Но прежде, чѣмъ выполнить это ужасное рѣшеніе, повстанцы послали делегатовъ къ Перро съ вышеупомянутыми требованіями, къ которымъ были прибавлены еще два: 5) Отмѣняется рѣшеніе о распущеніи національныхъ мастерскихъ. 6) Національное собраніе обязывается выпустить декретъ объ организаціи труда.

Делегаты замѣтили Перро, что они не считаютъ себя инсургентами, а людьми, борющимися за торжество своихъ принциповъ, разсматривая своихъ противниковъ, какъ таковыхъ же.

«Безъ нашего согласія», сказали они, вы никогда не вступите въ С.-Антуанское предмѣстье».

Офицеры и депутаты, присутствовавшіе при этой бесѣдѣ и выставившіе противоположныя требованія, чтобы предмѣстье сдалось безъ всякихъ условій, чтобы оно само разрушило свои баррикады и прежде всего сложило оружіе, почувствовали страхъ передъ непреклонной рѣшимостью инсургентовъ. Они вступили съ ними въ переговоры, но, не желая брать на себя какую бы то ни было отвѣтственность, они заявили, что считаютъ невозможнымъ доложить Кавеньяку объ условіяхъ капитуляціи, предложенныхъ делегатами.

Между тѣмъ въ самомъ предмѣстии нѣкоторые граждане старались притти къ какому-нибудь соглашенію съ правительствомъ. Они воспользовались моментомъ, когда возбужденная толпа обратилась съ угрозами къ плѣннымъ депутатамъ, чтобы предложить имъ послать президенту Сенару слѣдующій адресъ: «Гражданинъ президентъ! Мы не хотимъ, чтобы продолжала проливаться кровь нашихъ братьевъ. Мы всегда сражались за демократическую республику. Если мы высказываемся за то, чтобы былъ положенъ конецъ кровавой революціи, то мы вмѣстѣ съ тѣмъ желаемъ сохранить свои права французскихъ гражданъ».

Плѣнные депутаты охотно подписались подъ этотъ адресъ и прибавили нѣсколько замѣчаній въ пользу этихъ болѣе чѣмъ скромныхъ требованій. Депутатъ Лараби между тѣмъ, какъ его два товарища остались въ качествѣ заложниковъ, отправился съ четырьмя делегатами отъ повстанцевъ къ президенту Сенару. Послѣдній былъ польщенъ тѣмъ, что обращаются къ его посредничеству и выразилъ готовность до извѣстнаго предѣла итти навстрѣчу желаніямъ делегатовъ. Передавали даже, что онъ велъ съ делегатами разговоръ о демократической и соціальной республикѣ, но, такъ какъ онъ не могъ взять на себя отвѣтственность за предстоящее соглашеніе, то онъ повелъ ихъ къ Кавеньяку.

Тамъ ихъ ожидалъ совершенно другой пріемъ. Ихъ выслушали съ ледянымъ спокойствіемъ, и ихъ предложеніе было рѣзко отклонено. Кавеньякъ, который еще недавно, когда исходъ боя былъ сомнителенъ, писалъ, что «республика готова принять васъ въ свои объятія», теперь былъ уже увѣренъ въ побѣдѣ и полагалъ, что войти въ соглашеніе съ мятежниками, значить признавать за ними до извѣстной степени законныя права. Этого нельзя было допустить; кромѣ того, онъ думалъ, что его вліяніе еще усилится, если онъ закончитъ продолжительную борьбу блестящей и хотя бы кровавой побѣдой. Того же мнѣнія былъ и Ламорисьеръ, ко-

торого привели въ ярость постигшія его неудачи. На предложеніе о посредничествѣ они каждому отвѣчали въ грубыхъ и оскорбительныхъ выраженіяхъ. Ламорисьеръ послалъ Кавеньяку депешу, въ которой онъ его заклиналъ, не принимать никакихъ условій капитуляціи. Если достигнутая послѣ трехдневнаго боя побѣда будетъ такимъ образомъ урѣзана, то это будетъ безчестьемъ для французской арміи и это приведетъ ее въ состояніе полнѣйшей деморализаціи. Кавеньякъ говорилъ съ делегатами въ тонѣ человѣка, который диктуетъ условія міра, но который отнюдь не намѣревается вести по этому поводу переговоры. Онъ ихъ только уговаривалъ отказаться отъ дальнѣйшаго совершенно безцѣльнаго сопротивленія и отерочить перемиріе въ С.-Антуанскомъ предмѣстьи до 10 часовъ утра. Съ этими словами онъ отпустилъ депутацію въ 5 часовъ утра.

Въ это время уже загорѣлся бой около предмѣстья Тампль. Двѣ колонны напали на предмѣстье, одна по направленію къ улицѣ предмѣстья Тампль, другая на Ангулемской улицѣ. Многіе инсургенты разувѣрились въ возможности дальнѣйшей защиты и покинули свои позиціи. Когда колонна, наконецъ, прибыла въ предмѣстье, то тамъ господствовала такая тишина, какъ будто все предмѣстье вымерло. Только главная баррикада, описанная Викторомъ Гюго, еще держалась. Эта гробовая тишина отъ времени до времени нарушалась одиночными выстрѣлами, раздававшимися съ разныхъ сторонъ и убивавшими, главнымъ образомъ, офицеровъ. Между тѣмъ колонна продолжала свой путь, прокрадываясь мимо домовъ и пользуясь всякаго рода прикрытіемъ. Такимъ образомъ войска проникли до самаго центра предмѣстья. Баррикады, оказывавшія въ теченіе трехъ дней такое упорное сопротивленіе, постоянно теряя массу защитниковъ, которые быстро замѣнялись другими, послѣ кровавыхъ схватокъ одна за другой стали переходить въ руки солдатъ. Дольше всѣхъ продержалась баррикада на Ангулемской улицѣ. Въ 10 часовъ утра все предмѣстье было занято войсками. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, солдаты жестоко мстили инсургентамъ. Еслибъ не вмѣшательство офицеровъ, то они перебили бы и плѣнныхъ.

Оставалось только взять С.-Антуанское предмѣстье. Въ мрачномъ настроеніи духа делегаты покинули Кавеньяка, возвращаясь къ своимъ товарищамъ, чтобы передать имъ рѣшеніе «палача». Они медленно направились на Бастильскую площадь. Достигнувъ главной баррикады, заперавшей входъ въ предмѣстье, они съ трудомъ взобрались на ея вершину и обратились къ товарищамъ съ рѣчью, призывая ихъ къ послѣдней схваткѣ съ врагомъ. Они говорили, что

имъ не на что надѣяться, что останется имъ отдаться на милость врага или подвергнуться все́мъ ужасамъ пораженія.

Тогда на баррикадѣ раздался ужасный шумъ, долетѣвшій до глубины площади, гдѣ національная гвардія и мобили съ нетерпѣніемъ ждали сраженія. Затѣмъ наступила гробовая тишина, спокойствіе отчаянія и предсмертная рѣшимость.

Прошло 10 часовъ, срокъ перемирія приходилъ къ концу. Генераль Перро, менѣе кровожадный человекъ, чѣмъ Ламорисьеръ, устремилъ свой взоръ на баррикаду въ надеждѣ увидѣть признаки сдачи, но ничего подобнаго онъ не замѣтилъ. Онъ ждалъ еще десять минутъ. Но, убѣдившись, что это ни къ чему не приведетъ, онъ отдалъ приказъ къ наступленію. Въ это время по близости раздалась канонада. Это Ламорисьеръ пробивался изъ предмѣстья Тамплъ.

Штурмъ носилъ бурный, стремительный характеръ. Вся баррикада была оутана пороховымъ дымомъ. Нервъ защиты былъ уже усыпленъ. Было извѣстно, что наступленіе на баррикады ведется со все́хъ сторонъ. Это сознаніе и недостатокъ амуниціи заставилъ инсургентовъ покидать самые важные стратегическіе пункты. Они переходили съ переднихъ баррикадъ на послѣдовательно расположенныя за ними, чтобы еще нѣкоторое время продолжать борьбу.

Депутаты поспѣшили къ нимъ, убѣждая ихъ прекратить безцѣльную борьбу, которая должна повлечь за собой ужасныя послѣдствія. Инсургенты не могли на это рѣшиться, они какъ будто чего то ждали. Но на нихъ напали съ трехъ сторонъ одновременно: съ одной стороны Ламорисьеръ, съ другой—генераль Лебретонъ, явившійся съ Венсенской дороги, и съ третьей—генераль Перро. Часть инсургентовъ, убѣдившись въ безцѣльности баррикаднаго боя, удалилась на равнину, расположенную за предмѣстьемъ, чтобы здѣсь оказать врагу послѣднее сопротивленіе, другіе менѣе мужественные люди принялись за разрушеніе баррикадъ, въ чемъ приняли участіе также женщины, надѣясь такимъ образомъ спасти свою жизнь. Все-таки бой затянулся до вечера въ кварталахъ, составлявшихъ тогда общину ла Виллетъ. Тамъ пришлось брать штурмомъ баррикаду, при чемъ былъ убитъ еще одинъ генераль, Континжи.

Въ 7 часовъ вечера сопротивленіе инсургентовъ было совершенно сломлено, бой прекратился, но бойня продолжалась. 26-го іюня Кавеньякъ выпустилъ прокламацію къ арміи и національной гвардіи. «Сегодня утромъ», писалъ онъ, «воинственное возбужденіе было естественно и неизбежно. Будьте теперь такъ же велики своимъ спокойствіемъ, какъ вы были велики въ бою. Въ Парижѣ я теперь вижу побѣдителей и побѣжденныхъ.

Да будетъ проклято мое имя, если я допущу, чтобы здѣсь были жертвы»; тѣмъ не менѣе во всемъ городѣ инсургентовъ разстрѣливали массаами. Разстрѣливали въ казармѣ Пуассоньеръ, въ Пантеонѣ, на площади d'Estrapade, въ ратушѣ, въ монмартескихъ каменоломняхъ, въ предметы Тампль, на мосту d'Arcole и во многихъ другихъ мѣстахъ, превратившихся теперь въ бойни для людей.

Такъ называемые высшіе классы, повидимому, обладаютъ однимъ только средствомъ, чтобы избавиться отъ смертельнаго страха, который на нихъ нападетъ всякій разъ, когда доведенный до отчаянія пролетаріатъ начинаетъ разбивать оковы. Дикія банды, которыя они содержатъ для защиты своихъ привилегій, убивали повсюду и безъ всякаго основанія. Мобили превратили убійство въ забаву; съ особеннымъ удовольствіемъ они топили рабочихъ, которые попадали имъ въ руки. Какъ рассказываетъ Луи Менаръ, они убили одного пролетарія только потому, что «онъ достаточно старъ, чтобы умереть!». Впрочемъ, плѣнныхъ постигла не личная участь, чѣмъ тѣхъ, которыхъ убивали на мѣстѣ. Подземелья ратуши были биткомъ набиты этими несчастными. Ихъ бросали въ темную пропасть, дно которой было покрыто пропитанной кровью водой и зловонной грязью. Когда эти ужасныя подземелья переполнились, то мобили, стоявшіе тутъ же на стражѣ, вытаскивали часть инсургентовъ и разыгрывали комедію суда. Импровизированные «судьи» выносили почти всегда одинъ и тотъ же приговоръ: «смерть», который тутъ же приводился въ исполненіе. Национальные гвардейцы, особенно тѣ, которые принимали дѣятельное участіе въ подавленіи возстанія, превосходили ихъ своими жестокостями. Они, наиримѣръ, приказали мобилимъ разстрѣливать плѣную группу плѣнныхъ, что тѣ и выполнили съ демонической радостью. Они не давали себѣ даже труда убрать трупы убитыхъ, а бросали ихъ или сваливали въ Сену.

Часть плѣнныхъ помѣстили въ подземелья, тянувшемся отъ Тюльери до площади Согласія. Здѣсь они умирали, какъ мухи. Они находились во мракѣ, лишены воздуха, воды и пищи. Когда какой-нибудь задыхающійся плѣнный старался взобраться на рѣшетку маленькаго отверстія, чтобъ вдохнуть въ себя воздухъ, онъ сейчасъ же получалъ рану въ руку. Если кому-нибудь удавалось поднять голову до отверстія подземелья и онъ начиналъ кричать «хлѣба!». «Вотъ тебѣ хлѣбъ», отвѣчалъ гвардеецъ, стрѣляя ему въ голову.

Побѣдители не довольствовались еще этимъ, они обходили больницы, чтобы добывать раненыхъ. Надо отдать справед-

ливость врачамъ, что они обыкновенно брали подъ свою защиту пациентовъ.

Избѣненіе плѣнныхъ было предоставлено мобильной и національной гвардіи. Вѣдь нужно было доставить маленькое развлеченіе этимъ столпамъ общества! Бои давно уже кончѣны, но разстрѣливаніе не прекращалось. Всю ночь на Карусельской площади раздавались выстрѣлы—это все еще разстрѣливали плѣнныхъ.

Колонна въ 400 плѣнныхъ, проходя по этой площади, слышала выстрѣлы. Полагая, что ихъ ведутъ тоже на казнь, они бросились на своихъ палачей, желая ихъ сбить съ ногъ и скрыться. Тѣ открыли огонь и на эту перестрѣлку откликнулся гарнизонъ Тюльери. Онъ далъ наугадъ залпъ въ толпу. Послѣдовалъ страшный переолохъ. Около 100 человекъ осталось на мѣстѣ убитыми, много раненыхъ притащили въ Тюльери. Трупы убитыхъ были убраны съ площади въ ту же ночь.

Можно было бы написать цѣлое произведеніе, если бы взяться подробно описать все ужасы, разыгравшіеся въ Парижѣ послѣ подавленія іюньскаго возстанія. Викторъ Мару собралъ много фактовъ, характеризующихъ звѣрскую жестокость побѣдителей. Съ набережной ратуши мобили бросали въ воду плѣнныхъ, посылая имъ въ догонку пули. Въ ратушѣ плѣнныхъ вздергивали на дверные крюки, оконные переплеты и т. д., и т. д. Национальная гвардія видѣла въ каждомъ блузникѣ инсургента и безпощадно убивала ихъ только за то, что они имѣли несчастіе носить блузы.

«Въ Бисетрекомъ фортѣ», рассказываетъ Викторъ Мару, «бойня продолжалась восемь дней; когда плѣнные, запертые въ тѣсный казематъ, стали жаловаться на недостатокъ воздуха, имъ отвѣтили: «мы вамъ сейчасъ доставимъ воздухъ»; ихъ отвели въ другой казематъ и разстрѣляли.... На кладбищѣ Père Lachaise мобили разстрѣляли попрятавшихся тамъ женщинъ и дѣтей. Они хотѣли разстрѣлять даже могильщиковъ. Въ одномъ мѣстѣ были разстрѣяны люди только за то, что отъ нихъ пахло порохомъ».

До сихъ поръ еще не удалось точно установить цифру жертвъ этой бойни. Мобильные и національные гвардейцы естественно скрывали свои преступленія. Англійскія газеты указывали, что число убитыхъ равнялось 50,000, но эта цифра несомнѣнно преувеличенная. Слѣдственная коммиссія по официальнымъ даннымъ опредѣляетъ число убитыхъ на баррикадахъ въ 3035 чел. Согласно безпартийной оцѣнкѣ убито было до 12,000 чел. Возможно, что официальная цифра (3035 чел.)

погибшихъ на баррикадахъ соответствуетъ дѣйствительности, остальные были гнуснымъ образомъ умерщвлены по окончаніи боя. Съ рабочими обращались тогда такъ, какъ будто отъ нихъ хотѣли совершенно освободиться путемъ массоваго истребленія. «Рабочіе», сказалъ Кавеньякъ, «сложите оружіе, республика ждетъ, чтобы заключить васъ въ свои объятія». Онъ могъ бы къ этому прибавить: «чтобы вырвать ваши внутренности и изрубить васъ». И господствующіе классы, которые и являлись организаторами этихъ массовыхъ избиеній, постоянно еще бросаютъ пролетаріату упрекъ въ классовой ненависти и жаднѣ разрушенія. Если въ парижскомъ населеніи до сихъ поръ сохранились пережитки этого возстанія, то виной этому кровавядность тѣхъ, которые сражались въ іюньскіе дни противъ парижскаго пролетаріата. Пролетарій, вернувшись на родину послѣ тяжелыхъ переживаній іюньскаго возстанія и послѣдовавшаго за нимъ плѣна и находя свой семейный очагъ покинутымъ своими близкими, погибшими подъ безошадными ударами «защитниковъ порядка», испытываетъ такое чувство, которое съ неур ложностью естественнаго закона должно въ немъ вызвать страстную жадю мести.

Если даже этотъ несчастный не можетъ тутъ же удовлетворить свою жадю мести, то онъ глубоко затаитъ въ своей душѣ это чувство и раньше или позже оно прорвется наружу.

Матери рассказываютъ своимъ дѣтямъ объ испытанныхъ ужасахъ и въ груди подростающаго поколѣнія пролетаріата зарождается чувство злобы и ненависти къ іюньскимъ побѣдителямъ. Когда юноша превратится въ сильнаго мужчину, онъ вспомнитъ о своемъ отцѣ, павшемъ въ бою или умершемъ отъ убійственнаго климата заокеанскихъ колоній; онъ въ ярости будетъ сжимать кулаки и будетъ мечтать о мщеніи.

Воспоминанія о іюньскихъ дняхъ глубоко западали въ народную память, пока опять не раздавался могучій призывъ набатнаго колокола и столица Франціи опять не покрывалась сѣтью баррикадъ. Обагрившіе страну пролетарской кровью вызвали во Франціи переходящую изъ поколѣнія въ поколѣніе гражданскую войну.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Здѣсь прекращается революціонное движеніе 1848 г. въ собственномъ смыслѣ слова, замѣчаетъ Даніэль Штернъ, заканчивая описаніе ужасныхъ іюньскихъ дней.

Мы того же мнѣнія, хотя республиканская идея, связанная съ социалистическими тенденціями, не только не исчезла изъ Франціи, а напротивъ, несмотря на всю неясность и неопредѣленность ея проявленій, она насчитывала много приверженцевъ среди французскаго народа. Но дѣло въ томъ, что проявившаяся такъ ярко въ февральскіе дни сила пролетаріата, приводившая въ трепетъ всю страну и казавшаяся до 15-го мая несокрушимой, послѣ іюньскихъ дней какъ бы изсякла и исчезла изъ столицы. Наибольше революціонно-активные, смѣлые элементы были уничтожены. Буржуазная республика не могла подняться до социаліной республики, она поэтому не провела никакихъ существенныхъ мѣропріятій, которыя улучшили бы экономическое положеніе. Народъ страдалъ теперь не меньше, чѣмъ при монархіи.

Выступленіе нетерпѣливаго, возставшаго пролетаріата имѣло своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ то, что наибольше активная его часть исчезла съ политической арены. Сила капитала, финансовая аристократія, крупная буржуазія и ихъ приверженцы, такъ называемая «партія порядка» торжествовала теперь полную побѣду. Эта партія старалась свести на нѣтъ все значеніе февральскихъ дней и сдѣлаться единственнымъ властелиномъ въ странѣ, пока она не была сброшена съ своего пьедестала человѣкомъ, которому она сама своимъ реакціоннымъ усердіемъ и положила путь къ власти. Поэтому исторія второй республики представляетъ собой ничто иное, какъ исторію постепеннаго разрушенія того демократическаго зданія, къ постройкѣ котораго только успѣли приступить.

Кавеньякъ былъ провозглашенъ «спасителемъ общества». Онъ былъ сильнѣе Бонапарта послѣ Аустерлица. Бонапартъ своими побѣдами не далъ непріятельскимъ арміямъ вступить на французскую территорію, Кавеньякъ же спасъ Францію, т.-е. спасъ существующія привилегіи, собственность и жизнь буржуазіи, которымъ «угрожала опасность со стороны шайки вандаловъ». Спаси буржуазную собственность, буржуазныя привилегіи это въ глазахъ буржуазіи означало оказать величайшую услугу, на которую только способенъ государственннй человѣкъ.

Поэтому было ясно, что стоитъ только Кавеньяку сдѣлать небольшое усиліе и онъ получитъ въ свои руки скипетръ диктатора, но Кавеньякъ полагалъ, что осчастливленная имъ буржуазія должна сама преподнести ему этотъ скипетръ, и отчасти его ожиданія оправдались. Кавеньякъ разыгрывалъ роль скромника и по окончаніи боя онъ вернулъ національному собранію выданныя ему чрезвычайныя полномочія. Онъ сдѣлалъ видъ,

что о продолженіи диктатуры онъ и слышать не хочетъ и просить только о сохраненіи осаднаго положенія, зная, что его считаютъ единственнымъ человѣкомъ, способнымъ провести эту мѣру въ жизнь. И дѣйствительно, 28-го іюня депутатъ Мартэнъ, представитель отъ Страсбурга, внесъ въ національное собраніе слѣдующее предложеніе, принятое per acclamation: «національное собраніе передастъ исполнительную власть генералу Кавеньяку, который отнынѣ будетъ называться президентомъ кабинета и будетъ назначать министровъ».

Реакціонная клика, настаивавшая на необходимости жестокаго подавленія возстанія, имѣла теперь право рассчитывать на извѣстную долю въ общей добычѣ, но чистые монархисты получили на этотъ разъ очень мало. Тьеръ, сдѣлавшійся душой объединенія монархическихъ депутатовъ въ Rue de Poitiers, даль понять своимъ единомышленникамъ, что было бы неумно навязывать странѣ въ министры завѣдомыхъ монархистовъ послѣ побѣды, одержанной надъ народомъ, но за которую сражались во имя республики. Согласившись съ доводами Тьера, монархическое объединеніе Rue de Poitiers дало знать Кавеньяку, что оно не представляетъ никакихъ претензій на участіе въ новомъ кабинетѣ.

Поэтому министерство было составлено изъ людей, хотя и принадлежавшихъ къ буржуазной реакціи, но славшихъ республиканцами. Гудшо получилъ портфель министра финансовъ, Бастидь—иностранныхъ дѣлъ, Сенаръ—внутреннихъ дѣлъ (его мѣсто президента національнаго собранія занялъ Арманъ Марра), республиканецъ Карно—министра просвѣщенія, но не на долго. Одно только его имя возбуждало у національнаго собранія непріятныя воспоминанія и оно воспользовалось случаемъ, когда Карно внесъ законопроектъ объ улучшеніи положенія учителей, чтобъ его свергнуть.

Подъ вліяніемъ ужаса, охватившаго буржуазію послѣ іюньскаго возстанія, реакція еще болѣе усилилась. Инсургенты оказали такое упорное сопротивленіе въ іюньскіе дни, что буржуазія не могла свыкнуться съ мыслью, что пролетаріатъ совершенно побѣжденъ; она опасалась, какъ бы въ одинъ прекрасный день онъ опять не поднялся и озлобленный пережитымъ пораженіемъ не выступилъ еще болѣе рѣшительно противъ своихъ враговъ, чтобы отомстить за смерть своихъ павшихъ братьевъ.

Одинъ только видъ Парижа вызывалъ трепетъ у привычнаго къ спокойной, безпечной жизни буржуа. Со всѣхъ концовъ города приходили толпы народа, чтобы осмотрѣть буквально изрѣсеченные и еще дымящіеся дома. Весь парижскій beau

monde высыпалъ на арену возстанія, чтобы видомъ небывалаго зрѣлища нѣсколько оживить свою вялую нервную систему.

Кавеньякъ по окончаніи боя выпустилъ слѣдующій лаконическій декретъ: «Национальныя мастерскія распущены. Кавеньякъ».

Это распущеніе должно было еще болѣе увеличить число безработныхъ, которые сплошь представлялись испуганному воображенію буржуа отчаянными революціонерами. Поэтому они съ душевнымъ трепетомъ ожидали новыхъ взрывовъ ярости. По городу носились слухи, что инсургенты минировали катакомбы, чтобы взорвать на воздухъ все С.-Жерменское предмѣстье, что они продырявили газопроводы, чтобы все сжечь и уничтожить. Каждый пустякъ «люди порядка» признавали за признакъ двигающейся грозной опасности. Официальныя сферы, казалось, тоже раздѣляли онасенія перепуганныхъ буржуа.

Спустя нѣсколько дней послѣ окончанія боя площадь Согласія и бульвары были украшены траурными флагами, фасады домовъ и памятниковъ были окутаны большими черными занавѣсами. Эта траурная декорация была устроена въ честь іюньскихъ жертвъ, подъ которыми разумѣли, конечно, поборниковъ буржуазнаго порядка.

Печальная церемонія происходила на площади Согласія. Народъ держался отъ нея въ сторонѣ, только солдаты и чиновники окружали катафалки. Затѣмъ составилось шествіе, которое должно было направиться къ церкви св. Магдалины. Согласно программѣ дня оно должно было пройти вдоль бульваровъ, но это было отмѣнено, такъ какъ распространился слухъ, что повстанцы собираются открыть огонь по войскамъ, участвующимъ въ похоронахъ, поэтому правительство предпочло миновать рабочіе кварталы.

Паническій страхъ, охватившій Парижъ, распространился и на провинцію. Хотя іюньское возстаніе не встрѣтило тамъ отклика, за исключеніемъ Марсели, гдѣ была предпринята слабая попытка къ возстанію, тѣмъ не менѣе буржуазія вооружилась противъ предполагаемыхъ демократовъ-соціалистовъ, которыхъ окрестили красными республиканцами и подвергли ужаснымъ преслѣдованіямъ.

Въ Парижѣ самымъ безумнымъ образомъ принялись за розыски инсургентовъ, доносы сыпались въ полицейскую префектуру со всѣхъ сторонъ. Число арестованныхъ вскорѣ достигло 25,000 человекъ. Вокзалы строго охранялись, чтобы никто не могъ спастись отъ карающей руки правосудія. Многіе арестованные по ошибкѣ вмѣсто другихъ должны были переносить всѣ муки заключенія, не имѣя возможности дока-

затъ своимъ сыщикамъ роковую ошибку. Военные суды работали непрерывно, осуждая заподозрѣнныхъ рабочихъ цѣлыми группами. Правительство хотѣло совершенно уничтожить революціонные элементы парижскаго пролетаріата. Въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ истязали, чтобы не сказать убивали, инсургентовъ. Процентъ смертности среди раненыхъ солдатъ не доходилъ и до 7 въ то время, какъ среди раненыхъ инсургентовъ онъ равнялся 20.

Реакція развернулась во всю. Правительство обезоружило часть національной гвардіи, такъ какъ она, по ея мнѣнію, недостаточно усердно защищала интересы буржуазіи. Подозрительные клубы были закрыты. Вскорѣ были изданы инструкции, стѣсняющія дѣятельность клубовъ еще больше, чѣмъ во многихъ монархическихъ государствахъ. Всѣ клубы были отданы подъ надзоръ полиціи. Безъ разрѣшенія полиціи ни одинъ клубъ не могъ продолжать своего существованія, тайныя засѣданія были запрещены и на всѣхъ засѣданіяхъ долженъ присутствовать представитель администраціи. Прессѣ также былъ зажатъ ротъ. Одиннадцать газетъ было запрещено во время возстанія. Затѣмъ правительство придумало средство, чтобы придушить популярныя въ народѣ газеты. Оно откопало старыя законы о печати 1819—22 г.г. и возстановило его еще въ болѣе реакціонной формѣ. Національное собраніе опять ввело денежное поручительство для газетъ; неизмѣннымъ условіемъ для появленія въ свѣтъ новой являлось внесеніе залога въ 24,000 франковъ. «Пресса бѣднаго люда умерла,» писалъ Прудонъ въ своемъ «Representant du peuple.» Ламеннэ выпустилъ послѣдній номеръ своего «Peuple Constituant» съ траурной каймой. Старый борець ушелъ съ поля битвы со словами, полными горечи: «Silence aux vaincus!» (бѣдный людъ долженъ замолчать!).

Но реакція этимъ еще не удовлетворилась, она изыскивала средства, какъ бы совершенно отдѣлаться отъ всѣхъ мало-мальски мятежно настроенныхъ рабочихъ. Національное собраніе приняло подавляющимъ большинствомъ голосовъ слѣдующій законопроектъ, внесенный сенатомъ: «Всѣ лица, уличенныя въ участіи въ іюньскомъ возстаніи, должны быть высланы въ французскія заокеанскія колоніи. Мѣстомъ ихъ поселенія не могутъ служить колоніи Средиземнаго моря.» Только три человека выступили противъ этого законопроекта, являющагося только звеномъ въ цѣлой цѣпи преслѣдованій, направленныхъ къ подавленію пролетаріата. Первый взялъ слово буржуазный республиканецъ Саррацъ. За нимъ говорилъ Пьеръ Леру; онъ открыто выражалъ свое негодованіе по поводу этого предложенія, не обращая вниманія на бурные протесты собранія. Въ

еще болѣе рѣзкомъ тономъ говорилъ Коссидьеръ: «Вѣдь это позоръ, мерзость! теперь въ правѣ будутъ говорить, что побѣдоносные французы настолько ничтожны, что способны хладнокровнѣйшимъ образомъ истреблять побѣжденныхъ... Теперь не только вдовы и сироты будутъ оплакивать свою горькую долю, но и отцы семействъ, оставшіеся въ живыхъ, также будутъ отняты у своихъ близкихъ». Тѣмъ не менѣе законопроектъ былъ принятъ.

Часть національнаго собранія и буржуазіи все-таки понимала, что одними военными судами, разстрѣлами и массовой ссылкой въ отдаленнѣйшія колоніи нельзя измѣнить революціоннаго настроенія рабочаго класса; поэтому она сдѣлала видъ, что продолжаетъ по прежнему интересоваться его положеніемъ. Да и неудобно было сразу оборвать заигрыванія съ пролетариатомъ, которыя тянулись уже съ февраля мѣсяца. Кромѣ того поведеніе значительной части рабочихъ соотвѣтствовало претензіямъ тѣхъ «демократовъ», которые хотѣли улучшить экономическое положеніе рабочаго класса, совершенно не вмѣшиваясь въ социальную политику государства. Такимъ образомъ ему слѣдуетъ придерживаться того взгляда, который, по выраженію Маркса, заключается въ томъ, что «стараятся провести освобожденіе рабочаго класса за спиной общества частнымъ образомъ въ предѣлахъ его ограниченныхъ условій существованія».

Для осуществленія этой задачи «частнымъ образомъ» считали наиболее цѣлесообразнымъ средствомъ кооперативныя товарищества. Одному только слову «товарищество» французскій рабочій приписывалъ чудодѣйственную силу, которая можетъ однимъ ударомъ измѣнить положеніе рабочаго класса.

Мы охотно признаемъ, что безграничная вѣра рабочихъ въ кооперативныя товарищества имѣла нѣкоторое основаніе. Нѣкоторыя товарищества, повидимому, оказали дѣйствительную услугу рабочимъ во время экономическаго кризиса, послѣдовавшаго за революціей. Кооперации портныхъ въ Клиши удалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ доставить средства къ существованію 1000—1600 рабочихъ. Она пользовалась такимъ довѣріемъ, что окрестные купцы выдавали по ея квитанціямъ рабочимъ всевозможные товары и отъ этого не потерпѣли никакихъ убытковъ.

Хотя на первыхъ порахъ правительство, опьяненное своей побѣдой, пыталось распустить существующія кооперации, по оно вскорѣ измѣнило свой взглядъ на это дѣло. Кооперативныя товарищества были слишкомъ удобнымъ средствомъ для того, чтобы продолжать безопасно разыгрывать старую комедію сочувствія стремленіямъ рабочихъ къ улучшенію своего положенія.

«Національное собраніе, намѣревалось оказывать содѣйствіе

пественной своей части къ тому, что всё члены товарищества отвѣтственны своимъ имуществомъ, какъ настоящимъ, такъ и будущимъ за обязательства ассоціаціи. Основной капиталъ недѣлимъ и составляетъ неотчуждаемую собственность товарищества, на которую вступившіе члены не могутъ предъявлять никакихъ правъ. Основнымъ капиталомъ можно пользоваться только заимообразно для покрытія текущихъ расходовъ. Если кооперация почему-либо будетъ распущена, то онъ переходитъ въ распоряженіе новой кооперации, которая будетъ продолжать начатое дѣло. Если таковой не явится, то основной капиталъ возвращается правительству. Въ § 23 устава точно указываются права и обязанности вновь поступающихъ членовъ.

Если расширеніе размѣровъ производства требуетъ на продолжительное время увеличенія рабочаго персонала, то ассоціаціи не могутъ обращаться къ наемному труду, а должны принять соответствующее количество новыхъ членовъ, причемъ товарищества должны дать этимъ кандидатамъ извѣстный срокъ для испытанія.

Былъ также предвидѣнъ случай союза хозяевъ съ рабочими, когда работодатель отказывается отъ всякихъ привилегій и вступаетъ въ ассоціацію на равныхъ правахъ съ другими. На практикѣ такіе случаи не имѣли мѣста, добровольно никакой капиталистъ не откажется отъ своихъ привилегій, тѣмъ болѣе, что согласно уставу онъ отвѣчаетъ всемъ своимъ имуществомъ за убытки товарищества. Тѣ же мастера, которые были склонны сдѣлаться членами коопераций, были въ долгу, какъ въ шелку, и смотрѣли на ассоціаціи, какъ на единственный якорь спасенія.

Во главѣ товарищества долженъ стоять отвѣтственный руководитель, такъ называемый «*gerant*», около котораго группируется выборный административный совѣтъ, который по предложенію *gerant*'а рѣшаетъ вопросъ о жалованьи, займахъ, приемѣ и исключеніи членовъ, рабочихъ часахъ, внутреннемъ распорядкѣ и штрафахъ. Между тѣмъ привычка къ подчиненію привела въ провинціи къ тому, что въ большинствѣ случаевъ, когда какой-нибудь работодатель въ силу необходимости вступалъ въ ассоціацію, рабочіе никогда не осмѣливались предъявлять принадлежація имъ по уставу права и фактически оставались, какъ и раньше, только наемными рабочими. Такимъ образомъ, кооперации подъ вліяніемъ работодателя основывались на обманѣ, тѣмъ не менѣе именно такого рода товарищества пользовались кредитомъ въ обществѣ.

Итакъ, весь результатъ замѣчательныхъ событій 48 года сказался въ томъ, что рабочіе получили кооперативную систему съ правительственной поддержкой. Тѣмъ не менѣе это жалкое движеніе произвело на широкую массу мѣщанства такое силь-

ное впечатлѣніе, что она ни какъ не могла успокоиться: ей за коопераціями мерещился ужасный призракъ социализма. Но особенный ужасъ вызывали въ этихъ слояхъ громкіе проекты Прудона, котораго они считали въ высшей степени опаснымъ социалистомъ и безпощаднымъ демономъ-разрушителемъ.

Однако нѣкоторые консервативные мыслители лучше поняли Прудона. Консервативный доктринеръ Леонъ де Лавернь выразилъ въ «Revue de Deux Mondes» свое уваженіе къ «страшилищу». Придя къ заключенію, что признаніемъ и индивидуальной свободы Пудонъ загладилъ рѣзкости своихъ выраженій, онъ замѣчаетъ: «Такому старому консерватору, такому доктринеру, какъ я, гораздо легче столковаться съ такимъ человѣкомъ, чѣмъ со многими умѣренными».

Такъ какъ послѣ июньскихъ дней Прудонъ, дѣйствительно, игралъ политическую роль, то слѣдуетъ упомянуть о проектахъ, внесенныхъ имъ въ національное собраніе, и вообще о позиціи, которую онъ теперь занялъ. По обыкновенію онъ не признавалъ никакихъ усовершенствованій, которыя повелительно требовались логикой событій. Относительно проекта прогрессивнаго налога онъ выразился: «Мои 100,000 франковъ такъ же неприкосновенны, какъ и поденная плата въ 75 сантимовъ швейки, мое жилище такъ же, какъ и ея мансарда». Въ томъ же характерномъ тонѣ, отдающемъ маніей величія, онъ восклицалъ: «Между коммунизмомъ и собственностью я воздвигну цѣлый міръ... я создамъ систему абсолютнаго равенства, въ которой не только будутъ сохранены всѣ существующія учрежденія, за исключеніемъ собственности и всѣхъ вытекающихъ изъ нея злоупотребленій, но даже сами сдѣлаются средствомъ къ проведенію равенства. Будутъ сохранены индивидуальныя свободы, дѣленіе власти, бракъ, семья, право наслѣдства по прямой и боковой линіи, право дѣлать завѣщанія и даже право первородства».

Достигнуть этого Прудонъ надѣялся слѣдующимъ образомъ: должна быть учреждена система безплатнаго взаимнаго кредита, такъ какъ корень зла, по мнѣнію Прудона, заключается во взиманіи процентовъ капиталистами въ видѣ прибыли, арендной и квартирной платы и т. д. Такъ какъ это взиманіе процентовъ приводитъ къ неравенству въ обмѣнѣ то оно роковымъ образомъ и обуславливаетъ всѣ бѣдствія рабочихъ. Но какъ же устранить это неравенство въ обмѣнѣ? Или, употребляя выраженіе Прудона, какимъ путемъ можно добиться, «чтобы рабочей своей платой могъ опять купить свой продуктъ?» Такъ какъ всеобщая экспроприація не можетъ привести къ желательной реформѣ, то, по мнѣнію Прудона, рѣшеніе этой проблемы

слѣдуетъ искать въ организаціи обмѣна. Обмѣнъ долженъ быть прямымъ, непосредственнымъ и бесплатнымъ. Въ настоящее время *одинъ* продуктъ, *одинъ* своеобразный товаръ, золото и серебро присвоилъ себѣ монополію обращенія. Только золото и серебро, пользуясь привилегіей служить средствомъ обмѣна. За эту монополію они выискиваютъ очень дорого въ формѣ процентовъ и т. д. И о чемъ же собственно идетъ рѣчь? Рѣчь идетъ о томъ, чтобы сдѣлать обмѣнъ равнымъ и кредитъ взаимнымъ, а достигнуть этого можно правильной организаціей банковыхъ операцій; такимъ образомъ золото и серебро лишатся своей монополіи обращенія.

Предположимъ, говоритъ Прудонъ, что всѣ производители республики составляютъ въ складчину капиталъ въ 10 милліоновъ, который будетъ представлять собой только 1% ихъ капитала такъ, что въ общемъ составитъ сумма въ милліардъ. Предположимъ далѣе, что съ помощью этихъ взносовъ будетъ учрежденъ обмѣнный банкъ, который будетъ брать за комиссію не больше $\frac{1}{2}$ %. Вслѣдствіе этого никто не будетъ обращаться къ услугамъ ростовщиковъ и банкировъ, процентъ будетъ равняться нулю, кредитъ сдѣлается бесплатнымъ.

Прудонъ хотѣлъ устроить свою систему бесплатнаго кредита, ни на юту не измѣнивъ всего существующаго соціального механизма. Его банкъ долженъ былъ сдѣлаться огромнымъ рынкомъ, на который всевозможные производители складываютъ свои товары, получая въ видѣ эквивалента бумажныя деньги; послѣднія даютъ имъ возможность пріобрѣтать другіе товары, привезенные въ банкъ на тѣхъ же условіяхъ. И если даже можно себѣ представить, что удастся создать такого рода учрежденіе, то для этого необходимо прежде всего извлечь значительную часть общественныхъ богатствъ, находящихся въ рукахъ крупныхъ капиталистовъ. И какимъ же образомъ могъ Прудонъ провозгласившій принципъ безграничной индивидуальной свободы, побудить крупныхъ капиталистовъ отказаться отъ части своихъ доходовъ, выставивъ требованіе однопроцентнаго взноса? Если они поймутъ, что эти взносы должны лишить ихъ всѣхъ буржуазныхъ привилегій, то они наврядъ ли станутъ ихъ дѣлать, а если бы даже они паче чаянія приняли участіе въ этомъ предпріятіи, то составилъ бы капиталъ, ничтожный соразмѣрно съ потребностями этого начинанія. Далѣе, какъ урегулировать кредитъ искателей ссудъ? Если потребовать отъ нихъ въ видѣ гарантіи какую-нибудь цѣнность, будь то недвижимая собственность или «рабочіе часы», то мнимый безвозмездный кредитъ, имѣющій уничтожить соціальное неравенство и осчастливить все человѣчество, сдѣлается удѣломъ привилегированной касты.

Эти противорѣчія позволяли буржуазнымъ экономистамъ легко доказать несостоятельность теоріи провозвѣстника безвозмезднаго кредита и, отождествляя Прудона съ социализмомъ, торжественно заявлять, что они разбили социалистическое ученіе.

Это, конечно, нисколько не помѣшало Прудону продолжать со свойственной ему настойчивостью отстаивать свои взгляды. 11-го іюля онъ писалъ въ своемъ «Representant du peuple» слѣдующія вызывающія строки: «Приближается срокъ уплаты квартирнаго процента... Но какъ же должны быть уплачены квартирные деньги?... Рѣчь уже больше идетъ не о томъ, какъ бы снасти пролетарія, его уже послали на живодерню. Одѣньтесь въ трауръ съ крепомъ на рукавѣ, разверните черное знамя при плачѣ женщинъ, опять стаянувшихъ въ души старую пѣсню нужды. Ступай къ «Националу» *), доведенная до отчаянія раса, и спроси у него, что онъ сдѣлалъ изъ республики». За этими словами слѣдовало предложеніе, которое хотя и шло въ разрѣзъ съ развитыми въ другихъ мѣстахъ воззрѣніями Прудона, но заключало благотворную и настоятельно необходимую мѣру. Онъ предлагалъ заставить законодательнымъ путемъ домовладельцевъ отказаться въ виду послѣднихъ событій отъ части квартирной платы, а остальное отсрочить. Буржуазія посмотрѣла на это предложеніе, какъ на дерзкую революціонную выходку и закрыла «Representant du peuple».

Лишившись благодаря этому насильственному акту своей газеты, Прудонъ рѣшилъ превратить парламентъ въ арену для пропаганды своихъ воззрѣній. Онъ внесъ въ финансовую комиссію проектъ высокаго подоходнаго налога на ренту, проценты, дивиденды, жалованье etc. и 31-го іюля развилъ въ національномъ собраніи свой планъ социальнаго преобразования.

По его собственнымъ словамъ въ «Confessions d'un Revolutionnaire» («Исповѣдь революціонера») онъ въ этой длинной рѣчи выставилъ слѣдующія требованія: «Пусть государственные кредиторы вмѣсто новыхъ займовъ, которыхъ государство не проситъ, уступятъ ему часть своей ренты. Пусть землевладелецъ уступить крестьянину часть просроченныхъ арендныхъ денегъ; пусть банкиръ понизитъ плату за комиссію и $\frac{0}{100}$. Рабочій также долженъ принять участіе въ общемъ дѣлѣ... пусть онъ $\frac{1}{20}$ своей платы уступитъ предпринимателю... Тогда обращеніе увеличится пропорціонально количеству долговъ, отъ которыхъ кредиторъ освободитъ должника и обмѣнитъ вмѣсто того, чтобы регулироваться на основаніи частной экономіи, какъ это проис-

*) Подъ «Националомъ» Прудонъ разумѣлъ Кавеньяка и его друзей, такъ какъ «Националь» былъ ихъ официальнымъ органомъ.

ходить теперь, т. е. съ взиманіемъ 0/0 и т. д., будетъ происходить по правиламъ соціальной экономіи, т. е. безъ взиманія 0/0 etc.

Тьеръ, какъ докладчикъ финансовой комиссіи, оспаривалъ Прудоновскій проектъ. Онъ началъ съ заявленія, что ему и его товарищамъ очень трудно было уразумѣть точку зрѣнія Прудона, что онъ и теперь не совсѣмъ увѣренъ, правильно ли онъ понялъ то, что хотѣлъ сказать Прудонъ; выяснилъ онъ себѣ только слѣдующее: помѣщики, домовладѣльцы и кредиторы должны отказаться отъ части своихъ требованій, предъявляемыхъ арендаторамъ, квартиронанимателямъ и должникамъ для того, чтобы они получили доступъ къ производительному труду. Такимъ образомъ составитя сумма для кредитныхъ операций, которыя до извѣстной степени основываются на взаимности, такъ какъ каждый членъ общества можетъ быть попеременно то квартиронанимателемъ, то должникомъ, то кредиторомъ, то собственникомъ... Даже болѣе того; должникъ, освободившійся отъ 1/6 0/0 арендной или квартирной платы, можетъ продавать свои продукты гораздо дешевле и собственникъ или кредиторъ, лишившійся части своихъ доходовъ, можетъ ничего не потерять, получивъ возможность покупать всевозможные товары по болѣе дешевой цѣнѣ. Арендаторы, квартиронаниматели и должники никоимъ образомъ не должны свободно распоряжаться сдѣланными скидками. Половина должна быть передана въ руки государства для учрежденія обмѣннаго банка, этого вспомогательнаго средства взаимнаго кредита, согласно плану Прудона.

Прудонъ очень хладнокровно выступилъ со своими возраженіями противъ доклада Тьера. Онъ смѣло развилъ въ четырехчасовой рѣчи свой «планъ ликвидаціи стараго общества». Сначала депутаты слушали его съ плохо скрываемымъ снокойствіемъ, но когда онъ перешелъ къ правдивой, жестокой критикѣ существующихъ общественныхъ учреждений, раздался громкій, злой хохотъ. Нисколько не растерявшись, Прудонъ снокойно замѣтилъ: «А сожалью, что мои слова вызываютъ у васъ смѣхъ, потому что то, что я говорю, васъ уничтожить». Поднялась страшная буря. Раздались крики: «Въ сумасшедшій домъ!» «Въ звѣринецъ!» «60 лѣтъ тому назадъ васъ звали Маратомъ!», «Вамъ слѣдовало 26-го іюня пойти на баррикады!» «Для этого онъ слишкомъ трусливъ!»

Эти гнѣвные крики нисколько не помѣшали Прудону съ свойственнымъ ему снокойствіемъ продолжать начатую рѣчь. «Въ 1793 г.», сказалъ онъ, «собственность была обложена налогомъ въ размѣрѣ 1/3 и съ тѣхъ поръ собственность—я имѣю

въ виду чистой доходъ *)—ничего не даетъ государству, сваливъ все бремя налоговъ на плечи трудящихся массъ. Спрашивается теперь, хочеть ли собственность сдѣлать что-нибудь для февральской революціи?.. Мой проектъ по своему содержанию является наставленіемъ для буржуазіи, указывающимъ на дѣйствительную цѣль и истинно значеніе февральской революціи». Закончилъ онъ слѣдующими словами: «Капиталь боится, инстинктъ не обманываетъ его, социализмъ обратилъ на него вниманіе». Затѣмъ онъ спокойно вернулся на свое мѣсто въ рядахъ «Горы», члены которой, испугавшись смѣлости его рѣчи, большей частью покинули залу.

При такихъ условіяхъ Тьеру, конечно, не трудно было одержать блестящую побѣду. Безъ дальнѣйшихъ дебатовъ проектъ былъ отклоненъ со слѣдующей мотивировкой: «Принимая во вниманіе, что проектъ гражданина Прудона представляетъ собой ничто иное какъ враждебныя нападки на основы существующаго строя, вопіющее отрицаніе права собственности, этого базиса общественнаго порядка; принимая во вниманіе, что онъ способствуетъ доносамъ и возбуждаетъ самыя дурныя страсти; принимая во вниманіе, что авторъ проекта клевететь на февральскую революцію, желая ее сдѣлать соучастницей развиваемыхъ имъ теорій, національное собраніе переходитъ къ очереднымъ дѣламъ». Голосовали противъ только два депутата, самъ Прудонъ и мелкій лонскій подрядчикъ Гренпо. Последній, какъ говорятъ, голосовалъ такъ по какому-то недоразумѣнію, и надъ бѣднымъ Гренпо не мало потѣшались въ Парижѣ.

Итакъ, Тьеръ торжествовалъ. Онъ опять выступилъ на политическое поприще, почти совершенно не пользуясь общественнымъ вниманіемъ и до извѣстной степени крадучись. Теперь же борьба съ социализмомъ въ національномъ собраніи сдѣлала ему имя. Не обладая никакими знаніями въ политической экономіи, онъ написалъ маленькую популярную брошюрку въ защиту собственности, которой, по его мнѣнію, угрожаютъ всевозможныя опасности. Это было болѣе чѣмъ достаточно, чтобъ авторъ имѣлъ право рассчитывать на признательность со стороны перепуганной буржуазіи. Она узнала въ Тьерѣ самое себя. «Маленькій, въ очкахъ, комичный человѣчекъ», какъ его характеризуетъ одинъ писатель, казался національному собранію архангеломъ Михаиломъ, призваннымъ убить дракона социализма, который грозитъ все предать уничтоженію.

*) Прудонъ имѣеть въ виду всѣ виды дохода, не связанные съ личнымъ трудомъ.

Тьеръ потребовалъ и получилъ отъ буржуазіи денегъ для литературнаго похода противъ соціализма. Были призваны на помощь всѣ литературныя силы страны для составленія маленькихъ брошюръ, распространявшихся во многихъ экземплярахъ въ народной массѣ. Написанныя и изданныя по инициативѣ и подъ эгидой Тьера брошюры появились въ печати подъ названіемъ: «Маленькія записки академіи моральныхъ и политическихъ наукъ».

Среди этой массы вздорныхъ и нелѣпныхъ брошюръ тогда попадались нѣкоторыя, заслуживающія вниманія, произведенія, напримѣръ, маленькія статьи и письма извѣстнаго экономиста Фридриха Бастіа. Они, хотя не отличались особенной глубиной и еще меньше оригинальностью и содержали подчасъ неточности, но своей критикой они попадали въ большія мѣста существующаго общественнаго уклада и гармонировали съ народнымъ духомъ, особенно французскимъ. Въ популярной формѣ онъ началъ опровергать теорію Прудона о безвозмездномъ кредитѣ и ему, конечно, не трудно было доказать ея несостоятельность.

Прудонъ, какъ мы уже указали выше, имѣлъ въ виду нѣчто въ родѣ взаимности кредита. Для проведенія такой кредитной системы необходимо принять за данное большее или меньшее равенство собственности и экономическихъ интересовъ. Но такъ какъ Прудонъ хотѣлъ учредить свой взаимный кредитъ при данныхъ общественныхъ условіяхъ, то народъ никогда не могъ хорошенько понять, какая взаимность кредита можетъ существовать между капиталистомъ - милліонеромъ и пролетаріемъ, располагающимъ только своей рабочей силой.

Какъ бы то ни было, эта страстная идейная борьба, эти горячіе дебаты со всемъ арсеналомъ стараго заржавленнаго оружія, направленнаго противъ мысли о соціальныхъ реформахъ, ясно показываютъ, какого значенія достигли соціальныя стремленія, эти характерныя памятники данной эпохи. Затѣмъ, развѣ всѣ буржуазно - консервативные элементы, желавшіе навсегда удержать за собой свои привилегіи и ненавидѣвшіе всякій соціальный прогрессъ, развѣ они не собрались подъ знаменемъ черной реакціи, выставившей на показъ свой написанный пролетарской кровью девизъ: «партія порядка»? Да, только изъ страха передъ соціализмомъ, только изъ ненависти къ нему образовалась эта «партія порядка».

Въ то время, какъ всѣ враги народа объявили войну соціализму, къ послѣднему, естественно, должны были обратитъ свои симпатіи народныя массы. Интересы соціализма отождествля-

лись съ интересами прогресса вообще. Поэтому, мы вскорѣ увидимъ появленіе соціалдемократической партіи, въ которой должны были найти себѣ мѣсто различнѣйшіе оттѣнки прогрессивныхъ стремленій.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Побѣдоносное общество порядка сдѣлало все отъ него зависящее, чтобы серьезно запугать и парализовать дѣятельность еще оставшихся на полѣ битвы приверженцевъ передовой демократіи.

Между тѣмъ слабые остатки демократіи продолжали вести духовную борьбу съ неослабѣваемой энергіей, которую можетъ развить глубокая вѣра въ великое дѣло. По всей странѣ прокатились ихъ жалобы и угрозы, благодаря ихъ вліянію въ широкой народной массѣ не поблѣднѣли воспоминанія объ ужасахъ іюньскихъ дней. Они пропагандировали свои идеи съ настойчивостью, граничащей съ фанатизмомъ.

Люди порядка, полагавшіе, что имъ удалось потопить въ іюньской кровавой бойнѣ народныя стремленія, теперь были непріятно разочарованы и пришли въ ярость. Они не останавливались ни передъ какими средствами, чтобы уничтожить послѣдніе слѣды «соціалистическаго яда». Сейчасъ же послѣ іюньскаго возстанія національное собраніе назначило слѣдственную комиссію о іюньскихъ событіяхъ и относительно 15-го мая. Эта комиссія преслѣдовала исключительно интересы сыска; ея задача заключалась въ томъ, чтобы передать въ руки палача или администраціи галеръ всѣхъ, избѣжавшихъ бойни и массовыхъ арестовъ. Это было нѣчто въ родѣ инквизиціоннаго трибунала, для котораго какія-нибудь двѣ строчки были достаточны, чтобы произнести смертный приговоръ надъ обвиняемымъ.

Предсѣдателемъ этой комиссіи былъ Одилонъ Барро, невольный февральской революціей, которая такъ неожиданно прервала его парламентскую карьеру и вышвырнула его за бортъ. Остальные члены комиссіи были такъ настроены, что приходили въ ярость при одной только мысли о демократіи и ея представителяхъ. Комиссія сейчасъ же постановила, что разслѣдованіе должно охватить не только 15-ое мая и іюньское возстаніе, но и февральскія событія. Комиссія воспользовалась своими чрезвычайными полномочіями и наполнила протоколы гнуснѣйшими инсинуаціями. Даже національное собраніе не

было пощажено. Одилонъ Барро со своими товарищами рѣшили прежде всего скомпрометировать трехъ депутатовъ, Ледрю-Роллена, Луи Блана и Коссидьера. Для этой цѣли они привлекли на свою сторону генеральнаго прокурора Корна. Заручившись его согласіемъ, они взялись за Кавеньяка. Послѣдній счелъ нужнымъ помолаться, онъ замѣтилъ, что вообще въ принципѣ противъ всякихъ тенденціозныхъ процессовъ, но въ концѣ концовъ замѣтилъ, что не будетъ мѣшать «ходу судопроизводства». Порѣшили, чтобъ слѣдственная комиссія сдѣлала раньше свой докладъ національному собранію, а затѣмъ прокуроръ выступить съ предложеніемъ привлечь къ судебной отвѣтственности Ледрю-Роллена, Луи Блана и Коссидьера.

Это произошло 3-го августа. «Гора» вскочила съ своихъ мѣсть во время чтенія доклада и закричала: «Доказательствъ! доказательствъ!» По окончаніи доклада Ледрю-Ролленъ бросился на трибуну. Депутаты не хотѣли его выслушать и подняли шумъ, но его громовой голосъ покрывалъ всѣ крики, казалось, сокрушавъ всѣхъ его враговъ. Даже самъ Кавеньякъ счелъ нужнымъ выразить ему свои симпатіи. Когда онъ спускался съ трибуны, президентъ исполнительной комисіи открыто протянулъ ему руку. Луи Бланъ и Коссидьеръ также протестовали противъ выдвинутыхъ противъ нихъ обвиненій, но большого впечатлѣнія ихъ рѣчи не произвели.

Національное собраніе находилось въ нерѣшительности, достиженіе большинства голосовъ было весьма сомнительно. Прежде чѣмъ приступить къ дебатамъ по существу, потребовали доказательствъ, документальныхъ данныхъ. Это требованіе было удовлетворено и въ послѣдующіе дни въ газетахъ, точно такъ же, какъ и на столахъ депутатовъ, появились цѣлыя кучи инсинуирующихъ документовъ. Обвиненія были направлены главнымъ образомъ противъ Луи Блана и Коссидьера. Послѣдніе неоднократно подымались, чтобы ослабить силу направленныхъ противъ нихъ ударовъ. Но имъ не давали говорить, отсылая къ генеральной дискусіи. Правительство хотѣло выиграть время, чтобы успѣть распространить и укрѣпить въ сознаніи общественнаго мнѣнія свои клеветническіе навѣты.

25-го августа, наконецъ, открылись генеральныя дебаты. Сначала выступили нѣкоторые несерьезно скомпрометированныя лица, чтобы оправдать передъ національнымъ собраніемъ свое поведеніе и протестовать противъ обвиненій докладной записки. Также Ледрю-Ролленъ появился вторично на трибунѣ и выразилъ рѣшительный протестъ противъ измышленій слѣдственной комисіи. Онъ закончилъ слѣдующими грозными словами: «Не обезоруживайте сами себя, не выдавайте своихъ собственныхъ то-

варищей; рѣчь идетъ о спасеніи національнаго представительства. Если брешь будетъ сдѣлана, то какъ знать, что могучія руки ее не распырятъ и не опрокинутъ все зданіе національнаго представительства».

Послѣ Ледрю-Роллена взялъ слово Луи Бланъ. Бывшій президентъ Люксембургской коммисіи приготовился къ серьезной борьбѣ, онъ хотѣлъ на доказательства своихъ враговъ отвѣтить доказательствами же и принесть съ собой цѣлую кипу документовъ. Онъ говорилъ около пяти часовъ, пока совершенно не выбился изъ силъ. Национальное собраніе слушало его съ ледянымъ спокойствіемъ. Это спокойствіе было внушительнѣе всякихъ бурныхъ криковъ и должно было сказать оратору: говори, сколько тебѣ угодно, ты все-таки погибъ.

Засѣданіе открылось въ полдень; когда Луи Бланъ кончилъ свою рѣчь, было 11 часовъ ночи.

Наступила очередь Коссидьера. Национальное собраніе изнемогало отъ усталости, поэтому Коссидьеръ потребовалъ отсрочки засѣданія. Но ночь болѣе подходитъ для выполненія задуманнаго акта мести, для совершенія моральнаго убійства. Отсрочка была отклонена и Коссидьеръ былъ вынужденъ говорить. Онъ прочелъ свою защитительную рѣчь, которую ему составилъ знакомый журналистъ. Какъ и другіе депутаты, онъ и самъ едва держался на ногахъ и почти не былъ въ состояніи говорить. Около полуночи онъ кончилъ свою рѣчь и, напрягая свои послѣднія силы, воскликнулъ: «Да здравствуетъ республика!» Теперь долженъ былъ разыгратъ послѣдній актъ комедіи. Президентъ Арманъ Марра прочелъ слѣдующее письмо:

«Г. Президентъ! Симъ имѣю честь войти съ предложеніемъ о разрѣшеніи судебнаго преслѣдованія двухъ членовъ національнаго собранія...»

Два депутата, о которыхъ шла рѣчь, были, конечно, Луи Бланъ и Коссидьеръ. Депутатъ Лоранъ протестовалъ отъ имени крайней лѣвой противъ этого чудовищнаго соединенія политики съ правосудіемъ. Другой депутатъ Теодоръ Бакъ открыто заявляетъ, что это предложеніе является выполненіемъ давно задуманнаго удара. Но національное собраніе не обращаетъ на это никакого вниманія, оно вторично отклоняетъ предложеніе объ отсрочкѣ засѣданія. Ни протестующій голосъ Ледрю-Роллена, ни заявленія другихъ депутатовъ не могли заставить большинство отказаться отъ задуманнаго плана. Заключительный аккордъ былъ сдѣланъ Кавеньякомъ, предложившимъ собранію покончить съ этимъ дѣломъ.

Уже начало свѣтать, когда голосованіе было окончено. 504 голосами противъ 252 собраніе высказалось за судебное пре-

слѣдованіе. Луи Бланъ и Коссидьеръ, которые не могли относиться съ довѣріемъ къ предстоящему слѣдствію, по совѣту своихъ друзей эмигрировали и благополучно добрались до Лондона.

Реакція шла твердымъ шагомъ по намѣченному пути, но и социализмъ не уступалъ ей въ своемъ поступательномъ движеніи.

Сближеніе между «Горой» и пародными кругами, открыто примыкающими къ социализму, привело къ соглашенію, основанному на взаимныхъ уступкахъ, которое положило начало социалдемократической партіи, въ скоромъ времени уже насчитывавшей много приверженцевъ въ странѣ.

Эта партія, по примѣру либеральной партіи реформъ временъ Іюльской монархіи, организовала цѣлый рядъ банкетовъ передъ дополнительными выборами 17-го сентября. Банкеты стали въ это время излюбленнымъ средствомъ пропаганды. На одномъ изъ такихъ банкетовъ, происходившемъ въ ресторанѣ du Chalet, произошло сенсаціонное событіе — Ледрю-Ролленъ сжегъ всѣ свои корабли, провозгласивъ тостъ за низверженіе «омерзительнаго капитала».

Выборы 17-го сентября дали поразительные результаты. Самую крупную побѣду на выборахъ одержалъ все тотъ же Луи Наполеонъ Бонапартъ, получившій 300,000 голосовъ и выбранный пятью департаментами. На ряду съ нимъ фигурировали извѣстные монархисты, какъ Моле, Фульдъ, Леффо. Былъ выбранъ также социалстическій кандидатъ Раснайль, сидѣвшій въ Венсенскомъ замкѣ вмѣстѣ съ Бланки и Барбесомъ.

На этотъ разъ Бонапартъ не отказался отъ депутатскаго мѣста, онъ воспользовался случаемъ вернуться въ Парижъ. Въ одинъ прекрасный день онъ совершенно неожиданно явился въ національное собраніе и прочелъ свою объяснительную записку, заканчивающуюся слѣдующими словами: «Въ противовѣсъ разыгравшимся страстямъ, старавшимся меня очернить, чтобы обречь на вторичное изгнаніе, мое поведеніе, проникнутое чувствомъ гражданскаго долга и уваженіемъ къ конституціи, будетъ служить доказательствомъ, что между вами нѣтъ человѣка, болѣе преданнаго интересамъ защиты порядка и укрѣпленія республики».

Большинство національнаго собранія благосклонно выслушало заявленіе будущаго диктатора и императора французовъ. Такимъ образомъ оно своими собственными руками сплело тотъ кнутъ, который впоследствии долженъ былъ обрушиться на него. Къ депутатскому мандату Раснайля оно отнеслось очень враждебно и оставило его въ заключеніи.

Бонапартъ считъ болѣе благоразумнымъ нѣкоторое время оставаться на заднемъ планѣ, потому что какъ разъ теперь общественное вниманіе было привлечено дебатами по поводу конституціи французской республики. Еще въ маѣ была выбрана коммиссія изъ 18 членовъ, которая должна была выработать проектъ конституціи. Большинство ея членовъ состояло изъ людей, которые носили только республиканскую маску. Представителемъ рабочаго класса въ коммисіи былъ гибкій, какъ выюнъ, Капбонъ, представителемъ социалистическаго теченія—Викторъ Консидеранъ. Приступивъ къ работѣ 15-го мая, коммиссія успѣла въ общихъ чертахъ набросать проектъ конституціи, когда разыгрались июньскія событія.

Проектъ начинался съ введенія, въ которомъ было сказано, что республика должна охранять личность, семью и религію гражданъ. Далѣе говорились: «Республика обязывается по мѣрѣ своихъ силъ поддерживать нуждающихся гражданъ, доставляя имъ работу сообразно со средствами, которыя имѣются въ ея распоряженіи, или же отпуская имъ средства къ существованію въ случаѣ ихъ нетрудоспособности».

Какъ бы то ни было этотъ пунктъ заключалъ въ себѣ косвенное *признаніе права на трудъ*.

Проектъ конституціи провозгласилъ неприкосновенность жилища, уничтоженіе рабства на всей французской территоріи, отмену смертной казни за политическія преступленія, личную и религіозную свободу, свободу преподаванія, промышленности и труда. Законодательная власть передается единому собранію, состоящему изъ 750 членовъ, выбранныхъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Національное собраніе объявляется постояннымъ, но оно въ правѣ откладывать свои засѣданія на опредѣленный срокъ. Въ продолженіе перерыва функционируетъ коммиссія изъ 27 членовъ, которая облечена правомъ созывать собраніе въ случаѣ необходимости. Собраніе избирается на 3 года, депутаты неприкосновенны и получаютъ денежное вознагражденіе. Во главѣ исполнительной власти стоитъ президентъ республики, избираемый на 4 года при непосредственномъ участіи всего французскаго народа. Если ни одинъ изъ кандидатовъ не получитъ больше половины всѣхъ поданныхъ голосовъ, то національное собраніе само избираетъ президента изъ пяти кандидатовъ, получившихъ наибольшее число голосовъ. Президентъ республики можетъ быть переизбранъ лишь по прошествіи промежутка времени, равнаго четыремъ годамъ. Онъ не имѣетъ права распускать законодательный корпусъ, его личность не неприкосновенна. Онъ хотя и располагаетъ военной силой страны, но не въ правѣ командовать ею лично. Президенту было предло-

ставлено много правъ, которыя какъ бы приравнивали его санъ къ положенію конституціоннаго монарха.

При обсужденіи проекта конституціи «*право на трудъ*» встрѣтило въ національномъ собраніи серьезное сопротивленіе. Депутатъ департамента Дромъ Мартъе, настаивавшій на болѣе точномъ опредѣленіи этого права, формулировалъ этотъ пунктъ слѣдующимъ образомъ: «Республика признаетъ за всѣми гражданами право на обученіе, трудъ и поддержку». Одинъ депутатъ департамента Роны выразилъ еще болѣе рѣшительное требованіе. «Граждане,—сказалъ онъ,—право на трудъ было обѣщано народу, какъ награда за февральскую побѣду, народъ на это рассчитываетъ, народъ ждетъ этого. Собраніе должно держать свое слово. Вы заявили, что временное правительство имѣетъ заслуги передъ страной, вы такимъ образомъ признали что оно хорошо поступило, признавъ право на трудъ». Эти слова, которыя приводитъ между прочимъ и консервативный писатель Пьеръ де ла Горсъ въ своей «Исторіи второй республики», были заглушены шумомъ поднявшихся криковъ депутатовъ.

Ледрю-Ролленъ и Ламартинъ также взяли подъ свою защиту право на трудъ. Послѣдній патетически воскликнулъ: «Въ эпоху, связанную съ мрачными воспоминаніями, Дантонъ воскликнулъ: «Смѣлость! смѣлость! и еще разъ смѣлость! А мы скажемъ: сочувствіе! сочувствіе! и еще разъ сочувствіе къ народу, и онъ вамъ выразитъ за это свою признательность».

Нѣкоторые члены правой также высказались въ пользу права на трудъ, мотивируя это соображеніями христіанскаго милосердія.

Но все это ни къ чему не привело. Тьеръ и на этотъ разъ выступилъ выразителемъ чувствъ французской буржуазіи. Онъ рѣшительно высказался противъ измѣненія дебатироваемаго пункта и былъ награжденъ шумными одобреніями собранія. Право на трудъ буржуазія ненавидѣла не только само по себѣ, но еще потому, что его признаніе было вынуждено народомъ у временнаго правительства.

Кромѣ права на трудъ горячіе дебаты вызвалъ еще вопросъ о томъ, долженъ ли законодательный корпусъ состоять изъ одной или двухъ палатъ. Комиссія, какъ мы уже упомянули, высказалась за одну палату. Одилонъ Барро, Тьеръ и Дювержье де Оранъ настаивали на двухпалатной системѣ, потому что она больше приближается къ монархическому образу правленія. Тѣмъ не менѣе одержалъ верхъ принципъ однопалатной системы.

Не такъ легко было рѣшить вопросъ о выборахъ пре-

зидента республики. Сначала въ республиканскомъ лагерѣ было единодушно рѣшено, что выборы должны происходить на началахъ всеобщаго избирательнаго права. Исходъ выборовъ 17-го сентября, на которыхъ Бонапартъ одержалъ такую блестящую побѣду, заставилъ многихъ призадуматься. Въ широкихъ кругахъ буржуазной демократіи предвидѣли, что народное голосованіе выскажется за избранника 17-го сентября.

Тѣмъ не менѣе значительная часть республиканцевъ, не желая отказываться отъ принципа изъ страха передъ возможной опасностью, настаивала на народномъ избраніи президента. Другіе, еще болѣе крайніе республиканцы, надѣялись выйти изъ затруднительнаго положенія, предложивъ учредить должность министра-президента, избираемаго палатой, котораго палата же могла заставить выйти въ отставку. Жюль Греви, будущій президентъ третьей республики, поддерживалъ эту мысль и также высказывался противъ выбора президента республики. «Что же вы еще могли сдѣлать,— сказалъ онъ,—если бы хотѣли возстановить монархію? Развѣ вы вполнѣ увѣрены, что лица, которыя одинъ за другимъ будутъ каждые четыре года занимать президентское кресло, все будутъ искренніе республиканцы, которые по истеченіи положеннаго срока поторопятся покинуть свой тронъ?.. Что если, напримѣръ, президентъ является отпрыскомъ одной изъ тѣхъ фамилій, которыя господствовали надъ Франціей, если онъ никогда точно и ясно не отказывался отъ того, что онъ считаетъ своимъ правомъ?»

Было внесено предложеніе, чтобы національное собраніе избирало президента республики. Противъ этого выступилъ Ламартинъ, разразившійся длинной рѣчью въ пользу народныхъ выборовъ, обнаруживавшей все его политическое глубокомысліе: ...«Для того, чтобы осмѣлиться повторить 18-е брюмера, необходимо два условія: долгіе годы предшествующаго правленія ужаса и будущія побѣды, какъ при Маренго». Луи Бонапартъ вскорѣ доказалъ поэту, что бываютъ случаи, когда можно произвести государственный переворотъ безъ этихъ условій.

627 голосами противъ 130 собраніе постановило предоставить народу выборы президента.

Все же страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ охватилъ депутатовъ. Опасеніе второго 18 брюмера, какъ ни отдаленной и казалось эта возможность, все же оказало свое дѣйствіе, и поэтому было рѣшено на всякій случай принять нѣкоторыя мѣропріятія. Не только было постановлено, что по истеченіи четырехлѣтняго періода президентъ не можетъ быть вторично избранъ, но рѣшили, что даже его родственники до шестого колѣна не могутъ занять его постъ. Онъ единственный изъ

всѣхъ правительственныхъ чиновниковъ обязанъ дать присягу въ вѣрности конституціи. Далѣе было объявлено, что всякая попытка со стороны президента отерочить или распусить національное собраніе будетъ разсматриваться, какъ государственная измѣна и повлечетъ за собой его отставку. Въ такомъ случаѣ высшая исполнительная власть по закону переходитъ къ національному собранію и созывается верховный судъ для осужденія президента и его соучастниковъ.

Въ концѣ октября конституція новой республики была готова *). Марксъ въ своемъ «18-омъ Брюмера» высказываетъ слѣдующее мнѣніе объ этой своеобразной конституціи:

«Новая конституція была въ сущности лишь республиканизированной копіей съ конституціоналистической хартіи 1830 г. Строго избирательный цензъ временъ юльской монархіи, лишившій политическаго владычества значительную часть самой буржуазіи, былъ несомѣстимъ съ буржуазной республикой. Поэтому февральская революція сейчасъ же замѣнила этотъ цензъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ... Необходимый комплексъ «вольностей» 1848 г., свободы личности, печати, рѣчи (слова), ассоціацій, собраній, обученія, совѣсти и т. д. — все это облеклось въ конституціонную броню, благодаря чему всѣ эти вольности дѣлались неуязвимыми. Именно, каждая изъ этихъ вольностей была объявлена безусловнымъ правомъ французскаго citoyen'a, но съ неизмѣнной оговоркой, что всѣ эти вольности абсолютны лишь постольку, поскольку онѣ не ограничиваются равными правами прочихъ гражданъ и интересами общественной безопасности или «законами», долженствующими способствовать водворенію такой гармоніи. Напримѣръ, граждане имѣютъ право ассоціироваться, собираться съ мирными цѣлями и невооруженные, подавать петиціи и высказывать свое мнѣніе въ печати или инымъ путемъ. Пользованіе этими правами ограничивается лишь равными правами прочихъ (гражданъ) и общественной безопасностью (гл. II французской конституціи, § 8).

«Обученіе свободно».

«Но свободой обученія слѣдуетъ пользоваться *подъ условіями, въ законъ установленными*, и *подъ* верховнымъ надзоромъ государства» (тамъ же § 9).

«Жилище каждаго гражданина неприкосновенно, за исключеніемъ случаевъ, въ законѣ предусмотрѣнныхъ» (гл. I, § 3)... Каждый § конституціи заключаетъ въ себѣ собственную анти-

*) 4-го ноября она была принята 739 голосами противъ 30. Последняя цифра составила отчасти изъ легитимистовъ, отчасти изъ представителей крайней лѣвой, какъ Пьеръ Леру и Прудонъ.

тезу, свою собственную верхнюю и нижнюю палату: съ одной стороны, мы видимъ общую фразу о свободѣ, а съ другой стороны—оговорку, упраздняющую свободу.

«Эта конституція, столь хитроумно обращенная во что то неувомимое, имѣла, однако, и свои слабыя стороны: ея ахиллесова пята заключалась въ законодательномъ собраніи—съ одной стороны, въ президентѣ—съ другой стороны. Стоитъ только ближе вемотрѣться въ конституцію, чтобы убѣдиться, что лишь тѣ параграфы въ ней абсолютны, положительны (не содержать противорѣчія и не допускаютъ исключенія), въ которыхъ опредѣляется отношеніе президента къ законодательному собранію. Объ этомъ, именно, пунктѣ и слѣдовало самимъ буржуа-республиканцамъ хорошенько обдумать, дабы обезпечить свою собственную позицію. §§ 45—70 конституціи составлены такъ, что національное собраніе могло бы упразднить президента на основаніи конституціи тогда, какъ президенту удалось бы упразднить національное собраніе лишь путемъ нарушенія конституціи, т. е. путемъ упраздненія самой конституціи. Въ этомъ пунктѣ она, слѣдовательно, сама подкапывается подъ себя самое, сама роетъ себѣ могилу, не только освящая подобно хартіи 1830 г., раздѣленіе властей, но и раздвигая это раздѣленіе властей до размѣровъ непримиримаго противорѣчія. Игра въ конституціонную власть, какъ Гизо назвалъ парламентскую грызню законодательной власти съ властью исполнительной, въ конституціи 1848 г. была настоящей игрой *va banque*. Съ одной стороны, мы имѣемъ передъ собой 750 народныхъ представителей, которые избраны всеобщимъ голосованіемъ и могутъ быть избраны вновь; эти представители образуютъ собой національное собраніе, которое не подлежитъ ни контролю, ни распушенію, ни дѣленію; это собраніе въ законодательномъ смыслѣ всемогуще; оно въ послѣдней инстанціи рѣшаетъ вопросъ о войнѣ, мирѣ и торговыхъ договорахъ; оно монопольно пользуется правомъ амнистіи и постоянно сохраняетъ за собой политическую авансцену, благодаря тезису о перманентности. Съ другой стороны, мы видимъ президента, облеченнаго всеми атрибутами королевской власти; онъ въ правѣ назначать и смѣщать своихъ министровъ независимо отъ національнаго собранія.

«Онъ сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ все средства и орудія исполнительной власти; онъ раздастъ все мѣста и должности и, благодаря этому, держитъ въ рукахъ судьбу по меньшей мѣрѣ 1½ миллионъ душъ во Франціи, поскольку судьба такого множества душъ тѣсно связана съ судьбой 500,000 чиновниковъ и офицеровъ разныхъ наименованій и ранговъ. Далѣе, въ его распоряженіи вся военная сила страны... Въ то

время, какъ собраніе постоянно исполняетъ свою роль на глазахъ у всѣхъ при свѣтѣ повседневной критики, президентъ живетъ себѣ припѣваючи въ Елисейскихъ поляхъ, вдали отъ постороннихъ глазъ, непрестанно памятуя о 45 и 46 статьяхъ конституціи, статьяхъ, которыя изо дня въ день взываютъ къ нему: «Братъ, надо помирать! Твоя власть прекращается во второй воскресный день прекраснаго мѣсяца мая на 4-мъ году твоего избранія! Тогда наступитъ конецъ твоего величія и въ эту игру нельзя уже будетъ играть дважды; итакъ, если у тебя есть долги, то заблаговременно подумай о томъ, какъ бы ихъ уплатить изъ тѣхъ 600,000 фр., которые тебѣ ассигнуются по конституціи, коли не желашь попасть въ Клиши во второй понедѣльникъ прекраснаго мѣсяца мая»^{*)}).

Въ дѣйствительности, нетрудно было предвидѣть, что, обладая именемъ Бонапарта, при такихъ условіяхъ нелегко откажутся отъ политическаго господства и пожелаютъ умереть въ этомъ санѣ.

Спустя нѣсколько дней послѣ 12-го ноября, площадь Согласія опять была торжественно разукрашена, но не для похоронъ, а для провозглашенія республики. Это было печальное и холодное торжество. Небо было покрыто мрачными тучами, поднялась мятель.

Постукивая зубами отъ холода, Арманъ Марра прочелъ съ воздвигнутой среди площади трибуны содержаніе конституціи. затѣмъ епископы отслужили торжественную литургію.

Вся эта церемонія была быстро окончена. Народъ, независимо отъ дурной погоды, относился очень холодно къ этой комедіи, а официальныя сферы меньше всего были расположены подвергать свое драгоцѣнное здоровье опасности простуды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Не только въ одной Франціи восторжествовала побѣдоносная реакція во второй половинѣ революціоннаго года. Во всѣхъ европейскихъ странахъ, охваченныхъ революціоннымъ движеніемъ, мы наблюдаемъ сильно возрастающее контръ-революціонное теченіе, исходящее большей частью изъ правительственныхъ сферъ и направленное къ возстановленію до-революціоннаго режима въ quasi-конституціонныхъ формахъ, т. е. умѣ-

^{*)} Цитировано по русскому изданію «Молота» 1905 года, стр. 16—20. *Переводчикъ.*

ренному расширенію правъ господствующаго класса на счетъ завоеваній революціи.

Хотя еще не было рѣшено, на какой сторонѣ будетъ конечная побѣда, но было не трудно понять, что фактическая власть находилась въ распоряженіи реакціи, между тѣмъ, какъ демократія, выпустившая изъ своихъ рукъ руководство революціоннымъ движеніемъ, была безсильна противъ укрѣпленія власти привилегированныхъ. Было очевидно, что побѣдившій демократію, буржуазно капиталистическій либерализмъ, представители котораго въ парламентахъ никому не позволяли ротъ раскрыть, а въ маленькихъ государствахъ еще держали даже въ своихъ рукахъ бразды правленія, изъ страха передъ господствомъ массы перейдутъ цѣликомъ въ лагерь реакціонеровъ, или по крайней мѣрѣ будутъ оказывать очень слабое противо-дѣйствіе.

Побѣжденная въ кровавой борьбѣ пролетарская демократія Франціи не была въ силахъ поднять возстаніе послѣ того, какъ ея наиболѣе активные элементы, оставшіяся въ живыхъ послѣ іюньской бойни, частью томились въ заточеніи, а частью находились въ транспортѣ плѣнныхъ, отправляемыхъ въ колонію Belle-Isle-en-Mer; не могло быть и рѣчи о поддержкѣ своихъ единомышленниковъ по ту сторону Рейна и Альпъ съ цѣлью организовать всеобщее республиканское возстаніе: эти стремленія были похоронены еще 15-го мая.

Поэтому политическія событія, разыгравшіяся теперь въ Германіи и Пруссіи точно такъ же, какъ отношенія между Австріей и Венгріей, встрѣчали очень слабый откликъ во Франціи, всецѣло поглощенной своими внутренними дѣлами. Они не оказывали почти никакого вліянія на ходъ французской контр-революціи и поэтому не заслуживали здѣсь особаго вниманія.

Въ другомъ положеніи находилась Италія, которая вначалѣ, повидимому, не нуждалась въ помощи французской республики, но теперь очутилась въ такомъ положеніи, что страстно начала искать покровителей и защитниковъ.

«Мечъ Италіи» Карль Альбертъ воспользовался заключеннымъ перемиріемъ, къ которому былъ вынужденъ австрійскій полководецъ, чтобы формально присоединить занятую имъ Ломбардію къ своимъ владѣніямъ. Еще 8-го іюня ломбардское временное правительство оповѣстило страну, что произведенное голосованіе дало слѣдующій результатъ: значительное большинство 561,000 гражданъ высказалось за присоединеніе Ломбардіи къ Сардиніи. 14-го іюня Карль Альбертъ подписалъ въ своей главной квартирѣ Гарцъ унію и провозгласилъ себя королемъ Верхней Италіи. Общее сардино-ломбардское конституціонное

собрание должно было выработать основы этой новой монархии, а до тѣхъ поръ остается у власти существующее временное правительство Ломбардіи и имѣютъ юридическую силу всѣ изданные имъ законы.

Республикански настроенное временное правительство Венеціи не торопилось послѣдовать примѣру Ломбардіи и отказаться отъ своей независимости. Между тѣмъ народное возстаніе 4-го іюля заставило Манина отказаться отъ дальнѣйшаго противодѣйствія и одобрить рѣшеніе Венеціи присоединиться къ новому верхнеитальянскому королевству. Послѣ этого сардинскія палаты въ Туринѣ постановили 27-го іюля, что городъ и провинція Венеціи съ Сардиніей и соединенными съ ней ломбардскими провинціями составляютъ *одно* королевство на условіяхъ, выраженныхъ въ соединительномъ актѣ съ Ломбардіей. Карлъ Альбертъ санкціонировалъ это рѣшеніе и, такимъ образомъ, появилось новое сардино-ломбардо-венеціанское королевство, но только на бумагѣ. Въ то время, какъ Карлъ Альбертъ занимался политикой, генералъ Радецкій не зѣвалъ. 29-го мая онъ напалъ на итальянскихъ добровольцевъ, подкрѣпленныхъ тосканскими и неаполитанскими войсками, въ ихъ укрѣпленіяхъ при Куртатонѣ, два раза отбросилъ ихъ и въ третій разъ взялъ штурмомъ ихъ окопы. Тосканская дивизія была при этомъ почти уничтожена, добровольцы-студенты изъ Пизы пали въ славномъ бою. Хотя 31-го мая капитулировала занятая австрійцами крѣпость Пескьера, но этой послѣдней побѣдой кончилось военное счастье сардинскаго короля. Радецкій оставилъ его на плато Риволи и направился на востокъ, чтобы опять завоевать венеціанскую провинцію. Послѣдняя была главнымъ образомъ занята папскими войсками подъ начальствомъ генерала Дюрандо, расположившагося съ своимъ пятнадцатитысячнымъ отрядомъ въ верхней части Тревизо у Пьявы, имѣя свои главныя силы въ Виценцѣ. Этотъ городъ былъ сильно укрѣпленъ, даже улицы были забаррикадированы. Радецкій 10-го іюня взялъ штурмомъ господствующую надъ городомъ Monte Berico и такимъ образомъ заставилъ Дюрандо капитулировать. Четырехтысячный отрядъ папскихъ войскъ, оставшійся въ Тревизо, также капитулировалъ 14-го іюня. Падуя была также взята безъ кровопролитія и около конца іюня вся территорія Венеціи перешла въ руки Австріи. Только городъ Венеція, рѣшившій защищаться до послѣдней крайности, оказывалъ еще сопротивленіе.

Между тѣмъ, англійское правительство предложило воюющимъ сторонамъ свое посредничество и побудило Австрію отказаться отъ Ломбардіи подъ условіемъ, что послѣдняя приметъ на себя часть австрійскихъ государственныхъ долговъ и Венеція бу-

деть соединена съ Австріей личной уніей. Одновременно Радецкій получилъ приказъ предложить Карлу Альберту перемиріе. Генераль отнесся къ этому приказу крайне несочувственно, онъ послалъ князя Феликса Шварценберга въ Инсбуркъ съ протестомъ и добился отказа отъ предполагаемаго шага. И въ знакъ того, что Австрія намѣревается цѣликомъ возстановить свою былую власть въ Италіи, императорскимъ декретомъ были возложены на графа Монтекукули организація и политическое руководство въ занятыхъ и еще предстоящихъ быть занятыми итальянскихъ провинціяхъ.

Карль Альбертъ, потерявшій цѣлый мѣсяць въ нерѣшительномъ ожиданіи и жадномъ домогательствѣ «желѣзной короны» Ломбардіи, остался теперь при своихъ пьемонтцахъ и семитысячномъ отрядѣ добровольцевъ, которые (добровольцы) подъ начальствомъ храбраго Джузеппе Гарибальди вели партизанскую борьбу въ тылу австрійской арміи, появляясь изъ Альпійскихъ горъ то тутъ, то тамъ для смѣлыхъ нападений на австрійцевъ, стараясь по возможности безпокоить ихъ и стѣснять ихъ движенія.

12-го іюля, наконецъ, Карль Альбертъ рѣшился перейти въ наступленіе и выступить своимъ правымъ крыломъ противъ Мантуи. Онъ медлилъ стянуть свои войска, составлявшія его лѣвое крыло и такимъ образомъ далъ возможность австрійцамъ обрушиться 23-го іюля съ превосходными силами на свой ослабленный центръ и прорвать его. На слѣдующій день Радецкій началъ переправляться при Соліонцѣ черезъ Минчіо, но въ это время быстрымъ маршемъ явился Карль Альбертъ изъ Мантуи, чтобы помѣшать переправѣ. Радецкій же занималъ прочную позицію на высотахъ при Кустоцѣ и когда 25-го іюля при палащемъ зноѣ въ 28° R пьемонтцы пошли на штурмъ противъ австрійцевъ, превосходившихъ ихъ и своей численностью и своими позиціями, они были въ девятичасовомъ бою неоднократно отбиты и въ концѣ концовъ отброшены въ равнину Вилла-Франка. Въ 7 часовъ вечера Карль Альбертъ призналъ себя побѣжденнымъ и началъ отступленіе къ Гонто. Усталость австрійскихъ войскъ позволяла ему приступить къ переправѣ черезъ Минчіо. Но Радецкій послѣдовалъ за нимъ и когда вечеромъ 26-го іюля пьемонтцы попытались взять занятые австрійцами высоты при Вольтъ, чтобы прикрыть свое отступленіе, они были вторично разбиты въ ожесточенномъ ночномъ бою, тянувшемся до утра 27-го іюля и разыгравшемся на улицахъ Вольты. Порядокъ ослабѣлъ и отступленіе превратилось въ дикое бѣгство, продолжавшееся съ неудержимой силой до

самого Милана, куда Карль Альбертъ и прибылъ 3-го августа съ остатками своего войска.

Его встрѣтили здѣсь очень враждебно. Тотъ же самый народъ, который четыре мѣсяца тому назадъ съ восторгомъ привѣтствовалъ его, теперь открыто обрушился на него съ проклятіями. Дворецъ Грени, гдѣ онъ остановился, окружила сильно возбужденная толпа, раздались крики: «Долой измѣнника, который насъ продалъ!» Когда Карль Альбертъ показался у окна, въ него раздались выстрѣлы. Совершенно обезкураженный, онъ въ ночь на 5-е августа тайно покинулъ съ своей свитой городъ, передавъ командованіе арміей генералу графу Саласко, а самъ перебрался черезъ Пьемонтскую границу. Генералу Саласко ничего другого не осталось дѣлать, какъ сдать Радецкому на капитуляцію, согласно которой сардинская армія должна также уйти за границу, Миланъ будетъ пощажень, и 6-го августа въ полдень австрійская армія вступить въ городъ. Желаящіе покинуть городъ, должны это сдѣлать до 8 часовъ утра по дорогѣ черезъ Магенту. Больше 30,000 человекъ, большая часть миланской знати и всѣ политически скомпрометированные, въ томъ числѣ Джузеппе Мадзини, воспользовались этимъ пунктомъ капитуляціи.

9-го августа было въ Вигевано заключено формальное перемиріе на 6 недѣль, установившее status quo до начала инсurreкціонной войны и отозваніе всѣхъ сардинскихъ войскъ изъ занятыхъ еще ими крѣпостей и городовъ средней Италіи. Изгнанные изъ Пармы и Модены князья вернулись, чтобы учинить жестокую расправу надъ своими врагами. Писанскій городъ Болонья былъ подвергнутъ бомбардировкѣ за то, что нѣкоторые австрійскіе офицеры, обнаружившіе какое-то подозрительное любопытство и пронирливость, были приняты народомъ за непріятельскихъ шпионовъ и убиты. Выводъ войскъ изъ крѣпостей и взятіе австрійцами переданныхъ имъ городовъ большею частью совершались безъ сопротивленія. Только Брескія отказалась открыть ворота генералу д'Аспрѣ, силою оружія ее заставили подчиниться, и она жестоко поплатилась за свою непокорность. Гарибальди со своими волонтерами еще держался нѣкоторое время въ альпійскихъ долинахъ между озеромъ Комо и Лаго-Маджіоре, но, въ концѣ концовъ, и онъ былъ вынужденъ уйти въ Пьемонтъ.

Въ Венеціи еще 10-го августа народъ объявилъ унию съ Сардиніей недѣйствительной, провозгласилъ республику и выбралъ временное правительство подъ предѣдательствомъ Манина, чтобы продолжать войну съ Австріей. Изъ этой маленькой республики донесся теперь въ Парижъ послѣдній крикъ о по-

мощи. Но Кавеньяка было трудно смутить такими пустяками, хотя въ самомъ правительствѣ возникло сильное теченіе въ пользу немедленнаго вмѣшательства въ итальянскія дѣла, тѣмъ болѣе, что почти вся страна, по крайней мѣрѣ, мало-мальски демократически настроенные элементы настойчиво и бурно требовали этого. Это теченіе было настолько сильно, что министры, высказавшіеся за итальянскую экспедицію, сочли возможнымъ дѣйствовать, не заручившись опредѣленнымъ согласіемъ Кавеньяка, надѣясь, наоборотъ, на его индифферентизмъ. Въ Марсели были снаряжены четыре транспортныхъ судна для перевозки трехтысячной бригады и Манину написали: «Продержитесь до прибытія французовъ». Но Кавеньякъ разстроилъ всѣ ихъ планы и настоялъ на приостановкѣ всѣхъ военныхъ приготовленій. Италия, такимъ образомъ, опять была предоставлена своей собственной судьбѣ.

Между тѣмъ, какъ повсюду въ Европѣ рушились надежды демократіи, ей удалось еще въ этомъ же году одержать одну блестящую побѣду: въ срединѣ ноября центръ христіанства, Римъ, былъ объятъ революціоннымъ пламенемъ и народное дѣло восторжествовало.

Аллокуція (рѣчь передъ собраніемъ кардиналовъ) папы отъ 29-го апрѣля, отвергавшая мысль о войнѣ съ Австріей, вызвала въ Римѣ и всей Церковной Области такое недовольство, что Пій IX былъ вынужденъ поручить либеральному графу Маміани образованіе новаго министерства. Онъ даже согласился на то, чтобы руководство иностранными дѣлами, поскольку оно не касается церковныхъ интересовъ, было изъято изъ вѣдѣнія кардинала Антонелли и преслѣдовало безусловно національную политику. Но такъ какъ папа рѣшительно противился формальному объявленію войны величайшей католической державѣ Европы, то сейчасъ же начались обычные конфликты между упорнымъ абсолютистомъ и его министромъ. Когда же въ іюлѣ и августѣ общественное мнѣніе при вѣсти о побѣдоносномъ шествіи австрійцевъ потребовало энергичныхъ мѣръ, на что папа отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ, министерство Маміани вышло въ отставку и учрежденная конституціей 14-го марта палата была распушена до 15-го ноября.

Послѣ переходнаго министерства Фабри, которое отнюдь не доросло до серьезныхъ событій въ Италіи, 14-го сентября Пій IX призвалъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и финансовъ человѣка, который былъ увѣренъ, что сумѣетъ затормозить національное движеніе и заглушить народную волю насильственными средствами. Это былъ графъ Пеллегрини Росси, уроженецъ Каррары. Онъ былъ профессоромъ права въ Женевѣ и при

Гизо переселился въ Парижъ, гдѣ занимать очень видныя правительственныя должности. Произведенный Луи-Филиппомъ въ графа, онъ вплоть до февральской революціи занимать постъ французскаго посланника при папскомъ дворѣ. На этого человека обратилась вся ненависть итальянцевъ, ненависть, не оставившаяся даже передъ политическимъ убійствомъ.

Росси хотѣлъ лично открыть засѣданіе палаты, назначенное на 15-е ноября. Не обращая вниманія на полученныя предостереженія, онъ направился въ палату сословій, провожаемый яростными криками огромный народнои толпы. Площадь передъ палатой и лѣтница, ведущая въ залу засѣданій, были густо усеяны возбужденнымъ народомъ. Едва только онъ вышелъ изъ коляски и вступилъ на первую ступеньку лѣтницы, какъ упалъ замертво, пораженный кинжаломъ въ шею, и былъ совершенно раздавленъ напавшею толпой. Убійца взмахнулъ торжествуя своими кинжаломъ, и народъ даровалъ ему свободу за его геройскій поступокъ.

На слѣдующій день въ полдень внушительное шествіе, въ которомъ приняли участіе также національные гвардейцы, карабинеры и линейные солдаты, направилось въ Квириналъ, чтобы предъявить папѣ требованія народа, заключавшіяся въ слѣдующемъ: признаніе итальянской національности, созывъ учредительнаго собранія, продолженіе войны за независимость и восстановление либеральнаго министерства подъ руководствомъ Маміани. Но па Пій IX это не подѣйствовало. Онъ заявилъ депутаци, что силой его не заставятъ пойти на какія бы то ни было уступки.

Когда ожидавшая у Квиринала толпа узнала отвѣтъ папы, она разсѣялась, призывая гражданъ къ оружію, но вскорѣ опять вернулась къ дворцу. Со всѣхъ сторонъ приносили оружіе и даже привезли пушки. Залпъ въ толпу, сдѣланный швейцарскою гвардіей, составлявшею охрану папскаго дворца, еще больше усилилъ народную ярость, раздались отвѣтныя выстрѣлы, при чемъ былъ убитъ дворцовый прелатъ папы монсиньеръ Пальма. По всей вѣроятности, дворецъ былъ бы въ ту же ночь взятъ штурмомъ, если бы въ послѣдній моментъ Пій IX не уступилъ и не согласился бы на назначеніе либеральнаго министерства съ Маміани во главѣ.

Это министерство провозгласило своей главной задачей осуществленіе національнаго принципа. Существенная часть его программы гласила: «Основной нашей задачей будетъ созывъ итальянскаго учредительнаго собранія въ Римѣ для заключенія союзной конституціи. Такъ какъ этотъ основной принципъ нашей дѣятельности санкціонированъ нашимъ повелителемъ,

котораго вся Италия чтить, какъ основателя ея свободы и независимости, то близокъ моментъ, когда будетъ осуществленъ этотъ союзъ, который, сохраняя независимость отдѣльныхъ государствъ, будетъ стоять на стражѣ свободы и независимости Итали».

Но папа меньше всего думалъ о свободѣ и независимости Итали, а главнымъ образомъ заботился о сохраненіи своей свѣтской власти. Поэтому онъ рѣшилъ прибѣгнуть къ излюбленному тогда средству, къ которому такъ часто прибѣгали разные тираны, чтобы прикрыть свое вѣроломство. Онъ рѣшилъ объявить свое согласіе на либеральныя преобразованія вынужденнымъ, а потому неэффективнымъ. Но для выполненія этого плана ему нужно было бѣжать изъ Рима.

Всѣмъ этимъ рѣшилъ воспользоваться Кавеньякъ. Вѣдь рѣчь тутъ шла о намѣстникѣ св. Петра и Павла, о «святомъ отцѣ» христіанской церкви. Если взять его подъ свою защиту, то это должно произвести пріятное впечатлѣніе не только на европейскія придворныя сферы, но и на католическое населеніе Франціи. Это былъ прекрасный случай расположить въ пользу буржуазной республики, представителемъ которой являлся Кавеньякъ, все католическое крестьянство. Французскій посланникъ въ Римѣ старался повліять въ этомъ смыслѣ на Квириналъ и Пій IX, который въ это время только и думалъ о томъ, какъ бы выбраться изъ Рима, послѣ нѣкотораго колебанія сдѣлалъ видъ, что принимаетъ приглашеніе Кавеньяка. Онъ согласился перебраться во Францію, если въ его распоряженіе будетъ предоставлено судно. «Въ сущности», говоритъ Исполнѣ Кастиль, «Пій IX предчувствовалъ, что послѣ того, какъ онъ предасть дѣлю итальянской независимости, ему не мѣсто у народа Вольтера, который уже снялъ голову одному королю и безъ сомнѣнія не пощадитъ и папу».

Несмотря на то, что національная гвардія тщательно охраняла папу въ Квириналѣ, тѣмъ не менѣе ему удалось 24-го ноября, переодѣвшись въ платье аббата, улизнуть изъ дворца въ сопровожденіи Баварскаго посланника графа Шпаура и благополучно покинуть городъ. Онъ добрался до уединеннаго монастыря іезуитовъ въ Албанѣ, гдѣ графиня Шпауръ дождалась его съ коляской, которая доставила бѣглеца черезъ Террацину на неаполитанскую территорію въ крѣпость Гаэту.

Между тѣмъ Кавеньякъ поспѣшилъ не только послать пароходъ въ Гаэту, но и отправить четыре фрегата съ экипажемъ въ 3500 человекъ для охраны благополучной высадки «святого отца». Но Пій XI, выбравшись изъ Рима, поблагодарилъ Кавеньяка за его любезную поддержку и предпочелъ остаться подъ защитой неаполитанскаго короля («Бомбы») въ Гаэтѣ.

Въ дипломатическихъ кругахъ, конечно, потѣшались надъ глупымъ положеніемъ, въ которомъ очутился Кавеньякъ, а пресса — главнымъ образомъ монархическая — выставила его неуклюжимъ солдафономъ, который вздумалъ разыграть роль дипломата.

Неудачный маневръ Кавеньяка сдѣлалъ французское правительство смѣшнымъ и далъ поводъ для шутокъ, а это нѣчто такое, что во Франціи не такъ-то легко прощаютъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Герой июньскихъ дней не долго наслаждался своей властью: началась борьба изъ-за президентскаго мѣста. Президентское кресло казалось настолько заманчивымъ, что на политической аренѣ появилось много претендентовъ, изъ которыхъ каждый былъ преисполненъ ненависти и зависти къ другимъ кандидатамъ и льстилъ себя надеждой, что выйдетъ побѣдителемъ изъ избирательной урны. Въ концѣ концовъ на аренѣ осталось два борца; между ними и долженъ былъ разыгратъ рѣшительный бой, исходъ котораго долго казался сомнительнымъ. Это были Кавеньякъ и Луи Наполеонъ Бонапартъ.

Одно время и Тьеръ серьезно мечталъ о президентскомъ креслѣ. Превратиться изъ простаго наемника монархіи въ властителя Франціи, вѣдь, это перспектива уже очень соблазнительная! Лавры, которые онъ стяжалъ послѣ своей мнимой побѣды надъ социализмомъ, привлекли къ нему симпатіи части трусливой буржуазіи, усмотрѣвшей въ немъ своего спасителя. Онъ полагалъ также, что можетъ разчитывать на признательность парламентской реакціи, выступая такъ часто въ качествѣ ея мозгового и голосоваго аппарата. Если бы выборы производились національнымъ собраніемъ, то очень возможно, что мечты г. Тьера сбылись бы, но при народныхъ выборахъ онъ не могъ разчитывать на успѣхъ. Онъ это понялъ и отказался выставить свою кандидатуру.

Неудачи Ламартина не отрезвили его; онъ продолжалъ носить со своими политическими иллюзіями и выставилъ свою кандидатуру на постъ президента.

Партіи «безпорядка», социалдемократія, образовавшаяся отъ сліянія «Горы» съ социалистическимъ теченіемъ, также выставила своего кандидата. Она при этомъ нисколько не обманывалась, а рѣшилась на этотъ шагъ только для того, чтобы своимъ голосованіемъ демонстративно выразить протестъ передъ

лицомъ всей Франціи. Для этой роли выбрали Ледрю-Роллена, хотя социалистическое движеніе 1848 г. ему рѣшительно ничѣмъ не было обязано. Поэтому одна секція рѣшительныхъ социалистовъ, среди которыхъ съ особеннымъ пыломъ агитировалъ Ирудонъ, выставила заключеннаго въ тюрьмѣ Распайя въ качествѣ чисто социалистическаго протестъ-кандидата. Делеклюзъ объяснилъ въ своей газетѣ «Демократическая и социальная революція», что этой кандидатурой онъ хотѣлъ только вызвать расколъ въ средѣ социалдемократовъ — онъ, какъ и Ирудонъ, былъ противъ союза социалистовъ съ остатками «Горы».

Шла рѣчь даже о чисто рабочей кандидатурѣ, предлагали для этой роли президента ассоціаціи столяровъ Антуана.

Кавеньяка больше всего безпокоила популярностъ Бонапарта, котораго уже называли «новымъ Наполеономъ». Бонапартисты развили широкую пропаганду въ городахъ и селахъ. Правительство рѣшило повліять на національное собраніе, чтобъ оно послало въ провинцію специально уполномоченныхъ съ опредѣленными инструкціями для того, чтобы «разоблачить маневры враговъ республики». Но это предложеніе пришлось не по вкусу большинству депутатовъ, оно напоминало о комиссарахъ конвента. Эта идея слишкомъ пахла якобинствомъ, умѣренная буржуазія достаточно была напугана послѣ февральскихъ дней циркуляромъ Ледрю-Роллена и Карно. Противъ правительственнаго проекта со всей энергіей выступилъ легитимистскій іезуитъ де Фаллу, и проектъ былъ проваленъ значительнымъ большинствомъ голосовъ.

Результатъ этого голосованія вызвалъ министерскій кризисъ и далъ Кавеньяку удобный поводъ еще больше повернуть вправо. 24-го октября онъ пригласилъ въ составъ министерства Вивье, Дюфора и Фрелона, т. е. двухъ бывшихъ министровъ и одного прокурора Луи-Филиппа. Назначить Дюфора министромъ внутреннихъ дѣлъ означало передать судьбу Франціи въ руки другого Гизо. Тѣмъ не менѣе Кавеньякъ передъ этимъ не остановился, разчитывая этимъ способомъ привлечь на свою сторону какъ можно больше монархическихъ голосовъ. Для этой цѣли служило несмѣтное количество летучихъ листовъ, распространявшихся очень дѣятельно по всей странѣ. Последнее средство съ еще большимъ искусствомъ использовали бонапартисты. Они покрыли Францію цѣлой тучей листовъ, брошюръ, газетъ и всевозможныхъ картинъ. Очень охотно прибѣгали оба соперника къ карикатурамъ, стараясь выставить другъ друга въ смѣшномъ видѣ.

Карикатуры больше всего соотвѣтствуютъ духу французскаго народа. Нѣсколькими штрихами карандашемъ можно создать цѣлый образъ, не подвергая искушенію терпѣніе внима-

тельного зрителя. Французы не любятъ длинныхъ изліяній, они терпѣть не могутъ многословія. Кто хочетъ сказать имъ что-нибудь интересное, долженъ это сдѣлать быстро, а какую-нибудь мысль можно быстрѣ всего выразить при помощи карикатуры. Въ 1848 году политическія карикатуры играли очень крупную роль, они сдѣлались излюбленнымъ оружіемъ всѣхъ партій, въ особенности реакціонной, такъ какъ послѣдняя могла оплачивать услуги лучшихъ художниковъ.

Парижане любятъ подтруниванье надъ извѣстными политиками. Передъ витринами карикатуръ собирались толпы народу, покатываясь отъ хохоту. Въ то время, какъ въ столицѣ царилъ карикатура, въ провинціи бонапартисты пускали въ ходъ наполеоновскія картинныя галлерей, примѣняясь къ душевному складу наивныхъ крестьянъ.

Кавеньякъ использовалъ всѣ средства правительства, чтобы выйти побѣдителемъ изъ избирательной борьбы. Съ другой стороны, и его противники ни передъ чѣмъ не останавливались, чтобы его провалить. Они прежде всего старались привлечь общественное вниманіе къ поведенію Кавеньяка въ началѣ іюньскаго возстанія. Члены и приверженцы бывшей исполнительной комиссіи, какъ, напр., Гарнье-Паже, Бартеlemi С. Гилеръ (Barthelemy St. Hilaire), Паньеръ, Дюклеръ никакъ не могли забыть, что, благодаря Кавеньяку, они вылетѣли за борты, и, не переставая, бросали въ лицо своему счастливому преемнику обвиненіе, что онъ сознательно далъ разростись возстанію, чтобы сдѣлать свою побѣду болѣе внушительной и блестящей.

Кавеньякъ счелъ самымъ цѣлесообразнымъ сдѣлать этотъ вопросъ предметомъ официальныхъ дебатовъ. Онъ былъ увѣренъ, что передъ трибуналомъ національнаго собранія, которое является его соучастникомъ, онъ выйдетъ съ триумфомъ и, такимъ образомъ, сумѣетъ реабилитировать свое имя въ глазахъ общественнаго мнѣнія.

25-го ноября открылись дебаты въ собраніи. Слова попросилъ Бартеlemi С. Гилеръ; онъ привелъ цѣлый рядъ фактовъ и съ несокрушимой логикой проанализировавъ ихъ, показалъ, что безпрепятственное развитіе ужасной іюньской трагедіи отнюдь не является результатомъ какой-нибудь безсознательной ошибки. Какъ отвѣтило на это собраніе? Конечно, было бы наивно ожидать, что оно признаетъ наличность преступленія, въ которомъ само приняло участіе. Несмотря на возмущеніе Ледрю-Роллена и Гарнье-Паже, вылившагося въ ихъ рѣчахъ, Кавеньякъ не только получилъ полное отпущеніе грѣховъ, но удостоился даже вотума довѣрія, признающаго его заслуги передъ отечествомъ, который прошелъ большинствомъ 503 противъ 34.

«Страна произнесет свой приговоръ», раздались многочисленные голоса, когда глава правительства кончилъ свою защитительную рѣчь, въ которой онъ много распространялся о своемъ патриотизмѣ и преданности республикѣ.

Выборы происходили 10-го декабря. Народъ уже больше не думалъ о Кавеньякѣ. Онъ былъ одураченъ фигурой Луи Наполеона, блиставшаго въ лучахъ славы своего великаго дяди. Бонапартъ получилъ на выборахъ 5,658,755 голосовъ, Кавеньякъ—1,448,107, Ледрю-Ролленъ—370,117, Распайль—36,920, Ламартигъ, какъ бы въ насмѣлку — 17,910. Луи Наполеонъ достигъ первой ступени къ императорскому трону.

20-го декабря зала засѣданій была биткомъ набита народомъ, ожидавшимъ торжественнаго зрѣлища. Всѣ входы во дворецъ были заняты войсками.

Наступила гробовая тишина, когда президентъ Марра поднялся и провозгласилъ:

«Принимая во вниманіе, что гражданинъ Шарль Луи Наполеонъ Бонапартъ, родившійся въ Парижѣ, отвѣчаетъ условіямъ избираемости, ...что онъ получилъ абсолютное большинство голосовъ, національное собраніе объявляетъ его на основаніи 47 и 48 статей конституціи президентомъ республики съ этого дня по 2-ое воскресенье мая 1852 г. Согласно постановленію конституціи я приглашаю гражданина-президента взойти на трибуну и принести присягу».

«Было около 4-хъ часовъ вечера, надвигалась ночь; огромная зала собранія на половину погружена была во мракъ, люстры спускались съ потолоковъ, и прислуга внесла и поставила лампу на трибуну. По знаку президента открылась правая дверь и вотъ въ залу вошелъ и быстро поднялся на трибуну молодой еще человекъ, одѣтый въ черное, со звѣздой и большой лентой почетнаго легіона. Всѣ взоры обратились въ его сторону. Костлявыя скулы его худого и блѣднаго лица выступали при ламповомъ свѣтѣ, смягченномъ абажурами; толстый и длинный носъ, усы, завитая прядь волосъ на узкомъ лбу, глаза—маленькіе и безъ блеска, поза—робкая и беспокойная, ни малѣйшаго сходства съ императоромъ. Таковъ былъ гражданинъ Шарль Луи Наполеонъ Бонапартъ». (Викторъ Гюго, «Маленькій Наполеонъ» *).

Президентъ прочелъ формулу присяги:

«Передъ лицомъ Бога и французскаго народа, представителемъ котораго является національное собраніе, я клянусь, что

*) Цитировано по русскому изданію Дороватовскаго и Чарушникова 1902 г. *Переводчикъ*.

буду вѣрять демократической республикѣ, единой и нераздѣльной, и что выполню все обязанности, налагаемыя на меня конституціей».

Бонапартъ, поднявъ правую руку, твердо и громко произнесъ: «Клянусь». Марра прибавилъ: «Мы беремъ Бога и людей въ свидѣтели только что данной клятвы».

Но этимъ церемонія еще не была закончена, новый президентъ хотѣлъ сейчасъ же использовать свое вступленіе на постъ главы государства. Онъ произнесъ нѣчто въ родѣ тронной рѣчи, начинавшейся слѣдующими словами: «Нація и присяга, которую я только что принесъ, предписываютъ мое будущее поведеніе. Мои обязанности начертаны, и я выполню ихъ, какъ честный человекъ. Я буду считать врагами отечества всѣхъ, кто незаконными путями попытается измѣнить то, что установлено всей Франціей и т. д.». Эту театральную сцену можно разсматривать, какъ похороны въ дѣйствительности давно уже мертвой республики.

Буржуазія, страстно стремившаяся, начиная съ февральскихъ дней, къ подавленію народныхъ теченій, подавленію, которое и приняло направленіе, вполне отвѣчающее ея интересамъ, была довольна учрежденіемъ президентства именно потому, что оно приближалось къ личному режиму; оно служило единственной гарантіей *порядка*.

Выбранный почти всей Франціей, Бонапартъ могъ себя чувствовать въ своемъ президентскомъ креслѣ такъ же прочно, какъ Луи-Филиппъ на своемъ тронѣ.

Первымъ же правительственнымъ распоряженіемъ новаго президента былъ актъ измѣны республикѣ. Онъ пошелъ еще дальше Кавеньяка и пригласилъ въ составъ министерства монархистовъ чистѣйшей воды. Постъ министра-президента занялъ бывший лидеръ династической оппозиціи Одилонъ Барро, его коллегами были іезуитъ Фаллу, неизбѣжный Леонъ Фоше, Леонъ де Малевиль, которому во время июльской монархіи былъ довѣренъ очень отвѣтственный постъ, и г. Бикейо, пустившій въ ходъ все средства, чтобы помѣшать провозглашенію республики. Два генерала, извѣстныхъ своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ народу, маршалъ Бюжо, отличавшійся во время февральской революціи, и заядлый монархистъ Шангарнье, мечтавшій о восстановленіи монархіи, были назначены на самыя видныя военныя должности. Бюжо сдѣлался главнокомандующимъ альпійской арміи, а Шангарнье—командиромъ парижской національной гвардіи и начальникомъ первой дивизіи, т. е. начальникомъ парижскаго гарнизона. Соединеніе въ одномъ лицѣ этихъ двухъ должностей считалось въ то время неслыханнымъ фактомъ.

Демократическая пресса отвітала на это бурными протестами. Въ національномъ собраніи рѣзкій антагонизмъ между президентомъ и народнымъ представительствомъ вначалѣ выразился въ яростныхъ нападкахъ Горы. Большинство собранія сперва склонно было поддерживать Бонапарта, какъ представителя «порядка». 26-го декабря Ледрю-Роленъ сдѣлалъ запросъ у правительства относительно незаконности двойного назначенія монархистскаго генерала Шангарье. По прямому смыслу закона линейный офицеръ, находящійся на дѣйствительной службѣ, не можетъ командовать національной гвардіей. Эта интерпелляція, какъ и слѣдовало ожидать, не имѣла никакого успѣха.

Грызния между правительствомъ и Горой продолжалась безпрерывно. 4-го января 1849 года она приняла болѣе серьезную форму послѣ того, какъ новый министръ народнаго просвѣщенія де Фаллу распустилъ парламентскую комиссію, учрежденную бывшимъ республиканскимъ министромъ Карно для выработки проекта реформъ народнаго просвѣщенія. Де Фаллу назначилъ на ея мѣсто другую комиссію, конечно, съ цѣлью составить проектъ во вкусѣ іезуитовъ. Въ это время узнали еще одинъ фактъ, сильно взволновавшій всѣхъ тѣхъ, которые не были личными приверженцами Бонапарта и недовѣрчиво относились къ развѣтывающимся событіямъ: въ домѣ инвалидовъ раздалась возгласія: «Да здравствуетъ императоръ!» въ присутствіи брата Наполеона I, Жерома Бонапарта, назначеннаго начальникомъ этого дома. Послѣдовала новая интерпелляція, новый скандалъ въ національномъ собраніи.

Личные приверженцы Бонапарта смотрѣли на національное собраніе, какъ на главное препятствіе на своемъ пути, которое необходимо устранить, поэтому они бурно потребовали распущенія учредительнаго національнаго собранія, мотивируя это тѣмъ, что послѣ выработки новой конституціи оно потеряло свои полномочія и является болѣе недѣйствительнымъ. Въ самомъ собраніи эта теорія встрѣтила сильное сочувствіе. Реакціонеры старой школы находили, что въ собраніи еще слишкомъ много демократическихъ элементовъ, которые могутъ помѣшать начатому разрушенію народныхъ учреждений. Поэтому они 29-го декабря сдѣлали попытку распустить собраніе. Въ лицѣ депутата Рато они внесли слѣдующее предложеніе: «Законодательное національное собраніе созывается на 19-е марта 1849 г. Съ этого дня считаются недѣйствительными полномочія учредительнаго національнаго собранія». Съ громкимъ ропотомъ выслушало собраніе это предложеніе, и оно было передано на разсмотрѣніе юридической комиссіи. Одновременно съ этимъ другой депутатъ прочелъ петицію, также требующую распуще-

нія собранія. По всей странѣ велась энергичная агитація, чтобы добиться устранения неудобнаго собранія.

Дебаты по поводу предложенія Рато тянулись довольно долго, и 10-го января Гревс прочелъ докладъ юридической комиссіи, рѣзко настаивая на отклоненіи проекта. Онъ доказывалъ, что 115 статья конституціи обязываетъ собраніе выработать органическіе законы, дополняющіе конституцію. Собраніе не выполнитъ своего долга, если разойдется, не издавъ этихъ законовъ; оно должно бодро работать для осуществленія этой задачи, пока она не будетъ закончена». Противоположную точку зрѣнія защищалъ реакціонеръ Монталамберъ, доказывая, что съ 10-го декабря проявилось новое теченіе въ общественномъ миѣніи французскаго народа. «Находитесь ли вы», говорилъ онъ, «въ полномъ согласіи съ этимъ новымъ теченіемъ?... Начиная съ 24-го февраля, страна живетъ, какъ въ лихорадкѣ (O! O!). Да, какъ всѣ, страдающіе лихорадкой, она мечется по своему ложу, она послѣдовательно испробовала цѣлый рядъ средствъ и теперь она видитъ свое спасеніе въ новомъ собраніи».

Рѣшительные приверженцы свергнутой династіи и пока еще немногочисленные поклонники Бонапарта пытались подѣйствовать на нерѣшительныхъ депутатовъ. 400 голосами противъ 336 было рѣшено принять къ свѣдѣнію внесенное предложеніе. Это хотя и не означало, что проектъ прошелъ, но дѣло клонилось именно къ этому.

Чѣмъ сильнѣе выростали опасности, грозившія существованію республики, тѣмъ отчаяннѣе дѣлались попытки передовой демократіи спасти ее отъ гибели. Во время дополнительныхъ выборовъ образовался союзъ подъ названіемъ «Республиканская Солидарность» для защиты республики. Былъ учрежденъ общій комитетъ съ Делеклюзомъ и Мартэномъ Бернартомъ, бывшимъ товарищемъ Бланки, во главѣ, который старался основать во всѣхъ департаментахъ центральные комитеты. Въ январѣ такихъ комитетовъ функционировало уже около сотни.

Этотъ союзъ соціальной демократіи былъ готовъ ко всевозможнымъ случайностямъ. «Завтра же дѣло можетъ дойти до битвы», писалъ Делеклюзъ одному изъ своихъ уполномоченныхъ въ провинцію, «поэтому «Солидарность» должна уже приступить къ организаціи революціоннаго правительства».

Въ широкихъ кругахъ населенія можно уже было замѣтить глухое недовольство господствующей системой; оно еще не проявлялось такъ открыто, но признаки общаго броженія выступали уже довольно явственно. Многіе изъ мелкой буржуазіи, ближе всего стоявшей къ пролетаріату, относились со слѣпымъ довѣріемъ къ Кавеньяку; теперь они начала опасаться, что пред-

ставители «порядка» при помощи избирательного ценза стремятся возстановить дореволюционный режимъ. Многие, поднявшиеся противъ инсургентовъ въ июньскіе дни, теперь были бы на ихъ сторонѣ, если бы эти событія повторились. Даже гвардія мобилей, отличавшихся своими жестокостями противъ июньскихъ повстанцевъ, теперь держалась такъ, что начала внушать серьезныя опасенія «партіи порядка». Поговаривали о томъ, что она увлекается пропагандой клубовъ и социалистическихъ вождей. Вскорѣ стало извѣстно, что правительство собирается распусить пѣкаторыя батальоны. Это привело въ ярость значительную часть этихъ молодыхъ солдатъ, которыхъ правительство само вооружило въ интересахъ господствующихъ классовъ, и они стали демонстративно посѣщать клубы.

Казалось, что правительство намѣренно хочетъ истощить терпѣніе оппозиціонно настроенныхъ элементовъ страны и довести дѣло до крайности. Оно усилило свою реакціонную политику, которая приняла уже прямо-таки вызывающій характеръ. Оно приняло мѣры противъ профессора Мицкевича, извѣстнаго своими демократическими воззрѣніями. Это вызвало взрывъ негодованія среди студентовъ, была пущена въ ходъ военная сила и дѣло кончилось кровопролитіемъ. Оно добилось у національнаго собранія разрѣшенія начать судебное преслѣдованіе противъ Прудона. Правительство уже не удовлетворялось преслѣдованіемъ отдѣльныхъ лицъ и частичнымъ нарушеніемъ гражданской свободы, а попыталось подкопаться подъ основы конституціи. Ослѣпленные своей дикой ненавистью монархисты дошли до того, что осмѣлились потребовать въ національномъ собраніи закрытія клубовъ. Гора начала протестовать самымъ энергичнымъ образомъ, но достаточно было произнести слово «клубъ», чтобы проснулись контръ-революціонныя инстинкты трусливаго большинства собранія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фоше посѣшиль внести законопроектъ противъ клубовъ, но реакціонеры все-таки еще боялись зайти слишкомъ далеко. Умѣренный республиканецъ Сенаръ, назначенный докладчикомъ по вопросу о правительственномъ законопроектѣ, высказался противъ него, указывая на его полную нецѣлесообразность, такъ какъ число членовъ клубовъ скорѣе падаетъ, чѣмъ возрастаетъ. Собраніе приняло точку зрѣнія докладчика и министерскій проектъ провалился.

Гора этимъ не удовлетворилась. Ледрю-Ролленъ потребовалъ суда надъ министрами, такъ какъ ударомъ, направленнымъ противъ гарантированнаго конституціей права собраній, они сдѣлали попытку нарушить дѣйствующую конституцію. Противъ этого предложенія раздался протестъ большинства собранія, въ

душѣ солидарнаго съ министерствомъ. Оно подняло такой шумъ, что пришлось закрыть засѣданіе.

Между тѣмъ, броженіе среди гвардіи мобилей принимало все болѣе серьезный характеръ. 28-го января группа мобилей направилась въ Елисейскій дворецъ, чтобы изложить президенту республики свои нужды, но они не были приняты. Послѣ этого они попытались проникнуть въ зданіе генеральнаго штаба и, наконецъ, выломать ворота въ Тюльери, но вызванная кавалерія разогнала ихъ и «руководители» бунтовщиковъ были арестованы.

Вечеромъ 28-го января по городу съ быстротой молніи разнеслась вѣсть, что часть мобилей разразилась въ клубъ рѣзкими угрозами по адресу правительства.

Такимъ образомъ почва была подготовлена, и правительство воспользовалось предложеньемъ разыграть роль спасителя отечества.

Рано утромъ 29-го января, еще до разсвѣта, во многихъ пунктахъ столицы раздался генераль-маршъ, и еще пустынные улицы огласились характернымъ шумомъ солдатскихъ ногъ и топотомъ кавалеріи. Черезъ очень короткое время всѣ улицы, ведущія къ Бурбонскому дворцу, площади Согласія и Елисейскимъ полямъ, были заняты цѣлымъ лѣсомъ штыковъ и шкѣ.

Нѣкоторые депутаты, съ самаго начала не вѣрившіе въ чистоту намѣреній Бонапарта, посидѣвши разбудить президента національнаго собранія Марра, спавшаго сномъ праведника. При видѣ массы войскъ у него, какъ молнія, блеснула мысль: «Государственный переворотъ!» Онъ пришелъ въ страшное волненіе и немедленно написалъ начальнику всѣхъ собравшихъ въ Парижѣ военныхъ силъ генералу Шангарнье, что онъ ждетъ его прихода и объясненій по поводу движенія войскъ. Монархистъ Шангарнье слишкомъ презиралъ президента народнаго представительства; онъ не считалъ нужнымъ отвлекаться отъ исполненія своихъ плановъ изъ-за какого-то «шпака». Онъ отвѣтилъ президенту собранія письменно и въ довольно грубой формѣ, что привело въ ярость Марра и его совѣтниковъ. Обсуждался уже очень серьезно вопросъ о томъ, не призвать ли для защиты національнаго собранія пятьдесятъ тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ Ламорисьера. Въ это время появился Одилонъ Барро. Министръ-президентъ ему заявилъ, желая успокоить его, что только по ошибкѣ онъ не былъ предупрежденъ заранѣе о движеніи войскъ, которыя, дескать, направлены противъ предпологавашагося революціоннаго взрыва.

Въ національномъ собраніи Одилонъ Барро торжественно заявилъ, что обществу угрожаетъ опасный заговоръ, и оно обя-зано своимъ спасеньемъ исключительно заботливости и бдитель-

пости правительства. Гора же, напротивъ, выступила съ обвиненіемъ, что правительство, наоборотъ, проводило возстаніе. Это мнѣніе разделяла и вся демократическая печать. Никто не сомнѣвался въ томъ, что правительство только ждетъ предлога уничтожить все пережитки республики и учредить диктатуру. Въ такомъ духѣ и высказывалась лѣвая національнаго собранія въ посланіи ко всему французскому народу: «Ясно для всѣхъ тѣхъ, которые не желаютъ дать себя въ обманъ, для всѣхъ тѣхъ, которые не являются участниками продолжающагося роялистскаго заговора, что презрѣнное министерство старалось цѣлымъ рядомъ провокаторскихъ выходовъ вызвать враждебныя демонстраціи для того, чтобы ихъ подавленіемъ воспользоваться для укрѣпленія своей власти».

Трудно установить, насколько это утвержденіе соответствовало дѣйствительности. Несомнѣннымъ является одно, что, начиная съ 29-го января, начали все больше поговаривать о возможности «государственномъ переворотѣ» Луи Бонапарта. Эти подозрѣнія подкрѣплялись еще образомъ дѣйствій національнаго собранія: оно не оказывало серьезнаго сопротивленія исполненіямъ исполнительной власти, и только дѣлало видъ, что стоитъ на стражѣ республики. Если даже національное собраніе и не довѣряло президенту республики, то оно еще больше тренетало передъ грознымъ призракомъ красной демократіи. Проваливъ предложеніе о преданіи суду министерства, оно съ той же настойчивостью отклонило проектъ назначенія парламентской коммисіи о событіяхъ 29-го января. Оно перестало, наконецъ, бороться со страстнымъ желаніемъ правительства распусить учредительное собраніе.

Проектъ Рато оно не приняло собственно потому, что онъ не достаточно считался съ чуткостью депутатовъ. Оно приняло дополнительное предложеніе, гласившее, что собраніе будетъ распущено, какъ только издастъ законы о государственномъ совѣтѣ, объ отвѣтственности президента и его министровъ и объ избирательномъ правѣ. Это было все, на что у собранія хватило духу претендовать.

Приближалась годовщина 24-го февраля, черныя тучи, окутавшія всю Францію, не разсѣивались, реакція росла и крѣпла, почувствовавъ твердую почву подъ ногами. Официальныя сферы высказались противъ празднованія годовщины, мотивируя это тѣмъ, что не слѣдуетъ радоваться гражданской войнѣ. Они совѣтовали народу воздержаться отъ какихъ бы то ни было манифестацій.

Этотъ совѣтъ былъ излишенъ. Если бы народъ хотѣлъ отпраздновать годовщину февральскихъ дней, первую годовщину

республики, то онъ долженъ былъ устроить печальную церемонію, которая указывала бы, что онъ похоронилъ всѣ свои возвышенныя надежды на республику, на которую онъ смотрѣлъ, какъ на зарю новой жизни.

Этотъ такъ бурно начатый и столь богатый событіями годъ привелъ французскій народъ къ полному крушенію его надеждъ; надъ республикой, купленной такой дорогой цѣной, носилось мертвящее дыханіе реакціи, убивая всѣ свободныя побѣги обновленной жизни.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

У приверженцевъ «красной республики» не только были отняты всѣ сдѣланныя завоеванія, на которыя они думали опереться, но и сами борцы пали одинъ за другимъ или были удалены съ общественной арены. Многіе были перебиты, другіе были отправлены въ отдаленнѣйшія заокеанскія колоніи, гдѣ они массаами гибли отъ непривычнаго вреднаго климата, иные томились во французскихъ рабочихъ домахъ или послѣдственныхъ тюрьмахъ. Къ послѣдней категоріи относились Бланки, Барбесъ съ товарищами, заключенные въ Венсенскомъ замкѣ и обвинявшіеся въ государственной измѣнѣ въ связи съ демонстраціей 15-го мая.

Для ихъ осужденія былъ созданъ спеціальнѣйшій судъ въ Буржѣ подъ охраной внушительнаго отряда войскъ. Обвиняемыхъ было 20 человекъ; изъ нихъ наиболее вліятельные—Бланки, Барбесъ, Альбертъ, Распайль, Собрье, Флоттъ, Луи Блантъ, Коссидьеръ, Лавизонъ, Губертъ и генераль Куртэ. «Дѣло» Луи Блана, Коссидьера, Лависона и Губера велось *in contumaciâ* (заочно). Судьи были назначены національнымъ собраніемъ, присяжные въ количествѣ 36 человекъ были выбраны изъ состава департаментскихъ совѣтовъ. Судъ былъ открытъ 7-го марта, а приговоръ объявленъ только 2-го апрѣля.

Планъ защиты обвиняемыхъ заключался въ томъ, что они обмѣнялись ролями со своими противниками и изъ обвиняемыхъ превратились въ обвинителей, при чемъ Бланки обнаружилъ такую ловкость и снокойную увѣренность, что заставилъ даже своихъ противниковъ проникнуться къ нему уваженіемъ. Александръ Дюма писалъ въ «*Mois resumé*» за апрѣль 1849 года: «Бланки несомнѣнно самый крупный интеллектъ, самый замѣчательный политикъ февральской революціи. Онъ прекрасно владѣетъ собою. Онъ съ трибуны національнаго

возразилъ: «Объ этомъ между собой столкуемся». Бланки попросилъ своего друга замолчать и, бросивъ бѣглый взглядъ на Барбеса, онъ съ горькимъ смѣхомъ продолжалъ свою рѣчь.

Когда Бланки кончилъ, президентъ обратился къ Барбесу съ вопросомъ, не имѣетъ ли онъ чего прибавить къ своимъ словамъ. Барбесъ: «я хочу прибавить нѣсколько словъ. Противъ моего желанія и безъ моего участія противъ меня было выдвинуто обвиненіе. Было заявлено, что объясненіе, данное мною въ другомъ мѣстѣ, лживо...». Такъ какъ это былъ кивокъ по адресу Бланки, то послѣдовалъ вторичный рѣзкій протестъ со стороны Флотта. Барбесъ продолжаетъ: «(окончаніемъ дебатовъ хотѣли воспользоваться, чтобы реабилитировать себя ловко задуманной рѣчью, которая дала бы возможность потомъ заявить: «я сказалъ это въ присутствіи Барбеса и онъ ничего на это не возразилъ». Флотъ: «Барбесъ, ты сегодня себя обезчестилъ». Бланки со свойственнымъ ему ледянымъ спокойствіемъ замѣчаетъ: «То, что здѣсь случилось, произошло противъ моей воли; этотъ инцидентъ будетъ разобранъ въ другомъ мѣстѣ». Барбесъ, свиринтя: «Почему этотъ господинъ передъ самой революціей былъ помилованъ? Я знаю, почему, и это служить подтвержденіемъ сдѣланныхъ разоблаченій, это было причиною его помилованія... Что же касается меня, то я былъ тогда очень боленъ, послужило ли это основаніемъ для моего помилованія?» Бланки: «Но вѣдь я не хотѣлъ, чтобы меня помиловали. Полагали, что я проживу не болѣе недѣли и опасались, что я умру въ тюрьмѣ. Меня, такъ сказать, посадили у самыхъ дверей и такимъ образомъ случилось, что, когда вспыхнула революція, я очутился на волѣ».

Какое деморализующее вліяніе оказалъ этотъ инцидентъ на революціонную демократію! Реакціонная буржуазія затрепетала отъ радости, когда увидѣла, что послѣдній актъ драмы, которая должна была произвести сильное впечатлѣніе на всю Францію, благодаря удивительному благородству и спокойному мужеству Бланки, закончился мелочными личными дрызгами вождей соціальной демократіи. Барбесъ, повидимому, хотѣлъ загладить свою безтактную выходку, вызванную слѣпой ненавистью къ Бланки, своимъ мужественнымъ поведеніемъ и несокрушимой энергіей. Нѣкоторыя газеты сравнивали его тогда съ Лютеромъ на сеймѣ въ Вормсѣ. Онъ оправдывалъ свое поведеніе 15-го мая исключительно стремленіемъ осуществить «принципы равенства и справедливости, которые стоятъ выше человѣческихъ законовъ». Онъ сдѣлалъ даже такое вызывающее заявленіе: «Я направился въ ратушу, не увлекаемый толпой, какъ это выдумали, желая меня обвинить, а, напротивъ, я останав-

ливался время от времени, чтобы убедиться, слѣдуетъ ли за мной толпа. За это преступленіе—я прекрасно понималъ, что въ случаѣ пораженія вы будете это считать преступленіемъ—вы меня осудите. Но, граждане», прибавилъ онъ съ невыразимой горечью, «послѣ того, какъ всѣ мои лучшія надежды рухнули, послѣ того, какъ вся демократія принесена въ жертву Мюлюху, котораго какъ бы въ насмѣшку называютъ республикой, я не дорожу больше своей личной свободой. Тюремныя стѣны, по крайней мѣрѣ, не позволяютъ видѣть не счастья моей родины, съ которыми я уже больше не въ силахъ бороться. Только ты, моя дорогая Франція, прости меня, что въ своей жизни не принесъ тебѣ никакой пользы и вы, угнетенные братья всѣхъ націй, простите меня, потому что никто такъ страстно не хотѣлъ разбить ваши оковы, какъ я. Да здравствуетъ демократическая и социальная республика!»

Барбесъ, Альберъ, Флоттъ, Собръе и Распайль были приговорены къ изгнанію. Тотъ же приговоръ былъ вынесенъ и *in contumaciam* Луи Блану, Россидьеру, Лавизону и Губеру. Бланки былъ осужденъ на десятилѣтнее одиночное заключеніе. Его считали серьезно больнымъ и полагали, что этотъ срокъ будетъ болѣе, чѣмъ достаточенъ, чтобы довести его до могилы. Генераль Куртэ и другіе были освобождены.

Но реакція не ограничилась травлей революціонеровъ внутри страны, она хотѣла истребить революціонную бациллу и за предѣлами Франціи и прежде всего въ Римѣ.

Послѣ бѣгства папы изъ Рима, у власти осталось вновь назначенное имъ 16-го ноября министерство. Но уже 27-го ноября онъ изъ Газеты объявилъ, что смѣшаетъ это министерство и его распоряженія не имѣютъ больше никакой законной силы. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ назначилъ папскій правительственный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ кардинала. Палата же, напротивъ, 11-го декабря назначила состоящую изъ 3 членовъ «*Giunta*» (правительственную комиссію). Папа вторично протестовалъ, но никто не обратилъ вниманія на его протестъ. Правительственная комиссія 28-го декабря распустила палату и созвала въ февралѣ учредительное національное собраніе, составленное на основаніи всеобщаго избирательнаго права. Пій IX предалъ анаѳемѣ всѣхъ, которые примутъ участіе въ этихъ выборахъ. Тѣмъ не менѣе послѣдніе происходили въ образцовомъ порядкѣ при дѣятельномъ участіи народа. 5-го февраля уже состоялось засѣданіе новой палаты и 9-го февраля она 140 голосами противъ 20 рѣшила лишить папу свѣтской власти и провозгласить республику. Исполнительная власть

была передана триумvirату, который 29-го марта былъ въ цѣляхъ большей дѣеспособности замѣненъ другимъ триумvirатомъ, состоявшимъ изъ Мадзини, Заффи и Армеллини и облеченнымъ диктаторскою властью.

Между тѣмъ Леопольдъ II, великій герцогъ Тосканскій, 1-го февраля бѣжалъ изъ Флоренці въ Сьену и, чувствуя себя тамъ не совсѣмъ безопасно, 7-го февраля также улетѣнулъ въ Гаэту, послѣ чего въ Тосканѣ была учреждена республика и въ качествѣ временнаго правительства назначенъ триумvirатъ, душой котораго былъ Герацци.

Римскій триумvirатъ 21 февраля внесъ въ національное собраніе законопроектъ, согласно которому все движимое и недвижимое имущество «мертвой руки» (духовныхъ корпорацій) объявляется національною собственностью, а собственники взаимно этого получаютъ пожизненную пенсію изъ государственной казны. Это имущество должно быть раздѣлено на мелкіе участки и отдано въ аренду бѣднѣйшей части крестьянства. Папа запротестовалъ противъ этого самымъ рѣшительнымъ образомъ и передалъ черезъ кардинала Антонелли австрійскому посланнику при папскомъ дворѣ, который велѣлъ за другими иностранными дипломатами послѣдовать за папой въ Гаэту, ноту, въ которой выражалъ протестъ противъ всего случившагося въ Римѣ и просилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія европейскихъ правительствъ и католическихъ странъ.

Описанныя событія въ Римѣ опять вызвали у французской демократіи лучшѣ надежды. Гора послала сочувственный адресъ въ Римъ, выражающій ея солидарность съ римскою республикой. Но не только демократія интересовалась ростомъ республиканскаго движенія въ Римѣ, правительство также слѣдило за нимъ съ напряженнымъ вниманіемъ.

Уже къ концу 1848 года умѣренно либеральное министерство Карла Альберта съ Жюберти во главѣ хотѣло вмѣшаться въ римскія дѣла въ пользу папы. Съ этой цѣлью Жюберти обратился съ запросомъ въ Неаполь и къ мелкимъ итальянскимъ князьямъ. Но Пій IX не могъ отдѣлаться отъ своего прежняго недовѣрія къ Карлу Альберту, и неаполитанское правительство тоже не было особенно расположено итти рука объ руку съ Сардиніей. Бонапартъ, напротивъ, какъ утверждаютъ многіе историки, поддерживалъ планъ Жюберти. Онъ былъ тогда заинтересованъ, чтобы итальянцы сами, безъ посторонняго вмѣшательства, привели въ порядокъ свои дѣла, такъ какъ онъ считалъ весьма рискованнымъ занять въ итальянскомъ вопросѣ какую-нибудь рѣшительную позицію. Но мысль о томъ, чтобы Франція спряталась за спины маленькихъ итальянскихъ государствъ,

встрѣила отпоръ со стороны іезуита де-Фаллу. Министръ просвѣщенія, напротивъ, стоялъ за то, чтобы Франція вмѣшалась открыто съ развѣвающимися знаменами.

Темные слухи объ этихъ намѣреніяхъ и тайныхъ переговорахъ проникли въ общество, и Ледрю-Ролленъ выступилъ 8-го марта въ національномъ собраніи, какъ выразитель общественнаго мнѣнія. «Если Франція теперь вмѣшается», воскликнулъ онъ, «чтобы подчинить населеніе Средней Італіи ненавистной ему свѣтской или духовной власти, или же если Франція допуститъ это, то это будетъ величайшимъ гешефтмахерствомъ этого столѣтія».

Между тѣмъ, въ Сардиніи происходили выборы, изъ которыхъ побѣдителями вышли радикалы. Министерство Жюберти вынуждено было выйти въ отставку, и Карлъ Альбертъ, чтобы спасти свою корону, рѣшилъ еще разъ испытать военное счастье. 12-го марта 1849 г. онъ объявилъ о прекращеніи перемирія отъ 9-го августа 1848 г. Радецкій отвѣтилъ на это приказомъ по войску, заканчивавшемуся словами: «въ Туринъ!» 20-го марта, въ день, когда, согласно договору, истекалъ срокъ перемирія, онъ перешелъ въ наступленіе и, переправившись со своимъ войскомъ черезъ Минчіо, далъ Карлу Альберту 23-го марта знаменитое сраженіе при Новарѣ. Оно началось въ 10 часовъ утра, бой продолжался 12 часовъ, и храбрая, но неумѣло руководимая сардинская армія была разбита на голову. Въ ту же ночь Карлъ Альбертъ отказался отъ престола въ пользу своего старшаго сына Виктора Эмануила и не только покинулъ поле битвы, но, опасаясь гнѣва итальянцевъ, поспѣшно бѣжалъ изъ Італіи въ Португалію, гдѣ онъ въ томъ же году и умеръ. Радецкій согласился заключить съ Викторомъ Эмануиломъ позорное перемиріе подъ условіемъ заключенія міра, которое и состоялось 6-го августа.

Этотъ послѣдній исходъ войны былъ началомъ конца итальянскаго возстанія. Всыхнувшее 31-го марта въ Генуѣ возстаніе, закончившееся 2-го апрѣля провозглашеніемъ республики, 10-го апрѣля было подавлено сардинскимъ генераломъ Ла Мармора. Брешиа, возставшая въ началѣ войны, была подвергнута австрійскимъ генераломъ Гайнау двухдневной бомбардировкѣ и завоевана послѣ отчаяннаго сопротивленія, при чемъ пришлось брать штурмомъ каждую улицу, каждую баррикаду. Въ борьбѣ приняли участіе также женщины; плѣнныхъ женщинъ Гайнау приказалъ наказывать розгами на базарѣ, а мужчинъ массами разстрѣлывать, что создало ему всемірно извѣстную кличку «гѣены изъ Брешиа». Въ Тосканѣ учредительное собраніе назначило 27-го марта диктаторомъ Герацини, но уже 12-го апрѣля флорентинцы

ку, при чемъ докладчикъ комиссiи, Жюль Фавръ, выразилъ увѣренность, «что правительство не думаетъ о томъ, чтобы допустить Францію до участiя въ низверженiи римской республики».

Но республиканская партiя не довѣряла намѣренiямъ правительства. Меньшинство комиссiи въ лицѣ Шельхера выразило энергическiй протестъ противъ постановленiя большинства. Араго потребовалъ отъ министра-президента недвусмысленныхъ объясненiй объ инструкцiяхъ, которыя должны служить руководящей нитью для экспедицiи. Одилонъ Барро далъ очень смущенный и двусмысленный отвѣтъ. Его спросили, что будетъ дѣлать правительство, если римская республика откажется принять французскiя войска? Намѣрено ли правительство противъ воли римлянъ возстановить свѣтскую власть папы? Тогда Одилонъ Барро проговорился, что возстановленiе папской власти не произойдетъ безъ участiя Францiи, и что это несколько не противорѣчитъ французскимъ основнымъ законамъ. Это дало возможность Ледрю-Роллену подчеркнуть, что экспедицiя снаряжается именно съ цѣлью вернуть папѣ утерянную власть. Тѣмъ не менѣе 300 голосовъ противъ 283 собранiе высказалось за ассигновку кредитовъ.

Вторая французская республика, равнодушно взиравшая на то, какъ реакцiя безжалостно душитъ свободу сосѣднихъ народовъ, теперь собиралась превратиться въ жандарма папы.

Экспедицiя была снаряжена очень быстро. Все было заранѣе приготовлено и требуемое количество войскъ своевременно стянули въ Тулонъ и Марсель. 25-го апрѣля эта армiя подъ начальствомъ генерала Удино находилась уже у Чивита-Веккiя. Чтобы обезпечить безопасность высадки, префекта Мануци обнадѣжили, что французы пришли, какъ друзья, а не какъ враги, и что гражданская и политическая независимость римлянъ останется неприкосновенной. Администрацiя Чивита-Веккiя приняла эти увѣренiя за звонкую монету и дала французамъ спокойно высадиться на римскую территорiю. Но Удино, какъ понятливый ученикъ иезуитовъ, понималъ, что обѣщанiя и исполненiе данныхъ обѣщанiй различныя вещи. Онъ сейчасъ же арестовалъ Мануци, объявилъ осадное положенiе, конфисковалъ всѣ запасы оружiя и запретилъ общинному совѣту заниматься политикой. Затѣмъ Удино, не предпринимая никакихъ попытокъ къ посредничеству, собрался въ путь, чтобы двинуться съ большей частью своей армiи въ «вѣчный городъ», которымъ онъ надѣялся овладѣть такъ же легко, какъ и Чивита-Веккiей.

Но на этотъ разъ онъ обманулся въ своихъ ожиданiяхъ. Римляне поняли тайные замыслы Наполеона и приготовились къ сопротивленiю. Среди нихъ было два выдающихся человека:

Гарибальди и Мадзини; послѣдній былъ проникнутъ глубокой вѣрой въ торжество республиканской идеи, а первый былъ душой организаціи обороны. Вокругъ Гарибальди сгруппировались все активные рѣшительные элементы, готовые отдать свою жизнь за независимость отчизны; это былъ ихъ кумиръ, воплощеніе рыцарскаго благородства. Мадзини воодушевлялъ массу на борьбу за идеалы демократіи и очень осторожно вырабатывалъ планъ защиты, который долженъ былъ сдѣлаться гибельнымъ для французовъ.

Когда Удино утромъ 30-го апрѣля прибылъ въ Порта Камаллежери и весьма беззаботно собирался войти въ городъ, онъ былъ встрѣченъ картечью изъ батарей, установленныхъ въ садахъ Ватикана. Въ войскѣ поднялась паника, ряды разстроились и послѣ короткаго боя онъ вынужденъ былъ отступить, потерявъ 700 человекъ убитыми, ранеными и пленными.

Вѣсть объ этомъ пораженіи вызвала въ Парижѣ сильное волненіе. Въ національномъ собраніи поднялась настоящая буря. Жюль Фавръ обвинялъ правительство, что оно обмануло собраніе, скрывъ отъ него истинную цѣль экспедиціи, и потребовалъ отозванія генерала Удино и командированія комиссара съ чрезвычайными полномочіями въ армію. Тѣмъ не менѣе доживавшее уже свои послѣдніе дни національное собраніе ограничилось резолюціей, въ которой оно высказываетъ надежду, «что правительство немедленно приметъ соотвѣтствующія мѣры, чтобы итальянская экспедиція больше не отклонялась отъ своей прямой цѣли».

Бонапартъ держался такъ, какъ будто рѣшеніе собранія его не касается. 8-го мая онъ написалъ письмо генералу Удино, которое генераль Шангарнье приказалъ расклеить во всехъ казармахъ, чтобы ознакомить съ нимъ парижскій гарнизонъ. Это письмо звучало какъ бы насмѣшкой надъ резолюціей національнаго собранія. «Наши солдаты,» пишетъ Бонапартъ, «были наче чаянія приняты, какъ враги. Наша военная честь запятана. Я не потерплю, чтобы ее оскорбляли. Скажите вашимъ солдатамъ, что я цѣню ихъ храбрость, что я раздѣляю ихъ тяжелые труды, и они могутъ рассчитывать на мою поддержку и признательность».

Такимъ образомъ, была официально объявлена война Италіи. Вся демократическая пресса пришла въ сильное возбужденіе, и Ледрю-Ролленъ выразилъ ее настроеніе, внеся въ національное собраніе предложеніе о преданіи суду президента республики, какъ инициатора нападенія на Римъ, за нарушеніе 5 статьи французской конституціи, гласившей, что французское

оружіе никогда не должно быть употреблено для подавленія свободы другихъ народовъ.

Хотя нарушеніе конституціи было на-лицо и нарушеніе предумышленное, котораго отрицать уже не было никакой возможности, тѣмъ не менѣе только 138 депутатовъ оемѣлились поддерживать предложеніе Ледрю-Роллена. Національное чувство подавляющаго большинства позволило себя одурачить словами о военной чести. Кромѣ того оно растерялось отъ вышеупомянутаго приказа Шангарнье, который украсилъ письмомъ президента къ Удино слѣдующимъ комментариемъ: «Это письмо еще больше укрѣпитъ связь между арміею и главою государства: оно будетъ служить благодѣтельнымъ противовѣсомъ языку тѣхъ господъ, которые позволили бы себѣ вмѣсто ободряющихъ словъ выразить свое порицаніе французскимъ солдатамъ, стоящимъ подъ огнемъ вражескихъ ружей».

Между тѣмъ, предложеніе Ледрю-Роллена имѣло успѣхъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Фоше оповѣстилъ по телеграфу всю Францію о результатахъ голосованія и сдѣлалъ къ нему слѣдующее замѣчаніе: «Это голосованіе укрѣпляетъ соціальній миръ. Бунтовщики только и ждутъ враждебнаго правительству рѣшенія, чтобы броситься на баррикады и повторить іюньскіе дни». Всегда столь кроткое національное собраніе нашло на этотъ разъ, что министръ зашелъ слишкомъ далеко. Это настроеніе вылилось въ рѣзкомъ, почти единогласно принятомъ вотумѣ порицанія, и Леопольдъ Фоше былъ вынужденъ подать въ отставку.

Луи Бонапарту въ этотъ моментъ было невыгодно вступать въ открытый конфликтъ съ народнымъ представительствомъ, ему нужно было выиграть время въ виду предстоящихъ выборовъ, которые, какъ онъ разсчитывалъ, будутъ для него благопріятны. Поэтому правительство сдѣлало національному собранію уступку, выразившуюся въ томъ, что бывший посланникъ въ Мадридѣ Фердинандъ Лессенсъ, прославившійся впоследствии, какъ замѣчательный инженеръ, былъ посланъ въ качествѣ уполномоченнаго въ Римъ съ тѣмъ, чтобы онъ, «не внушая тамошнимъ властямъ, что Франція считаетъ ихъ законнымъ прѣвительствомъ, вліялъ въ томъ смыслѣ, чтобы Церковная Область избавилась отъ анархіи, и восстановленіе законнаго правительства не было запятнано слѣпой реакціей». Лессенсъ отнесся къ своей задачѣ очень серьезно, но интриганы, стоявшіе во главѣ правительства, какъ мы увидимъ дальше, умудрились устроить такъ, что все его старанія найти благополучный исходъ, ни къ чему не приводили. Вѣдь такой результатъ могъ возбудить гнѣвъ папы и правителей Гаэты.

Миссія Лессенса была ничто иное, какъ одна изъ многочис-

разбилъ на голову кабилонъ въ Африкѣ. «Замѣтите», говоритъ Бюжо, «что фабрикантъ, облада капиталомъ въ 200,000 франковъ, дѣлаетъ ежегодный оборотъ на 1.200,000 франковъ и выдаетъ своимъ рабочимъ ежегодно въ видѣ заработной платы 380,000 франковъ. Развѣ это не выгоднѣе для рабочихъ, чѣмъ если бы они раздѣлили между собой его капиталъ? Они бы истратили его, проживъ нѣкоторое время этими средствами, а потомъ у нихъ ничего не было бы» и т. д. Остроумный маршалъ, вѣроятно, очень гордился своимъ научнымъ открытіемъ.

«Petit manuel du paysan electeur» («Настольная книжка крестьянина-избирателя») старается поддѣлаться подъ тонъ народной рѣчи, напримѣръ, слѣдующимъ разговоромъ:

«Г. Гарди. Члены Горы—дикіе республиканцы, даже больше, они—тираны. Соціалисты и коммунисты еще хуже партін Горы. Эта бездомная сволочь набирается изъ разорившихся, задолжавшихъ авантюристовъ, увернувшихъ отъ тюрьмы и галеръ.

«Жанъ. Чего они собственно хотятъ.

«Августинъ. Боже праведный, это очень ясно, они хотятъ обчистить наши карманы.

«Г. Гарди. Совершенно вѣрно, этого именно они и хотятъ.

«Августинъ. Они у тебя изъ-подъ носа утащатъ твою жену и ты даже ничего противъ этого не можешь сказать».

Въ томъ же тонѣ написана «La lettre d'un maire de village» («Письмо сельскаго старосты»): «Соціалистическіе республиканцы все кроваво-красные, но даже самый лучший красный ни на что не годится. Красные все—дурные. Да и вообще красный не человекъ, а только красный. Онъ не думаетъ, онъ не чувствуетъ, онъ не обладаетъ чутьемъ правды и права. Безчестный, безнравственный и бездарный онъ жертвуетъ своей свободой, своими жизненными планами и духовной жизнью для удовлетворенія своихъ грубыхъ, плотскихъ инстинктовъ. Это — отверженное, вырождающееся созданіе. Его лицо носитъ слѣды моральнаго паденія. Оно имѣетъ тупое, озвѣрѣлое, неподвижное выраженіе. Онъ не смѣетъ поднять на кого-либо свои тусклые водянистые глаза. У него такіе же безпокойные глаза, какъ у свиней».

Результатъ выборовъ долженъ былъ дать отвѣтъ на эту «духовную борьбу».

Соціалдемократическая партія приняла очень дѣятельное участіе въ выборахъ. Сотни маленькихъ соціалистическихъ избирательныхъ комитетовъ покрывали своей энергіей и самопожертвованіемъ недостатокъ денежныхъ средствъ. Они развили пропаганду и въ войскахъ, такъ какъ конституція предоставляла избирательное право и солдатамъ. Въ средней и южной

Франціі соціалісты прывлеклі на сваю сторону цѣлыя департаменты. Въ Парижѣ организація была превосходно поставлена. Во всѣхъ городскихъ участкахъ были образованы избирательные союзы, избравшіе изъ своей среды «Парижскій соціалдемократическій центральный избирательный комитетъ», состоявшій изъ 15 членовъ. Въ составъ этого комитета входили лучшія силы соціалистически-республиканской партіи столицы. На ряду съ такими рабочими, какъ Малармэ и Гераръ, туда входили представители старой буржуазной демократіи, какъ Пайя, Шипронъ, Бодэнъ, и смѣлые неустрашимые члены революціонной соціалдемократіи, не останавливавшіеся передъ мыслью о переворотѣ, какъ морской офицеръ Курнэ, Дюфели (Dufelir) и Филиппъ.

Программа этого комитета требовала прежде всего права на трудъ, затѣмъ безплатнаго суда, демократической организаціи сельскаго земельного кредита, централизаціи и эксплуатаціи страхованія, банковъ, желѣзныхъ дорогъ, каналовъ и всѣхъ транспортныхъ силъ такъ же, какъ и горнаго дѣла, въ интересахъ всего общества. Далѣе, реформы шотечнаго кредита, подавленія ростовничества, организаціи національныхъ товарныхъ складовъ и пунктовъ для продажи продуктовъ производства, расширенія національнаго богатства путемъ ассоціаціи всѣхъ продуктивныхъ элементовъ; наконецъ, освобожденія и священнаго союза всѣхъ народовъ, братства всѣхъ расъ. Манифестъ, представлявшій перечисленныя требованія, заканчивался возгласомъ: «Да здравствуетъ демократическая и соціальная всеобщая республика!» Въ этой прокламаціи первой французской соціалдемократической партіи проглядываетъ уже великій принципъ интернаціональной солидарности.

Какъ мы уже упомянули, соціалдемократическая избирательная агитація не ограничилась гражданскимъ населеніемъ Парижа, она нашла доступъ также въ казарму. Въ соціалдемократическіе избирательные листы были занесены имена трехъ унтеръ-офицеровъ, отличавшихся своимъ прогрессивнымъ образомъ мыслей. Между ними находился также сержантъ Буашо. Военное начальство приказало его арестовать, на что полкъ, къ которому онъ принадлежалъ, отвѣтилъ протестомъ, и онъ былъ въ полномъ составѣ отправленъ въ Африку. Другіе полки обнаружили большую политическую благонадежность. Когда имъ приказывали выступить противъ народа, они безпробословно исполняли эти приказы. Такимъ образомъ не одинъ разъ по вечерамъ, когда на бульварахъ по близости отъ С.-Деніской крѣпости собирались толпы народу, войска разсеивали ихъ, и предпринимались многочисленные аресты.

Голосованіе 13-го мая показало, что значительная часть парижскаго населенія примыкает къ социалдемократической партіи. Изъ 28 депутатовъ, которыхъ выбиралъ Парижъ, 10 принадлежали социалдемократіи, въ числѣ ихъ Ледрю-Ролленъ, Лагранжъ, руководитель лонскаго возстанія 1834 года и унтеръ-офицеръ Буашо. Знаменательно было то, что эти три кандидата получили изъ среды парижскихъ солдатъ вдвое больше голосовъ, чѣмъ генералъ Кавеньякъ, Ламорисьеръ и Бедо. Результатомъ этой демонстраціи было раскассированіе гарнизона, Въ средней Франціи многіе департаменты голосовали за социалдемократовъ. Въ Эльзасѣ всѣ избиратели причислили себя къ социалдемократіи. Часть южной Франціи, долина Роны, департаменты Роны и Саоны были завоеваны социалдемократіей. Это были демократическіе элементы Франціи, которые вскорѣ истратили свои послѣдніе патроны, чтобы не дать Луи-Бонапарту завладѣть французской короной.

Этотъ успѣхъ социалистовъ нагналъ ужасъ на реакціонную буржуазію. Глава легитимистовъ Берье писалъ: «... Скоро намъ придется противиться социализму и коммунизму. Да поможетъ намъ Богъ!» Тѣмъ не менѣе монархическая реакція не могла ни въ коемъ случаѣ пожаловаться на результатъ выборовъ. Изъ общаго числа депутатовъ (750) 500 мандатовъ принадлежали монархически настроенной реакціи, 180—социалдемократіи и 70—такъ называемымъ чистымъ республиканцамъ. Послѣдняя партія вышла изъ избирательной урны совершенно опозоренной. Народъ не хотѣлъ ее знать, а крупная буржуазія бросилась въ объятія реакціи. Всѣ представители буржуазной республики направленія «National»а, которые съ февральской революціи до 20-го декабря (день вступленія во власть Бонапарта) держали въ своихъ рукахъ бразды правленія, были забаллотированы. Бюше, Сенаръ, Марра, Гудшо, Гарнье-Наже, Мари Дюпонъ де л'Ерь и, главное, Ламартинъ, бывший нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ популярнѣйшимъ человекомъ во Франціи, выбранный въ учредительное собраніе десятью департаментами, — всѣ эти господа были провалены не только въ Парижѣ, но и въ другихъ избирательныхъ округахъ. Упавшему съ облаковъ Ламартину только дополнительные выборы доставили мѣсто въ законодательномъ собраніи.

Послѣдніе дни учредительнаго собранія проходили въ безпрерывной грызнѣ. Въ публикѣ циркулировали слухи о бонапартистскомъ заговорѣ, и всѣ имъ вѣрили. Консидеранъ въ «Democratie pacifique» ясно указывалъ на исполнѣ выработанный планъ дѣйствій, заключавшійся въ томъ, что принцъ намѣревается стянуть въ Парижъ войска, образовать министер-

ныя должности, былъ избранъ 336 голосовъ. въ то время, какъ Ледрю-Ролленъ тогда уже признанный вождь социалдемократической партіи, получилъ только 182 голоса, а генераль Ламорисьеръ, кандидатъ буржуазныхъ республиканцевъ, всего 67 голосовъ.

Во время второго засѣданія денутатъ Ландольфъ обратилъ вниманіе своихъ коллегъ на упущеніе перваго засѣданія. Но только лѣвая отозвалась на его заявленіе, она поднялась и огласила парламентъ криками: «Да здравствуетъ республика!» Правая молчала. Желая также вызвать манифестацію, заядлый юнкеръ графъ Сегюръ д'Агессо предложилъ монархической правой привѣтствовать республику въ томъ смыслѣ, въ какомъ они ее понимаютъ. Правая согласилась. Въ это время Гора издала громовый крикъ: «Да здравствуетъ демократическая и социальная республика!», что вызвало рѣзкій призывъ къ порядку со стороны президента Дюпэна.

Это начало можно разсматривать, какъ характерный прологъ къ предстоящей трагико-комедіи, въ которой члены большинства играли только роль статистовъ.

*
*
*

Итальянскія дѣла опять приковали къ себѣ общественное вниманіе Франціи. Австрійскій генераль фонъ Вимифенъ прошикъ въ Романью и 16-го мая занялъ Болонью, послѣ чего Феррара и Равенна вынуждены были сдаться, и опять была восстановлена свѣтская власть папы. Изъ Неаполя 12,000 человекъ подъ личнымъ руководствомъ короля Фердинанда «Бомбы» ворвались въ римскую республику и, не встрѣчая сопротивленія, пробрались до Веллетри. Здѣсь они натолкнулись на Гарибальди съ его волонтерами, который 9-го и 19-го мая нанесъ имъ такое пораженіе при Палестринѣ и Веллетри, что они носѣбно отступили за границу. Высадившійся 29-го апрѣля при Террачинѣ испанскій отрядъ въ 5000 человекъ не принялъ участія въ бою, а ограничился тѣмъ, что составлять какъ бы охрану святаго отца.

Лессенсъ отнесся въ Римъ очень дружески къ триумвирату и добился перемирія, которое позволило Гарибальди броситься на неаполитанцевъ. Удино долженъ былъ согласиться съ тактикой Лессенса, такъ какъ онъ не получилъ обѣщанныхъ Бонапартомъ поддержекъ. 31-го мая Лессенсу удалось заключить конвенцію, согласно которой французы могли занять опредѣленные пункты въ бывшей папской области, но внѣ стѣнъ Рима. Но за три дня передъ этимъ въ Парижѣ собралось новое законодательное

учреждение, и Бонапартъ, считая излишнимъ скрывать далѣе свою реакціонную политику, рѣшилъ сбросить маску. Онъ отказался отъ конвенціи, отозвалъ телеграммой Лессенса въ Парижъ и отдалъ приказъ Удино немедленно напасть на Римъ. Отрядъ Удино въ это время уже увеличился до 30,000 человекъ и въ ночь съ 2-го на 3-е іюня онъ бросился на виллу Панфили и Корсини, церковь и монастырь Панкратію, которые послѣ шестнадцатичасового геройскаго сопротивленія оказались въ его рукахъ и открыли ему превосходныя позиціи для дальнѣйшаго наступленія. Въ ночь съ 4-го на 5-е іюня были открыты траншеи и 13-го іюня огонь батарей дѣйствовалъ уже по всему фронту.

Между тѣмъ австрійцы напали на Венецію съ моря и съ суши, отрѣзавъ ее отъ общенія съ вѣшнимъ міромъ. Главный опорный пунктъ осажденнаго города находился въ Fort Malghera, на половину расположенномъ на лагунахъ. Противъ этого пункта австрійцы открыли энергичную бомбардировку, длившуюся съ 4-го по 26-ое мая. Несмотря на рѣдкую храбрость его защитниковъ, онъ былъ обращенъ въ кучу мусора и 27-го мая венеціанцы его очистили. Тогда только началась осада внутренняго города.

Французская демократія была меньше всего расположена относиться спокойно къ антиреспубликанской политикѣ президента и безучастно смотрѣть на предсмертную борьбу римской республики. На банкетѣ социалдемократовъ департаментовъ верхняго Рейна Луи Бонапартъ и его министры были пригвождены къ позорному столбу, какъ предатели. Учрежденный бывшимъ социалдемократическимъ избирательнымъ комитетомъ постоянный комитетъ, такъ называемый комитетъ двадцати пяти, опубликовалъ адресъ къ законодательному собранію, въ которомъ онъ объявляетъ римскую экспедицію нарушающей французскую конституцію, такъ какъ 5-ая статья конституціи рѣшительно запрещаетъ французской республикѣ всякое посягательство на свободу и независимость другихъ народовъ и 54-я статья запрещаетъ исполнительной власти предпринимать военныя дѣйствія безъ согласія національнаго собранія

«Vraie République» (Истинная республика) объявила отечество въ опасности и «Общество правъ человѣка» объявило себя постояннымъ.

11-го іюня Ледрю-Ролленъ опять внесъ свое предложеніе въ законодательное учрежденіе о преданіи суду президента и его министровъ за нарушение 5-й статьи конституціи. Незаконный образъ дѣйствій правительства былъ настолько очевиденъ, что Одилонъ Барро не пытался даже отрицать этого. Онъ ограничился только пустыми фразами и выдвинулъ опасность «крас-

наго призрака». «Римскимъ вопросомъ», сказалъ онъ, «пользуются для проведенія разрушительныхъ революціонныхъ плановъ», и настаивалъ на томъ, что экспедиція предпринята съ единственной цѣлью противодѣйствовать вліянію Австріи и Неаполя и парализовать разнузданность крайней реакціи въ Римѣ. Тогда раздался громовый голосъ Ледрю-Роллена: «Вы сами нарушили конституцію, и это нахальство съ вашей стороны отдѣлываться отъ насъ такими увертками. Конституція поругана и мы будемъ ее защищать всѣми доступными намъ средствами, *хотя бы даже силой оружія*».

Эти слова вызвали страшную бурю, которая чуть не довела депутатовъ Горы и монархистовъ до рукопашной. Призванный президентомъ къ порядку, такъ какъ угроза была равносильна призыву къ гражданской войнѣ, Ледрю-Ролленъ указалъ на 110 статью конституціи, гласившую, что защита конституціи доверяется патріотизму всѣхъ французовъ. При оглушительномъ шумѣ засѣданіе по предложенію Тьера было закрыто послѣ того, какъ 361 голосами противъ 203 было рѣшено по вопросу о бомбардировкѣ Рима перейти къ простому порядку дня.

На слѣдующій день, 12-го іюня, продолжались пренія по поводу предложенія Ледрю-Роллена, поддержаннаго 123 депутатами. Тьеръ и д'Агессо страстно нападали на этотъ проектъ. Феликсъ Пиа воскликнулъ патетическимъ тономъ: «Передъ Богомъ и людьми, въ виду труповъ нашихъ павшихъ солдатъ, я клянусь, что наша конституція поругана. Я требую отъ Тьера и наиболѣе убѣжденныхъ членовъ большинства съ этой же трибуны поклясться, что это невѣрно!» «Мы клянемся!» воскликнули многіе члены правой.—«Пусть страна произнесетъ свой приговоръ надъ вашей и моей клятвой. Что касается меня, то я рѣшился сохранить свое убѣжденіе до гробовой доски». Чтобы ослабить значеніе этой угрозы, Пьеръ Леру предложилъ средній путь и говорилъ о томъ, чтобы призвать народъ къ мирной демонстраціи.

Когда Гора убѣдилась, что въ парламентѣ она ничего не можетъ подѣлать съ монархическимъ большинствомъ, то она покинула залу засѣданій, и тогда судьба проекта Ледрю-Роллена была быстро рѣшена: онъ былъ отклоненъ 377 голосами противъ 8. Но Гора попыталась продолжать свою агитацію среди и безъ того уже сильно возбужденной народной массы. Но теперь выяснилось, что послѣ 15-го мая и іюньскаго кровопусканія исчезли наиболѣе активные революціонные элементы Парижа. О бурныхъ вспышкахъ прежнихъ демонстрацій уже не было и рѣчи, все движеніе носило какой-то неувѣренный, чезучуръ осмотрительный характеръ.

На собраніи представителей демократической прессы обсуждался вопрос о вооруженномъ сопротивленіи и о мирной демонстраціи. Разсудительные, вдумчивые люди доказывали, что первое кончится катастрофой, а второе—фарсомъ. Послѣдующія событія показали, что они были правы.

Постоянная комиссія «Общества правъ человѣка» убѣдила Гору, чтобы она сперва использовала всѣ легальныя средства борьбы прежде, чѣмъ взяться за оружіе.

Во время этихъ колебаній демократическія газеты были переполнены воззваніями, призывающими народъ къ сопротивленію, но не указывалось, въ чемъ должно заключаться это сопротивление. Наибольшей ясностью и рѣшительностью отличалась прокламація, выпущенная социалдемократическимъ комитетомъ двадцати пяти. Она ссылалась на § 2 социалдемократической избирательной программы, гласящей: «Если конституція будетъ нарушена, то представители народа должны подать примѣръ къ сопротивленію». Гора въ контръ-прокламаціи заявила, что она выполнить свой долгъ.

Другое общество, состоящее изъ мелко-буржуазныхъ свободомыслящихъ, напомнило населенію о 110 статьѣ конституціи, что конституція отдается подъ защиту всего французскаго народа. Триста національныхъ гвардейцевъ потребовали отъ своего полковника, чтобы онъ устроилъ демонстрацію протеста противъ нарушенія конституціи. Это вмѣшательство мелкой буржуазіи влило новыя силы въ общее движеніе, но отнюдь не могло придать ему революціонный характеръ. Въ бюро законодательнаго собранія наиболѣе активныя элементы Горы предложили захватить правительство и объявить себя постояннымъ. Они забыли, что время революціонныхъ переворотовъ прошло.

Вечеромъ 12-го іюня въ бюро «Democratie pacifique» произошло оживленное собраніе. Налицо также была часть членовъ Горы. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь было потрачено очень много словъ. Былъ поставленъ, но не былъ разрѣшенъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли съ наступленіемъ слѣдующаго дня взяться за оружіе. Наконецъ, Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Пиа и Викторъ Консидеранъ предложили, что вынестя прокламацію, которая на слѣдующее утро будетъ расклеена на всѣхъ улицахъ Парижа. Въ этой прокламаціи они призовутъ народъ на защиту конституціи, такъ какъ въ законодательномъ собраніи ее защищать долѣе нѣтъ уже никакой возможности. Но заботу о томъ, какимъ образомъ защищать конституцію, предоставили разрѣшить народу.

Все-таки 12-го же іюня былъ сдѣланъ шагъ, имѣвшій нѣ-

которое значение. Капитанъ національной гвардіи Шмицъ сговорился со многими офицерами національной гвардіи устроить на слѣдующій день мирную демонстрацію. Всѣ легіоны національной гвардіи были приглашены явиться 13-го іюня въ 11 часовъ утра *безъ оружія* на площадь Château d'Eau, чтобы оттуда направиться въ законодательное собраніе и выразить ему протестъ противъ нарушенія конституціи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Утромъ 13-го іюня демократическія и социалдемократическія газеты «*Revolution démocratique et sociale*», «*Republique*», «*Peuple*» и «*Démocratie pacifique*» были украшены прокламаціями довольно двусмысленнаго достоинства.

Прокламація Горы съ 122 подписями была переполнена двусмысленными фразами, которыя при данныхъ условіяхъ казались прости смѣшными. «Что должно въ настоящемъ положеніи предпринять меньшинство?» говорится въ этой прокламаціи. «Послѣ того, какъ оно выразило протестъ съ трибуны, оно должно только напомнить народу, національной гвардіи и арміи, что 110-ая статья поручаетъ конституцію и освященныя ею права надзору и патриотизму всѣхъ французовъ. Народъ! Моментъ теперь высокознаменательный. Всѣ правительственныя дѣйствія указываютъ на цѣлую систему вызова противъ республики. Ненависть къ демократіи, плохо скрываемая на берегахъ Сены, открыто проявляется на берегахъ Тибра. Въ этой борьбѣ, возгорѣвшейся между королями и народами, правительство стало на сторону короны противъ народа. Солдаты! Вы надѣялись освободить Италію отъ австрійцевъ, а васъ осудили на роль пособниковъ австрійцевъ въ порабощеніи Италіи... Національная гвардія! Вы—защитники порядка и свободы. Свобода и порядокъ—это конституція, республика. Сгруппируемся вокругъ этого знамени съ возгласомъ: «Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика!»

Прокламація социалдемократическаго комитета была нѣсколько болѣе опредѣленнаго содержанія, но и она не высказывала, что собственно слѣдуетъ предпринять. Она гласила:

«Къ народу! Президентъ и его министры стоятъ внѣ конституціи. Часть національнаго собранія, которая своимъ голосованіемъ сдѣлалась ихъ соучастницей, также стоитъ внѣ конституціи. Національная гвардія подымается, мастерскія закрываются. Пусть наши братья изъ арміи помнятъ, что они

граждане и что ихъ главная обязанность заключается въ томъ, чтобы защищать конституцію».

Въ воззваніи къ національной гвардіи говорится: «Мы, делегаты пятого легіона, именовъ находящагося въ опасности отечества призываемъ всѣхъ гражданъ, принадлежащихъ къ легіонамъ Сены, собраться сегодня въ среду въ 11 часовъ утра у Château d'Еau напротивъ меріи пятого участка въ формѣ и безъ оружія. Великій голосъ націи, столь могучій въ защитѣ интересовъ гуманности, нигдѣ не встрѣтитъ сопротивленія».

Въ назначенный часъ многочисленная толпа народу направилась къ площади Château d'Еau (прозванную съ этого дня «площадью Республики»), гдѣ уже находилась группа—хотя не особенно многочисленная—національныхъ гвардейцевъ. Два красныхъ знамени внушительныхъ размѣровъ развѣвались надъ головами собравшихся демонстрантовъ отъ времени до времени раздавались крики: «Да здравствуетъ римская республика! Да здравствуетъ конституція!»

Около полудня шествіе въ образцовомъ порядкѣ тронуло въ путь. Число демонстрантовъ насчитывалось тысячами. Во главѣ выступали высшіе офицеры національной гвардіи, между ними были Этьенъ Араго и полковникъ Перье, за ними слѣдовалъ отрядъ національной гвардіи, шествіе замыкалъ народъ. При традиціонномъ иѣннн марсельезы, прерываемой криками: «Да здравствуетъ римская республика! Да здравствуетъ конституція!» демонстранты, вѣрные революціоннымъ традиціямъ, двинулись вдоль большихъ бульваровъ. Но въ то время, какъ раньше подобныя демонстраціи привлекали къ себѣ десятки тысячъ народу, теперь народъ ограничивался ролью зрителя. Тяжелые удары прошлаго года убили въ народѣ способность къ воодушевленію, да къ тому же онъ потерялъ вѣру въ свои силы. Это наложило особый отпечатокъ на демонстрацію 13-го іюня.

Начальникъ всѣхъ расположенныхъ въ Парижѣ военныхъ силъ генералъ Шангарнье жадно ухватился за подвернувшійся случай еще разъ разыграть роль «спасителя общества». Онъ расположилъ свои войска съ такимъ разчетомъ, чтобы они могли съ любого пункта ринуться на демонстрантовъ, когда голова шествія достигнетъ бульвара Капуциновъ. Когда этотъ моментъ наступилъ, два драгунскихъ полка неожиданно выскочили изъ Rue de la Paix, врѣзались въ самую гущу толпы, нанося удары саблями направо и налево, не разбирая ни зрителей, ни демонстрантовъ. Одновременно нѣкоторые батальоны пѣхоты и жандармовъ въ присутствіи Шангарнье и его

штаба бросились въ штыки на демонстрантовъ, которые безъ всякаго сопротивленія бросились въ разныя стороны. Многіе издали старый кличъ: «Къ оружію! Убиваютъ нашихъ братьевъ!» Но въ то время, какъ прежде такой кличъ глубоко захватывалъ парижское населеніе, теперь оно встрѣтило его съ мрачнымъ индифферентизмомъ и въ лучшемъ случаѣ только испытывало душевную боль.

Между тѣмъ Гора собралась въ Rue du Hazard и дебатировала предложеніе отступить къ академіи искусствъ и промышленности, находящейся на улицѣ С. Мартэнъ, чтобы подъ защитой преданной ей артиллеріи національной гвардіи и содѣйствіи членовъ секцій клуба «правъ человѣка» учредить революціонное правительство, какъ говорили нѣкоторые, или же ничего не дѣлать, какъ утверждали злые языки. Когда демонстрація была разогнана, Ледрю-Ролленъ все еще не могъ рѣшиться на что-нибудь; но не остановившись еще на какомъ-нибудь опредѣленномъ планѣ дѣйствій, онъ все же направился въ академію, сопровождаемый депутатами Гамбономъ, Буапо, Ратье и Комиссаромъ—последніе три были избранные арміей социалистическіе унтеръ-офицеры. Съ ними вмѣстѣ пошли 25 другихъ социалистическихъ депутатовъ.

У Пале-Рояля остановились нѣкоторые роты артиллеріи національной гвардіи. Ими командовалъ уже неоднократно упоминавшійся полковникъ Гинаръ, старый республиканецъ, который во время іюньскаго возстанія сражался противъ народа. Онъ, какъ и многіе другіе, находился въ мучительной нерѣшительности. Его убѣжденія ему подсказывали, что конституція нарушена, и онъ глубоко этимъ возмущался. Когда подошелъ Ледрю-Ролленъ и его товарищи, онъ выстроилъ своихъ артиллеристовъ въ кругъ и обратился къ нимъ съ вопросомъ, желаютъ ли они защищать Гору. «Да здравствуетъ Гора!» закричали артиллеристы, потрясая своими саблями. «Гора довѣряется отряду артиллеріи и направляется въ академію», заявилъ имъ Ледрю-Ролленъ, но за нимъ послѣдовала только часть артиллеріи, другіе ушли по другому направленію, такъ какъ Гинаръ имъ объяснилъ, что здѣсь идетъ рѣчь не о дисциплинѣ, а о личномъ убѣжденіи. Было около 2½ ч. пополудни, когда директоръ академіи Пулэ (Pouillet), уступая требованіямъ народа, распорядился открыть ворота и отвелъ для депутатовъ Горы залу, такъ называемую прядильную. Но что собственно они собирались тамъ дѣлать? Они сами наврядъ ли могли дать на этотъ вопросъ путный отвѣтъ. Они падѣялись, что революція подъ вліяніемъ воззваній, появившихся въ утреннихъ газетахъ, произойдетъ сама собой, но этого не случилось. И все-таки

руководители Горы, послѣ того какъ они уже зашли такъ далеко, не могли оставаться пассивными, они какимъ-нибудь публичнымъ актомъ должны были по крайней мѣрѣ показать видъ, что они оказываютъ серьезное сопротивленіе. Марксъ былъ правъ, когда въ своемъ «18-омъ Брюмера» замѣтилъ:

«Рѣдко о какомъ-либо предпріятіи трезвонили такъ много и шумно, какъ о предстоящемъ «походѣ» горы и рѣдко о какомъ-либо событіи трубили такъ самоувѣренно и такъ давно, какъ о неизбѣжной будто бы побѣдѣ демократіи. Демократы, очевидно, вѣрили въ силу тѣхъ трубъ, отъ звуковъ которыхъ должны были пасть стѣны іерихонскія; да и всякій разъ, когда имъ приходилось осаждать твердыни деспотизма, они старались въ точности продѣлывать пресловутое библейское чудо. Между тѣмъ Горѣ, если она рассчитывала одержать побѣду въ парламентѣ, не слѣдовало призывать къ оружію; а если она призвала къ оружію въ парламентѣ, то ей не слѣдовало вести себя на улицѣ, какъ въ парламентѣ. Съ другой стороны, если ея мирная демонстрація преслѣдовала серьезныя цѣли, то было наивно не предвидѣть того, что ее встрѣтятъ враждебно. Если же имѣлась въ виду настоящая борьба, то было бы смѣшно бросать то самое оружіе, которое было необходимо для веденія борьбы. Но революціонныя угрозы мѣщанъ и ихъ демократическихкихъ представителей были не болѣе, какъ уловка, рассчитанная на то, чтобы запугать противника». *)

Но онъ не далъ себя обезкуражить. Часть артиллеріи приступила сейчасъ же къ защитѣ академіи и постройки баррикады, чтобы преградить путь къ Rue C. Martin, между тѣмъ какъ другая часть этой же артиллеріи не давала народу возводить баррикады—этотъ фактъ мѣтко характеризуетъ господствовавшую въ этотъ день сумятицу. Въ это время показались войска, которыя помѣшали народу оказать какое бы то ни было сопротивленіе.

Въ залѣ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли оставаться въ академіи или постараться овладѣть меріями, какъ вдругъ войска начали пробираться въ академію. Раздавшіеся выстрѣлы послужили сигналомъ къ общему бѣгству. Пуля, трепетавшій за цѣлость своихъ коллекцій, очень охотно указывалъ бѣглецамъ выходы, черезъ которые они могли незамѣтно исчезнуть. Нѣкоторыхъ депутатовъ, попавшихся въ руки солдатамъ, особенно социалдемократическаго унтеръ-офицера Ратье, поволокли къ стѣнѣ, издѣваясь надъ ними и угрожая разстрѣломъ. Ледрю-

*) Цитировано по русскому изданію «Мюмота» 1905 г., стр. 40
Переводчикъ.

Ролленъ, какъ капитанъ корабля, послѣдній покинулъ залу и спасся, выскочивъ черезъ маленькое окошко, что отнюдь не можетъ быть ему поставлено въ вину. Тѣмъ не менѣе, это дало поводъ р акціи поднять его на смѣхъ. Дальнѣйшія попытки построить баррикады на улицахъ Шапонъ, Омэръ и Жанъ Роберъ кончились неудачно и такимъ образомъ возстаніе было подавлено почти безъ кровопролитія. На мѣстѣ остались убитыми только два солдата и 5 повстанцевъ. «Такимъ образомъ», говоритъ Карлъ Марксъ, «Гора, имѣвшая, повидимому, 29-го мая на своей сторонѣ всѣ элементы успѣха вълѣдствіе неминуемаго столкновенія роялистовъ между собой и всей партіей порядка съ Бонапартомъ во главѣ въ цѣломъ, спустя 14 дней потеряла все, до своей чести включительно».

Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ благонамѣренная національная гвардія ознаменовала свою побѣду цѣлымъ рядомъ безчинствъ. Конечно, слѣдуетъ отсюда исключить революціонные элементы гвардіи, 8, 9 и 12 легіоны, а также артиллеристовъ, которые были теперь распушены. Ихъ вниманіе было направлено на социалдемократическія газеты. Пьяные офицеры съ полковникомъ Віэйра во главѣ, который потомъ сдѣлался пособникомъ переворота Луи Бонапарта, повели своихъ подчиненныхъ въ типографіи Ру и Булэ и приказали ихъ совершенно уничтожить. Не только были уничтожены станки и оригиналы, но даже газопроводы были разрушены и бюро разграблено.

14-го и 15-го іюня въ провинціи происходили такія же возстанія, какъ въ Парижѣ 13-го. Въ основѣ провинціальныхъ возстаній также лежала мысль о необходимости защищать конституцію. Наиболѣе ожесточенный характеръ приняло возстаніе въ Ліонѣ, гдѣ непосредственно стояли другъ противъ друга промышленная буржуазія и промышленный пролетаріатъ; поэтому здѣсь Гора не могла оказать своего дезорганизующаго вліянія и утромъ 15 іюля предмѣстье Краснаго Креста, этотъ Авентинскій холмъ ліонской революціи, покрылся цѣлой сѣтью баррикадъ. Но администрація давно уже готовилась къ борьбѣ съ рабочими и съ ранняго утра удалила сочувствовавшій народу 5-ый линейный полкъ подъ предлогомъ продолжительнаго марша и заняла съ остальными войсками, на вѣрность которыхъ она могла разсчитывать, всѣ наиболѣе важныя стратегическія пункты города, и съ помощью артиллеріи ей удалось послѣ восьмичасового боя подавить возстаніе. Такой же исходъ имѣли возстанія въ Страсбургѣ, Реймсѣ, Дижонѣ, Бордо, Тулузѣ и селахъ департамента Аллье. Подавленіе такъ называемой «стычки» дало реакціи желанный поводъ усилить свою агрессивную политику. Уже въ полдень 13-го іюня собралось законодательное учрежденіе

на чрезвычайное заседание, объявило себя постоянным, постановило объявить Париж и окрестные департаменты в осадном положении и выпустило прокламацию к народу, в которой оно заявляет, что общество и республика находятся в опасности, что суверенность народа поставлена на карту благодаря разрушительным инстинктам меньшинства, но что большинство будет защищать конституцию (!) и республику (!!) до последней капли крови (!!!). Оно уполномочило правительство подвергнуть судебному преследованию членов Горы, присутствовавших на собрании в академии искусств и промышленности, хотя там были такие мирные по характеру люди, как Виктор Консидеран, который пошел, подчиняясь велениям своей совести. 15-го июня законодательное собрание решило выразить благодарность национальной гвардии, армии и генералу Шангарнье за их защиту конституции (!) и правительства республики. И так как газеты, лишившиеся своих типографий, были отпечатаны в других типографиях, то они незаконно были запрещены простым правительственным распоряжением. Таким образом, были закрыты «*Democratie pacifique*» «*La Peuple*», «*Revolutions democratique et sociale*», «*Vraie Republique*» и др. Следует заметить, что это было сделано с согласия законодательного собрания. Это было началом беззастенчивой реакции, которую иезуит Фаллу с торжеством охарактеризовал, как «римскую экспедицию внутри».

Были привлечены к судебной ответственности один за другим 40 депутатов. Гора, таким образом, потеряла своих наиболее решительных вождей. Они частью находились в бѣгахъ, какъ Ледрю-Ролленъ, Феликсъ Пиа, Мартэнъ Бернаръ и др., частью—въ тюрьмѣ, какъ унтеръ-офицеры Ратье и Буашо. Чтобы заставить замолчать республиканскую оппозицію въ парламентѣ, большинство провело новый регламентъ, который стѣснялъ свободу мнѣній и подчинялъ депутатовъ дирижерской палочкѣ президента. Осадное положеніе было распространено на всѣ департаменты, находящіеся въ окрестностяхъ повстанческихъ городовъ, такъ что эта участь постигла не только Парижъ и его окрестности, но и Лионъ съ пятью департаментами, Страсбургъ, Реймсъ и другіе города съ шестнадцатью департаментами. Въмѣсто обычныхъ судовъ во время осаднаго положенія повсюду функционировали военные суды. Былъ восстановленъ императорскій декретъ 1811 г., который всю административную власть безгранично передавалъ въ руки военныхъ властей и вмѣсто обычныхъ судовъ вводилъ военные суды. Если поднимался въ населеніи слабый протестъ, то его заглушали такимъ аргументомъ, какой однажды высказалъ Бараге д'Ильеръ (Baraguey

(d'Hilliers) «Лучше», сказалъ онъ, «бѣлый терроръ, чѣмъ красный».

Гарантированное 8 статьей конституціи право собраній и союзовъ тоже было поругано. 19-го іюля законодательное собраніе издало новый законъ о клубахъ, который въ теченіе года предоставлялъ правительству право «закрывать клубы и существующіе союзы, которые *могутъ* оказаться опасными для общественнаго порядка». Такимъ образомъ, правительство по произволу могло запретить всѣ неудобные ему политическіе союзы, и Одилонъ Барро, который занималъ постъ министра-президента и министра юстиціи, широко пользовался этими полномочіями. Право союзовъ, это одно изъ существеннѣйшихъ завоеваній февральской революціи, было потеряно для политическихъ цѣлей, и администраціи были даны инструкціи прибѣгать къ оружію противъ стронтивныхъ клубовъ. Новый законъ не касался только избирательныхъ союзовъ и собраній, но и то только подъ условіемъ, что они будутъ строго держаться въ рамкахъ поставленныхъ задачъ. Затѣмъ было запрещено поднимать красное знамя на улицахъ и прокурорамъ было циркулярно предписано Одилономъ Барро привлекать къ судебной отвѣтственности за крики: «Да здравствуетъ социальная республика!» «Начиная съ 13-го іюня», пишетъ Евгеній Тено въ своемъ историческомъ трудѣ о государственномъ переворотѣ, «замѣчается неслыханное зрѣлище существованія республики, въ которой преслѣдуется республиканскій образъ мыслей, гдѣ правительство дѣятельно занимается чисткой всего бюрократическаго механизма. Каждый заподозрѣнный въ республиканизмѣ чиновникъ сейчасъ же лишается мѣста. Потомство еще вспомнить о многочисленныхъ преподавателяхъ, которые пали жертвой этой реакціи. Процессы о печати увеличились до невѣроятныхъ размѣровъ».

Но репрессіи противъ отдѣльныхъ личностей и судебныя преслѣдованія не могли уже удовлетворить ненасытную реакцію. Министръ просвѣщенія Фалу назначилъ комиссію, направленную противъ преподавателей. Въ этой комиссіи, въ которой бывший вольтеріанецъ Тьеръ дружески протянулъ руку фанатику-пону, будущему епископу, Дюманлу и рабочій Рэнень сдѣлали покорнымъ орудіемъ въ рукахъ іезуитовъ, былъ выработанъ новый законъ, уничтожившій обязательность и безплатность обученія въ народныхъ школахъ и отдавшій послѣднюю подъ надзоръ духовенства. 27-го іюля былъ изданъ временный законъ противъ печати, запрещавшій розничную продажу безъ разрѣшенія администраціи, въ которомъ послѣдняя можетъ отказать безъ всякой мотивировки. Кромѣ того, этотъ законъ ставилъ

въ тяжёлое положеніе журналистовъ, редакторовъ и сотрудниковъ. Новый законъ о печати былъ немедленно приведенъ въ исполненіе, несмотря на единодушный протестъ парижскихъ журналистовъ. Былъ отмѣненъ съ большою поспѣшностью и почти безъ всякаго парламентскаго обсужденія цѣлый рядъ мѣропріятій временнаго правительства, и прежде всего была восстановлена безответственность судей и возвращены нѣкоторые роялистскіе генералы, отставленные отъ своихъ должностей послѣ февральской революціи. Уполномочивъ правительство и президента такой чрезвычайной, монаршей властью, законодательное собраніе отмѣнило осадное положеніе для Парижа и окрестныхъ департаментовъ и отерочило свои засѣданія съ 13-го августа по 1-е октября. Для защиты конституціи и республики была учреждена постоянная коммиссія изъ 25 депутатовъ, исключительно орлеанистовъ и легитимистовъ, въ томъ числѣ Моля и Шангарнье. Остальные роялистскіе депутаты отправились въ свои родные округа, отчасти чтобы отдохнуть отъ трудовъ праведныхъ въ парламентѣ, отчасти съ цѣлью присутствовать на собиравшихся департаментскихъ совѣтахъ, куда они внесли *настойчивое предложеніе о непосредственномъ пересмотрѣ конституціи.*

По закону конституція могла подлежать пересмотру только въ 1852 году специально созваннымъ для этой цѣли національнымъ собраніемъ. Но если бъ большинство департаментскихъ совѣтовъ высказалось за немедленный пересмотръ, какъ надѣялись роялисты, то, конечно, роялистское большинство національнаго собранія, не осмѣливаясь по своей инициативѣ такъ нагло нарушить конституцію, охотно подчинилось бы «голосу страны» и внесло бы на обсужденіе предложеніе департаментовъ. По отношенію департаментовъ совершенно разстроило этотъ планъ,—они подавляющимъ большинствомъ голосовъ высказались противъ пересмотра.

Между тѣмъ Бонапартъ имѣлъ достаточно досуга, чтобы использовать въ своихъ *личныхъ* интересахъ парламентскія ваканціи. Онъ предпринялъ поѣздку по странѣ и полученными оvacіями онъ былъ больше обязанъ лаврамъ своего знаменитаго дяди, чѣмъ своему званію президента. Онъ отправился въ Гамъ, гдѣ провелъ въ тюрьмѣ около шести лѣтъ. Но время сбросить маску еще не наступило и поэтому онъ продолжалъ разыгрывать начатую роль и напривѣтствіе мера далъ слѣдующій скромный отвѣтъ, который привелъ въ восторгъ всѣхъ монархистовъ. «...Я не могу пожаловаться на то, что моя дерзкая мысль нарушить законы страны привела меня къ шестилѣтнему пребыванію въ этой тюрьмѣ. Въ этомъ же мѣсяцѣ, гдѣ я

выстрадать цѣлыхъ шесть лѣтъ, я съ радостью поднимаю бокаль въ честь тѣхъ людей, которые рѣшились охранять учрежденія страны». На ряду съ подобными официальными манифестациями онъ старался вездѣ, гдѣ онъ побывалъ, незамѣтно приобрести расположеніе солдатъ.

Между тѣмъ рѣшилась участь римской и венеціанской республикъ. Римляне очень стойко защищались противъ превосходныхъ силъ французовъ. Здѣсь, въ рядахъ гарибальдійцевъ сражался извѣстный намъ Лавиронъ, который 15-го мая довольно непочтительно обошелся съ президентомъ Бюше и былъ *in contumacia* осужденъ на изгнаніе. Во время одной стычки онъ палъ замертво, раненый пулей Велсенскихъ охотниковъ.

Въ ночь съ 21-го на 22-е іюня послѣ одной стычки два важныхъ бастиона перешли въ руки осаждающихъ и послѣ паденія бастиона Сантъ-Панкраціо 29-го іюня французамъ удалось черезъ образовавшуюся брешь проникнуть въ городъ. 3-го іюля Удино вступилъ въ завоеванный Римъ. Мадзини и его приверженцы должны были бѣжать. Гарибальди собралъ вокругъ себя послѣднихъ защитниковъ и съ отрядомъ въ 4400 человекъ въ полномъ порядкѣ проложилъ себѣ дорогу черезъ ряды австрійскихъ войскъ и добрался до маленькой республики С.-Марино. Здѣсь онъ распустилъ свой отрядъ, и въ Генуѣ сѣлъ на корабль, чтобы отправиться въ Южную Америку. Удино послалъ съ полковникомъ Пиэлемъ въ Гаэту ключи Рима папѣ, 15-го іюля провозгласилъ восстановленіе папской власти и водрузилъ на замкѣ Святого Ангела папское знамя рядомъ съ французскимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ. Пій IX удостоилъ его за эту услугу своимъ апостольскимъ благословеніемъ и учредилъ правительственную комиссію, состоящую изъ 3-хъ кардиналовъ, которая подъ защитой французскихъ штыковъ въ Римѣ и австрійскихъ— въ Анконѣ и другихъ пунктахъ Церковной Области восстановила свѣтское господство святого отца.

Расположенная на лагунахъ Венеція, несмотря на разрушеніе и взятіе форта Малжіера и паденіе Рима, не соглашалась сдаться на капитуляцію австрійцамъ. Только послѣ того, какъ вездѣ въ Европѣ былъ восстановленъ старый режимъ, когда Венгрія, на которую Венеція возлагала свои послѣднія надежды, пала и уже ни съ какой стороны нельзя было ждать помощи, когда австрійскія бомбы стали разрываться въ самомъ городѣ, страдавшемъ отъ недостатка жизненныхъ припасовъ, когда за голоднымъ тифомъ послѣдовала холера, тогда только венеціанцевъ покинуло ихъ обычное мужество, и смѣлый, энергичный диктаторъ Манини уступилъ общимъ настояніямъ и согласился на капитуляцію. Послѣдняя была заключена 24-го ав-

густа; она гарантировала венецианцамъ полную безнаказанность, за исключеніемъ 40 выдающихся руководителей возстанія съ Маниномъ во главѣ, да и послѣдніе могли безирепятственно покинуть городъ и отправиться въ изгнаніе. 30-го августа фельд-маршалъ Радецкій вступилъ въ завоеванный городъ.

Удино ввелъ въ Римъ осадное положеніе, назначилъ губернаторомъ генерала Ростолана, сжалъ въ тискахъ демократическую печать, обезоружилъ населеніе и даже запретилъ гражданамъ по вечерамъ оставлять свои жилища. Кардиналы, очутившіеся у власти, установили въ Римъ такой деспотическій режимъ, который напоминалъ худшія времена средневѣковья. Эта тиранія вызвала недовольство и порицаніе во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Даже Бонапартъ счелъ нужнымъ сложить съ себя отвѣтственность за это иезуитское мракобѣсіе. Онъ своимъ вооруженнымъ вмѣшательствомъ хотѣлъ пріобрѣсти расположеніе поповъ и католическаго населенія. Теперь онъ хотѣлъ привлечь къ себѣ симпатіи тѣхъ, которые не хотѣли итти въ хвостъ іезуитовъ. Поэтому онъ 18-го августа написалъ одному изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, полковнику Эдгару Нею, сыну наполеоновскаго маршала: «Французская республика послала армію въ Италію не для того, чтобы задуть итальянскую свободу, а съ единственной цѣлью урегулировать ее и дать ей серьезное основаніе... Къ сожалѣнію, какъ я узналъ, враждебныя вліянія и разыгравшіеся страсти свели на нѣтъ благія намѣренія святого отца и папы собственныя. Нашлись люди, которые проскрипціи и тиранію хотятъ сдѣлать основаніемъ для возвращенія папы. Скажите генералу Ростолану, чтобъ онъ не позволялъ подъ сѣнью трехцвѣтнаго знамени производить такіе акты, которые могутъ измѣнить характеръ нашего вмѣшательства... Я формулирую возстановленіе власти папы въ слѣдующихъ словахъ: «всеобщая амністія, переходъ власти въ руки свѣтскихъ людей *), кодексъ Наполеона и либеральное правительство».

Первоначально это посланіе, для котораго Бонапартъ нарочно выбралъ форму частнаго письма, чтобы не быть отвѣтственнымъ за это передъ законодательнымъ собраніемъ, оказало нѣкоторое вліяніе. Святой отецъ въ своемъ такъ называемомъ «Motu proprio» обѣщалъ дать амністію и реформы. Но его хитрый секретарь кардиналъ Антонелли прекрасно понималъ, что Бонапартъ больше нуждается въ папѣ, чѣмъ послѣдній во французскомъ президентѣ, поэтому въ Римѣ все осталось по старому. Была возстановлена инквизиція подъ названіемъ Кон-

*) Въ Папской области управляли исключительно кардиналы.

siglio di Censura и ея дѣятельность выразилась въ неслыханномъ массовомъ изгнаніи съ должностей и безконечныхъ судебныхъ преслѣдованіяхъ. Въ годовщину провозглашенія республики молодежь зажгла фейерверкъ, и за это она поплатилась двадцатилѣтней ссылкой на галеры.

Реакція пускалась на всевозможныя выдумки, порой граничащая съ безуміемъ, чтобы найти какія-нибудь новыя преступленія. Такъ, напримѣръ, утверждали, что не употребляющіе табаку дѣлаютъ это съ цѣлью сократить государственные доходы и поэтому подлежатъ наказанію.

Всѣ эти гнусности разоблачилъ одинъ римскій изгнанникъ Фарина въ письмѣ къ секретарю англійскаго казначейства Гладстону; это письмо оканчивалось слѣдующими словами: «Если собрать всѣ приговоры духовной римской консулты и австрійскихъ военныхъ судовъ въ Церковной Области, если составить статистику всѣхъ напскихъ подданныхъ, которые были лишены должностей, изгнаны, наказаны и арестованы, то Европа и весь христіанскій міръ ясно увидѣли бы, какого рода миръ установилъ въ странѣ крестовый походъ 1849 г. Правительство по прежнему носить чисто клерикальный характеръ, такъ какъ единственнымъ министромъ въ дѣйствительности является секретарь кардиналъ Антонелли.. Прелаты управляютъ въ провинціи, ко всѣмъ высшимъ должностямъ допускаются только духовныя лица».

Когда въ октябрѣ состоялась сессія законодательнаго собранія, правительство сочло себя вынужденнымъ опять обратиться къ парламенту за кредитами для римской экспедиціи, которые съ 1.200,000 возросли до многихъ милліоновъ. Это дало оппозиціи новый поводъ обрушиться на правительство за его римскую политику, конечно, безъ надежды на успѣхъ, на что указывалъ уже выборъ Тьера докладчикомъ. Викторъ Гюго завелъ рѣчь о письмѣ президента и указалъ, что папа и не думаетъ удовлетворять выставленныя въ немъ требованія. Тьеръ же объявилъ, что вполне одобряетъ ходъ римской экспедиціи и очень отрицательно относится къ выставленнымъ въ письмѣ требованіямъ. Такое небрежное отношеніе, конечно, сильно покоробило президента, но онъ былъ слишкомъ хитеръ, чтобы не воспользоваться этимъ случаемъ и не свалить съ себя отвѣтственность за неудачный исходъ экспедиціи на министерство. Поэтому онъ во время дебатовъ о римскомъ вопросѣ написалъ письмо Одилону Барро, которое просилъ прочесть въ собраніи. Оно гласило: «Вы знаете, съ какой настойчивостью я добивался римской экспедиціи; съ той же стойкостью я сумѣю сломить и сопротивленіе другого рода». Министръ отказался прочесть это письмо,

которое другими словами выражало то, что онъ писалъ Эдгару Дею.

Не министерство, а Викторъ Гюго поднялъ вопросъ о личномъ вмѣшательствѣ и политикѣ президента. Онъ внесъ предложеніе о порядкѣ дня, въ которомъ собраніе высказало бы свою солидарность съ письмомъ Бонапарта. При насмѣшливомъ хохотѣ роялистскаго большинства это было отклонено, и собраніе ассигновало 9 милліоновъ для покрытія издержекъ римской экспедиціи.

Еще въ одномъ денежномъ вопросѣ замѣчалось трогательное единодушіе между министерствомъ и собраніемъ. По возобновеніи засѣданія Одилонъ Барро внесъ предложеніе продолжать выплачивать герцогинѣ Орлеанской ея вдовью пенсію въ 300,000 франковъ, прекращенную послѣ февральской революціи.

Что же касается третьяго денежнаго вопроса, увеличенія содержанія президенту, то ни министерство не могло рѣшиться войти съ этимъ предложеніемъ, ни собраніе не было, повидимому, расположено принять его. И отказъ министерства сдѣлаться въразителемъ его личныхъ интересовъ и претензій въ виду ожидаемаго отпора со стороны законодательнаго собранія, огорчилъ президента еще больше, чѣмъ поведеніе Одилона Барро и Тьера во время дебатовъ о римскомъ вопросѣ. Потому что, какъ замѣчаетъ Карлъ Марксъ въ своемъ «18-омъ Брюмера», «въ лицѣ Бонапарта претендентъ на императорскую корону такъ тѣсно сливается съ промотавшимся жуиромъ, что мысль о томъ, что Бонапартъ призванъ реставрировать имперію въ немъ всегда дополнялась другой мыслью, — что французскій народъ въ свою очередь призванъ платить его долги».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1-го ноября 1849 года президентъ республики извѣстилъ національное собраніе, что онъ распустилъ министерство Барро и составилъ новое министерство, что нисколько не удивило собраніе, такъ какъ это означало, что президентъ хочетъ больше выдвинуться на авансцену политической жизни страны и сдѣлаться господиномъ положенія. Съ этой цѣлью былъ отмѣненъ титулъ президента кабинета и было составлено непарламентское министерство изъ бонапартистскихъ повичковъ, которые должны были играть роль слѣпыхъ исполнителей личной воли президента. Министромъ юстиціи былъ назначенъ краснорѣчи-

Викторъ Консидеранъ, Феликсъ Пиа, Мартэнъ Бернаръ бѣжали и были осуждены *in contumaciam*. Защита опиралась на то, что римская экспедиція нарушила конституюцію, а потому обвиняемые имѣли право возстать и не подлежатъ за это наказанію. Судъ, конечно, отказался признать такой планъ защиты. Тогда обвиняемые и ихъ уполномоченные, указывая на ограниченіе свободы защиты, отказались отъ участія въ судѣ. 13-го ноября былъ объявленъ приговоръ суда. 37 отсутствовавшихъ и 17 находившихся на скамьѣ подсудимыхъ были осуждены на изгнаніе, въ томъ числѣ полковникъ Гинаръ и социалдемократическіе унтеръ-офицеры. Трое были приговорены къ пятилѣтнему заключенію, а 10—оправданы.

Учредительное національное собраніе при опредѣленіи бюджета на текущій годъ рѣшило отмѣнить налогъ на вино, чтобы облегчить положеніе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія, имѣя въ виду замѣнить его подоходнымъ налогомъ. Первымъ же мѣропріятіемъ новаго министра финансовъ Фульда было возстановленіе налога на вино и въ прежней, возмутительной формѣ, облагавшей полностью мелкую продажу, что уменьшило на половину крупныя сдѣлки, такъ что пострадалъ, главнымъ образомъ, мелкій потребитель. Законопроектъ Фульда встрѣтилъ полное сочувствіе со стороны подавляющаго большинства собранія и графъ Монталамберъ, ультрамонтанъ, перекочевавшій въ лагерь бонапартистовъ, одобрилъ его начинаніе, заявивъ, что враги общества—читай социалисты—, потерпѣвъ поражение на улицѣ, въ отпращиваніи законовъ и храмѣ правосудія, ищутъ для себя послѣдняго убѣжища въ финансахъ, объявивъ войну налогамъ, и что слѣдуетъ выбить ихъ изъ послѣдней позиціи. Само собой понятно, что о подоходномъ налогѣ никто даже не заикнулся.

Новый министръ просвѣщенія де Парье находилъ, что выработка новаго закона о преподаваніи въ комиссіи подвигается недостаточно быстро, и онъ поэтому внесъ 13-го декабря въ законодательное собраніе предложеніе издать впредь до опубликованія новаго закона временныя правила, имѣя въ виду подтянуть социалистически и республикански настроенныхъ народныхъ учителей. Согласно этимъ временнымъ правиламъ префектъ могъ подвергнуть народныхъ учителей дисциплинарнымъ наказаніямъ и смѣщать съ должностей тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ въ виду ихъ образа мыслей найдетъ недостойными занимать должность преподавателя. Этотъ законъ былъ санкціонированъ собраніемъ на 6 мѣсяцевъ.

14-го января де Парье внесъ въ парламентъ свой новый законъ, всецѣло передававшій преподаваніе въ руки іезуитовъ.

Завязались долгіе, бурные дебаты, въ исходѣ которыхъ главную роль игралъ страхъ передъ «краснымъ призракомъ». Монталамберъ прямо заявилъ, что противъ опасности социализма существуетъ только одно спасеніе, помощь церкви. Бывшій вольтеріанецъ Тьеръ высказался за законопроектъ, замѣтивъ, что «социализмъ или катехизисъ, середины между ними нѣтъ». Несмотря на энергичные и краснорѣчивые протесты оппозицій, въ которой особенно выдѣлялся Викторъ Гюго, законопроектъ былъ принятъ большинствомъ 399 голосовъ противъ 237. 27-го марта онъ былъ одобренъ президентомъ республики и опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе.

Предыдущіе два закона—о позстановленіи винной подати, и объявленіи войны невѣрующимъ,—по мнѣнію Карла Маркса, охватываютъ всю законодательную дѣятельность этого періода безусловнаго господства буржуазіи. Въ своемъ «18-мъ Брюмера» онъ пишетъ: «Если французы были стѣснены и ограничены въ смыслѣ потребленія вина, то тѣмъ щедрѣе имъ предлагали водичку истинной жизни... Есть чему удивляться, когда мы видимъ, что орлеанисты, либеральные буржуа, эти старинные апостолы вольтеріанства и эклектизма въ философіи, поручали своимъ исконнымъ врагамъ, іезуитамъ, обработку французскихъ умовъ. Но хотя орлеанисты расходились съ министрами по вопросу о претендентѣ на корону, однако и тѣ и другіе понимали, что интересъ ихъ объединеннаго владычества заставляетъ объединить и средства угнетенія: свойственные двумъ эпохамъ, что средства порабощенія, свойственные июльской монархіи, слѣдовало дополнить и усилить средствами порабощенія, свойственными реставраціи».

Конечно, Карлье въ своемъ полицейскомъ усердіи не отставалъ отъ министровъ, этихъ своеобразныхъ «спасителей общества». Какъ мы уже знаемъ, послѣ февральской революціи въ пылу воодушевленія были водружены на общественныхъ площадяхъ и перекресткахъ главныхъ улицъ деревья въ честь одержанной побѣды, эти такъ называемыя «древа свободы» должны были служить вещественнымъ дополненіемъ о короткомъ періодѣ триумфа и пробудившихся надеждъ. 5-го февраля Карлье приказалъ срубить эти деревья подъ предлогомъ, что они, дескать, мѣшаютъ свободному движенію по улицамъ. Вызванные этой провокаціей беспорядки были быстро подавлены, при чемъ былъ убитъ одинъ человекъ изъ народа. 24-го февраля, въ день годовщины революціи, народъ украсилъ пьедесталъ и рѣшетку июльской статуи и гробницы павшихъ за свободу цвѣтами и вѣнками. Ночью полиція сняла эти украшенія, которыя даже у некультурныхъ народовъ считаются святыми знаками па-

мяти. Парижъ охватила буря негодованія. «Они оскорбляютъ гробницы нашихъ усоншихъ», писалъ «Voix du peuple», которому Прудонъ присылалъ статьи изъ тюрьмы, «они совершили преступленіе, вызывающее отвращеніе даже у дикихъ народовъ. Они своими грязными руками осквернили вѣнки, которые сыновья, жены и отцы возложили на могилу своихъ близкихъ. «Проклятіе да падетъ на ихъ голову!»

Въ виду общаго негодованія министръ внутреннихъ дѣлъ не смѣливался взять подъ свою защиту эту гнусность, и даже Карлье счелъ нужнымъ снять съ себя отвѣтственность, сдѣлавъ козломъ отпущенія одного изъ своихъ подчиненныхъ.

Велѣдствіе приговора Версальскаго суда освободилось 31 депутатское мѣсто. Дополнительные выборы происходили 10-го марта, и социалдемократія одержала на нихъ блестящую побѣду.

Въ Парижѣ на мѣсто Ледрю-Роллена, Феликса Пиа и Консидерана были выбраны прежній министръ просвѣщенія Карно, бывший морской офицеръ и юньскій борецъ де Флоттъ (не нужно смѣшивать съ рабочимъ Флотомъ, другомъ Бланки), и видный социалистическій писатель и юньскій инсургентъ Франсуа Видалъ. Избраніе Карно являлось протестомъ противъ ненавистнаго закона объ обученіи, избраніе послѣднихъ двухъ было протестомъ противъ системы изгнанія, которая должна была вскорѣ получить законную санкцію. Парижскій гарнизонъ высказался за юньскаго инсургента Видала 6583 голосами, между тѣмъ какъ его соперникъ военный министръ Лагитъ получилъ 5863 солдатскихъ голосовъ. Въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ побѣда оставалась на сторонѣ социалдемократовъ или они оставались въ значительномъ меньшинствѣ, армія голосовала противъ партіи порядка. Видалъ былъ избранъ въ Парижѣ и Страсбургѣ и такъ какъ онъ принялъ Страсбургскую кандидатуру, то въ Парижѣ происходили дополнительные выборы, изъ которыхъ побѣдителемъ вышелъ романистъ пролетаріата Евгеній Сю.

Исходъ этихъ выборовъ привелъ въ замѣшательство жаждавшаго государственнаго переворота Бонапарта и легитимистовъ, вкупѣ съ орлеанистами объединившимися въ «партію порядка». Эти выборы показали всю несостоятельность системы шпіонажа, организованной по предложенію Карлье по всей Франціи и подчинившей всю бюрократію тщательному надзору низшихъ полицейскихъ органовъ; они показали всю беспочвенность все возраставшихъ репрессій противъ прогрессивнаго роста социалистическаго движенія. Курсы наль на биржѣ на 10 франковъ. Главы «партіи порядка» начали совѣщаться съ Бонапартомъ. Президентъ вышвырнулъ за бортъ неумѣлаго мини-

стра внутреннихъ дѣлъ Фердинанда Барро, который такъ плохо усвоилъ искусство оказывать давленіе на выборы и замѣнилъ его фанатикомъ порядка и будущимъ носителемъ бонапартизма Барошемъ, который уже въ Версали показалъ свою рѣшительность и безцеремонность. На него возлагалась задача новыми законами отвратить социалдемократическую опасность и обуздать социалдемократическій духъ въ странѣ.

Эту цѣль правительство надѣялось достигнуть слѣдующими тремя законопроектми. Первый требовалъ, чтобы предоставленное правительству право запрещать союзы и закрывать собранія было распространено и на избирательные союзы и избирательныя собранія; второй былъ направленъ противъ печати и стремился ограничить ея вліяніе введеніемъ системы залоговъ, итѣмпельной пошрины и обязательствомъ авторовъ подписывать свои статьи; третій предлагалъ ввести вмѣсто отмѣненной конституціей смертной казни ссылку для извѣстныхъ политическихъ преступленій. Вотъ къ чему сводились проекты Бароша, на ряду съ которыми фигурировало еще предложеніе 17 такъ называемыхъ «бургграфовъ» *), Тьера, Берье, Брольи, Моле, Фоше, Манталамбера съ товарищами, рекомендовавшее издать новый избирательный законъ, ограничивающій всеобщее избирательное право. Побѣда социалдемократіи вызвала опасеніе реакціонеровъ, какъ бы избирательное право не привело постепенно къ побѣдѣ краснаго республиканизма въ легальныхъ формахъ. Последнему законопроекту былъ приданъ характеръ «безотлагательности» и онъ былъ первый поставленъ на обсужденіе.

Чтобы въ значительной мѣрѣ лишить широкую массу рабочихъ пользованія избирательнымъ правомъ, было предложено продлить срокъ осыдлости, дающій право голоса, съ шести мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, при чемъ требуется представить личныя налоговыя квитанціи, справки изъ податнаго списка или свидѣтельствъ отъ работодателей. Административныя кары за нищенство и бродяжничество влекутъ за собой полную потерю избирательныхъ правъ; нарушеніе закона о союзахъ, оскорбленія должностныхъ лицъ, кары за незаконныя сборища и участіе въ возстаніи обусловливали пятилѣтнюю потерю избирательныхъ правъ. 8-го мая Леонъ Фоше, какъ вождь «бургграфовъ», внесъ этотъ законопроектъ въ законодательное собраніе, и Тьеръ выступилъ его пламеннымъ защитникомъ. «Кого мы хо-

*) «Бургграфъ» — насмѣшливая кличка, которой обозначали безсильное властолюбіе и феодальныя поползновенія руководителей монархической правды; она позаимствована изъ одной драмы Виктора Гюго.

тимъ исключить?» воскликнулъ онъ: «классъ бродягъ, простой народъ... Друзья истинной свободы, настоящіе республиканцы, боятся толпы, простого народа, который погубилъ всѣ республики; эта несчастная толпа отдала свободу всѣхъ республиканцевъ въ руки тирановъ». 31-го мая этотъ законъ, названный «облагораживаніемъ избирательнаго права», былъ принятъ большинствомъ 433 противъ 241 и санкціонированъ президентомъ республики.

Спустя нѣсколько дней прошелъ законъ, предоставлявшій правительству неограниченныя полномочія закрывать всевозможные союзы и собранія; 8-го іюня былъ принятъ законъ о ссылкѣ. Мѣстомъ ссылки были назначены островъ Nukahiva и долина Vaïthau на Маркизскихъ островахъ въ Великомъ океанѣ. И наконецъ, 16-го іюля былъ принятъ большинствомъ 392 противъ 263 законъ о печати, который сдавилъ печать въ небывалые тиски.

Кажущееся единодушіе между Бонапартомъ и законодательнымъ собраніемъ продолжалось только до тѣхъ поръ, пока тянулся революціонный кризисъ. Между ними сейчасъ же загорѣлась борьба, какъ только Бонапартъ потребовалъ соответствующаго вознагражденія за то, что онъ санкціонировалъ законъ, лишившій и его избирательныхъ правъ, такъ какъ онъ не присутствовалъ въ Парижѣ 3 лѣтъ. Конституція ассигновала президенту ежегодное содержаніе въ 600,000 франковъ. По предложенію Одилона Барро, учредительное собраніе назначило 12-го марта 1849 г. Бонапарту еще 600,000 франковъ на расходы по представительству. Клянчить у собранія о дальнѣйшихъ прибавкахъ Барро отказался. Теперь Бонапартъ нашелъ моментъ благоприятнымъ для того, чтобы потребовать увеличенія своего цивильнаго листа до 3,000,000. «Национальное Собраніе», писавъ Марксъ въ своемъ «18-омъ Брюмера», «лишило трехъ милліоновъ французскія избирательнаго права, и Бонапартъ потребовалъ себѣ за каждаго француза, изъятаго изъ обращенія, по франку, еще оставшемуся въ обращеніи, всего же равнымъ счетомъ 3,000,000 франковъ. Онъ, этотъ избранникъ шести милліоновъ, потребовалъ себѣ вознагражденія за тѣ голоса, которыхъ его лишили, хотя уже и послѣ его избранія. Комиссія національнаго собранія отказала было нахалу. Тогда въ бонапартистской прессѣ посыпались угрозы. Но могло ли національное собраніе ссориться съ президентомъ республики въ такой моментъ, когда оно успѣло принципиально и окончательно разсориться съ массою націи? Поэтому собраніе, хотя и отклонило ежегодный цивильный листъ, но согласилось на одновременную прибавку въ 2,160,000 франковъ. Оно, та-

кимъ образомъ, обнаружило двойную слабость, съ одной стороны, соглашаясь на выдачу денегъ, а, съ другой—заявляя свое неудовольствіе по этому поводу и показывая, что соглашается на этотъ расходъ лишь по неволѣ. Ниже мы увидимъ, на что понадобились Бонапарту деньги» *).

Эта борьба между президентомъ и парламентомъ дала бонапартистской печати желанный поводъ обрушиться съ бранью и насмѣшками на принципъ народовластія, выраженный въ народномъ представительствѣ. Вотъ что, напримѣръ, писалъ Гранье де Кассаньякъ въ бонапартистскомъ «*Revue*»: «Пора положить конецъ этому собранію и освободить насъ отъ ига народнаго суверенитета. Честь и слава прусскому королю, который такъ рыцарски разогналъ свою палату и теперь приказалъ посадить нѣкоторыхъ изъ этихъ плебеевъ въ рабочій домъ! Пусть Луи Наполеонъ возьметъ съ него примѣръ. Стоитъ только послать въ палату роту солдатъ и всему будетъ конецъ!» Эта и подобныя ей статьи представляли собой недвусмысленный призывъ къ государственному перевороту. Тѣмъ не менѣе правительство не только не старалось обуздать эту провокацію, но, напротивъ, заботилось о томъ, чтобъ доставить ей по возможности широкое распространеніе, особенно въ казармахъ и въ розничной продажѣ. Законодательное собраніе сочло нужнымъ въ данномъ случаѣ составить рекламу Бонапарту. Оно оштрафовало Кассаньяка на 5000 франковъ, которые, конечно, были уполочены изъ кармана президента республики.

Вслѣдъ за этимъ собраніе отсрочило свои засѣданія съ 11-го августа на 11-е ноября, назначивъ предварительно такъ называемую постоянную комиссію изъ 25 членовъ, состоящую изъ завѣдомыхъ враговъ Бонапарта. Это были орлеанисты, легитимисты и даже нѣсколько умѣренныхъ республиканцевъ. «Въ составъ постоянной комиссіи 1849 года», пишетъ Маркзъ въ своемъ «18-омъ Брюмера», «находились лишь сторонники порядка и бонапартисты, но тогда партія порядка заявляла себя непримиримой противницей революціи; теперь же парламентская республика заявляла себя непримиримой противницей президента, ибо послѣ изданія закона 31-го мая у партіи порядка остался еще лишь этотъ соперникъ» **).

Паступившими ваканціями враждующія и родственныя партіи воспользовались для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей. Такъ какъ не предвидѣлось никакой общей работы, то

*) Цитировано по русскому изданію «Молота» 1905 г., стр. 61—62.
Переводчикъ.

***) Цитировано по русскому изданію «Молота» 1905 г., стр. 62.
Переводчикъ.

партія порядку распалась на свои фракціи. Орлеанисты отправились на поклонение въ Клермонъ, гдѣ 26-го августа 1850 г. умеръ Луи-Филиппъ. Они теперь носились съ мыслью слить династическія претензіи обѣихъ линій Бурбонскаго дома. Главными сторонниками этого сліянія были Моле и Гизо. Такъ какъ графъ Шамборъ не имѣлъ дѣтей и послѣ его смерти ближайшимъ претендентомъ на французскую корону являлся маленькій графъ Парижскій, то такъ называемые «фузіонисты» полагали, что сознание общности интересовъ должно побудить графа Шамбора усыновить графа Парижскаго и, такимъ образомъ, слить враждующія фракціи легитимистовъ и орлеанистовъ въ одну общую династическую партію. Легитимисты съ Берье и Фаллу во главѣ отправились въ паломничество въ Висбаденъ, гдѣ находилась резиденція «Генриха V», какъ называлъ себя графъ Шамборъ. Онъ милостиво встрѣтилъ върноподданническія чувства своихъ приверженцевъ, но рѣшительно высказался противъ плана сліянія, указывая на свое право Божьей милостью, которое помимо народнаго избранія приведетъ его на французскій престолъ. На ряду съ этими интриганами появилась третья фракція, вышедшая также изъ когда-то компактнаго союза Rue de Poitiers: консерваторы съ Барошемъ, Леономъ Фоше, Монталамберомъ, Дарю, Бромли etc. во главѣ. Они поняли, что перевѣсъ силъ находится на сторонѣ Бонапарта и рѣшительно примкнули къ нему. До поры до времени эта фракція держалась осторожной, выжидательной тактики, внимательно прислушиваясь и приглядываясь къ своимъ соперникамъ.

Бонапартъ очень ловко воспользовался реставраціонными интригами своихъ соперниковъ. Онъ предпринялъ поѣздку по странѣ, чтобы создать настроеніе, благопріятное для продолженія своего президентства. О возстановленіи монархіи еще не было рѣчи, хотя при случаѣ Бонапартъ не скупился на намеки въ этомъ смыслѣ. Въ восточныхъ провинціяхъ его приняли очень холодно; въ Страсбургѣ его встрѣтилъ рѣшительно враждебный приѣмъ, между тѣмъ, какъ на сѣверѣ, особенно въ Нормандіи, его путешествіе превратилось въ триумфальное шествіе. Оказанному приѣму соответствовали и рѣчи, которыя онъ произносилъ въ различныхъ мѣстахъ; въ восточной Франціи онъ говорилъ двусмысленно, на сѣверѣ—совершенно прозрачно. На одномъ банкетѣ въ Лионѣ онъ заявилъ: «Я отнюдь не представитель какой-либо партіи, а выразитель двухъ великихъ національных манифестацій 1804 и 1848 гг., которыя установленіемъ порядка хотѣли спасти великіе принципы французской революціи». И, какъ носитель порядка, онъ опровергъ

всѣ слухи о государственномъ переворотѣ. Въ Шербургѣ же, куда онъ прибылъ къ концу своего путешествія, онъ заявилъ: «Вездѣ, гдѣ я проѣзжалъ, ко мнѣ обращались съ просьбами о каналахъ, улицахъ, желѣзныхъ дорогахъ, подъемѣ земледѣлія, промышленности и торговли. Конечно, нѣтъ ничего естественнѣе этого; но для того, чтобы достигнуть желанныхъ результатовъ, необходимы средства, а эти средства вы можете мнѣ доставить, помогая укрѣпленію власти противъ опасностей будущаго. Какъ же это случилось, что императоръ, несмотря на войны, покрылъ Францію цѣлой сѣтью предпріятій, на которыя наталкиваешься на каждомъ шагу и нигдѣ такъ часто, какъ въ этихъ мѣстностяхъ? Потому что, независимо отъ своего генія, онъ сталъ у кормила правленія въ такую эпоху, когда народъ, уставъ отъ революціонныхъ бурь, предоставилъ ему необходимую власть».

Вернувшись 13-го сентября въ Парижъ, онъ былъ встрѣченъ на вокзалѣ С. Лазаръ криками: «Да здравствуетъ президентъ! Да здравствуетъ императоръ!» Этотъ пріемъ ему приготовило *Общество 10 декабря*. «Это общество», пишетъ Карлъ Марксъ въ «18-омъ Брюмера», «возникло въ 1849 г., когда подъ предлогомъ учрежденія чисто благотворительнаго института парижскіе золоторотцы были организованы въ тайныя секціи съ бонапартистскими агентами во главѣ каждой секціи и съ бонапартистскимъ генераломъ во главѣ всей организаціи. Въ составъ этого общества входили промотавшіеся жуиры темнаго происхожденія, чернавіе средства къ существованію изъ разныхъ двусмысленныхъ источниковъ, далѣе опустившіеся авантюристы изъ подонковъ буржуазіи, бродяги, отставные солдаты, выпущенные на волю арестанты, бѣглые каторжники, жулики, фокусники, профессиональные нищіе, карманщики, мошенники, шулера, маркеры, содержатели домовъ терпимости, крючники, литераторы, шарманщики, тряпичники, точильщики, жестянники и проч. Словомъ, неопредѣленная распущенная масса бродяжнаго люда, которую французы называютъ богемой; изъ этихъ-то родственныхъ себѣ элементовъ Бонапартъ и образовалъ ядро «общества 10 декабря»... Этотъ Бонапартъ, какъ глава золоторотцевъ-пролетаріевъ, массовыя интересы кторыхъ вполне солидарны съ его собственными интересами,— это и есть настоящій Бонапартъ, Бонапартъ sans phrases.... «Общество 10 декабря» и только оно всецѣло было предано ему; оно было его креатурой, воплощеніемъ его собственной мысли. Все же прочее, что онъ присвоилъ себѣ, все это отдавала въ его распоряженіе лишь сила обстоятельствъ, все это дѣлали за него обстоятельства... «Общество 10 декабря» должно

было оставаться приватной личной арміей, Бонапарта до тѣхъ поръ, пока ему не удалось превратить настоящую государственную армію въ «Общество 10 декабря».*)

Армія не очень то симпатизировала планамъ Бонапарта, она была, повидимому, больше расположена въ пользу такъ называемыхъ африканскихъ генераловъ, чѣмъ — президента республики. Во время выборовъ 13-го мая 1849 г., 10-го марта и 28-го апрѣля 1850 г. она на половину голосовала за республиканцевъ, за что и была подвергнута наказанію. Въ Парижѣ послѣ отправки въ Африку оштрафованныхъ полковъ были призваны лишь такія войска, которые зарекомендовали себя своимъ голосованіемъ. Бонапартъ старался завоевать ихъ симпатіи. На 3-е октября онъ назначилъ смотръ четырьмя бригадамъ при С. Мори и 10-го октября 1850 онъ на равнинѣ Сатори приказалъ продефилировать передъ своей персоной всему парижскому гарнизону, «какъ бы для того, чтобы изъ его поведенія узнать объ отношеніи арміи къ основному закону страны», по мѣткому замѣчанію Таксиля Делора. Наканунѣ смотра онъ щедро угощалъ въ своемъ Елисейскомъ дворцѣ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ дичью, шампанскимъ и сигарами. По окончаніи смотра онъ далъ солдатамъ на свой счетъ обѣдъ съ обильными возліяніями и приказалъ раздать имъ деньги.

Во время смотра при С. Мори солдаты продефилировали передъ нимъ съ криками: «да здравствуетъ Наполеонъ! Да здравствуетъ президентъ!» Раздавались также единичные крики: «Да здравствуетъ императоръ!». Обезпokoенная этими возгласами постоянная комиссія пригласила военного министра д'Опуля, который обѣщалъ, что это нарушеніе дисциплины не повторится. 10-го октября при Сатори пѣхота дефилировала молча, согласно предписанію, кавалерія, напротивъ, по данному ихъ офицерами сигналу привѣтствовала президента криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Въ Елисейскомъ дворцѣ были поражены новеденіемъ пѣхоты, было сдѣлано разслѣдованіе и оказалось, что командиръ первой дивизіи и начальникъ генеральнаго штаба Шангарнье генераль Неймайеръ по предварительному соглашенію съ послѣднимъ и постоянной комиссіей запретилъ войскамъ издавать какіе-либо возгласы. По инициативѣ Бонапарта кара за эту демонстративную выходку должна была постигнуть Неймайера, что было прямымъ вызовомъ по адресу Шангарнье, на котораго уже смотрѣли, какъ на повелителя національнаго собранія и будущаго «блага конвента».

*) Цитировано по русскому изданію «Молота», 1905 г., стр. 63—66.
Переводчикъ.

Онъ отвергъ всѣ попытки подкупа со стороны Бонапарта и теперь открыто занялъ враждебную ему позицію. Приказомъ отъ 2-го ноября онъ предписалъ войскамъ воздерживаться отъ какихъ-либо манифестацій и возгласовъ. Тогда Бонапартъ рѣшилъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ неудобнаго генерала и, натолкнувшись на индифферентное отношеніе генерала Дюпуля, назначилъ его генераль-губернаторомъ Алжира, а постъ военнаго министра передалъ бонапартистскому генералу Шраму.

Возгорѣвшаяся борьба между президентомъ республики и генераломъ Шангарнье, довѣреннымъ постоянной комиссіи, приняла неблагоприятный для послѣдняго оборотъ вслѣдствіе одного неожиданнаго случая. Одинъ полицейскій агентъ по имени Алэ донесъ полицейскому комиссару Іону, на котораго была возложена охрана національнаго собранія, что «Общество 10 декабря» намѣревается убить генерала Шангарнье и президента собранія Дюпэна. Мысль убить Дюпэна, этого нерѣшительнаго, трусливаго старикашку, можно было разсматривать только, какъ плоскую шутку, тѣмъ не менѣе постоянная комиссія отнеслась къ этому доносу очень серьезно и поручила черезъ министра юстиціи произвести разслѣдованіе, которое ясно показало, что постоянная комиссія сдѣлалась жертвой полицейскаго измышленія. Она стала мишенью для шутокъ насмѣшливыхъ парижанъ, а Бонапартъ во время производства дознанія еще до созыва національнаго собранія распустилъ свое «Общество 10 декабря». о которомъ теперь велось слѣдствіе, распустилъ, конечно, только на бумагѣ, потому что еще въ концѣ 1850 года полицейскій префектъ Карлье тщетно старался повліять на президента, чтобы онъ, дѣйствительно, распустилъ декабристовъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 11-го ноября опять открылись засѣданія національнаго собранія. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали посланія Бонапарта, которое онъ по своему обыкновенію долженъ былъ представить національному собранію вмѣсто рѣчи при открытіи засѣданія. 12-го ноября собраніе получило это посланіе. Никогда еще Бонапартъ со времени своей торжественной клятвы 10-го декабря 1848 г. не высказывалъ болѣе опредѣленно свою твердую рѣшимость при всѣхъ обстоятельствахъ стоять на стражѣ конституціи. «Я часто заявлялъ», писалъ Бонапартъ, «когда мнѣ представлялся случай публично высказывать свои убѣжденія, что я считаю большими негодьями тѣхъ, которые изъ личнаго честолюбія хотятъ нарушить устойчивость общественной жизни, установленную конституціей... Въ данный моментъ, каждый французъ, за исключеніемъ меня, имѣетъ право выступить съ предложеніемъ о не-

решитъ основного закона страны... *Только я одинъ, связанный присягой*, буду строго держаться тѣхъ узкихъ границъ, которыя отводитъ мнѣ конституція... Что же касается меня, то, будучи избранъ народомъ и будучи обязанъ ему властью, я всегда буду подчиняться его волѣ, выраженной законнымъ образомъ. Если вы въ настоящую сессию постановите пересмотрѣть конституцію, то учредительное собраніе будетъ регулировать функціи исполнительной власти. Если же нѣтъ, то народъ торжественно выскажетъ въ 1852 году свое рѣшеніе... Но какъ бы ни рѣшило будущее, будемъ согласны въ томъ, что ни страсть, ни случайность, ни насиліе никогда не должны рѣшать участь великой націи... Будьте увѣрены, что меня гораздо меньше занимаетъ мысль о томъ, *кто* будетъ править Франціей въ 1852 г., чѣмъ мысль о томъ, какъ употребить все время, имѣющееся въ моемъ распоряженіи такъ, чтобы переходный періодъ прошелъ безъ волненій и потрясеній». Это былъ языкъ заговорщика 2-го декабря за годъ до совершенія преступленія! «Въ этомъ внѣшне-благоприличномъ, лицемѣрно-скромномъ и банально-благонамѣренномъ языкѣ буржуазіи» говоритъ Карлъ Марксъ. «устами самодержавнаго вождя «Общества 10 декабря» и героя С.-Морского и Саторійскаго пикниковъ вылилось ея настроеніе и чувство».

Какъ бы мимоходомъ Бонапартъ обмолвился въ этомъ посланіи, что, согласно буквальному смыслу конституціи, одинъ только президентъ можетъ распоряжаться арміей. Это не ускользнуло отъ вниманія «бургграфовъ» національнаго собранія и заставило ихъ держаться на сторожѣ. Народъ относился совершенно индифферентно къ все болѣе и болѣе обострившемуся конфликту между исполнительной властью и законодательнымъ корпусомъ, конфликту, возникшему по вопросу о предѣлахъ компетенціи того и иного института.

Дѣятельность національнаго собранія за ноябрь и декабрь не представляетъ собой никакого интереса. Комиссія изъ 30 членовъ съ Тьеромъ во главѣ разрабатывала, выражаясь современной терминологіей, вопросы государственнаго социализма, она вырабатывала мѣры къ улучшенію положенія обездоленныхъ массъ. Само собой разумѣется, что вся эта шумиха сводилась къ организациі новаго института христіанской благотворительности. Были составлены анкеты о состояніи богадѣленъ и сберегательныхъ кассъ и выработаны законы о пенсіонныхъ кассахъ и кассахъ взаимопомощи, законы, которымъ никогда не суждено было имѣть какое-либо практическое значеніе. На цѣнность этихъ законовъ указываетъ то обстоятельство, что докладчикомъ комиссіи выступилъ въ собраніи Тьеръ.

Къ концу декабря по какому-то незначительному поводу возгорѣлась партизанская борьба между національнымъ собраніемъ и правительствомъ. Баронъ потребовалъ и добился отставки полицейскаго комиссара Юна за политическую и судебную несправедливость, вызванную его усердіемъ. По приказу министра юстиціи было начато судебное преслѣдованіе противъ депутата Могена. Президентъ Дюпэнъ отнесся къ этому приказу, какъ къ покушенію на прерогативы національнаго собранія и оскорбленію гарантированной конституціей депутатской неприкосновенности. Онъ поручилъ квестору Базу добиться немедленнаго освобожденія Могена и въ случаѣ крайности прибѣгнуть къ помощи военной силы, послѣ чего директоръ долговой тюрьмы въ Клиши, не дожидаясь вѣдательства войска, выпустилъ на свободу Могена.

Этотъ случай далъ желанный поводъ національному собранію вынести на обсужденіе вопросъ о томъ, кому должна повиноваться армія. 2-го января 1851 г. «Patrie» опубликовала приказъ Шангарнье, помѣченный маемъ 1849 г., которымъ запрещается командирамъ корпусовъ парижскаго гарнизона посылать войска, если требованіе будетъ исходить не отъ главнокомандующаго, а отъ какой-нибудь гражданской, судебной или политической власти.

На ближайшемъ засѣданіи Наполеонъ Бонапартъ, двоюродный братъ президента, поднялъ вопросъ въ національномъ собраніи объ этомъ приказѣ. Шангарнье не могъ отрицать этого факта, но оправдывался тѣмъ, что этимъ хотѣлъ предупредить злоупотребленіе арміей противъ конституціи и національнаго собранія. Во время дебатовъ онъ первый призналъ, что національному собранію принадлежитъ право вызывать войска. Такимъ образомъ, произошелъ открытый разрывъ между президентомъ республики и начальникомъ парижскаго гарнизона. Бонапартъ въ тотъ же вечеръ созвалъ совѣтъ министровъ и потребовалъ отставки Шангарнье. Только четыре министра Руэ, Барошъ, Фульдъ и Парье согласились на этотъ шагъ, который долженъ былъ вести за собой открытый разрывъ съ національнымъ собраніемъ. Остальные министры были отставлены и послѣ шестидневнаго министерскаго кризиса 10-го января было составлено новое министерство, въ которомъ генералъ Реньоль де С.-Жанъ д'Анжели занялъ постъ военнаго министра, Друинъ де л'Гюй—иностранныхъ дѣлъ, Манъ—общественныхъ построекъ, Дюко—морскаго министра и Бонжанъ—торговли. Два дня спустя въ «Moniteur'ѣ» было опубликовано объ отставкѣ Шангарнье и о раздѣленіи его функцій между генераломъ Бараге и Перро. Подъ вліяніемъ министра финансовъ Фульда биржа привѣтствовала

смѣщеніе Шангарнье повышеніемъ курса государственныхъ бумагъ, со стороны «партіи порядка» эта выходка Бонапарта вызвала, напротивъ, негодованія. Ремюза предложилъ назначить комиссію для выработки соответствующихъ мѣропріятій. Это предложеніе было принято незначительнымъ большинствомъ, при чемъ выяснилось, что уже 250 депутатовъ изъ «партіи порядка» перекочевали въ лагерь бонапартистовъ, 98 членовъ лѣвой воздержались отъ голосованія. «Мы не очень-то вѣримъ, что принцъ преданъ республикѣ», сказалъ Тьеру Паскаль Дюпра, одинъ изъ этихъ 98, «но въ преданность Шангарнье и вашу мы вѣримъ еще меньше. Мы съ опасеніемъ наблюдали Саторійскій смотръ, но развѣ вы ѣздили въ Клермонъ и Висбаденъ для защиты республики?»

Послѣ трехдневнаго совѣщанія комиссія вынесла вотумъ недоувѣрія министерству. 4 дня происходили по этому поводу горячіе дебаты въ собраніи и наконецъ 18-го января это предложеніе было принято большинствомъ 415 голосовъ противъ 286. Большинство на этотъ разъ состояло изъ орлеанистовъ, легитимистовъ и республиканской лѣвой съ Горой. «Это коалиція!» воскликнулъ одинъ бонапартистъ во время голосованія. «Да, это коалиція противъ имперіи!» отвѣтилъ ему Ноэль Парфе.

Непосредственнымъ результатомъ этого вотума недоувѣрія была отставка министерства Баронгъ-Руэ-Фульда. Бонапартъ заявилъ, что въ виду раскола въ самой «партіи порядка» онъ не можетъ составить новый кабинетъ изъ разбитаго на отдѣльныя фракціи большинства національнаго собранія, а потому онъ считаетъ себя вынужденнымъ образовать внѣпарламентское, политически безцвѣтное, переходное министерство, уполномоченное заботиться исключительно о дѣлахъ управления. «Партіи порядка», говоритъ Карлъ Марксъ, «теперь предоставлено было забавляться игрою съ этими маріонетками: исполнительная власть уже не считала болѣе нужнымъ быть серьезно представленной въ національномъ собраніи».

Коалиціонное большинство національнаго собранія отомстило за эту насмѣшку тѣмъ, что отвергло большинствомъ 102 голосовъ предложеніе принести президенту въ даръ 1,800,000 франковъ. 18-го января большинство исчислялось въ 129 голосовъ, слѣдовательно, за это время изъ распадающейся партіи порядка успѣли перейти въ лагерь бонапартистовъ еще 27 членовъ.

Между тѣмъ неопредѣленность положенія, заботы о предстоящихъ въ слѣдующемъ году парламентскихъ выборахъ и выборахъ президента республики стали сильно беспокоить трусливую буржуазію. Въ дѣлахъ замѣчался застоій, надвигался

всеобщій торговій кризисъ, а между тѣмъ все настойчивѣе стали раздаваться голоса въ пользу пересмотра конституціи и особенно объ уничтоженіи тѣхъ параграфовъ, которые запрещаютъ переизбраніе президента послѣ четырехъ-лѣтняго служебнаго періода. Бонапартисты организовали по всей странѣ петиціонное движеніе въ пользу пересмотра и Бонапартъ, заявивъ въ отвѣтъ на запросъ Одилона Барро, что онъ вполне будетъ удовлетворенъ, если срокъ его президентства будетъ продолженъ еще на четыре года, рѣшилъ по вопросу о пересмотрѣ, согласно конституціи, заручиться согласіемъ собранія. Для этого ему прежде всего нужно было распустить переходное министерство. Но, считая свою позицію достаточно прочной, чтобы не нуждаться въ парламентскомъ министерствѣ, онъ началъ водить за носъ всѣ фракціи «нартіи порядка» и 10 апрѣля составилъ антипарламентское министерство изъ самыхъ преданныхъ своихъ сторонниковъ. Баронъ получилъ портфель министра иностранныхъ дѣлъ, Руэ — юстиціи, Фульдъ — финансовъ, Леонъ Фоше — внутреннихъ дѣлъ, генералъ Рандонъ — военнаго министра. Трое первые только три мѣсяца передъ тѣмъ получили вотумъ недовѣрія, а Леонъ Фоше въ маѣ 1849 г. былъ вынужденъ уклониться отъ такового со стороны учредительнаго собранія. Поэтому у національнаго собранія было достаточно основаній опрокинуть это министерство, тѣмъ не менѣе оно большинствомъ 58 голосовъ отклонило предложеніе вторично выразить свое недовѣріе министерству. Такимъ образомъ было восстановленъ сносный миръ съ президентомъ республики, и собраніе могло заняться острымъ вопросомъ о пересмотрѣ.

23-го мая 233 депутата — жаждавшіе пересмотра легитимисты, усталые отъ борьбы орлеанисты и завѣдомые бонапартисты — внесли предложеніе о полномъ пересмотрѣ конституціи для того, «чтобы вернуть народу возможность полного пользованія своимъ суверенитетомъ», какъ гласилъ официально этотъ проектъ, за которымъ скрывалось тайное желаніе предоставить странѣ выборъ между республикой и монархіей. Между тѣмъ авторы хрупкой конституціи, «приличные» республиканцы 1848 года, обставили пересмотръ такими условіями, которыя почти не позволяли измѣнить ея значеніе. Предложеніе о пересмотрѣ можетъ быть внесено только въ послѣдній годъ законодательнаго періода, ему должно предшествовать троекратное совѣщаніе съ мѣсячными промежутками. Обсуждаться этотъ вопросъ можетъ только въ томъ случаѣ, если за это выскажется національное собраніе большинствомъ $\frac{3}{4}$. Тѣмъ не менѣе предложеніе было передано въ комиссію.

Едва только эта комиссія приступила къ работѣ, какъ 1-го

іюня Бонапартъ при открытіи Ліонской желѣзной дороги открыто напалъ на національное собраніе. Бонапартистскій меръ въ его лицѣ привѣтствовалъ призваннаго преемника и наслѣдника великаго Наполеона, на что глава «Общества 10 декабря» отвѣтилъ слѣдующее: «Франція не хочетъ ни возвращенія стараго режима, въ какую бы форму онъ не облакался, ни эксперимента непрактичныхъ утопій. Такъ какъ я естественный противникъ и того и другого, то поэтому страна мнѣ довѣряеть... Если правительство не могло провести всѣ намѣченные мною реформы, то это произошло изъ-за партійныхъ подвоховъ... Въ теченіе трехъ лѣтъ меня всегда поддерживало національное собраніе, когда рѣчь шла о борьбѣ съ беспорядками репрессивными мѣрами. Когда же я хотѣлъ провести какос-нибудь доброе начинаніе и облегчить положеніе народа, то оно мнѣ отказывало въ своемъ содѣйствіи»...

Въ Парижѣ узнали объ этой вызывающей рѣчи, когда въ національномъ собраніи обсуждалось предложеніе о повышеніи жалованья тѣхъ солдатъ, которые 24-го февраля 1848 г. защищали Châteaui d'Eu. Этими преніями воспользовался озлобленный опальный генераль Шангарнье, чтобы обнадежить собраніе, что довѣріемъ арміи никогда не удастся злоупотребить для насильственного переворота, что нѣтъ той силы, которая могла повліять хотя бы на одну роту, чтобы она выступила противъ права и національнаго собранія. «Уполномоченные Франціи, совѣщайтесь въ мирѣ!» Какъ долженъ былъ смѣяться Бонапартъ и его единомышленники надъ этими тирадами Шангарнье.

19-го іюля послѣ пятидневныхъ бурныхъ дебатовъ вопросъ о пересмотрѣ конституціи былъ поставленъ на голованіе; 446 депутатовъ высказались за, 278 противъ. Такимъ образомъ проектъ былъ отклоненъ, такъ какъ не хватало 97 голосовъ для большинства $\frac{3}{4}$. Спустя нѣсколько дней, большинствомъ 327 голосовъ противъ 314 былъ принятъ вотумъ порицанія министерству за выраженное одобреніе петиціонному движенію. Затѣмъ національное собраніе 10-го августа отложило свои засѣданія на три мѣсяца.

Между тѣмъ, Бонапартъ отнялъ командованіе первой дивизіей у генерала Бараге д'Ильера, который ничего и слышать не хотѣлъ о государственномъ переворотѣ и замѣнилъ его генераломъ Маньяномъ, болѣе или менѣе уже пострадавшимъ за Бонапарта во время Булонской экспедиціи и своимъ кровавымъ подавленіемъ ліонскаго возстанія въ іюні 1849 г. зарекомендовавшимъ себя, какъ человѣка, подходящаго для уличныхъ избиеній; къ тому же онъ былъ очень стѣсненъ матеріально и за деньги былъ готовъ итти на что угодно. Начальникомъ глав-

наго штаба національной гвардіи былъ назначенъ приснопамятный полковникъ Віэйра, разрушившій соціалдемократическія типографіи въ іюнѣ 1849 г., что побудило генерала Перро, командовавшаго національной гвардіей послѣ Шангарнье, добровольно подать въ отставку.

Начиная съ 25-го августа, открывались въ провинціи генеральные совѣты департаментовъ, въ которыхъ перевѣсь имѣла крупная буржуазія. Отъ 18 до 19 генеральныхъ совѣтовъ высказались за пересмотръ, слѣдовательно, за Бонапарта противъ національнаго собранія.

Бонапартъ понялъ намекъ и рѣшилъ дѣйствовать. Онъ нашелъ, что извлечетъ для себя большую пользу, если начнетъ оспаривать законъ 31-го мая 1850 г., который лишилъ избирательнаго права три милліона французовъ и, между прочимъ, какъ выяснилось, многихъ приверженцевъ Бонапарта. 10-го октября онъ далъ знать министрамъ, что хочетъ возстановить всеобщее избирательное право. Онъ встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны тѣхъ министровъ, которые, какъ Барошъ и Леонъ Фоше, были ревностными сторонниками этого закона. Это вызвало паденіе всего министерства, которое было замѣнено 26-го октября министерствомъ Туриньи, состоявшимъ исключительно изъ поборниковъ личныхъ интересовъ Бонапарта. Центральной фигурой въ этомъ кабинетѣ былъ военный министръ генералъ Леруа, названный С. Арно. Онъ принадлежалъ къ такъ называемымъ «Елисейскимъ братьямъ», бандѣ пошлыхъ авантюристовъ, подготовившихъ государственный переворотъ. Полицейскій префектъ Карлье, принадлежавшій также къ этой почтенной компаніи, но оказавшійся не достаточно расторопнымъ, былъ смѣщенъ, и его мѣсто занялъ Мопа, испытанный въ роли слѣпago орудія власти.

4-го ноября опять открылась сессія національнаго собранія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Туриньи внесъ посланіе Бонапарта, въ которомъ онъ просилъ объ отмѣнѣ закона 31-го мая 1850 года и возстановленіи всеобщаго избирательнаго права. Оно было снабжено подробной мотивировкой, указывавшей на то, что страна требуетъ пересмотра конституціи, вышедшей изъ всеобщаго избирательнаго права, но при сохраненіи закона 31-го мая 1850 г. онъ можетъ быть предпринятъ только собраніемъ, избраннымъ на основаніи очень ограниченнаго избирательнаго права. «Мнѣ могутъ замѣтить», прибавляетъ Бонапартъ, «что мой проектъ продиктованъ моими личными интересами, но мое поведеніе за послѣдніе три года будетъ служить опроверженіемъ подобнаго подозрѣнія... Возстановить всеобщее избирательное право значитъ отнять у гражданской войны ея знамя и у оп-

позици ея послѣдній стимулъ; это значитъ дать возможность Франціи создать такія учрежденія, которыя будутъ служить гарантіей ея спокойствія».

Когда было окончено чтеніе этого посланія, министръ положилъ на столъ президента соотвѣтствующій избирательный законопроектъ и настаивалъ на его неотложности. Противъ этого энергично высказался Берье и его друзья. Они понимали, что ихъ надежда возвести на французскій престолъ Генриха V можетъ осуществиться лишь въ томъ случаѣ, если въ слѣдующемъ году произойдетъ президентскій кризисъ. Незначительнымъ большинствомъ вопросъ о неотложности былъ отклоненъ и былъ принятъ обычный порядокъ дня. 13-го ноября дошла очередь до этого законопроекта. Династическая правая превратила важный вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ вопросъ приличія. Она сочла некорректнымъ со стороны Бонапарта внушать собранію отмѣнить имъ же изданный законъ, прежде чѣмъ его пригодность была испытана на практикѣ. За сохраненіе спокойствія въ странѣ ручается армія, которая представляетъ собой болѣе надежное орудіе, чѣмъ всеобщее избирательное право. Горѣ и всей республиканской лѣвой было брошено въ лицо обвиненіе въ томъ, что они вошли въ сдѣлку съ Бонапартомъ, что они продались Елисейскому дворцу. Большинство 353 голосовъ противъ 347 законопроектъ былъ отклоненъ.

Между тѣмъ, квесторы національнаго собранія, генералы Лефлю и Базъ, внесли предложеніе, согласно которому президенту законодательнаго національнаго собранія поручается стоять на стражѣ внѣшней и внутренней безопасности собранія, а для этой цѣли онъ долженъ располагать правомъ вытребовать военную силу и другія власти, содѣйствіе которыхъ онъ сочтетъ необходимымъ. Вызвано было это предложеніе тѣмъ, что военный министръ С. Арно при вступленіи въ свою должность выпустилъ циркуляръ ко всѣмъ командующимъ генераламъ, вмѣняющій имъ въ священнѣйшую обязанность безусловное повиновеніе, и одновременно съ этимъ онъ распорядился сорвать наклеенные во всѣхъ казармахъ декреты 1848 года, предоставлявшіе президенту національнаго собранія право непосредственнаго распоряженія всѣми военными силами.

17-го ноября было поставлено на обсужденіе предложеніе квесторовъ. Этотъ вопросъ рѣшила республиканская лѣвая. Она усмотрѣла въ этомъ предложеніи маневръ монархистовъ, чтобы воспользоваться военной силой съ цѣлью избавиться и отъ президента и отъ республиканцевъ, назначить «бѣлую диктатуру» и возстановить монархію. Напрасно Тьеръ пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе, надѣясь повліять на республикан-

скую лѣвую; она рѣшила не отдавать оружія закону 31-го мая 1850 г., рассчитывая гораздо больше на защиту народа, чѣмъ на Шангарнье, которому монархисты опять хотѣли передать въ руки власть. Предложеніе квесторовъ было отклонено большинствомъ 408 голосовъ противъ 300.

«Можетъ быть, такъ будетъ лучше», замѣтилъ Бонапартъ, когда онъ узналъ результатъ голосованія. А С. Арно, покинувшій со своими единомышленниками Бурбонскій дворецъ до исхода дебатовъ, прибавилъ: «Намъ на это наплевать!» Для Бонапарта такой оборотъ дѣла былъ очень выгоденъ. Онъ весь день оставался въ своихъ красныхъ штанахъ, какъ бы наготовѣ въ любой моментъ вскочить на коня и во главѣ своихъ войскъ броситься на національное собраніе. Теперь ему оставалось только выбрать любой моментъ для выполненія своего замысла.

Въ ближайшіе дни монархическому большинству національнаго собранія представился случай излить свою глубокую ненависть противъ демократіи. Бывшій депутатъ учредительнаго собранія по имени Жантъ (Yent) былъ съ товарищами присужденъ лонскимъ военнымъ судомъ къ ссылке. Ихъ обвинили въ томъ, что они устроили заговоръ, съ цѣлью въ подходящий моментъ поднять часть южныхъ департаментовъ. Въ цѣляхъ они были черезъ Парижъ отправлены въ Брестъ, чтобы оттуда моремъ переправить ихъ въ негостеприимную Пукагиву. Гора подняла вопросъ объ этомъ жестокомъ поступкѣ въ засѣданіи 26-го ноября. Министръ юстиціи оправдывалъ это, указывая на опасность со стороны социалистовъ. Правая наградила министра одобрительными аплодисментами. Она не хотѣла замѣчать, что устраивается совѣтъ другого рода заговоръ, что республикѣ грозитъ опасность совѣтъ съ другой стороны.

Свои послѣднія засѣданія собраніе посвятило обсужденію новаго избирательнаго закона для общинныхъ выборовъ. Была внесена поправка, что годовичное пребываніе въ опредѣленномъ мѣстѣ даетъ уже право на участіе въ выборахъ, между тѣмъ какъ законъ 31-го мая 1850 г. обуславливаетъ избирательное право трехлѣтнимъ пребываніемъ на одномъ мѣстѣ. Единодушная въ этомъ вопросѣ «партія порядка» согласилась только сбавить съ трехъ лѣтъ на два года. Придуманный Тьеромъ вмѣстѣ съ государственнымъ совѣтомъ законъ объ отвѣтственности президента республики уже больше не обсуждался собраніемъ.

Все возрастающая нужда въ деньгахъ заставила Бонапарта ускорить «спасительное предпріятіе», государственный переворотъ. «Елисейскіе братья» порѣшили назначить этотъ день на

2 декабря, годовщину битвы при Аустерлицѣ. Вечеромъ 1-го декабря въ Елисейскомъ дворцѣ собралось блестящее общество. Какъ рассказываетъ Веронъ въ своихъ «Мемуарахъ парижскаго буржуа», Бонапартъ дѣлалъ видъ, что находится въ прекрасномъ расположеніи духа и очень непринужденно держался со своими гостями. Когда послѣ 11 часовъ гости разошлись, онъ подозвалъ полковника Вэйра. «Полковникъ, владѣете ли вы настолько собой, чтобы выраженіемъ лица не выдать своего внутренняго волненія?» «Принцъ, я надѣюсь». «Хорошо, это совершится сегодня ночью... Можете ли вы ручаться, что завтра не раздастся генеральный маршъ?» «Да, если въ моемъ распоряженіи будетъ достаточно людей, чтобы выцолнить мои приказанія».

Бонапартъ удалился и несомнѣнно думалъ о слѣдующемъ днѣ, который приведетъ его или на французскій престолъ или на галеры.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Поползновенія Луи Бонапарта къ государственному перевороту были, такъ сказать, открытой тайной. Государственный переворотъ ждали при различныхъ обстоятельствахъ, но каждый разъ обманывались въ своихъ ожиданіяхъ. Такимъ образомъ постепенно складывалась какая-то обманчивая увѣренность, убаюкивались мыслью, что, хотя герой Страсбурга и Булони и намѣренъ произвести государственный переворотъ, но у него не хватитъ мужества и рѣшительности привести въ исполненіе свой замыселъ.

Къ туманнымъ рѣчамъ Бонапарта уже привыкли и умышленно закрывали глаза на тотъ важный фактъ, что Бонапартъ, отстранивъ отъ командованія арміей такъ называемыхъ африканскихъ генераловъ, замѣнилъ ихъ офицерами, всецѣло обязанными ему своимъ повышеніемъ. Такъ же мало безпокойства внушало принятое Бонапартомъ передвиженіе войскъ, хотя каждый внимательный наблюдатель могъ легко изъ этого понять тайный планъ президента. Онъ постепенно удалилъ изъ Парижа всѣ полки, охваченные республиканскими идеями и замѣнилъ ихъ другими войсками, необходимыми ему для удачнаго осуществленія задуманнаго переворота.

Въ октябрѣ 1851 года онъ замѣнилъ свѣжими, вернувшимися изъ Африки войсками четыре пѣхотныхъ и два кавалерійскихъ полка, долѣе всѣхъ пробывшихъ въ Парижѣ и,

слѣдовательно, сильнѣе другихъ впитавшихъ въ себя «республиканскій ядъ». Измѣнивъ такимъ образомъ составъ парижскаго гарнизона, Бонапартъ счелъ своевременнымъ нѣсколько приподнять маску. 9-го ноября онъ приказалъ Маньяну представить ему переведенныхъ въ Парижъ офицеровъ, къ которымъ обратился со слѣдующими недвусмысленными словами: «Когда серьезность положенія заставитъ меня апеллировать къ вашей преданности, то я увѣренъ, что въ ней недостатка не будетъ, потому что когда наступитъ опасный моментъ, я не буду поступать такъ, какъ предшествующія мнѣ правительства. Я вамъ не скажу: ступайте, я слѣдую за вами; но: я иду, слѣдуйте за мной».

Но осуществленіе задуманнаго плана было ускорено вліаніемъ вышеупомянутыхъ «Елисейскихъ братьевъ», изъ которыхъ многіе, стѣсненные матеріально не менѣе Бонапарта, были сильно заинтересованы въ удачномъ исходѣ переворота и непрерывно толкали Бонапарта впередъ по намѣченному пути.

Между этими «братьями» на первомъ планѣ былъ сынъ королевы Гортензіи, единоутробный братъ Наполеона, воспитанный ея любовникомъ генераломъ Флаголемъ (Fahault) и усыновленный вѣроятно, за извѣстную плату—бездѣтнымъ графомъ Морни. Молодой графъ Морни еще при іюльской монархіи жилъ исключительно биржевыми спекуляціями и грюндерскими плутнями. Единственнымъ стимуломъ его дѣятельности была жажда дѣлать хорошія дѣла, а что могло быть для такого господина соблазнительнѣе перспективы эксплуатировать всю Францію. Характерно его поведеніе вечеромъ 1-го декабря. Онъ былъ въ Оперѣ и во время антрактовъ посѣтилъ нѣсколько ложъ, между прочимъ, и ложу генерала Кавеньяка, котораго онъ осматривалъ любезностями. Въ другой ложѣ его спросила одна ярая орлеанистка, что онъ предприметъ, если Бонапартъ вымететъ изъ Бурбонскаго дворца національное собраніе.

«Я не знаю», возразилъ онъ смѣясь, «имѣется ли нѣчто подобное въ виду, но если рѣчь идетъ о томъ, чтобы вымести, то будьте увѣрены, madame, что я всегда буду тамъ, гдѣ находится ручка метлы». И это было его единственнымъ принципомъ, его единственной моралью. Морни былъ живымъ воплощеніемъ буржуазной психики, у которой выгода стоитъ на первомъ планѣ.

На ряду съ этимъ виднѣйшимъ представителемъ «Елисейскихъ братьевъ» другіе заговорщики занимали болѣе низкія ступени въ соціальной лѣстницѣ.

Прежде всего слѣдуетъ упомянуть о полковникѣ Флери. Онъ происходилъ изъ парижской купеческой семьи, въ выхрѣ на-

рижской жизни спустилъ все свое состояніе и затѣмъ, благодаря протекціи, получилъ мѣсто лейтенанта въ африканской арміи. Когда взошла звѣзда Бонапарта, онъ примкнулъ къ нему, сдѣлался его адъютантомъ и былъ уполномоченъ въ знаковыхъ высшихъ кругахъ агитировать въ пользу бонапартизма. Такимъ образомъ, онъ сдѣлался посредникомъ между Бонапартомъ и будущими генералами государственнаго переворота С. Арно, Канроберомъ, Эспинасомъ, Ферэ, Рошфоромъ etc, которые въ то время были командированы въ Африку въ качествѣ штабъ-офицеровъ.

Третье мѣсто въ этой компаніи занималъ Фіалентъ, названный де Персиньи, соучастникъ Бонапарта еще со времени Страсбурга и Булони. Онъ сдѣлался казначеемъ этого переворота и его обязанности заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы въ рѣшительный моментъ находиться при Бонапартѣ и поддерживать въ немъ бодрость духа.

Главнымъ руководителемъ государственнаго переворота былъ привлеченный Флери генералъ Леруа, названный С. Арно, съ которымъ мы познакомились уже, какъ съ вновь назначеннымъ военнымъ министромъ Бонапарта. Это былъ человѣкъ съ очень авантюристскимъ прошлымъ. Въ 1816 году онъ началъ свою военную карьеру въ чинѣ подпоручика, но вслѣдствіе одного «промаха» онъ вынужденъ былъ при Карлѣ X выйти изъ арміи. Затѣмъ онъ подъ театральнымъ именемъ Флориваль выступалъ въ качествѣ актера въ одномъ изъ парижскихъ театровъ. Послѣ этого онъ сдѣлался комми-вояжеромъ въ Италиі, Англии и Бельгии и послѣ июльской революціи опять вернулся въ армію подъ именемъ С. Арно. Прикомандированный къ генералу Бюжо, онъ принималъ участіе въ его походахъ. Бонапартъ усмотрѣлъ въ немъ подходящаго для себя человѣка для борьбы съ враждебно-настроенными противъ него старыми африканскими генералами, какъ Шангарнье, Бедо, Ламорисьеръ, Кавеньякъ, для того, чтобы подорвать ихъ вліяніе на армію. Послѣдняго можно было достигнуть только при помощи военныхъ лавровъ.

Чтобъ доставить С. Арно необходимые лавры и вмѣстѣ съ тѣмъ «создать генераловъ», какъ говорилъ Бонапартъ своему довѣренному Персиньи, была предпринята безъ всякой серьезной причины экспедиція въ маленькую Кабилию (гористая береговая страна въ Африкѣ, на востокѣ отъ Алжира), которую безъ большихъ усилій и удалось подчинить французскому владычеству. Этотъ мнимый военный героизмъ былъ встрѣченъ парижскими официальными газетами хвалебными завываніями по адресу С. Арно и его подчиненныхъ генераловъ. С. Арно былъ произведенъ въ дивизионные генералы и вызванъ въ Па-

и были враждебно настроены противъ всѣхъ, которые не носятъ красныхъ штановъ. Солдаты видѣли въ каждомъ парижанинѣ бедуина, а для охоты за бедуинами они были прекрасно выдрессированы въ Африкѣ. На ихъ слѣпое повиновеніе указываетъ слѣдующій анекдотъ, рассказанный бонапартистскимъ писателемъ Мейеромъ: «Когда полковникъ Ферэ маневрировалъ съ двумя эскадронами при Шелло, къ нему привели одного изъ знатнѣйшихъ членовъ тамошней общины... Желая испытать чувство дисциплины своихъ солдатъ, онъ призвалъ своихъ двухъ ординарцевъ и сказалъ имъ, снимая пепель съ своей сигары: вы должны всадить этому бродягѣ пулю въ лобъ. Поставьте его на колѣни и, когда я свомандую—пли, стрѣляйте въ него». Оба солдата спокойно зарядили свои карабины, схватили несчастнаго, умолявнаго о пощаду, за шиворотъ, приставили ему дула своихъ ружей къ вискамъ и съ самымъ безмятежнымъ видомъ стали ждать команды своего полковника...» Съ такими солдатами можно было спокойно предпринять аферу 2-го декабря.

Еще въ серединѣ 1851 года на одномъ собраніи въ С. Клу обсуждался Бонапартомъ, Морни, Персиньи, Руэ и тогдашнимъ полицейскимъ префектомъ Карлье планъ государственнаго переворота, составленный послѣднимъ, но онъ былъ отвергнутъ. Карлье предлагалъ прежде всего предпринять попросту массовые аресты и ссылку, затѣмъ закрыть парижскія высшія учебныя заведенія и уничтожить министерство просвѣщенія. Какъ замѣчаетъ Ипполитъ Кастиль, Карлье рѣшилъ, что во Франціи слишкомъ много ученыхъ и недостаточно полицейскихъ сержантовъ.

Во время парламентскихъ вакацій также серьезно подумывали о переворотѣ. Какъ проболтался бывшій орлеанистъ и владѣлецъ «Constitutionnel» Веронъ въ своихъ мемуарахъ, Бонапартъ созвалъ 21-го сентября дивизионныхъ генераловъ Маньяна, ле Пэ де Буржоли, Реноля и С. Арно и хотѣлъ на слѣдующій день произвести государственный переворотъ. Первые два выразили свою готовность, но послѣдніе были противъ. Ихъ мнѣніе взяло верхъ. Франціи могло показаться уже слишкомъ грубымъ беззаконіемъ, если національное собраніе будетъ распущено безъ всякаго подходящаго повода. Тогда собраніе могло бы устроиться въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ и оказать сопротивленіе Бонапарту.

Такимъ образомъ, нѣсколько разъ откладывался переворотъ, пока его выполненіе не было отложено на день «солнца Аустерлица. Возможно, что и на этотъ разъ произошла бы отерочка, если бъ не нетерпѣніе Флери, который вступилъ къ командова-

ніе войсками и сдѣлалъ приготовленія, отрѣзавшія возможность отступленія.

Въ полночь собрались въ рабочемъ кабинетѣ Бонапарта Морни, Персиньи, С. Арно, Мопа и адъютантъ президента де Бевиль, чтобы внушить другъ другу бодрость и увѣренность въ побѣдѣ. Вскорѣ появился Бонапартъ, вынулъ изъ потаснаго ящика своего письменнаго стола запечатанный конвертъ съ надписью «Рубиконъ» и передалъ его адъютанту Бевиллю. Въ немъ заключались соответствующіе перевороту декреты и прокламаціи, которые рано утромъ должны были уже быть опубликованы, а поэтому ихъ слѣдовало сейчасъ же отпечатать. Въ этомъ пакетѣ былъ также декретъ о назначеніи Морни министромъ внутреннихъ дѣлъ. Самую трудную и, можетъ быть, самую смѣлую часть предпріятія нужно было выполнить до наступленія утра. Заговорщики разошлись, чтобы привести въ исполненіе возложенныя на нихъ задачи.

Бевиль направился въ національную типографію. На дворѣ тамъ еще съ полуночи безшумно размѣстилась рота жандармовъ. Бевиль явился къ директору и передалъ ему полученныя отъ Бонапарта рукописи. Они были разрѣзаны на узкія полосы, чтобы скрыть отъ наборщиковъ ихъ содержаніе. Рабочіе были задержаны въ типографіи подъ предлогомъ неотложной работы. У наборщиковъ явилось недоувѣріе и они отказались рабстать. Тогда къ каждому наборщику было приставлено по два солдата съ заряженными ружьями, окна и двери заняли жандармы, получившіе приказъ стрѣлять въ каждаго, кто покинетъ типографію или приблизится къ окну. Тогда наборщики подчинились и въ 3 часа пополудни все декреты и прокламаціи были напечатаны. Во время набора Бевиль прочелъ вслухъ солдатамъ обращенныя къ нимъ прокламаціи, которыя и были встрѣчены громкими криками одобренія. Затѣмъ Бевиль отнесъ еще влажныя прокламаціи префекту Мопа для опубликованія. Въ полицейской префектурѣ были уже собраны наклейщики. они забрали отпечатанные листы и въ сопровожденіи городскихъ сержантовъ разсѣялись по всемъ направленіямъ, чтобы расклеить прокламаціи и декреты.

На долю Мопа выпала наиболѣе трудная функція—арестовать самыхъ вліятельныхъ дѣятелей страны. Для этого было собрано въ префектурѣ 800 городскихъ сержантовъ подъ предлогомъ, что Ледрю-Ролленъ, Коссидьеръ и другіе лондонскіе бѣглецы замыслиють сдѣлать вторичную инсуррекціонную попытку, и что нужно ихъ переловить при самомъ ихъ прибытіи въ Парижъ.

Когда явился Бевиль, Мопа призвалъ къ себѣ сорокъ

полицейскихъ комиссаровъ, на которыхъ онъ вполне могъ по-ложиться и каждому далъ подробныя инструкціи на счетъ ареста указанныхъ лицъ. Все комиссары выразили полную готовность повиноваться, они захватили съ собой частью изъ префектуры, частью изъ своихъ бюро необходимое количество городскихъ сержантовъ и двинулись въ путь.

Согласно составленному списку, нужно было арестовать 78 человекъ: 16 депутатовъ и 62 вождей тайныхъ обществъ, въ которыя, какъ предполагали, превратились распущенные клубы, и извѣстныхъ лицъ изъ народа, проживавшихъ въ предместьяхъ. Предполагаюсь предупредить возможность противодѣйствія со стороны антибонапартистскихъ партій и организацій, арестовавъ ихъ главарей. Между шестью и семью часами утра послѣдніе были захвачены въ постели и за исключеніемъ немногихъ отдали себя въ руки полиціи безъ сопротивленія. Указанія на законъ и конституцію не оказали никакого дѣйствія, такъ какъ въ приказѣ ясно было указано, что причиною ареста является «участіе въ заговорѣ противъ государственной безопасности».

Особенныя предосторожности были приняты при арестѣ Шангарнье. Къ уполномоченному для этой цѣли комиссару были прикомандированы помимо многочисленныхъ городскихъ сержантовъ также 25 муниципальныхъ гвардейцевъ. Шангарнье выскочилъ на встрѣчу комиссару въ ночной сорочкѣ и съ пистолетомъ въ рукѣ. Комиссаръ обезоружилъ его, и генераль тогда далъ себѣ арестовать безъ всякаго сопротивленія. Кавеньякъ и не думалъ оказывать сопротивленіе, онъ спокойно сѣлъ въ карету, которая привезла его въ тюрьму Мазасъ. Ламорисьеръ поднялъ шумъ и началъ призывать на помощь только тогда, когда сѣлъ въ карету. Комиссаръ пригрозилъ ему, что перерѣжетъ ему глотку, если онъ не замолчитъ. Генераль Бедо отказался слѣдовать за комиссаромъ; его схватили за шиворотъ, за руки и ноги и потащили въ карету. Его крики: «Измѣна! къ оружію!» были заглушены шумомъ кареты и галопомъ лошадей конвоя. У полковника Шарра пришлось выломать дверь и комиссаръ сейчасъ же схватилъ два пистолета, которые лежали на каминѣ. «Они не заряжены», замѣтилъ полковникъ, «я уже больше не вѣрилъ въ государственный переворотъ; если бы вы приплы на нѣсколько дней раньше, я бы всадилъ вамъ пулю въ лобъ». По дорогѣ въ Мазасъ онъ все время издѣвался надъ сопровождавшими его сыщиками. Тьеръ во время ареста лежалъ еще въ постели и спалъ. Комиссаръ разбудилъ его и показалъ ему приказъ объ арестѣ. Тьеръ, весь дрожа, поправилъ свой ночной колпакъ и промямлилъ

какія-то непонятныя слова, изъ которыхъ комиссаръ могъ только уловить, что онъ совершаетъ беззаконіе. Прибывъ въ Мазасъ, онъ потребовалъ чашку кофе и, получивъ требуемое, повидимому, почувствовалъ себя совершенно удовлетвореннымъ. Аресты людей изъ народа также были выполнены безпрепятственно. Были арестованы Бомъ, Шола, Греспъ, Лагранжъ, Міо, Надо, Роже, Валентинъ. Съ наступленіемъ утра они все уже находились въ Мазасъ. Подъ стражу были также заключены квесторы національнаго собранія, Леффло и База, проживавшіе въ Бурбонскомъ дворцѣ.

Занятіе Бурбонскаго дворца имѣло для «Елисейскихъ братьевъ» особенное значеніе. Въ случаѣ угрожающей опасности оберълейтенантъ, которому довѣрялась охрана дворца, могъ приказывать своимъ солдатамъ укрѣпиться и, сохранивъ за собой площадку, создать центръ сопротивленія и, такимъ образомъ, сдѣлать спорнымъ вопросъ о побѣдѣ. Поэтому «Елисейскіе братья» устроили такъ, что въ ночь съ 1-го на 2-ое декабря охрана дворца была поручена батальону 42 линейнаго полка, которымъ командовалъ полковникъ Эспинасъ. Въ три часа полночи Персиньи разбудилъ полкового командира, показалъ ему бумагу о назначеніи его бригаднымъ генераломъ и адъютантомъ президента съ жалованіемъ въ 30,000 франковъ, одновременно передалъ ему 100,000 франковъ банкнотами — 1-го декабря Бонапартъ добылъ изъ Французскаго Банка какимъ-то, до сихъ поръ невыясненнымъ путемъ, 25 милліоновъ франковъ — поручилъ ему арестовать квесторовъ Леффло и База и запретить ворота національнаго собранія. Эспинасъ опрокинулъ въ ротъ нѣсколько бокаловъ коньяку, пересчитывая банкноты. «Этотъ плутъ Эспинасъ былъ слишкомъ трусливъ, чтобы быстро отправиться», замѣтилъ потомъ Персиньи. Въ пять часовъ утра Эспинасъ приказалъ ударить сборъ и собралъ вокругъ себя находившіяся во дворцѣ батальонъ своего полка, между тѣмъ, какъ уже приближались остальные батальоны и 50 сержантовъ подъ руководствомъ полицейскихъ комиссаровъ. Последніе направились арестовать Леффло и База, которые оказали серьезное сопротивленіе. Генералъ Леффло обрушился на Эспинаса съ цѣлымъ потокомъ проклятій. База пришлось вытанцить полудѣтымъ, между тѣмъ, какъ его жена, также едва одѣтая, кричала изъ окна о помощи. Президента Дюпэна они не только оставили спокойно спать, но даже старались не прерывать его сна. О болѣе подходящемъ ночномъ колпакѣ во главѣ національнаго собранія трудно было и мечтать.

Однимъ изъ послѣднихъ ночныхъ мѣропріятій было передача министерства внутреннихъ дѣлъ графу Морни, главному

руководителем государственного переворота. Въ 6 часовъ утра дворъ министерства внутреннихъ дѣлъ огласился шумомъ оружія. Графъ Морни попытался успокоить взволнованнаго министра Торины, передавъ ему собственноручное письмо Бонапарта, извѣщавшее его объ его отставкѣ. «Такъ грубо отставленный министръ», замѣчаетъ Пьеръ де ла Горсѣ, «былъ сильно огорченъ не тѣмъ, что законъ былъ нарушенъ, а тѣмъ, что президентъ ему такъ мало довѣрялъ».

Съ наступленіемъ дня все было кончено. Рано утромъ парижане съ изумленіемъ прочли слѣдующее извѣщеніе президента республики:

«Именемъ французскаго народа. Президентъ республики постановляетъ:

«1. Національное собраніе распускается.

«2. Возстанавливается всеобщее избирательное право, отмѣняется законъ 31-го мая 1850 г.

«3. Французскій народъ призывается между 14-мъ и 21-мъ декабря на свои первичныя собранія.

«4. Вся область, занятая первой дивизіей, объявляется въ осадномъ положеніи.

«5. Государственный совѣтъ распускается.

«6. На министра внутреннихъ дѣлъ возлагается выполнение этихъ постановленій.

«Данъ въ Елисейскомъ дворцѣ 2-го декабря 1851 г.

«Подписано: Луи Наполеонъ Бонапартъ.

«Министръ внутреннихъ дѣлъ де Морни».

Затѣмъ слѣдовала другая, очень длинная прокламація, въ которой Бонапартъ старался объяснить народу свое поведеніе. Послѣ нѣсколькихъ грубыхъ выходовъ противъ національнаго собранія, которое, дескать, сдѣлалось очагомъ заговоровъ и подготовленія къ гражданской войнѣ, говорится дальше: «Конституція, какъ вы знаете, составлена по такому плану, что заранѣе ослабляетъ власть предоставленную мнѣ... Тѣмъ не менѣе я оставался ей вѣрнымъ... Въ настоящій моментъ, когда основной законъ страны не соблюдается больше тѣми, которые сами къ нему постоянно апеллировали, когда эти господа, которые уже свергли двѣ монархіи, хотять связать мнѣ руки, чтобы уничтожить республику, я считаю своей обязанностью сокрушить ихъ измѣнительскіе планы, сохранить республику и спасти страну торжественной апелляціей къ единственному суверену, котораго я признаю во Франціи, къ народу». Послѣ этого введенія Бонапартъ излагаетъ условія, на которыхъ онъ готовъ продолжать нести тяжелое бремя власти. Онъ попросту претендовалъ на

диктатуру, составленную по конституціи VIII (1799) года и перечисляющуюся слѣдующими пятью пунктами: 1, десятилѣтній срокъ управленія главы государства; 2, назначеніе министровъ исключительно зависитъ отъ главы государства; 3, выработка всѣхъ законопроектовъ государственнымъ совѣтомъ, составленнымъ изъ наиболѣе выдающихся людей страны; 4, образованіе законодательнаго корпуса на основѣ всеобщаго избирательнаго права для обсужденія и санкціонированія законовъ; 5, на ряду съ законодательнымъ корпусомъ функционируетъ сенатъ, составленный изъ знаменитѣйшихъ въ странѣ людей, для равновѣсія силъ и какъ охранитель основнаго закона и народныхъ вольностей.

Другая прокламація была адресована къ арміи, она льстила самолюбію войска, какъ никогда, называя его цвѣтомъ страны, и напоминала о позорѣ, причиненномъ французской арміи въ 1830 и 1848 г.г. Теперь, дескать, она имѣетъ случай возстановить свою старую славу, ее призываютъ къ спасенію отечества и президентъ разсчитываетъ на то, что она возстановитъ народный суверенитетъ, которому грозила опасность.

Общее впечатлѣніе отъ этихъ прокламацій дополняло угрожающее предупрежденіе полицейскаго префекта Мона относительно уличныхъ сборищъ и сопротивленія властямъ.

Первые, которымъ бросились въ глаза эти плакаты, естественно были рабочіе, направившіеся въ свои мастерскія. Въ нихъ они не вызвали ни гнѣва, ни возмущенія, а въ лучшемъ случаѣ какое-то смѣшанное чувство неудовольствія и презрѣнія. Какое имъ въ сущности дѣло до судьбы національнаго собранія, которое враждебно выступило противъ нихъ. Развѣ въ глазахъ рабочихъ разныя Тьеры, Шангарнье и Кавеньякъ стояли выше Бонапарта? «Этотъ хитро началъ», раздавались голоса въ рабочихъ группахъ. Большинство увидѣло въ государственномъ переворотѣ только возстановленіе всеобщаго избирательнаго права, паденіе роулистскаго большинства національнаго собранія и сохраненіе республики. Никому въ голову не приходило оказывать сопротивленіе насилію. Народъ отнесся совершенно равнодушно къ нарушенію конституціи.

Не таково было настроеніе избѣгнувшихъ ареста народныхъ представителей. Инстинктивно они устремились цѣлой толпой къ Бурбонскому дворцу. Солдаты преградили имъ дорогу и прогнали ихъ штыками, нѣкоторымъ порвали платье, другіе были слегка ранены. Только около сорока депутатамъ удалось пробраться въ залу засѣданій черезъ неохраняющуюся дверь. Едва только они успѣли рѣшить вопросъ о низложеніи Бонапарта и были еще заняты подписываніемъ соотвѣтствующаго

декрета, какъ явился жандармерій капитанъ и потребовалъ чтобъ они разошлись. Указывая на 68 статью конституціи, гарантирующую ихъ личную неприкосновенность, депутаты отказались подчиниться этому приказу и заняли свои обычные мѣста. Между тѣмъ нѣкоторые депутаты привели президента Дюпэна изъ его жилища и одѣли ему президентскій шарфъ. Его пришлось тащить противъ воли. Онъ пробормоталъ какія-то невнятные слова, тогда крѣпко державшіе его депутаты закричали: «Дайте себя арестовать, мы васъ будемъ защищать!» Но эта перспектива ему советѣмъ не улыбалась, наконецъ онъ настолько собрался съ духомъ, что къ нему вернулся даръ рѣчи. «На нашей сторонѣ право», сказалъ онъ, «это ясно, на ихъ сторонѣ сила, поэтому не зачѣмъ итти». Это была предсмертная рѣчь законодательнаго собранія въ духѣ большинства партіи порядка, достойнымъ представителемъ котораго и являлся Дюпэнъ. Онъ быстро исчезъ, поскольку позволяли его старыя ноги, а депутаты, свидѣтели позорнаго бѣгства ихъ президента, были выгнаны изъ дворца сабельными ударами и прикладами.

Выгнанные депутаты увидѣли на улицѣ трехъ своихъ коллегъ въ рукахъ солдатъ. «Вы три раза нарушили конституцію!» крикнули они командовавшему офицеру. «Въ такомъ случаѣ я ее нарушу шесть разъ», послѣдовалъ отвѣтъ, и эти депутаты были также арестованы.

Вездѣ, гдѣ собирались депутаты, ихъ или арестовывали или грубо разгоняли. Тѣмъ не менѣе значительному числу депутатовъ удалось собраться въ меріи десятаго парижскаго округа, въ С. Жерменскомъ предмѣстьи, богатѣйшемъ го-одекомъ округѣ столицы.

Въ этомъ округѣ нечего было бояться народнаго возстанія, которое членамъ большинства внушало больше страха, чѣмъ Бонапартъ. Эти господа въ сущности больше думали только о кажущейся демонстраціи, чѣмъ о дѣйствительномъ сопротивленіи. Если бъ они ничего не предприняли, они были бы скомпрометированы въ глазахъ своихъ собственныхъ единомышленниковъ-монархистовъ, ихъ имя было бы покрыто несмываемымъ позоромъ. Они хотѣли какъ можно благополучнѣе выбраться изъ этой неприятой исторіи, не подвергаясь никакому риску. Они дѣлали видъ, что настроены очень рѣшительно и единогласно постановили въ количествѣ 216 человекъ подъ предсѣдательствомъ Бенуа д'Ази, что Луи Бонапартъ по собственной винѣ лишается поста президента республики, что исполнительная власть по праву переходитъ къ національному собранію и что верховный судъ долженъ сейчасъ же собраться, чтобы привлечь къ судебной отвѣтственности Бонапарта и его

соучастниковъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ также единогласно было принято, чтобы генераль Удино, раздавившій римскую республику, былъ назначенъ главнокомандующимъ парижскаго гарнизона, чтобы защищать французскую республику. Почти также единогласно былъ призванъ десятый легіонъ національной гвардіи, состоявшій исключительно изъ представителей крупной буржуазіи, для защиты національнаго собранія. Всѣ эти рѣшенія Берье, которому, по выраженію Маркса, эхо насмѣшливо отвѣчало: Генрихъ V! Генрихъ V!, сообщилъ черезъ.... открытое окно собравшейся околѣ меріи толпѣ. Какъ бы то ни было, приличія были соблюдены и гг. депутаты съ нетерпѣніемъ стали ждать прихода полицейскаго комиссара, который положилъ бы конецъ ихъ законному сопротивленію.

Комиссаръ, дѣйствительно, скоро появился, онъ пришелъ въ сопровожденіи Венсенскихъ егерей. Бенуа д'Ази прочелъ ему 68 статью конституціи, гласившую, что всякое мѣропріятіе президента республики, направленное противъ полномочій національнаго собранія, разсматривается, какъ государственная измѣна, и познакомилъ его съ принятыми резолюціями. Между тѣмъ новоиспеченный главнокомандующій Удино велъ переговоры съ войсками и былъ поднятъ на смѣхъ унтеръ-офицерами. Въ это время вошелъ генераль Феранъ въ совѣщательную залу и заявилъ, что онъ получилъ приказъ отъ генерала Маньяна арестовать всѣхъ депутатовъ, которые не согласятся разойтись. Послѣдніе закричали въ одинъ голосъ: «Въ Мазась! въ Мазась! Мы уступаемъ только превосходству силъ!» Феранъ доставилъ имъ это удовольствіе. Въ три часа пополудни вся эта компанія была отправлена между шпалерами солдатъ, но не въ Мазась, а въ находившіяся по близости казармы на набережной д'Орсэ, а оттуда ихъ вечеромъ отвезли въ Мазась, Венсенскій замокъ и фортъ Валеріанъ. Ихъ покой теперь былъ обезпеченъ.

Верховный судъ, высшая судебная инстанція республики, также не оказался на высотѣ своего положенія. Согласно 91 статьѣ конституціи, онъ обязанъ въ случаѣ государственной измѣны собраться немедленно, но онъ открылъ свое засѣданіе только въ полдень. И что ему собственно было дѣлать? Государственный переворотъ можно было уже считать удавшимся, ссориться съ «спасителемъ общества» было не въ его интересахъ. Напрасно онъ надѣялся, что явятся солдаты и разгонять его засѣданіе такъ же, какъ и національное собраніе,—заговорщики просто забыли о его существованіи. Президенту и его коллегамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ констатировать фактъ государственной измѣны, поручить генеральному прокурору при-

взвѣчь Бонапарта къ отвѣтственности и пригласить его на слѣдующій день явиться лично. Президентъ лично передалъ это постановленіе Бонапарту въ Елисейскомъ дворцѣ. Послѣдній принялъ президента суда съ изысканной любезностью и также въ высшей степени любезно проводилъ его до самой лѣстницы. Въмѣсто того, чтобы явиться на слѣдующій день лично въ судъ, Бонапартъ послалъ полицейскаго комиссара, который почтительнѣйше просилъ разойтись. «Мы уступимъ только силѣ», возразилъ съ достоинствомъ президентъ. Тогда въ залу вошелъ пикетъ солдатъ. Этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы президентъ, генеральный прокуроръ и всѣ засѣдатели съ достоинствомъ поднялись съ своихъ мѣстъ и заявили себя разогнанными. Спустя нѣсколько недѣль вся эта милая семейка явилась въ Тюльери присягнуть въ вѣрности Бонапарту. Ихъ образцовое поведеніе заслуживало того, чтобы ихъ оставили въ занимаемыхъ ими должностяхъ.

Около полудня 2-го декабря Бонапартъ счелъ своею временнымъ показаться народу. Въ сопровожденіи блестящей свиты онъ проѣхалъ верхомъ площадь Согласія, улицу Риволи по направленію къ Тюльери. Если онъ рассчитывалъ на сочувственныя манифестаціи, то онъ глубоко ошибся на этотъ разъ. Народъ отнесся къ нему равнодушно, насмѣшливо. Вторичный выѣздъ имѣлъ не больше успѣха. Смущенный и унылый онъ вернулся въ Елисейскій дворецъ и не показывался больше, пока все не было кончено. О смѣломъ «выступленіи», о которомъ онъ недавно такъ хвастливо говорилъ, не было уже больше рѣчи. Во время ужасной бойни 4 го декабря онъ сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и грѣлъ ноги у камина.

Рѣшительные элементы Горы отнеслись къ перевороту гораздо серьезнѣе, чѣмъ ихъ роялистскіе коллеги въ меріи десятаго округа. Они рѣшили поднять рабочихъ. На тайномъ собраніи у барона Конэна въ Монмартрскомъ предмѣстьи они составили прокламацію, подписанную Викторомъ Гюго, Мишелемъ изъ Буржа, Евгениемъ Сю, Жюль Фавромъ и другими. Эта прокламація, между прочимъ, гласила: «Луи Наполеонъ — измѣнникъ. Онъ нарушилъ конституцію. Республиканскіе депутаты напоминаютъ народу и арміи о 68 и 110 статьяхъ конституціи. Пусть народъ помнитъ о своемъ долгѣ, республиканскіе депутаты выступать во главѣ его». На другомъ собраніи былъ выбранъ комитетъ сопротивленія, состоявшій изъ Шелхера, Мишеля изъ Буржа, Мадье де Монжо (Montjau) Бодэна, де Флотта и др. Поздно вечеромъ 2-го декабря состоялось послѣднее собраніе у Фридриха Курнэ, уже извѣстнаго намъ демократа-революціонера. Объ этомъ собраніи провѣдала полиція и послала цѣлый

батальонъ солдатъ, чтобы забрать въ плѣнь представителей Горы. Къ ихъ счастью, произошла путаница именъ. Солдаты тщательно обыскали весь домъ Корнэ, между тѣмъ какъ у Курнэ былъ окончательно рѣшенъ вопросъ о вооруженномъ сопротивленіи и назначено было еще одно собраніе на слѣдующее утро въ залѣ Руазэнъ, въ С. Антуанскомъ предмѣстьи, для организаціи возстанія.

Днемъ 2-го декабря во внутреннихъ кварталахъ города господствовала неприятная тишина, совершенно несоотвѣтствующая характеру парижанъ, вечеромъ же на большихъ бульварахъ и на улицахъ Латинскаго квартала замѣтно было сильное оживленіе. Образовывались группы и въ большомъ волненіи обсуждали событія дня. Тогда явился генераль Корть со своей бригадой и очистилъ улицы. Въ полночь опять наступило спокойствіе.

Уже рано утромъ въ среду, 3-го декабря, часть депутатовъ Горы направились въ залу Руазэнъ. По дорогѣ, встрѣчая рабочихъ, они старались склонить ихъ къ сопротивленію. «Вамъ все это нравится?» спрашивали они. «Чего вы еще ждете? Развѣ вы хотите имперіи?» «Нѣтъ! нѣтъ!», отвѣчало большинство. «Но зачѣмъ намъ бой? Намъ даютъ всеобщее избирательное право. А зачѣмъ, что мы можемъ сдѣлать? Намъ еще въ іюнѣ 1848 г. обезоружили, во всемъ предмѣстьи нѣтъ ни одного ружья». Эти слова заключали въ себѣ порицаніе многимъ депутатамъ, которые теперь стали призывать народъ къ борьбѣ, а тогда соглашались на все репрессивныя мѣропріятія.

Въ это время вдругъ показался цѣлый рядъ каретъ изъ Венсенскаго замка. «Это везутъ депутатовъ», пронеслось по рядамъ рабочихъ. Рѣшительные люди схватили лошадей за уздцы. Тогда у каретныхъ дверей показались поблѣднѣвшія лица и изъ каретъ раздались умоляющіе голоса, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. «Вы видите, что это за люди; съ ними ничего нельзя предпринять», сказалъ одинъ рабочій Курнэ. Толпа съ презрѣніемъ дала каретамъ продолжать свой путь.

Въ 9 часовъ утра покинули залу Руазэнъ многіе депутаты, опоясанные своими шарфами, съ депутатомъ департамента Шерь Бодэномъ и Мадье де Монжо во главѣ, въ сопровожденіи небольшой кучки энергичныхъ людей, между которыми былъ и Курнэ. Они шли по главной улицѣ С.-Антуанскаго предмѣстья съ криками: «Къ оружію! На баррикады! Да здравствуетъ конституція! Да здравствуетъ республика!» Два поста были обезоружены. Забранное тамъ оружіе было единственнымъ, которое находилось въ ихъ распоряженіи. Но населеніе предмѣстій хранило ледяное спокойствіе. То тутъ, то тамъ открывалось окно

и раздавался возгласъ: «Да здравствуетъ республика!» И это было все. По близости улицъ С.-Маргаритъ и Коттъ принялись за постройку баррикады. Воздвигнутая здѣсь баррикада была такъ же слаба, какъ и ея строители. Единственнымъ матеріаломъ для постройки послужили опрокинутыя фуры. Три роты солдатъ, расположенныя на Бастильской площади, приблизились бѣглымъ шагомъ. При видѣ солдатъ нѣкоторые инсургенты убѣдились въ безцѣльности (сопротивленія и ушли. Депутату Бодэну, пытавшемуся ихъ удержать, одинъ крикнулъ: «Мы не хотимъ дать себя разстрѣлять, чтобы вы могли получать свой 25 франковъ суточныхъ!» «Оставайтесь и вы увидите, какъ умирають за 25 франковъ!» отвѣтилъ Бодэнъ и вскопчилъ на баррикаду, чтобы напомнить солдатамъ объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ народу. Въ отвѣтъ раздался залпъ, и Бодэнъ упалъ, убитый наповаль, Мадье де-Монжо свалился тяжело раненый.

Вѣсть о смерти Бодэна, какъ молнія, облетѣла весь городъ и вывела нѣкоторую часть изъ ихъ неподвижнаго состоянія. Онъ былъ самымъ популярнымъ членомъ Горы, его любили за правдивость, прямоту и твердость характера. Стѣны домовъ покрылись писанными и печатными прокламаціями, въ которыхъ Бонапартъ объявлялся внѣ закона и народъ призывался къ оружію. Въ центрѣ Парижа, этомъ очагѣ всѣхъ возстаній, послѣ полудня приступили къ постройкѣ баррикады. На бульварахъ толпилась возбужденная, шумѣвшая народная масса, изливавшая свое озлобленіе въ ироническихъ крикахъ: «Долой Бадэнгэ! Долой Сулукъ!» *). На Монмартрскій и Итальянскій бульвары высыпалъ весь парижскій beau monde, демонстрировавшій свое враждебное отношеніе къ президенту: монархисты и либеральные буржуа полагали, что новая выходка Бонапарта кончится такъ же смѣхотворно, какъ его прежнія авантюры въ Страсбургѣ и Булони. Въ успѣхъ его предпріятія никто въ этихъ кругахъ не вѣрилъ. Но въ тотъ же вечеръ 3-го декабря появилось на стѣнахъ Парижа извѣщеніе военнаго министра С. Арно, съ внушительной лаконичностью предупредившаго, что на основаніи осаднаго положенія «каждый, за-

*) Бадэнгэ было имя рабочаго, въ платьѣ котораго съ трубкой въ зубахъ и доской на плечѣ Бонапартъ бѣжалъ изъ крѣпости Гамъ. Сулукэмъ звали президента негритянскій республики въ Гаити, который, подражая Наполеону I, на Рождество 1850 г. приказалъ провозгласить себя императоромъ; окружилъ себя цѣлымъ штабомъ негритянскихъ маршаловъ и генераловъ, устроилъ дворъ по французскому образцу и во всемъ старался копировать или даже пародировать Наполеона. Параллель между Сулукэмъ и Луи Наполеономъ была довольно мѣтка и остроумна.

хваченный на постройкѣ или защитѣ баррикады, или просто съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ подвергнутъ разстрѣлу». Отряды кавалеріи разѣзжали между бульварами Мадленъ и Бастильской площадью. Городекіе сержанты обнаженными пашками разгоняли всякія сборища, а на бульварахъ С. Дени и С. Мартэна слышна была непрерывная перестрѣлка съ улицъ Бобуръ, Трансонэнъ и Омеръ. Горсточка озлобленныхъ людей оказывала тамъ упорное сопротивленіе превосходной силѣ войскъ.

Въ Елисейскомъ дворцѣ и префектурѣ въ ночь съ 3-го на 4-е господствовало очень тревожное настроеніе. По словамъ Виктора Гюго, деиши, которыя Мопа въ эту ночь посылалъ графу Морни, дышали такимъ страхомъ и неувѣренностью, что Морни, не потерявшій своего обычнаго хладнокровія, ему написалъ: «Ступайте спать, vous Jean foutre!» Желанія «братьевъ» пока не сбывались, ни одинъ болѣе или менѣе значительный государственный дѣятель къ нимъ не присоединился, они чувствовали себя изолированными и поэтому пустились на хитрости, назначивъ совѣщательную комиссію изъ 80 человекъ, не заручившись предварительно ихъ согласіемъ принять это назначеніе. Но они не ошиблись въ св. ихъ расчетахъ,—какъ только выяснилось, что побѣда осталась на сторонѣ Бонапарта, всѣ тѣ господа, которые сначала было заартачились, потомъ послѣдними отказались отъ своихъ претензій.

Около полуночи генералъ Маньянъ увелъ свои войска и оставилъ весь Парижъ въ распоряженіи инсургентовъ. Это несомнѣнно былъ хитро задуманный маневръ, о чемъ онъ заранѣе условился съ графомъ Морни. Послѣдній писалъ главнокомандующему парижской арміей слѣдующее: «Дайте инсургентамъ вполне подготовиться и построить прочныя баррикады, чтобы затѣмъ однимъ ударомъ сокрушить ихъ. Остерегайтесь утомить войска мелкими стычками, вмѣсто того, чтобы въ рѣшительную минуту имѣть ихъ подъ рукой». Морни помнилъ, что во время предыдущихъ двухъ революцій тягости длинной караульной службы, марши и контръ-марши деморализовали войска.

Руководители государственнаго переворота предчувствовали, что необходимо сейчасъ же и однимъ ударомъ сокрушить Парижъ. Это было для нихъ вопросомъ жизни, потому что приходилось считаться и съ провинціей: болѣе продолжительное сопротивленіе въ столицѣ легко могло послужить сигналомъ къ всеобщему народному возстанію. Но для подавленія Парижа необходимо было, чтобы парижане приняли бой и не уклонялись отъ него; поэтому правительство также ночью 4-го декабря оставило въ покоѣ инсургентовъ, стремясь къ тому,

чтобы создалось известное боевое настроение. Ведь оно могло выставить против плохо вооруженных инсургентов тридцатитысячную армию, прекрасно дисциплинированную, испушенную в уличной борьбе и щедро подкупленную вином, мясом и деньгами. Чтобы поднять боевой дух парижских рабочих, «Елисейские братья» распускали всевозможные авантюристские слухи. Рассказывали, что арестованные генералы и депутаты Горы разстреляны, что генерал Неймайер против переворота и идет со своим гарнизоном для поддержки инсургентов и т. под. Между тем правительство выпустило следующее извещение: «Остановка пѣшеходов на улицахъ запрещается. Образовавшіяся группы будутъ разогнаны безъ всякаго предупрежденія. Пусть мирные граждане не покидаютъ своихъ домовъ. Въ противномъ случаѣ послѣдствія могутъ быть очень серьезныя». Этотъ плакатъ вызвалъ улыбку у парижанъ, ихъ смѣшило, что имъ желаютъ запретить расхаживать по улицамъ своего города.

Генералъ Маньянъ рѣшилъ въ два часа пополудни открыть наступленіе. Съ площади Маделсны и Бастиліи должна была выступить часть войскъ вдоль бульваровъ и боковыхъ улицъ и сходящимися линіями обрушиться на повстанческіе кварталы во внутреннемъ городѣ, между темъ какъ остальные войска разобьютъ инсургентовъ въ предмѣстьяхъ.

На Капуцинскомъ, Итальянскомъ, Монмартрскомъ и Пуассоньерскомъ бульварахъ собрались тысячи любопытныхъ. Здѣсь точно такъ же, какъ и на смежныхъ улицахъ и переулкахъ, не было ни одной баррикады. Только на бульварѣ Бонъ-Нувелль у театра Гупнасе была воздвигнута слабая баррикада. Вдругъ часа въ два показалась съ бульвара Маделсны дивизія Каррелэ, три пѣхотныхъ бригады подъ начальствомъ генерала Канробера съ 15 пушками и кавалерійская бригада генерала Райбеля. Безъ всякаго предупрежденія, не предлагая даже толпѣ разойтись, солдаты по приказанію Канробера начали стрѣлять картечью и изъ мѣшкетовъ въ толпу любопытныхъ, которая въ ужасѣ разбѣжалась въ разные стороны. Бонапартистскій историкъ восхваляетъ Канробера, что онъ обождалъ, пока «толпа» сдѣлалась гуще, прежде чѣмъ начать истребленіе. Графъ Морни впоследствии оправдывалъ эту бойню передъ нѣкоторыми членами генеральнаго совѣта Сю де-Домъ темъ, что, дескать, изучили парижскія революціи и пришли къ тому заключенію, что онѣ всегда принимаютъ опасныя размѣры, благодаря все возрастающему накопленію массы любопытныхъ. Поэтому 4-го декабря до нападенія на баррикады въ тѣсныхъ улицахъ рабочихъ кварталовъ

предварительно очистили богатые кварталы от безмятежных, ничего не подозревавших любовных. У солдат, оьянѣвших от вина и водки и направленных на «парижскихъ бедуиновъ», проснулись звѣрскіе инстинкты—они стали кровожадны. Когда на улицѣ уже не въ кого было больше стрѣлять, они направили ружья и пушки на сосѣдніе дома. Перепуганные обыватели, спасаясь отъ выстрѣловъ, бросались на полъ, а надъ ихъ головами жужжали пули и стѣны дрожали отъ пушечной пальбы. Изъ кавалеристовъ особенно отличался уланскій полковникъ де-Рошфоръ, разстрѣлявшій со своими солдатами тридцать человѣкъ на террасѣ одного кафе на Итальянскомъ бульварѣ близъ улицы Тэтбу за то, что они осмѣлились крикнуть: «Да здравствуетъ конституція!» Въ общемъ во время этой боины погибло до 2000 человѣкъ всѣхъ возрастовъ, мужчинъ и женщинъ, стариковъ и дѣтей.

Одновременно съ тѣмъ, какъ это происходило на бульварахъ, войска со всѣхъ сторонъ начали свои наступательныя дѣйствія противъ забаррикадированныхъ кварталовъ. Во многихъ пунктахъ они натолкнулись на героическое сопротивление, но что могли подѣлать защитники республики съ организованной силой, превосходившей ихъ въ 30 разъ. Около пяти часовъ пополудни побѣда была уже на сторонѣ войска, только немногія баррикады въ маленькихъ, тѣсныхъ улицахъ около площади Викторіи дѣлали еще слабыя попытки къ сопротивленію, которыя были быстро подавлены нападеніемъ съ фронта и тыла.

За взятіемъ каждой отдѣльной баррикады слѣдовало избіеніе. С. Арно далъ лозунгъ: «Каждый, захваченный съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ разстрѣлянъ». Шьяные, озвѣрѣвшіе солдаты буквально выполнили эту инструкцію. Они врываются въ дома, куда убѣгали инсургенты и убивали всякаго, казавшагося имъ почему-либо подозрительнымъ. Тѣ же, которые пытались спастись боковыми улицами, попадали въ руки войскъ, окружившихъ со всѣхъ сторонъ эти кварталы. Тѣмъ не менѣе около двухъ сотъ человѣкъ спаслось отъ этой боины и проникнутые революціоннымъ энтузіазмомъ, который составляетъ отличительную черту парижскихъ возстаній, они не призадумались около 9 часовъ вечера выставить свою грудь противъ цѣлаго лѣса солдатскихъ штыковъ. Они забаррикадировались на улицѣ Монторгайлъ по близости отъ новыхъ торговыхъ рядовъ. Ихъ руководителемъ былъ молодой человѣкъ Дени Дюессу; за два дня передъ тѣмъ сдѣлавшійся депутатомъ. Онъ получилъ депутатскій шарфъ отъ своего брата Гастона Дюессу, чтобы исполнить долгъ передъ родиной, на что его братъ не былъ способенъ вслѣд-

ствіе тяжкой болѣзни. Вскорѣ бѣглымъ шагомъ подвинулись войска. Дюссу одинъ выступилъ имъ на встрѣчу, напоминая имъ громкимъ, вибрирующимъ голосомъ объ ихъ гражданскихъ обязанностяхъ. Въ отвѣтъ раздался залпъ и Дюссу упалъ замертво на баррикадѣ. Послѣ короткаго отчаяннаго боя всѣ три баррикады по улицѣ Монторгайлъ были взяты штурмомъ и сорокъ инсургентовъ, оставшихся еще въ живыхъ, были разстрѣляны.

Ночь съ 4-го на 5-е декабря войска провели на бульварахъ и на улицахъ у походнаго огня, поддерживаемаго обломками разрушенныхъ баррикадъ. Были разставлены столы и вино лилось рѣкой. Офицеры и солдаты пили на пари, огонь освѣщалъ ихъ веселыя лица, опьяненные сознаниемъ одержанной побѣды. Вѣдь, помимо великолѣпнаго угощенія и щедрой платы, имъ обѣщали засчитать эту трехдневную кампанію, какъ настоящій походъ. Со стороны Марсова Поля, Люксембурга и площади Инвалидовъ отъ времени до времени раздавалась стрѣльба взводами, тамъ дожинами разстрѣливали плѣнныхъ. Какъ сообщаетъ англичанинъ Кинглакъ въ своей «Исторіи 2-го декабря» и какъ это было потомъ подтверждено Ксавье Дюррье въ качествѣ очевидца, въ полицейской префектурѣ прибѣгли къ еще болѣе простому способу, чтобы покончить съ плѣнными повстанцами. Чтобы избѣжать по возможности шума, обреченнымъ на казнь связывали руки на спинѣ и отводили ихъ во дворъ префектуры, куда являлся одинъ изъ агентовъ г. Мона и отпускалъ имъ по головѣ ударъ тяжеловѣсной, начиненной свинцомъ дубиной, какъ обыкновенно убиваютъ скотъ.

Невозможно установить точную цифру жертвъ 4-го декабря. Независимой печати больше уже не было и говорить правду было очень опасно. О количествѣ убитыхъ мы узнаемъ изъ официальныхъ сферъ, которыя составляли весьма произвольныя списки. Тѣмъ не менѣе обнаружили нѣкоторыя частности, которыя позволяютъ сдѣлать приблизительный подсчетъ. По словамъ Кинглака, одинъ полковникъ хвастался, что его полкъ убилъ до 2400 человекъ. Сколько же истребили остальные войска? Слѣдуетъ замѣтить, что простое убійство тогда считалось военнымъ дѣяніемъ и офицеры, жаждавшіе повышеній, хвастались своими массовыми убійствами, которыя они, вѣроятно, подчасъ преувеличивали.

Еще во время боя по приказу Мона были предприняты массовые аресты, которые послѣ подавленія возстанія продолжались цѣлые дни и ночи. 8-го декабря появился декретъ, извѣщавшій, что всѣ члены тайныхъ обществъ и вообще заподозрѣнные полиціей въ интересахъ общественной безопасности бу-

дутъ сосланы въ какую-нибудь исправительную колонію въ Касенну или въ Алжирь. Всѣ убѣжденные республиканцы Парижа и вообще Франціи, враждебно относившіеся къ наполеоновской диктатурѣ, подверглись дѣйствию этого декрета. Въ одномъ Парижѣ онъ коснулся 26000 лицъ.

Такимъ образомъ Парижъ сдѣлался добычей пиратовъ. Хотя сопротивленіе Парижа и было сломлено, но вся остальная Франція еще сохранила свою мощь. Являлся вопросъ, какъ страна отвѣтитъ на государственный переворотъ.

Реакціонная Франція, находившаяся подъ вліяніемъ «умѣренныхъ» — «партіи порядка» — отнеслась къ вѣсти о парижскихъ событіяхъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Тамъ въ ниспроверженіи національнаго собранія и диктатурѣ Луи Наполеона видѣли только одно: «общество спасено».

Но на ряду съ реакціонной Франціей существовала *демократическая и социалистическая Франція*. Этимъ социальнымъ элементамъ принадлежали цѣлые департаменты средней, восточной и южной Франціи, откуда и вышли члены Горы національнаго собранія. вмѣсто закрытыхъ клубовъ появились тайныя общества, которыя страстно стремились къ «красной Маріаннѣ» и всѣ свои надежды возлагали на выборы слѣдующаго года. Государственный переворотъ опрокинулъ всѣ эти надежды. Народное возстаніе, въ которомъ приняло участіе и крестьянство, встало въ департаментахъ Ло и Гаронны, Жера, Вара, Геро, Нижнихъ Альпъ, Ардеша, Дрома, Эна, Юры, Шера, Алье, Пьевръ, Уоше, Саоны и Луары etc. Въ Кламеси въ Ньеврѣ, въ Палиньи въ Юрѣ и въ другихъ маленькихъ мѣстахъ побѣда одно время была на сторонѣ защитниковъ республики, но большіе города, какъ Бордо, Тулуза, Марсель, Тулонъ, Монпелье и др. были въ нерѣшительности благодаря наличности значительныхъ силъ и вѣсти изъ Парижа очень скоро заставили ихъ отказаться отъ предполагаемаго сопротивленія. Вожди понимали, что борьба будетъ безрезультатна и сами распустили революціонныя кадры. Морни прекрасно зналъ, почему и для чего слѣдовало устроить бойню 4-го декабря. Если бъ не кровавое подавленіе Парижа, возстаніе дѣйствительно охватило бы всю Францію. Около половины декабря во всей Франціи «порядокъ» уже былъ восстановленъ.

Вышеописанныя повстанческія попытки были очень на руку декабрьской кликѣ. Ложь и грязныя инсинуаціи потоками оплились со столбцовъ бонапартистскихъ газетъ. Не было такого преступленія, убійства, грабежа, пожара или вообще какой-нибудь гнусности, которую они не приписывали бы республиканцамъ, поднявшимся въ защиту конституціи. «Добрые» граждане

простодушно вѣрили этому наглому вранью и дрожали при мысли объ опасности, которую они опять благополучно избѣгли благодаря энергіи и расторопности «спасителей общества». Потомъ только выяснилось, что описаніе всѣхъ жестокостей, которыя социалдемократія якобы учиняла въ возставшихъ мѣстахъ, принадлежитъ перу Гранье де Кассаньяка и другихъ продажныхъ писакъ. Въ дѣйствительности, «неприкосновенность» собственности нигдѣ не была поругана, убійство имѣло мѣсто одинъ только единственный разъ — озлобленная толпа убила одного жандарма, метя за смерть павшихъ товарищей.

Порядокъ господствовалъ во всей Франціи; посмотримъ, въ чемъ заключаются достоинства этого «порядка». Болѣе 32 департаментовъ были объявлены въ осадномъ положеніи, военные трибуналы начали функционировать вмѣсто обычныхъ судовъ. Арестовывали всякаго, на кого только падало подозрѣніе, что онъ социалдемократъ. За бѣглыми инсургентами устраивали облавы въ лѣсахъ и безъ всякихъ околичностей разстрѣливали. Люди «порядка», землевладѣльцы, крупные капиталисты, разбѣжавшіеся во время возстанія, звѣрски метили теперь за испуганный страхъ — они едѣлали веселый спортъ изъ «охоты за красными». Они охотно выступали въ роли проводниковъ солдатъ и помогали имъ въ истребленіи «крамолы». Убійство стало въ это время ненаказуемымъ поступкомъ.

При такой обстановкѣ происходило 20-го и 21-го декабря народное голосованіе. Армія, получившая такія блестящія доказательства благоволенія и щедрости «принца-президента, какъ теперь стали величать Бонапарта, дала 318469 голосовъ «за» и 42487 «противъ». Въ общемъ Бонапартъ получилъ 7439216 голосовъ «за», 646737 «противъ». Народъ заявилъ о своемъ отказѣ отъ политической власти и передалъ диктатуру въ руки Наполеона.

Подсчетъ голосовъ былъ порученъ «совѣщательной комиссіи». 31-го декабря она торжественнымъ шествіемъ отправилась въ Елисейскій дворецъ и ея предѣлатель Баронъ передалъ Бонапарту результатъ народнаго голосованія. На слѣдующій день 1-го января 1852 г. въ Notre-Dame de Paris было отслужено торжественное молебствіе, закончившееся молитвой: *Domine, salvum fac Ludovicum Napoleonem* (Господи, благослови Луи Наполеона). Въ тотъ же день папа Пій IX написалъ командированному въ Римъ французскому генералу преисполненное радости и уваженія письмо, въ которомъ онъ призывалъ благословеніе неба на инициатора счастливаго предпріятія 2-го декабря. Такимъ образомъ, папа и христіанская церковь освятили клятвопреступленіе и массовое убійство.

Но дѣло было еще не окончено. Въ странѣ оставалось еще

слишкомъ много республиканцевъ. Необходимо было ихъ сдѣлать безвредными, и съ этой цѣлью былъ изданъ декретъ 8-го декабря. Въ департаменты, объявленные на осадномъ положеніи, были командированы комиссары, образованы смѣшанныя коммисіи, чтобъ быстро творить судъ и расправу надъ плѣнными и подлежащими еще аресту республиканцами. Каковы были задачи этихъ карательныхъ комиссій, видно изъ того, что во главѣ ихъ стояли такіе господа, какъ бывший полицейскій префектъ Карлье, полковникъ Бернаръ, который, по словамъ Маркса, еще при Кавеньякъ отправилъ въ ссылку безъ суда 15,000 инсургентовъ, и другіе фанатики репрессій. Ихъ приемы были такъ жестоки и строги, что, какъ замѣчаетъ консервативный историкъ Шьеръ де ла Горсъ, они шли даже гораздо дальше стремленій людей порядка. Но настойчивость косвенно затронутыхъ лицъ, сочувствовавшихъ горькой долѣ несчастныхъ арестованныхъ, была такъ велика, что Бонапартъ счелъ себя вынужденнымъ назначить трехъ комиссаровъ, облеченныхъ чрезвычайными полномочіями, для пересмотра дѣятельности этихъ комиссій. Этими комиссарами были истребитель толпы любопытныхъ Канроберъ, участникъ государственнаго переворота Эпишасъ и одинъ штатскій Кентанъ Бошаръ, бывший депутатъ, создавшій себѣ незавидное имя своими докладами о майскомъ и июньскомъ возстаніяхъ. Согласно полученнымъ инструкціямъ они часть обвиняемыхъ освободили или же смягчили ихъ участь, а остальные приговоры подтвердили. Такимъ образомъ новый Цезарь купилъ корону тирана цѣной несчасть десятковъ тысячъ семействъ.

Все, что еще осталось живого во Франціи послѣ этой ампутаціи, говорить Кинглакъ, должно было зачахнуть, пока съ теченіемъ времени не наступитъ полная деморализація. Не стоитъ подробно останавливаться, какъ эта деморализація давала себя чувствовать уже въ теченіе 1852 года.

14-го января Бонапартъ даровалъ Франціи новую конституцію, уничтожившую парламентскій режимъ, провозгласившую его единственнымъ законодателемъ и единственно отвѣтственнымъ главой государства съ неотвѣтственнымъ, совершенно независимымъ отъ палаты министерствомъ, съ государственнымъ совѣтомъ, назначеннымъ имъ самимъ, съ законодательнымъ корпусомъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права и сенаторами, назначенными правительствомъ. Эти послѣдніе два учрежденія должны были собраться 29-го марта. Во время этого промежутка Бонапартъ воспользовался своей диктатурой, чтобы издать законы, передающіе ему въ руки неограниченную власть надъ страной. Вся бюрократія была поставлена въ непосред-

ственную и безусловную зависимость отъ правительства, независимость общинъ была уничтожена, даже назначеніе меровъ было предоставлено правительству. Изъ національной гвардіи были исключены всѣ, которые не могли представить достаточныхъ гарантій своей благонадежности, офицеры назначались префектомъ и получали санкцію отъ главы государства. Назначеніе и смѣщеніе профессоровъ среднихъ и высшихъ школъ было поставлено въ зависимость отъ правительства, несмѣняемость судей была значительно ограничена. Послѣ новаго закона о печати отъ 17-го февраля стала излишней цензура, существовавшая съ 2-го декабря, такъ какъ за правительствомъ было признано право надъ жизнью и смертью газетъ. Такимъ образомъ, вся конституціонная дѣятельность законодательнаго корпуса и сената за время сессіи 1852 г. выразилась помимо опредѣленія бюджета въ составленіи гражданского листа президента республики. Бонапартъ по опыту зналъ, какъ велика власть денегъ и во время своего президентства часто чувствовалъ въ нихъ большой недостатокъ. Поэтому понятно было его желаніе разъ навсегда покончить съ этой нуждой. Услужливый сенатъ единогласно одобрилъ гражданый листъ въ 12 милліоновъ, такъ что доходы Бонапарта удесятились послѣ 2-го декабря. Уже 1-го января 1852 г. императорскій орелъ опять появился на французскомъ знамени и изображеніе Бонапарта—на монетахъ; эмблема республики постепенно вытѣснялась отовсюду. Теперь герою Страсбурга и Булони осталось только разыграть послѣдній актъ своей трагикомедіи, провозгласить имперію. Но инициатива не должна была исходить отъ него, — вѣдь лозунгомъ его государственнаго переворота была защита республики отъ поползновеній монархистовъ! Ему подобало только подчиниться голосу націи; вторичное путешествіе по Франціи было испытаннымъ средствомъ вызвать крики: «Да здравствуетъ императоръ!»

И, дѣйствительно, совершенно независимо отъ дѣятельности «Общества 10 декабря» онъ былъ вслѣдъ за нимъ, какъ «возстановитель порядка» и «спаситель общес ва», повсюду раздавались восторженные крики: «Да здравствуетъ императоръ!» такъ что къ концу своего путешествія 10-го октября на одномъ торжественномъ обѣдѣ въ Бордо онъ уже могъ недвусмысленно дать понять, что онъ готовъ преклониться передъ волей народной. Чтобы успокоить иностранныхъ державъ, онъ произнесъ свою знаменитую фразу: «Имперія это—мир!»

Вернувшись въ Парижъ, Бонапартъ 4-го ноября созвалъ своихъ лакеевъ, исполнявшихъ обязанности французскихъ сенаторовъ и предложилъ имъ возстановить имперію. Уже 7-го ноября

это рѣшеніе было принято сенатомъ всѣми голосами противъ одного. Сенатская резолюція была поставлена на народное голосованіе 21-го ноября; результатъ плебисцита показалъ 7824189 «за» и 253145 «противъ». Такимъ образомъ Франція была провозглашена наслѣдственной имперіей и конституціи 14-го января 1852 г., оставшейся въ силѣ, предстояло позаботиться о томъ, чтобы придать новой формѣ правленія такой прочный характеръ, что только отпаденіе или уничтоженіе арміи могло ее свергнуть.

Вечеромъ 1-го декабря 1852 г. государственный совѣтъ, сенатъ и законодательный корпусъ торжественнымъ шествіемъ направились въ С. Клу, чтобы передать принцу-президенту результатъ народнаго голосованія. 2-го декабря, въ день первой годовщины государственнаго переворота, сынъ Гортензи былъ провозглашенъ «императоромъ французовъ Божьей милостью и волей народа» подъ именемъ «Наполеона III». Такимъ образомъ, давно уже похороненная вторая французская республика прекратила и номинально свое существованіе.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 927571

- ГЛАВА III. 22-го февраля. Народъ на площади Согласія. Участники изъ студенчества. Вторженіе въ палату. Парламентская оппозиція. Баррикады. Парижъ, наводненный войсками. Событія 23-го февраля. Утренній бой. Паденіе Гизо и его министерства. Кажущійся миръ. Драма на бульварѣ Кауцуциновъ. Ночь съ 23-го на 24-е февраля 156
- ГЛАВА IV. 24-го февраля. Бюжо, главнокомандующій арміей. Одинъ день управленія Тьера. Планъ нападенія. Выполненіе. Побѣда народа и деморализація войска. Попытка внести успокоеніе. Взятіе ратуши. Король въ Тюльери. Битва на площади Пале-Рояля. Отказъ отъ престола. Республика въ ратушѣ. Бѣгство Луи-Филиппа. . . 171
- ГЛАВА V. Впечатлѣнію, произведенное отреченіемъ короля въ республиканскихъ кругахъ. Въ «National»'ѣ. Въ палатѣ депутатовъ. Герцогиня Орлеанская. Народъ проникаетъ въ палату. Временное правительство. Въ «Reform»'ѣ. Грозный видъ Гревской площади. Въ ратушѣ. Народъ требуетъ республики. Провозглашеніе республики. Ночь съ 24-го на 25-е февраля 183
- ГЛАВА VI. Республика и социализмъ. Мнѣніе К. Маркса. Гревская площадь утромъ 25-го февраля. Право на трудъ. Красное знамя. Національныя мастерскія и социальныя мастерскія Луи Блана. Министество прогресса и труда 194
- ГЛАВА VII. Бланки. Фракціи временнаго правительства и ихъ партіи. Двусмысленное поведеніе правительства. Рабочіе въ Люксембургѣ. Законъ о трудѣ. Клубы. Пресса. Выборы. Буржуазія и народная республика. Финансовыя затрудненія временнаго правительства. Надбавка въ 45% къ прямымъ налогамъ. Манифестація буржуазіи и манифестація рабочихъ 16-го и 17-го марта. 206
- ГЛАВА VIII. Революція и социальныя реформы. Кооперативное движеніе. Проектъ рабочихъ жилищъ. Люксембургская коммисія и стачки. Законопроектъ коммисіи. Національныя мастерскія и реакція; заговоръ въ нѣдрахъ самого правительства. Иноземные рабочіе. 224
- ГЛАВА IX. Революція и Европа. Возстаніе въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Волненія въ Германіи. Италія: Миланъ, Венеція. Роль Карла Альберта. Политика временнаго правительства и европейская революція. Французскій народъ и иностранные демократы. Попытка къ возстанію вольныхъ дружинъ. Жалкая тактика правительства 233
- ГЛАВА X. Демократическая республика начинаетъ расплываться. Заговоръ приверженцевъ Ледрю-Роллена. Ихъ боязнъ предъ Бланки. Въ виду того, что нельзя его вовлечь въ заговоръ, то его стараются погубить. Бланки—измѣнникъ, предатель! Подготовленія къ 16-му апр. Тенденція заговора. Неожиданный поворотъ Ледрю-Роллена къ Ламартину. Войска буржуазіи занимаютъ Гревскую площадь. Пролетаріатъ приводится въ покорность. 243
- ГЛАВА XI. Послѣдствія 16-го апрѣля. Волны реакціи бьютъ черезъ край. Страхъ предъ Бланки. Правительство старается подчинить его себѣ. Попытка временнаго правительства сдѣлаться нѣсколько популярнымъ. Праздникъ братства. Избирательная кампанія. Роль буржуазіи. Ея привилегіи, какъ центральный пунктъ полемики въ экономической литературѣ. Выборы. Возстанія въ Лиможѣ, Руанѣ и Эльбефѣ. Кровопрлитіе въ Руанѣ. Революціонный

Парижъ въ волненіи. Воззваніе Соборъ и тревожный кличъ Бланки. Побѣдившая на баррикадахъ республика терпитъ пораженіе на выборахъ. Причины неудачъ пролетаріата и прогрессивныхъ партій 254

ГЛАВА XII. Первое засѣданіе національнаго собранія. Республика и національное собраніе. Докладъ членовъ правительства. Поведеніе Ледрю-Роллена. Барбесъ протестуетъ противъ мѣропріятій правительства. Переговоры о министерствѣ прогресса; ненависть собранія противъ социалистическихъ идей. Возмущеніе возрастаетъ въ народныхъ кругахъ. Пораженіе нѣмецкихъ отрядовъ. «Сражаются въ Польдѣ». Парижане воодушевляются за дѣло всѣхъ народовъ 267

ГЛАВА XIII. 15-е мая. Правительство и манифестация. Прудонъ и война. Народная масса приходитъ въ движеніе. Неприятныя событія въ національномъ собраніи. Бланки на мгновение беретъ верхъ надъ адскимъ шумомъ. Объясненіе Барбеса. Национальное собраніе объявляется распущеннымъ. Революціонное правительство въ ратушѣ. Соборъ получаетъ портфель министра внутреннихъ дѣлъ. Коссидьеръ и правительство. Приготовленіе къ бою въ префектурѣ. Послѣдствія 15-го мая. Разнузданность реакціи. Арестъ Бланки. Мнѣніе Маркса относительно 15-го мая. 276

ГЛАВА XIV. Празднество, доставившее большое удовольствіе парижанамъ. Реакція обостряется. Ламартинъ теряетъ свою популярность. Политическое безсиліе Ледрю-Роллена. Отрѣшеніе отъ должности гражданскихъ комиссаровъ республики. Парламентскія группы. Ген. Кавеньякъ—военный министр. Ходъ революціи въ Европѣ 287

ГЛАВА XV. Луи-Наполеонъ Бонапартъ. Выборы 4-го іюня. Наполеоновская легенда. Таинственное происхожденіе Луи-Наполеона. Попытка возстановить имперію кончается очень смѣшно. Бонапартистская партія и ея агитация. Пьеръ Леру и Прудонъ въ національномъ собраніи. Парламентская борьба изъ-за допущенія Луи Наполеона Бонапарта 299

ГЛАВА XVI. 3-хъ мѣсячный срокъ довѣрія истекаетъ. Признаки нетерпѣнія и возмущенія. Агитация среди рабочихъ. Волненія въ деревнѣ. Взаимная ненависть и жажда крови усиливаются. Направленіе газетъ. Национальныя мастерскія и реакція. Первые ограничительныя мѣропріятія. «Нужно дѣлу положить конецъ!» Рѣшеніе примѣнить къ рабочимъ насильственные мѣры и отправить ихъ въ провинцію. «Мы не пойдемъ!» Рабочія массы маршируютъ съ угрозами по Парижу. Сюжоль и Мари. На площади Пантеона рѣшено приступить къ военнымъ дѣйствіямъ. 312

ГЛАВА XVII. Приготовленія къ бою. Исполнительная коммиссія и Кавеньякъ. Национальная гвардія и гвардія мобилей. Клевета. Начало боя. Баррикады на бульварѣ «Bonne Nouvelle». Араго въ Пантеонѣ. Национальное собраніе хочетъ воевать не на жизнь, а на смерть. Кавеньякъ въ сраженіи при входѣ въ предмѣстье Тампль. Генераль Бедо оперируетъ противъ Cite-Insel квартала Пантеонъ. Слабость нападенія. Парижъ вечеромъ 23-го іюня. . . 323

ГЛАВА XVIII. Возстаніе утромъ 24-го іюня. Лихорадочное возбужденіе въ національномъ собраніи. Кавеньякъ—диктаторъ. Осадное положеніе. Прокламація. Крайнее напряженіе силъ войска. Бой въ

недовѣріе. Отступленіе кабинета, составленіе виѣпарламентскаго министерства. Отказъ Бонапарту въ новыхъ денежныхъ требованіяхъ. Петиціи въ пользу пересмотра конституціи. Антипарламентское министерство 10-го апрѣля 1851 г. Предложеніе о пересмотрѣ. Рѣчь Бонапарта въ Дижонѣ. Отвѣтъ Шангарнье. Предложеніе о пересмотрѣ отклоняется. Остерочка засѣданій національнаго собранія съ 10-го августа на 4-е ноября 1851 г. Ген. Маньянь и полковникъ Віэйра. Министерскій кризисъ. Назначеніе бонапартистскаго министерства Гориньи съ С. Арно въ качествѣ военнаго министра 26-го октября. Мопя — полицейскій префектъ Сенскаго департамента. Возобновленіе засѣданій національнаго собранія. Посланіе Бонапарта требуетъ отмѣны законовъ 31-го мая 1850 г. Національное собраніе не видитъ необходимости въ восстановленіи общаго избирательнаго права и 13-го ноября отклоняетъ законопроектъ. Равнымъ образомъ было отклонено предложеніе квесторовъ (внутренняя охрана парламента) стянуть войска для защиты собранія. Послѣднія дѣйствія національнаго собранія. Вечеромъ наканунѣ государственнаго переворота. 426

ГЛАВА XXIX. Военныя приготовленія къ государствен. перевороту «Елисейскіе братья»: Морни, Флери, Персиныи, С-Арно, Маньянь, Мопя. Шутка полковника Ферэ. Планъ Карлье. Сентябрьскій планъ. Въ полночь съ 1-го на 2-е дек. въ Елисейскомъ дворцѣ. Въ національной типографіи. Въ полицейской префектурѣ. Арестъ Шангарнье, Кавеньяка, Ламорисьера, Бедо, Шарра, Тьера. Эспинасъ и квесторы Леффо и Вазъ. Морни получаетъ портфель министра внутр. дѣлъ. Прокламаціи Бонапарта. Первое впечатлѣніе, которое произвелъ государственный переворотъ на рабочихъ. Дюпанъ и народные представители въ Бурбонскомъ дворцѣ. Засѣданіе національнаго собранія въ меріи 10 округа. Ихъ рѣшенія и распушеніе. Арестъ монархистовъ. Верховный судъ и Бонапартъ. Облѣздъ и трусливость Бонапарта. Тайныя собранія «Горы». Въ предмѣстьи С.-Антуанъ утромъ 3-го декабря. Смерть Бодэна. Послѣобѣденная манифестація на бульварахъ. Почъ съ 3-го на 4-е дек. въ Елисейскомъ дворцѣ. Отозваніе войска. Предостереженіе, чтобы не останавливались на улицахъ. Нападеніе войска въ 2 часа пополудни. Избіеніе любопытныхъ. Бой на баррикадахъ въ центрѣ. Геройская смерть молодого Дюссе и его товарищей. Ночной бивуакъ войска. Рѣзня плѣнныхъ. Никто не знаетъ числа жертвъ. Декретъ объ изгнаніи отъ 8-го декабря. Попытки къ возстанію въ средней, восточной и южной Франціи. Тенденціозная ложь и бонапартистскія газеты. Управленіе ужаса. Выборы 20—21 дек. 1851 г. Молятва подъ новый годъ въ соборѣ Парижской Богоматери и благословеніе паны. Дѣятельность смѣшанной комиссіи. Пересмотръ приговоровъ Конпроберомъ, Эспинасомъ и Кентеномъ Бошаромъ. Сверху данная конституція и законы. Цивильный листъ Бонапарта. Его императорскія путешествія. Народное голосованіе 21-го ноября 1852 г. Возстановленіе имперіи. 446

только нѣкоторые были осуждены на многіе годы тюремнаго заключенія.

Въ октябрѣ 1821 г. происходили новыя выборы въ палату депутатовъ и благодаря новому избирательному закону значительно усилили ряды ультра-роялистской партіи, которая задумала теперь опрокинуть министерство Ришелье. Разлученный со своимъ любимцемъ Деказомъ, Людовикъ XVIII въ это время находился въ любовной связи съ очень хитрой и благочестивой красавицей, г-жей дю-Кэйля. Последняя служила ловкимъ орудіемъ въ рукахъ конгрегаци, и онѣ въ союзѣ съ графомъ Артуа такъ опутали старѣющагося короля, что уже въ декабрѣ сломали его упрямство и Ришелье получилъ отставку. Вновь составленное министерство съ виконтомъ Монморанси во главѣ состояло исключительно изъ членовъ ультра-роялистской партіи. Самымъ вліятельнымъ лицомъ въ этомъ министерствѣ былъ министръ финансовъ Виллель.

Уже въ началѣ 1820 г. революціонные союзы, которые были распущены послѣ неудачной попытки военнаго заговора въ предыдущемъ году, не только реорганизовались, но значительно расширили кругъ своей дѣятельности. Два наиболѣе важныя изъ этихъ тайныхъ обществъ образовались совершенно независимо другъ отъ друга. Центръ одного находился въ Сомюрѣ и называлось оно «Рыцари свободы». Этотъ союзъ имѣлъ свои развѣтвленія по всей Луарѣ и насчитывалъ отъ 30 до 40 тысячъ членовъ. Онъ задавался цѣлью въ моментъ революціи поднять восточныя провинціи Франціи. Второю союзъ былъ основанъ въ Парижѣ по образцу тайныхъ обществъ итальянскихъ карбонаріевъ тремя молодыми таможенными чиновниками: Базаромъ, Бюше и Флотаромъ. Во главѣ этого общества стояла «Высокая вента» (т. е. ложа карбонаріевъ), состоявшая изъ семи членовъ: кромѣ упомянутыхъ 3-хъ, еще четыре — молодые чиновники и студенты Дюжье, Карриоль, Жуберъ и Лимперани. Члены «Высокой венты» организовали довольно много «центральныхъ вентъ», каждая въ 20 чел. Каждый изъ членовъ центральной венты старался въ свою очередь основать «особую венту» тоже въ количествѣ 20 человекъ. Эта сѣть все расширялась по мѣрѣ роста революціонной энергіи организации. Обязанности карбонарія заключались въ томъ, что онъ долженъ былъ добыть себѣ оружіе и 50 патроновъ и быть готовымъ въ любой моментъ по приказанію неизвѣстнаго ему до поры до времени начальника принять участіе въ возстаніи. Съ немовѣрной быстротой распространился этотъ заговоръ по всему Парижу и большей части восточныхъ департаментовъ, а полиція и не подозрѣвала объ его существованіи. Ихъ цѣль

шой популярностью въ массѣ, апеллируя къ его великодушью, чтобы внушить населенію уваженіе къ закону и успокоить разыгравшіяся страсти. Этотъ маневръ удался и черезъ нѣсколько дней уже исчезли послѣдніе слѣды волненія.

Этимъ счастливымъ исходомъ правительство въ значительной степени было обязано Лафайету, какъ главнокомандующему всѣми военными силами столицы. Палата депутатовъ начала побаиваться популярности и вліянія «героя стараго и новаго свѣта». 24-го декабря было отмѣнено званіе главнокомандующаго національной гвардіей королевства и Лафайетъ былъ косвеннымъ образомъ смѣщенъ. Онъ отнесся къ этому, принятому въ его отсутствіи рѣшенію, какъ къ личному оскорбленію, подалъ прошеніе объ отставкѣ и съ этого момента перешелъ такъ же къ оппозиціи. Командованіе національной гвардіей Пэрижа было передано генералу Лобо.

Моральное значеніе этой вынужденной отставки Лафайета было гораздо больше, чѣмъ предполагала палата и дворъ. Министръ юстиціи сейчасъ же подалъ въ отставку; она была принята съ удовольствіемъ, такъ какъ въ немъ больше не нуждались. Его примѣру послѣдовалъ полицейскій префектъ Трейляръ, участникъ июльскихъ событій, бывший въ подозрѣнну двора благодаря своимъ сношеніямъ съ республиканской партіей. Народомъ же приговоръ противъ ex-министровъ Карла X и почти одновременная отставка Лафайета, Дюпона и Трейляра были поняты, какъ доказательство все возрастающей реакціи.

Среди всеобщаго возбужденія, охватившаго почти всю Европу, благодаря июльской революціи, которая нашла себѣ непосредственный откликъ въ Бельгій, Германіи, Италіи, Ненаніи и Польнѣ, Луи-Филиппъ сталъ въ тиши укрѣплять позицію своей династіи. Онъ воспользовался ослабленіемъ легитимистской партіи, вожди которой носились съ мыслью о возвращеніи Генриха V и считали себя настолько сильными, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ сдѣлать смотръ своимъ силамъ. Они считали наиболѣе подходящимъ моментомъ для этой цѣли 14-е февраля, годовщину смерти герцога Беррійскаго. Легитимистскія газеты «Gazeta de France» и «Quotidienne» возвѣстили, что въ этотъ день будетъ отслужена панихида въ церкви Saint Germain l' Auxerrois и что все С.-Жерменское предмѣстье и вообще всѣ, которые раздѣляютъ ихъ политическія воззрѣнія, пусть присоединятся къ этому торжественному акту.

Печальная церемонія уже приходила къ концу, когда одинъ молодой энтузіастъ подошелъ къ катафалку, возвышающемуся среди церкви и возложилъ на него портретъ Генриха V, гер-

еще не имѣло представленія о томъ, что оно находится на краю гибели. Вліятельные реакціонеры думали только о томъ, какъ бы имъ онять приобрѣсти расположеніе короля, на котораго произвела такое впечатлѣніе сдѣланная ими уступка. Они осыпали организаторовъ банкета цѣлымъ градомъ упрековъ: послѣдніе, молъ, усвоили тактику инсургентовъ, осмѣливались посягнуть на права верховной власти и обратились за помощью къ національной гвардіи и народу. Всѣ эти измышленія консерваторы пустили въ ходъ для того, чтобы замаскировать свой отказъ отъ даннаго ими слова. Морни и Витѣ сейчасъ же извѣстили Одилона Барро объ измѣнившемся настроеніи правительства. Это привело его и Дюверже въ большое смущеніе. Они предложили составить объяснительную записку, которая смягчила бы значеніе этой программы и ясно указала, что, приглашая къ участию національную гвардію, они руководствовались исключительно желаніемъ сохранить порядокъ во время банкета. Графъ Морни поспѣшилъ съ этимъ заявленіемъ къ Гизо и Дюшателю, но онъ встрѣтилъ съ ихъ стороны однѣ только насмѣшки.

Между тѣмъ на улицахъ Парижа появились войска; съ утра до поздней ночи они двигались по разнымъ направленіямъ. На стѣнахъ домовъ появились официальные извѣщенія. Въ одномъ изъ нихъ полицейскій префектъ заявляетъ о запрещеніи банкета; въ другомъ онъ предписываетъ парижскому населенію не собираться въ процессіи. Третье извѣщеніе гласило, что начальникъ національной гвардіи, генераль Жакмино, запрещаетъ національнымъ гвардейцамъ участвовать въ банкетѣ.

Трудно себѣ представить болѣе жалкую роль, чѣмъ ту, какую играла парламентская оппозиція во время этихъ событій. Правда, Одилонъ Барро интерpellировалъ министерство и требовалъ снятія запрещенія, но все его поведеніе обнаруживало страхъ и неувѣренность. Онъ боялся взять на себя отвѣтственность за предполагаемую манифестацію; съ другой стороны— у него не хватало мужества отклонить ее отъ себя. Онъ въ общемъ производилъ впечатлѣніе школьника, котораго строгій учитель накрылъ на предосудительной шалости.

21-го февраля въ 5 ч. пополудни собрались депутаты оппозиціи у Од. Барро, чтобы обсудить вопросъ о томъ, какой имъ слѣдуетъ принять образъ дѣйствій. Дебаты были непродолжительные, но очень горячіе. Тѣрь дрожащимъ отъ страха голосомъ доказывалъ, что бороться съ правительствомъ невозможно, что теперь уже рѣчь идетъ не о манифестаціяхъ, а о возстаніи, которое нельзя допустить. Большая часть руководителей оппозиціи соглашалась съ нимъ, одинъ только Ламартинъ, возмущенный вызывающимъ образомъ дѣйствій министерства, въ замѣ-

Ламартина побороники регентства увидѣли, что обманулись въ своихъ надеждахъ. «Меня тоже сильно волнуетъ это трогательное зрѣлище», началъ онъ, «но я съ наименьшимъ уваженіемъ отношусь къ побѣдоносному народу, который уже въ теченіе трехъ дней ведетъ борьбу, чтобы свергнуть вѣроломное правительство», и онъ закончилъ свою рѣчь, требуя немедленнаго учрежденія временнаго правительства. Ламартинъ былъ увѣренъ, что въ послѣднемъ онъ будетъ вліятельнымъ лицомъ.

Въ этотъ моментъ вторично раздался громовой ударъ оружейными прикладами въ дверь и въ залу засѣданія ввалилась еще большая толпа инсургентовъ съ засученными рукавами, обнаженной грудью и, бряцая оружіемъ, воскликнула: «Долой палату! Не нужно больше депутатовъ! Вонъ продажныхъ! Да здравствуетъ республика!» Одинъ изъ толпы прицѣлился въ Ламартина, все еще стоявшаго на трибунѣ, но находившійся по близости рабочій крикнулъ ему: «Стой! Это Ламартинъ» и ударомъ кулака направилъ выстрѣлъ вверхъ. Другой подошелъ къ президенту и сорвалъ съ него шляпу, которую тотъ надѣлъ въ знакъ того, что собраніе закрыто и крикнулъ: «Президентъ продажной шайки! Маршъ отсюда!» Сосе моментально исчезъ. Депутаты также разбѣжались въ разныя стороны. Герцогиня и ея дѣти были увлечены общимъ потокомъ бѣгущихъ.

Во время этой суматохи Ламартину наконецъ послѣ долгихъ усилій удалось заставить народъ себя выслушать. Онъ прочелъ списокъ новаго правительства. Тамъ значились слѣдующія имена: *Франсуа Араго*, *Дюпонъ* (де л'Ерв), *Ледрю-Ролленъ*, *Ламартинъ*, *Мари*. Повидимому, эти имена были встрѣчены сочувственно. Дюпонъ, занявшій президентское кресло, еще разъ прочелъ этотъ списокъ, но къ голосованію еще не приступили. Раздался голосъ: «Въ ратушу съ Ламартиномъ во главѣ!» Ламартинъ послѣдовалъ этому призыву и тронулся въ путь въ сопровожденіи громадной толпы народа и многихъ депутатовъ радикальной лѣвой.

Послѣ ухода Ламартина Ледрю-Ролленъ овладѣлъ трибуной и, стараясь перекричать толпу, указалъ, что провозглашеніе временнаго правительства есть актъ величайшей общественной важности, что онъ еще разъ прочтетъ списокъ кандидатовъ и если этотъ списокъ понравится собранію, то пусть голосуетъ словами «да» или «нѣтъ». Онъ прочелъ: «*Дюпонъ де л'Ерв* (да, да!), *Араго* (да, да!), *Ламартинъ* (да, да!), *Ледрю-Ролленъ* (да, да!), *Гирье-Шаже* (да, да, нѣтъ! голосъ: «бѣдняга уже умеръ! *), *Мари* (да, да! нѣтъ!) *Кремье* (да, да!). «На вновь

*) Это была ошибка. Умеръ его братъ, бывший очень честнымъ республиканцемъ.

ственныхъ должностей, прежде всего, министерствъ. *Дюлонъ де л'Ерв* былъ утвержденъ въ званіи министр-президента, *Ламартинъ* — министромъ иностранныхъ дѣлъ, *Кремье* — министромъ юстиціи, *Франсуа Араго* — морскимъ министромъ, *Мари* — общественныхъ работъ, *Гарнье Паже* — меромъ Парижа, *Косидьеръ* — префектомъ полиціи и *Этьенъ Араго* — главнымъ почтъ-директоромъ. Позже *Карно* былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія, адвокатъ *Бетмонъ* — министромъ торговли и генералъ *Сюберви*, старый волонтеръ 1792 г., — военнымъ министромъ, *Куртус*, бывшій офицеръ, получилъ начальство надъ національной гвардіей. Завѣдываніе финансами сначала было поручено банкиру *Гудно*, позже — *Гарнье Паже*.

Короткое время спустя послѣ начала совѣщанія оиять замѣтно стало оживленіе въ залѣ С.-Жана, одной изъ большихъ залъ ратуши, предназначенной для торжественныхъ случаевъ. Явились выбранные въ «Reforme» и утвержденные «National»'емъ новые члены временнаго правительства: Флоконъ, Марра, Луи Бланъ и Альберъ. Маленькаго Луи Блана, который едва не былъ раздавленъ во время давки въ толпѣ, сильные рабочіе вынесли на своихъ плечахъ и доставили въ ратушу. Вновь прибывшіе также считали необходимымъ, чтобы ихъ избраніе было одобрено народомъ. Луи Бланъ, все еще сидя на плечахъ рабочихъ, говорилъ о преимуществахъ республиканскаго образа правленія. Онъ въ немъ видитъ единственную форму общежитія, обезпечивающую за пролетаріатомъ возможность вполне наслаждаться плодами своихъ трудовъ и достигнуть полной гражданской свободы. Эти слова были встрѣчены громовымъ крикомъ: «Да здравствуетъ социальная республика!» Въ это время пришелъ Флоконъ; онъ цѣлкомъ присоединился къ мнѣнію своего товарища по перу. Народъ такимъ образомъ открыто выразилъ свои симпатіи Луи Блану и Флокону. Ихъ коллеги по управленію страной, напротивъ, были не очень то довольны ихъ приходомъ. Араго и Кремье даже не скрывали этого и прямо заявили имъ, что они не имѣютъ права на участіе въ министерствѣ. Правительство, дескать, уже конструировалось, и для новыхъ членовъ нѣтъ больше мѣста. На это Луи Бланъ возразилъ, что если они и были выбраны въ Вурбонскіи дворцы, то, какъ потомъ самъ призналъ Кремье, это было сдѣлано въ *палатѣ*, а не *палатой*. Все же, что имѣло отношеніе къ палатѣ, было уничтожено народомъ. Луи Бланъ говорилъ очень рѣзко и рѣшительно, указывая рукой на площадь, переполненную повстанцами, и угрожалъ, что онъ будетъ апеллировать къ народу. Если бы Луи Бланъ выполнялъ свою угрозу, то новое прави-

леномъ, былъ очень сильно проникнуть чувствомъ собственного достоинства. Онъ необдуманно пустилъ въ ходъ такія фразы, которыя поставили его въ еще болѣе ложное положеніе.

Буржуазія никогда не прощаетъ политику двусмысленнаго отношенія къ ея классовымъ интересамъ, это скоро долженъ былъ почувствовать и Ледрю-Ролленъ, постоянно колебавшійся между революціей и реакціей.

Луи Блану также не повезло въ собраніи, его появленіе на трибунѣ было встрѣчено громкимъ шиканьемъ. Онъ не могъ указать на практическіе результаты своего руководства Люксембургской комиссіей, а что же касается его обѣщаній и надеждъ на ассоціаціи и организацію труда, то собраніе не хотѣло и не могло ихъ понять.

Естественно, что временное правительство потеряло всю свою власть, когда состоялось первое засѣданіе національнаго собранія. Послѣ того, какъ члены правительственной коллегіи прочли свои доклады, народные представители сейчасъ же приступили къ назначенію новой исполнительной власти. Такіе политическіе дѣятели, какъ Луи Бланъ, Альберъ и даже Ледрю-Ролленъ, не пользовались симпатіями большинства національнаго собранія. Это настроеніе выразилось въ словахъ депутатовъ Рефно, Трела и Дорне, предложившихъ выбрать пятичленную исполнительную комиссію, функционирующую въ качествѣ временнаго учрежденія, пока конституція не опредѣлитъ характера исполнительной власти. Эта комиссія должна по своему усмотрѣнію выбрать отвѣтственное министерство. Это предложеніе было принято безъ возраженій. Иначе обстояло дѣло, когда поднялся вопросъ о составѣ комиссіи. О Луи Бланѣ и Альберѣ, конечно, не было и рѣчи, точно также и о Ледрю-Ролленѣ. Проникнутая буржуазнымъ духомъ партія «National'a», во что бы то ни стало хотѣла исключить послѣдняго изъ правительства, и собраніе вполне раздѣляло ея мнѣніе. Въ бюро (отдѣленіяхъ) національнаго собранія его кандидатура была безусловно отвергнута. Въ защиту Ледрю-Роллена выступилъ Ламартинъ. Трудно рѣшить, что побудило его къ этому, простое ли великодушіе или мысль, что ему трудно будетъ удержаться у власти безъ Ледрю-Роллена, который все еще пользовался вліяніемъ въ извѣстной части французской демократіи. Вѣроятно же всего, что и то и другое.

Національное собраніе подчинилось желанію Ламартина, но отомстило ему по своему: «великій человекъ временнаго правительства» получилъ меньше голосовъ, чѣмъ остальные его коллеги. Араго былъ выбранъ 725 голосами, Гарнье-Паже — 705, Мари — 702, а Ламартинъ только 645. За Ледрю-Роллена было подано 458 голосовъ.

дворца и на бульварахъ. При встрѣчахъ съ депутатами изъ толпы раздавались крики: «Долой Тьера! Долой депутатовъ! Да здравствуетъ Наполеонъ! Nous l'aurons, Napoleon!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Три мѣсяца довѣрія, которое въ лицѣ Марша было выражено временному правительству парижскимъ пролетаріатомъ, приходили уже къ концу. Конечно, этотъ вопросъ довѣрія никогда не носилъ характера опредѣленнаго договора между правительствомъ и народомъ. Въ дѣйствительности это было не больше, какъ красивая риторическая фигура, которая потомъ порядкомъ была использована писателями и ораторами. Тѣмъ не менѣе онъ до извѣстной степени вѣрно отражалъ фактическое положеніе вещей. Когда высшая власть въ столицѣ оказалась въ рукахъ народа, когда народныя массы заполнили площадь передъ ратушей и выразили желаніе придать республикѣ характеръ, соотвѣтствующій ихъ насущнымъ потребностямъ, въ это время, дѣйствительно, господствовало мнѣніе, что правительство, обязанное быть «народнымъ», такъ какъ оно учреждено было только народомъ, будетъ дѣйствовать въ интересахъ народа, чтобы создать для него лучшія, болѣе человѣческія условія существованія.

Проходили дни, мѣсяцы и вмѣсто серьезныхъ реформъ раздавались все пустыя словопренія. Въ началѣ казалось, что рабочему вопросу, дѣйствительно, придаютъ крупное политическое значеніе. Изъ потока официально-народолюбивыхъ рѣчей, съ довольно ясно обозначившимся демагогическимъ характеромъ выгодно выдѣлялся искренній голосомъ Люксембургской комиссіи. Но вскорѣ рабочіе съ горечью должны были убѣдиться, что ихъ обманули. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ послѣ февральской революціи, вызвавшей такъ много надеждъ у французскаго пролетаріата, какъ на горизонтѣ опять появились грозныя тучи и въ воздухѣ занало грозой.

За правительственными кулисами къ этому времени были уже почти закончены всѣ приготовленія, чтобы, когда народъ настойчиво потребуетъ исполненія торжественныхъ обѣщаній, отвѣтить ему штыками и пушками. День генеральнаго сраженія между правительствомъ и народомъ приближался съ роковой быстротой. Въ началѣ іюня всыхнули стачки въ цѣломъ рядѣ производствъ. Еще 25-го мая забастовали шляпочники, за

сказали: мы имѣемъ право жить въ трудѣ, а вы имъ отвѣтили: мы имѣемъ право оставить васъ умирать или вы должны работать такъ, какъ мы этого желаемъ. Они прибавили: мы своей кровью завоевали свободу, и хотимъ оставаться свободными: вы же имъ отвѣтили: вы опять сдѣлаетесь рабами. Они говорили вамъ о справедливости, а вы въ отвѣтъ на это насмѣшливо указали имъ на штыки!.. Поэтому мы объявляемъ вамъ, что права человѣка нарушены и мы уничтожимъ власть кровопийцъ и эксплуататоровъ.

Отъ этихъ словъ уже вѣяло грозой. Кто съѣтъ вѣтеръ тотъ долженъ жать бурю!

«Между тѣмъ», рассказываетъ Викторъ Мару, «созванная министромъ Трела комиссія національных мастерскихъ высказалась за то, чтобы помочь рабочимъ ассоціаціямъ заселить Алжиръ, устроить кассы взаимопомощи и чтобы законъ о соединенныхъ должностяхъ былъ измѣненъ. Кромѣ того должна быть отпущена сеуда для уплаты рабочимъ и сдѣланы заказы крупнымъ торговцамъ и промышленникамъ; фабриканы получаютъ вывозныя преміи и гарантіи для извѣстныхъ видовъ производства. Для этого комиссія требовала кредитъ въ 200,000,000 франковъ.

Двѣсти милліоновъ для того, чтобы избѣгнуть гражданской войны! Но реакціонное національное собраніе, конечно, и слышать объ этомъ не хотѣло,—оно рѣшительно отвергло проектъ комиссіи. Оно рѣшило отпустить 3 милліона и немедленно распустить національныя мастерскія.

21-го іюня распространилась вѣсть о распоряженіи исполнительной комиссіи, что всѣ рабочіе національных мастерскихъ въ возрастѣ отъ 18 до 25 лѣтъ должны сейчасъ же поступить въ ряды арміи или же приготовиться къ отъѣзду въ департаменты, которые имъ будутъ указаны, чтобы посвятить себя землянымъ работамъ. Этотъ декретъ переполнилъ чашу терпѣнія. Вездѣ раздавались крики: «Мы не пойдёмъ, они хотятъ задушить республику. Они хотятъ, чтобы мы погибли отъ лихорадки въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, они хотятъ понизить нашу плату до 15 су въ день. Намъ ставятъ ни во что, намъ осуждаютъ на смерть вмѣстѣ съ нашими семьями... мы не пойдёмъ!»

Столица опять превратилась въ арену импровизированныхъ собраний, этихъ предвѣстниковъ великаго народнаго возстанія. Докладъ слѣдственной комиссіи о іюньскихъ событіяхъ гласить: «Толпы народу расхаживали по улицамъ съ криками: Мы не пойдёмъ, мы не пойдёмъ! Долой Тьера, долой Мари, долой Ламарина! Да здравствуетъ Барбесъ! Да здравствуетъ республика! Проры-

коопераціямъ безъ вреда для свободы договоровъ труда, постановило:

«1. Открыть кредитъ въ три милліона франковъ министерству земледѣлія и торговли для распредѣленія этой суммы между товариществами, состоящими только изъ рабочихъ или въ союзѣ съ мастерами и основанными на началахъ свободнаго договора.

«2. Эта сумма должна выдаваться въ видѣ ссуды по усмотрѣнію назначеннаго министромъ чиновника (conseil d'encouragement) на установленныхъ этимъ чиновникомъ условіяхъ.

«3. Ежегодно долженъ быть сдѣланъ докладъ національному собранію о распредѣленіи этой суммы».

Итакъ, правительство пожертвовало три милліона для поддержки кооперативныхъ товариществъ. Оно оказалось не очень то щедрымъ, хотя рѣчь шла о предпріятіи, отвѣчающемъ, такъ сказать, его интересамъ. Іюльская монархія для того, чтобъ поставить на ноги предпринимателей, дѣла которыхъ шли довольно вяло, отпустила тридцать милліоновъ.

Этотъ законопроектъ встрѣтилъ въ національномъ собраніи только слабое противодѣйствіе. Какъ онъ, такъ и законопроектъ о реорганизаціи ремесленныхъ третейскихъ судовъ, были приняты почти единодушно, такъ какъ они не заключали въ себѣ намека на измѣненіе существующей общественной организаціи или посягательства на собственность привилегированныхъ. Не возражали даже извѣстные своимъ тупымъ индивидуализмомъ депутаты, всегда возстававшіе противъ всякихъ мѣропріятій, хотя бы только напоминающихъ идею кооперативнаго хозяйства, считая кооперацию карикатурой производства, попыткой уничтожить капиталистическую эксплуатацію. Они были увѣрены, что эти попытки кончатся неблагопріятно для рабочихъ и поэтому послужатъ въ будущемъ благопріятнымъ матеріаломъ для борьбы со всѣмъ этимъ движеніемъ. «Не три милліона,» воскликнулъ тогда Тьеръ, «а двадцать милліоновъ нужно было отъ насъ потребовать, да, двадцать милліоновъ, и мы охотно бы ихъ дали, потому что это была бы совсѣмъ недорогая цѣна за блестящій опытъ, который васъ всѣхъ отучилъ бы отъ этой великой глупости.»

Всѣ существующія ассоціаціи естественно хотѣли воспользоваться ассигнованными тремя милліонами. Спеціальная комиссія, занимавшаяся распредѣленіемъ этой суммы, выработала нормальный уставъ, который и былъ разосланъ всѣмъ товариществамъ, просившимъ о поддержкѣ. Выбранная ею юридическая форма была заимствована у существующей уже много лѣтъ ассоціаціи золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которая сводится въ су-

собрания при ужасномъ шумѣ и въ виду серьезной опасности говорилъ такъ же спокойно, какъ въ своемъ клубѣ среди своихъ друзей. Онъ замѣчательно ловкій ораторъ, такъ что генеральный прокуроръ Баронъ совѣмъ не досрочъ до такого противника». Тамъ же Дюма замѣчаетъ: «Распайль, можетъ быть, самая интересная личность среди нашихъ февральскихъ революціонеровъ. Въ его «l'Ami du peuple» самымъ причудливымъ образомъ медицина переплетается съ политикой. Барбесъ, этого Баярдъ демократіи, какъ его называютъ его друзья, удивляетъ своимъ великодушіемъ. Онъ не защищаетъ, считая это несомнѣемымъ со своимъ достоинствомъ, онъ только защищаетъ своего друга Луи Блана. Онъ вызываетъ къ себѣ интересъ, какъ человѣкъ, полный энергіи, молодости и жизненныхъ силъ».

Дѣйствительно, обвиняемые устроили изъ скамьи подсудимыхъ нѣчто въ родѣ трибуны, съ которой они обращались съ рѣчами больше къ народу, чѣмъ къ судьямъ. Эта тактика выразилась въ гордыхъ словахъ, которыя Бланки бросилъ 30-го марта въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій суда: «Если я шагъ за шагомъ защищалъ свое поведеніе, то я дѣлалъ это не изъ боязни передъ этой аудиторіей, которая въ моихъ глазахъ равняется нулю. Мои слова—не юридическія хитросплетенія, такъ какъ я здѣсь никого не считаю въ правѣ судить меня. Я только апеллирую къ націи, чтобы разоблачить обманъ и несправедливость, которыя могли бы сравниться съ самыми гнусными процессами англійской реставраціи». Ту же мысль высказалъ нѣсколькими днями раньше Собръе: «Я нахожусь здѣсь не какъ обвиняемый, а какъ обвинитель».

Во время этой великой борьбы, которую революціонная демократія вела въ судѣ противъ реакціонной буржуазіи, разыгрался одинъ эпизодъ, который на нѣкоторое время лишилъ этотъ процессъ его героическаго характера и ясно показалъ глубокой расколъ, существовавшій въ рядахъ соціальной демократіи. Тюрьма и общія страданія не могли сблизить Бланки съ Барбесомъ. Пожалуй, тюрьма еще больше обострила ихъ взаимную ненависть.

Бланки какъ-то заговорилъ о трусливыхъ и коварныхъ средствахъ, которыя пускались въ ходъ для того, чтобы его погубить: «На меня старались натравить темныя силы страны, противъ меня разжигали смертельную ненависть. Чтобы меня опорочить, пустили въ ходъ инсинуаціи о 12-мъ мая 1839 г. Насъ было тогда только двое, мы теперь оба здѣсь на лицо: одинъ, который себя не защищаетъ...» При этихъ словахъ Барбесъ прервалъ его гнѣвнымъ крикомъ: «Я запрещаю вамъ говорить обо мнѣ», на что обвиняемый Флоттъ, глубоко возмущенный,

поднялись подъ руководствомъ старшаго гласнаго думы Рика-зали, разогнали учредительное собраніе, овладѣли Герацци и предложили великому герцогу убраться изъ Тосканы. Въ это время въ Тоскану двинулись австрійскія войска подъ начальствомъ д'Аспра и Вимифена, чтобы оказать поддержку контръ-революціи. Ливорно, оставшійся вѣрнымъ республикѣ, былъ насильно подчиненъ австрійскому игу.

Поэтому къ концу апрѣля республиканцы занимали только два пункта — Венецію и Римъ. Противъ Венеціи Австрія подготавливала правильную осаду, а противъ римской республики святой отецъ обратился за помощью къ католическимъ державамъ—Австріи, Франціи, Испаніи и Неаполю. Представители этихъ странъ собрались 30-го марта 1849 года въ Гаэтѣ на конференцію и порѣшили насильно вмѣшаться въ итальянскія дѣла.

Въ извѣстныхъ кругахъ парижскаго общества, падаю до военныхъ лавровъ, при извѣстіи о пораженіи Сардиніи раздался воинственный кличъ. Они потребовали войны во имя французскихъ интересовъ, которымъ, дескать, угрожалъ ростъ австрійскаго вліянія въ Италіи. Но правительство обращало свое вниманіе только на Римъ. Оно завистливыми глазами смотрѣло на quasi-почетную роль, которую могла взять на себя Австрія: своими собственными силами посадить опять палу на его свѣтскій престолъ, что ей было бы нетрудно выполнить послѣ того, какъ она отдѣлалась отъ Сардиніи. Одилонъ Барро понималъ, что пережитки демократизма не позволяютъ національному собранію согласиться на ассигновку кредитовъ для похода противъ римской республики, и было рѣшено добиться намѣченной цѣли окольными путями. 31-го марта, когда вопросъ объ отношеніи къ итальянскимъ дѣламъ стоялъ на очереди, Ледрю-Роленъ и другіе настаивали на вооруженной поддержкѣ стѣсенной римской республики. Въ отвѣтъ на ихъ рѣчи Одилонъ Барро и министръ иностранныхъ дѣлъ Друэнъ де л' Уй (Drouin de L' Huys) увѣряли собраніе въ мирныхъ намѣреніяхъ правительства, и большинствомъ 444 голосовъ противъ 320 было принято предложеніе Биксіо, гласившее, что собраніе представляетъ правительству полную свободу дѣйствій, при чемъ оно было уполномочено, «если интересы и честь Франціи того требуютъ, занять временно часть Италіи».

Одилонъ Барро посмѣшилъ использовать этотъ вотумъ довѣрія. 16-го апрѣля онъ предложилъ ассигновать 1.200.000 франковъ для поддержки въ боевой готовности такъ называемаго «экспедиціоннаго отряда въ Средиземномъ морѣ». Была учреждена коммисія, которая очень быстро согласилась на ассигнов-

ленныхъ позорныхъ комедій, которыя правящія сферы Франціи, начиная съ 1848 г., такъ часто разыгрывали для того, чтобы занять чѣмъ-нибудь общественное мнѣніе и отвлечь его вниманіе отъ тайныхъ интригъ, устраиваемыхъ за правительственными кулисами. Во время вышеописанной комедіи былъ въ тиши заготовленъ матеріалъ, чтобы заставить смириться непокорный Римъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Выборы въ новое законодательное собраніе были назначены на 13-е мая. Всѣ партіи и правительство очень дѣятельно готовились къ выборамъ. Возгорѣлась рѣшительная, ожесточенная избирательная борьба, которая, минуя всѣ политическіе вопросы, вращалась исключительно въ области «проклятыхъ» социальныхъ противорѣчій. Реакція выступала подъ фирмой «партіи порядка», совершенно не касаясь республиканскаго принципа. Легитимисты, орлеанисты и бонапартисты объединились подъ руководствомъ союза «Rue de Poitiers» для общей дѣятельности въ интересахъ «религіи, семьи и собственности». На другомъ социальномъ полюсѣ социалистическіе демократы соединились съ Горой; лейтъ-мотивомъ ихъ избирательной программы было возстановленіе поруганныхъ народныхъ нравъ и проведеніе социальныхъ реформъ. Промежуточное положеніе между этими крайними партіями занимали представители буржуазной республики, партія «National»¹а. Правительство, заинтересованное въ продолженіи своей антиреспубликанской политики, такъ открыто производило давленіе на выборы, что даже разсылало по провинціи списки именъ непріятныхъ ему депутатовъ, чтобы добиться ихъ провала.

Въ литературѣ велась борьба противъ социализма при помощи придуманныхъ Тьеромъ летучихъ листовъ, которые комитетомъ «Rue de Poitiers» въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ распространялись по всей Франціи. Попадались иногда довольно забавныя произведенія. Такъ, г. де Валлонъ написалъ брошюру подъ заглавіемъ «Les Partageux», въ которой онъ социализму приписываетъ намѣреніе раздѣлить всѣ наличныя богатства, и замѣчаетъ, что въ Германіи имѣется очень много приверженцевъ этого плана дѣйствій. Маршалъ Бюжо незадолго до своей смерти написалъ «Разговоры за прялкой въ Вандейской лагунѣ» («Veillées d'une chaudière en Vendée»), которыми онъ надѣялся уничтожить социалистическое теченіе, какъ въ свое время

ство Фалу-Бюжо-Фонсе и создать диктатуру. Онъ объ этомъ заявилъ съ парламентской трибуны, на что корсиканскій депутатъ Пьеръ-Бонапартъ, двоюродный братъ президента, громко отвѣтилъ: «Вы вкете!» Поднялся ужасный шумъ, который утихъ только, когда поднялся Ледрю-Ролленъ и не только поддержалъ заявленіе Консидерана, но и указалъ на двусмысленное поведеніе Шангарнье, который помогаетъ президенту въ его антиконституціонныхъ замыслахъ и, какъ начальникъ расположенныхъ въ Парижѣ войскъ, до известной степени можетъ сыграть рѣшающую роль. Затѣмъ, обернувшись къ министру-президенту Одилону Барро, онъ съ ядовитой ироніей сказалъ: «Вы говорите: мы стоимъ на стражѣ, но вы ничего не видите.... Развѣ въ первый разъ вы обманываетесь? Я полагаю, что въ прежнихъ палатахъ васъ всегда постигала такая доля. Я не утверждаю, что вы—заговорщикъ, но вы слѣпы!»

Собраніе относилось довольно сочувственно къ такимъ вылазкамъ, но онѣ не могли его воодушевить до какого-нибудь серьезнаго рѣшенія. Флоконъ, между прочимъ, также провалившійся на новыхъ выборахъ, внесъ предложеніе объ общей амнистїи, которое и было отклонено собраніемъ. Во время этихъ послѣднихъ засѣданій изъ провинціи стало прибывать много новыхъ депутатовъ, заполнявшихъ трибуну для публики и бурно, открыто выражавшихъ свои чувства по поводу разыгрывавшихся въ парламентѣ сценъ. Завязывалась пикировка между депутатами и ихъ счастливыми преемниками, которымъ депутаты кричали: «Вы слишкомъ торопитесь!»

Наконецъ, 26-го мая наступило послѣднее засѣданіе учредительнаго собранія. Президентъ Марра произнесъ торжественную похоронную рѣчь, въ которой онъ самъ охарактеризовалъ тенденціи собранія умѣренными и, какъ бы предчувствуя грядущее несчастіе Франціи, онъ закончилъ заклинаніемъ: «Отъ вашего имени я высказываю горячее желаніе, чтобы всѣ партїи высоко держали знамя конституціи, основнаго закона страны».

Спустя 2 дня, 28-го мая, было открыто законодательное собраніе. Не было и слѣда того воодушевленія, съ которымъ парижане встрѣтили 4 мая 1848 г. учредительное собраніе. Немногочисленные группы любителей, собравшихся на площади Согласія, были разогнаны пашками. Въ залѣ засѣданій также царило ледяное спокойствіе. Никто уже не считалъ нужнымъ привѣтствовать республику, какъ въ предыдущемъ году. Сейчасъ же приступили къ выборамъ президента, и тутъ партїи впервые имѣли случай помѣряться силами. Результатъ этихъ выборовъ былъ очень знаменателенъ. Трусливый и ненадежный Дюпонтъ Старшій, неоднократно занимавшій при Луи-Филиппѣ высшія государствен-

вый адвокат Руэ, который старался предупредить смущение національного собрания тѣмъ, что носилъ маску величайшей преданности и обязательно присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ съ начала до самаго конца во фракѣ и бѣломъ галстухѣ. Портфель министра финансовъ получилъ частный банкиръ Бонапарта Фульдъ, который гроборѣлъ его расположеніе, скупивъ его многочисленные векселя. Военнымъ министромъ сдѣлался одинъ изъ немногочисленныхъ еще тогда бонапартистскихъ генераловъ д' Опуль (d' Autroul); преемникомъ де Фаллу сталъ жуиръ де Парье. Постъ министра внутреннихъ дѣлъ занялъ незначительный Фердинандъ Барро, братъ экс-министра-президента. Руководство иностранными дѣлами было предоставлено французскому посланнику въ Неаполѣ Райневало а послѣ его отказа—генералу Лагиту. Министерство земледѣлія и торговли получилъ знаменитый химикъ и двусмысленный человѣкъ Дюма, министерство общественныхъ построекъ—Бино, морское министерство—Дефоссе.

На ряду съ этими министрами дѣйствовала главная креатура Бонапарта, полицейскій префектъ Карлье, котораго президентъ, какъ ловкаго сыщика, считалъ полезнымъ орудіемъ. Это былъ грубый, совершенно необразованный полицейскій, бывший тайный агентъ приспосабливаемаго Гискэ, начальника государственной охраны при Луи-Филиппѣ. Этотъ Карлье, какъ главное довѣренное лицо Бонапарта, долженъ былъ, какъ рассказываетъ Верморель въ своей книгѣ «Дѣятели 1851 г.», до известной степени предписывать новому правительству его программу дѣйствій, выставивъ въ выпущенной министромъ внутреннихъ дѣлъ прокламаціи руководящіе принципы управленія: «...Защита религіи, труда и собственности. Бдительность и строгость по отношенію къ социализму, злонамѣренной печати и упрямымъ буцтовщикамъ... Рѣчь идетъ о союзѣ общества противъ социализма; этотъ союзъ отвѣчаетъ интересамъ всѣхъ семействъ и всеобщему благу». Современная дѣйствительность представляла благодарную почву для осуществленія этихъ принциповъ.

10-го октября 1849 г. въ Версали открылось засѣданіе суда надъ инициаторами и участниками попытки къ возстанію 13-го іюля. Обвинителемъ выступилъ бывший адвокатъ Барошъ, фигурировавшій въ Буржѣ въ качествѣ прокурора въ процессѣ по дѣлу 15-го мая 1848 года. Судъ состоялъ изъ креатуръ правительства; наиболее виднымъ среди обвиняемыхъ былъ адвокатъ и членъ Горы Мишель изъ Буржа. Обвиняемыхъ было 67 человѣкъ, парламентаріевъ и артиллеристовъ національной гвардіи. Главные изъ обвиняемыхъ, между прочимъ Ледрю-Ролленъ,

рижъ, чтобы своей вновь приобретенной славой затмить блескъ старыхъ африканскихъ генераловъ.

Въ то время, какъ запутавшійся въ долгахъ С. Арно, которому къ тому же еще угрожало слѣдствіе алжирскаго суда за «беспорядки» въ департаментѣ города Орлеанвилль, ухватился за государственный переворотъ, какъ за единственный якорь спасенія, главнокомандующій парижскимъ гарнизономъ Маньянъ относился къ этому вопросу гораздо осторожнѣе. Онъ определенно оговорился, чтобы ему въ моментъ выполнения задуманнаго плана былъ данъ соотвѣтствующій приказъ, надѣясь въ случаѣ неудачи свалить свою отвѣтственность на военную дисциплину. Впрочемъ, онъ, какъ и другіе заговорщики, былъ въ долгу, какъ въ шелку, и былъ тоже матеріально заинтересованъ въ переворотѣ.

Остальныхъ генераловъ и полковниковъ, которые перешли на сторону переворота и въ октябрѣ во время перетасовки гарнизона собрались въ Парижѣ, можно раздѣлить на двѣ категоріи: отчаянные игроки и безсовѣстные грабители въ духѣ Флери, Маньяна, С. Арно, къ которымъ принадлежали де Коттъ, Ферэ, Гардеренъ, Реноль, Ронфоръ и другіе; затѣмъ честолюбцы и продажныя души, какъ д'Аллонвилль, Канроберъ, Эпинасъ, Форай, Кортъ, Марулязъ, Райбель, Таркасъ etc.

Не послѣднюю роль между «Елисейскими братьями» игралъ полицейскій профектъ Мона. Еще молодымъ человѣкомъ, 31 году отъ роду, онъ былъ назначенъ Бонапартомъ въ 1849 году префектомъ департамента Алье и два года спустя префектомъ департамента Верхней Гаронны. Тамъ онъ заключилъ въ тюрьму многихъ республиканцевъ по подозрѣнію въ социализмѣ, но за несимвниемъ какихъ-либо юридическихъ данныхъ не встрѣтилъ поддержки со стороны суда. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, онъ черезъ своихъ помощниковъ тайно подбросилъ въ ихъ дома компрометирующіе документы, оружіе, бомбы и тому подобныя вещи, но эта гнусность открылась, и послѣ громкаго скандала Бонапартъ былъ вынужденъ смѣстить его. Тѣмъ не менѣе онъ вскорѣ былъ призванъ въ Парижъ, такъ какъ Бонапартъ нуждался въ людяхъ, не останавливающихся передъ преступленіемъ для достиженія намѣченной цѣли.

Такимъ образомъ, армія и полиція находились въ надежныхъ рукахъ, чтобы клятвопреступничествомъ, попраніемъ конституціи, кровопролитіемъ и ссылкой спасти общество, которому якобы угрожала социалистическая опасность. Въ настроеніи подчиненныхъ «Елисейскіе братья» были увѣрены, такъ какъ офицеры были подеуплены радужнымъ пріемомъ въ Елисейскомъ дворцѣ, а солдаты—раздачей вина, мяса и денегъ